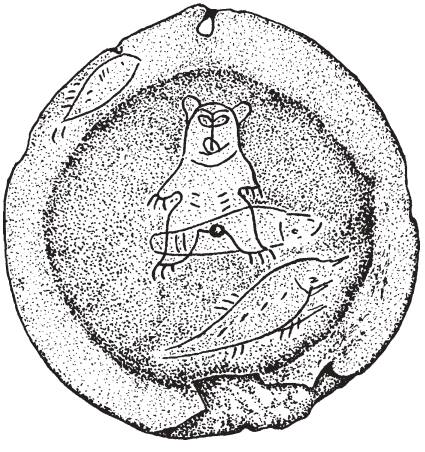
Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 8

Издательство Томского университета
Томск — Ханты-Мансийск
2010

УДК 903.2:39(Р71)
ББК 634/5
Х19

Х19 Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. **Я.А. Яковлев.** — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. 530 с.

ISBN 978-5-7511-1921-8

Восьмой ежегодник Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, как и предыдущие, включает в себя научные статьи, посвящённые широкому спектру проблем, итогов и перспектив деятельности в области выявления, сохранения, государственной охраны и использования культурного наследия в указанном субъекте Федерации. В подготовке 37 публикаций приняли участие 55 авторов из 12 городов и 17 научных, научно-производственных и культурно-образовательных организаций и учреждений. Представлены научные статьи, сообщения с краткими результатами полевых работ 2007—2009 гг., библиографическая сводка публикаций о православных храмах на территории Югры, забытое и малодоступное печатное наследие по теме сборника, рецензия на очередную книжную новинку, поздравление юбиляру.

Для археологов, этнографов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, работников органов охраны и использования историко-культурного наследия.

УДК 903.2:39(Р71)
ББК 634/5

Редактор — **Я.А. Яковлев**

Использованы фотографии:
обложка — **А.Н. Кондрашёв** (г. Ханты-Мансийск),
форзац и шмуцтитулы — **А.В. Бауло** (г. Новосибирск)

ISBN 978-5-7511-1921-8

© Я.А. Яковлев, составление, 2010
© Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2010

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

О долгосрочных программах сохранения объектов археологического наследия, расположенных в зонах хозяйственной деятельности, как одной из форм культуросберегающей деятельности в ХМАО – Югре

А.Н. Кондрашёв, Я.А. Яковлев, А.С. Дозморов
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийск
Служба государственной охраны объектов
культурного наследия ХМАО – Югры

Около половины ныне осваиваемых нефтяных и газовых месторождений Северо-Западной Сибири начало разрабатываться в те годы, когда сохранение исторического и культурного наследия, находясь де-юре в границах правового поля, де-факто было принесено в жертву экономическим показателям формирования топливно-энергетического комплекса страны. Если говорить о территории Ханты-Мансийского автономного округа, то в первую очередь жертвой оказались объекты археологического наследия. Основных причин тому было две. Во-первых, расположение этих объектов на тех же дефицитных для заболоченной Западно-Сибирской равнины и удобных для человеческого обитания возвышенных участках ландшафта, где разворачивалась и инфраструктура нефтегазовой отрасли тоже. В подавляющем большинстве случаев это кромки речных террас (попутно можно указать, что в те времена не действовало и водоохранное законодательство, что позволяло размещать промышленные объекты непосредственно на берегах водоёмов). Во-вторых, малоизученность северотаёжной территории в археологическом отношении, при которой реализация охранного законодательства в отношении историко-культурного наследия была маловероятной, если не сказать невозможной. И в итоге многие объекты археологического наследия в 1960–1980-х гг. оказались полностью или частично уничтоженными, а на других были размещены хозяйственные объекты, которые до сих пор продолжают оказывать активное прямое или косвенное негативное воздействие (вплоть до угрозы полного уничтожения) на сохранившиеся поблизости объекты культурного наследия.

В результате с 1992 г., когда Ханты-Мансийский автономный округ получил статус субъекта Российской Федерации и начал формировать собственную нормативно-правовую базу и организационную систему государственной охраны историко-культурного наследия, и особенно после 1995 г., когда в округе была введена обязательная историко-культурная экспертиза проектов проведения хозяйственных работ, сложилась парадоксальная ситуация: новые землеотводы под хозяйственное освоение обременялись требованием выявления и сохранения объектов культурного наследия, а хозяйственная деятельность на прежде обустроенных участках, угрожающая таким же объектам, не регламентировалась никак.

К тому же масштабные структурные сдвиги в политическом и социально-экономическом устройстве страны полностью заменили организационную, нормативно-правовую и имущественную форму хозяйствующих на территории округа субъектов — они акционировались. И это привело к устранению юридической ответственности новых пользователей территорий за нанесение ущерба объектам культурного наследия их предшественниками.

Меж тем проблемы примерно 300 частично разрушенных и продолжающих разрушаться объектов археологического наследия требовали неотложного решения. С правовой стороны трудность этого решения определялась тем, что в подавляющем большинстве случаев такие объекты располагаются за пределами постоянного землеотвода.

Типичная ситуация: участок городища разрезан при укладке трубопровода полосой в 20 м, из которых 15 м — это временный отвод на период строительства, а 5 м — постоянный отвод на период аренды месторождения. После завершения строительства в обе стороны от трубы до нетронутого культурного слоя городища возникает ок. 7,5 м государственной земли. Соответственно, за разрушенный на этом участке культурный слой государство и должно нести ответственность. Тем более, именно оно — государство, — являясь до акционирования собственником всех нефтегазодобывающих предприятий, само и нанесло ущерб объекту археологического наследия. И нынешний хозяин трубопровода не несёт юридической ответственности за разрушение городища

Другой пример. Выявляется факт — давно функционирующая грунтовая автодорога разрезает до десятка объектов археологии. Казалось бы, проблема легко решается прописанной в законе нормой — ограничить движение транспортных средств вплоть до полного перекрытия дороги[1] и провести охранные мероприятия. Но ни с правовой, ни с

технической стороны сделать это невозможно. И потому, что нет адресата предписания, ибо дорога в пользование не отводилась: это всего лишь бывшая лесовозная дорога, которая используется сегодня тяжёлым автотранспортом предприятия. И потому, что эта дорога является всего лишь фрагментом сети лесовозных дорог, и потому заехать на неё можно с десятка других соседних лесовозных дорог — какое здесь возможно перекрытие? А «ничейная» дорога продолжает использоваться, даже грейдероваться, что на песчаных грунтах приводит к её постоянному расширению и, соответственно, продолжению уничтожения культурного слоя.

Подобные примеры можно было бы множить, поскольку ситуации каждый раз разные. Общим было одно — одними карательными мерами заставить нынешних владельцев нефтепромысловых предприятий вкладывать деньги в спасение ранее повреждённых памятников не удастся. Необходимо было налаживать механизм сотрудничества между органом исполнительной власти автономного округа в сфере историко-культурного наследия (тогда он назывался Служба главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия), хозяйствующими субъектами и специализированными научно-производственными организациями, имеющими кадровое и нормативно-правовое обеспечение для осуществления работ по сохранению объектов культурного наследия. Первый участник должен был исполнять возложенные на него полномочия контроля за физической сохранностью объекта культурного наследия и порядком проведения работ по его сохранению, второй — включить в свой бюджет стоимость мероприятий по сохранению объекта, третий — осуществить эти мероприятия на должном методическом уровне.

Поскольку речь идёт исключительно о земляных работах, то и объектами сохранения стали только археологические памятники. К сожалению, почти единственной формой их сохранения оказались спасательные археологические полевые работы, которые законодатель предписал использовать лишь «*в исключительных случаях*»[2]. Главной причиной тому стала высокая степень разрушения объектов археологии и интенсивная хозяйственная деятельность на участках их расположения, которые, как уже было сказано, оказались вовлечёнными в промышленное освоение ещё на заре нефтегазового освоения края. Немаловажным аргументом в пользу раскопок археологического памятника «под снос» стало также отсутствие методики консервации культурного слоя, сформированного на песчаных оподзоленных грунтах

без перекрывающей сверху прочной дерновой подушки. В большинстве случаев на территории ХМАО — Югры культурные напластования объектов археологии лежат под тончайшим слоем осыпавшейся хвои и поросли ягеля и разрушаются даже от следа человека.

Итогом сотрудничества стало исполнение на территории ХМАО — Югры трёх долгосрочных и одной среднесрочной программ, соисполнителями которых и источником финансирования стали такие хозяйствующие субъекты, как ТПП «Урайнефтегаз» и «Покачевнефтегаз» (подразделения ОАО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь»), ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз» и российский филиал компании «КанБайкал резорсез Инк.».

Эти программы содержали следующие основные мероприятия:

1. Обследование современного состояния объектов культурного наследия; уточнение и дополнение имеющейся научной и учётной документации; уточнение границ и степени разрушения объектов, выявленных в результате экспертных и научных работ и находящихся в аварийном состоянии; определение объёмов спасательных археологических полевых работ. (Важный момент: на средства недропользователей было проведено обследование территорий осваиваемых ими месторождений для включения в программу объектов, выявленных и разрушенных самими же недропользователями).
2. Проведение спасательных археологических полевых работ на археологических объектах с прямой угрозой их уничтожения.
3. Проведение изыскательских работ по выявлению археологических памятников на территории месторождений (прежде всего, в зонах первоочередного освоения).
4. Разработка проектов охранных зон объектов культурного наследия.
5. Корректировка предыдущего зонирования по степени вероятности обнаружения объектов культурного наследия на территориях месторождений на основе опыта предыдущих работ и рекогносцировочного обследования.
6. Установка искусственных ограждений, препятствующих разрушению объектов культурного наследия.
7. Установка информационных знаков.
8. Определение и вынос в натуру границ объектов культурного наследия.
9. Проведение научных археологических исследований по древней и средневековой истории Югры.
10. Публикации результатов исследований объектов культурного наследия, включённых в программы.

Все программы содержали пункт, согласно которому объём работ на следующий год корректировался по результатам прошедшего полевого сезона.

Ещё одним качеством этих программ стала их долгосрочность, хотя каждая из них по отдельности, вроде бы, среднесрочна. Так, программа

ТПП «Урайнефтегаз» продлевалась уже дважды, и её нынешняя редакция содержит мероприятия до 2012 г. Переподписывалась при смене собственника в 2005 г. и программа с ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз». В 2008 г. её первая редакция была полностью реализована, и в действие вступила новая, рассчитанная до 2015 г.

Если быть точным, то обозначение документов, о которых идёт речь, словом «программа» в достаточной мере условно. По своему правовому статусу они представляют нечто среднее между программой и договором о намерениях. Источник финансирования — промпредприятие — оставил за собой право на определение объёма финансирования на грядущий полевой сезон. В таких условиях Службе охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры приходится прилагать достаточно много усилий, чтобы отстоять государственные интересы в защите культурного наследия в максимально полном объёме. Поэтому программное обеспечение мероприятий по сохранению археологических памятников силами ТПП «Урайнефтегаз» и «Покачевнефтегаз» в последнее время приходится подкреплять ежегодными дополнительными соглашениями, которые дублируют список запланированных к работам объектов на следующий полевой сезон.

Обращаясь к финансовой стороне этой проблемы, необходимо отметить два важных момента в позиции госоргана охраны памятников. Во-первых, он устранился от урегулирования с нефтяниками цены вопроса — одного из наиболее важных. Стоимостные параметры работ по сохранению объектов археологии заказчик и исполнитель обсуждали за закрытыми дверями. Во-вторых, выбор исполнителя мероприятий тоже был оставлен за заказчиком. За органом исполнительной власти были закреплены лишь законодательно объявленные полномочия контроля за качеством проводимых мероприятий и их документационное обеспечение.

Вместе с другими работами по сохранению объектов археологического наследия, которые вошли в расходную часть бюджетов недропользователей в ходе их хозяйственной и строительной деятельности, программная деятельность позволила провести достаточно крупные работы по сохранению объектов археологического наследия вне расходов из госбюджета.

Стоит с огорчением сказать, что не все переговоры с крупными хозяйствующими субъектами завершились подписанием программ. Так, осталась на стадии проекта программа с ОАО «Сургутнефтегаз», куда вошли мероприятия по сохранению 98 объектов культурного наследия.

Таблица

Динамика спасательных археологических полевых работ, проведённых за счёт недропользователей в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2004–2009 гг.

Год проведения работ	Число стационарно исследованных объектов археологического наследия	Число объектов археологического наследия, на которых были проведены спасательные археологические полевые работы за счёт недропользователей (включая программные)	Доля объектов археологического наследия, на которых были проведены спасательные археологические полевые работы за счёт недропользователей, в общем числе стационарно исследованных объектов (%)
2004	27	19	70
2005	17	10	59
2006	17	11	65
2007	40	26	65
2008	37	24	60
2009	18	17	94

Логика руководителей этого предприятия была простой: *«Да, разрушили именно мы. Но было это давно, и тогда у государства не было к нам правовых претензий. А сейчас эти объекты расположены вне территории нашего землеотвода, поэтому никакой ответственности за их сохранение мы нести не желаем»*. В госбюджете денег на эту деятельность тоже нет. Поэтому Служба государственной охраны объектов культурного наследия не оставляет попыток пробудить у сургутян чувство гражданского долга и убедить их навести порядок с объектами древних и средневековых культур на своей земле (пусть и не в рамках программных соглашений).

Некоторые стороны формирования, действия и результатов программного механизма при осуществлении мероприятий по сохранению объектов культурного наследия можно представить на конкретных примерах.

Программа ТПП «Урайнефтегаз». Ей суждено было стать первой. Направлена на сохранение объектов археологического наследия в Советском и Кондинском р-нах.

Всего на этой территории выявлено свыше 700 объектов древних и средневековых культур, 42 из них в той или иной степени разрушаются хозяйственной деятельностью (28 — объектами нефтепромысла ТПП «Урайнефтегаз», 14 — автодорогами неустановленной собственности). В 1998—2002 гг. в рамках проведения комплексных комиссий по проверке выполнения лицензионных соглашений на право пользованиями недрами сотрудники госоргана по охране и использованию культурного наследия не раз составляли акты о разрушении памятников, вносили

Ил. 1. Рабочее совещание по разработке программы мероприятий для обеспечения сохранности объектов археологического наследия, разрушающихся в результате хозяйственной деятельности (сотрудники Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры, представители ТПП «Урайнефтегаз» ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь», независимые эксперты). Кондинский р-н ХМАО — Югры. Фото Я.А. Яковлева. 2008 г.

в решения комиссий пункты о необходимости проведения аварийных археологических работ. Однако попытки заставить руководство предприятия выделить необходимые средства на проведение охранных мероприятий в тот период ни к чему не привели.

Подготовительные работы по подписанию программы длились без малого два года (с работой комиссии по выполнению лицензионных соглашений — все пять). Были организованы многочисленные встречи представителей госоргана по охране объектов культурного наследия, специалистов ООО «НАЦ «АВКом — Наследие» (г. Екатеринбург) и работников ТПП «Урайнефтегаз», причём в числе последних присутствовали не только руководители, но и специалисты среднего звена (маркшейдеры, сотрудники земельного отдела, юристы — ил. 1). Была проведена работа по документационному обеспечению — сняты планы, оформлены акты технического состояния и пр.

В результате 19 июня 2003 г. ТПП «Урайнефтегаз» и Службой главного госинспектора по охране и использованию историко-культурного наследия ХМАО — Югры была подписана «Программа мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного наследия, разрушающихся в результате хозяйственной деятельности ТПП «Урайнефтегаз» на 2004—2008 гг.». Это послужило решающим толчком для подписания трёх других аналогичных программ.

За 6 лет реализации программы (2004—2009 гг.) были проведены такие мероприятия:

1. Осуществлены спасательные археологические полевые работы на 11 памятниках археологии (на суммированной площади ок. 14 200 кв. м):
— поселения Большая Умытья 2, Большая Умытья 8, Большая Умытья 9, Большая Умытья 57[3] (ил. 2), Большая Умытья 60, Большая Умытья 61, Большая Умытья 72, Большая Умытья 74, Неушья 1.3;
— городище Неушья 1.1;
— могильник Неушья 1.2[4].
2. Обследовано состояние 53 объектов археологии, определены их границы. Проведено позиционирование характерных точек границы с выносом на место.
3. В 2008 г. начато перекрытие несанкционированных грунтовых дорог, проложенных через участки объектов культурного наследия.
4. Для популяризации объектов археологии и в качестве наглядного отчёта о проделанной работе исполнитель (ООО «НАЦ «АВКом — Наследие») в здании ТПП «Урайнефтегаз» продемонстрировал выставку археологических коллекций, полученных в результате противоаварийных раскопок (ил. 3).

Программа ТПП «Покачевнефтегаз». Вторая по времени начала действия программа была ориентирована на сохранение объектов археологического наследия в зоне хозяйственной деятельности «Покачевнефтегаз» в Нижневартовском р-не.

Здесь, в правобережной части среднего течения р. Аган в результате проведённых в 2000—2002 гг. археологических изысканий было выявлено крупное скопление объектов археологического наследия, получивших название «Аганский археологический район». При достаточно высокой концентрации объектов археологии в этом районе их максимальная плотность пришлась на район г. Покачи (сейчас известно около 250). И именно здесь же оказались сосредоточены хозяйственно-промысловые объекты ТПП «Покачевнефтегаз», возникшие при обустройстве Покачевского, Южно-Покачевского, Северо-Покачевского, Нивагальского, Нонг-Ёганского и Ключевого месторождений нефти.

Ил. 2. **Программа ТПП «Урайнефтегаз».** Спасательные археологические полевые работы на поселении Умытья 57. Советский р-н ХМАО — Югры. 2007 г.

Ил. 3. **Программа ТПП «Урайнефтегаз».** Выставка «15 лет сохранения культурного наследия кондинского края» в офисе ТПП «Урайнефтегаз» ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь» (археолог Е.М. Беспрозванный, ген. дир. ТПП С.В. Кичигин). 2006 г.

При этом в ходе обустройства 1970—1980-х гг. часть объектов археологического наследия была полностью или частично разрушена.

Деятельность по их сохранению и предотвращению дальнейших разрушений при неизбежном хозяйственном освоении этих территорий и стала целью долгосрочной «Программы мероприятий по обеспечению сохранности объектов историко-культурного наследия в зоне существующих хозяйственных объектов ТПП «Покачевнефтегаз», подписанной предприятием и госорганом по охране культурного наследия 23 марта 2004 г.

Программные мероприятия, рассчитанные на 2004—2010 гг., предусматривали выявление и фиксацию археологических объектов на участках уже сформированной инфраструктуры обустройства месторождений нефти и на сопредельной территории; мероприятия по регламентации хозяйственной деятельности (определение охранных мероприятий, проектирование охранных зон); аварийно-спасательные работы на разрушающихся памятниках.

Исполнителем программы стало ООО «НПО «Северная археология — 1» (г. Нефтеюганск).

В ходе реализации программы с 2004 по 2009 г. были проведены следующие мероприятия:

1. Проведены спасательные археологические полевые работы на 18 памятниках (суммированная площадь ок. 6900 кв. м):
— селища Мохтикъёган 4, Мохтикъёган 8, Мохтикъёган 15, Мохтикъёган 16, Мохтикъёган 17, Мохтикъёган 19, Мохтикъёган 22[5], Нёх-Урий 1, Нёх-Урий 3.1, Нёх-Урий 3.2 (ил. 4), Нёх-Урий 5.4, Нёх-Урий 6.1;
— городища Старые Покачи 5, Мохтикъёган 5;
— могильники Старые Покачи 5.1.[6], Нёх-Урий 3.5;
— ловчие ямы Нонкъёган 6, Нонкъёган 7.

2. Обследованы территории уже действующих хозяйственных объектов на территории Покачевского, Южно-Покачевского, Нивагальского, Нонг-Ёганского и Ключевого месторождений нефти на площади 1039 га.

3. Проведена инструментальная топографическая съемка 41 объекта культурного наследия на суммированной площади 98,5 га.

Кроме того, в 2006 г. в программу был добавлен пункт о рекогносцировочном обследовании и уточнении уже существовавшего к той поре историко-культурного зонирования территории шести (Ключевого, Нивагальского, Нонг-Ёганского, Покачевского, Северо-Покачевского, Южно-Покачевского) месторождений нефти. В результате проведённых работ суммированная площадь прежде выделенных перспективных и малоперспективных зон расположения объектов археологического наследия была уменьшена примерно вдвое.

Ил. 4. **Программа ТПП «Покачевнефтегаз».** Спасательные археологические полевые работы на селище Нёх-Урий 3.2. Нижневартовский р-н ХМАО — Югры. 2008 г. Снято с юга

Ил. 5. **Программа ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз».** Спасательные археологические полевые работы на городище Нехсап 1. Сургутский р-н ХМАО — Югры. 2007 г.

В настоящее время пункт 1 программы (выявление и фиксация археологических объектов в зоне работ предприятия — на территории и вблизи существующих промышленных объектов) выполнен полностью. Итогом стало обнаружение восьми неизвестных ранее археологических памятников, единственно возможной формой сохранения которых является проведение противоаварийных работ.

Также окончательно определён объём инструментальной съёмки памятников для дальнейшей разработки проекта охранных зон — это ок. 60 га. Однако эта работа возможна уже только в случае пролонгирования заканчивающейся программы или принятия новой.

Программа ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз». Её исполнителем тоже выступило ООО «НПО «Северная археология — 1» (г. Нефтеюганск).

В результате исполнения программы, подписанной в апреле 2004 г., до 2008 г. были достигнуты следующие результаты:

1. Проведены спасательные археологические полевые работы на 13 объектах археологии (общая площадь 7150 кв. м)[7] (ил. 5, 6).
2. Осуществлены крупномасштабные исследования по выявлению объектов культурного наследия на тех участках группы Угутских и Приобского месторождений, где высока вероятность их нахождения. В результате выявлено более 200 неизвестных ранее археологических объектов, на части территории Угутского месторождения осуществлена топосъёмка масштаба 1:500.
3. Внесена корректировка в первоначальное зонирование территории Приразломного, Правдинского и Восточно-Правдинского месторождений на перспективность расположения объектов культурного наследия.
4. Подготовлен проект охранных зон объектов культурного наследия, расположенных на территории Приобского месторождения[8]. Начата разработка аналогичного проекта по территории группы Угутских месторождений.
5. В офисе ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз» проведена выставка археологических коллекций, полученных в результате противоаварийных раскопок.

Помимо работ по сохранению объектов археологического наследия, предприятие профинансировало научно-исследовательские раскопки городища Каюково 2 в 2002—2003 гг. и поселения Микишкин Бор 6 в 2005 г.[9]

Программа российского филиала компании «КанБайкал резорсез Инк.» была подписана позже других — в 2007 г. Исполнителем и на этот раз выступило ООО «НПО «Северная археология — 1» (г. Нефтеюганск).

Ил. 6. **Программа ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз».** Селище Атмпельурий 12 на трассе перемещения бурового станка на площадку скважины Р-113. Спасательные археологические полевые работы на этом объекте археологического наследия были проведены в 2009 г. Снято с юга

Ил. 7. **Программа российского филиала компании «КанБайкал резорсез Инк.»** Спасательные археологические полевые работы на группы ям ловушек Ай-Куими 6. Сургутский р-н ХМАО — Югры. 2007 г. Снято с запада

К сожалению, эта программа действовала всего два года. Новое руководство отказалось продолжать сотрудничество. Тем не менее кое-что сделать всё же удалось:

1. Проведены спасательные археологические полевые работы на трёх памятниках (суммированная площадь 160 кв. м):
— группа впадин Ай-Куими 6 (ил. 7);
— группа впадин Ай-Куими 13;
— группа впадин Ай-Куими 15.
2. Осуществлено рекогносцировочное натурное обследование участков перспективных зон на Унтыгейском месторождении с целью выявления объектов культурного наследия до начала проектирования объектов нефтедобычи (100 га).

Реализация этих программ показала очевидные преимущества такого подхода к проведению мероприятий по сохранению объектов культурного наследия.

Во-первых, планомерный характер работы даёт возможность и заказчику, и исполнителю максимально эффективно осуществлять финансовое, материальное, документационное, кадровое и научно-методическое обеспечение достаточно сложных и дорогостоящих раскопочных работ на археологическом памятнике. Особенно важно планирование на несколько лет вперёд для процедуры документационного и методического обеспечения этих работ, которые поэтапно регламентированы на достаточно долгий срок. Практику срочных раскопочных работ, которую в условиях интенсивного промышленного освоения Югры приходится использовать не так уж редко, нельзя признать эффективной.

Во-вторых, реализация подобных программ позволяет привлечь для работ по сохранению объектов археологии дополнительные средства из бюджетов хозяйствующих субъектов (в данном случае недропользователя).

В-третьих, программная модель организации работ по сохранению объектов культурного наследия формирует цивилизованный механизм сотрудничества между органом исполнительной власти автономного округа в сфере историко-культурного наследия, хозяйствующим субъектом и специалистами, которые в рамках реализации программы объединяются единой целью и общим делом. Не секрет, что векторы целей участников этого процесса всё-таки разнонаправлены: современным хозяйственникам важно как можно быстрее и дешевле ввести территорию в сферу своей деятельности, госорган по надзору, и археологов прежде всего, заботит сохранение остатков ушедших культур. Компромисс интересов и совместная работа — именно этого

так часто не хватает для эффективной работы по сохранению объектов культурного наследия.

В-четвёртых, проведение масштабных раскопочных мероприятий заставило их исполнителей — научно-производственные организации — разрабатывать и внедрять новые методики проведения спасательных археологических полевых работ применительно к конкретным типам археологических памятников югорской территории. Здесь же надо указать такие позитивные последствия больших раскопочных работ, которые стали возможными благодаря программному методу, как трудовая занятость археологов (представителей достаточно специфической профессии) и возможность подготовки молодых сотрудников. Через «охранные экспедиции» на территории автономного округа прошли студенты вузов г. Екатеринбурга, Сургута, Нижневартовска, Томска.

В-пятых, археологические материалы из раскопов на спасаемых памятниках стали ценным источником для изучения древней и средневековой истории Северо-Западной Сибири, легли в основу многих музейных коллекций и музейных экспозиций. Результаты этих работ были освещены на многих археологических форумах страны, включая II Международный Северный археологических конгресс в г. Ханты-Мансийске в 2006 г.

Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры, учитывая положительный опыт программного метода работ по сохранению объектов археологического наследия, намерена пропагандировать и распространять этот опыт и далее. Одним из эффективных рычагов программного механизма работ по сохранению объектов археологического наследия на югорской земле могла бы стать реализация норм ст. 14 («Льготы, предоставляемые физическим или юридическим лицам, вложившим свои средства в работы по сохранению объектов культурного наследия») Закона Российской Федерации от 25.06.2002. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и ст. 8 («Льготы, предоставляемые физическим и юридическим лицам, вложившим свои средства в работы по сохранению объектов культурного наследия») Закона ХМАО — Югры от 29.06.2006. № 64-ОЗ «О сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре». Однако эти статьи остаются, по выражению юристов, «неработающими».

С сожалением и опаской надо, однако, заметить, что не только распространение этого опыта, но и само существование программ по сохранению объектов археологического наследия в последнее время вызывает сомнение. Обусловлено это всем известным мировым экономическим кризисом, в частности, резким падением цены нефти и, соответственно, уменьшением доходной части бюджетов нефтедобывающих предприятий. Последние уже не столь охотно соглашаются на финансирование работ в области историко-культурного наследия. По крайней мере, в адрес Службы охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры уже поступали предложения по снижению объёмов работ по этим программам. Тем не менее работы по сохранению археологического наследия Югры за счёт недропользователей продолжаются и в 2010 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Закон Российской Федерации от 25.06.2002. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Ст. 38; Закон ХМАО — Югры от 29.06.2006. № 64-ОЗ «О сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре». Ст. 14.

[2] Закон Российской Федерации от 25.06.2002. № 73-ФЗ... Ст. 40, п. 2.

[3] **Погодин А.А., Миронов П.В.** Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытья 57 в Советском районе ХМАО — Югры (по материалам исследований 2007—2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 132—167; См. статью А.А. Погодина в этом сборнике.

[4] **Беспрозванный Е.М., Козеко О.Е.** Могильник Неушья 1.2. — источник по истории кондинского края // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. — С. 239—261.

[5] **Мызников С.А.** Охранные раскопки селищ в среднем течении р. Агана в Нижневартовском районе ХМАО — Югры в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: «РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 173—176.

[6] **Носкова Л.В., Карачаров К.Г.** Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1. на реке Аган // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. — С. 146—169.

[7] **Иваськo Л.В., Чибиряк В.Э.** Аварийные раскопки поселения Усть-Пыть-Ях 2.2. на Мамонтовском месторождении нефти в Нефтеюганском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — Вып. 3. — С. 165—167; **Иваськo Л.В.** Аварийные раскопки поселения Усть-Пыть-Ях 1 на Мамонтовском месторождении нефти в Нефтеюганском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — Вып. 3. — С. 205—208; **Чемякин Ю.П., Фефилова Т.Ю.** Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях

п. Угут Сургутского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2007. — Вып. 5. — С. 111—121; **Фефилова Т.Ю., Фефилова Л.Ю.** Разведка в междуречье рек Большого Югана и Малого Югана в 2006 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 139—146; **Фефилова Л.Ю.** Разведка в междуречье рек Большого Югана и Малого Югана в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: «РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 147—164; **Баранов М.Ю.** Работы Балинского отряда на Приобском месторождении нефти // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 165—168; **Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П.** Раскопки селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 177—186; **Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П.** Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 229—248;

[8] **Чарусова И.С.** Продолжение работ по созданию проекта охранных зон в урочище Балинский Бор на Приобском месторождении нефти // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 169—170.

[9] **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. — С. 112—122.

Мартиролог югорской археологии

Ю.В. Ширин
г. Новокузнецк
Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость».
Я.А. Яковлев
г. Ханты-Мансийск
Служба государственной охраны объектов
культурного наследия ХМАО — Югры

Грабёж объектов археологического наследия в современной России без всякого преувеличения стал подлинной гуманитарной катастрофой. Никогда прежде, даже в печально знаменитые для археологов времена «бугровщиков» XVII—XVIII вв. разрушение памятников древности и Средневековья не имело столь впечатляющего размаха и такой вопиющей безнаказанности.

Небольшой пример отношения властей к этому негативному явлению. Сразу после проникновения на сибирские земли алчные «первопроходцы» не преминули включить в зону своих интересов культовые места и погребения местного населения — тем более, моральные обязательства в отношении культуры и культурного наследия «нехристей» отсутствовали. Но зато уже тогда существовали правовые обязательства, заставлявшие «местные органы власти» включаться в процесс охраны культурного наследия. Так, 25 мая 1610 г. после жалобы ляпинских и казымских остяков Берёзовского уезда царь Василий Шуйский подписал специальный указ. По нему, во-первых, осквернители могил и мольбищ были публично *«...биты батоги ...чтобы, на то смотря, неповадно было иным воровать»*; во-вторых, предписывались строгие меры охраны местной культуры: *«...да и впредь о том заказ велети б есте учинить крепкой, чтоб служивые и всякие люди, и новокрещены у остяков Берёзовского уезду шайтанов не грабили и могил у мёртвых остяков не раскапывали, и обиды остякам никоторые не чинили»*[1]. Быстро и эффективно! И нормативный общегосударственный акт, и оперативно-розыскные мероприятия по факту уголовного преступления в деле охраны культурного наследия, и вынесение приговора, и приведение

его в исполнение. Этот случай можно считать первым зафиксированным фактом государственной охраны культурного наследия на территории нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

И свежие примеры с той же территории. Среди вакханалии современного грабежа археологических памятников, которая ок. 2005 г. перевалила через Урал и захватила и Югру, органам охраны правопорядка в лице участкового уполномоченного и госоргану по охране культурного наследия дважды удалось, как говорится, «схватить вора за руку», причём на одном и том же памятнике. Например, в 2009 г. была задержана прямо во время раскопок могильника Тохтымеипай 8 группа «чёрных копателей» из Рязани. Казалось бы, все признаки уголовного преступления были налицо: вскрыты 52 из примерно 265 могил, обнаружено специальное оборудование для раскопок (системы космической навигации, крупномасштабные топокарты на всю территорию ХМАО — Югры и Курганской области, несколько металлодетекторов), раскопочный инвентарь... Оперативно и квалифицированно была выполнена вся нормативная процедура необходимого документационного обеспечения и задержания явных правонарушителей (местными органами МВД), и оценки степени разрушения объекта культурного наследия (окружной службой госохраны объектов культурного наследия). Дальше в недрах МВД эти документы не двинулись.

В том же 2009 г. рядом с санкционированным раскопом ООО «Северная археология 1» на культурном слое в черте исторического поселения Берёзово заложил свой раскоп местный житель (а до того ещё успел просканировать металлодетектором и локально раскопать наиболее перспективные участки памятника). Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры с подачи археологов дважды встречалась с руководством районного ОВД и передала для оперативного производства необходимую информацию и фотографии грабительского раскопа. В ответ было признано, что *«не установленное лицо... изменило ландшафт местности объекта культурного наследия»*[2]. Но найти и наказать это лицо в небольшом посёлке оказалось делом невозможным, и потому *«в действиях не установленного лица отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 243 УК РФ, т. к. с субъективной стороны данное преступление характеризуется следующем, что виновное лицо осознает, что он уничтожает или повреждает памятники истории или культуры... И лицо совершившее не предполагало о совершении им противоправных действиях»*.

Судя по имеющейся информации, такая реакция органов охраны правопорядка в подобных случаях сегодня стандартна повсеместно.

В результате в стране, где в течение минимум 20 лет во всё возрастающих масштабах ведутся несанкционированные раскопки памятников археологии, где разграбление национального археологического достояния стало национальным бедствием, ни одно судебное дело в этой сфере не доведено до конца.

В результате ещё и ещё раз подтверждается старая истина: безответственность порождает новые преступления. И ничуть не сгущают краски археологи, когда говорят об угрозе тотального уничтожения национального археологического достояния: *«...В случае сохранения подобных тенденций в течение ближайших 10–15 лет в России будет потерян основной фонд наиболее представительных археологических памятников по эпохе бронзы, раннего железа и раннего Средневековья»*[3]. А ведь вплоть до времён Кирилла и Мефодия (а в Югре и позже) исторические процессы, протекавшие на территории России, можно реконструировать и ввести в контекст современной духовной культуры только на основе археологических источников. Так что нынешние варвары лишают нас не только прошлого, но отчасти настоящего и будущего.

Нельзя сказать, что общество спокойно взирает на утрату своего историко-культурного наследия. Выставить заслон пытаются и органы охраны этого наследия (к сожалению, их деятельность ни структурно, на кадрово, ни материально, ни нормативно в масштабах страны не обеспечена), и профессиональные историки (музейные, академические, вузовские), и некоторые юристы, и отдельные граждане... Новым явлением стали молодёжные объединения «Архнадзор» (Москва, Санкт-Петербург), чьи непривычно радикальные выступления стали вынужденной реакцией на инертность государственных институтов — прежде всего, правоохранительных и законодательных органов, устранившихся от решения этой проблемы.

В силу своих возможностей будирует общественное мнение и пытается достучаться до власти и научная общественность. Прежде всего, это практикующие археологи. Их знания и опыт служат и гарантией объективного восприятия ими сложившейся ситуации, и основой глубокого понимания общественной опасности этого негативного явления. Начавшаяся в научной литературе дискуссия нашла своё наиболее яркое воплощение в выступлениях круглого стола «Незаконные раскопки и археологическое наследие России», который был организован в марте

2002 г. в редакции журнала «Российская археология»[4]. В июле 2003 г. проблема уничтожения национального археологического наследия была поднята директором Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровским на заседании Государственного Совета РФ в г. Санкт-Петербурге. Результатом этого стало поручение Президента России подготовить поправки к действующему законодательству, которые содержали бы усиление ответственности за разрушение археологических объектов, способствовали более эффективному пресечению правонарушений в этой области[5]. Через год проблема несанкционированных раскопок археологических объектов обсуждалась в Совете Федерации РФ...

Однако эти обсуждения не привели к радикальному перелому ситуации. Параллельно с выступлениями и публикациями с призывами и предложениями сохранять объекты археологического наследия росла экспансия грабительства на этих самых объектах: продолжалось массовое уничтожение некрополей и поселений, увеличивалось число сайтов мародёров от археологии и Интернет-аукционов по продаже археологических предметов...

К сожалению, нет заметного прорыва и в нормативно-правовой базе. Более того, наблюдается ползучее выхолащивание тех положений, которые позволяли хоть как-то защищать культурное наследие. Новая редакция федерального закона по охране культурного наследия, пытающаяся подвести под юрисдикцию только известные и официально поставленные на учёт объекты археологического наследия и оставить за правовыми рамками невыявленные объекты, ставит крест на очень внушительной части нашего культурного достояния. Особенно велика эта часть на территории Сибири (включая Югру, разумеется), где археологическому обследованию подвергнуты лишь незначительные участки. Не стоит сомневаться, что, оказавшись вне правового поля и оставшись без государственного попечения, эта часть археологического наследия тут же станет лёгкой добычей мародёров.

С сожалением надо признать, что в войне между «белой» и «чёрной» археологией верх пока одерживает последняя. Это она — агрессивная и беспринципная — вынуждает сегодня вносить коррективы в организацию археологической науки в стране. В частности, с каждым годом всё более и более сужается обмен информацией в открытых источниках, хотя именно быстрое и квалифицированное введение в оборот новых материалов и новых выводов является необходимым условием развития любой науки. Сейчас же археологи вынуждены скрывать многие результаты своей полевой деятельности, особенно в части адресов археологических памятников.

Знаковое в создавшейся ситуации решение принято и в отношении содержания ежегодника «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого» — печатного органа Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры: начиная с этого выпуска прекращается публикация «Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность». Фрагменты указанного списка были включены в вып. 4—7 ежегодника, и именно на эти издания вдруг начали поступать заявки со стороны нескольких «исторических клубов» и частных лиц, явно не имеющих отношения к легальной археологической науке. Откликаясь на веление времени, теперь начинается серия новых публикаций — «Мартиролог югорской археологии».

Очевидно, что проблема незаконных раскопок велика, сложна и многослойна. В ней есть социальные, экономические, идеологические и технические причины возникновения, объективные и субъективные факторы существования, оптимистичные и пессимистичные варианты решения. Понятно и то, что обсуждение этой проблемы — развивающейся, эволюционирующей, долговременной — займёт ещё много сил и времени.

Поэтому цель предпринимаемой публикации намного скромнее. Отчасти она является реализацией некоторых предложений, высказанных в 2002 г. на круглом столе по поводу уничтожения археологического наследия России. Директор Института археологии РАН академик Н.А. Макаров тогда сказал: *«Необходим специальный сбор информации о фактах незаконных раскопок и торговли древними вещами»*[6]. Ту же мысль выразил сотрудник этого института А.А. Формозов (*«Нам необходимо иметь информацию о том, что происходит в кругах браконьеров»*[7]) и другие выступавшие.

Та часть археологического наследия, которая криминальными методами перемещается из культурного слоя в частные коллекции, на необозримое будущее (если не навсегда) становится недоступной, а зачастую и вовсе не известной для научного сообщества. Однако какой-то её сектор (возможно, немалый) на этом закрытом пути проходит краткий этап общественного представления. Имеются в виду те предметы, которые реализуются «чёрными копателями» посредством Интернет-аукционов. Только на этом отрезке их можно успеть отследить. Многим археологам такие криминальные сайты известны (впрочем, они особо и не маскируются). Однако динамичный характер указанного корпуса археологических материалов в Интернет-пространстве делает послед-

ние доступными для общественного обозрения лишь на короткий срок между представлением на аукционе и покупкой. И это обстоятельство зачастую лишает возможности познакомиться с очередной партией археологических новинок даже опытных пользователей Паутины. Значительная же часть археологов, особенно старшего поколения, не занимается мониторингом сайтов, где выставляются ворованные древности, вовсе.

Поэтому, на наш взгляд, имеется необходимость отслеживать археологические материалы из несанкционированных (криминальных) раскопок и вводить их в источниковую базу археологической науки для широкого пользования традиционным способом публикации — «на бумажном носителе», как сейчас выражаются. Любому археологу понятно, что информация, которую можно извлечь из такого источника, скупа и сильно усечена. Но лучше иметь что-то, чем не иметь ничего.

Разумеется, встаёт проблема отбора, поскольку одновременно в Интернете присутствует несколько тысяч археологических предметов. Учитывая специфику сборника, к опубликованию в этом и следующем выпусках будут отбираться находки из археологических памятников Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. При этом надо понимать, что низкий уровень квалификации копателей и предпринимаемые ими особые меры секретности не всегда позволяют выдержать только что продекларированное условие. В каких-то случаях на сайтах имеется прямое указание на источник происхождения вещей (археологический памятник, населённый пункт), в каких-то — косвенное (административный район, бассейн реки). Иногда хотя бы примерное место производства криминальных раскопок удаётся вычислить по переписке продавца и покупателя на форуме. Немаловажен и опыт исследователя, помогающий провести культурно-хронологическую атрибуцию предмета и на этом основании хотя бы ориентировочно определить место его происхождения.

Теперь несколько принципиальных условий публикации.

— Суть данной публикации — лишь начальный шаг введения артефактов в археологию путём их представления в научном издании. И представление это чисто морфологическое — только обликом (как при извлечении предмета из культурного слоя). Культурно-хронологическая атрибуция, поиски параллелей или даже простое описание — это уже следующие шаги процедуры работы с археологическим источником, которые мы с удовольствием предлагаем сделать нашим коллегам. В данной публикации такие задачи не ставятся.

— Мы не несём ответственности за качество иллюстраций, которые копируем с сайтов из Интернета.

— Мы не несём ответственности за извлечённую с грабительских сайтов информацию, которая в силу непрофессионализма «чёрных копателей» может быть искажена непреднамеренно, а из-за криминального характера этого вида бизнеса — преднамеренно.

— Источники информации не указываются. Никаких электронных адресов, сайтов, так называемых ников (псевдонимов Интернет-пользователя) или подлинных имён грабителей, часть которых нам удалось выяснить... Считаем ошибкой, когда археологи в критике своих оппонентов начинают называть их сайты. Научный сборник — не рекламная площадка для уголовников от археологии и не посредник между грабителями и скупщиками краденого. Можем лишь заверить читателей, что вся представленная в этой публикации информация собрана во Всемирной Паутине.

Мы осознаём, что предлагаемая публикация для археологического сообщества непривычна, не ждём однозначной оценки и готовы к критике. В создавшейся ситуации, когда на одном физическом поле археологического наследия сосуществуют два параллельных мира с разными задачами, целями, возможностями и морально-этическими ценностями, каждый археолог формирует собственное отношение и свою модель поведения в отношении противоположного лагеря. Позиции археологического сообщества Северо-Западной Сибири, как и коллег в других регионах, колеблются в широком спектре, вплоть до взаимоисключающих. На одном полюсе — мнение игнорировать грабителей «как класс» и активно бороться с явлением как с опасной заразой («Моссад» не ведёт переговоров с террористами» — лозунг одного из известных в Югре археологов). На другом краю — позиция археологов соседнего региона, не только скупающих для музея краденные из культурного слоя древности, но и включающих «чёрных» археологов в свои «белые» экспедиции.

Итак, мартиролог начинается...

Грабительская коллекция из слоя святилища на городище Барсов Городок I/9 (Сургутский р-н ХМАО — Югры)

Коллекция кулайских бронз появилась в Интернете в 2009 г.

Грабитель при продаже объявил местом сбора городище Барсов Городок I/9. При этом он сослался на известный комплекс бронзовых вещей с этого памятника, опубликованный Ю.П. Чемякиным.

Указанный объект археологического наследия представлен двумя культурно-хронологическими комплексами.

1. Городище первого этапа раннего железного века (VII—III вв. до н.э.). *«Городище Барсов Городок I/9. Находится в 3–5 м от края берега протоки Утоплой, высота которого здесь составляет 25–28 м. Площадь памятника около 2890 кв. м, размеры – 65х60 м... Первый план городища снят в 1925 г. топогруппой С.А. Куклина и Н.Я. Павлова. В 1972 г. В.М. Морозовым произведена новая топосъёмка памятника. В 1973 г., после того, как местные жители передали археологам бронзовые вещи, найденные на валу городища, Ю.П. Чемякин заложил раскоп площадью 135 кв. м. В 1979–1982, 1990-х и 2001 гг. памятник осматривался Ю.П. Чемякиным, а в 1985 г. – Н.Н. Новиченковым и А.П. Зыковым. Раскопками 1973 г. вскрыта часть объекта калинкинской археологической культуры и слой, связанный с кулайским святилищем... Толщина культурного слоя – 0,2–0,6 м. Находки представлены керамикой, обломками тиглей, бронзовыми украшениями и культовым литьём из слоя святилища, костями животных...»*[8].

2. Святилище второго этапа раннего железного века. *«Святилище Барсов Городок I/9. Выявлено на площадке городища раннего железного века...»*[9]. Один из исследователей этого памятника и публикатор сформированной здесь музейной коллекции Ю.П. Чемякин датировал святилище I в. до н. э. — II в., соотнеся его функционирование с аналогичными объектами *«из Канинской пещеры и на Усть-Полуйском городище»*[10].

Коллекция, сформированная в 1973 г., состоит из двух поступлений. Сначала на валу городища местными жителями были обнаружены 22 бронзовых предмета, которые сейчас хранятся в Сургутском краеведческом музее[11]. Следом из раскопа Ю.П. Чемякина были извлечены ещё 42 подобные находки, которые переданы в Археологический музей Уральского госуниверситета[12]. Предметы коллекции в различных сочетаниях многократно опубликованы[13]. В том числе имеется и краткое совокупное представление, которое есть смысл повторить сейчас, поскольку категории инвентаря нового — грабительского — собрания те же самые.

«Среди изделий из бронзы многочисленны круглые бляхи с отверстием в центре диаметром от 26 до 114 мм (21 экз.). На 14 бляхах есть концентрический орнамент, у семи волнистый (мелкозубчатый) край, а у одного, кроме того, шестилепестковая розетка в центре. На двух бляхах с одной стороны нанесены гравировки...

Зеркала (4 экз.) трёх типов. Одно с ручкой на заклёпках (на краю его два отверстия для крепления). С двух сторон оно покрыто

гравировками... Два других типа близки – с коротким широким (1 экз.) и узким заострённым (2 экз.) выступами-рукоятками...

Эполетообразные застёжки (2 экз.) цельнолитые. Одна из них ажурная, в виде кольца с крестовиной внутри, с тремя жгутами. На двух противолежащих концах крестовины отлиты головы животных между лап, в позе, типичной для изображений медведя. Однако здесь, скорее всего, отображены «гады» или какие-то мелкие зверьки (из семьи куньих?). Вторая застёжка с четырьмя жгутами. В центре «задней» бляхи розетка с рельефными изображениями шести голов медведей в жертвенной позе. «Передняя» бляха, заканчивающаяся крючком, имеет «ушки»...

Бляшка-накладка вытянуто-трапециевидной формы с изображениями голов двух медведей в ритуальной позе, мордами друг к другу.

Культовое литьё (7 предметов): орнитоморфная, зооморфные и 4 антропоморфных изображения. Среди последних – личины и фигурка в полный рост.

Найдены также бронзовые височные подвески из проволоки, изогнутой в виде вопросительного знака, заканчивающиеся крестообразной привеской (2 экз.), несомкнутое колечко в 1,5 оборота, пластинки...»[14].

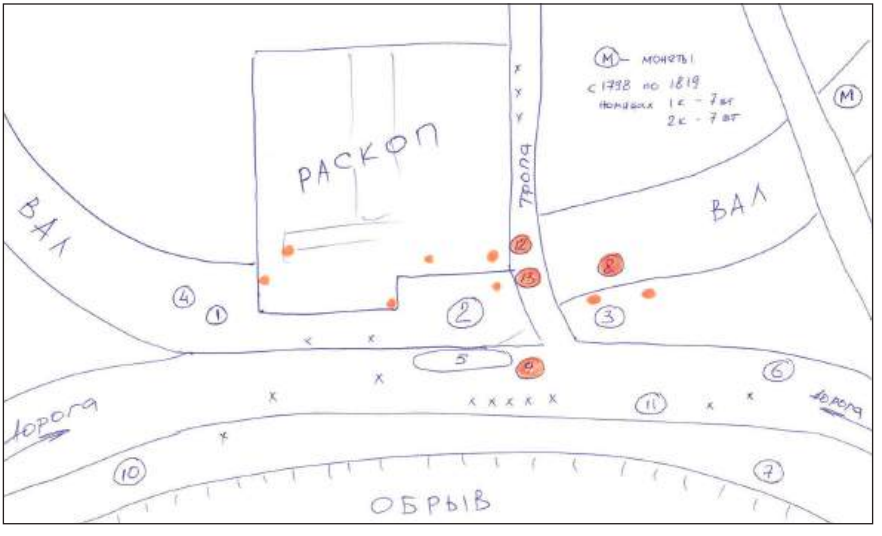
Аналогия прослеживается и в планиграфическом распределении материала, определяемого в качестве обрядовой атрибутики на священном месте. Относительно условий обнаружения вещей в 1973 г. Ю.П. Чемякин указал: *«По рассказу В.П. Русакова... многие предметы лежали парами»*[15].

Существует схема с примерным обозначением 13 мест и участков обнаружения отдельных предметов и их скоплений (ил. 1). Конечно, это не может являться документальным свидетельством. Даже если грабитель и пытался воспроизвести условия находки предметов, сделано это было по памяти. Тем не менее, для полноты информации об утраченном объекте этот источник всё же публикуется. И нижеприведённая коллекция сгруппирована в соответствии со сведениями грабителя.

А до того хочется привести такое соображение относительно выставленной на продажу коллекции. С одной стороны, её подчёркнуто точное следование эталонной коллекции (то есть приобретённой специалистом при проведении санкционированных и методически обеспеченных археологических раскопок) и в предметном наборе, и в условиях пространственного распределения вызывает доверие к новому собранию, происхождение которого никак не документировано. С другой – именно

это и может быть целью «продавцов краденого». Ведь криминальный антикварный рынок России в настоящее время переполнен подделками, долю которых специалисты определяют в 60—70%[16]. Высокие цены на археологические древности просто не могут не вызвать подделок и под них тоже. А подпольно-криминальный характер отечественного антикварного рынка и заочные интернет-продажи лишь стимулируют и облегчают этот процесс. Технически же в наши дни «сварганить фальшак» под сибирскую археологию не так уж сложно. По крайней мере, от изготовления сувенирной продукции в стиле кулайской металлопластики, которую иногда лишь опытные археологи могут отличить от оригинальных вещей, до литья подделок — один шаг.

Поэтому нет уверенности, что представленная сначала в Интернете, а теперь и в печатном издании коллекция полностью или в какой-то своей части не является поддельной. А образцом для видового состава и стиля новых дорогостоящих «шедевров» вполне могли послужить те самые оригинальные вещи из раскопок 1973 г. По крайней мере, блеск металла и отсутствие патины на многих предложенных к продаже отливках дают основание для таких опасений.

Ил. 1. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Территориальное распределение культовых комплексов. Схема грабителя.

Условные обозначения (со слов грабителя: «Цифрами отмечены находки, которые запомнились или были в куче. Крестиками отмечены примерные места отдельных находок, а цветные точки — это зеркала и бляхи»)

Есть и ещё одно сомнение — не сформирована ли представляемая коллекция из разных памятников? На фотографиях, выложенных в Интернете и полученных из других источников, рядом с предметами, отнесёнными грабителем к святилищу на городище Барсов Городок I/9, присутствовали и другие находки. Это оставляет место сомнениям в источнике их происхождения. Поэтому в публикации они приведены отдельно.

На фотографиях грабителя представлено 89 предмета. Если присовокупить сюда 22 случайные находки 1973 г. и 42 находки из раскопок того же года, то общее число составит 153 ед. При этом, как теперь выясняется, большая часть коллекции с памятника оказалась украденной и из научного обихода выведенной.

В этой части коллекции 69 предметов соотнесены грабителем с 13 точками их обнаружения на площади археологического памятника.

Точка 1 (ил. 1).

Почти на центральной оси вала городища, на нетронутом раскопом и прокладкой дороги участке размерами ок. 40х50 см было сконцентрировано 10 бронзовых предметов.

1. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 2).
2. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 3).
3. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 4).

Ил. 2. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 1. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 3. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 1. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 4. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 1. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 5. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 1. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 6. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 1. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 7. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 1. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 8. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 1. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

4. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 5).
5. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 6).
6. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 7).
7. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 8).
8. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 9).
9. Антропоморфные спаренные анфас личины плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 10).
10. Сложное (антропозооморфное) изображение анфас рельефного литья, с петлёй на обороте (ил. 11).

Ил. 9. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 1. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 10. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 1. Антропоморфные спаренные личины анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 11. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 1. Сложное (антропозооморфное) изображение анфас рельефного литья, с петлёй на обороте

Точка 2 (ил. 1).

На валу, где между дорогой, тропой и раскопом сохранился относительно целый участок, в квадрате примерно 50х50 см было раскопано 26 металлических (бронзовых?) предметов, подавляющее большинство которых залегали одной стопкой.

11. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 12).

12. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 13).

13. Изображение медвежьей головы «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху) объёмного литья с рельефной передачей деталей (фрагмент изделия) (ил. 14).

14. Эполетообразная застёжка с квадратным щитком, цельнолитая, ажурная, с зооморфным декором в виде трёх медвежьих образов «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху); аналог — № 39 (ил. 15).

Ил. 12. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 13. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 14. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Изображение медвежьей головы «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху) объёмного литья с рельефной передачей деталей (фрагмент изделия)

15. Эполетообразная застёжка с круглым щитком, цельнолитая, сплошная, с геометрическим декором; аналог — № 16 (ил. 16).
16. Эполетообразная застёжка с круглым щитком, цельнолитая, ажурная, с геометрическим декором; аналог — № 15 (ил. 17).

Ил. 15. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Эполетообразная застёжка с квадратным щитком, цельнолитая, ажурная, с зооморфным декором в виде трёх медвежьих образов «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху)

Ил. 16. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Эполетообразная застёжка с круглым щитком, сплошная, с геометрическим декором

Ил. 17. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Эполетообразная застёжка с круглым щитком, цельнолитая, ажурная, с геометрическим декором

Ил. 18. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Эполетообразная застёжка с овальным щитком, цельнолитая, ажурная, с зооморфным декором в виде двух медвежьих фигур «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху)

Ил. 19. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Эполетообразная застёжка с круглым щитком, цельнолитая, ажурная, с зооморфным декором в виде круговой композиции из нескольких медвежьих голов «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху) (литейный брак)

Ил. 20. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Прямоугольная контурная нашивка рельефного литья с зооморфным оформлением лицевой стороны в виде четырёх медвежьих образов (два — фигура в профиль, два — голова и передние лапы «в жертвенной позе», в вертикальной проекции сверху), с двумя вертикальными петлями на изнаночной стороне (литейный брак)

17. Эполетообразная застёжка с овальным щитком, цельнолитая, ажурная, с зооморфным декором в виде двух медвежьих фигур «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху) (ил. 18).

18. Эполетообразная застёжка с круглым щитком, цельнолитая, ажурная, с зооморфным декором в виде круговой композиции из нескольких медвежьих голов «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху) (литейный брак) (ил. 19).

19. Прямоугольная контурная нашивка рельефного литья с зооморфным оформлением лицевой стороны в виде четырёх медвежьих образов (два — фигура в профиль, два — голова и передние лапы «в жертвенной позе», в вертикальной проекции сверху), с двумя вертикальными петлями на изнаночной стороне (литейный брак) (ил. 20).

20. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной (ил. 21).

21. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной (ил. 22).

Ил. 21. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной

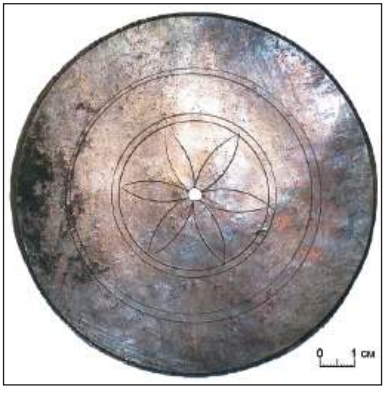
Ил. 22. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной

Ил. 23. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной

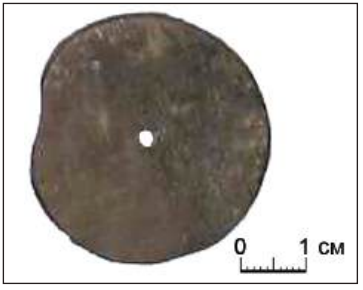

Ил. 24. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной, на которой размещена художественная гравировка

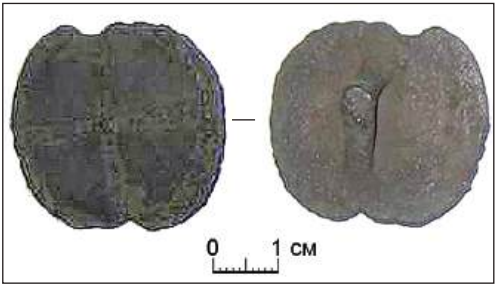

Ил. 25. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Зеркало круглое, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими окружностями и шестилепестковой розеткой) на рефлекторной стороне

22. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной (ил. 23).
23. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной, на которой размещена художественная гравировка (ил. 24).
24. Зеркало круглое, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими окружностями и шестилепестковой розеткой) на рефлекторной стороне (ил. 25).
25. Диск круглый, с отверстием в центре, с гладкой (?) лицевой стороной (ил. 26).
26. Диск круглый, с гладкой (?) лицевой стороной, с петлёй на изнаночной стороне (ил. 27).
27. Диск круглый, с гладкой (?) лицевой стороной, с двумя петлями на изнаночной стороне (ил. 28).
28. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 29).
29. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 30).
30. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с ложчатой гранью и гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями и поясами радиальных отрезков) на лицевой стороне (ил. 31).
31. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем и ложчатыми гранями на лицевой стороне, с художественной гравировкой на обеих сторонах (ил. 32).

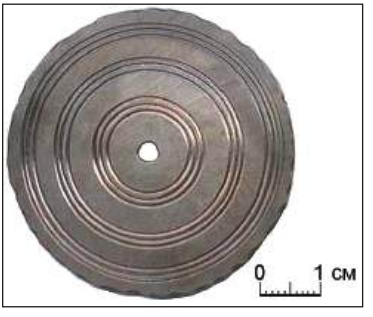
Ил. 26. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Диск круглый, с отверстием в центре, с гладкой (?) лицевой стороной

Ил. 27. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Диск круглый, с гладкой (?) лицевой стороной, с петлёй на изнаночной стороне

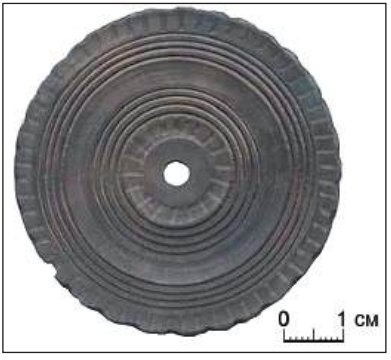
Ил. 28. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Диск круглый, с гладкой (?) лицевой стороной, с двумя петлями на изнаночной стороне

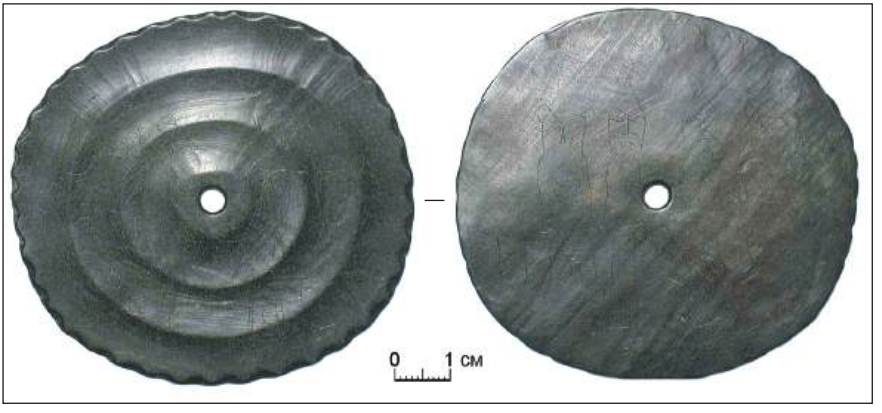
Ил. 29. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

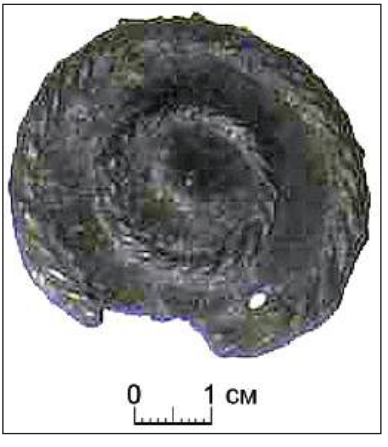
Ил. 30. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

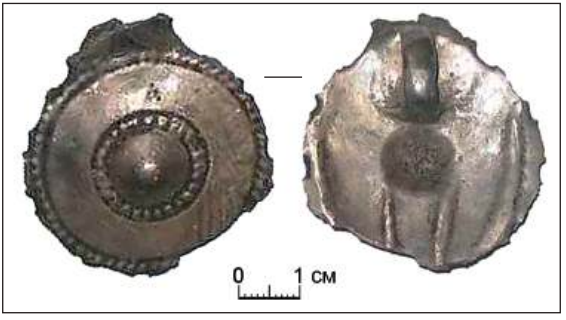
Ил. 31. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с ложчатой гранью и гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями и поясами радиальных отрезков) на лицевой стороне

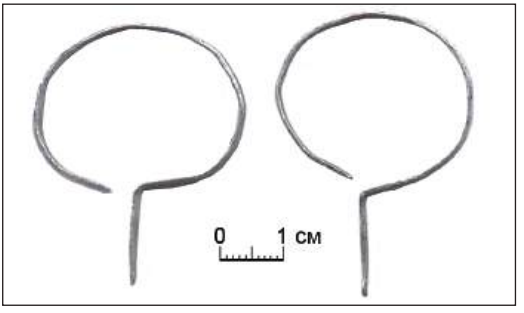
Ил. 32. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем и ложчатыми гранями на лицевой стороне, с художественной гравировкой на обеих сторонах

Ил. 33. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Диск круглый, с возвышением в центре, с двумя концентрическими рельефными окружностями на лицевой стороне

Ил. 34. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Диск круглый, с возвышением в центре, с двумя концентрическими окружностями пуансона на лицевой стороне, с петлёй на изнаночной стороне

Ил. 35. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Пара металлических (серебряных?) серёг в виде вопросительного знака, из проволоки круглого сечения, с раскованным окончанием оттяжки внизу

Ил. 36. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 2. Металлическая (серебряная?) серьга в виде вопросительного знака, из проволоки круглого сечения, с крестообразно раскованным окончанием оттяжки внизу

32. Диск круглый, с возвышением в центре, с двумя концентрическими рельефными окружностями на лицевой стороне (ил. 33).

33. Диск круглый, с возвышением в центре, с двумя концентрическими окружностями пуансона на лицевой стороне, с петлёй на изнаночной стороне (ил. 34).

34–35. Пара металлических (серебряных?) серёг в виде вопросительного знака, из проволоки круглого сечения, с раскованным окончанием оттяжки внизу (ил. 35).

36. Металлическая (серебряная?) серьга в виде вопросительного знака, из проволоки круглого сечения, с крестообразно раскованным окончанием оттяжки внизу (ил. 36).

Точка 3 (ил. 1).

Приурочена к нижней части рва; здесь из культурных напластований изъято 18 предметов, располагавшихся очень компактно.

37. Сложное (антропозооморфное) изображение анфас рельефного литья (ил. 37).

38. Овальный медальон с каймой из ложновитого рельефного орнамента, с рельефным изображением на лицевой стороне ростовой антропоморфной фигуры анфас с аксессуарами в руках (ил. 38).

39. Эполетообразная застёжка с квадратным щитком, цельнолитая, ажурная, с

Ил. 37. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Сложное (антропозооморфное) изображение анфас рельефного литья

Ил. 38. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Овальный медальон с каймой из ложновитого рельефного орнамента, с рельефным изображением на лицевой стороне ростовой антропоморфной фигуры анфас с аксессуарами в руках

Ил. 39. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Эполетообразная застёжка с квадратным щитком, цельнолитая, ажурная, с зооморфным декором в виде трёх медвежьих образов «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху)

зооморфным декором в виде трёх медвежьих образов «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху); аналог — № 14 (ил. 39).

40. Эполетообразная застёжка с овальным щитком, цельнолитая, сплошная, с зооморфным декором в виде круговой композиции из 16 образов насекомых (в вертикальной проекции снизу) и медвежьей фигуры «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху) (ил. 40).

41. Эполетообразная застёжка с овальным щитком, цельнолитая, сплошная, с зооморфным декором в виде двух медвежьих голов «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху); аналог — № 42 (ил. 41).

Ил. 40. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Эполетообразная застёжка с овальным щитком, цельнолитая, сплошная, с зооморфным декором в виде круговой композиции из 16 образов насекомых (в вертикальной проекции снизу) и медвежьей фигуры «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху)

Ил. 41. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Эполетообразная застёжка с овальным щитком, цельнолитая, сплошная, с зооморфным декором в виде двух медвежьих голов «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху)

Ил. 42. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Эполетообразная застёжка с овальным щитком, цельнолитая, сплошная, с зооморфным декором в виде двух медвежьих голов «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху)

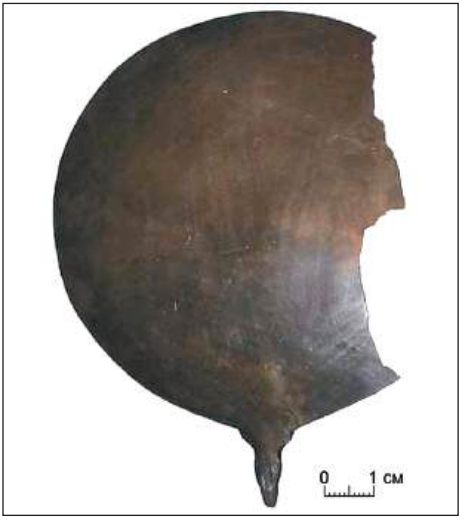

Ил. 43. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Зеркало круглое, с черешком и отверстием в центре, с гладкой рефлекторной стороной

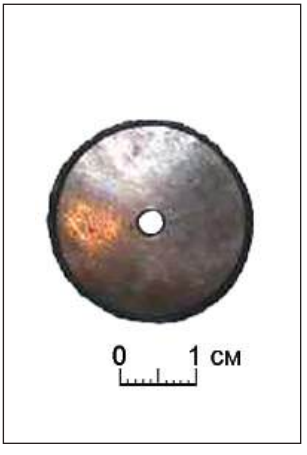
42. Эполетообразная застёжка с овальным щитком, цельнолитая, сплошная, с зооморфным декором в виде двух медвежьих голов «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху); аналог — № 41 (ил. 42).
43. Зеркало круглое, с черешком и отверстием в центре, с гладкой рефлекторной стороной (ил. 43).
44. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной (ил. 44).
45. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной (фрагмент изделия) (ил. 45).
46. Диск круглый, с отверстием в центре, с гладкой (?) лицевой стороной (ил. 46).
47. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 47).

Ил. 44. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной

Ил. 45. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной (фрагмент изделия)

Ил. 46. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Диск круглый, с отверстием в центре, с гладкой (?) лицевой стороной

Ил. 47. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

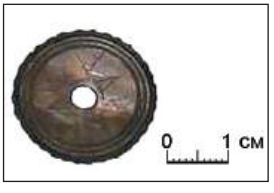
48. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 48).
49. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 49).
50. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями и неатрибутированными элементами) на лицевой стороне (ил. 50).
51. Неатрибутированное изделие, возможно, декорированное (детали не читаются из-за низкого качества фотографии) (ил. 51).

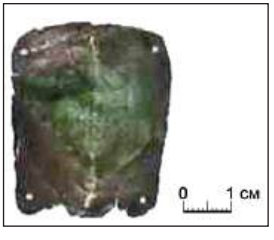
Ил. 48. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

Ил. 49. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

Ил. 50. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями и неатрибутированными элементами) на лицевой стороне

Ил. 51. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Неатрибутированное изделие, возможно, декорированное (детали не читаются из-за низкого качества фотографии)

52–53. Пара металлических (бронзовых?) серёг в виде вопросительного знака, из проволоки круглого сечения, с оплетённой металлической лентой оттяжкой (ил. 52).

54. Наконечник стрелы трёхлопастной, с выступающей втулкой (ил. 53).

Точка 4 (ил. 1).

Тоже нетронутый дорогой вал городища, неподалеку от точки 1. Здесь найден только один предмет: он был сломан надвое ещё в древности, обломки лежали в грунте один на другом.

55. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 54).

Ил. 52. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Пара металлических (бронзовых?) серёг в виде вопросительного знака, из проволоки круглого сечения, с оплетённой металлической лентой оттяжкой

Ил. 53. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 3. Наконечник стрелы трёхлопастной, с выступающей втулкой

Ил. 54. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 4. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

Ил. 55. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 5. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 56. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 5. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Точка 5 (ил. 1).

Возможно, в эту группу попали какие-то предметы из расположенной рядом точки 2. Когда грабитель получил сигнал металлодетектора из точки 2, он вырубил пласт дёрна и вынес его для разборки на дорогу. После того как из переотложенного пласта были извлечены предметы, сигналы пошли уже из подстилающего слоя. Одни личины были найдены в рыхлом грунте, другие личины вместе с обломками украшений — в полотне дороги, проложенном на месте разрушенного фрагмента фортификации (вала и рва). К этой точке отнесено 8 предметов.

56. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 55).

57. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 56).

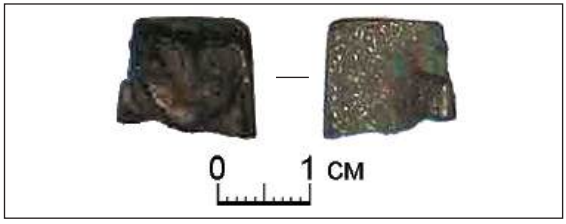
58. Антропоморфная личина (?) (ил. 57).

59. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (возможно, фрагмент от пары личин на одном литнике) (ил. 58).

60. Антропоморфное погрудное изображение анфас (детали не читаются из-за низкого качества фотографии) (ил. 59).

61. Сложное (антропоорнитоморфное) изображение анфас рельефного литья, с петлёй на обороте (ил. 60).

62. Художественная металлопластика с неатрибутированным (антропоморфным?) сюжетом.

Ил. 57. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 5. Антропоморфная личина (?)

Фрагмент изделия (детали не читаются из-за низкого качества фотографии) (ил. 61).
63. Художественная металлопластика с неатрибутированным сюжетом (детали не читаются из-за низкого качества фотографии) (ил. 62).

Ил. 58. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 5. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (возможно, фрагмент от пары личин на одном литнике)

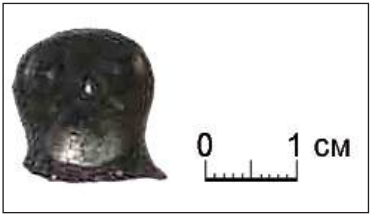
Ил. 59. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 5. Антропоморфное погрудное изображение анфас (детали не читаются из-за низкого качества фотографии)

Ил. 60. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 5. Сложное (антропоорнитоморфное) изображение анфас рельефного литья, с петлёй на обороте

Ил. 61. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 5. Художественная металлопластика с неатрибутированным (антропоморфным?) сюжетом. Фрагмент изделия (детали не читаются из-за низкого качества фотографии)

Ил. 62. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 5. Художественная металлопластика с неатрибутированным сюжетом (детали не читаются из-за низкого качества фотографии)

Точки 6, 7 (ил. 1).

Фотографии предметов, найденных в этих точках, не были обнародованы.

Точка 8 (ил. 1).

Находится на склоне вала—рва. Здесь был изъят один предмет.

64. Зеркало круглое, с черешком, с гравированным декором (концентрическими окружностями) на рефлекторной стороне (ил. 63).

Точка 9 (ил. 1).

Внешняя сторона вала, нарушенная строительством дороги. Здесь на глубине 50 см был обнаружен погребённый дёрн, а ещё через 10 см сделана находка.

65. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной (ил. 64).

Точка 10 (ил. 1).

Вне пределов фортификации, с напольной стороны, недалеко от края берега. Одна находка.

66. Антропоморфное погрудное изображением анфас рельефного литья, с петлёй на изнаночной стороне (ил. 65).

Ил. 63. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 8. Зеркало круглое, с черешком, с гравированным декором (концентрическими окружностями) на рефлекторной стороной

Ил. 64. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 9. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной

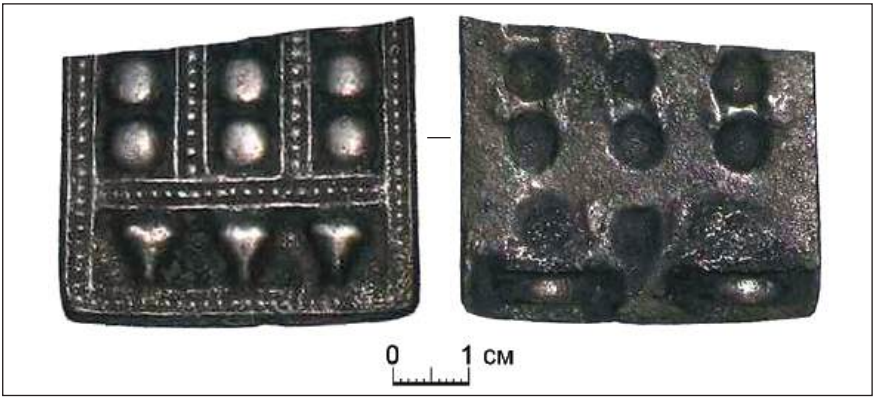

Ил. 65. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 10. Антропоморфное погрудное изображением анфас рельефного литья, с петлёй на изнаночной стороне

Точка 11 (ил. 1).

За пределами фортификации, с напольной стороны, на разрушенном дорогой участке, недалеко от края берега. Одна находка.

67. Нашивка с изображением трёх образов медведей «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху), рельефного литья (фрагмент изделия) (ил. 66).

Ил. 66. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 11. Нашивка с изображением трёх образов медведей «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху), рельефного литья (фрагмент изделия)

Точка 12 (ил. 1).

На площадке вала, на проложенной через этот элемент фортификации тропе.

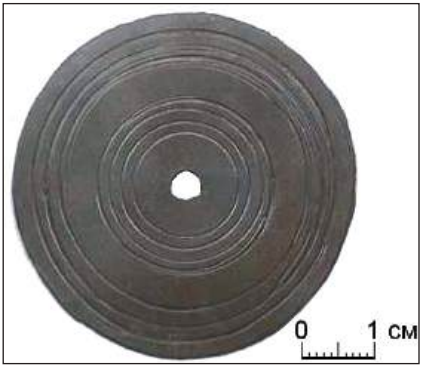
68. Диск круглый, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 67).

Точка 13 (ил. 1).

Располагалась рядом с точкой 12 — на валу городища. Единственная находка лежала практически на поверхности тропинки (на глуб. 0,5—1,0 см), в результате чего и оказалась раздавленной.

69. Диск круглый, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 68).

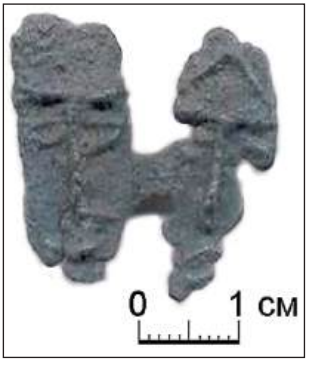
Ещё 20 предметов размещены на одних фотографиях с теми находками, что атрибутированы как материалы из слоя святилища на городище Барсов Городок I/9. Составляют они единое собрание, извлечены из слоя соседних археологических памятников на Барсовой горе или происходят вовсе из других мест Западной Сибири, знает только один человек — грабитель. Однако факт их совместного представления в Интернете и очевидное культурно-хронологическое единство с вышеперечисленными материалами (за исключением пары, возможно,

Ил. 67. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 12. Диск круглый, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

Ил. 68. **Святилище на городище Барсов Городок I/9.** Грабительские раскопки. Точка 13. Диск круглый, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

Ил. 69. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Антропоморфные спаренные личины анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 70. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Антропоморфная личина анфас рельефного литья

импортных вещей – № 76, 77) позволяют предположительно включить и эти бронзы в публикуемую сводку.

70. Антропоморфные спаренные личины анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 69).

71. Антропоморфная личина анфас рельефного литья (ил. 70).

72. Антропоморфная личина анфас рельефного литья (ил. 71).

73. Круглый медальон с каймой из ложновитого рельефного орнамента, с рельефным изображением на лицевой стороне погрудной антропоморфной фигуры анфас (ил. 72).

Ил. 71. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Антропоморфная личина анфас рельефного литья

Ил. 72. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Круглый медальон с каймой из ложновитого рельефного орнамента, с рельефным изображением на лицевой стороне погрудной антропоморфной фигуры анфас

74. Зооморфное изображение «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху), рельефного литья (ил. 73).
75. Нашивка с изображением трёх образов медведей «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху), рельефного литья (ил. 74).
76. Изображение двух голов горных баранов в профиль в композиции двухлучевой свастики, рельефного литья (ил. 75).
77. Изображение двух зооморфных образов в профиль в «сцене терзания», рельефного литья (ил. 76).
78. Орнитоморфное изображение объёмного литья (ил. 77).
79. Сложная композиция из трёх образов (антропоморфный — анфас, зооморфные — в профиль), рельефного литья (ил. 78).
80. Поясная пряжка с подвижным приёмником, соединённым со щитком шарнирами, рельефного ажурного литья, с зооморфным оформлением щитка, композиционную основу которого составляют голова и передние лапы медведя «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху) (фрагмент щитка) (ил. 79)

Ил. 73. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Зооморфное изображение «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху), рельефного литья

Ил. 74. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Нашивка с изображением трёх образов медведей «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху), рельефного литья

Ил. 75. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Изображение двух голов горных баранов в профиль в композиции двухлучевой свастики, рельефного литья

Ил. 77. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Орнитоморфное изображение объёмного литья

Ил. 76. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Изображение двух зооморфных образов в профиль в «сцене терзания», рельефного литья

Ил. 78. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Сложная композиция из трёх образов (антропоморфный — анфас, зооморфные — в профиль) рельефного литья

Ил. 79. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Поясная пряжка с подвижным приёмником, соединённым со щитком шарнирами, рельефного ажурного литья, с зооморфным оформлением щитка, композиционную основу которого составляют голова и передние лапы медведя «в жертвенной позе» (в вертикальной проекции сверху) (фрагмент щитка)

81. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной (ил. 80).
82. Зеркало круглое, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими окружностями и шестилепестковой розеткой с продольной волной в лепестках) на рефлекторной стороне (ил. 81).
83. Зеркало или диск круглой формы, с гладкой рефлекторной стороной, на которой размещена художественная гравировка (ил. 82).
84. Диск круглый, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 83).
85. Диск круглый, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 84).
86. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне (ил. 85).

Ил. 80. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Зеркало круглое, с черешком, с гладкой рефлекторной стороной

Ил. 81. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Зеркало круглое, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими окружностями и шестилепестковой розеткой с продольной волной в лепестках) на рефлекторной стороне

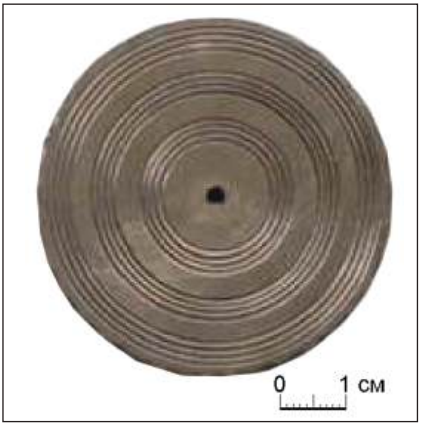

Ил. 82. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Зеркало или диск круглой формы, с гладкой рефлекторной стороной, на которой размещена художественная гравировка

87. Нашивка (?) рельефного литья, декорированная с наружной стороны (ил. 86).

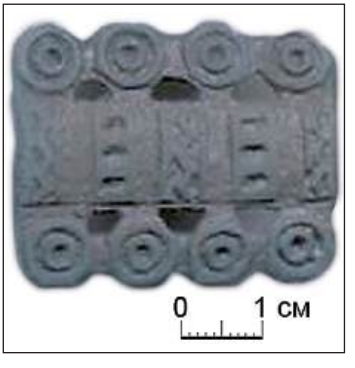
Ил. 83. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Диск круглый, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

Ил. 84. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Диск круглый, с отверстием в центре, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

Ил. 85. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Диск круглый, с отверстием в центре, с волнистым краем, с гравированным декором (концентрическими сгруппированными окружностями) на лицевой стороне

Ил. 86. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Нашивка (?) рельефного литья, декорированная с наружной стороны

88. Наконечник стрелы трёхлопастной, со скрытой втулкой (ил. 87).
89. Нож железный, черешковый, с бронзовой втульчатой рукоятью объёмного литья, художественно оформленной орнаментальной полосой по бокам и орнитоморфным образом на навершии (ил. 88).

Ил. 87. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Наконечник стрелы трёхлопастной, со скрытой втулкой

Ил. 88. **Святилище на городище Барсов Городок I/9 (предположительно).** Грабительские раскопки. Нож железный, черешковый, с бронзовой втульчатой рукоятью объёмного литья, художественно оформленной орнаментальной полосой по бокам и орнитоморфным образом на навершии

Грабительская коллекция из слоя неизвестного археологического памятника на р. Тромъёган
(Сургутский р-н ХМАО — Югры)

Коллекция бронзовых предметов появилась в Интернете в 2009 г. Судя по переписке на грабительском форуме, она была сформирована в ходе несанкционированных раскопок одного из археологических объектов на р. Тромъёгане — крупном правом притоке р. Оби.

Почти все предметы датируются ранним железным веком. Единственное исключение — обломок пластины с рельефным изображением антропоморфной фигуры, которую можно отнести к эпохе Средневековья (№ 10). Не исключено, что она включена в коллекцию уже на предпродажной стадии и происходит совсем из другого места. Помимо культурно-хронологической изолированности от остальной части собрания, высказанное предположение подтверждается и фактом предложения этой вещи на другом форуме уже отдельно.

Состав коллекции бронзовых предметов.

1. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 89).
2. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 90).
3. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 91).
4. Зооморфное изображение в профиль рельефного литья (ил. 92).
5. Круглый диск с композицией в виде концентрических окружностей, рассечённых радиально расходящимися из центра лучами (паутина?), плоского литья с рельефной передачей деталей (ил. 93).
6. Наконечник стрелы трёхлопастной, с выступающей втулкой (ил. 94).
7. Наконечник стрелы трёхлопастной, с выступающей втулкой (ил. 95).

Ил. 89. **Неизвестный археологический памятник на р. Тромъёган.** Грабительские раскопки. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 90. **Неизвестный археологический памятник на р. Тромъёган.** Грабительские раскопки. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

8. Наконечник стрелы трёхлопастной, со скрытой втулкой и утраченными жальцами (ил. 96).
9. Наконечник стрелы трёхлопастной, со скрытой втулкой и утраченными жальцами (ил. 97).
10. Овальный либо округлый медальон с каймой из круглых розеток, с рельефным изображением на лицевой стороне ростовой или погрудной антропоморфной фигуры анфас со сцепленными на груди кистями рук (ил. 98).

Ил. 91. **Неизвестный археологический памятник на р. Тромъёган.** Грабительские раскопки. Антропоморфная личина анфас плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 92. **Неизвестный археологический памятник на р. Тромъёган.** Грабительские раскопки. Зооморфное изображение в профиль рельефного литья

Ил. 93. **Неизвестный археологический памятник на р. Тромъёган.** Грабительские раскопки. Круглый диск с композицией в виде концентрических окружностей, рассечённых радиально расходящимися из центра лучами, плоского литья с рельефной передачей деталей

Ил. 94. **Неизвестный археологический памятник на р. Тромъёган.** Грабительские раскопки. Наконечник стрелы трёхлопастной, с выступающей втулкой

Ил. 95. **Неизвестный археологический памятник на р. Тромъёган.** Грабительские раскопки. Наконечник стрелы трёхлопастной, с выступающей втулкой

Ил. 96. **Неизвестный археологический памятник на р. Тромъёган.** Грабительские раскопки. Наконечник стрелы трёхлопастной, со скрытой втулкой и утраченными жальцами

Ил. 97. **Неизвестный археологический памятник на р. Тромъёган.** Грабительские раскопки. Наконечник стрелы трёхлопастной, со скрытой втулкой и утраченными жальцами

Ил. 98. **Неизвестный археологический памятник на р. Тромъёган.** Грабительские раскопки. Овальный либо округлый медальон с каймой из круглых розеток, с рельефным изображением на лицевой стороне ростовой или погрудной антропоморфной фигуры анфас со сцепленными на груди кистями рук

* * *

К сожалению, продолжение следует. В следующих номерах сборника «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Царская грамота берёзовским воеводам о том, чтобы новокрещёные остяки и русские служилые люди у берёзовских остяков (язычников) не раскапывали могилы и не воровали зарытые в оных вещи. 1610, Мая 25 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. — СПб., 1875. — Т. 2. — Стб. 213.

[2] Здесь и далее — полное следование лексике, стилю и орфографии подлинника (Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела ОВД по Берёзовскому р-ну ХМАО — Югры от 03.09.2009.).

[3] Незаконные раскопки и археологическое наследие России : Мат-лы круглого стола, проведённого редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология. — М., 2002. — № 4. — С. 74.

[4] Незаконные раскопки и археологическое наследие России... — С. 70—89.

[5] **Макаров Н.А.** Основные проблемы изучения и сохранения археологических памятников в современной России // Современные проблемы археологии России : Мат-лы Всероссийского археологического съезда (23—28 октября 2006 г., г. Новосибирск). — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. — Т. 1. — С. 46.

[6] Незаконные раскопки и археологическое наследие России... — С. 73.

[7] Незаконные раскопки и археологическое наследие России... — С. 78.

[8] **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. — С. 19. № 11.

[9] **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта... — С. 159 — 160. № 369.

[10] **Чемякин Ю.П.** Святилище кулайской культуры на Барсовой горе // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики / Мат-лы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. — С. 159.

[11] **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта... — С. 160.

[12] **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта... — С. 160.

[13] Библиографию коллекции см.: **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта... — С. 160.

[14] **Чемякин Ю.П.** Святилище кулайской культуры на Барсовой горе... — С. 156—159.

[15] **Чемякин Ю.П.** Святилище кулайской культуры на Барсовой горе... — С. 155.

[16] **Бжезинский Д.** Тезаврация как спасение // Профиль: Еженедельный журнал. — М., 2008. — 3 нояб. — № 41; **Ходорыч А., Орлова М., Андреев В.** Работа над фальшивками // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.aferizm.ru/poddelka/antikvar/pod_antikvar_work.htm.

Архитектурно-планировочный анализ территории археологического комплекса Барсова Гора

Г.П. Ведмидь
г. Сургут
Муниципальное автономное учреждение Сургутского района
«Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»

Объектом анализа является урочище Барсова гора — участок местности, расположенный в Сургутском р-не ХМАО — Югры, в 7 км к западу от г. Сургута. Территория археологического комплекса простирается с северо-запада на юго-восток на 6,5 км вдоль склона террасы, примыкающей к пойме р. Оби (между 73°05' и 73°14' в. д.). Северо-западная граница участка проходит по долине р. Калинка. С севера Барсова гора ограничена обширным болотом Поганое, которое к юго-востоку вклинивается в сторону р. Барцевки, ограничивающей территорию с северо-востока и востока. В западной части болотного массива берут начало левые притоки р. Калинки. С юга и юго-запада от Барсовой горы простирается пойма р. Оби с примыкающими к возвышенности протоками Утоплой и Микишиной.

Основу предлагаемого архитектурно-планировочного анализа составили материалы «Проекта зон охраны историко-культурного и природного наследия на территории урочища Барсова гора», разработанного авторским коллективом МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора» в 2007 г. Нормативно-правовая база федерального и окружного уровней, научно-методические разработки требуют в таких случаях включения в охранное зонирование не только объектов культурного наследия, но и их ландшафтного окружения.

Исходными материалами проведённой работы стали результаты многолетних активных полевых исследований на Барсовой горе, представленных в виде научных и научно-популярных публикаций, научных отчётов[1]. На сегодняшний день здесь на площади около 6 кв. км сосредоточено огромное количество объектов археологии — это остатки более 3000 построек, 66 городищ, 8 могильников, святилища, клады и т. д.[2] В совокупности они составляют единый комплекс археологи-

ческих древностей, объём и концентрация которых в других регионах в настоящее время неизвестны.

Поражает и такой феномен, как продолжительность обитания человека на этой территории — от неолита до современности. При этом часть западносибирских археологических культур была выделена на памятниках и материалах именно Барсовой горы. Соответственно, их названия восходят к местной микротопонимике: барсовская культура и барсовская же группа керамики (средний неолит — ранний бронзовый век), белоярская культура (ранний железный век), калинкинская культура (ранний железный век), сургутский вариант кулайской историко-культурной общности (ранний железный век). Можно сказать, что сравнительно небольшой участок территории — урочище Барсова гора — является своеобразной моделью, отражающей длительный процесс освоения человеком западно-сибирского региона.

Если научный потенциал и историко-культурная значимость Барсовой горы широко известны, то совсем иначе обстоит дело с планированием современной хозяйственной деятельности на этой территории и напрямую связанными с ней проблемами сохранения культурного наследия. Определённую роль в этом направлении может сыграть сфера архитектурной деятельности в части разработки проектов зон охраны объектов культурного наследия. Эта практика на территории Среднего Приобья насчитывает всего около 10 лет: первый проект был составлен в 2001 г.[3] Однако даже столь небольшой срок со всей очевидностью показал главное — составление проектной (охранной) документации должно предварять процесс хозяйственного освоения территории. И Барсовой горе, которая, с одной стороны, является средоточием объектов культурного наследия, а с другой — притягательной территорией для хозяйственного освоения, волею судеб выпало стать испытательным полигоном эффективности современной российской нормативно-правовой базы и практической деятельности в сфере сохранения культурного наследия.

Поэтому при проведении архитектурно-планировочного анализа территории археологического комплекса Барсова Гора главное внимание было уделено вопросам раскрытия методики охранного проектирования, в частности изучению факторов, которые привели к формированию нынешней градостроительной ситуации. Главная цель работы — сохранение историко-культурного и природного наследия, которым обладает данная территория, а также подготовка комплекса проектно-планировочных ограничений, регламентирующих

оптимальное освоение участка местности на отдалённую перспективу. Этому предшествовало решение ряда задач, связанных с проведением историко-градостроительных и природно-ландшафтных исследований урочища Барсова гора, фиксацией объектов археологического наследия и объектов современной индустриальной и гражданской застройки, обоснованием оптимальных границ зон охраны наследия и определением режимов их содержания.

Для выполнения этих задач осуществлялись:

— крупномасштабные рекогносцировочные и детальные натурные исследования территории, в ходе которых был собран полевой материал для характеристики окружающей природной среды — важной составляющей обоснования зон охраняемого ландшафта;

— топографо-геодезические изыскания для историко-археологического опорного плана — тематической карты, на которой отражены границы территорий объектов археологического наследия в пределах планируемой территории;

— натурные обследования археологических и природных объектов, включая городскую и промышленную застройку, в ходе которых был собран фото- и видеоматериал для визуального раскрытия урочища Барсова гора и сопредельной территории;

— инженерно-геодезические изыскания для подготовки электронных карт разных масштабов — графической основы для научно-проектной документации.

Объектами охраны являются памятники археологии, этнографии (святилище *Лук Эвэт Ики),* а также элементы природной среды — геоморфологическая структура, лесные и пойменные ландшафты, включая редкие виды растений. Однако при обосновании функционально-пространственной организации территории археологический фактор был избран в качестве определяющего. Основную единицу охранного зонирования составил не отдельный объект культурного наследия либо их группа, а ландшафт, поскольку указанные объекты связаны непосредственно с природным окружением (складками рельефа местности, флорой). В этом состоит одна из особенностей планирования охранных зон в условиях Среднего Приобья.

По итогам предварительных изысканий был составлен проект охранных зон, содержащий такие разделы, как историко-культурная оценка территории, градостроительный анализ планируемого участка местности, оценка природно-ландшафтной среды, архитектурно-планировочное решение охранных зон. Научно-проектная документация представлена двумя частями — текстовой (пояснительная записка с

обоснованием планировки территории) и графической (основной комплект чертежей, включая демонстрационные материалы).

Что же касается *градостроительного анализа*, то в нём, помимо констатации основных факторов отрицательных воздействий, были отражены: ретроспективный анализ хозяйственного освоения территории, функционально-планировочное зонирование участка местности и его современное использование, а также анализ проектной документации с перспективами дальнейшего освоения территории на отдельных её участках.

В частности, *ретроспективный анализ хозяйственного освоения* необходим для того, чтобы проследить характер становления планировочной структуры, оценить современное состояние территории, включая динамику её промышленного и селитебного освоения полувекового периода. Для этих целей использовались результаты многолетних натурных исследований, а также материалы аэрофотосъёмки, космосъёмки и топосъёмки. В итоге был подготовлен комплект документов:

— карта исходного состояния территории;

— проект установления водоохранных зон до начала интенсивного освоения территории;

— карта зон охраны археологического комплекса по исходному состоянию местности;

— карта состояния территории до нач. 1980-х гг.;

— карта разрушений современного почвенно-растительного покрова.

Изменения протекали следующим образом.

Исходное состояние планируемого участка местности (ил. 1) было восстановлено благодаря аэрофотосъемке 50-летней давности. Она позволила отобразить ситуацию местности до начала активного воздействия человека на ландшафт. Анализ топографических материалов 1964 г. также показал отсутствие каких-либо существенных изменений. Отмечены лишь просека 1911 г. для прокладки телеграфной линии «Тобольск — Сургут» и несколько вырубок совокупной площадью 117 га. Одна из них находилась непосредственно на месте современного п. Барсово. Её площадь составляла 31 га. Другая вырубка площадью 39 га располагалась в 600 м северо-западнее.

После реконструкции первоначального вида местности стало возможным составление *плана организации охранных зоны по исходному состоянию территории* (ил. 2), который, по сути, стал одним из этапов ретроспективного анализа. Благодаря этому реализовалась попытка обоснования охранных зон до начала интенсивного нефтепромыслового

освоения территории. Главная задача заключалась в том, чтобы дать оценку планируемой местности, раскрыть её уникальность, наметив, таким образом, оптимальный (а по сравнению с нынешним днём — «идеальный») характер её использования. В основу проектного решения положены три фактора: историко-культурный, природно-ландшафтный и водоохранный. Согласно проекту установления водоохранных зон и прибрежных полос рек и озёр в границах Барсовой горы[4], в состав водоохранных зон входит не только гидросистема, образованная болотом Поганое, реками Барцевка и Калинка, протоками Микишкиной и Утоплой, но и вся территория урочища Барсова Гора, лесной массив которой состоял в основном из лесов I-й группы (ил. 3).

Как уже отмечалось, проектное предложение было составлено с учётом оценки ряда факторов данной территории, каждый из которых по стечению обстоятельств стал уникальным:

— очень высокая концентрация объектов археологического наследия;

— высокий сакральный статус Барсовой горы среди региональных святилищ ханты;

— геоморфологическое строение (возвышенность образована ледниковыми отложениями);

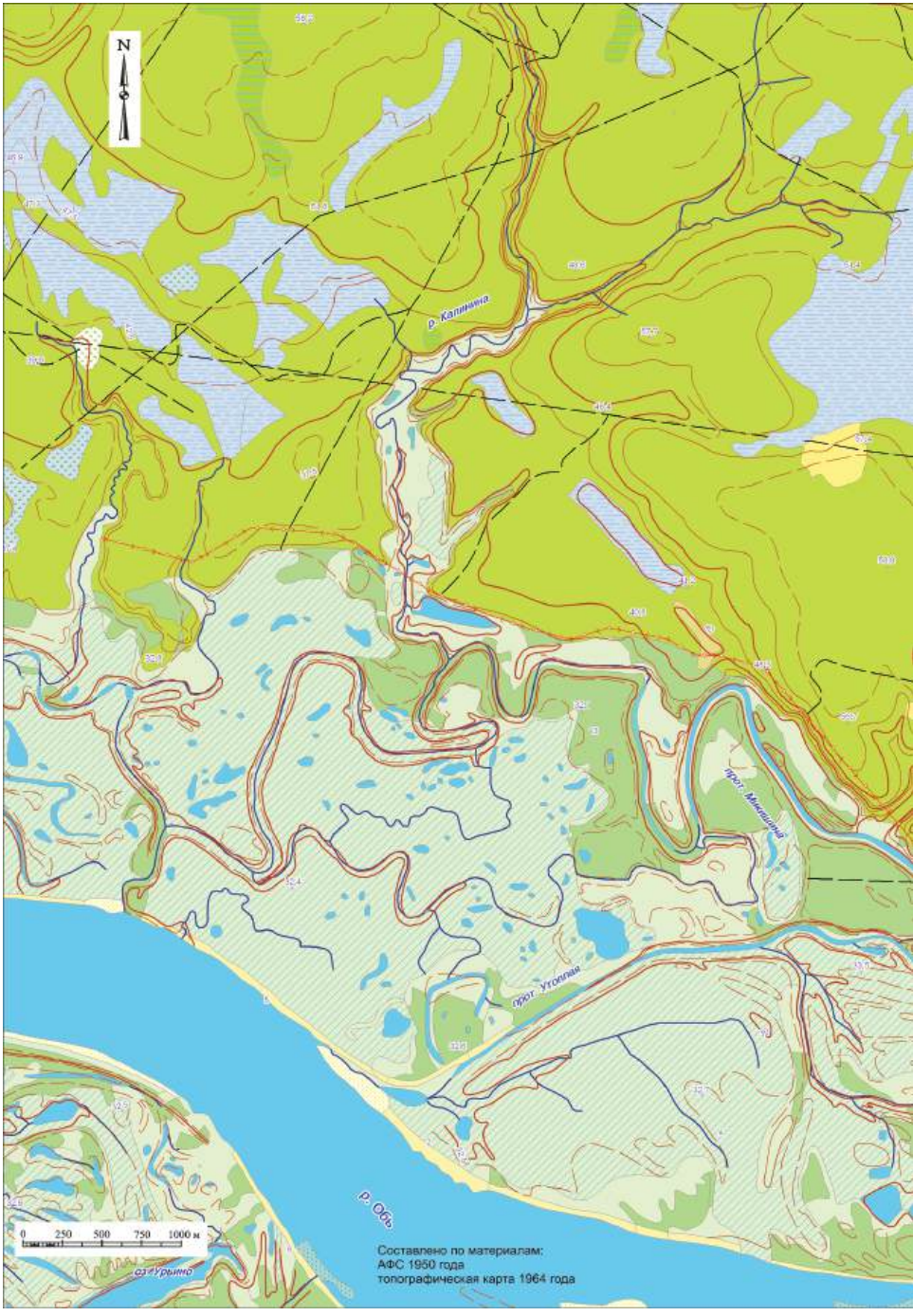
— почвенно-растительный покров;

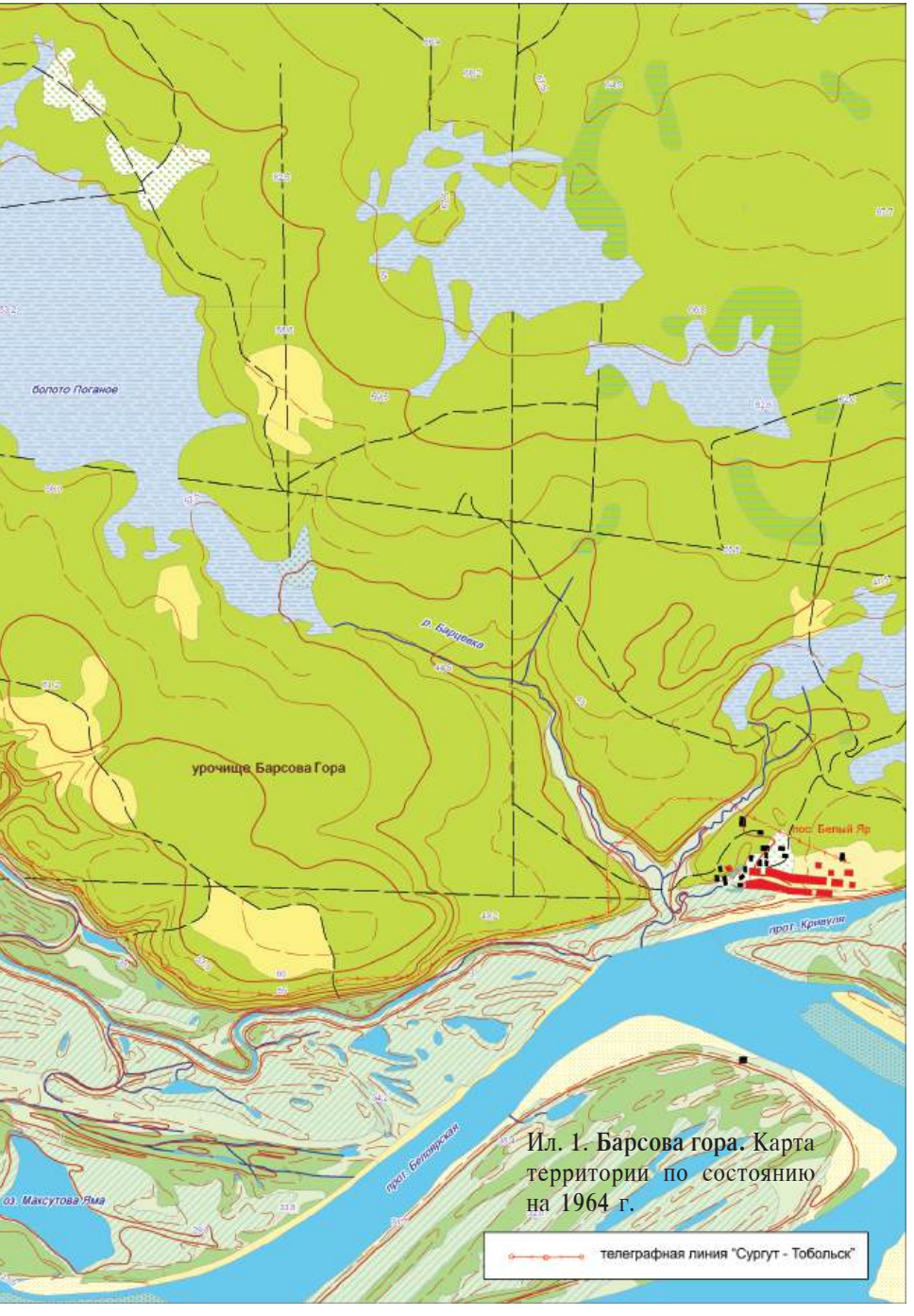
— эстетические качества окружающей природно-ландшафтной среды.

С учётом всех перечисленных параметров данный участок местности является *объектом культурного и природного наследия*, требующим выделения охранных зон.

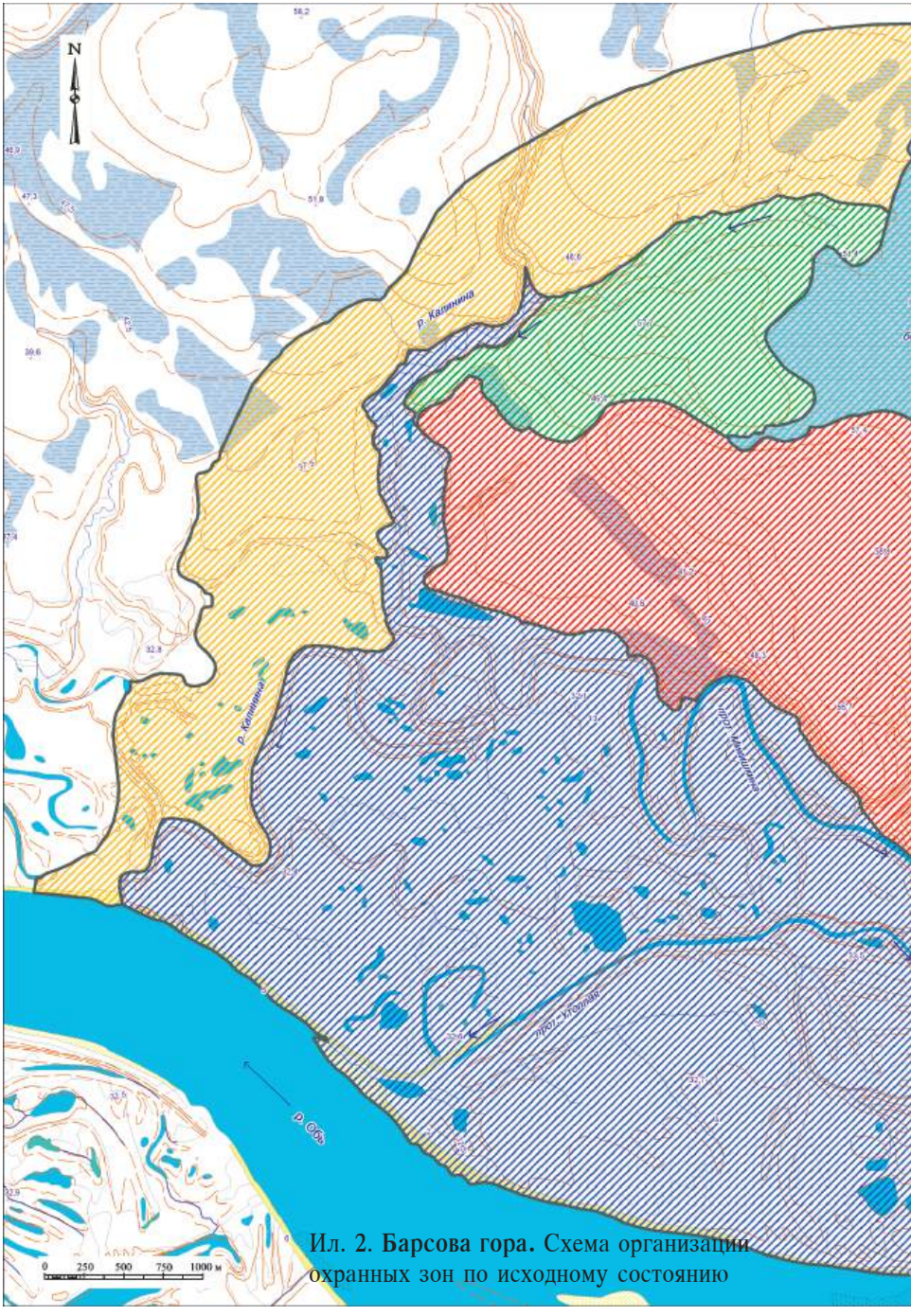
В результате территория со строгим режимом содержания составила 1368,09 га, зона охраняемого лесного и пойменного ландшафтов — 2263,299 га, зона регулируемой застройки (буферная территория) — 1213,256 га. Думается, что разработка и реализация данного проектного предложения несколько десятилетий назад смогла бы обеспечить более эффективное сохранение Барсовой горы, чем это случилось в действительности. Прежде всего, в качестве локальной экосистемы, представляющей собой целостную природную единицу.

Главная градостроительная задача, решение которой по ряду причин не последовало, заключалась в том, чтобы создать здесь функциональную зону с особым режимом содержания, согласно которому на территории исключалась бы любая природопреобразующая деятельность. Именно игнорирование этих актуальных вопросов и породило в итоге тот ворох проблем, с которыми столкнулись сегодня и органы охраны объектов культурного наследия, и строители, и местные жи-

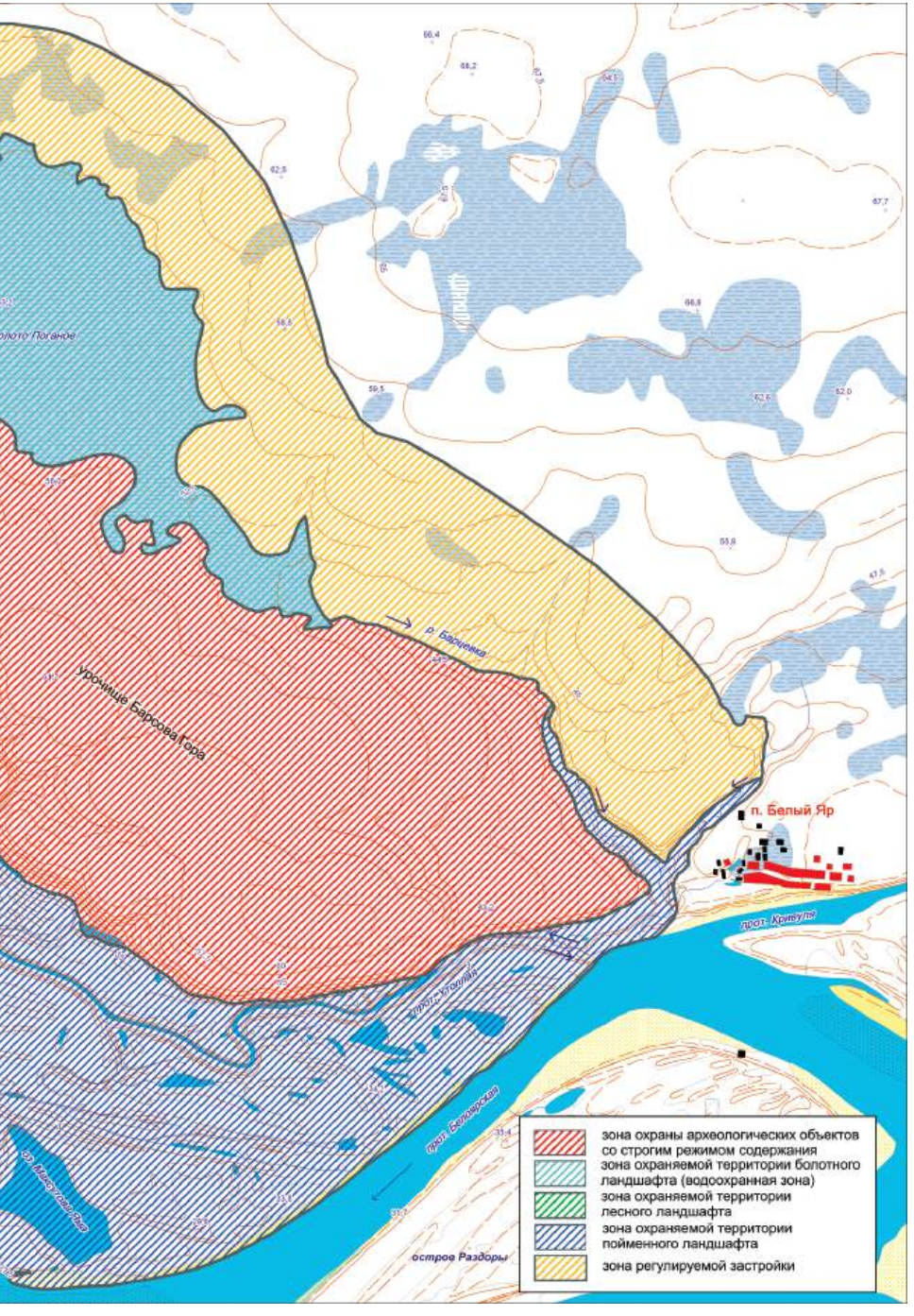

N
р. Калинина
прот. Мининский
прот. Утесная
р. Обь
оз. Урынно
0 250 500 750 1000 м
Составлено по материалам:
АФС 1950 года
топографическая карта 1964 года

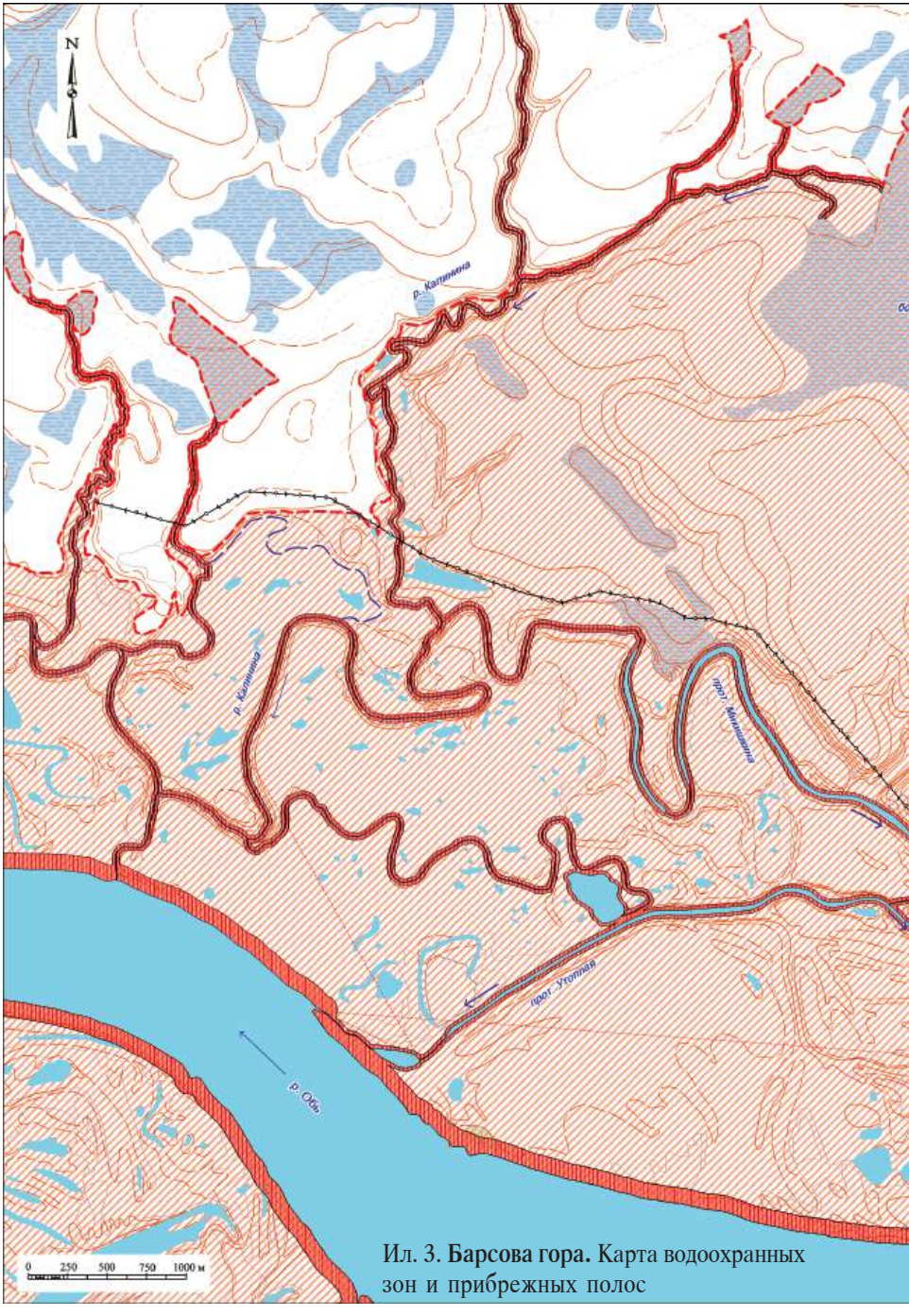

Ил. 1. Барсова гора. Карта территории по состоянию на 1964 г.

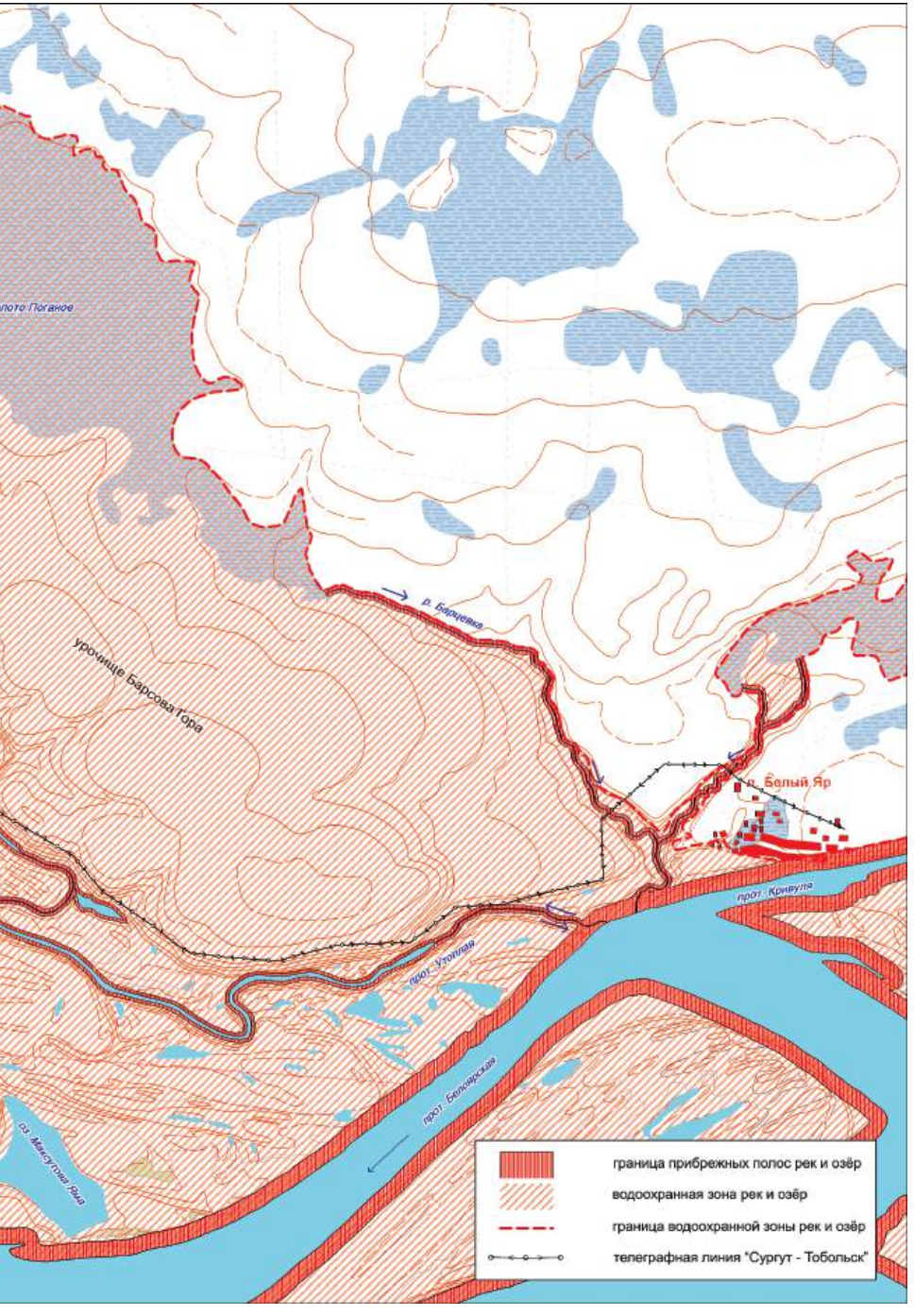

Ил. 2. Барсова гора. Схема организации охранных зон по исходному состоянию

урочище Барсова гора
р. Балчейка
п. Белый Яр
прот. Кривуля
прот. Белозерская
прот. Кривуля
о. Малый Лог
остров Раздоры
зона охраны археологических объектов со строгим режимом содержания
зона охраняемой территории болотного ландшафта (водоохранная зона)
зона охраняемой территории лесного ландшафта
зона охраняемой территории пойменного ландшафта
зона регулируемой застройки

Ил. 3. **Барсова гора.** Карта водоохранных зон и прибрежных полос

р. Барчевка
Урочище Барсова Гора
п. Белый Яр
прот. Кривуля
прот. Утиная
прот. Белоярская
оз. Мамонтова Яма
граница прибрежных полос рек и озёр
водоохранная зона рек и озёр
граница водоохранной зоны рек и озёр
телеграфная линия "Сургут - Тобольск"

тели. Весь процесс освоения территории — это история неуклонного разрушения уникального в своем роде объекта культурного и природного наследия.

Начало этого печального процесса фиксируют уже материалы кон. 1960 — нач. 1970-х гг., отмечающие активное освоение территории. Отправной точкой послужило строительство железной дороги «Тюмень — Сургут» и моста через р. Обь. Само строительство железной дороги привело к необратимым последствиям не только в пределах трассы, но и на сопредельных линейных участках. Возводимая гидронамывным способом насыпь повлекла за собой значительное расширение полосы воздействия, в которую попали текущие по обской пойме протоки Утоплая и Микишкина. В частности, восточнее сформировалась обширная зона подтоплений, увеличились площади сухоройных карьеров, более плотной стала хаотичная сеть грунтовых дорог.

На составленной *карте освоения территории по ситуации нач. 1980-х гг.* видно, что дальнейшая деградация природного и исторического ландшафта самым непосредственным образом связана с обустройством Западно-Сургутского месторождения нефти (ил. 4). В этот период значительно расширились участки насыпей под кустовые площадки, автодороги, площадки техобслуживания. По данным прочтения космосъёмки КФА-1000, к нач. 1980-х гг. площадь насыпей в пределах урочища Барсова гора и прилегающих окрестностей возросла уже до 639 га. Это составило более 13% от площади планируемого на данный момент контура охранных зон. Для промплощадок и дорожных насыпей потребовались большие объёмы грунта, из-за чего произошло увеличение площадей карьеров. Под сухоройными карьерами оказалось 9 га, под гидрокарьерами — 36 га. Дальнейшее строительство дорог привело к расширению площадей подтоплений, занявших в это время почти 50 га. Прокладка инженерных коммуникаций, в частности линий электропередач и трубопроводов, повлекла за собой уничтожение почвенно-растительного покрова в полосе отчуждённой территории, а нередко и параллельно ей. В общей сложности их площадь превысила 100 га. Наиболее значительные изменения местности, помимо насыпей, произошли в результате вырубок лесов. Леса были сведены на площади 550 га, что составило около 11,4% от нынешних размеров охранных зон.

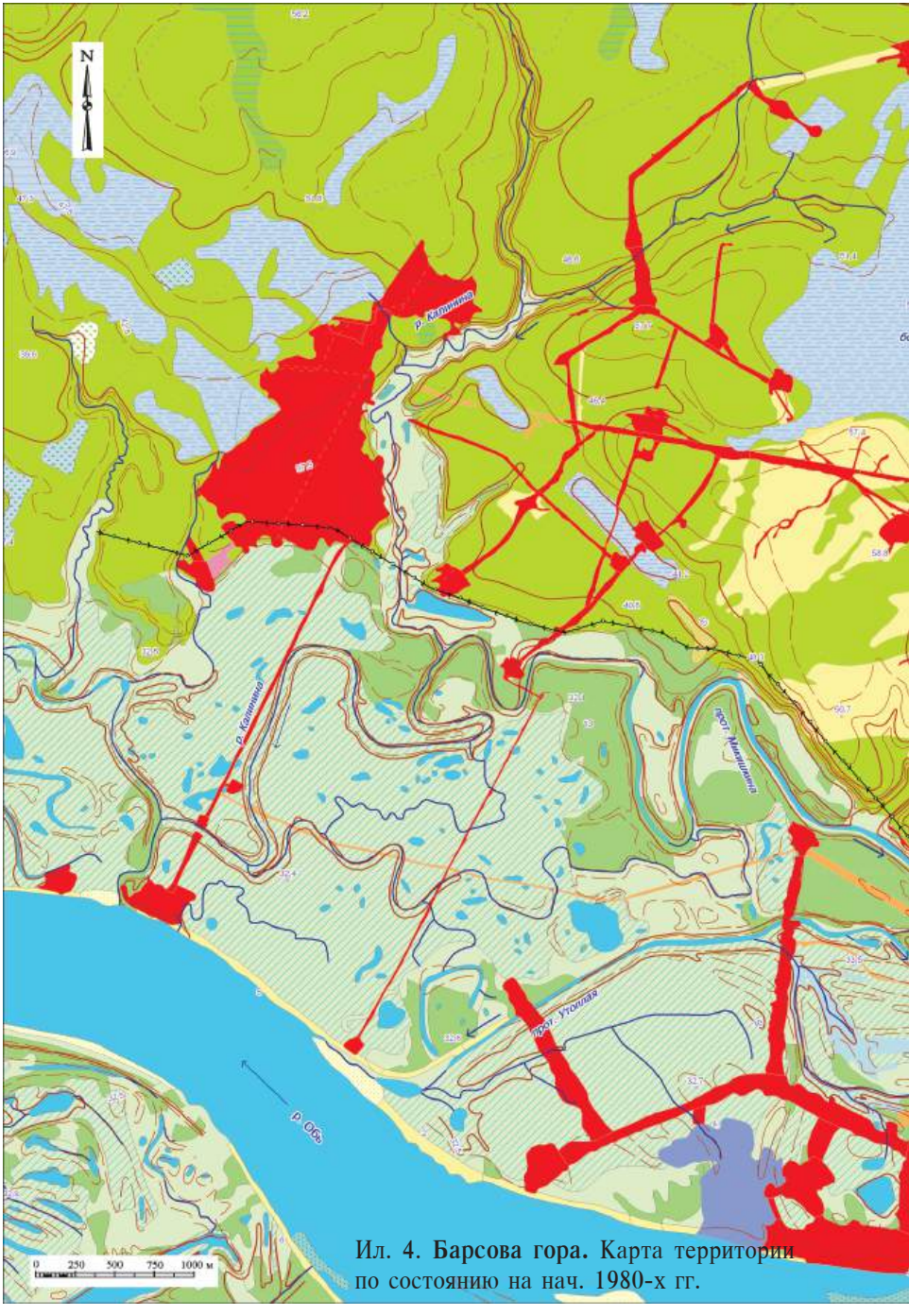
Закономерным следствием интенсификации рязвития промышленной инфраструктуры стало формирование системы селитебных территорий. При их планировке охранное зонирование грубо игнорировалось. Наи-

более достоверным и наглядным свидетельством тому служит факт организации селитебной зоны п. Барсово. В этот период под его застройку было изъято около 50 га земель, на которых располагалось огромное скопление археологических памятников. Однако разрушительные процессы этим не ограничились, поскольку вокруг селитебной зоны существенно усилилась рекреационная нагрузка. Заметно увеличились площади вырубок и гарей, причем основные вырубки оказались на территории самой Барсовой горы.

Карта современного состояния территории, составленная по аэрофотосъёмке 2005 г. и данным натурного обследования, даёт наглядную картину местности, которая разительно отличается не только от её исходного состояния, но и от ситуации нач. 1980-х гг. (ил. 5). Состояние территории Барсовой горы и сопредельной территории в итоге оказалось крайне удручающим. Причиной стали факторы, отрицательно воздействовавшие как на историко-культурное наследие, так и на природно-ланшафтное окружение. Главными, по нашему представлению, являются следующие 16 факторов:

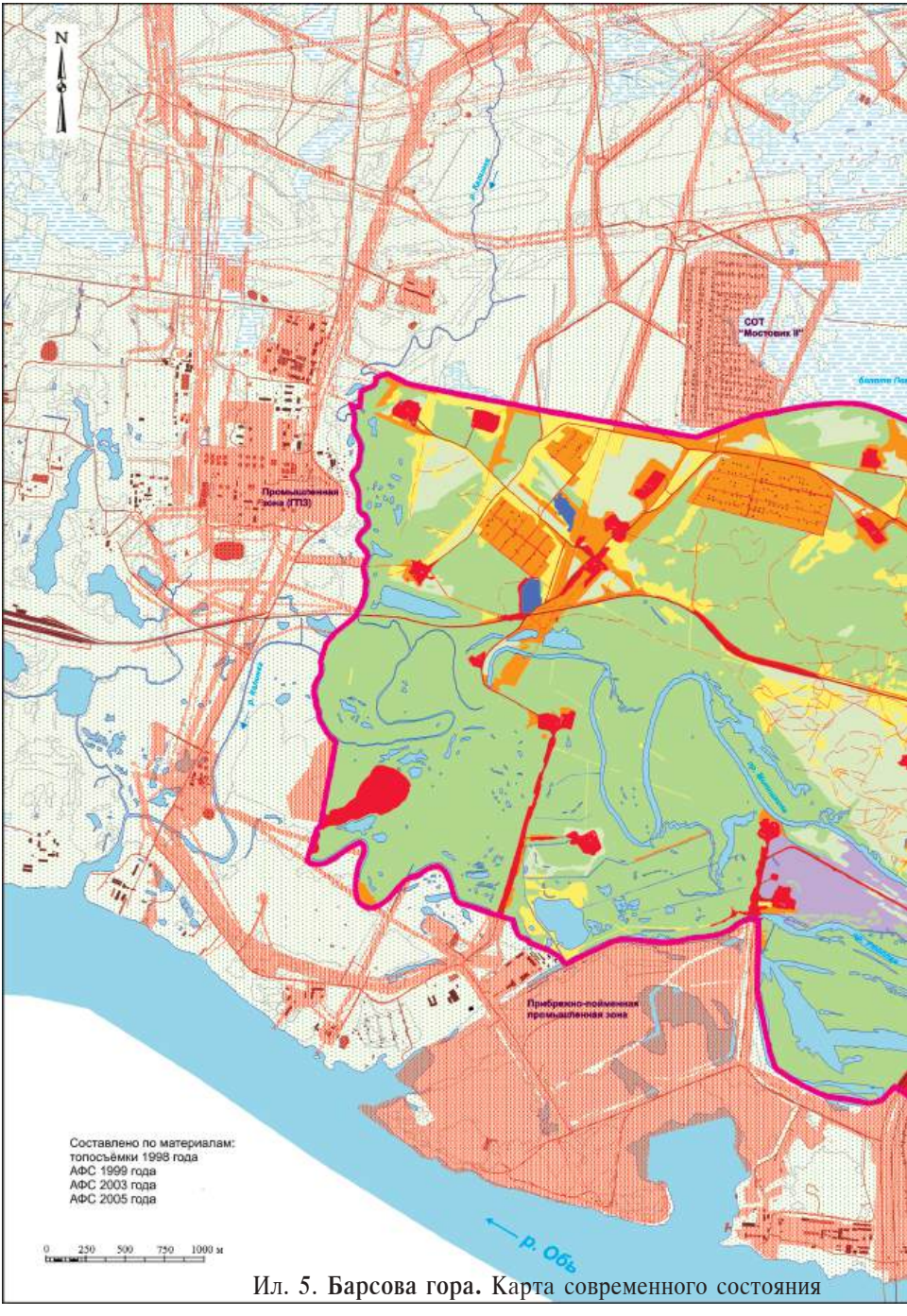
— строительство объектов нефтепромысла Западно-Сургутского месторождения;
— прокладка автомобильных и железнодорожных путей сообщения;
— обустройство населённых пунктов;
— низкий уровень культуры производства и агрессивное отношение человека к природно-ландшафтной среде;
— нарушение гидрорежима территории в процессе строительства;
— загрязнение земли нефтепродуктами;
— административно-волевой фактор (узковедомственные приоритеты в использовании особо ценных участков земли);
— изменение природного ландшафта на техногенный;
— необоснованность отдельных землеотводов для землепользователей;
— несанкционированное использование хозяйствующими субъектами территории;
— захламление местности строительным и бытовым мусором;
— интенсивное воздействие нерегулируемой рекреации;
— грабительские раскопки «чёрных» археологов;
— браконьерская вырубка леса;
— интенсивное вытаптывание поверхности и сбор редких видов растений;
— познавательно-исследовательский фактор.

В частности, строительство объектов нефтепромысла Западно-Сургутского месторождения, которое сопровождалось прокладкой линейных коммуникаций (в особенности нефтепроводов), привело к

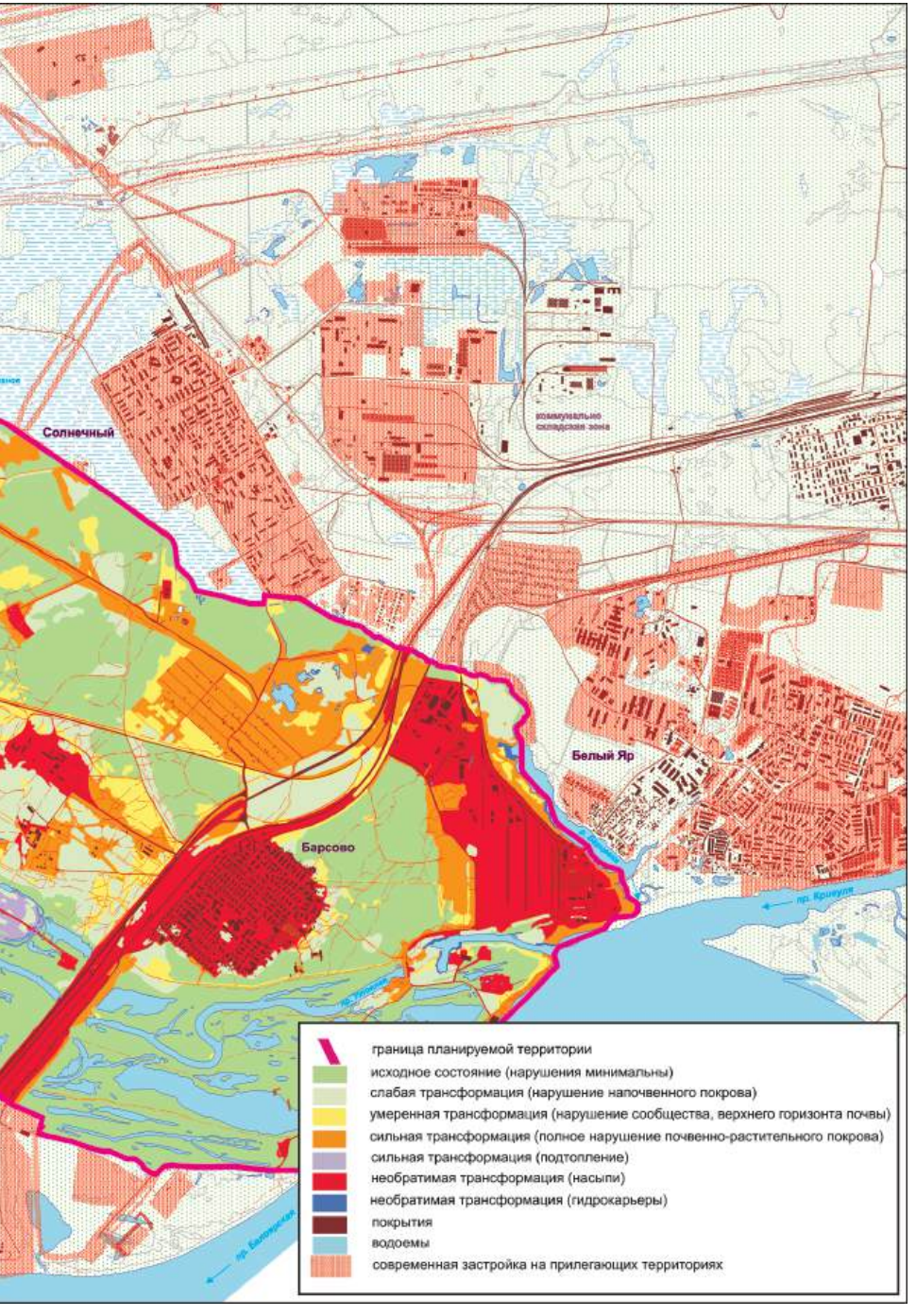

Ил. 4. **Барсова гора.** Карта территории по состоянию на нач. 1980-х гг.

Урочище Барсова Тора
д. Барсова
п. Белый Яр
прот. Кривули
прот. Угорлая
прот. Белогорская
исходное состояние участков местности
нарушения умеренные (лесовырубки)
нарушения необратимые
(участки промышленного освоения территории)
телеграфная линия "Сургут - Тобольск"

Ил. 5. **Барсова гора.** Карта современного состояния

Солнечный
Белый Яр
Барсово
граница планируемой территории
исходное состояние (нарушения минимальны)
слабая трансформация (нарушение напочвенного покрова)
умеренная трансформация (нарушение сообщества, верхнего горизонта почвы)
сильная трансформация (полное нарушение почвенно-растительного покрова)
сильная трансформация (подтопление)
необратимая трансформация (насыпи)
необратимая трансформация (гидрокарьеры)
покрытия
водоемы
современная застройка на прилегающих территориях

фрагментации территории, а на отдельных участках в пойме Оби — к её подтоплению (ил. 6). Параллельно с этим в загрязнении ландшафта участвовали и другие секторы промышленности, сопутствующие процессу нефтедобычи. В числе возведённых промышленных объектов в непосредственной близости от Барсовой горы оказались газоперерабатывающий завод, дожимные насосные станции, компрессорные насосные станции, цементный завод и многие другие опасные предприятия. Промышленные объекты привели к резкому усилению атмосферного загрязнения и тепловому воздействию, а также заметному отрицательному воздействию автотранспорта.

Строительство автомобильных и железнодорожных путей сообщения — один из факторов, положивший начало активному техногенному воздействию на территорию. Это связано со строительством в 1971 г. железнодорожного моста через Обь и железнодорожного пути «Тюмень — Сургут», с формированием сети подъездных дорог к нефтяным кустам Западно-Сургутского месторождения и к населённым пунктам. Возведение автомобильного моста и строительство федеральной автодороги в 2004 г. стали наиболее масштабными событиями в этой отрасли уже на современном этапе (ил. 7).

Строительство населённых пунктов и хозяйств садово-огороднических товариществ вызывает как непосредственное изъятие территории под объекты селитьбы, так и последующее воздействие через рекреацию, связанное преимущественно с механическим нарушением поверхностного слоя земли. Помимо возведения железнодорожного пути «Тюмень — Сургут», обустройство территории начиналось и со строительства крупного населённого пункта — п. Барсово. Под него была отведена самая возвышенная часть урочища площадью 153 га, что составляет около 50% территории. Здесь располагались наиболее значимые природные объекты, а археологические памятники достигали своей наивысшей концентрации. Впоследствии они оказались в значительной мере уничтоженными. Параллельно начал интенсивно строиться новый п. Солнечный, обустраиваться близлежащий старый населённый пункт п. Белый Яр, появились дачные посёлки садово-огороднических товариществ «Мостовик — 1», «Мостовик — 2», «Калинка», «Барсово» и др.

Низкий уровень культуры производства и агрессивное отношение человека к природно-ландшафтной среде, пожалуй, одна из основополагающих причин столь удручающего положения, которое сложилось на территории за полвека «хозяйственного освоения» Барсовой горы.

Ил. 6. **Барсова гора.** Подтопление протоки Микишкиной в пойме р. Оби, вызванное строительством подъездной дороги к кусту К-25. Снято с юга

Ил. 7. Строительство федеральной автодороги в районе п. Барсово, в ходе которого было уничтожено селище Барсова Гора III/26. Февраль 2004 г. Снято с севера

Отношение современных «хозяйственников» к окружающей среде не идёт ни в какое сравнение с мировоззренческим постулатом коренного населения «ПРИРОДА — это ХРАМ». Реальным проявлением этого служит этнографический факт: природный объект Барсова Гора — «место, где жили боги», святилище с высоким сакральным статусом, территория обрядовых действий от глубокой древности до современности.

Нарушение гидрорежима территории, обусловленное строительными работами, относится к разряду интенсивных воздействий на территорию. Начало ему было положено всё тем же строительством железной дороги «Тюмень — Сургут» и мостового перехода через Обь. Как уже отмечалось, тогда дорожная насыпь перекрыла протоки Утоплую и Микишкину, из-за этого некогда затопляемая пойма с богатым нерестилищем рыб потеряла свою водоохранную значимость. Само строительство дороги привело не только к изъятию территории непосредственно под дорожную насыпь, но и к другим неблагоприятным последствиям. В частности, к расширению в пойме гидрокарьеров песка, а также выемок и сухоройных карьеров, приуроченных, главным образом, к надпойменной террасе.

Загрязнение земли нефтепродуктами отмечено сегодня на нескольких участках рассматриваемой территории. Вокруг скважин поиска и добычи нефти нередким является захламление промплощадок отходами бурения. Наряду с этим угроза загрязнения территории усилилась из-за вероятности возникновения аварий на объектах нефтепромысла. Наиболее опасными источниками являются нефтепроводы и водоводы поддержания пластового давления, порывы которых ведут к растеканию агрессивной жидкости по поверхности земли.

Административно-волевой фактор зачастую также ведёт к неблагоприятным последствиям. Он, как правило, связан с преобладанием узковедомственных приоритетов по отношению к использованию отдельных особо ценных участков местности. Хотя главный приоритет использования данной территории один — охранный, и он исключает любую природопреобразующую деятельность.

Изменение природного ландшафта на техногенный обусловлено всем ходом хозяйственного освоения, которое ведётся здесь в течение последнего полувека. Он характеризуется тем, что некогда преобладающий природный ландшафт интенсивно трансформируется в техногенный. Его основными компонентами являются промышленный и городской ландшафты. Это результаты тех видов деятельности, которые связаны с выемкой и перемещением крупных масс грунта, с плотной

концентрацией нефтепромысловых объектов как площадных, так и линейных, включая селитебные территории, а также транспортную инфраструктуру. Всё это непременно ведёт к деградации природно-ландшафтной среды, её видоизменению.

Необоснованность отдельных землеотводов для землепользователей — довольно частая практика. Она берёт своё начало с места неприемлемого расположения селитебной территории п. Барсово, а также промышленной зоны в районе трубной базы. Для сохранения археологических и природных объектов неправомерно и неоправданно было отчуждать участки для бывшей базы геофизиков, спортивной базы «Олимпия», воинской части № 81041 (сейчас — центр специальной подготовки «Сибирский легион») и ряда других учреждений, менее интенсивно воздействующих на территорию.

Наиболее активно несанкционированное использование территории в центральной части Барсовой горы, где расположены спортивно-оздоровительный центр «Олимпия» и центр специальной подготовки «Сибирский легион». Свою деятельность эти учреждения, совершенно равнодушные к историко-культурному наследию народов Российской Федерации, осуществляют вне границ землеотводов, и это, естественно, имеет своим следствием негативное воздействие на объекты культурного наследия. Постоянное обустройство лыжных трасс связано, как правило, с вырубкой просек в лесном массиве с последующим выравниванием бульдозером поверхностного слоя земли (ил. 8). Это наносит непоправимый урон археологическим объектам и лесонасаждениям. Полевые занятия курсантов «Сибирского легиона» сопровождаются устройством окопов, блиндажей и прочих укреплений на археологических объектах, а зачастую и с вырубкой высокоствольных деревьев. Самозахват участков под строительство хозяйственных построек наносит аналогичный ущерб культурному и природному наследию по всему периметру п. Барсово.

Захламление территории строительным и бытовым мусором пробрело на всей территории урочища Барсова гора масштабный характер. В ходе натурного обследования отмечены свалки почти на каждом из существующих участков леса. В особенности это касается восточных и южных окрестностей п. Барсово, окраин СОЦ «Олимпия» и ЦСП «Сибирский легион», а также лесного массива к северо-западу от садово-огороднического товарищества «Барсово». Существует практика закапывания свалок экскаватором в непосредственной близости у п. Барсово, в процессе чего кощунственно — современным мусором! — уничтожаются объекты археологического наследия.

Ил. 8. **Барсова гора.** Нарушение современного горизонта и уничтожение культурных отложений селища Барсова Гора IV/22 при обустройстве лыжной трассы для СОЦ «Олимпия» в районе Большого лога. Сентябрь 2001 г. Снято с севера

Ил. 9. **Барсова гора.** Вытоптанность поверхности земли туристами в центральной части, к северу от Большого лога. Снято с запада

Интенсивное воздействие нерегулируемой рекреации обусловлено ростом численности населения г. Сургута и расположенных вблизи п. Барсово, Солнечного, Белого Яра, Таёжного, с одной стороны, и плотной транспортной сетью для отдыхающих — с другой. Результатом подобного контакта стали временно обустроенные места пребывания для отдыхающих с остатками битой посуды, кострищами, вытоптанной поверхностью, срубленными деревьями и выкопанными ямами для мусора. Свободная рекреация благоприятствует также формированию бессистемной сети грунтовых дорог и зачастую лесных пожаров.

Грабительские раскопки «чёрных» археологов, хаотичное перекапывание поверхности местным населением в поисках дождевых червей для рыбалки, устройство игровых землянок подростками из Барсово и оборонительных сооружений курсантами «Сибирского легиона» — вот ещё звенья всё той же цепи, ведущей к уничтожению археологических объектов, к деградации поверхностного слоя.

Браконьерская вырубка леса связана как с транспортной доступностью территории для населённых пунктов (дачи, посёлки, г. Сургут), так и с варварской деятельностью тех учреждений, которые расположены непосредственно в центральной части Барсовой горы — ЦСП «Сибирский легион» и особенно СОЦ «Олимпия». Вредоносность последнего наиболее существенна, поскольку вырубка просек для лыжных трасс носит регулярный характер.

Интенсивное вытаптывание поверхности и исчезновение редких видов растений — ещё одно проявление пагубного воздействия на территорию от нерегулируемой рекреации. Барсова гора давно уже стала популярным местом отдыха сургутян. Это не может не иметь негативных последствий, поскольку интенсивное вытаптывание поверхности влечёт за собой разрушение культурного слоя археологических объектов, исчезновение редких видов растений (в том числе из Красной книги ХМАО — Югры) и в целом отрицательно сказывается на структуре почвенно-растительного покрова (ил. 9).

Познавательно-исследовательский фактор отрицательного воздействия на объект культурного и природного наследия Барсова Гора возник относительно недавно, и потому его воздействие пока не имеет ярких следов проявления. Однако обозначить его все же необходимо, так как с расширением сети высших образовательных учреждений в регионе растёт и число студенческих полевых практик. В ходе их проведения увеличивается механическое воздействие на почву в форме закладки шурфов, вытаптывания поверхностного слоя, исчезновения растительного покрова в ходе формирования гербариев и т. п.

Весь перечисленный набор факторов отрицательного воздействия привёл к тому, что на данный момент в исходном состоянии и в состоянии минимального воздействия (пешеходные тропы, кострища, стихийные свалки мусора) находится только чуть более половины первоначальной площади Барсовой горы. Что же касается оценки современного состояния территории в целом, то, согласно методике учёта состояния почвенно-растительного покрова и поверхности, было выделено шесть уровней трансформации природных объектов[5]. В частности, слабые нарушения, которые проявляются, главным образом, в вытаптывании поверхности и влекут за собой почти полное уничтожение напочвенного растительного покрова, произошли на 10% территории. В этот же разряд отнесены и леса, возобновившиеся на месте вырубок 1960—1970-х гг.

Сильные нарушения площадью свыше 11% обусловлены интенсивным воздействием на почвенно-растительный покров. Они повсеместно распространены вокруг населённых пунктов, промышленных объектов и коммуникаций, а также — в виде подтоплений — в пойме Оби.

Необратимая трансформация, связанная с полным уничтожением поверхности, произошла на 13,5% площади. Это покрытия под зданиями и сооружениями, дорожные насыпи, сухоройные и гидрокарьеры. В зоне необратимой трансформации, а в особенности под застройкой п. Барсово, оказались 5 городищ (Барсова Гора I/34, Барсова Гора II/4, Барсова Гора III/1, Барсова Гора III/5, Барсова Гора III/23) и 34 селища, располагавшихся на площади около 45,5 га. В полосу строительства федеральной автомобильной и железной дорог попали 1 городище (Барсова Гора I/1) и 12 селищ, что составляет площадь 13,0 га. Подобный характер «хозяйственного» освоения территории, наряду с другими факторами, привёл к тому, что общий контур охранной зоны по исходному состоянию на предполагаемой территории в 5188,71 га сократился более чем наполовину и в данный момент равен 2251,122 га.

Основой для составления *плана функционального зонирования территории* стал анализ существующих картматериалов, аэрофотоснимков, результатов натурных исследований, позволивших отобразить ситуацию хозяйственного использования планируемой территории на её современном этапе (ил. 10). В итоге здесь сформировались селитебные территории, промышленные и коммунально-складские зоны, участки песчаных карьеров, спортивно-оздоровительная зона, зона отдыха, зона крестьянских хозяйств, зелёная зона охраняемых природных ландшафтов (лесные и пойменные массивы). В силу имеющихся на

Ил. 10. **Барсова гора.** Карта-схема функционального зонирования

Это вклейка (2 фальца, вклеивается по верхнему левому углу) после стр. 86.

данном участке путей сообщения федерального значения в отдельную позицию отнесена и транспортная инфраструктура. Сохранение уникального историко-культурного и природного наследия стало главным критерием в оценке целесообразности территориального расположения функциональных зон.

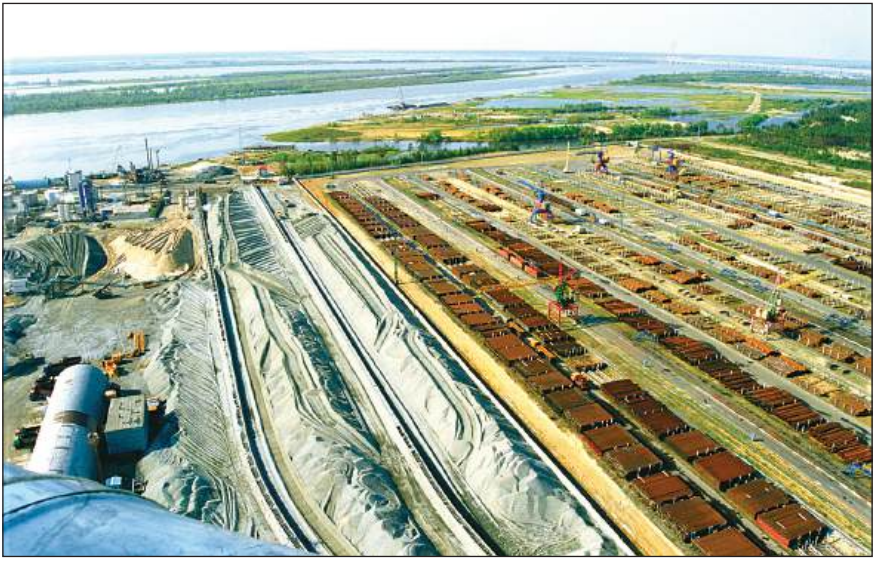
В частности, селитебные зоны на территории рассредоточены и представлены тремя поселковыми образованиями (Барсово, Солнечный, Белый Яр) и пятью садово-огородными товариществами («Барсово», «Мостовик – 1», «Мостовик – 2» – на верхней террасе, «Бриз» – в пойме Оби, «Железнодорожник» – вдоль восточного склона железнодорожной насыпи). Самым нецелесообразным с позиций охраны объектов культурного наследия является местонахождение п. Барсово. Застройка селитебной территории площадью 153 га привела к уничтожению большого скопления археологических объектов, а также лесов 1-й группы. В данный момент поселок является источником множества отрицательных воздействий на территориально прилегающее к нему историко-культурное и природное наследие. А именно – вытаптывание, захламление, хаотичное образование грунтовых дорог и пр.

Промышленные зоны по своим контурным характеристикам подразделяются на площадные и линейно-площадные. В основном это объекты нефтепромысла Западно-Сургутского месторождения, а также сопутствующие ему промышленные производства. Линейно-площадная промзона по добыче углеводородного сырья сформирована в виде нефтяных кустов, соединенных между собой наземными и подземными коммуникациями. Она рассредоточена на всей прилегающей территории и окружает центральную часть урочища по всему периметру. Обустройство куста К-38 на стрелке мыса, обращенного к р. Калинке, что на северо-западной оконечности Барсовой горы, привело к частичному уничтожению селища Барсова Гора II/43 и высокоствольного леса. Более удручающая картина наблюдается на участке пересечения автомобильной дороги с железнодорожной веткой и с магистральными трубопроводами, идущими по линии север – юг. В ходе строительных работ на данном узле поверхностный слой земли снят до 5 м, уничтожен лес 1-й группы, а также ряд археологических объектов: городище Барсова Гора II/15, селище Барсова Гора II/39, почти полностью исчезло селище Барсова Гора II/9 и частично селище Барсова Гора II/8. Расположенные в пойме нефтяные кусты (К-9 бис, К-129, К-26, К-130, К-25, К-289, К-286 бис, К-236, К-912 и др.), а также подъездные автодороги к ним внесли свою лепту в полное нарушение гидрорежима пойменных проток Утоплой и Микишкиной.

Три довольно крупные площадные промзоны непосредственно примыкают к границам охранных зон. Одна из них (на северо-западе) расположена вдоль правого берега р. Калинки, вторая (на юге — юго-западе) находится в пойме р. Оби. От железнодорожного моста вдоль обского берега она вытянута на северо-запад примерно на 5,5 км, а на восток удалена на 1,5 км, отступая при этом от береговой линии вглубь поймы до 1,7 км. Здесь, наряду с причалами и другими промпредприятиями, сосредоточены в основном крупные гидронамывные горы песка, а также заполненные водой гидрокарьеры. Из-за них здешний пойменный ландшафт претерпел кардинальные изменения: нарушены водоохранные зоны рек и проток (включая прибрежную зону р. Оби), в прежде затопляемой пойме полностью нарушен гидрорежим. Очевидно, что с позиций природоохранных норм расположение на этом участке промзоны было недопустимым.

Третья промышленно-складская зона сосредоточена на удалении 1 км к востоку от п. Барсово (ил. 11). Следуя от протоки Утоплой вдоль правого берега р. Барцевки на север, она заканчивается у автодороги «Сургут — Барсово». Здесь в непосредственной близости друг от друга сосредоточены центральная трубная база, горы щебня, асфальтоцементный завод ОАО «Сургутнефтегаз», элекроподстанция «Барсово» ОАО «Тюменьэнерго», мебельный комбинат и ряд других предприятий. Месторасположение восточной промзоны неприемлемо с позиций и природоохранного законодательства (она находится в водоохранной зоне и лесах 1-й группы), и законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия (ею уничтожено большое скопление археологических памятников). Вредное предприятие — асфальтоцементный завод — расположено в непосредственной близости от селитебной территории п. Белый Яр, между которыми отсутствует санитарнозащитная зона. Правый склон берега р. Барцевки деградирован и фактически превращен в гидрокарьер. На западе между промзоной и лесным массивом от протоки Утоплой к северу тянется полоса шириной около 400 м, где поверхностный слой полностью уничтожен.

Коммунально-складская зона занимает участок местности на удалении около 300 м к северо-востоку от п. Солнечного и располагается вне планируемой территории охранных зон. Спортивно-оздоровительные зоны сложились как в центральной, так и в южной частях урочища Барсова гора. Они представлены деятельностью СОЦ «Олимпия» и ЦСП «Сибирский легион», с одной стороны, и детской спортивной школой п. Барсово — с другой. На текущий момент эти

Ил. 11. **Барсова гора.** Площадная производственно-складская зона на восточной оконечности. На заднем плане — протока Белоярская. Снято с севера

Ил. 12. **Барсова гора.** Городище Барсова Гора I/20. Поверхностный слой полностью уничтожен отдыхающими. Слева — протока Утоплая. Снято с востока

учреждения, являясь источником крайне отрицательных воздействий на территорию, наносят историко-культурному и природному наследию, пожалуй, наибольший урон. Их местонахождение на данных участках недопустимо. И в этой связи необходимо ставить вопрос о перепрофилировании или же выводе этих учреждений. Иначе урон окажется невосполнимым.

Зона отдыха спонтанно сформировалась на трёх участках, территориально тяготеющих друг к другу. Один из них не обустроен, но стихийно и наиболее часто посещается населением. Площадка находится на террасе, в 700 м к западу от устья протоки Утоплой. Здесь сосредоточен ряд археологических объектов: городища Барсова Гора I/19, Барсова Гора I/20, Барсова Гора I/21 и селище Барсова Гора I/20. Их состояние катастрофическое – поверхностный слой полностью вытоптан и разъезжен легковыми автомобилями (ил. 12), повсеместно распространены остатки кострищ, битой посуды и прочего бытового мусора. Культурный слой обнажён, археологическая керамика фиксируется прямо на поверхности, под ногами отдыхающих. Положение усугубляется ещё и боковой эрозией грунта, поскольку вода протоки Утоплой из-за нарушенного гидрорежима спуском автодороги в пойму постоянно подмывает берег.

Второй участок находится неподалеку, в пойме, на противоположном берегу протоки. Здесь два года назад были установлены деревянные лежаки, грибки-навесы, кабинки для переодевания, сделана подсыпка песка на пляже.

Третий участок благоустроен и занят базой отдыха «Барсова Гора» ОАО «Сургутнефтеспецстрой» и базой отдыха ЦБПО ОАО «Сургутнефтегаз». Последние находятся на террасе, в 150 м к югу от п. Барсово, на удалении 1,5 км на запад от устья протоки Утоплой, в сосновом лесу 1-й группы. Как на их территории, так и в непосредственной близости находятся археологические объекты. В этой связи расположение здесь оздоровительных учреждений не только нецелесообразно, но и незаконно.

Справедливости ради надо отметить, что *эталон сохранности ландшафта* зафиксирован именно на южной оконечности территории базы отдыха «Барсова Гора» ЦБПО ОАО «Сургутнефтегаз» (ил. 13). Этот участок показателен своим контрастным сочетанием фрагментов ландшафта, один из которых разрушен грунтовой дорогой, второй подвёргся вытаптыванию, а третий, благодаря наличию ограждения, великолепно сохранился.

Ил. 13. **Барсова гора.** Эталонный участок ландшафта на территории базы отдыха «Барсова Гора» ЦБПО ОАО «Сургутнефтегаз». Снято с востока

Ил. 14. **Барсова гора.** Транспортный коридор в районе восточной промзоны. На заднем плане — п. Барсово. Снято с востока

Зона крестьянских хозяйств находится в пойме на северо-западной оконечности урочища, к югу от перекрестка автомобильной и железной дорог. Состоит из трёх подворий, которые расположены на излучинах протоки Микишкиной и р. Калинки. Из-за дополнительных нагрузок на охраняемый пойменный ландшафт их нахождение здесь крайне нежелательно.

Зелёная зона плотно зажата тисками промышленных и селитебных зон, дополнена бессистемной фрагментацией транспортной инфраструктуры и представлена в виде лесных массивов, обособленных инженерными коммуникациями. Санитарное состояние удручающее. В особенности сильно захламлён лес строительным и бытовым мусором. Какая-либо структурно-планировочная организация зелёных зон отсутствует. Фактически это рекреационные пространства, как бы ожидающие своего окончательного «освоения» и полного уничтожения древостоев некогда в подавляющем большинстве лесов 1-й группы. Без целенаправленных охранных действий лес полностью деградирует.

Транспортная инфраструктура на планируемой территории представлена довольно разветвлённой сетью. Она состоит из подъездных автомобильных и железнодорожных путей к объектам нефтепромысла, коммуникационных линий между населёнными пунктами. Однако основу составляет мощный транспортный коридор шириной до 300 м, образованный железной дорогой «Тюмень — Сургут» и федеральной автомагистралью (ил. 14). Он разрезал урочище Барсовой горы по линии юго-запад — северо-восток на два сектора (восточный и западный), уничтожив при этом огромное количество археологических объектов и лесонасаждений, полностью нарушив гидрорежим прежде заливной поймы. Выемка и перемещение огромных масс грунта под устройство дорожных насыпей привели к существенному изменению ландшафта местности, где находится уникальный историко-культурный и природный памятник. С этих позиций выбор направления транспортной артерии был недопустим.

Таким образом, урочище Барсова гора в границах проектируемых зон охраны почти по всему периметру окружено площадными промзонами. Из-за своей труднодоступности осталась свободной только северная оконечность к западу от п. Солнечного, где расположено болото Поганое. Все остальные пространства охватывает линейно-площадная промзона добычи углеводородного сырья Западно-Сургутского месторождения.

В эпицентре селитебных территорий, представленных посёлками Барсово, Солнечным, Белым Яром и намечаемой между ними агломерацией дачных посёлков, находится промзона трубной базы ОАО «Сургутнефтегаз» с вредным производством асфальто-бетонного завода, что также противоречит оптимальному расположению функциональных зон и, в частности, соблюдению санитарно-гигиенических норм проживания.

Проведённый анализ функциональной организации территории даёт основание утверждать, что общего замысла планировочной структуры не было изначально. Полностью отсутствует комплексный подход функциональной организации территории, согласно которому должно было осуществляться её рациональное освоение. При этом не учтён основополагающий фактор — охранный. Технологически-производственный параметр положен в основу использования территории и является доминирующим. Он подчинил, а если быть более точным, проигнорировал все остальные факторы, что практически и обусловило монопрофильный характер использования уникальной местности.

Анализ существующей проектной документации стал заключительным этапом градостроительной оценки планируемой территории. Его необходимость состояла в попытке спрогнозировать те изменения, которые могут последовать по итогам реализации проектных разработок.

Например, в концепции развития г. Сургута[6] урочище Барсова гора представлено в качестве Белоярского планировочного района, согласно которому на рассматриваемой территории предусмотрен жилой массив и две автотранспортные артерии. Одна из них следует со стороны п. Белый Яр в северо-западном направлении южнее п. Солнечного, а вторая — по пойме от моста к северо-западу, пересекаясь с первой автомагистралью в районе садово-огороднического товарищества «Калинка». Реализация подобной планировочной идеи приведёт к полному уничтожению историко-культурного и природного наследия и потому категорически недопустима.

Комплексная схема эколого-планировочной организации природно-археологического парка Барсова Гора[7] — одна из первых научно-проектных документаций, которая была разработана с учётом археологического, природно-ландшафтного и рекреационного факторов. Но даже в ней заложены механизмы уничтожения культурного наследия, пусть и в несравнимо меньших масштабах. Так, в эскизном проекте эколого-планировочной организации территории в лесном массиве к

востоку от п. Барсово предусмотрены следующие объекты: входной павильон с автостоянкой, «священная площадь» с музеем (на городище Барсова Гора III/7, которое в таком случае будет полностью уничтожено) и рекреационная площадь. А в северо-западном лесном массиве спроектирована детская железная дорога с разветвленной сетью покрытых пешеходных дорог. Их расположение ввиду значительного увеличения антропогенных нагрузок во многом противоречит главной задаче — сохранению территории в ее первозданном состоянии.

Основные претензии к проекту застройки п. Барсово, разработанному в 2004 г. ООО Архитектурно-планировочное бюро «Галан»[8], заключаются в следующем:

— во-первых, границы проектирования ни в коем случае не должны выходить за существующую территорию застройки п. Барсово;

— во-вторых, на прилегающих к посёлку участках леса с юго-запада, юга и юго-востока необходимо исключить любые мероприятия по благоустройству территории (в особенности это касается крытых пешеходных дорожек, поскольку устройство их приведёт к уничтожению находящихся здесь археологических объектов);

— в-третьих, в проекте необходимо предусмотреть ограждение той части посёлка, которая обращена к лесному массиву, — это позволит исключить проезд автотранспорта в глубь зеленой зоны.

Все спроектированные и возводимые здания и сооружения, согласно проекту застройки СОЦ «Олимпия» и ЦСП «Сибирский легион»[9], должны быть расположены в границах землеотвода. Также необходимо категорически исключить из проекта (и проследить на месте во избежание неплановой застройки) следующие объекты: автостоянку (юго-восток СОЦ «Олимпия»), палаточный городок, полосу препятствий, спортивную площадку, футбольное поле и стрельбище (северо-восток ЦСП «Сибирский легион»).

Застройка п. Барсово, согласно прогнозам, даст увеличение численности населения с 5,2 тыс. чел. в 1997 г. до 5,5 тыс. чел. в 2015 г., а в дальнейшей перспективе и до 6,5 тыс. чел.[10] Такая динамика роста населения повлечёт за собой существенное увеличение антропогенных нагрузок как на историко-культурные, так и на природные объекты, которые и без того находятся в критическом состоянии. Поэтому весьма актуальной является разработка и реализация программы переселения части жителей посёлка (в первую очередь — обитателей ветхого жилья) в другие населённые пункты.

Аналогичная ситуация заложена и в проекте застройки СОЦ «Олимпия» и ЦСП «Сибирский легион», где также предусматрива-

ется максимальная их загрузка и использование в ближайшее время. В дальнейшем потребуется дополнительный отвод земли для строительства инженерных коммуникаций, 12-квартирного жилого дома и спортивно-тренировочных сооружений. Все это усугубляется тем, что в данный момент все прилегающие окрестности несанкционированно используются в качестве полигона. На его территории сплошь и рядом видны следы преобразующей ландшафт деятельности — одиночные окопы, траншеи, блиндажи (ил. 15), следы от бульдозеров после расчистки лыжных трасс. Реализация этих проектных решений приведёт к полной деградации уникального в своём роде природного объекта Барсова гора, к полной утрате археологического наследия.

С сожалением приходится констатировать, что заложенная ещё в 1970-х гг. пагубная тенденция к разрушению урочища находит своё дальнейшее проектно-планировочное продолжение и в наши дни. В этой связи необходимо внести коррективы в проектную документацию, а в перспективе разработать проект по каждому из хозяйствующих субъектов, где бы детально были изложены принципиальные позиции в части рационального использования прилегающих к ним участков местности, внеся при этом охранные обязательства.

Ил. 15. **Барсова гора.** Укрепления, сооружённые курсантами ЦСП «Сибирский легион» в археологическом слое. Июль 2005 г. Снято с севера

Анализ проектной документации в очередной раз подтвердил факт профессиональной некомпетентности проектных организаций в вопросах сохранения археологических древностей. Объекты культурного наследия, как правило, воспринимаются ими элементами ландшафта, а не охраняемыми международным, российским и местным правом духовными и материальными ценностями, требующими специфических планировочных подходов. Поэтому большинство указанных факторов были учтены в предложенном авторами архитектурно-планировочном решении, которое стало заключительным этапом составления «Проекта зон охраны историко-культурного и природного наследия на территории урочища Барсова гора». Его планировочная структура, учитывая весь комплекс сложившихся противоречий, состоит из трёх компонентов:

— зона охраны комплекса археологических памятников со строгим режимом содержания (432,543 га);

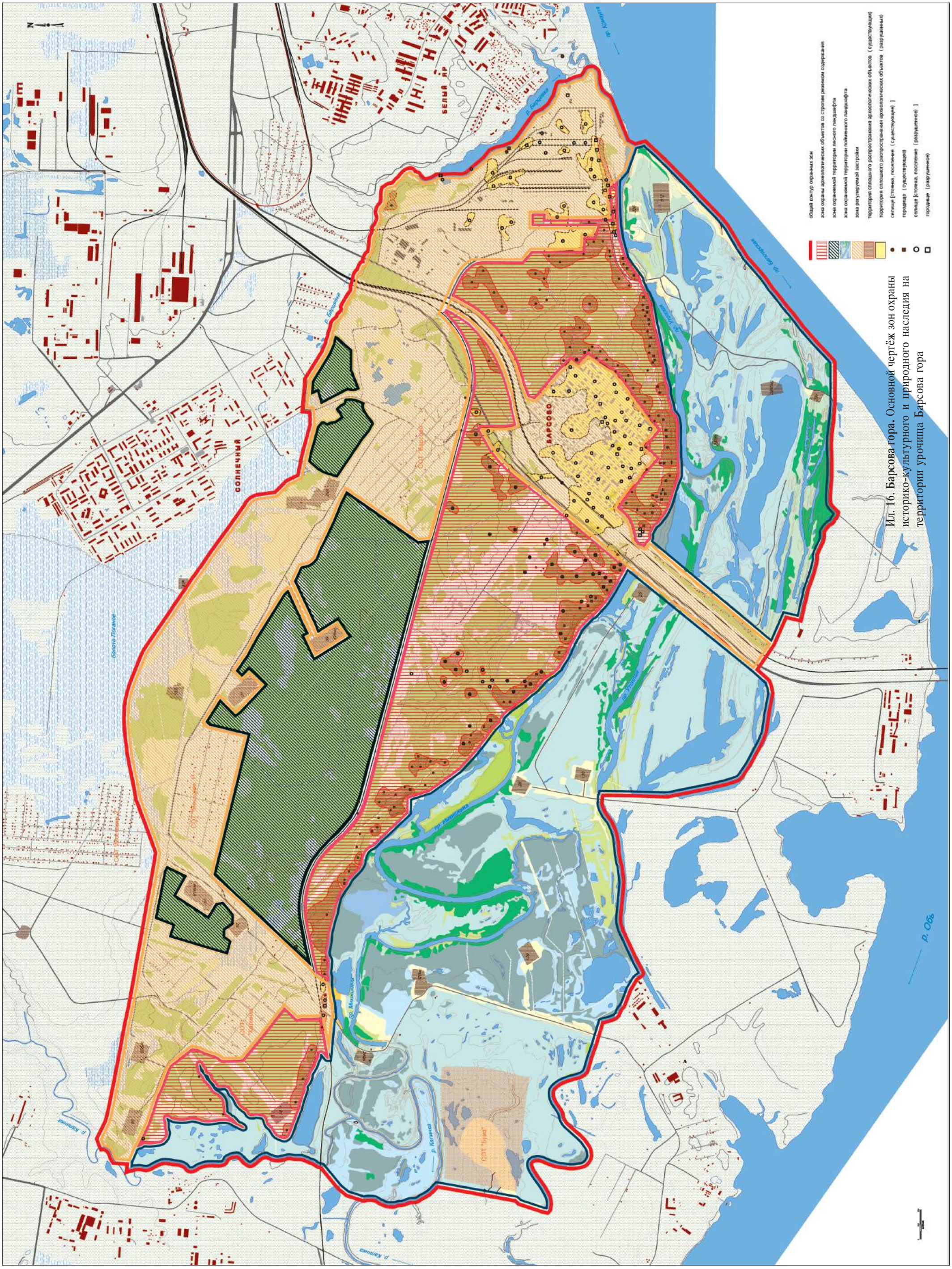
— зона охраны природного ландшафта (1174,983 га);

— зона регулируемой застройки (643,596 га).

В контексте территориального планирования они в совокупности образуют функциональную зону с особым режимом содержания.

Проектно-планировочное решение представлено на *основном чертеже* зон охраны объектов историко-культурного и природного наследия, расположенных на территории урочища Барсова гора (ил. 16). Общий контур охранных зон площадью — 2251,122 га на востоке ограничен р. Барцевкой, на западе — р. Калинкой, на севере — болотом Поганым, а на юге — проходит почти посередине пойменного участка между береговой линией Оби и коренной правобережной террасой (Барсовой горой). Особая роль охранных зон, помимо обеспечения сохранности историко-культурного и природного наследия, состоит в том, чтобы в структуре генерального плана развития г. Сургута (вместе с промысловой инфраструктурой Западно-Сургутского месторождения) заложить ряд дополнительных функций: санитарно-защитную, рекреационную, природоохранную.

Невзирая на все потери, понесенные за годы интенсивного нефтепромыслового освоения, территория урочища Барсова гора не утратила своей ценности и по сей день. Поэтому сохранение её для грядущих поколений составило главную цель архитектурно-планировочного решения, первоочередная задача которого состояла в обосновании оптимальных границ охранных зон с указанием режима их дальнейшего содержания. По итогам составленного проекта предлагается следующий комплекс неотложных охранных мероприятий:

Ил. 16. **Барсова гора.** Основной чертёж зон охраны историко-культурного и природного наследия на территории урочища Барсова гора

Это вклейка (2 фальца, вклеивается по верхнему левому углу) после стр. 96.

— общий контур охранных зон ввести в градостроительный кадастр в качестве функциональной территории с особым режимом содержания, исключив, таким образом, не только любую застройку, но и землеотводы;
— при составлении концепции развития к генеральному плану г. Сургута предусмотреть зоны массового кратковременного отдыха (доступность не более 1,5 часа) без учёта охранной зоны территории урочища Барсова гора;
— в целях снижения антропогенной нагрузки на территорию внести коррективы в существующую проектную документацию;
— разработать проект обустройства границы зон охраны урочища Барсова гора, заключив при этом охранные обязательства с каждым субъектом, который ведёт хозяйственную деятельность на данной территории.

Важнейшим условием надлежащего сохранения территории является установление жёсткого режима её содержания. Для этого необходима реализация ряда технических мероприятий, связанных с выносом внешнего контура границ охранных зон в натуру, включая обустройство их на местности, что и должно составить первоочередной этап реализации проекта. Без соблюдения указанных мероприятий, при доминировании лишь спонтанно-потребительской практики освоения территории, как это было и остаётся в настоящее время, уникальный объект культурного и природного наследия урочище Барсова гора будет утерян безвозвратно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Наиболее крупные публикации об объектах археологического наследия на Барсовой горе: **Arne T.J.** Barsoff Gorodok: Ein westsibirisches Grdberfeld. — Stockholm, 1935. — 133 S.; Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут, 2002. — 223 с.; **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. — 207 с.; **Арне Т.Й.** Барсов Городок: Западносибирский могильник железного века. — Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. — 182 с.; Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008. — 300 с.; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — 222 с.

[2] **Чемякин Ю.П., Зыков А. П.** Барсова гора: археологическая карта... — С. 6.

[3] **Ведмидь Г.П., Визгалов Г.П.** Проект зон охраны памятников истории и культуры на землях историко-культурного назначения «Зимние Совкунины». — Нефтеюганск, 2001.

[4] Проект установления водоохранных зон и прибрежных полос рек и озёр в границах ИКК «Барсова Гора» / ЗАО «ИНТЕХСЕРВИС». — Тюмень, 2004. — БИИКФ «Барсова Гора». Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 464.

[5] **Тюрин В.Н.** Мониторинг изменения растительного покрова и экосистем поймы Оби с использованием аэроснимков (на примере о. Зубатинский). // Биологические ресурсы и природопользование. — Сургут: Дефис, 2004. — Вып. 7. — С. 120—129.

[6] Концепции развития г. Сургута / ГУП «НИИП градостроительства». — СПб., 2001. — Интернет-ресурс: www.admsurqut.ru.

[7] Комплексная схема эколого-планировочной организации природно-археологического парка «Барсова Гора» в Сургутском районе Тюменской области / Институт ЛенНИИП градостроительства. — СПб., 1993. — БИИКФ «Барсова Гора». Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 98.

[8] Проект застройки посёлка Барсово Сургутского района / ООО «Архитектурно-планировочное бюро «Галан». Производственный кооператив. Головной проектный институт «Челябинскгражданпроект». — Сургут; Челябинск, 2004. — Архив ООО «Архитектурно-планировочное бюро «Галан». № 1-18/04(0743391074).

[9] Застройка ГМУ СОЦ «Олимпия» и «Сибирский легион» / ООО «Архитектурно-планировочное бюро «Галан». Производственный кооператив. Головной проектный институт «Челябинскгражданпроект». — Сургут, 2004. — Архив ООО «Архитектурно-планировочное бюро «Галан». № 29/2003.

[10] Проект застройки п. Барсово Сургутского района... — С. 25.

К проблеме выявления и изучения наследия тобольских иконописцев на территории Югры

Н.В. Сухорукова
г. Ханты-Мансийск
Департамент культуры и искусства
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Тобольские мастера-иконники постоянно участвовали в создании иконостасов на севере Тобольской губернии (современной территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры), но дополнительную динамику этот процесс приобрёл после указа Сибирского губернатора М.П. Гагарина от 1713 г. В этом распорядительном документе, ставшем реакцией высшего должностного лица региона на результаты первой миссионерской поездки схимонаха Феодора (бывшего митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского), «берёзовским остякам» предписывалось в каждой волости сделать по церкви, и *«иконников нанять в Тобольске»*[1]. Средства для этого были выделены казённые, но значительные пожертвования сделал сам губернатор и схимонах Феодор.

Творчество тобольских подрядных иконописцев на севере, их неизвестные пока имена ещё ждут своего выявления и изучения. Для этого необходима кропотливая работа в архивах. Первым результатом такого поиска можно признать корпус документов из Тобольского государственного архива, самые ранние из которых относятся к кон. XVIII в.

Они связаны со строительством каменной Сургутской Троицкой церкви, которая была заложена 8 марта 1781 г.[2] В 1794 г. строительство храма было завершено, и со следующего года началось создание иконостаса. Подряд был заключён с известным тобольским живописцем Фёдором Черепановым – представителем славной тобольской династии ямщиков, исследователей, архитекторов, художников и летописцев. Иконостас Троицкой церкви изготавливался в течение пяти лет, тогда как обычно такая работа занимала не более года. Это было связано с затягиванием сроков подготовительных работ – к приездам мастера

то не оказывалось досок для икон, то не была выполнена резьба тяг и колонн по утвержденному эскизу... Причиной было отсутствие в городе ремесленников и цеховых мастеров. В нач. XIX в. среди сословий сургутян к цеховым относилась лишь семья Андрея Щепёткина, да и та вскоре перешла в мещанское сословие[3]. Поскольку выплата по подряду в Сургуте постоянно задерживалась, Ф. Черепанов был вынужден параллельно выезжать для работы в другие города. В частности, именно в это время он получил заказ на создание иконостаса в Тюменской Знаменской церкви.

В 1799 г. все иконы для Сургутской Троицкой церкви были написаны, дело осталось за золочением. Этот процесс должен был выполнить сын живописца Евграф, однако необязательность заказчиков коснулась и его. Евграф Черепанов выехал в Сургут в марте 1800 г., однако до декабря вынужден был сидеть без работы и, соответственно, без средств к существованию, поскольку не было подготовлено сусальное золото. Только в первой половине 1801 г. последний штрих на иконостасе был нанесён, и 1 июля Троицкий собор в г. Сургуте был освящён (ил. 1)[4].

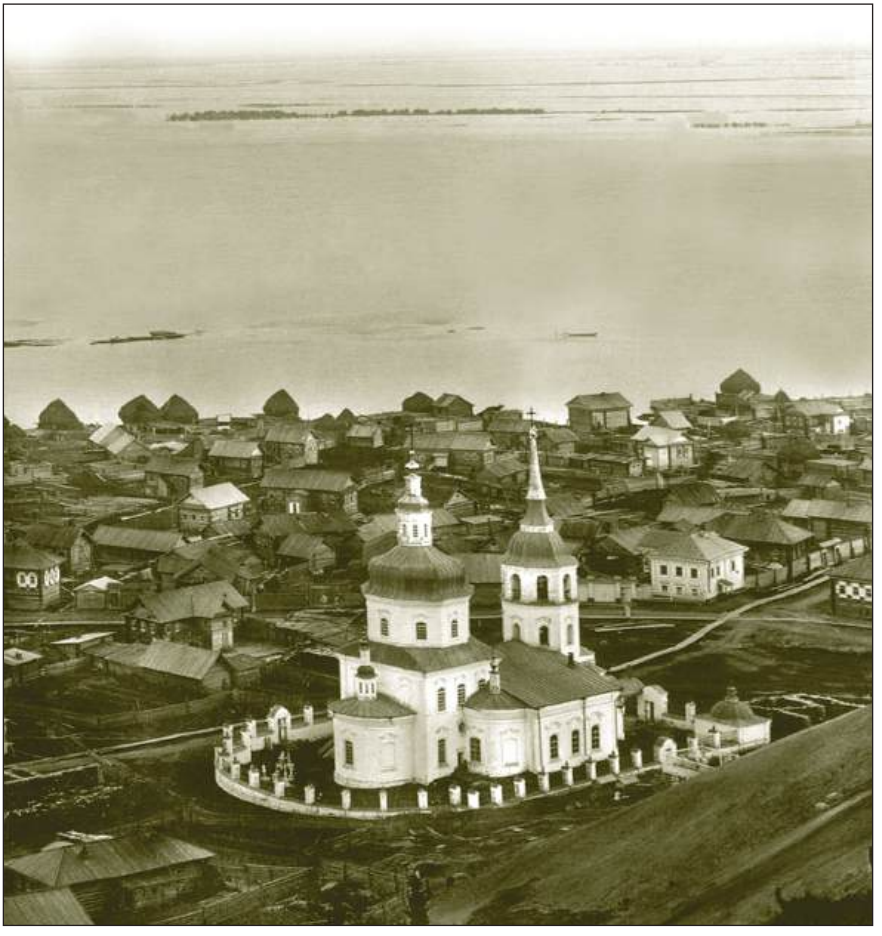
В 1860-х гг. в с. Самаровском завершилось строительство тёплого придела к Покровскому собору (ил. 2). В путевых дневниках Тоболь-

Ил. 1. Церковь Святой Троицы. Г. Сургут. Нач. XX в.

ского архиепископа Варлаама указано, что *«...тёплая церковь с поставлением новых и прекрасно вызолоченных иконостасов отделана великолепно, за что старосте, причту и всем вообще прихожанам-благотворителям объявить моё благословение. Материалы прихожане покупали сами и выдавали из своих рук подрядчику Голышеву; но и за сим работа, произведённая Голышевым, окончена изящно»*. В данном случае подрядчик Голышев руководил строительными работами. А автором иконостаса в то время вполне мог быть тобольский живописец Иван Иванович Козлов.

Этот же мастер выполнил в 1860-х гг. иконостас в Юганской церкви. Архиепископ Варлаам отмечал, что *«...в этой церкви иконописец*

Ил. 2. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. С. Самаровское. Нач. XX в.

Козлов отделал иконостас очень хорошо и добросовестно, и за небольшую сумму, менее 1000 р[уб]» [5].

Сведения об иконописце Иване Козлове впервые встречаются в архивных материалах Тобольской Спасской церкви, для которой он в 1861 г. выполнил иконостас[6]. Сословная принадлежность художника обозначена как *«тобольский мещанин из поселенцев»*. Где Иван Козлов получил живописное образование, неизвестно, но художником он был профессиональным. Об этом свидетельствует сохранившийся в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника портрет митрополита Тобольского и Сибирского Иоанна Максимовича, выполненный в 1849 г. (ил. 3).

Ил. 3. Портрет митрополита Тобольского и Сибирского Иоанна Максимовича. Худ. И. Козлов. 1849 г. *Фонды Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника*

Вероятно, поводом для написания портрета стало чудо от иконы Тобольской Божьей Матери, перед которой на коленях скончался местночтимый митрополит Иоанн. В 1848 г. эта икона вместе с иконами Почаевской и Абалакской Божьей Матери была пронесена крестным ходом по городу, после чего прекратилась страшная эпидемия холеры. Икона висела в приделе Софийского собора над гробницей митрополита Иоанна. Следовательно, и сам митрополит стал почитаться причастным к чуду. А окончательное включение святителя Иоанна в число почитаемых персон произошло после того, как в ходе ремонта Софийского собора в 1846 г. его мощи были освидетельствованы, признаны нетленными и перенесены в Иоанно-Златоустовский придел.

На протяжении 30 лет Иван Козлов получал заказы в Тобольской епархии. Например, известно, что в 1873 г. им были написаны иконы

Ил. 4. Церковь Воскресения Христова. Г. Берёзов. Нач. XX в.

для нового иконостаса в тёплом Введенском храме Иоанно-Введенского женского монастыря. А в 1883 г. он же сделал иконостас для Берёзовского Воскресенского собора (ил. 4)[7].

В изготовлении иконостасов на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа принимали участие и монахини женского Иоанно-Введенского монастыря, находившегося недалеко от г. Тобольска. Иконописание в этой обители было основано выходцами из уральской школы. Предположительно к мастерским Иоанно-Введенского монастыря можно отнести икону «Богоматерь Тобольская», которая хранится сегодня в фондах Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске (ил. 5). Во-первых, эта работа, несомненно, входит в круг изделий именно уральской школы. Во-вторых, в стиле написания ликов и в декоративном оформлении она обнаруживает

прямые параллели среди немногих сохранившихся в Тобольске икон, написанных мастерицами Иоанно-Введенского монастыря.

В 1919 г. в монастырь от причта церкви во имя иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радость» (с. Елизаровское Берёзовского уезда Тобольской губернии) поступил один из последних заказов — на 12 икон для иконостаса по 150 руб. за штуку. Скорее всего, этот заказ остался невыполненным, так как монастырь в том же году был закрыт.

Ил. 5. Икона «Тобольская Пресвятая Богородица». Кон. XIX в. *Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск)*

Даже при первом приближении и небольшом наборе архивных документов становятся очевидными, как минимум, два вывода. Первый: с кон. XVIII в. до нач. XX в. в изготовлении иконостасов на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа самое активное участие принимали тобольские иконописцы. И второй: необходимо провести специальную работу по поиску и постановке на учёт икон тобольского письма, находящихся сегодня в Югре. Причём поле деятельности не следует ограничивать только полевыми работами в старожильческих селениях, где за последние полвека большая часть этого культурного наследия была изъята как музейными экспедициями, так и частными коллекционерами. Необходима искусствоведческая работа в фондах музеев, особенно муниципальных, где из-за нехватки специалистов коллекции икон не атрибутированы и не описаны. При этом работать необходимо не только в югорских учреждениях, но и в музеях других регионов, сотрудники которых проводили фондово-закупочную деятельность на территория Югры в прежние времена (прежде всего, это музеи Тюмени, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Екатеринбурга). Не должны остаться в стороне от этой деятельности и частные коллекции, в которых сосредоточена немалая часть церковной живописи. Конечно, эта работа не проста, но и итог по выявлению и изучению нового пласта историко-культурного наследия Сибири может оказаться впечатляющим.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Шашков А.Т.** Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Русское старожильческое население Югры в конце XVI– середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы / Под ред. А.Г. Мосина. – М.: Галерия, 2007. – С. 109.

[2] ГУТО ГА в г. Тобольске. – Ф. 156. Оп 3. Д. 265. Л. 4.

[3] **Миненко Н.А.** Берёзов и Сургут в XVIII – первой половине XIX в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 107.

[4] ГУТО ГА в г. Тобольске. – Ф. 156. Оп. 4. Д. 617. Л.1–46.

[5] ГУТО ГА в г. Тобольске. – Ф. 156. Оп. 11. Д. 780.

[6] ГУТО ГА в г. Тобольске. – Ф. 92. Оп.1. Д. 4. Л. 232.

[7] Православные приходы Берёзовского края в XIX – начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России.) // Сост., вступ. ст. и коммент. С.В. Турова. – Тюмень: Вектор Бук, 2004. – [Сибирский раритет. Вып. 5]. – С. 352.

Об установлении еженедельного хода почты между Тобольском, Берёзовым и Сургутом (по документам 1898 г.)

Н.В. Сухорукова
г. Ханты-Мансийск
Департамент культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Сибирский почтамт был учреждён в Тобольске в 1800 г. Первоначально почтовые отправления переправлялись только сухопутными дорогами. С развитием хозяйства, ростом населения в Сибири объём почтовых перевозок, естественно, увеличился, а требования к сохранности почтовых отправлений и скорости их доставки возросли. Главным для решения этих проблем было усовершенствование системы перевозок, особенно трудных в условиях бездорожья на севере губернии (нынешняя территория Ханты-Мансийского автономного округа — Югры).

В кон. XIX — нач. XX в. почта отправлялась один раз в неделю. Письма и посылки скапливались в Тобольске, Сургуте, Берёзове. Во время осенних и весенних распутиц этот груз составлял столь значительный обоз, что для его отправки содержателю почтовой станции необходимо было выставлять по две и даже по три пары лошадей и несколько экипажей, хотя по нормам полагалась лишь одна пара лошадей с одной почтовой повозкой. Государственное финансирование почтовых станций на Тобольско-Берёзовском и Самаровско-Сургутском трактах осуществлялось через торги с отдачей в аренду станции.

Некто Кузнецов — старший чиновник особых поручений при тобольском губернаторе — в 1898 г. докладывал: наглядное подтверждение трудностей почтовой гоньбы на Севере, обусловленных крайне редкими сроками хода почт, он наблюдал при отправке почты из Сургута в Тобольск: *«Тобольская почта на Сургут и Берёзов, шедшая из юрт Цингалинских Тобольского округа, следовала на шести лошадях, из которых лишь одна первая пара запряжена была в почтовую повозку, а остальные четыре лошади были запряжены в пошевни и розвальни, не соответствующие, разумеется, ни требованию почтовых правил, ни ручательству за целость помещаемого в них почтового багажа,*

особенно во время тех буранов и непогод, какими отличаются на нашем Севере зимние месяцы. И поэтому остаётся только удивляться, что почтосодержатели Низового края, обязанные по контрактам содержать всего по одной паре лошадей и иметь для них по одной повозке, в подобных приведённых случаях без всяких приплат, безропотно и терпеливо могут выносить выставку для почты четырёх лишних лошадей с увеличенным числом экипажей»[1].

Тобольский губернатор Леонид Михайлович Князев отреагировал на этот доклад донесением в столицу —начальнику Главного управления почт и телеграфов: *«Низовой край, хотя и не густо населён, но по своему положению занимает видное место в губернии. Север губернии имеет в своём районе все рыбные пески, арендуемые в большинстве случаев тоболяками, которые имеют постоянные торговые сношения с северными уездами губернии, посему отсутствие учащенного хода почт чувствуется осязательно и лицами торгового класса, который рыбное дело развивает всё в больших и больших размерах, так, например, устраивает даже консервные заведения. Кроме того, вообще Север Тобольской губернии начинает интересовать разных иностранных учёных, которые в целях науки посвящают себя жизни на несколько лет среди остяков.*

По сим соображениям и в силу того, что к осуществлению намеченного предприятия имеются средства, оставшиеся от ежегодного сбережения платы за содержание тех же почтовых станций в 1899 г., именно более 9000 руб., имею честь ходатайствовать пред Вашим Превосходительством обратить на настоящее дело особенное внимание и не отказать в распоряжении об установлении еженедельного хода почт из Тобольска в Берёзов и Сургут и обратно. Я думаю, что ощущаемый недостаток в личном составе Тобольской почтово-телеграфной конторы, как вызываемый быстрым развитием почтовых сношений, не должен бы служить тормозом в деле улучшения края, усиленно нуждающегося в ускорении почтовых сношений»[2].

Теперь в период навигации почта стала перевозиться на пароходах товарищества Курбатова и Игнатова (ил. 1). За это правительство ежегодно платило товариществу следующие суммы: между Томском и Нарымом — 300 руб., между Нарымом и Тобольском — 700 руб., между Томском и Тобольском — 1000 руб. Пароходы с почтой курсировали еженедельно. Согласно контракту, *«почты, т. е. чемоданы, сумки, баулы и тюки, должны помещаться на палубе пароходов в*

Ил. 1. Служебный пароход «Тюмень» (построен в 1894 г. в г. Тюмени на заводе Курбатова и Игнатова). В 1901 г. принадлежал Министерству путей сообщения и перевозил почту в бассейне р. Оби. Фото С.М. Прокудина-Горского

устроенных товариществом прочных и поместительных окованных железом ящиках (сундуках), каковые ящики должны запираться двумя наружными висячими разного калибра замками, ключи от которых будут находиться у сопровождающих почты чиновников или почталионов; но за целость ящиков отвечает товарищество пароходства. В ночное время, когда зажигаются фонари на пароходах, должен зажигаться также пароходный фонарь и около самого почтового ящика, собственно для освещения при передаче и при приёме почтовой клади.

Господа управляющие почтовою частию в Тобольской и Томской губерниях получают бесплатно билеты на проезд в первом классе, каждый – один раз в лето; чиновники, командируемые от них по делам службы, получают бесплатные билеты на проезд во втором

классе, не более от каждого управляющего трёх раз в навигацию; равным образом и сопровождающие почты почталионы или же смотрители и сортировщики получают помещение в третьем классе, коих должно быть не более двух с следующею на пароходах почтою.

На пристанях – Сургутской, находящейся от Сургута в семи верстах, и Нарымской, находящейся от Нарыма в двух верстах, – товарищество предоставляет для почт, прибывших из сих городов, в ожидании парохода помещение: на первой – в караульной избе при дровах, а на второй – в доме купца Прянишникова. Хотя со стороны почтового ведомства и будет сделано распоряжение, чтобы со станции Демьянской и Самаровской была отвозима почта на пароходах по первому услышанному свистку, но при могущей быть случайности в тёмные ночи, во время густых туманов или же при сильном ветре, когда свисток не будет на станции услышан, то пароход давал бы учащённые свистки, подвигаясь мимо станции малым ходом, и капитан парохода оказывал бы с своей стороны возможное содействие к посадке почты на пароход. Для чего следует на пристанях каждого почтового учреждения непременно пароходу останавливаться и бросать трап на берег, или же по каким-либо случайностям окажется невозможным спустить трап, то давать от парохода лодку для принятия с берега почты, а также и для доставления на берег привезённой на пароходе почты. Стоянка на пристанях вышеприписанных городов не более двух часов. Ежели капитаном парохода не будет принято мер к посадке почты на пароход и к передаче почты с парохода на берег, и почта будет провезена не переданною и не принятою по принадлежности, то за каждый подобный случай не принятой и не сданной почты он подвергается по усмотрению почтового начальства денежному взысканию до двадцати рублей, каковой штраф и удерживается казначейством из рядной суммы на перевозку на пароходах почт по сообщению управляющего почтовою частию»[3].

Даже эти немногочисленные документы со всей очевидностью показывают, с какими трудностями пришлось столкнуться устроителям почтовой связи в таком обширном по площади, пустынном по населению и тяжёлом по природно-климатическим условиям краю, каким была тогда Югра. Это обстоятельство, а также тот факт, что жизнь многих населённых пунктов вдоль Оби и Иртыша (включая нынешнюю столицу округа г. Ханты-Мансийск) началась с учреждения почтовых

ямов, а почтовый тракт, по сути, стал первым этапом государственного обустройства и заселения северо-западных окраин империи, обозначают одну достаточно важную проблему, а именно, указанное явление — векторное, как представляется, для локальной югорской истории — до сих пор не нашло достойного своему масштабу отражения ни в научных исследованиях, ни в популярных публикациях, ни в музейных экспозициях, ни в сфере историко-культурного наследия. Службе государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа надлежит предпринять специальные меры по выявлению и постановке на государственный учёт объектов, имеющих отношение к организации почтовой связи в Югре, особенно на ранних её этапах. Причём меры безотлагательные, поскольку, к огромному сожалению, скорость утраты культурного наследия у нас зачастую выше скорости его выявления и изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 152. Оп. 44. Д. 243. Л. 2.
[2] ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 152. Оп. 44. Д. 243. Л. 4.
[3] ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 152. Оп. 44. Д. 134. Л. 8—9.

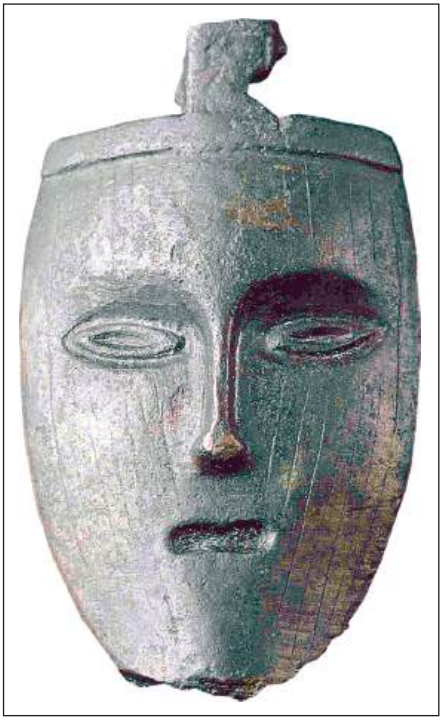

Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа - Югры

История формирования археологического фонда Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске

О.И. Приступа, В.Ф. Туровинина
г. Ханты-Мансийск
Музей природы и человека

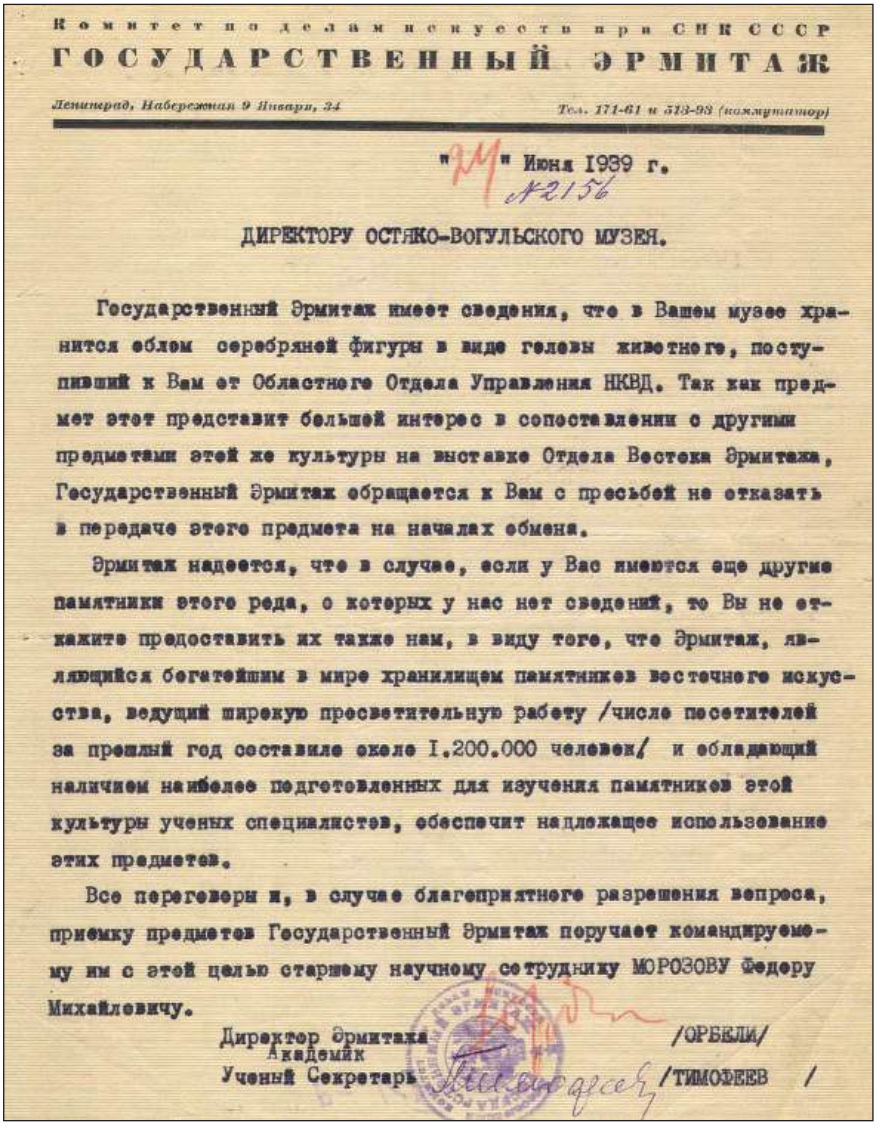
В 1932 г. Уральским облисполкомом было принято решение об организации Остяко-Вогульского краеведческого музея[1]. Таким образом молодой национальный округ откликнулся на призыв ЦК ВКП(б) о «культурно-бытовом походе». Музеи стали важной частью культурной революции, наглядно показывавшие тёмное прошлое на фоне достижений социалистического общества.

У истоков создания Остяко-Вогульского музея стоял Иван Андреевич Шабалин (1888—1937) — человек, чья жизнь повторила судьбу многих, погибших в застенках НКВД[2]. Парадоксально, но археологический фонд и архив музея начали комплектоваться... органами НКВД. С 1936 по 1940 г. Остяко-Вогульским окружным отделением НКВД в музей были отданы «шаманские божки» и несколько уникальнейших экспонатов — бронзовые зеркала с графическими рисунками, бронзовые антропоморфные фигурки и личины (ил. 1), серебряная

Ил. 1. Бронзовая антропоморфная личина, переданная в музей органами НКВД в кон. 1930-х гг. III—IX вв. *Фонды Музея природы и человека*

голова «дракона» и другое. Первое научное описание многие из этих вещей получили в 1941 г. благодаря ленинградскому этнографу Н.Ф. Прытковой[3]. Сопоставив лишь некоторые факты 1930-х гг. — борьбу с «религиозными пережитками», расшаманивание, Казымское вос-

Комитет по делам искусств при СНК СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
Ленинград, Набережная 9 Января, 24 Тел. 171-61 и 513-93 (коммутатор)

"24" Июня 1939 г.
№2156

ДИРЕКТОРУ ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОГО МУЗЕЯ.

Государственный Эрмитаж имеет сведения, что в Вашем музее хранится облом серебряной фигуры в виде головы животного, поступивший к Вам от Областного Отдела Управления НКВД. Так как предмет этот представит большой интерес в сопоставлении с другими предметами этой же культуры на выставке Отдела Востока Эрмитажа, Государственный Эрмитаж обращается к Вам с просьбой не отказать в передаче этого предмета на началах обмена.

Эрмитаж надеется, что в случае, если у Вас имеются еще другие памятники этого рода, о которых у нас нет сведений, то Вы не откажите предоставить их также нам, в виду того, что Эрмитаж, являющийся богатейшим в мире хранилищем памятников восточного искусства, ведущий широкую просветительную работу /число посетителей за прошлый год составило около 1.200.000 человек/ и обладающий наличием наиболее подготовленных для изучения памятников этой культуры ученых специалистов, обеспечит надлежащее использование этих предметов.

Все переговоры и, в случае благоприятного разрешения вопроса, приемку предметов Государственный Эрмитаж поручает командируемому им с этой целью старшему научному сотруднику МОРОЗОВУ Федору Михайловичу.

Директор Эрмитажа Академик /ОРБЕЛИ/
Ученый Секретарь /ТИМОФЕЕВ /

Ил. 2. Письмо директора Эрмитажа академика И.А. Орбели в Остяко-Вогульский музей. 24 июня 1939 г. *Архив Музея природы и человека*

стание, — несложно предположить источники и историю переданных предметов, большинство из которых имеют культовый характер.

В 1939 г. в Остяко-Вогульский краеведческий музей был командирован старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, член Комитета по делам искусств при СНК СССР Ф.М. Морозов (ил. 2). Ему поручили осуществить *«в порядке обмена»* отбор музейных предметов высокого научного и художественного значения для выставки отдела Востока Эрмитажа. В качестве обмена Остяко-Вогульскому музею были обещаны копии предметов и научная литература. В результате из музея были увезены ряд этнографических вещей и большая часть немногочисленного к тому времени фонда археологии (в том числе серебряный штандарт в виде головы «дракона» и бронзовое зеркало). Обещанные копии получены так и не были, а в благодарственном письме директора Эрмитажа академика И.А. Орбели была высказана просьба предоставить для изучения оставшиеся бронзовые зеркала с графическими рисунками (ил. 3). По воле судьбы эти вещи остались в музее Остяко-Вогульска, став сегодня подлинной жемчужиной в археологическом собрании музея.

Что касается формирования фонда древностей, то в 1940-х гг. пополнение шло в основном за счёт случайных находок. В нач. 1950-х гг. в окружной музей поступило несколько коллекций из Тюменского областного краеведческого музея — из раскопок 1926—1929 гг. П.А. Дмитриева и П.А. Россомахина на Мысовской, Липчинской и Андреевской стоянках.

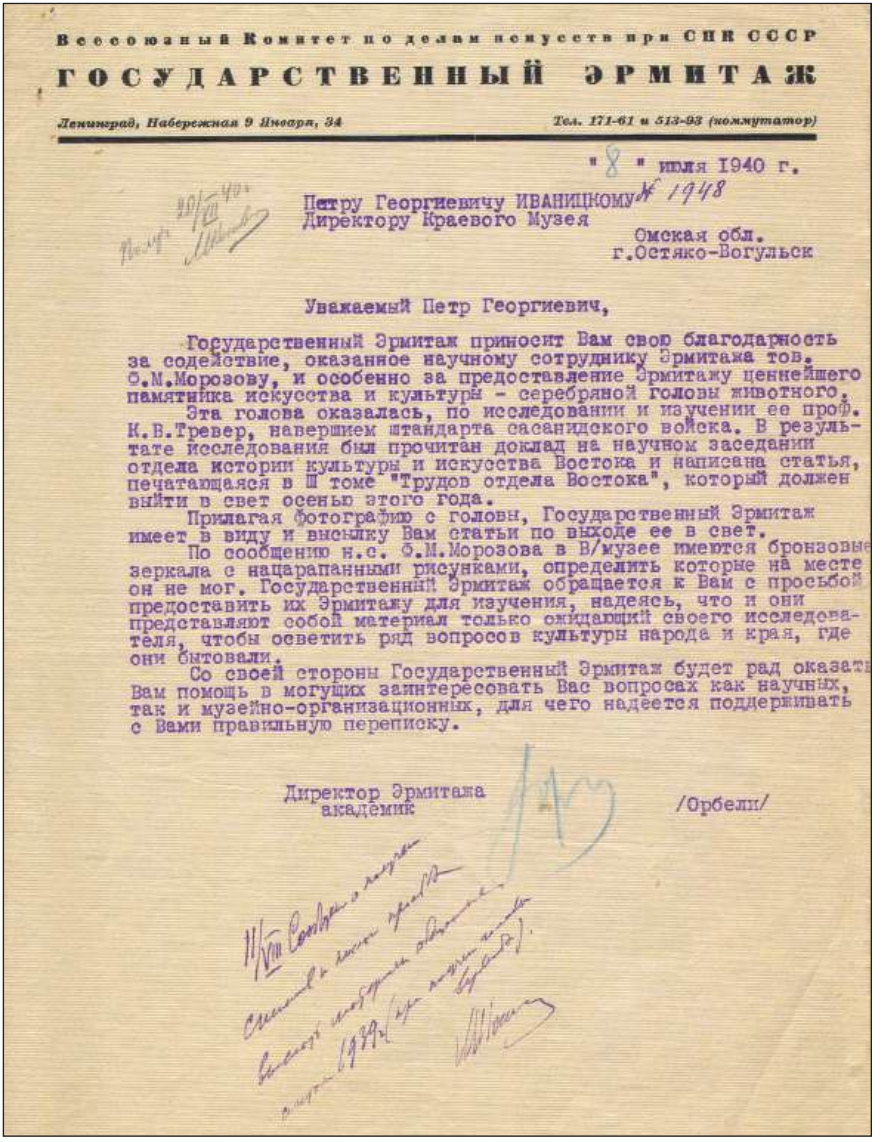
В 1956 г. Т.П. Воробьева — первый специалист-археолог музея — работала в экспедиции вместе с научными сотрудниками Института истории материальной культуры АН СССР (в том числе с известным в будущем этнографом-угроведом З.П. Соколовой)[4]. Экспедицией был обследован район п. Берёзово, бассейн р. Казым, окрестности оз. Хуллор и собран подъёмный материал. Т.П. Воробьёвой также были частично изучены окрестности г. Ханты-Мансийска и с. Селиярово.

В 1959 г. в Кондинском, а в 1960 г. в Берёзовском районе работал научный сотрудник музея Ю.И. Гордеев. Им были осмотрены окрестности нескольких населённых пунктов: Берёзово, Чантырья, Болчары, Горный, Шаим, Нахрачи, Леуши[5]. Результатом этой экспедиции стало пополнение фондов музея сборами с поверхности археологических памятников.

В 1963 г. научный сотрудник музея В.С. Алачев был командирован по служебным делам в Октябрьский р-н. В ходе этой поездки им были

собраны различными предметы из керамики, кости, камня, бронзы и железа.

В 1970-х гг. археологический фонд пополнялся за счёт случайных находок, в настоящее время вошедших в экспозицию музея «Связь

Всесоюзный Комитет по делам искусств при СНК СССР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Ленинград, Набережная 9 Января, 34 Тел. 171-61 и 513-93 (коммутатор)

"8" июля 1940 г.

№ 1948

Петру Георгиевичу ИВАНИЦКОМУ
Директору Краевого Музея
Омская обл.
г.Остяко-Вогульск

Уважаемый Петр Георгиевич,

Государственный Эрмитаж приносит Вам свою благодарность за содействие, оказанное научному сотруднику Эрмитажа тов. С.М.Морозову, и особенно за предоставление Эрмитажу ценнейшего памятника искусства и культуры - серебряной головы животного.

Эта голова оказалась, по исследовании и изучении ее проф. К.В.Тревер, навершием штандарта сасанидского войска. В результате исследования был прочитан доклад на научном заседании отдела истории культуры и искусства Востока и написана статья, печатающаяся в III томе "Трудов отдела Востока", который должен выйти в свет осенью этого года.

Прилагая фотографию с головы, Государственный Эрмитаж имеет в виду и вкнижку Вам статьи по выходе ее в свет.

По сообщению н.с. С.М.Морозова в В/музее имеются бронзовые зеркала с нацарапанными рисунками, определить которые на месте он не мог. Государственный Эрмитаж обращается к Вам с просьбой предоставить их Эрмитажу для изучения, надеясь, что и они представляют собой материал только ожидающий своего исследователя, чтобы осветить ряд вопросов культуры народа и края, где они бытовали.

Со своей стороны Государственный Эрмитаж будет рад оказать Вам помощь в могущих заинтересовать Вас вопросах как научных, так и музейно-организационных, для чего надеется поддерживать с Вами правильную переписку.

Директор Эрмитажа
академик /Орбели/

Ил. 3. Письмо директора Эрмитажа академика И.А. Орбели директору Остяко-Вогульского музея. 8 июля 1940 г. *Архив Музея природы и человека*

времён. Историческое время». Это бронзовые и каменные наконечники стрел, железные наконечники копий, каменные топоры и тёсла (ил. 4), чугунные ядра, бердыш и др.

В 1981 г. в музее появилась первая крупная коллекция — с городища Рачёвского (Уватский р-н Тюменской обл.). Раскопки были проведены уральским археологом Л.М. Тереховой. Коллекцию составили материалы XI—XII вв.: украшения, культовое литьё, предметы металлургического производства, глиняная пластика и многое другое. В те же годы были приняты в дар предметы и от частных лиц: коллекция керамики с местонахождения Малый Атлым (бронзовый век, Средневековье), коллекция предметов из могилы у д. Чемаши (перв. пол. XVIII в.).

Ил. 4. Каменные тёсла. Случайные находки в Октябрьском р-не ХМАО — Югры. V—III тыс. до н. э. *Фонды Музея природы и человека*

Ил. 5. Каменные ножи. Поселение Чэс-Тый-Яг в Берёзовском р-не ХМАО — Югры. V тыс. до н. э. *Фонды Музея природы и человека*

В 1991—1992 гг. поступила коллекция сборов екатеринбургского археолога В.М. Морозова из разведки в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского р-на; в 1993 г. — собрание тюменского археолога А.П. Заха с городища Цингалы (XIII—XV вв.) в Ханты-Мансийском р-не; в 1997 г. — сборы московского археолога В.Ф. Старкова из Кондинского р-на и материалы раскопок екатеринбургских учёных А.П. Зыкова и С.Ф. Кокшарова на Ендырском I городище (ранний железный век, Средневековье) и Ендырском I могильнике (Средневековье) в Октябрьском р-не.

В связи с созданием в 1998 г. в ХМАО нового органа исполнительной власти — Службы главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия — в музей начали поступать коллекции, сформированные в результате договорных работ. В 2000 г. фонды пополнили интереснейшие коллекции с энеолитического поселения Каксинская Гора III в Белоярском р-не и с многослойного памятника (городище и святилище) Стариков Мыс в Ханты-Мансийском р-не (автор раскопок — екатеринбуржец В.М. Морозов); с поселения бронзового века Малый Атлым I в Октябрьском р-не, неолитического поселения Чес-Тый-Яг (ил. 5) и многослойного (от энеолита до Средневековья) поселения Хулюм-Сунт в Берёзовском р-не (автор раскопок — томич Е.А. Васильев); с многослойного поселения Пашкин бор I в Кондинском р-не (автор раскопок — Н.К. Стефанова из г. Екатеринбурга).

В 2000-х гг. музейные фонды пополнялись коллекциями, полученными в ходе исследовательских работ сотрудников отдела археологии музея (приложение 1). Прежде всего, это собрание из раскопок О.И. Приступа средневековых городищ Увал и Самаров Городок в окрестностях г. Ханты-Мансийска. Новые материалы существенно пополнили информацию об истории микрорайона. Коллекция предметов с городища раннего железного века Няксимволь I, скомплектованная раскопками Д.О. Стародумова, по праву входит в число ценнейших экспонатов в фондах музея. Не менее ценно и собрание каменных артефактов с местонахождения Луговское — самой северной верхнепалеолитической стоянки Западной Сибири — из раскопок С.С. Макарова.

В связи с созданием в нач. 2000-х гг. раздела постоянной экспозиции «Историческое время» в музей начали активно поступать археологические коллекции из соседних регионов. Здесь особо следует отметить собрание средневековых предметов с Сайгатинского III могильника в Сургутском р-не, сформированное раскопками Л.М. Тереховой.

Особую ценность представляют многочисленные изделия из серебра, уникальная деревянная и берестяная утварь и многое другое.

В последние годы фонды музея были значительно увеличены за счёт коллекций, переданных сибирскими и уральскими исследователями — А.В. Бауло и А.В. Новиковым из г. Новосибирска, Е.А. Васильевым из г. Томска, Е.М. Беспрозванным и А.А. Погодиным из г. Екатеринбурга и др.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Со времени своего основания и до кон. 1990-х гг. в Музее природы и человека не велось целенаправленного комплектования археологического фонда, который формировался случайными поступлениями. Причиной тому было отсутствие программы комплектования и штатных специалистов-археологов. Ситуация изменилась по двум причинам: во-первых, в связи с созданием в 1998 г. вышеуказанного органа исполнительной власти, ответственного за сохранение историко-культурного наследия. Одним из направлений его деятельности стал контроль за судьбой коллекций после проведения работ по сохранению объектов археологического наследия: если раньше они почти всегда вывозились за пределы округа, то теперь стали оставаться на госхранении в Югре. Во-вторых, появились материальные и кадровые основания для формирования собственного археологического собрания. Они были обусловлены кардинальной реконструкцией центрального краеведческого музея округа, получившего в 1997 г. название «Музей природы и человека», сформировавшего штат научных сотрудников и разработавшего программу развития, включавшую и раздел комплектования фондов.

Таблица

Состав фонда археологии Музея природы и человека на 31.12.2009 (по материалам)

Материал	Кол-во (ед. хр.)
Керамика	21370
Камень	3418
Железо	890
Кость	669
Бронза	661
Медь	303
Серебро	248
Олово	84
Стекло	246
Шлак	216
Береста	186
Смешанные материалы	141
Дерево	122
Органика (ткань, мех и пр.)	49
ИТОГО	28603

По данным на 2009 г., в фонде археологии на постоянном хранении числилось 28603 ед. хр., в обработке (на временном хранении) — более 16000 ед. хр.

Сегодня в музее созданы необходимые условия для хранения археологического собрания. Есть три специализированных хранилища. Вся работа по учёту и хранению ведётся хранителем археологических коллек-

ций. В экспозициях предметы археологии находятся в специальных герметичных витринах, часть которых оборудована приборами контроля температурно-влажностного режима. В штате музея есть профессиональный реставратор, имеющий допуск к работе с археологическим металлом. Предметы из археологического фонда регулярно используются в экспозиционной работе музея, публикуются в каталогах, научных и научно-популярных изданиях, средствах массовой информации.

Сформированный трудом многих людей фонд археологии Музея природы и человека является самым большим собранием археологических древностей Югры. Это собрание бережно хранится, регулярно пополняется, обрабатывается и выполняет свою познавательную миссию в деле изучения и популяризации истории нашего таёжного края.

Приложение 1

Полевые работы сотрудников отдела археологии Музея природы и человека

1999 г.

1. **Д.О. Стародумов.** Проведена разведка в Ханты-Мансийском р-не (включая город Ханты-Мансийск). Обследованы: Самаров городок, поселение Самарово I.

2. **О.И. Приступа.** Проведена разведка в Ханты-Мансийском р-не. Открыт новый памятник в окрестностях г. Ханты-Мансийска — городище Увал (VII—XII вв.), выявлены два новых памятника на левом берегу р. Оби в урочище Троицкий Сор — поселения Троицкий Сор I и Троицкий Сор II.

2000 г.

1. **Д.О. Стародумов.** Проведена разведка в Берёзовском р-не. Обследованы: городище Няксимволь I, поселения Няксимволь II, Няксимволь III, Няксимволь IV.

2. **О.И. Приступа.** Проведена разведка в Берёзовском р-не. Открыт новый памятник — городище Берёзово I (X—XIV вв.).

3. **Д.О. Стародумов и О.И. Приступа** в рамках договора о культурном сотрудничестве между Главным управлением культуры ХМАО и Гёчейским музеем области Зала (Венгрия) участвовали в проведении спасательных работ на археологическом памятнике эпохи бронзы (II тыс. до н. э.) Алигвари-мезо (Aligvári-mező).

2001, 2002, 2003 гг.

1. **О.И. Приступа.** Исследовательские раскопки на городище Увал[6].

2003, 2007 гг.

1. **Д.О. Стародумов.** Спасательные работы на городище Няксимволь I.

2004 г.

1. **Е.А. Зайцева.** Проведена разведка в Ханты-Мансийском р-не. Обследовано поселение Горное II[7].

2008 г.

1. **О.И. Приступа.** Исследовательские раскопки на Самаровом городке[8].

2009 г.

1. **Д.О. Стародумов.** Проведена разведка в Ханты-Мансийском р-не. Открыто городище Вош–Тор, обследовано городище Самарово 5.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] **Лазарева С.В.** Тернистый путь к успеху // Музей: вехи жизни. – Ханты-Мансийск, 2007. – С. 16.

[2] **Лазарева С.В.** Тернистый путь к успеху... – С. С. 17–25.

[3] См. статью О.И. Приступа «Заметки о людях и экспозициях. 10-летию отдела археологии в Музее природы и человека посвящается» в этом же сборнике.

[4] **Воробьева Т.П.** Отчёт: О Казымской экспедиции 1956 года. – Ханты-Мансийск, 1956. – Архив Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). – ОФ ХМ. № 832/185. – 113 л.

[5] **Гордеев Ю.И.** Отчёт: По Конде. – Ханты-Мансийск, 1959. – Архив Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). – ОФ ХМ. № 828. – 86 с.

[6] **Приступа О.И.** Результаты исследований средневекового городища Увал // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2002. – Вып. 1. – С. 259–260; **Приступа О.И.** Городище Увал: предварительные итоги раскопок 2003 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2004. – Вып. 2. – С. 338–345; **Косинцев П.А., Приступа О.И.** Историко-экологические исследования городища Увал // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Тюмень; Ханты-Мансийск, 2008. – Вып. 6. – С. 89–94.

[7] **Зайцева Е.А.** История археологических исследований г. Ханты-Мансийска и некоторые результаты рекогносцировочных работ на поселении Горное II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2007. – Вып. 4. – С. 178–184.

[8] См. статью О.И. Приступа «Легенды и были Самарова городка» в этом же сборнике.

Заметки о людях и экспозициях. 10-летию отдела археологии в Музее природы и человека посвящается

О.И. Приступа
г. Ханты-Мансийск
Музей природы и человека

Путь в тысячу ли начинается с первого шага.
Лао-цзы

Почти восьмидесятилетняя история Музея природы и человека — это долгий путь, сложенный судьбами и деяниями людей. Имена этих людей часто малоизвестны, о некоторых из них почти нет сведений, нет фотографий. Но именно они, эти первопроходцы, сделали тот начальный шаг, с которого и начался путь Остяко-Вогульского краеведческого музея в будущее.

Шёл 1932 год. В маленьком строящемся Остяко-Вогульске появляется тесное деревянное здание краеведческого музея с большими целями и задачами, соответствовавшими ритму молодой страны Советов. *«Считать создание окружного музея делом, имеющим научно-политическое значение»*, — так постановил Остяко-Вогульский окрисполком.

Практически одновременно с Остяко-Вогульским музеем, в 1934 г. были созданы окружная краеведческая организация и Остяко-Вогульское общество краеведов, сыгравшие свою созидательную роль в формировании музея.

Первый директор Иван Андреевич Шабалин активно взялся за развитие музея[1]. И первоочередной задачей стало структурирование учреждения и экспозиции. Здесь нужно отметить, что в 1930-х гг. археология как самостоятельная наука не выделялась, а была, по определению, *«служанкой истории, вооружённой лопатой»*. Безусловно, предметам древности отдавали должное, но при этом археология сводилась к описанию и датированию артефактов, каждому из которых отводилось своё место в линейке стадиального развития общества. Поэтому в советских музеях, начиная с Октябрьской революции и до перестроечных времён, древние предметы были призваны демонстри-

ровать всего лишь архаичные стадии развития человека, который, благодаря труду, дошёл до вершин эволюции и был готов к строительству светлого коммунистического будущего. В целом, начиная с самой первой экспозиции музея и на многие десятилетия вперёд, предметы археологии выступали дополнительным материалом и показывались в разделах о прошлом края среди этнографических и историко-бытовых экспонатов.

В структурно-тематическом плане экспозиции музея 1936 г., предложенном председателем окружного совета краеведения Петром Семёновичем Карфидовым, под номером один обозначен сектор истории[2]. Основной задачей ставился показ истории народов Крайнего Севера в их борьбе против колонизаторской политики. В разделах, помимо прочего, предлагалось демонстрировать скульптурные реконструкции питекантропа и неандертальца, модели первобытных орудий труда, макеты жилищ. В разделе о колониальной политике России и Ермаке как *«агенте русского торгового капитала»* предлагалось экспонировать пушки, ружья, кольчуги, шлемы, а в разделе о местном населении — луки, стрелы, копья и кандалы.

П.С. Карфидов в 1934—1937 гг. возглавлял окружной совет краеведения. В 1936 г. был исключён из партии (возможно, из-за своего семинарского образования). Был активным помощником окружного музея. В 1951 г. открыл Леушинское городище. Писал исторические повести. Собирал материал о Мангазее, Ермаке[3].

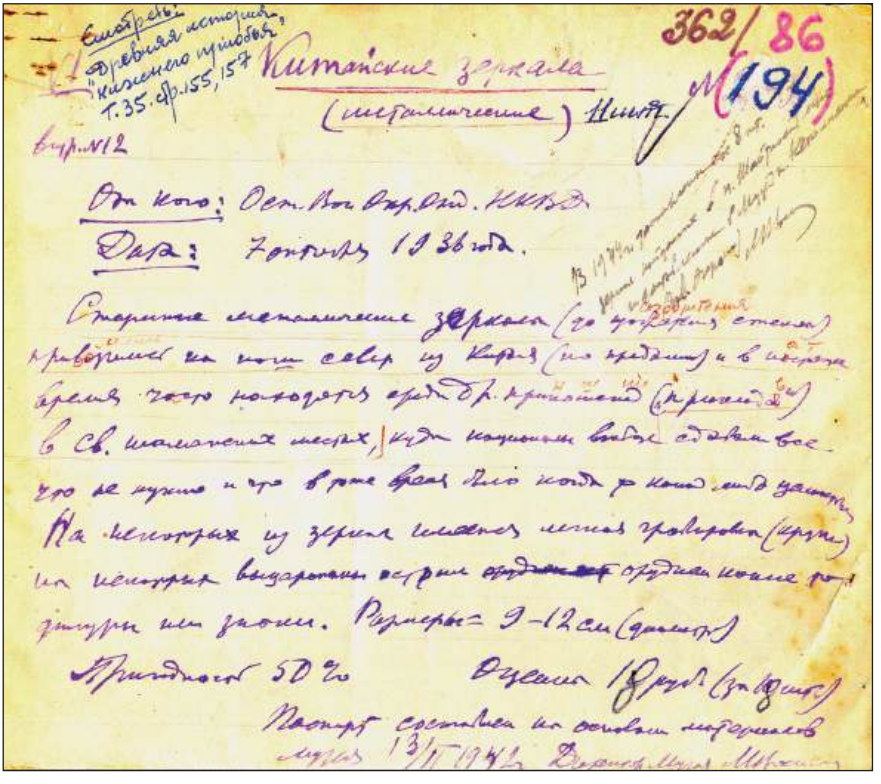
Ещё один член окружного совета краеведения в том же далёком уже 1934 г. был направлен работать на Сосьвинскую культбазу. Это был будущий директор музея Митрофан Алексеевич Воскобойников[4].

Месту нынешнего расположения Ханты-Мансийска как будто исторически и географически было предопределено стать перекрестком дорог или транзитным пунктом для исследователей и путешественников. Количество побывавших здесь именитых людей столь велико, что вполне может составить основу многостраничного труда. Имена многих из них вошли и в летопись нашего музея.

Среди них — молодой учёный (археолог, этнограф, лингвист) Валерий Николаевич Чернецов. Для современного поколения сибиреведов его личность является культовой. Тем приятнее, что, пусть косвенно, но его деятельность коснулась и нашего музея тоже. Причём на этом участке канвы повествования нити путей-дорог учёного Чернецова и краеведа Воскобойникова переплетаются. Что заставило немолодого уже к той поре Митрофана Алексеевича принять участие в экспедиции Валерия Николаевича, теперь уже вряд ли удастся узнать. Под покровом не-

известности остались и обстоятельства их знакомства. Известен лишь факт, что в 1935 г. М.А. Воскобойников работал с В.Н. Чернецовым на археологических памятниках около с. Саранпауль и в районе Сосьвинской культбазы[5]. Любопытно и то, что именно М.А. Воскобойниковым чуть позднее были составлены самые старые из дошедших до наших дней инвентарных карточек на жемчужины археологического фонда — бронзовые зеркала раннего железного века (ил. 1)[6]. А самая ранняя публикация этих зеркал была сделана именно В.Н. Чернецовым — в 1953 г., через 7 лет после смерти Митрофана Алексеевича[7].

В ноябре 1936 г. в совершенно неприспособленном здании музея открылась первая экспозиция. Помещения были маленькими, тесными, с низкими потолками. И эта теснота, малое количество экспонатов, плохое освещение быта и обычаев туземцев не остались не замеченными первыми посетителями, чьи записи сохранились в первой книге отзывов[8].

Ил. 1. Инвентарная карточка на бронзовые зеркала, составленная М.А. Воскобойниковым. 1942 г. *Архив Музея природы и человека*

В 1941 г. ветер военных лет занёс в Остяко-Вогульск ещё одного учёного — этнографа Наталью Фёдоровну Прыткову (ил. 2)[9]. Не сумев вернуться в родной Ленинград, она в годы войны работала в округе, в том числе в окружном музее. Натальей Фёдоровной было сделано описание этнографической коллекции и, заодно, немногочисленных на тот момент предметов археологии (культового литья, переданного окружным отделением НКВД в 1930-х гг.) (ил. 3).

В разделе отчёта о научно-исследовательской работе музея за 1943 г. М.А. Воскобойников, уже директор, указал: *«Если за годы перед войной велись научно-исследовательские работы представителями научных учреждений центра, то результаты их работы увозились в центральные музеи, а окружной центр не получал даже отчётов о проделанных работах. Между прочим, в округе имеется много курганов, могильников и старинных стойбищ, раскопы которых дали бы богатый материал для освещения далёкого прошлого народов ханты и манси... но это возможно только при наличии в штате музея научно подготовленных работников»*[10].

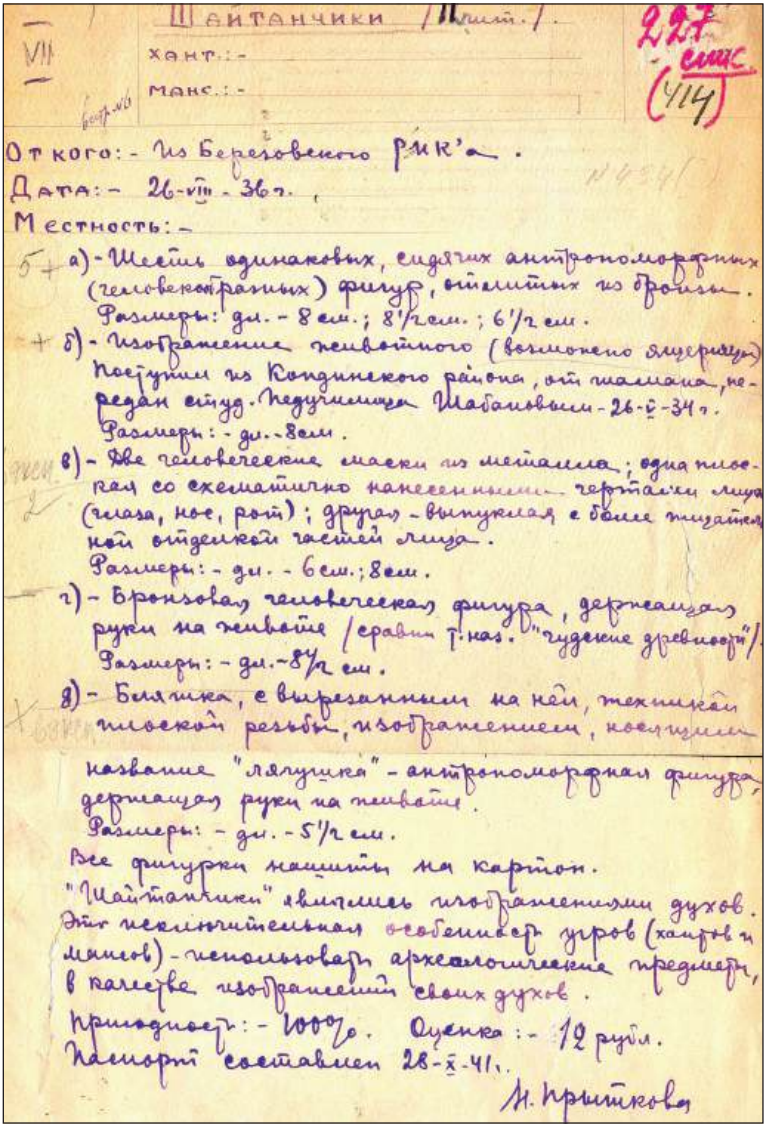

Ил. 2. Н.Ф. Прыткова. 1960-е гг. *Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)*

И лишь в 1955 г. в музей приехала первый специалист-археолог Татьяна Петровна Воробьёва. Тогда же впервые в истории этого учреждения в тематико-экспозиционном плане отдела дореволюционной истории появился самостоятельный раздел «Археология»[11].

Молодая выпускница Уральского государственного университета Т.П. Воробьёва стала вторым научным сотрудником в немногочисленном музейном коллективе — после директора Юлии Сергеевны Липчинской (ил. 4)[12]. На молодого учёного возлагались большие надежды. И, судя по отчётам за три недолгих, но насыщенных года её работы, она эти надежды оправдала. Кроме обработки немногочисленных археологических предметов, Татьяна Петровна участвовала в организации и работе комплексной экспедиции с участием ныне именитого учёного, а тогда аспирантки Ин-та этнографии АН СССР З.П. Соколовой. Побывала она и на сессии археологов в Ленинграде. Обследовала несколько

археологических памятников возле г. Ханты-Мансийска и с. Селиярово, при этом профессионально составила планы, зафиксировала стратиграфию и зарисовала находки. Была одним из авторов первого краеведческого сборника музея (всего вышло два номера)[13]. Являлась

Шайтанчики (Идол.)
VII
хант.:-
манс.:-
227 ешс. (414)
Откого:- Из Березовского РИК'а.
Дата:- 26-VIII-36 г.
Местность:-
а)- Шесть одинаковых, сидячих антропоморфных (человекообразных) фигур, отлитых из бронзы.
Размеры: дл.- 8 см.; 8 1/2 см.; 6 1/2 см.
б)- Изображение животного (возможно лягушки) Поступили из Кондинского района, от шамана, переданы отцу. Подучинским Шабановым - 26-X-34 г.
Размеры:- дл.- 8 см.
в)- Две человеческие маски из металла; одна плоская со схематично нанесенными чертами лица (глаза, нос, рот); другая - выпуклая с более тщательной отделкой частей лица.
Размеры:- дл.- 6 см.; 8 см.
г)- Бронзовая человеческая фигура, держащая руки на животе /сравн. Т. наз. "чудские древности"/
Размеры:- дл.- 8 1/2 см.
д)- Бляшка, с вырезанным на ней, техникой плоской резьбы, изображением, носящим название "лягушка" - антропоморфная фигура, держащая руки на животе.
Размеры:- дл.- 5 1/2 см.
Все фигурки наклеены на картон.
"Шайтанчики" являются изображениями духов. Эти немногочисленные особенности утроб (хантов и манов) - использовать археологические предметы, в качестве изображений своих духов.
Приблизительно: - 1000 г. Оценка:- 12 рублей.
Паспорт составлен 28-X-41.
Н. Прытковой

Ил. 3. Инвентарная карточка на бронзовую металлопластику, составленная Н.Ф. Прытковой. 1941 г. *Архив Музея природы и человека*

членом совета музея, регулярно выезжала с лекциями на тему о прошлом края. Описывала и систематизировала архив, монеты, оружие и прочее. Участвовала в семинаре пропагандистов при горкоме КПСС, была членом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний[14]. После её отъезда в 1958 г. работа с археологическим фондом остановилась. Все действия сводились к записи в акте приёма и редкой записи легенды предмета.

Ил. 4. Н.П. Воробъёва — первый археолог Музея природы и человека. 1957 г. *Фонды Музея природы и человека*

1960-е гг. стали временем очередного подъёма в музейной жизни. В это время в музее работал Виктор Семёнович Алачев, который позднее стал ответственным секретарём окружного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры[15]. В 1966 г. он в качестве сотрудника музея участвовал в научной сессии Ин-та археологии АН СССР в Москве[16].

В те же годы было перестроено здание музея и переделана экспозиция, но предметы археологии, как и ранее, опять служили лишь дополнительным материалом к теме о прошлом края.

В 1981 г. началось строительство нового здания музея по ул. Мира. В нём была создана очередная экспозиция, но и в ней предметы археологии демонстрировались вместе с этнографическими и историко-бытовыми экспонатами в одном зале.

В 1986 г. в музее вновь появился специалист-археолог — Ольга Викторовна Малозёмова. В должности старшего научного сотрудника она проработала до 1990 г.

В 1997 г. в окружной краеведческий музей пришло новое руководство — директор Л.В. Степанова и заместитель директора по научной работе С.В. Лазарева. Была сформирована новая программа развития музея, составлено штатное расписание, в котором нашлось место и археологам.

А в нач. 1998 г. в штат музея были приглашены Дмитрий Олегович Стародумов, Дмитрий Павлович Пахоруков и Оксана Ивановна При-

ступа — выпускники кафедры археологии исторического факультета Томского государственного университета, молодые сотрудники университетского Музея археологии и этнографии Сибири. Они стали работниками учреждённого в феврале 1999 г. отдела археологии. Заведующим отделом был назначен Д.О. Стародумов, проработавший в этой должности до 2010 г.

Приехавшие археологи застали весьма плачевную картину — археологический фонд представлял собой множество кулёчков, конвертиков и коробочек из-под бакалеи, внутри которых находились порой бесценные артефакты, обычно без шифров и истории поступления. Весь фонд археологии насчитывал чуть более 5000 ед. хр. В первые месяцы работы была сделана опись археологических предметов. Начата шифровка коллекций. Создавалось учетно-хранительское направление работы отдела.

С приходом нового руководства музея более активной и принципиально иной стала выставочная деятельность. Но тема первой выставки отдела археологии была далека от любимой науки. Кон. 1990-х гг. был сложным, кризисным. Бюджет музея был не просто мал, а ничтожен. Очень не хватало техники — компьютеров, принтеров и т. д. Приходилось искать нестандартные выходы. Тогда-то и была предложена идея выставки-рекламы с привлечением спонсоров — компьютерных фирм. Нужно, сказать, что в 1999 г. магазинов, специализирующихся на продаже компьютеров в Ханты-Мансийске, в общем-то, не было, но музей сумел справиться и с этой задачей. Одной молодой фирме нужна была реклама, музею — техника. Идея выставки **«Из глубины веков к современности»** заключалась в показе эволюции техники. Были выставлены разные поколения телефонов, компьютеров, телевизоров и т. д. Так были заработаны первый компьютер и принтер. Получив желаемое, можно было развиваться далее. В этом же году нам посчастливилось принять участие во Всероссийском музейном фестивале «Интермузей» (г. Москва) с проектом художника Владимира Бугаева «Путь на прародину».

В 2000 г. была организована небольшая фотовыставка «Полевые этюды» из фоторабот археологов А.Н. Кондрашёва, Д.О. Стародумова и О.И. Приступа, на которой были показаны фотоматериалы из экспедиций — люди, природа, предметы.

В том же 2000 г. музейные сотрудники вместе с фондами покинули родные стены на долгие четыре года, разъехавшись по временным помещениям. Музей был закрыт на реконструкцию. Отдел археологии вместе с коллекциями и частью научной библиотеки разместились в подвале жилого дома. Там были познаны все «прелести» работы

жилищно-коммунальных служб в форме неоднократных затоплений. К счастью, коллекции пережили этот период без потерь.

Несмотря на эти сложности, в 2001 г. на площадях Художественной галереи Фонда поколений состоялась масштабная выставка «История северной цивилизации». На ней, помимо материалов Музея природы и человека, были представлены экспонаты из фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Берёзовского краеведческого музея. Идея выставки — создать образ края в древности и Средневековье демонстрацией различных артефактов, костей ископаемых животных и работ В.М. Васнецова «Каменный век» из фондов Художественной галереи Фонда поколений.

С 2004 г., после возвращения в новые стены музея началась подготовка к созданию очередной постоянной экспозиции. Сотрудники отдела археологии принимали участие в создании тематико-экспозиционного и структурного планов будущей экспозиции, разрабатываемой ООО «Этнографическое бюро» (г. Екатеринбург). В 2005 г. был открыт зал «Древности». Археологии наконец-то было выделено подобающее ей место — зачинателя экспозиции «Историческое время. Связь времен».

После создания экспозиционного зала «Древности» выставочная деятельность отдела археологии приостановилась. Были лишь небольшие временные показы. Но в 2008 г. отдел с новыми силами взялся за выставочную работу. Итогом стали два проекта — «Игры разума» (фестиваль «Интермузей-2008» в г. Москве и III Югорская полевая биеннале в г. Ханты-Мансийске) и «Отражения» (Гёчейский музей, г. Залаэгерсег в Венгрии).

За годы существования отдела археологии в нём, кроме бессменных сотрудников Д.О. Стародумова (1998—2010 гг.) и О.И. Приступа (с 1998 г. по настоящее время), трудились:

Дмитрий Павлович Пахоруков — старший научный сотрудник (1999—2000 гг.);
Евгения Александровна Зайцева — старший научный сотрудник (2003—2005 гг.);
Екатерина Игоревна Бурдинская — старший научный сотрудник (2006—2007 гг.);
Николай Вячеславович Захаров — лаборант (1999 г.);
Татьяна Юрьевна Корнева — лаборант (2001—2002 гг.);
Татьяна Петровна Тебетева — лаборант (2002—2004 гг.);
Виктория Андреевна Петрова — лаборант (2004—2007 гг.).

В феврале 2009 г., в дни 10-летия своего отдела, археологи принимали участие в подготовке очередной комплексной художественно-археологической выставки «Путь воина». И это кажется символичным, поскольку каждый, кто продолжает кем-то давно начатое дело, на-

поминает воина: он должен быть честен перед лицом истории, уметь сражаться с собственными сомнениями и не падать духом, веря в правильность избранного пути.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] **Лазарева С.В.** Тернистый путь к успеху // Музей: вехи жизни. — Ханты-Мансийск, 2007. — С. 17—25.

[2] Примерная схема структурно-тематического плана экспозиции Остяко-Вогульского окружного музея. [Не ранее февраля 1936 г.] // Музей: вехи жизни. — Ханты-Мансийск, 2007. — С. 110—113.

[3] **Белобородов В.К., Пуртова Т.В.** Учёные и краеведы Югры: Библиографический словарь. — Тюмень, 1997. — С. 121—122.

[4] **Белобородов В.К., Пуртова Т.В.** Учёные и краеведы Югры... — С. 57—59.

[5] **Лазарева С.В.** Тернистый путь к успеху... — С. 36.

[6] **Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А.** Окно в Бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. — Ханты-Мансийск, 2002. — 88 с.

[7] **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 155.

[8] **Лазарева С.В.** Тернистый путь к успеху... — С. 25—36.

[9] **Лазарева С.В.** Тернистый путь к успеху... — С. 39—41.

[10] Отчёт о работе Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея за 1943 год. [Не позже 15 января 1944 г.] // Музей: вехи жизни... — С. 156.

[11] Перспективный план научной работы Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея за 1956 —1960 гг. [Не позже 1 января 1956 г.] // Музей: вехи жизни... — С. 181.

[12] **Белобородов В.К., Пуртова Т.В.** Учёные и краеведы Югры... — С. 56—57.

[13] **Воробьёва Т.П.** Край, в котором мы живём // Краеведческий сборник. — Ханты-Мансийск, 1958. — № 1. — С. 7—11; **Воробьёва Т.П.** Каталог выставки «Боевые и трудовые подвиги наших земляков в период Великой Отечественной войны за 1941—1945 гг.» // Там же. — С. 128—132.

[14] Перспективный план научной работы Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея за 1956 —1960 гг....; Протокол заседания музейно-краеведческого совета Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея от 17 марта 1956 г. // Музей: вехи жизни... — С. 187—190; Из справки «О работе окружного музея» для исполкома Ханты-Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся. 27 апреля 1956 г. // Музей: вехи жизни... — С. 191—195; План работы комплексной экспедиции Ханты-Мансийского окружного музея на 1956 год. [Не позже 1 июля 1956 г.] // Музей: вехи жизни... — С. 195—196; Отчёт научного сотрудника Ханты-Мансийского окружного музея Т.П. Воробьёвой «О Назымской экспедиции». 6 марта 1957 г. // Музей: вехи жизни... — С. 197—198; Информационный отчёт научного сотрудника Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея Т.П. Воробьёвой «О командировке в Берёзовский район». 2 апреля 1957 г. // Музей: вехи жизни... — С. 198—200.

[15] **Белобородов В.К., Пуртова Т.В.** Учёные и краеведы Югры... — С. 22—23.

[16] Отчёт о работе Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея за 1966 год. 10 января 1967 г. // Музей: вехи жизни... — С. 219.

Находки с озера Кислоры*

В.М. Морозов, Р.Н. Корсаков
г. Екатеринбург
Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
Уральского государственного университета им. А.М. Горького

В 1999 г. директору историко-краеведческого музея в г. Белоярском ХМАО — Югры Н.А. Поморцевой одним из жителей города были переданы 4 бронзовых предмета. По словам информатора, найдены они были в окрестностях бывшей д. Кислоры (ныне Комарово) Белоярского района[1].

Коллекция включает наконечник стрелы и три культовых изделия — одно антропоморфное и два зооморфных.

Наконечник стрелы (ил. 1). Трёхлопастной, с выступающей втулкой. Его длина — 7,0 см, в том числе длина пера — 4,5 см. Головка пирамидальная. Втулка полая, её внешний диаметр — 8,0 мм, толщина стенки — 1,0 мм. С одной стороны втулки между лопастями есть отверстие с неровными краями и размерами 1,5х0,2 см (возможно, литейный брак).

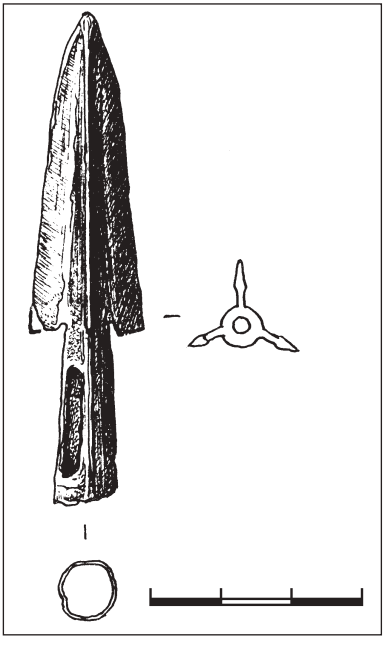
Схожие по размерам, характеру втулки и пропорциям наконечники стрел Л.А. Чиндиной определены в вариант «б» группы 1[2]. По её мнению, подобные наконечники (вариантов б, г) появились предположительно в V—IV вв. до н. э. и просуществовали, видимо, до II в. до н. э.[3] Не противоречит данному предложению датировка близкого по типу наконечника стрелы «с наружной втулкой» из Айдашинской пещеры, который В.Н. Чернецов по комплексу находок с жертвенного места отнёс ко «второй половине I тыс. до н. э., возможно, до первых веков н. э.»[4].

С предложенной датировкой не согласны екатеринбургские археологи. Не возражая против самой классификации Л.А.Чиндиной,

---

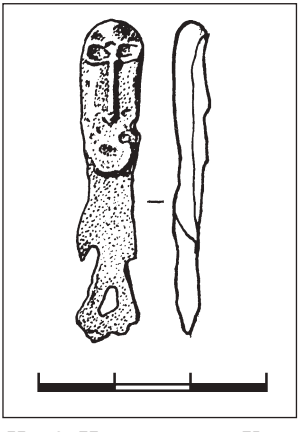
* Статья представлена в Интернете на сайте Ямальской археологической экспедиции — в сборнике «Фактория» (вып. 1), посвящённом юбилею Н.В. Фёдоровой (режим доступа: http://www.yamalarchaeology.ru/). Дата публикации сборника — 25.02.2004. На бумажном носителе публикуется впервые.

А.П. Зыков и Н.В. Фёдорова в процессе сравнительного анализа бронзовых наконечников стрел Холмогорской коллекции с усть-полуйскими[5] провели корректировку хронологии предметов и отметили: *«Находки бронзовых наконечников и со скрытой, и с выступающей втулками в заведомо более поздних комплексах Холмогорской, Парабельской и Ишимской коллекций заставляют значительно омолодить период бытования этого типа оружия – до III–V вв.»*[6].

Ил. 1. **Находки у оз. Кислоры.** Наконечник стрелы. *Бронза*

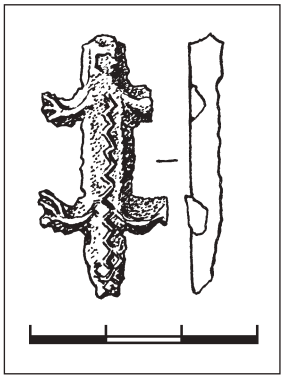
Антропоморфное изображение (ил. 2). Выполнено в технике одностороннего плоского литья и выглядит в виде пластины толщиной не менее 0,3 см и высотой до 4,2 см. Верхняя (лицевая) часть предмета оформлена в виде вытянутого овала высотой 2,0 см и шириной 0,8 см. Рельефно выделяются близко посаженные глаза и прямой тонкий нос, рот оформлен слабо. По нижней половине создается впечатление незавершённости элементов фигуры: правая рука передана в виде клювообразного отростка, левая отсутствует (сломана? брак?), ноги не разделены.

Ил. 2. **Находки у оз. Кислоры.** Антропоморфное изображение. *Бронза*

В бронзовой металлической пластике антропоморфные изображения не редкость[7]. Так что кислорская фигурка не является чем-то исключительным, хотя прямые аналогии ей отсутствуют. Ни одна из характеристик – вытянутый овал лица, прямой высокий нос, рельефные глазницы и слабо углубленный рот – не является определяющей для выяснения времени бытования предмета. Если опираться на общий вид и технику изготовления этой поделки, то придётся отметить, что она всё же

больше тяготеет к металлопластике раннего железного века, возможно заключительной его стадии.

Ил. 3. **Находки у оз. Кислоры.** Зооморфное изображение. *Бронза*

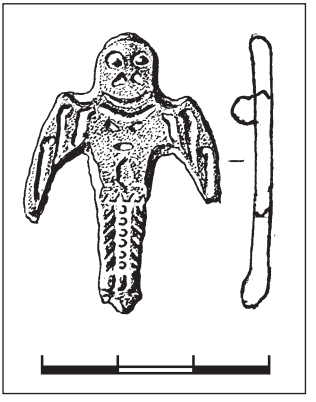
Зооморфное изображение (ил. 3). Выполнено в технике одностороннего плоского литья и представляет собой пластину толщиной до 0,4 см, длиной 3,5 см и шириной около 0,7 см (по туловищу). Изображение передано в распластанной позе (вид со спины). Литник и заусеницы отсутствуют. Чётко выделяются изображения двух пар лап с хорошо проработанными тремя пальцами с левой стороны. Ближе к правой стороне спины, от хвоста к голове тянется рельефная ломаная линия, оканчивающаяся на уровне верхней (передней) пары лап.

Стилистически зооморф слегка напоминает изображения ящериц, бобров либо выдр уралосибирской металлопластики. Но известные нам фигурки ящериц (в частности, с Гляденовского костища) имеют более узкое тулово и удлиненные пропорции головы и хвоста[8]. Отсутствует на представленном предмете и такой характерный элемент образа бобра, как украшенный решёткой хвост. Более всего рассматриваемое изображение похоже на выдру(?), о принадлежности которой к речным животным может косвенно свидетельствовать волнообразная линия на спине. Очень близкий анализируемой фигурке (по крайней мере, внешне) образец металлопластики происходит со святилища Туманское I, где он, вместе с изображениями бобра, лягушки, людей и птиц, включён в группу вещей ритуального назначения[9].

Датировка предмета неоднозначна. Его отдалённые аналоги известны в коллекциях Гляденовского костища и Истяцкого клада (бляхи с гравировками бобров) и датируются ранним железным веком[10]. Последние из указанных аналогий, согласно современным представлениям, относятся к позднему кулайскому времени[11]. Стилистически наиболее близкая фигура выдры с Туманского I святилища датирована достаточно широко — в пределах втор. пол. I тыс. н. э. (по сопутствующей керамике молчановского типа)[12].

Орнитоморфное изображение (ил. 4). Выполнено в технике плоского литья. Толщина 2,0—2,5 мм; высота (длина) фигуры — 3,7 см; максимальная ширина — 0,85 см (по голове) и 2,6 см (по размаху

крыльев). Детали фигуры чётко проработаны. Рельефно выражены глаза, основание клюва оформлено двумя подтреугольными вдавлениями, шея отделена от тулова двумя дугообразными линиями. Плоскость крыльев оформлена тремя короткими бороздками, обозначающими, возможно, перья. На груди обозначена личина в виде двух точек (вместо глаз) и овального западения (на месте рта). По краям длинного узкого хвоста нанесены полоски взаимонаклонных коротких поперечных насечек, между ними размещён вертикальный ряд мелких бугорков. На обороте отлита петелька для подвешивания.

Ил. 4. **Находки у оз. Кислоры.** Орнитоморфное изображение. *Бронза*

Судя по общей конфигурации и деталям, орнитоморфная фигура изображает кого-то из ястребиных или соколиных. Скорее второе, если судить по форме и размаху крыльев. Правда, данное изделие несёт на себе дополнительную личину, а наиболее часто для этой цели использовались фигуры орла и филина[13]. Но изображения орла воспроизводились редко — возможно, в данном случае произошла замена орла на сокола (ястреба?). Тем более, что три этих образа (орёл, сокол, филин) в искусстве урало-сибирской металлопластики иногда отождествляются[14]. А.А. Спицын относил фигуры филина и орла ко времени *«расцвета шаманских изображений»* и датировал примерно VIII—IX вв.[15]

Расширить трактовку и уточнить датировку кислорской фигуры возможно, наверное, за счёт сравнения с аналогичным изображением Холмогорской коллекции[16]. При схожести типа (хищная птица), техники исполнения (литьё в одностороннюю форму), оформления деталей (клюва, крыльев) изделия имеют и различия. Так, холмогорский экземпляр декорирован рельефными линиями, а кислорский несёт антропоморфную личину на груди. У первого крылья распахнуты, а у второго — «обвислые». Исследователи Холмогорского клада представленный иконографический тип относят к IV—VIII вв., а указанный в качестве аналогии экземпляр из-за отсутствия у него такой детали, как антропоморфная личина, признают одним из ранних вариантов и датируют кон. III — перв. пол. IV в. (хотя период бытования этих предметов значительно шире)[17]. О последнем свидетельствуют ана-

логичные предметы из Усть-Полуя[18], Барсовского III могильника и городища Барсов Городок I/20[19] и т. д. Усть-полуйская коллекция датируется I в. до н. э.[20], указанные находки с Барсовой горы — кулайским временем[21].

Данная коллекция — не случайный набор предметов. Она свидетельствует о возможном наличии в районе оз. Кислоры могильника либо святилища, так как изделия имеют специфический характер и связаны, вероятно, с какими-то ритуальными действиями. Наличие наконечника стрелы, несмотря на его принадлежность к иному (воинскому) набору, тоже вполне объяснимо — в данном комплексе он мог выполнять функцию оберега. Вопрос же точной датировки комплекса остаётся открытым. Авторы склоняются к мнению, что эти предметы имели хождение в кон. раннего — нач. позднего железного века.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Под топонимом Кислоры (второе просторечное название Комарово) сначала существовало хантыйское поселение, сейчас — дачный посёлок. *(Прим. ред.)*

[2] **Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — С. 34. Рис. 12 — *4, 5*.

[3] **Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья... — С. 35.

[4] **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М., 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 171—172. Табл. XXIV—*4*.

[5] **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад: Коллекция древностей III—IV веков из собрания Сургутского художественного музея. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. — С. 144.

[6] **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... — С. 123.

[7] **Спицын А.А.** Шаманские изображения // Зап. отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. — СПб., 1906. — Т. VIII, вып. 1. — С. 51—145; **Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья... — С. 40—43; **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... — С. 34—47; Усть-Полуй: I век до н. э. / Каталог выставки. — Салехард; СПб., 2003. — С. 22—24; **Панина С.Н.** Новые находки на памятнике Няксимволь (из собрания Североуральского краеведческого музея) // Пятые Берсовские чтения. — Екатеринбург: Квадрат, 2006. — С. 98—103; И др.

[8] **Новокрещёных Н.Н.** Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Тр. Пермской учёной архивной комиссии. — Пермь, 1901. — Вып. IV. — Табл. VII — *4*, X — *19*; **Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. — С. 149. Рис. 90-в.

[9] **Викторова В.Д.** Туманское I поселение, святилище, костище // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. — Вып. 3. — С. 147. Рис. 15 — *6*.

[10] **Спицын А.А.** Шаманские изображения... С. 48 (рис. 47), 32 (рис. 38—47), 33 (рис. 29, 31, 33, 38—47).

[11] **Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... — С. 127—128.

[12] **Викторова В.Д.** Туманское I поселение, святилище, костище... — С. 151.
[13] **Спицын А.А.** Шаманские изображения... — С. 36.
[14] **Спицын А.А.** Шаманские изображения... — С. 64, 114 (рис. 252).
[15] **Спицын А.А.** Шаманские изображения... — С. 34, 36.
[16] **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... — С. 103—104. Фиг. 17.
[17] **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Холмогорский клад... — С. 104.
[18] Усть-Полуй: I век до н. э... — С. 22. Фиг. 31.
[19] **Чемякин Ю.П.** Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 24. — С. 228. Рис. 6 — *7*, *8*.
[20] Усть-Полуй: I век до н. э... — С. 7.
[21] **Чемякин Ю.П.** Бронзовая пластика... — С. 239.

Об этнографических исследованиях в Сургутском районе ХМАО – Югры и на сопредельной территории в 2007–2010 гг.

А.А. Рудь
г. Сургут
Муниципальное автономное учреждение Сургутского района
«Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»

В период 2007—2010 гг. на территории Сургутского р-на Ханты-Мансийского автономного округа — Югры были продолжены этнографические исследования, начатые МУ[1] «ИКНПЦ «Барсова Гора» десятилетием ранее[2]. Они охватили и прилегающий с юга Уватский р-н Тюменской обл., где проживают выходцы из бассейна р. Большой Юган. Работы проводились комплексными историко-культурными экспедициями сургутских научно-производственных центров «Барсова Гора» и «Гиперборея». Помимо них, в финансовом и организационном обеспечении участвовали ООО «НПО «Северная археология — 1» (г. Нефтеюганск ХМАО — Югры) и ООО «Наследие Югры» (г. Ханты-Мансийск ХМАО — Югры). В большинстве поездок автор работал в тандеме с руководителем Сургутского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок А.С. Сопочиной.

В обозначенный период был продолжен сбор устных сведений — фольклорных сюжетов, информации о материальной и духовной культуре аборигенов. В ходе опросов респондентов проводилось картографирование расположения культовых, жилых, хозяйственных построек аборигенов, а также сбор топонимических сведений. По возможности вышеуказанные объекты обследовались для уточнения их местонахождения и состояния. Кроме того, проводились фото- и видеосъёмка бытовых и обрядовых эпизодов жизни коренного населения. Особое внимание уделялось фиксации исполнения фольклора на хантыйском языке.

Кроме решения чисто научных задач, немало сил и времени уделялось проблемам сохранения и государственной охраны этнокультурного наследия. Так, в 2007 г. по итогам полевых работ была оформлена

учётная документация на 20 вновь выявленных священных мест, находящихся на территории Сургутского района[3].

Ещё одним направлением этнографических полевых работ стала оценка историко-культурных ресурсов отдельных участков, в том числе и для обоснования проектных решений охранного зонирования территорий объектов культурного наследия. В частности, в 2007 г. были проведены изыскания в южной части Тевлинско-Русскинского месторождения, разрабатываемого ТПП «Когалымнефтегаз» ООО «ЛУКойл – Западная Сибирь». Рассматриваемый участок нефтепромысла примыкает с севера к одному из крупнейших обских притоков – р. Тромъеган – и приурочен к впадающей в него слева р. Тляттыягун[4]. В 2008–2009 гг. проводилось натурное обследование Угутского и Киняминского месторождения нефти ОАО «Роснефть – Юганскнефтегаз», а также обследование среднего течения р. Малый Юган[5]. В 2009 г. были проведены рекогносцировочные археолого-этнографические исследования на территории Тайлаковского месторождения нефти ОАО «Славнефть – Мегионнефтегаз» в верхнем течении р. Большой Юган[6]. Одной из целей этих работ было уточнение камерального зонирования указанного месторождения на предмет перспективности выявления объектов культурного наследия.

В том же году начались работы по созданию проектов охранных зон комплексов объектов культурного наследия «Священная территория Йимынг (Шикъ) Ёхом»[7] (бассейн р. Лямин Третий, на территории Северо-Лабатьюганского месторождения) и «Священное озеро Имлор» (бассейн р. Тромъеган, на территории Фёдоровского месторождения).

Сводный перечень работ представлен в таблице.

Таблица

Этнографические исследования в 2007–2010 г.

Месяц	Место исследований	Информаторы
	2007 г.	
Февраль	***Р. Айпим (нижнее и среднее течения) – прав. приток р. Пим***	А.П. Нимперова, Н.В. Нимперов, А.В. Нимперов, И.Г. Кантеров, К.Я. Кантеров, А.К. Кантеров, А.И. Кантеров
Март – апрель	***Р. Большой Юган*** С. Угут, юрты Рыскины, Каюковы, Ярсомовы, Мултановы, Купландеевы, Тауровы, Усановы Первые, Кыкалевы, Акасовы, Тайлаковы	Л.Н. Когончина, А.В. Каюков, И.Л. Каюков, В.Д. Каюков, Л.П. Каюков, З.Е. Каюкова, П.Л. Ярсомов, П.Е. Мултанов, Н.В. Мултанов, Е.М. Мултанов, Е.С. Сапоркин, Е.И. Купландеева, А.Н. Купландеев, С.В. Качалова, П.Я. Усанов, А.П. Усанов, С.Н. Лянтин, Г.Н. Лянтин, Е.С. Лянтин, П.С. Лянтина, Д.К. Цынганина, П.В. Цынганина, Н.В. Немчинов, Н.П. Ермакова, В.Е. Колсымов, П.С. Колсымова
	Р. Демьянка (верхнее течение) Юрты Усть-Урна и Казак Зимние	Я.И. Тайлаков, Л.И. Тайлаков, П.С. Тайлакова, В.Л. Когончин, С.С. Когончина, А.А. Усанова, З.Л. Усанова, Ю.М. Истрашкин

Продолжение таблицы

Июнь	***Р. Тромъеган (среднее течение), р. Тляттыягун (приустьевый участок)***	
Июль	***Р. Лямин*** Культовое место Йим Воч Ими	А.С. Сопочина, Е.И. Кондратьева
Сентябрь	***Р. Ингуягун (среднее течение) – лев. приток р. Тромъеган***	Н.А. Ермаков, О.И. Ермакова, В.А. Ермаков, Л.А. Ермакова, Ю.П. Кечимов, С.А. Кечимов, Л.В. Сопочина, В.Н. Сопочин, А.И. Сопочин, С.К. Русскин
	2008 г.	
Март	***Р. Тромъеган (верхнее течение)*** Священное место ***Сави Вэты Рэп***	Д.Н. Покачев, Э.Н. Покачева, Е.А. Тэвлин
	Р. Тромъеган (среднее течение) Д. Русскинская ***Р. Тляттыягун (приустьевый участок)*** Священное место ***Тлятты Ягун Ури***	Д.Н. Покачев, И.М. Покачев, Е.А. Тэвлин, В.Д. Тэвлин, Р.И. Тэвлина, С.Ф. Русскин, В.Л. Сопочин, Б.А. Комтин, А.В. Кечимов, В.Д. Ермакова, И.С. Кирилишин, З.В. Кирилишина
	Р. ***Тромъеган (нижнее течение)*** П. Юбилейный	Н.А. Ермаков, В.А. Ермаков, С.А. Кечимов, Ю.П. Кечимов, В.Н. Кечимов, И.Н. Кечимов, И.А. Сопочин, Т.Г. Айпин
Апрель	***Р. Вокы рэп ягун (верхнее течение) – лев. приток р. Ингуягун, впадающей слева в р. Тромъеган***	И.И. Сопочин, Р.Н. Сопочина
Май – июнь	***Р. Малый Юган (среднее течение)*** Юрты Кинямины, Сурламкины, Арантеевы	И.С. Кинямин, Е.П. Кинямин, Г.Н. Кинямина, А.М. Арантеев, М.И. Сурламкин, П.И. Кельмина, А.И. Кельмина, И.Н. Ачимов, Ю.П. Каймысов, Ф.Н. Мултанова
	2009 г.	
Март	***Р. Малый Юган (среднее течение)*** Юрты Кинямины	И.С. Кинямин, О.И. Кинямин, Е.П. Кинямин, Г.Н. Кинямина, А.И. Кельмина
Май	***Р. Вокы рэп ягун (верхнее течение) – лев. приток р. Ингуягун, впадающей слева в р. Тромъеган***	И.И. Сопочин, С.И. Сопочин, Р.Н. Сопочина, О.И. Сопочина, В.С. Покачев
Июнь	***Р. Большой Юган*** Юрты Курломкины, Колсымовы, Тайлаковы, Тауровы, Мултановы, Каюковы	П.В. Курломкин, Е.Е. Усанова, Е.Л. Колсымов, В.Е. Колсымов, П.С. Колсымова, Я.И. Яросомов, В.Н. Лянтин, М.С. Лянтина, Ф.А. Лянтин, В.И. Усанов
	Р. Большой Юган (среднее течение) С. Угут	В.С. Рыскин, И.Н. Рыскина, О.Л. Звягин
	Р. Малый Юган (среднее течение) Юрты Кинямины, Караевы, Ачимовы Первые	Е.П. Кинямин, И.С. Кинямин, Г.Н. Кинямина, А.И. Кельмина, Ю.А. Кельмин, Т.М. Кельмина, А.Н. Ачимов, И.Н. Ачимов, А.Н. Ачимов, Ю.П. Каймысов, В.М. Бисаркин, Е.Ф. Караев
Июль	***Л. Лямин Третий (правобережье лев. притоков)*** Священная территория ***Йимынг (Шикъ) Ёхом***	А.П. Лемпина

Окончание таблицы

Август	***Р. Моховая и Люхъягун (верхние течения) – прав. притоки р. Тромъеган*** Комплекс «Священное озеро Им Лор»	
Октябрь	**Р. Тромъеган (среднее течение)** Д. Русскинская	Б.А. Комтин, С.В. Кечимов, Н.А. Покачева, В.А. Ермаков
2010 г.		
Февраль	***Р. Тромъеган (верхнее течение)*** Священное место ***Сави Вэты Рэп***	
Март	***Р. Малый Юган (среднее течение)*** Юрты Кинямины*	

*Примечание: * – Посещение Медвежьего праздника*

Хотелось бы обозначить некоторые результаты работ, связанные с двумя сюжетами, на которых необходимо сделать особый акцент.

Миссионерская неопротестансткая деятельность в среде коренного населения

Актуальной проблемой на территории Сургутского Приобья является миссионерская неопротестантская деятельность религиозных течений и сект среди аборигенов. Данный процесс начался в начале тысячелетия, а спустя десять лет охватил территорию всего Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. В настоящее время на всех территориях проживания аборигенов миссионерские течения (баптисты[8], «пятидесятники»[9], Свидетели Иеговы и др.) имеют своих адептов в среде коренных жителей. В силу неуверенности и неустроенности в современном мире ханты находят духовную опору в привнесённых из другой культурной среды религиозных верованиях. Рассмотрим текущую ситуацию в Сургутском р-не.

На Большом Югане, куда миссионеры-баптисты проникли в самом начале 2000-х гг., отношения между новокрещенами-баптистами и приверженцами традиционного язычества, в целом, смягчились. В бытовых отношениях на религиозной почве не наблюдается жёсткого противостояния. Численность приверженцев баптизма не растёт — установился баланс. Не зафиксировано случаев осквернения языческих священных мест со стороны приверженцев новой веры из числа ханты.

А вот на р. Агане, Тромъегане и Пиме, где активная миссионерская неопротестантская деятельность стала проводиться примерно с 2005 г.,

в аборигенной среде отношения между новокрещенами и носителями традиционных воззрений напряжённые. Есть устные сведения о фактах осквернения языческих священных мест, сжигании культовых изображений семейных духов-хранителей, священных нарт и других атрибутов языческой веры. По словам аборигенов-язычников, ханты-«пятидесятники» регулярно приезжают на священные места в верхнем течении р. Тромъеган и срезают жертвенный материал, снимают шкуры и головы жертвенных оленей, вывешенные на деревья в ходе языческих обрядов.

При этом, как отмечают информаторы, делается это не демонстративно, а скрытно. В ходе опросов аборигенов-язычников получены следующие сведения: «*Мы считаем, что это наши ханты-верующие*[10] *сделали. Почему не русские? Русские сюда на машинах осенью на рыбалку приезжают всегда. Из года в год они видят и жертвенные ткани, и шкуры оленей. Никогда после русских оленьи шкуры и жертвенные ткани не пропадали. Осенью на берегу около священного места видны были следы от моторной лодки. Тогда жертвенные ткани срезали с деревьев. А русские на моторной лодке здесь не ездят... После последнего приношения, сделанного в феврале 2010 г., мы в апреле поехали на священное место, а жертвенный материал уже срезали с деревьев. Там следы были от снегохода «Буран». В этих местах на снегоходах только ханты ездят. Это могли быть только наши ханты-верующие*» ***(Д.Н. Покачев)***.

В ходе наших полевых работ 2008 и 2010 гг. была проведена фотофиксация данных фактов на священном месте *Сави вэты рэп*. Отметим, что указанное место действительно находится на значительном удалении от населённых пунктов. Достигнуть его на снегоходе, минуя хантыйские стойбища, очень сложно. Добраться сюда на моторной лодке также проблематично из-за удалённости от ближайшей д. Русскинской. Доставка в окрестности *Сави вэты рэп* обозначенных транспортных средств невозможна из-за регламента контрольно-пропускного пункта по дороге на Тянскую группу месторождений. Поэтому предположение информантов о том, что осквернение было сделано их сородичами-новокрещенами, стойбища которых расположены на смежной со священным местом территории, не лишено оснований. Однако в ходе беседы автора с пастором Русскинской религиозной организации христиан веры евангельской «Слово жизни» И.С. Кирилишиным эти обвинения были категорически отвергнуты.

Одним из негативных последствий работы миссионеров в среде коренных жителей является то, что новые религии являются фактором

разрушения базовой социальной ячейки общества — аборигенной семьи в её традиционной форме. Во всех локальных группах сургутских ханты наблюдаются случаи, когда часть родственников принимает новую веру, а другие остаются в старой, языческой. Как следствие — факты перерастания религиозных противоречий в бытовые конфликты, неоднократно нами зафиксированные.

В связи с затронутой темой нельзя не отметить одного положительного влияния миссионерской деятельности — полный или частичный отказ новообращённых от алкоголя.

Однако оно не перекрывает общее негативное влияние неопротестантских идей на социальную и духовную жизнь ханты Сургутского Приобья, которое выражается в разрушении и трансформации традиционной духовной культуры, социальной напряженности внутри локальных групп аборигенов.

Ритуальная практика

С одной стороны, в современной языческой ритуально-культовой практике присутствует тенденция потери значимости периодического проведения многих обрядов или же их трансформация. Регулярность многих обрядовых ритуальных действий снижается. Это наблюдается на уровне как личности, так и локальных групп ханты. На обозначенный процесс влияют такие факторы, как переориентация молодёжи на современную культуру, проживание вне традиционной среды, уход из жизни стариков — носителей традиционной культуры, обращение части аборигенов к новым религиям, территориальная разобщённость аборигенов.

С другой стороны, в период 2007—2010 гг. автору неоднократно приходилось присутствовать на личных и семейных обрядах, коллективных жертвоприношениях, шаманских камланиях и медвежьем празднике, проводимых коренными жителями. Их инициаторами и участниками были как представители пожилого поколения, так и молодёжь. Это указывает на сохранившуюся преемственность культуры частью коренных жителей. Отметим, что многие ритуальные действия носили закрытый характер. Даже при хорошем отношении аборигенов к автору на некоторых обрядах всё же было запрещено делать фото-, видеосъёмку и аудиозапись. Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку противоречит обозначенной выше тенденции размывания традиционной сакральной практики сохранением наиболее важной — табуированной — части своей традиционной культуры.

В последние годы наблюдаются случаи оперативного реагирования коренных жителей на угрозы сохранности своих сакральных объектов в ходе промышленного освоения территории. Два эпизода связаны с лесоразработками, проводившимися в непосредственной близости от культовых мест *Яун Той Кот-Мых* в верхнем течении р. Тромъеган и *Сихэп Ях Кот-Мых* в среднем течении р. Асигипъях (правый приток р. Малый Юган). В первом случае аборигены стали инициаторами создания комиссии в составе представителей коренного населения, лесозаготовительных компаний, органов местного самоуправления и Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры. Во втором случае ханты обратились в окружной госорган по охране культурного наследия. Оба раза был поднят вопрос о недопустимости лесозаготовок на территории священных мест и в их охранной зоне, а также о согласовании лесозаготовительных работ со Службой государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа.

Ещё один эпизод связан с геофизическими изысканиями на территории главного священного места на р. Лямин – *Лимынг Ики Эват*. В этом случае организация, проводившая работы в нарушение заключения госоргана по охране культурного наследия, начала вырубку сейсморазведочных профилей на территории священного места. Коренные жители выехали на снегоходах, остановили вырубку профилей и обратились в указанную службу госохраны.

Ил. 1. Сургутский район. Новое кладбище юрт Тайлаковых. На переднем плане – сейсмопрофиль, проложенный через надмогильное сооружение. Снято с запада

Однако имеются и примеры пассивной позиции аборигенов в отношении своих этнокультурных объектов. В 2009 г. в ходе рекогносцировочных археолого-этнографических работ на территории Тайлаковского месторождения в верхнем течении р. Большой Юган были обнаружены нарушения предписания госоргана по охране культурного наследия в адрес

Ил. 2. Сургутский район. Культовый ансамбль *Торум Эви*. Слева — сейсмопрофиль, проложенный через охранную зону. Снято с юго-востока

одной из организаций, проводящих работы на этой площади. Вопреки предписанию, работы в зоне, перспективной в отношении выявления объектов культурного наследия, были проведены с применением тяжёлой гусеничной вездеходной техники. Ширина сейсморазведочных профилей при этом составила 4—5 м вместо предписанных полутора. В результате были частично повреждены городище Лапоцитурий и надмогильное сооружение на кладбище д. Тайлаковой (ил. 1), а один из сейсмопрофилей пересёк временную охранную зону действующего культового ансамбля *Торум Эви* (ил. 2). Реакции со стороны местных жителей не последовало.

В дальнейшем этнографические исследования, направленные на выявление и изучение этнокультурных объектов на территории Сургутского Приобья, планируется продолжить. Параллельно, по возможности, будет проводиться мониторинг уже известных объектов. Также планируется продолжение сбора устных сведений и фольклора среди коренного населения и обработка уже значительного массива этого этнографического источника (анализ полевых дневников, расшифровка аудио- и видеозаписей, упорядочение картографической информации и т. п.). В бижайших планах — создание электронной базы этнокультурных объектов Сургутского р-на.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В настоящее время в связи со сменой статуса Муниципальное учреждение (МУ) «ИКНПЦ «Барсова Гора» переименовано в Муниципальное автономное учреждение Сургутского района (МАУ СР) «ИКНПЦ «Барсова Гора».

[2] Об этнографических работах МУ «ИКНПЦ «Барсова Гора» периода 2000—2006 гг. см.: **Ведмидь Г.П., Шатунов Н.В.** Инвентаризация археологических и этнокультурных объектов близ бывшей деревни Ермаково Сургутского района // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — Вып. 1. — С. 316—319; **Морозов В.М., Ведмидь Г.П., Бакалдин М.Н.** Историко-культурный комплекс «Святое» // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 113—123; **Рудь А.А.** Из полевого дневника экспедиции: на стойбище М.И. Мултановой (Сургутский район, река Волоктаягун) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — Вып. 1. — С. 92—102; **Рудь А.А.** Северные соседи восточных ханты: данные по материалам экспедиций МУ ИКНПЦ «Барсова Гора» в Сургутском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 236—243; **Рудь А.А., Труфанов А.Я.** Об этнографических экспедициях центра «Барсова Гора» в 2003 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 483—486; **Шатунов Н.В.** Хождение за три Лямы // Югра. — Ханты-Мансийск, 2002. — № 7. — С. 43—47; № 8. — С. 26—30; **Рудь А.А., Шатунов Н.В.** Об этнографических работах центра «Барсова Гора» в 2004—2006 гг. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2007. — Вып. 4. — С. 110—117.

[3] Составление учётной документации на этнокультурные объекты Сургутского р-на началось в 2005 г. В 2007 г. эти работы финансировались за счёт средств окружной программы «Культура Югры 2006—2008 гг.» (мероприятие «Выявление и обследование состояния объектов этнографии коренных малочисленных народов Севера»).

[4] **Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Шатунов Н.В.** Итоги исследований комплекса объектов культурного наследия в южной части Тевлинско-Русскинского месторождения // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 56—71.

[5] Работы проводились в составе комплексных экспедиций ООО «НПО «Северная археология — 1». См.: **Рудь А.А., Баранов М.Ю., Чарусова И.С.** Материалы по погребальной обрядности ханты среднего течения р. Малого Югана в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 71—79.

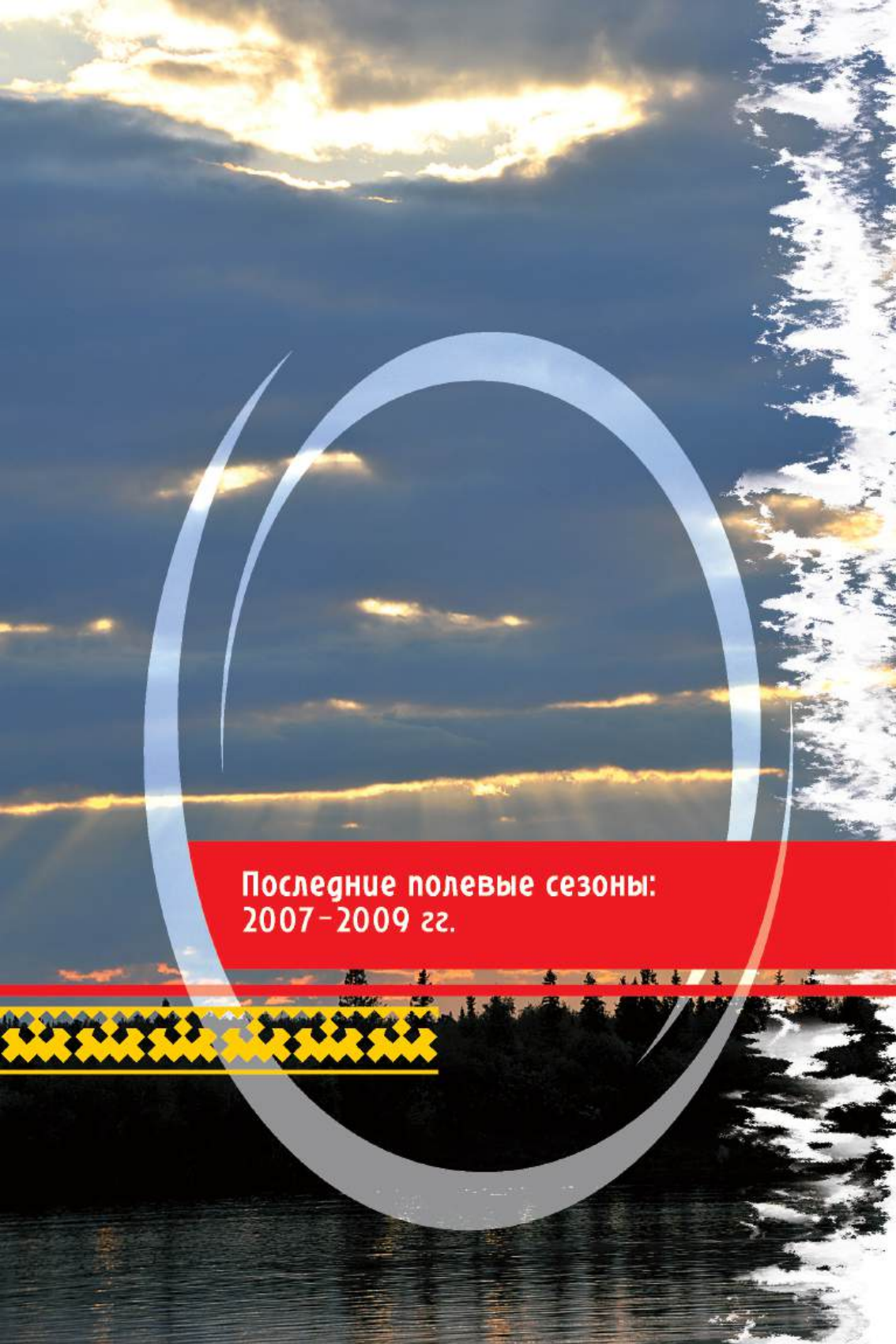
[6] Работы проводились в составе комплексной экспедиции ООО «Наследие Югры».

[7] О ненецких могилах, входящих в данный комплекс, см.: **Рудь А.А.** Северные соседи восточных ханты... — С. 239—243.

[8] Союз церквей евангельских христиан-баптистов.

[9] Организация христиан веры евангельской (пятидесятников) «Слово жизни».

[10] Определение «верующие» ханты часто употребляют в адрес бывших единоверцев, ставших приверженцами новых религий.

Последние полевые сезоны:
2007–2009 гг.

Поселение Большая Умытья 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО – Югры

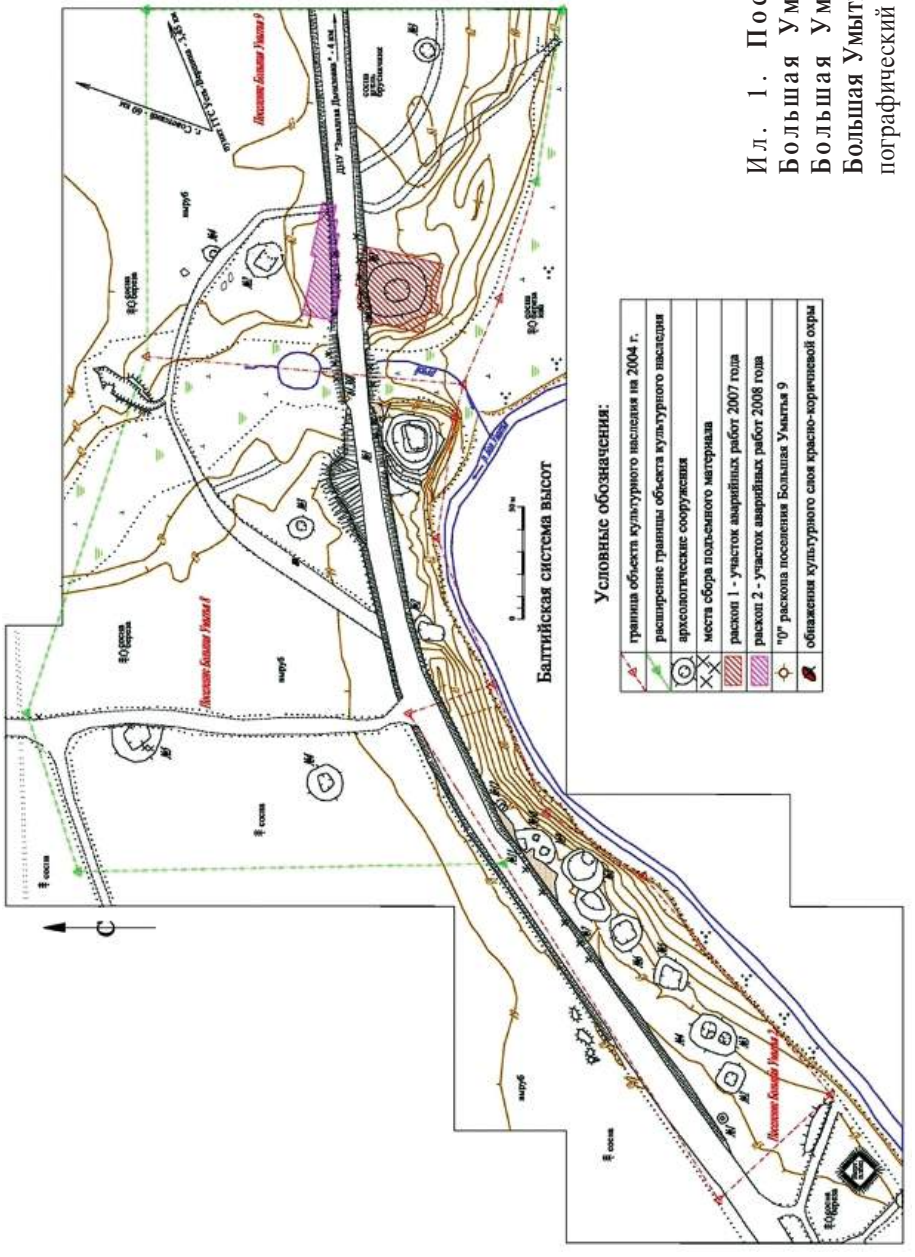
А.А. Погодин
г. Екатеринбург
Научно-исследовательская часть
Уральского государственного университета

В рамках действующей с 2004 г. программы мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного наследия, разрушающихся в результате хозяйственной деятельности ТПП «Урайнефтегаз» (подразделение ООО «ЛУКойл – Западная Сибирь»)[1], на субподрядных условиях Уральским госуниверситетом им. А.М. Горького проводились аварийные раскопки поселения Большая Умытья 9. Генеральным подрядчиком работ являлся ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТНИКА И ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поселение Большая Умытья 9 находится в Советском р-не ХМАО – Югры, в 60 км к юго-юго-востоку от железнодорожной станции Верхнекондинская районного центра г. Советский, в 3,45 км к юго-юго-западу от пункта ГГС Усть-Вершина 69.2 и ДНУ «Западная Даниловка» (ил. 1).

Памятник расположен на мысу правого берега р. Большая Умытья и левого берега безымянного ручья. Ручей протекает по логу, который прорезает террасу с севера на юг. На противоположном берегу ручья расположены объекты поселения Большая Умытья 8 (в частности, на площадке мыса – объект № 1, выраженный руинами укреплённого жилища). Граница между поселениями Большая Умытья 8 и Большая Умытья 9 установлена по тальвегу лога. В знойное лето ручей пересыхает. Дно лога покрыто болотной растительностью и заросло сосной и берёзой. В 40 м от устья лог пересекается дорогой, насыпь возведена из земли, сдвинутой с бортов. С северной стороны насыпи в русле ручья образовано небольшое заболоченное озерко. Южная граница поселения Большая Умытья 9 установлена

Ил. 1. Поселения Большая Умытья 2, Большая Умытья 8, Большая Умытья 9. Топографический план

по подножию террасы, северная и западная в 10 м соответственно от построек № 4 и 3.

Высота террасы — 4—6 м над уровнем высокой поймы. Её площадка относительно ровная, небольшие возвышения и понижения выражены с восточной стороны памятника. Через поселение в направлении запад — восток проходит автодорога, связывающая инфраструктуру нефтяного месторождения (кустовые площадки) и ДНУ «Западная Даниловка». При планировке и обслуживании дороги земля с террасы была сдвинута в лог на дамбу, отчего образовалась выемка с осыпающимися бортами.

На прибрежном участке террасы, к югу от дороги произрастает высокоствольный сосновый лес, в напочвенном покрове преобладают ягель и брусничник. К северу от дороги производились лесоразработки, и сейчас на старом вырубе поднимается сосняк с примесью берёзы. Поверхность в этой части поселения значительно повреждена колеями временных дорог, следами от траков гусеничной техники, валами корчевания, бульдозерными траншеями и т. п. Напочвенный покров местами уничтожен, и археологические находки — фрагменты керамики и каменные предметы — можно обнаружить на раздувах обнажений.

Между руслом реки и террасой простирается высокая пойма высотой от меженного уровня не более 2 м. Пойма заболочена, покрыта влаголюбивой растительностью, кустарничковыми и сфагновыми мхами, лес, произрастающий на ней, — угнетённый, берёзово-сосновый, с кустарником.

Памятник открыт в 1990 г. С.Ф. Кокшаровым. На плане, выполненном глазомерной съёмкой, были зафиксированы две впадины — № 1 и 2. В составе коллекции присутствовали фрагменты керамики эпохи неолита[2].

В 1994 г. поселение было осмотрено А.Е. Старковым. Он уточнил топографическую ситуацию на памятнике и состояние, а также дополнил коллекцию сборами с разрушенной поверхности — фрагментами сосудов эпохи неолита, каменными предметами[3].

В 2003 г. работы на поселении Большая Умытья 9 были проведены А.Е. Цеменковым. Состояние памятника было признано аварийным, что стало основанием для его включения в программу аварийных археологических исследований[4].

ОБЪЕКТЫ ПОСЕЛЕНИЯ

По исследованиям 1990, 1994 и 2003 гг. в рельефе фиксировались остатки двух построек в виде впадин.

Постройка № 1

Занимала площадку на оконечности мыса. Была ориентирована по оси север – юг, размер 11х10 м, её форма в плане была подовальной. Окружавшая впадину обваловка имела ширину в среднем 6 м. Глубина впадины от гребня наиболее высокого западного участка обваловки достигала 2 м, других, где высота обваловки не столь значительна, варьировала от 1,4 до 1,6 м.

Постройка № 2

Расположена в 60 м к северо-северо-востоку от центра впадины № 1 и в 30 м к северу от обочины дороги. В рельефе она выражена в виде впадины подпрямоугольной в плане формы, ориентированной по линии юго-восток – северо-запад. Размеры впадины 9,0х7,5 м. По её периметру прослеживается обваловка шириной от 3,5 до 5,0 м, глубина впадины от её гребня достигает 1,2 м. Впадина деформирована при проведении лесоразработок: с юго-восточной стороны объект перекрыт валом корчевания, с других обваловка разъезжена гусеничной техникой.

При уточнении топографической ситуации в 2007 г. были выявлены две ранее не зафиксированные впадины.

Постройка № 3

Расположена в 50 м от края террасы и в 108 м к западу от центра постройки № 1. В 30 м к северу от неё проходит автодорога на объекты месторождения. В рельефе впадина № 3 подовальной в плане формы, её размеры 6,8х6,3 м, ориентация по линии юго-запад – северо-восток. Вокруг впадины имеется обваловка до 2,5 м шириной и высотой не более 0,2 м. Глубина впадины от её гребня 0,5 м. Южный край объекта деформирован колеей лесной дороги.

Постройка № 4

Находится на участке террасы, где проводились лесоразработки, и по этой причине, вероятно, не был ранее зафиксирован. Объект представляет собой округлую в плане впадину с обваловкой. Её диаметр до 3,5 м, ширина обваловки до 3,0 м, глубина впадины 0,3 м. Юго-западный край впадины разрушен лесовозной дорогой. В дорожной колее на обнажениях культурного слоя были найдены черепки неолитической посуды и фрагмент каменного шлифованного ножа.

Выявление новых объектов значительно увеличило площадь поселения Большая Умытья 9, которая на сегодняшний день составляет не менее 28 000 кв. м.

Аварийные раскопы были заложены по северному (раскоп 1) и южному (раскоп 2) краю дорожной выемки. Их площадь соответственно 652 и 1080 кв. м. Общая площадь аварийных работ за два года составила 1732 кв. м[5].

Кроме этого, под террасой, в пойме (напротив постройки 1) и в логу разведочные исследования были проведены Н.М. Чаиркиной. Материалы этих работ опубликованы[6].

СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ

В обоих раскопах естественная почвенная колонка включает горизонты, характерные для подзолистых почв таёжных лесов Западной Сибири. Она представлена лесной подстилкой (напочвенный покров) мощностью до 0,15—0,20 м, элювиальным горизонтом (подзолом), обычно серо-белого цвета, мощностью от 0,1 до 0,5 м и более 1,0 м по корневым карманам. Ниже подзола расположены пески иллювиально-железистого горизонта почвенного профиля. Обычно в верхней части они имеют более тёмную окраску (тёмно-жёлтый цвет), постепенно переходящую в более светлую (светло-жёлтый цвет). Однако на некоторых участках профиля иллювиально-железистый горизонт в нижней части имел яркую оранжево-коричневую окраску, по-видимому, за счёт насыщенной концентрации окислов железа. Общая мощность иллювиально-железистого горизонта составляет не менее 1 м. Практически на всей площади раскопа слой серо-белого подзола и контактный уровень с иллювиально-железистым песком может рассматриваться как культурный горизонт, так как в нём были найдены фрагменты стенок сосудов раннего железного века. Ниже иллювиального горизонта отмечены аллювиальные пески белого однородного или слоистого с прожилками ожелезнений и включением мелкой гальки, песка, а также пески оранжевого или коричневого цвета, также ожелезненные, и прослойки мелкого галечника, залегающего линзами в песках белого цвета.

Механическая деформация почвенной колонки и культурного слоя зафиксирована по участкам, примыкающим к автодороге. Здесь отмечены рыхлые и спрессованные пески серого цвета мощностью 0,8—1,1 м, пропитанные горюче-смазочными материалами. К другому виду деформации, встречавшейся локально, отнесены углубления от ям вывернутых с корнем деревьев. Их заполнение мощностью не менее 1 м — неоднородное, оно включало переотложенные пески белого, серого и серо-жёлтого цветов с включением красно-коричневых пятен и погребённого подзола, а также

материковые пески светло-желтого, ярко-коричневого и ярко-оранжевого цвета. Кроме того, смыв материковых песков и культурного слоя отмечен по норам, прорезавшим котлован и аллювиальные отложения.

Раскоп 1. Культурные слои неолитического периода обозначались песками охристо-буро-коричневого и иллювиально-железистого тёмно-жёлтого цвета, пигментированными красной охрой. Их концентрация зафиксирована в участках С-Ф/49-51, где выявлено небольшое наземное сооружение. Мощность окрашенных слоев до 0,4 м.

Раскоп 2. Верхнее заполнение котлована постройки 1 составляли пески тёмно- и серо-жёлтого цветов, которые разделялись горизонтами восстановления почвенного профиля. Таких горизонтов зафиксировано, как минимум, три — погребённый подзол жёлто-белого, белесого и серого цвета. Между ними отмечался тёмно-жёлтый песок с серыми пятнами, образовавшийся от иллювиирования почвы. Кроме того, в верхнем заполнении, по центру постройки, под подзолом отмечен мощный, до 0,45 м, слой буро-коричневого песка, связанный, по-видимому, с гумусированием почвы. В целом, мощность песков, образующих верхнее заполнение котлована, достигала 0,8 м. Контактный горизонт между верхним и нижним заполнением был представлен песками серого цвета с углем по центру и красно-коричневого с охрой по краям. Их мощность варьировала от 0,2 до 0,4 м.

В нижней части заполнения преобладали пески жёлто-серого цвета с углем и бордовой охрой. Практически везде ими был перекрыт горизонт котлована по его плечикам и дну. Мощность слоёв составляла в среднем 0,2 м.

По плечикам и полу сооружения выявлены слои бордовой охры с углем, чёрный песок с углем и серо-коричневый, местами прокалённый до оранжевого цвета. Мощность нижнего заполнения не менее 0,25 м. Между полом и аллювиальными отложениями была зафиксирована прослойка (до 0,15 м) серого углистого песка с пятнами бордовой охры. Кроме того, под полом в восточной части котлована была выявлена яма глубиной до 1 м, заполнение которой включало светло-серый углистый песок.

На площадке, по периметру котлована культурные слои располагались поверх горизонта погребённой почвы, которая предварительно, была маркирована охристым песком.

Слои подсыпки и выравнивания горизонта обитания имели мощность до 0,6 м с западной и восточной стороны котлована и были представлены серо-жёлтыми и ярко-коричневыми песками с углем. Верхний купол подсыпки (до 0,35 м) был окрашен в буро-коричневый

и красно-коричневый цвет, в этих песках залегало основное количество фрагментов неолитической посуды и изделий из камня. Искусственных ям на площадке между котлованом и внешней канавой не выявлено. Видимо, вся площадь между котлованом постройки и внешней канавой также была посыпана красно-коричневой охрой.

Заполнение канавы, огораживающей постройку и прилегающую площадку, включало преимущественно пески серо-жёлтого и жёлто-серого цвета с пятнами погребённого подзола. Глубина канавы от древней поверхности от 0,5 до 0,7 м.

В заполнении внешних ям неолитического поселка выявлены пески серо-жёлтого и красно-коричневого цвета, зачастую серо-жёлтый песок был смешан с бордовой охрой. Глубина ям от древней поверхности не менее 0,9 м.

Культурный слой эпохи энеолита был зафиксирован только в раскопе 2 в участках М-О/74-76. В заполнении погребений и прилегающей поверхности выявлены пятна ярко-розовой охры и серо-жёлтый песок с примесью розовой охры. Мощность линз охры не более 0,2 м. Заполнение могильных ям включало переотложенные пески серо-жёлтого и жёлто-серого цвета с примесью розовой охры.

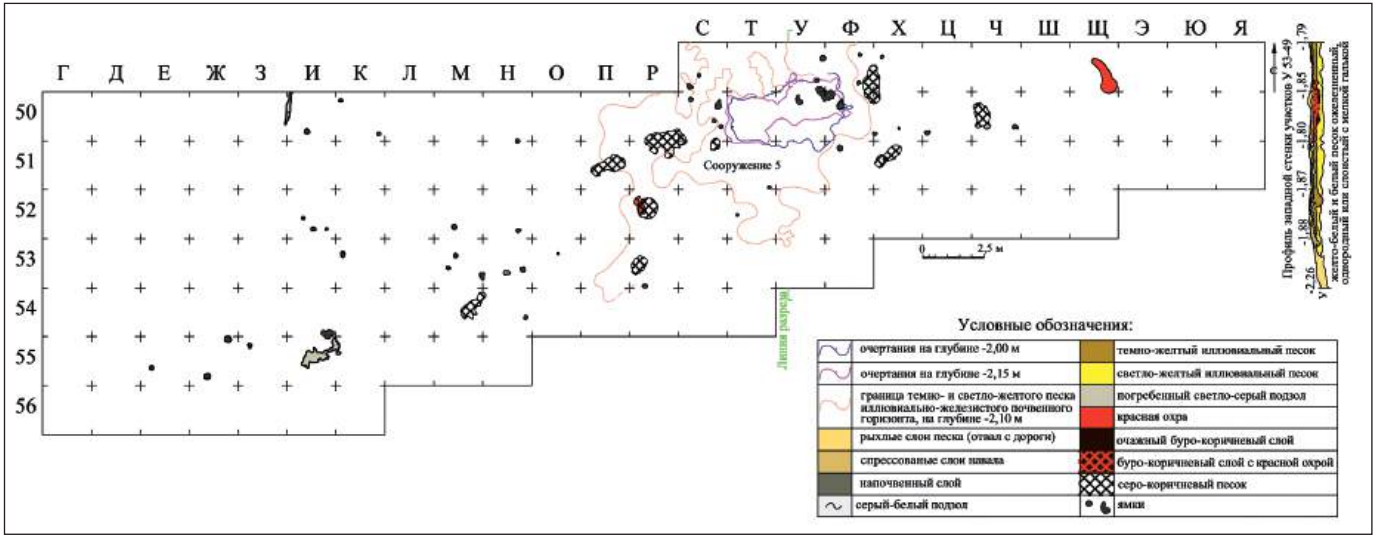
На всей изученной площади наличие культурных отложений со специфическим для эпохи раннего железа цветовым оттенком не зафиксировано. Фрагменты керамики этого периода залегали в верхней части почвенного профиля в серо-белом подзоле, практически под напочвенным покровом.

РАСКОП 1

Постройка № 5[7]

В рельефе не прослеживалось. Вероятней всего, это была наземная постройка (ил. 2). В плане, на горизонте иллювиально-железистых песков, зафиксирован подпрямоугольный участок охристо-буро-коричневого слоя размерами 5х3 м, ориентированный в широтном направлении. Мощность культурного слоя в среднем составляла 0,2 м (до 0,4 м — в несколько углубленной центральной части).

В восточной половине под охристо-буро-коричневым слоем зафиксированы четыре ямки, возможно от столбов. Углубления схожего типа выявлены с западной, южной и восточной сторон на удалении от 0,15 до 2,50 м от границы культурного слоя. Кроме этого, вокруг постройки 5 были выявлены углубления с серо-коричневым песком заполнения и пятна красной охры.

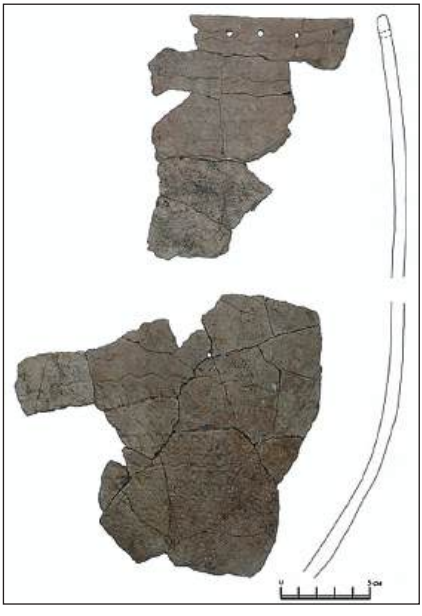
Ил. 2. **Поселение Большая Умытья 9**. Раскоп 1. Выявленные объекты. План

Находки

Коллекция находок из раскопа 1 поселения Большая Умытья 9 насчитывает 965 ед. В их числе фрагменты глиняной посуды (927 ед.), каменные изделия (35 ед.), а также 3 небольших кусочка спекшейся глины. Сохранность предметов удовлетворительная.

Находки раннего комплекса — 593 ед. — представлены фрагментами керамики (555 ед.), кусочками обожжённой глины (3 ед.) и каменными предметами (35 ед.). Основное количество предметов залегало в охристо-буро-коричневом слое постройки 5 и вокруг него. Отдельные фрагменты сосудов, найденные в объекте, обнаружены на удалении до 9 м к западу, на участках К-М/50-51.

Керамика. Всего выделен 21 сосуд. Из них только один графически реконструируется до дна (ил. 3) и ещё не более семи — по верхней трети тулова. Сосуды ручной лепки, сформованы ленточной техникой и обожжены на костре. Тесто плотное, с примесью мелкого шамота и охры. Цвет черепков серо-красный или серо-коричневый. Поверхность перед орнаментацией и обжигом выровнена и заглажена. Толщина стенок сосудов от 4 до 7 мм.

Ил. 3. **Поселение Большая Умытья 9**. Раскоп 1. Постройка 5. Неолитическая керамика

Сосуды полуяйцевидной формы с прямыми стенками без наплыва (за исключением одного, который имеет подтреугольный наплыв). Восстанавливается только округлая форма дна. Верхний край сосудов плоский или приострённый. У трёх сосудов на венчике выделены подтреугольные «ушки». Диаметр измерен у одного сосуда и составляет 30—32 см.

По технике орнаментации сосуды разделены на три группы.

К *первой группе* (ил. 3) отнесены 3 ёмкости, декорированные сочетанием прочерченной и техники «шагающей» гребёнки. Построение орнаментального поля горизонтально-зональное. В бордюрной зоне под венчиком обязателен ряд округлых сквозных проколов. От верха до

дна внешняя поверхность орнаментирована горизонтальными рядами «шагающей» гребёнки, поверх которой, а также по верхнему фризу сосуда прочерчены горизонтальные волнистые линии.

Во *вторую группу* вошли 8 сосудов, орнаментированных в прочерченной технике. Композиция состоит из горизонтальных волнисто-прочерченных линий; встречена разбивка орнаментального поля вертикальными или диагональными волнистыми линиями поверх горизонтальных. Под венчиком также имеется ряд округлых сквозных проколов.

В *третью группу* выделен тонкостенный (4 мм) сосуд, с прямым срезом венчика. Он орнаментирован сочетанием прочерченной и накольчатой техники. По самому краю, в 3 мм от среза венчика, нанесены округлые сквозные проколы. Вся поверхность сосуда украшена рядами наколов в отступающей манере. Поля между зонами наколов орнаментированы горизонтальными волнистыми прочерченными линиями.

Два сосуда имеют только ряд округлых сквозных проколов в зоне под венчиком. Еще два сосуда выделены по фрагментам стенок, орнаментированных линиями зигзагов и коротких диагональных насечек, выполненных отпечатками гладкого штампа. В одном случае зигзагообразные линии нанесены поверх орнаментального поля, заполненного оттисками «шагающей» гребёнки. Кроме этого, найдены единичные стенки с орнаментом из рядов «шагающей» гребёнки, фрагмент дна с волнисто-прочерченным орнаментом в виде лучей, сходящихся к кругу, а также небольшие кусочки венчиков ещё от четырёх сосудов.

Кусочки глины представлены обожжёнными комочками. Один, склеенный из двух частей, раскололся ещё в древности. На сломе видны крупные фракции шамота. Второй, подовальной в плане формы, имеет размеры 20х15 при толщине 14 мм.

Каменные предметы. Всего в постройке 5 и на прилегающей площадке найдено 35 ед. Изделия выполнены из местного галечного сырья, материалом явились кремнистые породы, кварц, кварцит, плитки сланца, конкреции лимонита. Коллекция включает следующие типы изделий: гальки расколотые (3 ед.), отщепы (16 ед.), скребки на отщепах (3 ед.), шлифованные наконечники стрел (2 ед.) и нож, осколок шлифованного орудия и абразивы. Кроме этого, имеются три целые гальки, происходящие из аллювиальных песков.

Скребки на отщепах выполнены из кремнистых пород. Один концевой с боковым лезвием, один боковой и ещё один подовальный. Размеры предметов 15х12х5, 16х14х5 и 35х21х11 мм. Лезвия округлые, выделены крутой ретушью со спинки.

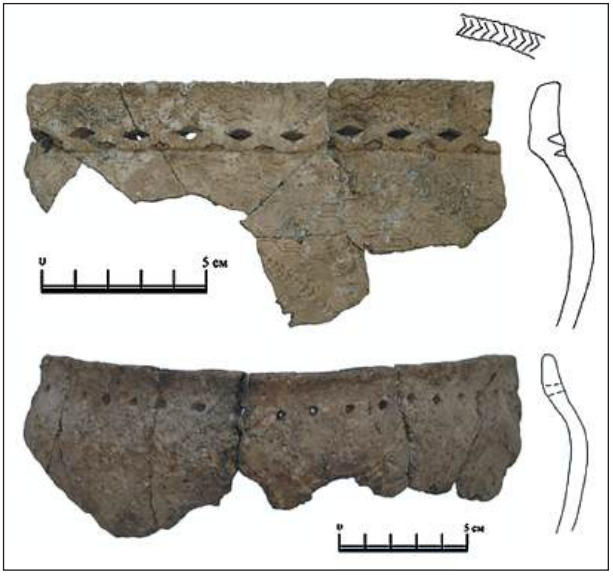
Наконечники стрел шлифованные, изготовлены из серо-зелёной сланцевой породы. Один представлен участком тела размерами 30х17х5 мм с ромбическим поперечным сечением. Второй наконечник с утраченным острием размерами 42х16х4 мм. Поперечное сечение ромбическое, насад подтреугольный, выделен краевыми сколами.

Шлифованный *нож* представлен фрагментом пера подтреугольной формы размерами 29х19х5 мм. Поперечное сечение клиновидное. Лезвие заточено снятием узкой (1,0–1,5 мм) фаски.

Абразивные инструменты – это плитки с одной (2 ед.) или двумя (1 ед.) рабочими поверхностями, а также конкреции лимонита с одной абразивной зоной. Визуально по рабочим плоскостям фиксируются разнонаправленные следы износа.

Поздний комплекс представлен 199 фрагментами, как минимум, шести сосудов кульминского типа (ил. 4). Объектов эпохи раннего железа не выявлено, за исключением небольшого участка погребённой почвы в квадрате И/55, на которой залегали скоплением фрагменты одного из сосудов. Обломки других сосудов найдены в западном секторе раскопа, и ещё около 20% черепков обнаружены в разрушенных дорогой или деформированных лесоразработками верхних горизонтах почвы.

Сосуды кульминского типа изготовлены в ленточной технике ручной лепки и обожжены костровым способом. Тесто относительно плотное с добавлением крупнозернистого песка или мелкотолчёной дресвы и шамота. Цвет черепков серо-жёлтый или серо-коричневый. Толщина

Ил. 4. **Поселение Большая Умытья 9.** Керамика раннего железного века

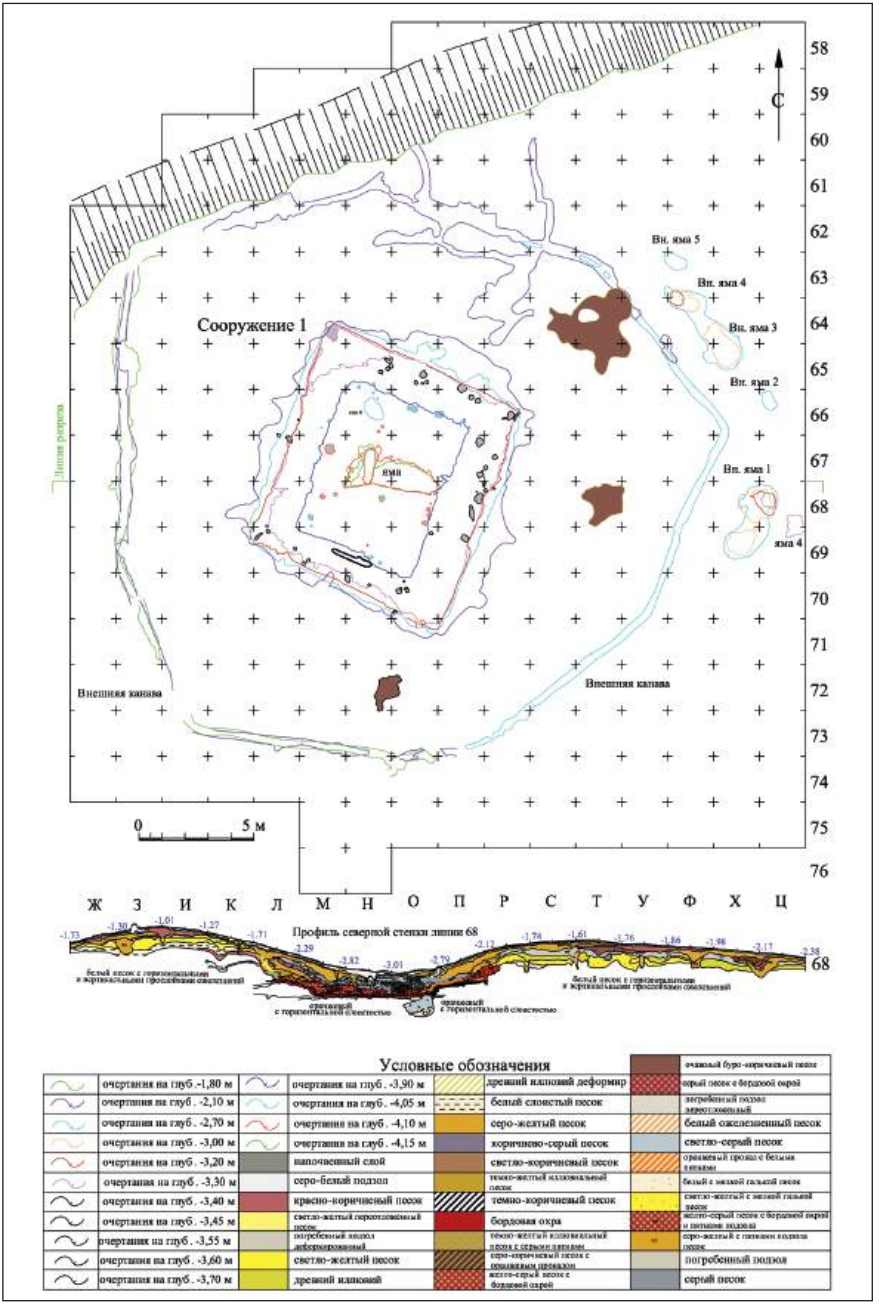
стенок 5—7 мм, ширина лент 45—50 мм. Внутренняя и внешняя поверхность ровная, лишь на двух сосудах изнутри отмечены небольшие участки заглаживания инструментом типа щепы. По форме сосуды котловидные, с короткой шейкой, несколько раздутым туловом и округло-приострённым дном. По диаметру ёмкости относительно близки — от 28 до 34 см. Венчики трёх сосудов — с прямым срезом, у трех других — округлые. Орнаментированы только шейка и плечико сосудов; один «котёл» полностью без декора. На перегибе от шейки к тулову нанесён поясок ромбических или подтреугольных ямок, на двух сосудах ямки расположены в два ряда в шахматном порядке. Только на одном сосуде ямки округлой формы. Интересно, что на одном сосуде под пояском ямок прослеживается тонкий желобок с оплывшим верхним краем, который, вероятно, образовался от круговой стяжки горловины каким-то гладким шнуром.

Узор выполнялся гребенчатым штампом, в том числе и углом штампа. Только на одном сосуде использовался штамп с гладким рабочим краем. Шейки трёх сосудов по верхнему краю орнаментированы соответственно горизонтальными линиями, наклонными отпечатками или сеткой из оттисков печатной гребёнки. Один сосуд по шейке декорирован пояском волнистых линий гладкой прокатки, имеется вертикальная разбивка этой зоны отпечатком прокатки. Четыре сосуда по плечику украшены композицией из взаимопроникающих треугольников. Ещё на одном «котле» от нижнего края зоны, украшающей плечико, пущены фестоны из трёх вертикальных оттисков гребёнки. Один сосуд отличается от остальных разреженностью и простотой узора: от края горловины по шейке на плечико нанесены диагональные линии из оттисков углом гребенчатого штампа.

РАСКОП 2

Постройка № 1

Представлена глубокой землянкой (ил. 5). Котлован землянки подпрямоугольной в плане формы ориентирован длинными сторонами по оси юго-юго-запад — северо-северо-восток (ил. 6). От уровня древней поверхности глубина котлована достигала 2,7—2,8 м, пол постройки находился на отметке 2,6 м, а дно ямы под полом — на глубине более 3,5 м. Размеры котлована на уровне плечиков составляли 8,8х8,2 м, размеры углубленной части 6,5х5,0 м. Плечики, слегка покатые к центру котлована, располагались на высоте 0,5—0,7 м от пола. Пол постройки, маркировавшийся по бордовой охре с углем, относительно горизон-

Ил. 5. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Постройка 1 эпохи неолита. План и профиль сечения культурных и аллювиальных отложений

Ил. 6. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Постройка 1 эпохи неолита. Котлован на уровне –3,10 м от условного «0». Снято с запада

тальный, с плавным (не более 0,2 м) уклоном от стенок к центру. Под плечиками и полом постройки отмечены ямки от столбовой конструкции, глубина некоторых из них от уровня сечения достигала 0,6 м.

Вдоль линии стен по уровню плечиков и дну отмечены неглубокие канавки шириной не более 0,1 м. Видимо, они маркируют основание деревянной крепи песчаных стенок котлована.

Под полом постройки располагалась подпрямоугольная в плане яма, ориентированная перпендикулярно восточной стенке постройки по оси запад-северо-запад – восток-юго-восток. Размеры ямы по верхнему краю не менее 3,7х1,2 м, восточная стенка практически вертикальная, западная – пологая. Глубина ямы от пола постройки – около 1 м.

Очаг в постройке не выявлен. Конструкция выхода также не фиксировалась. Предположительно, он мог располагаться в северной стенке и был вписан в искусственную подсыпку площадки, мощность которой здесь достигала не менее 0,6 м.

Площадка вокруг котлована была огорожена. Конструктивным элементом ограждения является канава, которая проходила по периметру в

6—8 м от края котлована. Ширина канавы в среднем 0,4—0,5 м, глубина от уровня древней поверхности 0,5—0,7 м. В плане абрис канавы восьмиугольный, вершины углов располагаются практически напротив друг друга. Длина «плеча» канавы — от 14 до 26 м. Площадь «замкнутого» пространства внутри канавы составляет не менее 900 кв. м.

С восточной, напольной стороны от внешней канавы были выкопаны 5 внешних ям овальной в плане формы, ориентированных параллельно внешней канаве. Глубина ям от уровня древней поверхности достигала 1,0 м.

При планировке площадки вокруг постройки земля из котлована была распределена между ним и ограждением, которое не позволяло насыпи расплыться. С запада и севера древняя дневная поверхность первоначально была посыпана охрой, а уже поверх неё легли слои подсыпки. Искусственная насыпь наиболее мощной (до 0,60 м) получилась к северу от котлована, её высота с других сторон не превышала 0,25 м. Поверхность искусственной насыпи также была окрашена в красно-коричневый охристый и буро-коричневый цвет. В восточной, юго-восточной и южной частях площадки выявлены линзы буро-коричневого слоя — вероятно, наземные кострища. Их очертания в плане оказались аморфными, мощность слоя составляла не более 0,35 м. Основное количество неолитических артефактов было найдено на площадке между котлованом и ограждением, также отмечалась их концентрация в линзах кострищ и вокруг них.

Находки

Коллекция находок, полученная из раскопа 2 поселения Большая Умытья 9, насчитывает 7354 ед. и включает фрагменты глиняной керамической посуды (7004 ед.), каменные изделия (342 ед.), два изделия на трех фрагментах керамики, небольшие кусочки спекшейся глины (4 ед.) и изделие из кости. Сохранность предметов удовлетворительная.

Выделяются три культурно-хронологических комплекса.

Материалы эпохи неолита

Керамика. На поселении обнаружено 6776 фрагментов керамики, отнесённых к эпохе неолита. Из них выделен 221 сосуд. Большинство фрагментов керамических сосудов залегали на площадке между котлованом постройки и внешней канавой. В целом они были приурочены к пескам красно-коричневого и буро-коричневого цвета. Посуда сохранилась в сильно фрагментированном виде. Целые сосуды отсутствуют,

однако большая часть ёмкостей представлена значительным количеством фрагментов, что позволяет реконструировать размер, форму и орнаментальные композиции ёмкостей. Сосуды были выделены по:

— стенкам, придонным частям, фрагментам дна и венчикам;
— по стенкам, придонным частям и венчикам;
— стенкам и венчикам;
— по отдельным венчикам.

Сосуды эпохи неолита типологически разделены на два комплекса.

К *первому комплексу* были отнесены фрагменты пяти ёмкостей и ещё шесть стенок и округлое дно. Эту посуду (ил. 7) отмечает массивность, довольно рыхлое, с очень большой примесью шамота тесто. На внутренней стороне венчиков имеются подтреугольные наплывы. Срезы плоские и округлые, приострённой формы, кроме того, венчик одного сосуда отличает волнистость. Возможно, сосуды формовалась лоскутным способом, при этом отдельные части изготовлялись на твёрдой основе, путём наложения лоскутов, перекрывающих друг друга. В этом случае фрагменты расслаиваются на две и более части. Орнамент наносился инструментом, близким к заострённой палочке, способом прочерчивания и отступания с периодическим нажимом без отрыва от поверхности или с отрывом — ямочные наколы. Единично применена отступающе-прочерченная техника. Орнаментальное поле разделено на горизонтальные секторы, заполненные волнистыми линиями или ямочными наколами, в некоторых случаях с вертикальными разделителями.

Ил. 7. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Неолитическая керамика. Первый комплекс

Второй комплекс керамики представлен сосудами полуяйцевидной формы с прикрытым устьем (132 ед.) или прямыми стенками (76 ед.), только один сосуд открытой формы. Дно сосудов преимущественно округлое (35 ед.), единичны ёмкости с округло-конической (1 ед.), приострённой (5 ед.) и уплощенной (2 ед.) формой основания. По диаметру устья

ёмкости варьируют — до 10 см (4 ед.), 11—15 см (15 ед.), 16—20 см (15 ед.), 21—25 см (18 ед.), 26—35 см (15 ед.), 36 см и больше (2 ед.). Сосуды тонкостенные, вылеплены ленточным способом с креплением лент внахлёст и последующим заглаживанием стыков. Толщина венчиков от 1,5 до 9,0 мм, стенок — от 2,5 до 7,0 мм, дна — от 3 до 11 мм. Венчики сосудов формовались загибом края последней ленты внутрь, что слегка утолщало верхний край (не менее 30 сосудов), в двух случаях последняя лента загнута наружу. Практически равное количество сосудов с округлым (81 ед.) и плоским (87 ед.) срезом венчика, ещё у 32 сосудов венчик приострённый. Особым декоративным элементом являлись подтреугольные «ушки» (6 ед.) или «зубцы» (6 ед.), пропиленные до обжига сосуда (ил. 9—5). Срезы венчиков 20 сосудов украшены диагональными оттисками зубчатого штампа, 14 — орнаментиром с гладким краем, трёх — наколами и одного — прочерченными линиями. По верхнему фризу, под венчиком нанесён ряд округлых отверстий (реже — ямок), образующих «жемчужины».

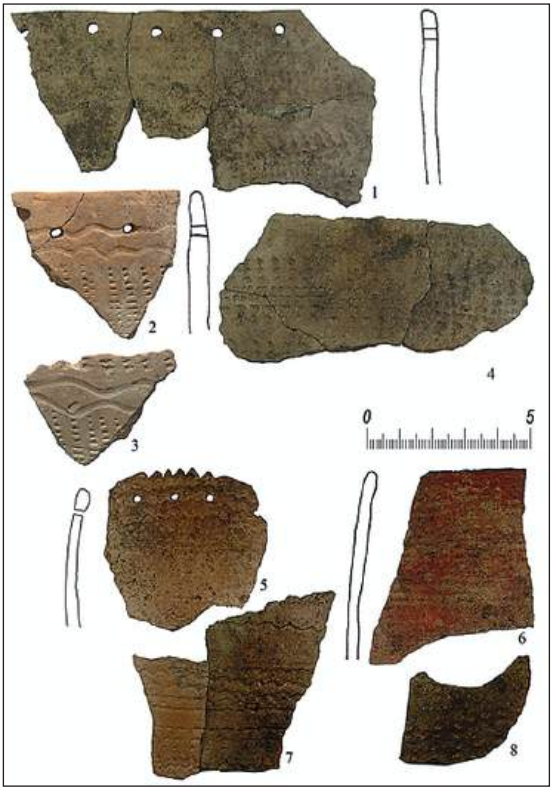
Ил. 8. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Неолитическая керамика. Второй комплекс. Посуда, украшенная сочетанием «шагающей» гребёнки, ямочных наколов и овальных вдавлений

Поверхность черепков светло-, красновато-, серо- и тёмно-коричневого, серого цветов, выровнена и заглажена, местами залощена, на некоторых шероховатая, обработана инструментом с твёрдым краем, вероятно, по уже подсушенной глине. Внутренняя сторона часто рельефна, с утолщениями в местах стыка лент. Имеются папиллярные отпечатки и ногтевые вдавления. Керамическое тесто довольно плотное, в качестве примесей использованы песок, шамот, иногда кварцевая галька. Неравномерность и многослойность окраски изломов свидетельствуют о непродолжительном нагреве до температуры каления и резких перепадах температур, характерных при костровом обжиге. На сосудах

встречаются нагар и пригар. На фрагментах, как минимум, 20 сосудов отмечена красная охра. Одиннадцать ёмкостей ремонтировались, об этом свидетельствуют сквозные отверстия, просверленные с внешней стороны по линии слома.

В качестве орнаментиров использовались зубчатые штампы естественного происхождения (чётко пропечатывались негативы крайних зубцов), штамп с гладкой ровной рабочей поверхностью, инструменты, вероятно, в виде палочки с округлым краем диаметром от 1 до 5 мм, приострённым или расщепленным концом.

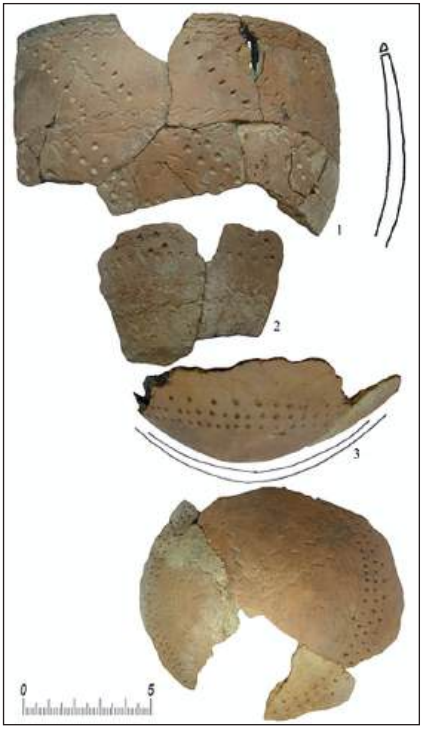
Построение орнаментального поля горизонтально-зональное. Узор обычно наносился на всю поверхность сосуда, но также встречена орнаментация дна с внутренней стороны и 9 сосудов без орнамента. Композиции состоят из горизонтальных поясов «шагающих» зубчатых отпечатков и гребёнки, гладкого штампа, прямых или зигзагообразных прочерченных линий, диагональных ямочных наколов, дополненные треугольными зигзагами, ромбической сеткой, взаимопроникающими

Ил. 9. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Неолитическая керамика. Второй комплекс. Посуда, украшенная сочетанием техник «шагающей» гребёнки и прочерченных линий

треугольниками. Нередко узор из прочерченных линий и наколов наносился на поля гребенчатых отпечатков. Встречается разбивка орнаментального поля вертикальными волнистыми линиями. Дно сосудов украшено прочерченными линиями и концентрическими окружностями, сходящимися к основанию.

По технике орнаментации выделяются 8 групп. Наиболее представительна (101 ед.) посуда, украшенная сочетанием техник «шагающей» гребёнки и прочерченных линий (ил. 9, 12). Вторая группа (60 ед.) украшена исключительно прочерченными линиями. Сосуды третьей группы (18 ед.) декорированы в технике «шагания» зубчатыми инструментами, вероятно, естественного происхождения. В отступающе-прочерченной манере орнаментировано 6 сосудов четвёртой группы. На 6 ёмкостях

Ил. 10. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Неолитическая керамика. Второй комплекс. Посуда, украшенная комбинацией техник «шагающей» гребёнки, наколов и прочерченных линий

Ил. 11. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Неолитическая керамика. Второй комплекс. Посуда, украшенная в технике «шагания» и прочерчивания

пятой группы узор нанесён сочетанием «шагающей» гребёнки, ямочных наколов и овальных вдавлений (ил. 8). Пять сосудов шестой группы орнаментированы сочетанием прочерченной и накольчатой техник. По четыре сосуда седьмой и восьмой группы украшены комбинацией техник «шагающей» гребёнки, наколов и прочерченных линий (ил. 10), и печатным штампом, в сочетании с техникой «шагания» и прочерчивания (ил. 11).

Орудия из фрагментов керамики. Фрагмент сосуда с гребенчато-прочерченным орнаментом использовался в качестве абразива (ил. 13 — *3*). Размеры предмета 45х35х8 мм. Рабочая зона абразива находится на лицевой стороне фрагмента. Второе орудие (ил. 13 — *2*), выполнено на прямоугольном фрагменте размерами 58х50х6 мм и

Ил. 12. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Неолитическая керамика. Второй комплекс. Посуда, украшенная сочетанием техник «шагающей» гребёнки и прочерченных линий

Ил. 13. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Неолитические изделия. *1 – рог; 2, 3 – керамика*

представлено, видимо, керамическим скребком. Рабочий край скребка скругленный, лезвийная кромка затуплена.

Кусочки спекшейся глины — 4 ед. Кусочки небольшие — от 18х15х12 до 25х18х12 мм.

Каменный инвентарь эпохи неолита представлен в коллекции характерными для этого периода орудиями труда и отходами их производства. Всего к данному периоду относятся 329 предметов. Источниками сырья являлись выходы галечника, залегающего в аллювиальных отложениях речных и озёрных террас бассейна р. Большая Умытья. Предпочтение отдавалось кремнистым и сланцевым породам, также использовался кварц. Для изготовления абразивных инструментов отбирались мелко- и крупнозернистые песчаники, кварциты и гнейсы. Расщепление исходного материала происходило в ударной и контрударной технике скола, основной заготовкой для «мелких орудий» являлся отщеп. Также применялась абразивная обработка «мягких» пород камня и пиление.

Заготовками и продуктами дебитажа являются 209 предметов.

Галька целая — 16 ед., размеры предметов от 16х7х5 мм до 117х81х45 мм.

Галька колотая — 13 ед. Выделяются две группы: а) мелкие гальки (от 21х13х9 до 26х35х22 мм), расколотые по короткой или продольной оси, б) крупные гальки (от 54х30х20 до 115х70х53 мм) с краевой нерегулярной обивкой, преимущественно с латералей.

Нуклевидные формы — 12 ед. Представлены преимущественного монофронтальными ядрищами параллельного принципа скалывания в контрударной технике. Восемь изделий из кварцевых галек, три из кремнистых галек, одно на опоке. Ударные площадки, как правило, естественные, скошены к контрфронту. Размеры остаточных форм от 27х24х14 до 68х52х64 мм.

Отщепы — 158 ед. Из них мелких[8] — 21, средних — 82, крупных — 39, массивных — 16.

Пластины — 6 ед. Целых — 4, остальные представлены проксимальными участками. Размеры изделий варьируют незначительно — от 25х6х2 до 28х8х6 мм. Технологические сколы (2 ед.) представлены ребристым отщепом размерами 19х8х5 мм и сколом «подживления» площадки.

Сколы шлифованных орудий — 2 ед. Один из них, видимо, с лезвийной части рубящего инструмента.

Орудийный комплекс неолитического времени представлен 120 предметами.

Скребки на отщепах — 13 ед. Размеры изделий варьируют от 15х14х6 до 40х21х15 мм. Концевых форм — 7 ед., по три предмета относятся к овальным и боковым скребкам. Лезвия инструментов оформлены крутой или отвесной краевой ретушью со спинки.

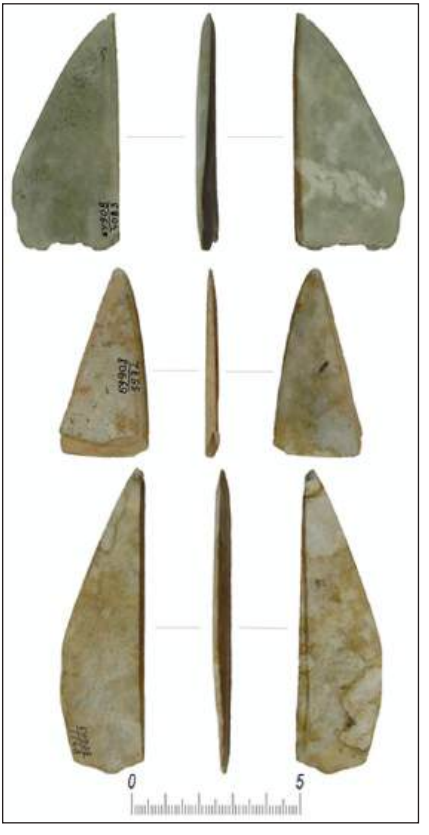
Отщепы с краевой ретушью — 19 ед. Размеры изделий от 10х10х2 до 37х20х3 мм. Ретушь краевая, располагается чаще всего по боковой стороне, реже на двух — как со спинки, так и с брюшка заготовки.

Долотовидные орудия — 3 ед. Выполнены из отщепов, однолезвийные. Размеры предметов — 22х13х5, 23х28х8, 32х28х7 мм. Рабочие лезвия прямые, подработаны плоскими краевыми сколами с двух сторон.

Острия — 3 ед. Выполнены из отщепов, асимметричные, рабочее жало расположено на узком конце заготовки и выделяется по следам сработанности — краевой ретуши и лёгкой заполировке. Размеры изделий — 17х9х3, 24х12х5, 34х19х8 мм.

Наконечники стрел — 9 ед. Целых — четыре, у остальных ещё в древности утрачены насад или перо. Один наконечник, найденный на полу постройки 1, иволистной формы, размерами 90х21х5 мм, с треугольным насадом, поперечное сечение ромбическое. Второй наконечник также иволистный, насад пришлифован. Его размеры — 56х11х4 мм. Третий наконечник размерами 40х14х4 мм укороченный, листовидный в плане, сечение ромбическое. Четвёртая стрелка укороченной иволистной формы, её размеры 47х14х4 мм.

Ножи шлифованные сланцевые — 12 ед. Шесть изделий практически целых (ил. 14), остальные представлены фрагментами рабочих лезвий. Ножи подтреугольной в плане формы — 4 ед. Их размеры —

Ил. 14. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Неолитические ножи шлифованные. *1–3 – камень*

68х32х4, 91х25х4, 82х38х5, 57х26х4 мм. Лезвия инструментов заточены двухсторонней фаской. Спинка ножей прямая, в одном случае фиксируются негативы пропила, вероятно, от предварительного этапа изготовления изделия. Обушок двух ножей прямоугольный, выделяется до 40 мм, у остальных фрагментирован.

Один нож переоформлен из сломанного наконечника стрелы. Размеры предмета — 32х13х3 мм. Лезвие ножа выделено фаской на боковом крае заготовки. Обушковая часть прямоугольная, она являлась и насадом наконечника.

Нож сегментовидной в плане формы. Его размеры — 73х36х8 мм. Лезвие дуговидное, выделено двухсторонней фаской.

Тёсла — 4 ед. Шлифованные. Три сланцевых, одно из кварцито-песчаника. Одно орудие — в плане подпрямоугольное, его размеры 47х36х17 мм, обушок асимметричный, подтреугольный. Второе тесло — размерами 28х32х10 мм, трапециевидное в плане, обушок прямой, лезвие деформировано сколами. Третье тесло — размерами 23х20х3 мм, треугольное в плане, изготовлено из скола, по всей видимости, шлифованного ножа. Лезвие заточено шлифовкой по кромке. Четвертое тесло — размерами 36х35х10 мм, подтрапециевидное в плане, обушок прямой, скошен.

Изделие из камня представлено плиткой с краевой обработкой сторон и выделением на двух смежных плоскостях неглубоких выемок. Размеры изделия — 58х44х11 мм.

Для *отбойника* использована кварцитовая галька размерами 52х53х48 мм естественной конической формы. Рабочий участок инструмента выделяется по характерной для этого типа орудий сработанности.

Каменные пилы — 3 ед. Размеры — 87х61х5, 62х43х6, 23х25х3 мм. В качестве заготовок использованы плитки, которые также выполняли функцию абразивов. Продольные длинные лезвия пил выделяются по следам износа.

В коллекции представлено 8 плиток со следами пропилов и легкой шлифовкой плоскостей, и, видимо, они являются *отходами производства шлифованных орудий*.

При контрударном расщеплении использовались *наковальни*, их в коллекции 6 ед. Заготовки для них (крупные гальки), две из них также служили абразивами. Размеры — от 102х75х48 до 113х111х46 мм. Зоны сработанности фиксируются на широких плоскостях заготовок, и, если эта плоскость абразива, то «пробивают» ее.

Пешни — 2 ед. Одно орудие целое, второе представлено сколом рабочей части. Под одно орудие размерами 170х94х82 мм использован крупный валун с естественным асимметричным краем. На рабочем конце выражена забитость и вмятость кромочной линии, имеются негативы трёх сколов от кромки на прилегающие плоскости.

Абразивные инструменты — 36 ед. Представлены 17 оселками, 9 шлифовальными камнями, 8 плитами и 2 валунами. Абразивы-валуны найдены на полу постройки 1 (195х155х155 мм) и во внешней яме 4 (380х267х140 мм). Рабочие поверхности инструментов прямые или вогнуты, чаще всего по всей используемой плоскости.

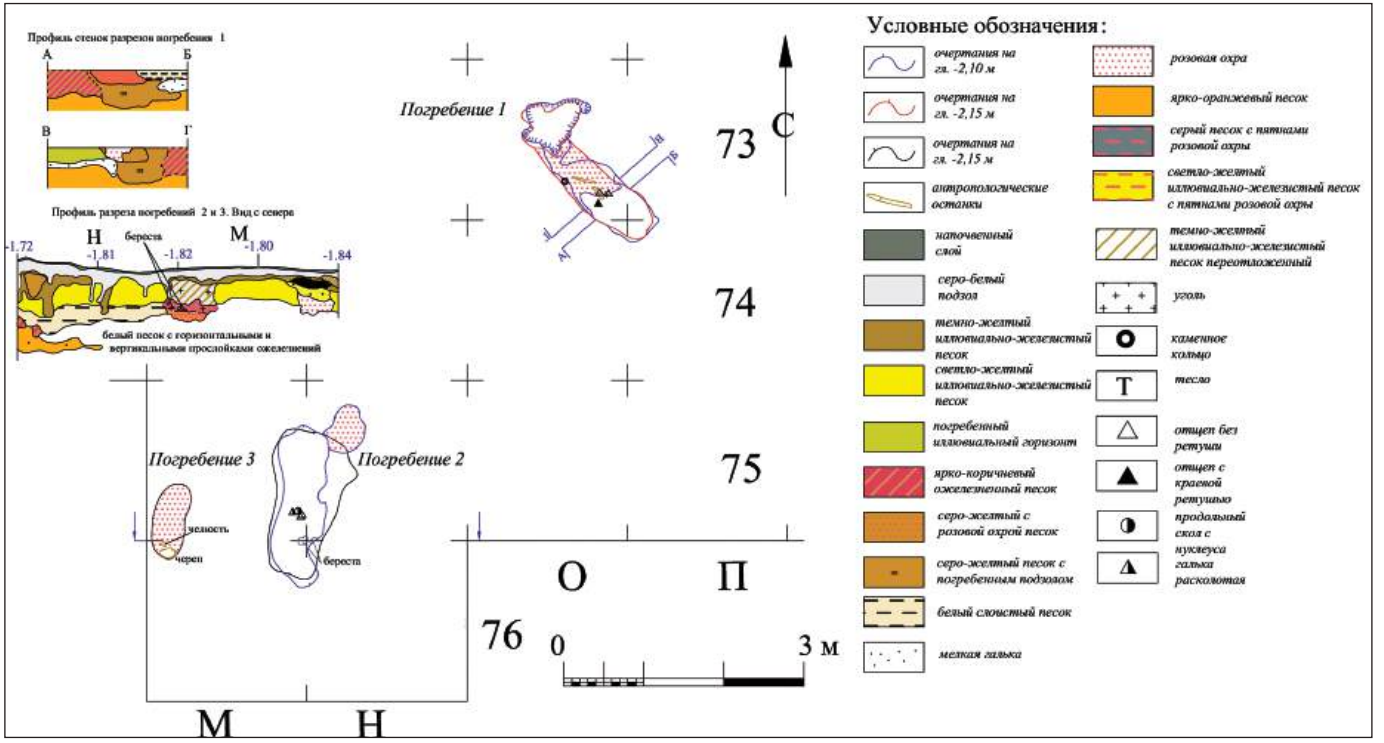
В коллекции имеется одно *роговое изделие* (ил. 13 — *1*). Оно представлено фрагментом рога лося с выбранной губчатой массой. Размеры предмета 111х47х29 мм. Вероятно, изделие использовалось в качестве роговой муфты.

Материалы эпохи энеолита

Представлены погребениями, фрагментами сосудов и каменными изделиями, залегавшими по широкой площади в верхней иллювиированной части почвенного профиля.

Погребение 1 — участки О-П/73-74. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы с ориентировкой по линии юг-юго-восток — север-северо-запад (ил. 15). Очертания ее выявлены на уровне 0,5 м от поверхности (горизонт фиксации — 2,00 м), яма прорезала внешнюю канаву неолитического комплекса. На глубине —2,10 м её размеры составляли 1,3х0,4 м (ил. 16), и отметим, что её северный край был разрушен ямой-выворотнем. Глубина ямы от этого уровня составляла не менее 0,2 м, песчаное заполнение было пигментировано розовой охрой. Остатки скелета разрознены, немногочисленны, но удовлетворительной сохранности. Они принадлежали мужчине в возрасте 16—26 лет[9]. Вещевой инвентарь погребения 1 насчитывает 6 каменных предметов: 2 отщепа без ретуши, отщеп с краевой ретушью из халцедона, скол со шлифованного орудия, тесло и сланцевое кольцо. Отщепы залегали компактно на уровне дна в центральной части ямы. Скол шлифованного орудия был найден при просеве грунта заполнения. Каменное кольцо лежало in situ на дне ямы в северной половине погребения у западной стенки.

Тесло подпрямоугольное в плане (ил. 17—2), его размеры 38х18х8 мм. Рабочая зона выделена односторонней широкой фаской, кромка лезвия дополнительно заострена фаской. Аккомодационный край не обработан.

Ил. 15. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Погребения. План и профили сечений

Ил. 16. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Участки О-П/73-74, фиксация –2,10 м. Погребение 1. Снято с юго-востока

Каменное кольцо (ил. 17 – *1*) внешним диаметром 55 мм, внутренним – 28 мм. Ширина – 13,0–13,5 мм. Отверстие сделано двухсторонним сверлением. Изделие отполировано.

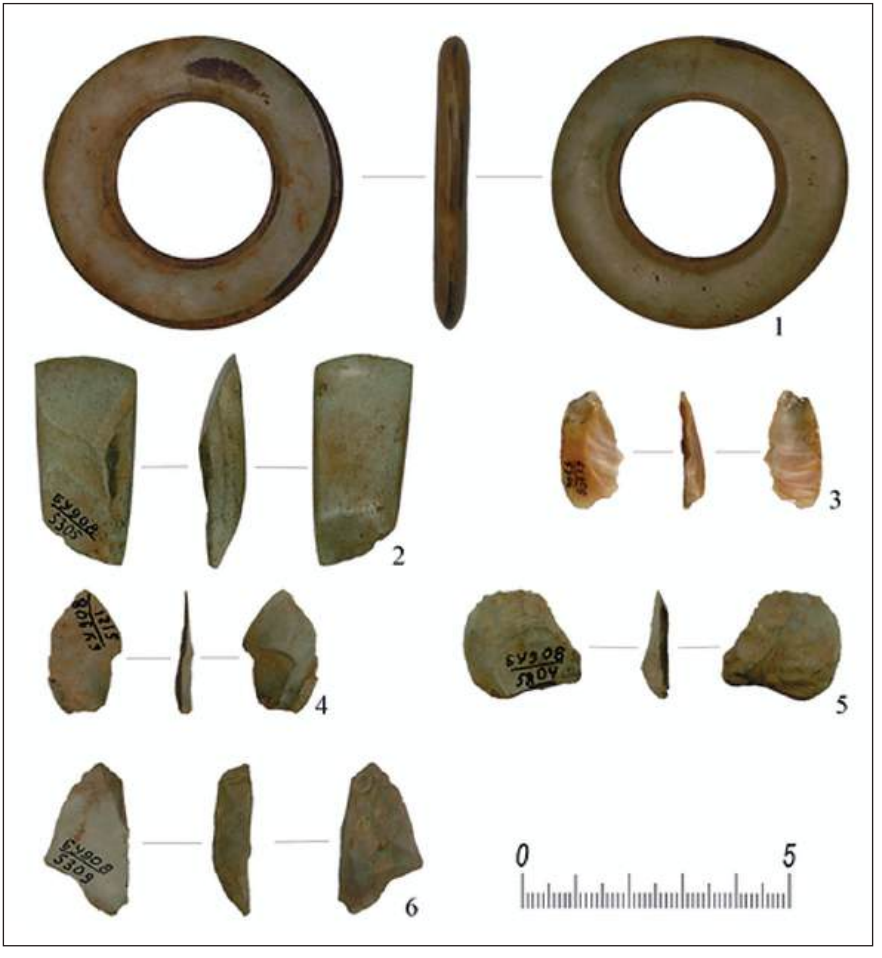
Отщепы мелкие (ил. 17 – *4, 5*) размерами 23х14х3 и 28х16х7 мм, выполнены из серо-зелёной кремнистой породы.

Скол шлифованного орудия (ил. 17 – *6*) имеет размеры 20х22х5 мм.

Отщеп с ретушью (ил. 17 – *3*) в плане прямоугольный, выполнен из халцедона, его размеры 23х13х3 мм. По длинной стороне со спинки имеется крутая краевая ретушь, с брюшка вдоль кромки отмечаются плоские фасетки краевых заломов.

Погребение 2 зафиксировано на участках М-Н/75-76 (ил. 15). По верхнему краю в 0,45 м от поверхности (горизонт фиксации –2,10 м) могильная яма была подпрямоугольная, ориентирована по оси север – юг. Её размеры составляли 2,0х0,5 м. У северо-западной границы ямы выявлена аморфная в плане линза розовой охры размерами 0,55х0,5 м. По уровню «ложа» размеры ямы составляли 1,75х1,0 м. Дно могилы маркировалось светло-жёлтым, пигментированным розовой охрой, песком. По профилю сечения установлено, что яма прорезала материковые пески на глубину не менее 0,5 м. Кроме того, на границе серого и светло-жёлтого заполнения в южной части ямы расчищены небольшие кусочки обугленной бересты, которой, видимо, было устла-

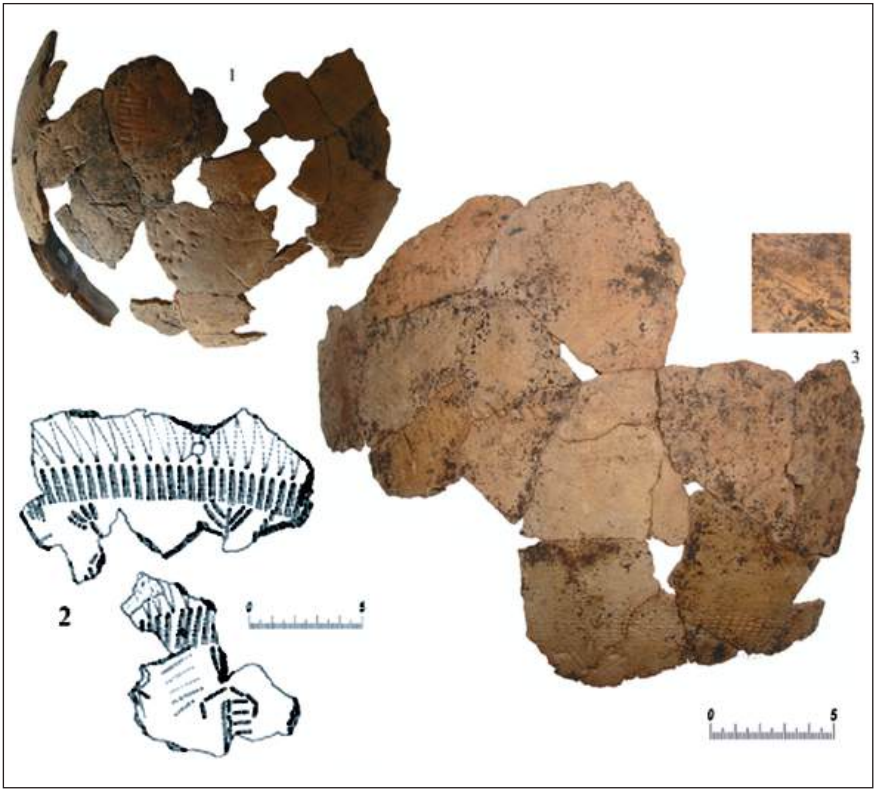
но дно погребения. Антропологических останков в погребении 2 не выявлено. Просев заполнения ямы на сите с ячеей 2 мм также не дал результатов — зубной эмали, которая лучше всего сохраняется в песках. Из предметов найдено 4 каменных изделия: 2 отщепа, продольный скол призматического нуклеуса и расколотая контрударом по длинной оси галька. В погребении они залегали компактно по центру на дне ямы. Отщепы: мелкий (17х10х4 мм) из коричневого кремня, средний (23х13х6 мм) из серо-зелёной кремнистой породы. Продольный скол с

Ил. 17. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Погребение 1. Вещи: 1 — кольцо, 2 — тесло, 3 — отщеп с ретушью, 4, 5 — отщепы, 6 — скол шлифованного орудия. *1–6 – камень*

призматического нуклеуса — 29х11х6 мм — утилизирован контрударом, судя по негативам, нуклеус был двухплощадочный. Расколотая галька имеет размеры 31х20х12 мм.

Погребение 3 — участки М/75-76 (ил. 15). Выделено по линзе розовой охры, в которой найден фрагмент черепа, принадлежавший индивидууму мужского пола в возрасте 16—26 лет. На горизонте фиксации —2,30 м (0,45 м от поверхности) линза охры в плане подовальная, ориентирована юг — север, её размеры не превышали 0,9х0,4 м. Фрагмент черепа залегал в южной части «могильной» ямы. Глубина ямы в материковых аллювиальных песках не менее 0,3 м. Сверху она была перекрыта серо- и светло-жёлтым песком с мелкой галькой, вероятно отвалом из ямы-выворотня.

Ил. 18. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Энеолитическая керамика. Сосуд с антропоморфными изображениями: 1, 3 — фото стенки и дна сосуда, 2 — графическая прорисовка, 3 — фото внутренней поверхности

Керамика. Коллекция энеолитического времени представлена 9 сосудами плохой сохранности (только один сосуд графически реконструируется полностью).

Ёмкости преимущественно с прямыми стенками, реже со слегка прикрытым устьем. Форма дна трёх сосудов округлая. По диаметру ёмкости сильно варьируют. Венчики сосудов с округлым (1 ед.), плоским (3 ед.) и приострённым (4 ед.) срезом, на двух сосудах ещё и волнистые. На внутренней стороне венчиков трёх сосудов фиксируется утолщение, образованное загибом края последней ленты. Верхний срез края орнаментирован оттисками гребенчатого (у двух) или гладкого (у одного) штампов. На венчике ещё одного сосуда вылеплено «ушко» подтрапециевидной формы. Толщина венчиков 2,5—10,0 мм, стенок — 3,5—8,5 мм, дна — от 4,0 до 7,5 мм. Поверхность сосудов светло-, красновато-, серо- и тёмно-коричневого, серого цветов выровнена и заглажена, местами залощена. На внутренней, а иногда и внешней стороне отмечается обработка подсушенной поверхности инструментом с твёрдым краем. Также на внутренней поверхности одного из сосудов выражены горизонтальные линии — негативы от обработки гребенчатым штампом. Керамическое тесто довольно плотное, в качестве примесей использованы песок, шамот, иногда кварцевая галька, крошка охры(?). Сосуды изготавливались ленточным способом, обжиг сосудов костровой, на некоторых имеются нагар и пригар.

Использовались гребенчатые штампы и штампы с гладкой рабочей поверхностью. Узор наносился штампованием (в том числе и углом штампа), прокатыванием, незаконченными «шагами» и в «шагающей» технике. Орнамент наносился по всей поверхности. Под венчиком шести сосудов проколоты округлые отверстия, а еще на двух ёмкостях — ямки в шахматном порядке. Построение орнаментальной композиции на сосудах линейно-горизонтальное. Обязательным в декоре является присутствие геометрических схем: ромбической сетки, взаимопроникающих треугольников и треугольных зигзагов, разделяющих пояса из вертикальных или диагональных оттисков штампа и «шагающей» гребёнки. На двух сосудах горизонтальные линии выполнены прокаткой гребенчатого штампа, в такой же манере выполнена ромбическая сетка ещё на одной ёмкости.

Особый интерес вызывает сосуд с антропоморфными изображениями по нижнему фризу (ил. 18). Форма этой ёмкости имеет, видимо, слегка «закрытую» форму, дно округлое. Фрагменты венчика отсутствуют, но, вероятно, диаметр сосуда не менее 35—36 см. Толщина стенок — 4—5 мм, дна — 5,5—6,5 мм.

Сосуд ручной лепки в технике ленточного подлепа, обожжён на костре. В глину добавлены песок, шамот и кварцевая галька. Поверхность черепков светло-, серо- и красновато-коричневого цветов. Внешняя сторона выровнена, заглажена, местами отмечена углубленными полосами — своеобразными «желобками», появившимися от обработки подсушенной глины твёрдым инструментом. Внутренняя поверхность бугристая, шероховатая, с негативами обработки гребенчатым штампом. Частично просматриваются оттиски штампа, иногда с протаскиванием, а в придонной части нанесены небольшие горизонтальные пояса из отпечатков «гребёнки». На стенках имеются нагар и пригар.

Сосуд орнаментирован штампом с 12 зубцами в технике «незаконченного шага» и «шагающей гребёнки». Штампом с тремя зубцами наносились оттиски, иногда под углом. В прокатанной манере и в технике «шагания» также использовался тонкозубый гребенчатый штамп с 15 зубцами. По тулову композиция состоит из чередования треугольного зигзага и двух горизонтальных поясов вертикальных оттисков незаконченного «шага». По придонной части последний ряд зигзага проштампован более глубоко и с меньшей амплитудой и сопровождается с левой стороны оттисками тонкозубой гребёнки. В придонной части нанесены два ряда ромбической сетки из прокатанных оттисков тонкозубого штампа, которые разделены горизонтальным поясом «шагающей» гребенки. Ниже располагается ещё один пояс «шагающего» тонкозубого штампа. Дно маркировано вертикальными оттисками гребёнки в виде незаконченного «шага».

По центру дна углом штампа выведена окружность, заполненная редкими трёхзубчатыми отпечатками в виде параллельных линий. По кругу расположены семь или восемь(?) антропоморфных фигур ногами к центру. Фигуры выполнены в едином стиле, но с разной степенью детализации. Головы веерообразные, выделены четырьмя или восемью оттисками зубчатого штампа. На двух головах углом этого же штампа нанесены наколы, вероятно, имитирующие глаза и рот. Руки оформлены ломаными линиями вдоль туловища и согнуты в локтях. Тела нарисованы в скелетном стиле. Вертикальная линия, имитирующая позвоночник, состоит из оттисков зубчатого штампа. Ребра изображены горизонтальными или диагональными оттисками гребёнки. Они либо пересекают позвоночник, либо примыкают к нему справа. У одной такой фигуры слева от позвоночника углом тонкозубой гребёнки нанесена вертикальная линия диагональных наколов. Иногда ребра выполнены «ёлочкой» по обе стороны позвоночника. Ноги согнуты в коленях, их

длина меньше длины туловища. Между фигурами пропечатаны группы наклонных оттисков гребенчатого штампа. В одном случае нанесены две V-образные фигуры, состоящие из оттиска гладкого штампа, остриями друг другу.

Также обратим внимание на ещё один сосуд (ил. 19). Его фрагменты (1 — венчика, 25 — стенок) залегали, преимущественно, у северного края погребения 2 на глубине 0,25–0,30 м от поверхности. Часть стенок расслоилась по скреплению лент. Это был большой непрофилированный сосуд с почти прямыми стенками и слегка отогнутым наружу краем. Форма дна и диаметр устья не реконструируются. Срез венчика прямой. Толщина венчика 4,0–4,5 мм, стенок — 3,5–4,5 мм. Сосуд ручной лепки, отформован в технике ленточного подлепа, обжиг производился на костре. Внешняя и внутренняя поверхности выровнены и хорошо заглажены, местами залощены. Керамическое тесто плотное, в глине фиксируются песок, шамот и довольно крупная кварцевая галька.

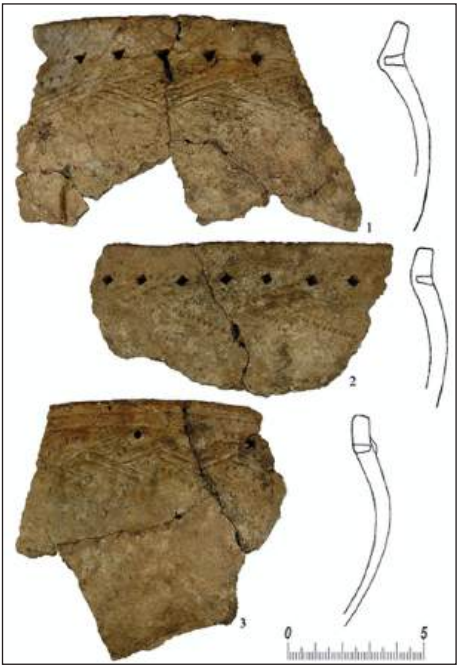
Ил. 19. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Энеолитическая керамика. Погребение 2. Фрагменты сосуда, залегавшие у северного края погребения

Сосуд орнаментирован прокатанными оттисками гребенчатого штампа средних размеров с пунктирной нарезкой зубцов. В бордюрной зоне нанесён один горизонтальный ряд округлых отверстий диаметром от 2,5 до 3,0 мм. Орнамент сосуда состоит из горизонтальных линий, образованных прокатыванием гребенчатого штампа. В некоторых случаях горизонтальные линии разделены двойным треугольным зигзагом из прокатанных оттисков гребенчатого штампа.

Каменные изделия, соотносимые с периодом энеолита, представлены тремя наконечниками стрел. Два наконечника целых. Один выполнен на пластине, его размеры 45x12x3 мм. Острие орудия выделено краевой пильчатой ретушью. Насад треугольный с плечиками. Второй наконечник размерами 48x13x4 мм. По форме он треугольный, насад выделен выемкой. Тело орудия обработано двусторонней сплошной встречной ретушью.

Материалы эпохи раннего железа

Представлены фрагментами пяти сосудов (ил. 20). Ёмкости приземистой профилированной (котловидной) формы с плавно (у трёх) или резко (у двух) отогнутой короткой шейкой, форма дна не ясна. Диаметр сосудов — от 19 до 33 см. У четырёх ёмкостей срез венчика округлый, у одного — плоский. Толщина стенок — 4,5—6,5 мм, венчиков 5,5—8,0 мм. Все сосуды ручной лепки и кострового обжига, тесто рыхлое, запесоченное, из примесей установлены дресва, шамот и кварцевая галька. Цвет черепков от светло-коричневого до красно-коричневого, с пятнами серо- и тёмно-коричневого цветов. Поверхность сосудов зачастую тщательно выровнена с двух сторон, но местами сильно шероховатая из-за плохой сохранности. Фиксируются следы заглаживания шпателем, а на одной ёмкости вдоль пояска ямок отпечатки папиллярных линий.

Ил. 20. **Поселение Большая Умытья 9.** Раскоп 2. Керамика раннего железного века

Из орнаментиров использован гребенчатый штамп с тонкой нарезкой зубцов (на трёх), полулунный фигурный штамп (единично), оттиски полой трубки и штамп с гладкой рабочей поверхностью. Орнамент наносился штампованием (на трёх сосудах), прокатыванием (на четырёх) и наколами (на трёх). На одном сосуде для прочерчивания применялся инструмент с округлым рабочим краем шириной около 1 мм.

Способ построения композиций на сосудах однообразен, орнаментальное поле ограничивается верхней частью. Венчики по срезу оформлены оттисками гребенчатого (на трёх), гладкого и полулунного штампа. У четырёх сосудов на переходе к тулову с внешней стороны нанесены глубокие ямочные вдавления, образующие на внутренней стороны «жемчужины», на пятом отмечается обратное расположение

ямок и «жемчужин». Форма ямок ромбовидная и подтреугольная (по 2 сосуда), на пятом — округлая. Основной мотив на плечике и верхней части тулова на всех сосудах составляет псевдоплетёночный пояс из разнонаправленных лент наклонных полос, образованных прокатанными или печатными оттисками штампа. Между линиями расположены ряды насечек, оттисков полой трубки. На одном сосуде линии образованы вертикальными оттисками фигурного полулунного штампа. Орнаментированная зона на одном «котле» ограничена горизонтальной линией из прокатанных оттисков штампа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выделение культурно-хронологических типов керамики и групп памятников в неолите бассейна р. Конды произошло на рубеже 1980—1990-х гг.[10] Базовым источником являлись материалы раскопок поселений на р. Сумпанья, впадающей в оз. Сатыгинский Туман — одно из проточных озёр в бассейне р. Евра (левый приток р. Конды). Сумпаньинским типом керамики («круглодонные горшки, украшенные прочерченными волнистыми линиями, сочетающимися с оттисками шагающей гребёнки») был обозначен керамический комплекс нижнего жилища стоянки Сумпанья II, исследованной Л.П. Хлобыстиным в 1980 г.[11] На поселениях Сумпанья IV и Сумпанья VI, раскопки которых проводились в том же году, также были встречены сосуды, «подобные горшкам сумпаньинского типа из нижнего жилища Сумпаньи II»[12].

При анализе неолитической части керамической коллекции[13] поселения Сумпанья IV по технике орнаментации выделено *два типа керамики* — прочерчено-накольчатая (ок. 70%) и прочерчено-гребенчатая (ок. 30%). Оба типа залегали вместе, что позволило считать эту керамику единым, двухкомпонентным комплексом[14]. И в то же время посуда, орнаментированная шагающей гребёнкой в сочетании с гладким прочерчиванием и пояском из круглых ямок или жемчужин, выделена в *сумпаньинский тип*. По мнению исследователей, керамика сумпаньинского типа и прочерченная керамика, встреченные вместе, отражают либо смешение групп населения с разными орнаментальными традициями, либо обе традиции сосуществуют в рамках одной эпохи[15].

В материалах третьего поселения Сумпанья VI[16] было выделено *три группы сосудов по орудиям нанесения орнамента*. Одна из групп сосудов украшена зубчатыми орнаментирами, в том числе естественного происхождения, в технике «шагания» в сочетании с прокатыванием и

протаскиванием штампа. Вторая группа декорировалась незубчатыми орнаментирами из костяных орудий, в том числе естественного происхождения, в технике протаскивания. Третья же группа сосудов украшена зубчатыми и незубчатыми орнаментами — «сумпаньинского типа орнаментации»[17].

Посуда, схожая с керамикой поселения Сумпанья IV, была встречена в жилище 1 поселения Геологическое VII на р. Эсс (правый приток р. Конды) и в сооружении, исследованном Е.М. Беспрозванным на поселении Леуши VII (р. Леушинка, впадающая с юга в Леушинский Туман бассейна р. Евра)[18].

Неолитических каменных изделий с поселений Сумпанья II, Сумпанья IV и Сумпанья VI очень мало, и причина тому, по нашему мнению, не скудность сырья в регионе. Хорошая выборка каменных изделий получена из раскопок жилища 1 поселения Геологическое VII[19]. Коллекции включают орудия, выполненные в технике расщепления, в том числе призматической, и в технике абразивной обработки — шлифованные сланцевые инструменты.

На поселениях исследованы прямоугольные или четырёхугольные в плане котлованы. На стоянке Сумпанья II площадь жилища 24 кв. м, глубина 1,2—1,7 м от поверхности, на стоянке Сумпанья IV — около 40 кв. м и 0,6—0,7 м, вероятно, от древней поверхности. На поселении Сумпанья VI котлован состоял из двух уровней (возможно, «плечиков») и углубленной центральной части, их площадь соответственно 28 кв. м и 10,5 кв. м. Общая глубина котлована достигала 1,72 м, углубленной части — 0,25 м. Жилище 1 на поселении Геологическое VII имело площадь 27,6 м, его глубина от погребённой почвы составляла более 0,8 м.

Таким образом, территория от бассейна р. Северной Сосьвы с севера, р. Конды и р. Тавды с запада и юга являлась ареалом памятников сумпаньинской культуры, т. е. поселений с материальными остатками, аналогичными комплексу Сумпанья VI[20]. Ранненеолитический возраст этого культурного образования (предположительно, V тыс. до н. э.) подкрепляется радиоуглеродным датированием[21].

Неолитический комплекс поселения Большая Умытья 9 сопоставим с материалами памятников сумпаньинской культуры и входит в её ареал. Однако сумпаньинские поселения не состоят из одного жилища, как отмечено Е.А. Гаджиевой[22]. Их площадь может быть значительно большей, и не исключено, что Сумпанья IV и Сумпанья VI, а, возможно, и Сумпанья II могли составлять один посёлок, занимающий удобную

топографию — оба берега в устье малой речки. Небольшие раскопы на памятниках Сумпанья II, Сумпанья IV и Сумпанья VI (площадями соответственно 60, 64 и 196 кв. м) и на поселении Геологическое VII (площадь 226 кв. м)[23], по нашему мнению, не позволили исследователям понять планово-территориальную систему организации неолитических посёлков, да и котлованы сооружений на поселениях Сумпанья IV и Сумпанья VI полностью не изучены. Важным фактом явилось и открытие сооружений наземного типа, что согласуется с ранними (мезолитическими) стоянками (например, Большая Учинья 23, Сатыга XVIa) и свидетельствует о сохранении традиции домостроительства и вариабельности типов построек.

Энеолитические материалы из раскопок поселения Большая Умытья 9 немногочисленны. Четыре сосуда, в том числе и с антропоморфными изображениями, по технико-типологическим признакам сопоставимы с керамикой атымьинского типа[24], три — с посудой еныйского типа, выделенного по материалам поселения Еныя 12 (бассейн верхнего течения р. Конды)[25], остальные два близки посуде ушьинского типа[26]. Датировка погребений эпохой энеолита пока предварительна, их соотношение с представленными керамическими типами не установлено. Стратиграфическое положение погребения 1, могильная яма которого прорезает канаву, указывает на их более поздний возраст относительно времени существования неолитического посёлка. С.Ф. Кокшаров в энеолите бассейна Конды на основании поступательной и плавной смены типов керамики выделил четыре стадии развития[27]. Первая и вторая стадии представлены соответственно памятниками с ушьинским и еныйским типом керамики. «Опорные» комплексы немногочисленны и даже в границах заложенных на них раскопов не исследованы полностью (Еныя 12). Отсутствие радиоуглеродных датировок при возможности получать даты по керамике также не вносит ясности об их хронологии и последовательности.

Энеолитический возраст комплексов с посудой, имеющей сходство с керамикой еныйского типа, косвенно подтверждается сопутствующим инвентарем — шлифованными наконечниками стрел с жальцами и желобками, шлифованными подвесками из красного камня, опоки, талька и кости[28]. Хронологическая позиция же памятников с ушьинским типом керамики (рубеж IV—III тыс. до н. э.), на наш взгляд, неоднозначна. К тому же имеющиеся радиоуглеродные датировки комплексов с еныйским и атымьинским керамическими типами нередко схожи и зачастую показывают один временной интервал их вероятного существования.

Материальные остатки эпохи раннего железного века залегали на

исследованной площади поселения Большая Умытья 9 в верхних горизонтах почвенной колонки. Все сосуды относятся к посуде кульминского типа раннего железного века перв. пол. I тыс. до н. э.[29] Объекты этого времени в раскопах не встречены.

Для радиоуглеродного датирования был взят древесный уголь:

4650±85 лет (СОАН-7636)	–	участок О-Н/68-69; глуб. от – 4,10 до – 4,15 м от условного «0»; дно котлована неолитической постройки 1
3365±30 лет (СОАН-7637)	–	участок О/68; глуб. от – 4,30 до – 4,50 м от условного «0»; уголь из ямы под полом котлована неолитического сооружения 1
5345±115 лет (СОАН-7638)	–	участок О/68; глуб. от – 4,50 до – 4,70 м от условного «0»; уголь из ямы под полом котлована неолитической постройки 1

Полученные даты сомнительны и требуют проверки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. статью А.С. Дозморова, А.Н. Кондрашёва и Я.А. Яковлева в этом сборнике.

[2] **Кокшаров С.Ф.** Отчёт об исследованиях, проведённых в Советском районе Тюменской области в 1990 г. — Свердловск, 1991. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 14940.

[3] **Старков А.Е.** Отчёт о разведочных работах в Советском районе Тюменской области в 1994 году. — Екатеринбург, 1995. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие».

[4] **Цеменков А.Е.** Отчёт о НИР: Обследование состояния археологических объектов в зоне хозяйственной деятельности ТПП «Урайнефтегаз» (Советский район, ХМАО, р. Большая Умытья). — Екатеринбург, 2004. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 65.

[5] **Погодин А.А.** Аварийные раскопки поселения Большая Умытья 9 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2007 году / Отчёт о научно-исследовательской работе по теме «Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры»: В 2 ч. — Екатеринбург, 2008. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 81; **Погодин А.А.** Аварийные раскопки поселения Большая Умытья 9 (раскоп 2) в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2008 году / Отчёт о научно-исследовательской работе по теме «Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры»: В 3 ч. — Екатеринбург, 2009. — Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3. Д. 92.

[6] **Чаиркина Н.М.** Некоторые итоги и перспективы исследования торфяниково-сапропелевых отложений верхнего течения р. Конды // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 182—185.

[7] Нумерация объектов по памятнику продолжена — в рельефе фиксируются четыре объекта (№ 1—4).

[8] Пропорции мелких отщепов составляют 1,0—1,4 см, средних — 1,5—2,9 см, крупных — 3,0—4,9 см, массивных — 5,0 см и более.

[9] Определение антропологического материала выполнено старшим научным сотрудником ИИА УрО РАН, канд. ист. наук Д.И. Ражевым.

[10] **Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А.** Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. тр. — Свердловск, 1991. — С. 99; **Гаджиева Е.А.** Неолит бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд ист. наук. — СПб., 1993; **Гаджиева Е.А.** Сумпаньинская группа памятников // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 2000. — 2-е изд., — С. 515.

[11] **Хлобыстин Л.П.** Раскопки на р. Сумпанье // Археологические открытия 1980 года. — М.: Наука. 1981. — С. 219.

[12] **Хлобыстин Л.П.** Раскопки на р. Сумпанье... — С. 219—220.

[13] Судя по публикации, коллекция поселения Сумпанья IV состоит из 1700 ед., включая керамику, изделия из камня и глиняные грузила. Количество же неолитической керамики не приводится, также не ясна и численность выборки сосудов.

[14] **Ковалёва В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П.** Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири: Сб. науч. тр. — Свердловск, 1984. — С. 37—38.

[15] **Ковалёва В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П.** Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Коды... — С. 39.

[16] Общее количество и состав коллекции поселения Сумпанья VI, а также выборка сосудов по группам орнаментации авторами статьи не приводится. Анализ построен по выборке фрагментов венчиков, стенок и днищ 176 сосудов.

[17] **Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А.** Неолитическое поселение Сумпанья VI... — С. 88.

[18] **Беспрозванный Е.М.** Отчёт о раскопках поселения Леуши VII в Кондинском районе Тюменской области и отчёт о разведке по правому берегу р. Иртыш в Ханты-Мансийском районе Тюменской области в 1985 году. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 10823.

[19] **Гаджиева Е.А., Кокшаров С.Ф.** О раскопках поселения Геологическое VII // Археологические открытия Урала и Повольжья. — Сыктывкар, 1989. — С. 144.

[20] **Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А.** Неолитическое поселение Сумпанья VI... — С. 88; **Гаджиева Е.А.** Неолит бассейна р. Конды...; **Гаджиева Е.А.** Сумпаньинская группа памятников... — С. 515.

[21] **Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М.** Радиоуглеродная хронология археологических памятников таёжной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 21.

[22] **Гаджиева Е.А.** Сумпаньинская группа памятников... С. 515.

[23] На поселении Геологическое VII раскопом площадью 228 кв. м исследованы котлованы трёх жилищ, из которых только жилище 1 отнесено к сумпаньинскому посёлку.

[24] **Кокшаров С.Ф.** Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1993. — С. 6—7.

[25] **Стефанов В.И., Косинская Л.Л., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н., Беспрозванный Е.М.** Поселение Еныя 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита — энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург, 2005. — С. 65—70.

[26] **Кокшаров С.Ф.** Памятники энеолита севера Западной Сибири. — Екатеринбург: Волот, 2009. — С. 173—179.

[27] **Кокшаров С.Ф.** Памятники энеолита севера Западной Сибири... — С. 252—258.

[28] **Погодин А.А., Миронов П.В.** Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытья 57 в Советском районе ХМАО — Югры (по материалам исследований 2007—2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 154-165.

[29] **Чемякин Ю.П.** Кульминский комплекс на поселении Геологическое III // XVII Уральское археологическое совещание: Мат-лы науч. конф. (Екатеринбург, 19—22 ноября 2007 г.). — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. — С. 208—213.

Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.)*

В.А. Борзунов, Г.В. Бельтикова,
Л.Л. Косинская, Е.Н. Дубовцева, Е.А. Юдина
г. Екатеринбург
Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Барсовская экспедиция Уральского госуниверситета под руководством В.А. Борзунова продолжила аварийные раскопки многослойного поселения Барсова Гора II/22, расположенного в 14–15 км к западу–северо-западу от г. Сургута и 2,5 км в том же направлении от п. Барсово Сургутского р-на ХМАО – Югры (ил. 1)[1]. Заказчик работ – Служба Главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия Департамента искусства и культуры ХМАО – Югры.

Памятник выявил и картографировал в 1974 г. студент УрГУ А.Ф. Шорин, обследовавший центральную и западную части Барсовой горы в системе масштабных исследований урочища тех лет. Единственный обнаруженный тогда на поселении большой жилой объект – округлая впадина с полукруглым валом и дуговидным внешним рвом – был обозначен как городище Барсов Городок II/16. В 30 м к северу от него было открыто береговое городище Барсов Городок II/12[2]. В ходе последующих разведок и раскопок археологами УрГУ (Н.В. Фёдорова в 1973 г., А.А. Нифонтов и Н.В. Фёдорова в 1974 г., Г.А. Степанова в 1989 г.) было установлено, что последний памятник и примыкающее к нему селище Барсова Гора II/23 датируются зеленогорским периодом раннего Средневековья[3]. В 1989 г. сотрудник УАЭ УрГУ А.П. Зыков составил новый схематический план интересующего нас поселения, окончательно оформленный в 1993 г. и впоследствии опубликованный (без масштаба) под наименованием «селище Барсова гора II/22». Большой объект изображён на чертеже в виде расположенной на мысу прямоугольной впадины размерами 15х12 м, окружённой с напольной

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 10-06-00405-а.

стороны П-образными валом и внешним рвом со скруглёнными углами. Рядом с ним нарисован малый объект — жилищная впадина диам. 5 м, окружённая песчаной обваловкой[4]. В 1999 г. после очередного обследования памятника и обнаружения в насыпи вала и обрыве террасы обломков от баночных сосудов с характерным гребенчатым декором В.И. Стефанов квалифицировал большой объект как укреплённое жилище и датировал его эпохой бронзы (приблизительно втор. четв. II тыс. до н. э.)[5]. В 2001 г. Ю.П. Чемякин зафиксировал на территории укреплённого жилища современные окопы, а в его южной части, на склоне террасы — обнажённый очаг. Севернее жилища, в лесу были выявлены ещё три впадины. Две из них были выражены плохо. Третья прослеживалась отчетливо: она — округлая, диам. 4,0 м, глуб. немногим более 0,5 м[6]. В 2005 г. археологи МУ ИКНПЦ «Барсова Гора» Д.В. Бочкарёв и А.А. Рудь сняли инструментальный план большого объекта. Малое жилище к тому времени в значительной степени было разрушено и на поверхности уже не прослеживалось.

Поселение Барсова Гора II/22 находится на частично залесённом выступе правой коренной террасы р. Оби размерами 40х20 м и выс. 18—20 м. К основанию террасы примыкает протока Микишина (Микишкина) шир. ок. 100 м. Центр и юго-восточную часть мыска занимают остатки большого дома-крепости в виде прямоугольной впадины размерами 15,0х12,0 м, окружённой с трёх напольных сторон мощным песчаным валом и внешним рвом. Юго-восточный отрезок канавы выходит на склон обширного и разветвлённого лога (ил. 1). Максимальный перепад высот между дном жилищной впадины и поверхностью мыса вокруг рва варьирует от 0,70 до 1,75 м, между дном впадины и вершиной вала — от 1,50 до 2,00 м. С юго-западной стороны жилище разрушено береговой осыпью и расширяющимся оврагом. Сохранившиеся размеры объекта — 25—37х20—22 м (ок. 600 кв. м), без рва — 22х14—20 м. На месте снивелированного малого объекта прослеживались остатки современной полуземлянки, оставленной участниками военно-спортивных игр. Вся открытая площадка к северу и северо-западу от укреплённого жилища разъезжена колёсным транспортом. С северо-востока к памятнику подходит просека, рядом с которой в лесу прослеживается округлая впадина с обваловкой. Площадь поселения из-за эрозии берегового склона постепенно сокращается и ныне составляет немногим более 1000 кв. м.

В 2007 и 2008 гг. на укреплённом жилище и прилегающей территории заложено три раскопа общей площадью 728 кв. м (ил. 1). При этом

впервые в археологической практике была исследована округа такого объекта. Помимо основных аварийно-спасательных задач, раскопки преследовали и научные цели: изучение феномена укреплённых жилищ и получение материалов для характеристики недавно выделенного (1995 г.) культурно-хронологического образования — памятников кульёганского типа бронзового века Сургутского Приобья и верховьев Пура.

Ил. 1. **Поселение Барсова Гора II/22.** Укреплённое жилище и селище. План

В этой связи уместно напомнить, что укреплённые жилища представляют собой переходный тип поселений от неукрёпленных селищ и больших одиночных домов к простейшим малым городищам. Всего таких объектов в Западной Сибири и Зауралье известно не менее 108, три из них — двухслойные. Они относятся к различным эпохам и периодам: от неолита до позднего Средневековья. В том числе 30 укреплённых жилищ, открытых в западносибирской тайге, датируются периодами ранней и средней бронзы[7]. Пять объектов этого времени уже полностью или частично раскопаны: Волвонча I, Пашкин Бор I, Щетнмато-Лор, Быстрый Кульёган 38, Балинское 1[8]. На Барсовой Горе выявлены почти три сотни археологических памятников с остатками более 3000 древних жилых и производственных построек. Среди них — только три укреплённых жилища, в том числе два — с кульёганской керамикой. Кульёганских поселений и мест обнаружения кульёганской посуды в Сургутском Приобье насчитывается чуть более трёх десятков (ил. 2). Стационарно исследованы три кульёганских укреплённых жилища (Быстрый Кульёган 38, Балинское 1, Барсова Гора II/22) и несколько селищ (Чернореченское I, Малая Моховая I, Барсова Гора II/8в, II/9в, II/19б и др.)[9].

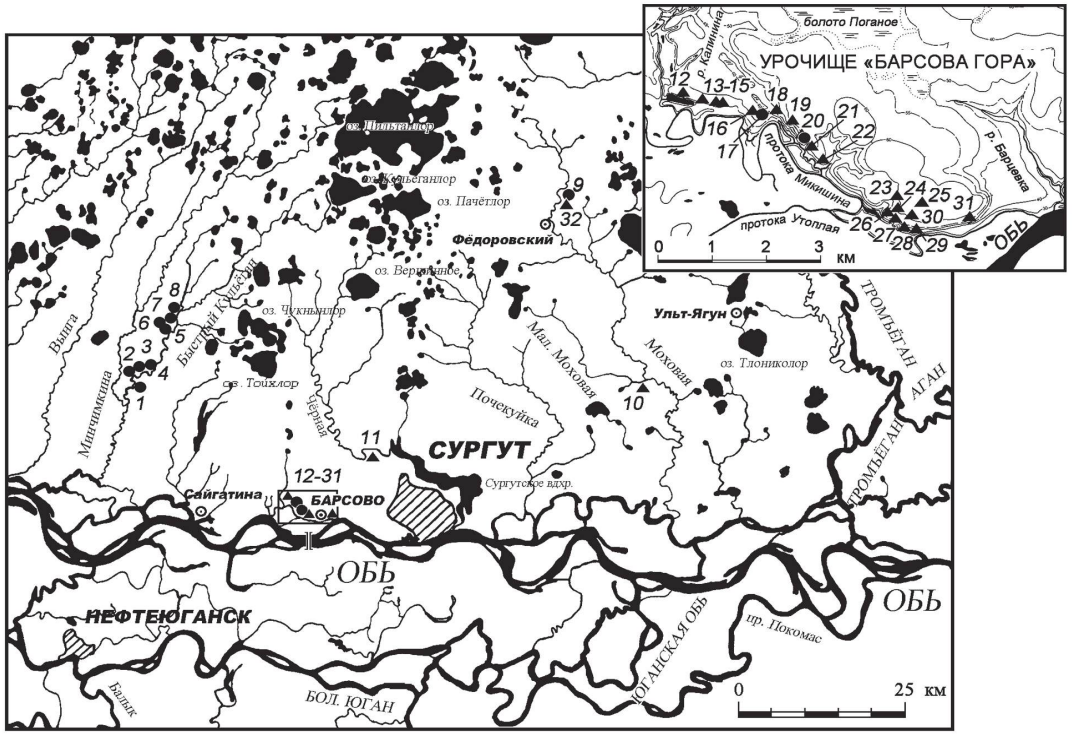
Раскопки подтвердили деление поселения Барсова Гора II/22 на две зоны — укреплённого жилища и прилегающего многослойного селища, а также выявили наличие поселений трёх основных культурно-хронологических периодов: позднего неолита, ранней бронзы и раннего Средневековья. Каждый период представлен разновременными жилыми объектами. Основные остатки и находки связаны с бронзовым веком.

За два года работ на памятнике найдены 2750 фрагментов керамики, а также предметы из камня (108 ед.), глины (89 ед.), кости (2 ед.) и металлов (3 ед.), собраны для анализа 683 ед. остеологических остатков (кальцинированная кость). Посуда неолита и энеолита включает 229 обломков, эпохи бронзы — 1875, железного века — 397; 249 мелких черепков не поддаются диагностике.

Поселения эпохи бронзы

Поселения бронзового века представлены одиночным укреплённым жилищем и предшествующим ему селищем, остатки которого выявлены под валом и за пределами большого объекта.

Укреплённое жилище. Установлено, что большой объект поселения Барсова Гора II/22 резко отличался от всех раскопанных укреплений

Ил. 2. Памятники с керамикой эпохи бронзы кульёганского типа Сургутского Приобья:
● – укреплённое жилище
▲ – неукреплённое поселение, селище, местонахождение керамики

1 – Быстрый Кульёган 2; *2* – Быстрый Кульёган 38*; *3* – Быстрый Кульёган 40; *4* – Быстрый Кульёган 44; *5* – Быстрый Кульёган 73; *6* – Быстрый Кульёган 77; *7* – Быстрый Кульёган 100; *8* – Быстрый Кульёган 105; *9* – Моховая 8*; *10* – Малая Моховая I*; *11* – Чернореченское I*; *12* – Барсова Гора II/42в; *13* – Барсова Гора II/40; *14* – Барсова Гора II/9в*; *15* – Барсова Гора II/8в*; *16* – Барсова Гора II/33б; *17* – Барсова Гора II/37б (объект 1); *18* – Барсова Гора II/36а (городище Барсов Городок II/14)*; *19* – Барсова Гора II/25б; *20* – Барсова Гора II/22*; *21* – Барсова Гора II/19б*; *22* – Барсова Гора II/16б*; *23* – Барсова Гора IV/12а; *24* – Барсова Гора III/36а*; *25* – Барсова Гора III/51а (объект № 109)*; *26* – Барсова Гора IV/10а*; *27* – Барсова Гора I/2а*; *28* – Барсова Гора I/4а*; *29* – Барсова Гора I/6а*; *30* – Барсова Гора III/51а*; *31* – городище Барсова Гора I/18*; *32* – Моховая 32(б)*.

Примечание: звёздочками отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи

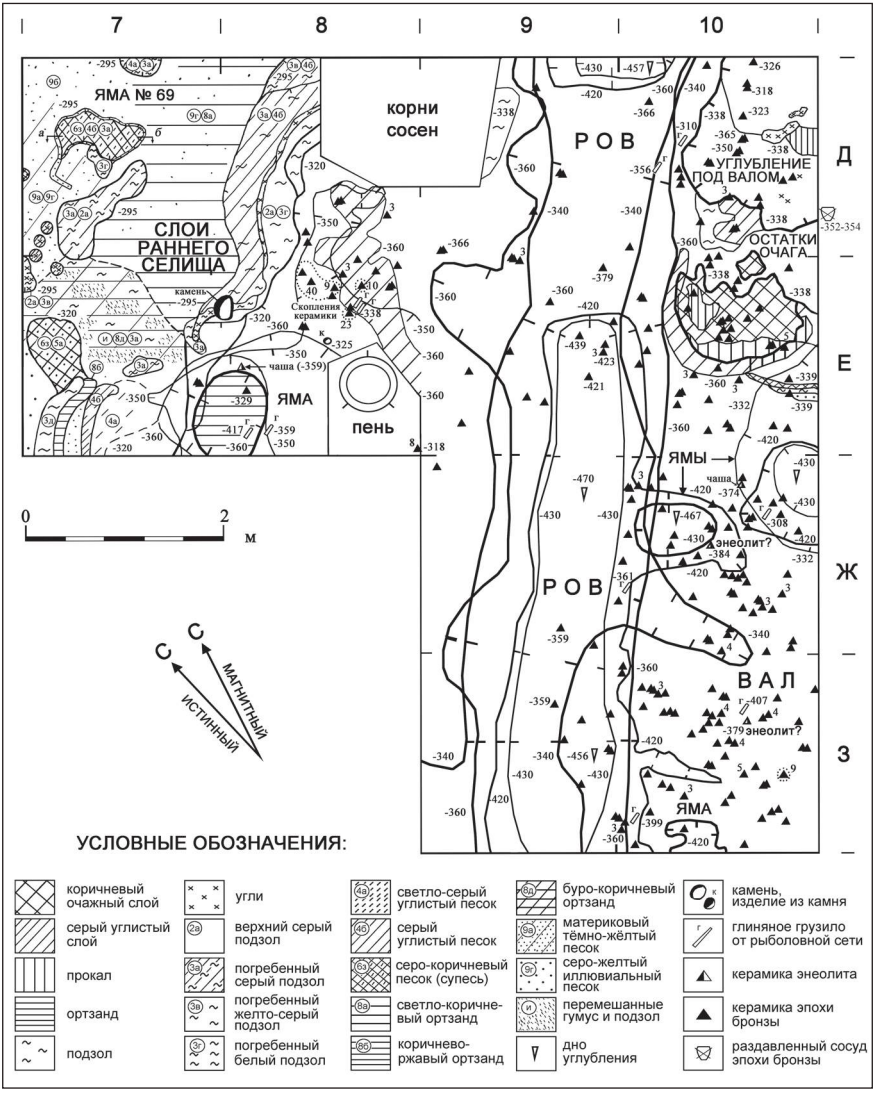
подобного типа мощностью и структурой вала, конструкцией стен и деталями интерьера. У него вскрыты северные участки вала и рва, южный конец вала и практически вся территория котлована (ил. 1, 3—8).

Насыпь песчаная, многослойная (следствие периодических ремонтов, подсыпок и перестроек), с остатками сгоревших деревянных конструкций. Ныне она в разрезе линзовидная, сильно расплывшаяся, шир. 5,0—8,0 м, выс. на северных участках 1,5—1,8 м, на южных — 0,8—1,0 м. Первоначально вал, безусловно, был выше и уже. Верхний горизонт насыпи образуют слои лесной подстилки (хвойный опад, лишайники, гумус), тёмно-серого и пепельно-серого подзолов, частично оподзоленные пласты светло-жёлтого песка и серо-жёлтой углистой супеси, оконтуренные внизу буро-коричневыми и жёлто-коричневыми ортзандами. Средний горизонт сложен светло-жёлтым и местами тёмно-жёлтым переотложенными песками; нижний — светлыми серо-жёлтыми супесями с примесью углей. На разных уровнях вала встречались линзы тёмно-коричневых и тёмно-серых углистых супесей с костной крошкой — выкиды из ранних очагов эпохи бронзы. В северном отрезке насыпи слои контрастные, окрашены более интенсивно: средний и нижний горизонты включали здесь многочисленные (4—8) дуговидные в разрезе чёрные углистые супеси и жёлтые пески. Помимо керамики, обломков орудий труда и других артефактов, в валу обнаружены камни и гальки, укреплявшие насыпь.

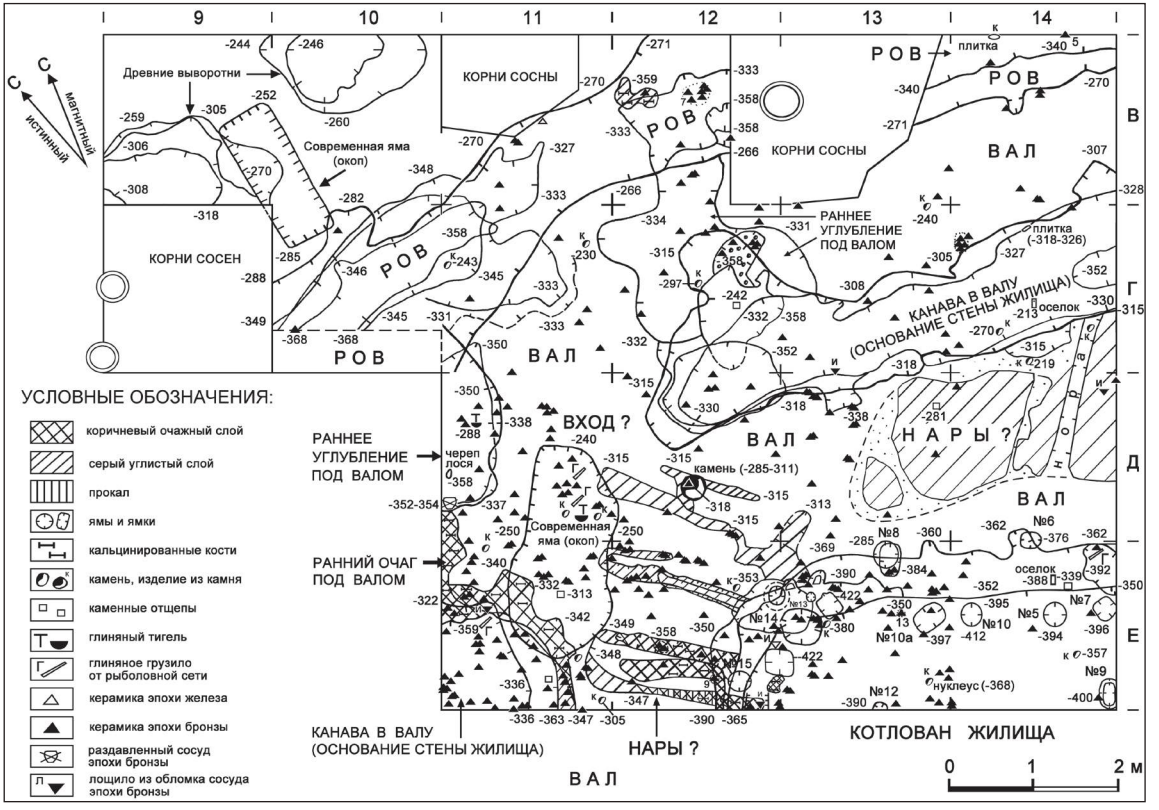
В северной части насыпи и под ней зафиксирована канава шир. 1,0—1,9 м. Она была выкопана в материковых песках на глуб. от 0,50 до 1,16 м, верхняя её часть прослеживалась в средних и нижних слоях насыпи. Углубление в плане дуговидное, в основном повторяло контуры вала (ил. 4, 6, 7, 13). В юго-восточном отрезке вала канава не прослеживалась. Здесь её заменяли две большие ямы, расположенные под центром насыпи на расстоянии 2,4 м одна от другой (уч. Л—М/19—20). Первая яма — в плане овальная (2,2 и 1,7 м), в разрезе подтрапециевидная, глуб. 0,6 м; вторая (вскрытая частично) — вытянутая полуовальная, линзовидного сечения, шир. 1,0 м, углублена в материк на 0,5 м. В заполнении углублений отмечены светло-жёлтые, серо-жёлтые и светло-серые углистые пески, на дне — пласты тёмно-серых углистых песков и древней погребённой почвы (ил. 5; 8).

В данном случае насыпь, которая сегодня воспринимается как археологический вал, является остатками крепиды и составной частью деревоземляных стен укреплённого жилища. Выявленные в валу канавы и ямы использовались для установки вертикальной бревен-

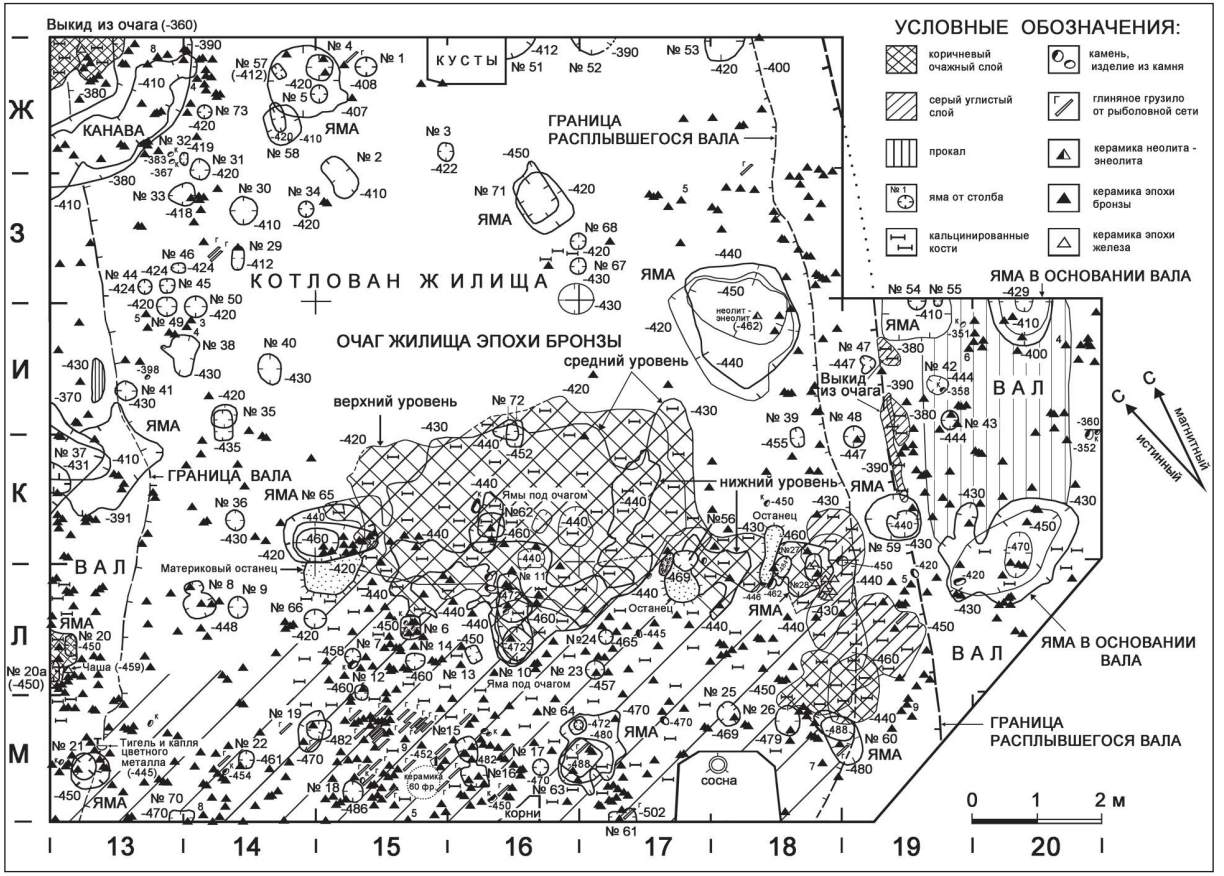
чатой стены жилища заплотной или частокольной конструкции. Судя по очертаниям вала и канав, дом в плане был подпрямоугольный, с закруглёнными углами. Высота деревоземляных стен постройки от уровня древней дневной поверхности составляла около 2,5–3,0 м. При этом бревенчатые конструкции стен возвышались над валом при-

Ил. 3. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 2. Северные участки. Укреплённое жилище эпохи бронзы. Вал и ров. План

Ил. 4. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 1. Восточные участки. Укреплённое жилище эпохи бронзы. Вал, ров и край котлована. План

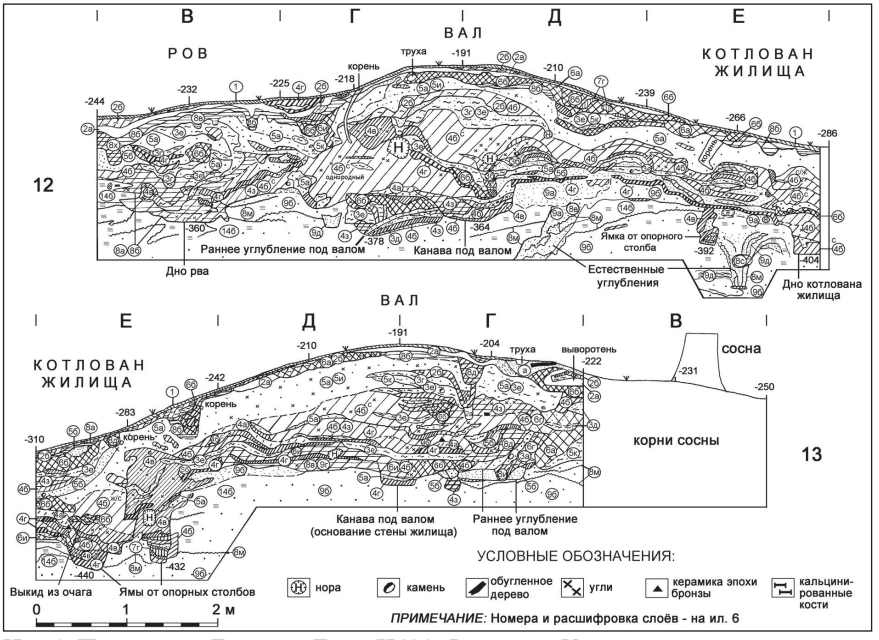
Ил. 5. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 2. Южные участки. Укреплённое жилище эпохи бронзы. Вал и котлован. План

близительно на 1,0—1,5 м. Предполагаемые первоначальные размеры постройки — 14,0—16,0х18,0—20,0 м. В северном углу вала канава прерывалась (уч. Д—Е/11—12). Возможно, здесь находился один из входов в жилище шир. ок. 2,0 м. На месте прохода лежал большой шаровидный камень (ил. 4).

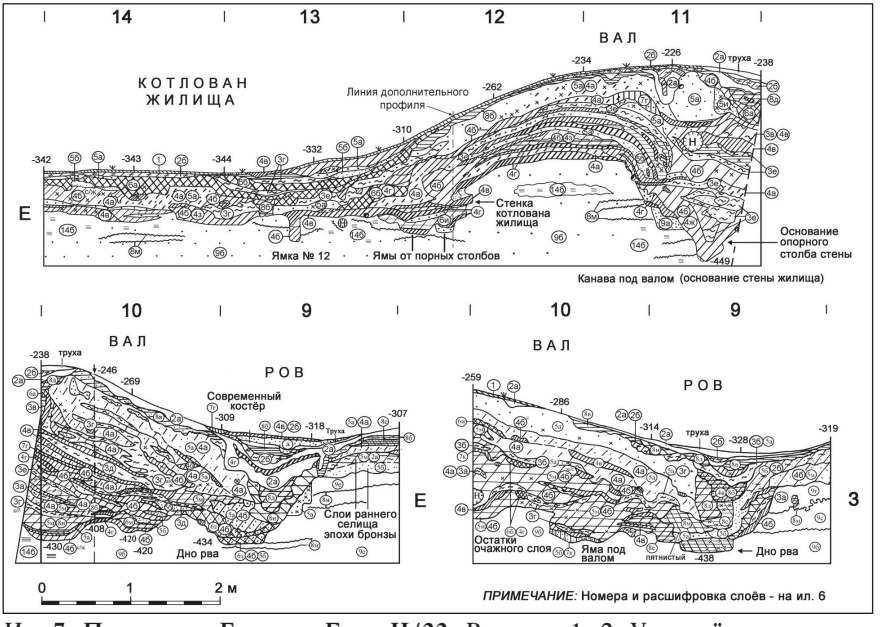
Стену жилища снаружи поддерживала песчаная завалинка-крепида шир. ок. 1,0 м, выс. не менее 1,5 м. Её внешняя сторона первоначально примыкала ко рву и должна была закрепляться специальными деревянными конструкциями, которые одновременно являлись опалубкой песчаных стенок рва. После гибели жилища крепида стен и стенки рва рухнули, практически полностью заполнив это углубление. В верхнем горизонте заплывшего рва, под современной лесной подстилкой и древесной трухой при раскопках фиксировались чёрные и пепельно-серые подзолы, оконтуренные коричневыми и ржавыми ортзандами. В среднем горизонте прослеживались чередующиеся слои и прослойки (от 6 до 10) с включениями органики и без нее — различной цветности и мощности светло-жёлтые и серо-жёлтые пески, серые, тёмно-серые, чёрные и тёмно-коричневые супеси, буро-коричневые и серо-бурые ортзанды. В нижнем горизонте и на дне рва залегали углистые серо-жёлтые, серо-коричневые и тёмно-коричневые супеси. Общая мощность наслоений в центре рва составляла от 1,2 до 1,6 м. Ров, по-видимому, сочетал оборонительную и водоотводную функции. Он ступенчатый, подтрапециевидный, с узким уплощенным дном, выкопан от поверхности разрушенного селища и врезан в материковые пески (ил. 3; 4; 6; 7; 12). Ширина рва на вскрытом отрезке в верхней части составляла ок. 2,5—3,0 м, в придонной — 0,9—1,0 м; глубина варьировала от 0,5 до 1,2 м. Наименьшая глубина рва зафиксирована на уч. В—Г/11—12, в непосредственной близости от предполагаемого входа в постройку. В этом месте на дне рва наблюдалось некое подобие перемычки шир. 1,5—2,0 м. Отсюда ров углублялся в юго-западном и восточном направлениях и делил попадающую в него во время ливней воду на два потока (что наблюдалось и во время раскопок).

Во внешнем поле вала, от его верхнего горизонта до материковых песков прослеживались выступы-канавки шир. 0,7—0,9 м, направленные от рва к центру насыпи. Это могли быть остатки крепиды вала или ямы для установки контрфорсов, поддерживавших снаружи бревенчатые стены постройки.

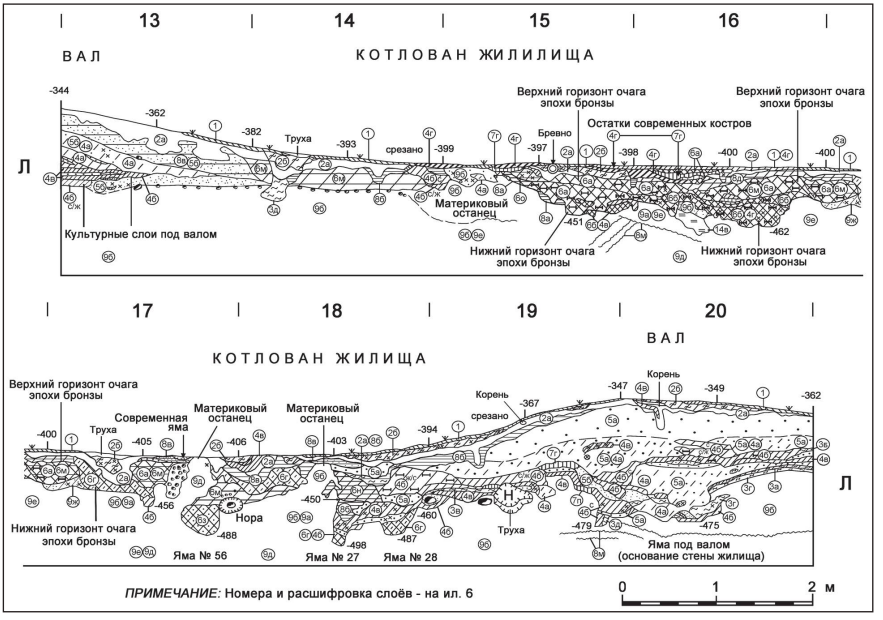
Основную часть помещения занимал котлован — правильный прямоугольник, сориентированный почти перпендикулярно краю террасы (юго-запад — северо-восток) и углубленный в грунт на 0,4—0,6 м

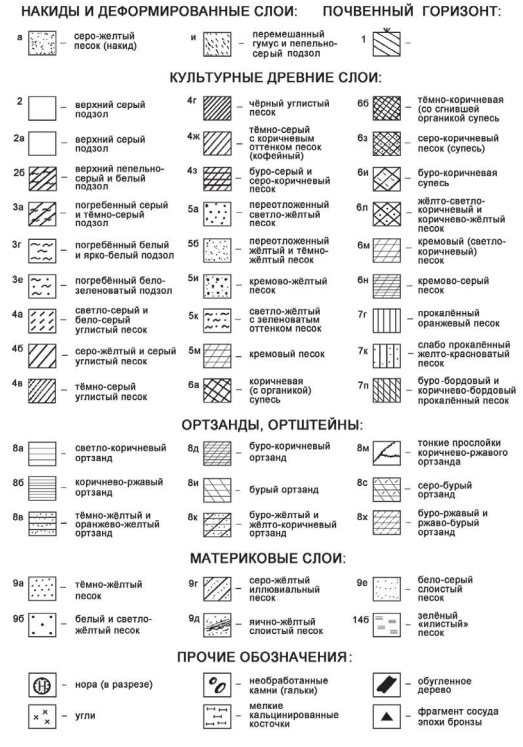

Ил. 6. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 1. Укреплённое жилище эпохи бронзы. Профили вала и рва

Ил. 7. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскопы 1, 2. Укреплённое жилище эпохи бронзы. Профили вала и рва

Ил. 8. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 2. Укреплённое жилище эпохи бронзы. Профили вала и котлована

(ил. 1, 4—8). Шир. котлована — ок. 14,0 м, сохранившаяся длина его юго-восточной стенки — 12,0 м, северо-западной — 15,0 м. Юго-западный край котлована с прилегающим отрезком вала обрушились в процессе эрозии склона террасы. Первоначальная длина углубленной части помещения могла достигать 17,0 м, а площадь котлована составляла примерно 240 кв. м. Покрытое песком и деревом возвышение между котлованом и стеной жилища использовалось в качестве нар. Это отличает данный объект от укреплённого жилища Быстрый Кульёган 38, где деревянные нары-лежанки шир. 1,0—1,5 м и выс. 0,4 м были установлены внутри котлована вплотную к его стенкам. Вертикальные стенки нашего котлована первоначально были обшиты деревом и укреплены столбами; наиболее хорошо профиль углубления прослеживался в северном углу помещения (ил. 4, 6, 7). Опорные столбы для кровли из лаг-жердей, покрытых мхом и грунтом, представлены более чем 70 ямами различной формы и глубины. Большая их часть находилась вдоль стенок котлована и на небольшом удалении от них. Здесь же была сосредоточена основная масса обломков посуды, орудий труда и других артефактов. Центр помещения был относительно свободный, с редкими столбовыми ямами и находками керамики (ил. 4, 5). К моменту раскопок котлован был перекрыт лесной подстилкой и гумусом с остатками многочисленных современных костров, заполнен пепельно-серым подзолом, оконтуренным тёмно-жёлтыми, жёлто-коричневыми и ржаво-коричневыми ортзандами. Пол земляной, уплощенный, относительно неровный, чуть более глубокий в центре и покатый в сторону реки, с перепадом глубин порядка 0,3—0,5 м. На ряде участков он мог быть покрыт настилом из жердей и колотых досок. Об этом косвенно свидетельствует наличие на полу углистых супесей и локальных пластов погребённых подзолов (остатков древней почвы), а также то, что жилище функционировало круглогодично, включая холодное время года.

В юго-западной половине помещения обнаружен обширный, мощный, линзовидный в сечении очаг (6,0—6,4х4,0х0,4—0,6 м), сложенный двумя горизонтами коричневой и чёрной углистой супеси. Под ним — несколько ям с таким же заполнением. Между очагом и краем террасы, от одной стенки котлована до другой шла серо-жёлтая углистая полоса шир. 3,0—4,0 м. Всё это пространство было заполнено костной крошкой, обломками посуды; здесь же обнаружены скопления глиняных грузил от рыболовных сетей, отдельные каменные предметы, фрагмент глиняного тигля и сильно окисленная капля цветного металла (ил. 5, 8).

В целом данная наиболее удалённая от входа часть жилища представляла собой особую хозяйственно-бытовую и производственную зону, в пределах которой постоянно разводили огонь, готовили пищу, изготавливали орудия труда. При этом центр очага периодически перемещался, а само кострище то увеличивалось, то уменьшалось. Из 683 обломков мелких кальцинированных косточек, собранных из очажного слоя, определены остатки млекопитающих (собака, белка, бобр, возможно, лисица) и рыб (в том числе щуки)[10].

На территории большого объекта найдена, главным образом, керамика кульёганского типа (1618 ед.) и только отдельные обломки посуды позднего неолита (3 ед.), энеолита — ранней бронзы (4 ед.), раннего(?) железа (22 ед.) и Средневековья (1 ед.). Это свидетельствует о бесспорной принадлежности древнего укрепления к бронзовому веку.

Селище. Практически повсеместно в основании вала и под насыпью прослеживались ранние культурные слои: тонкие пласты тёмно-серых и чёрных углистых супесей, линзы светло-жёлтого и прокаленного оранжевого песка. Ниже фиксировались остатки древней почвы — различной цветности погребённые подзолы, залегавшие поверх материковых песков с прослойками ортзандов. Под северным отрезком вала вскрыты остатки долговременного очага (пласт чёрно-коричневой супеси с костной крошкой мощностью 10—15 см), большие и малые углубления, прорезанные «частокольной» канавой и рвом укреплённого жилища. Все эти объекты и слои объединяют кульёганская керамика раннего облика и редкие обломки цилиндрических глиняных грузил для рыболовных сетей. На дне одной из ям, близ кострища (уч. Д/11), на глуб. 1,1—1,2 м от поверхности вала найден слегка обожжённый фрагмент черепа лося[11] (ил. 3—8, 12, 14).

Кульёганская керамика в небольшом количестве (257 ед.) обнаружена перед рвом и на западной оконечности мыска. Здесь же находились редкие объекты раннего селища: пять ям с обломками кульёганской посуды (уч. Ж/5, Д—Е/3, И/3, Е/7-8, а/10—11), три из которых были выкопаны в котлованах неолитических жилищ 1 и 3. Кроме того, в одной из этих ям найдено два обломка глиняных грузил (уч. Е/8), в другой — 21 фрагмент и одно целое грузило (яма 8, уч. а/10—11). Последняя в древности могла использоваться в качестве «схрона», причем грузила находились, по-видимому, в сосуде.

Материалы из объектов и слоев эпохи бронзы представлены обломками сосудов (1875 ед.), глиняных грузил (77 ед.), плоскодонных тиглей (3 ед.), лощил из черепков (13 ед.), глиняным скребком, каплей

Ил. 9. **Поселение Барсова Гора II/22.** Укреплённое жилище эпохи бронзы. Общий вид. Снято с северо-запада

Ил. 10. **Поселение Барсова Гора II/22.** Укреплённое жилище эпохи бронзы. Котлован. Снято с востока

цветного металла, двумя мелкими кальцинированными обломками костей со следами шлифовки, а также серией предметов из камня — двумя прямоугольными оселками для заточки металлических изделий, абразивами, скребками, наковальнями, отбойниками, нуклеусами, нуклевидными сколами, камнями с негативами сколов, отщепами и сколами, гальками с ретушью, нарезками, царапинами, следами зашлифовки или залощенности, плитками правильных геометрических форм, но без следов обработки, естественной галькой в форме рыбы и др. (ил. 15, 16, 26 — *1–6, 8–37*; 27 — *2–15, 23, 30–33*). Судя по раннему облику, часть каменных предметов происходила из неолитических слоёв, разрушенных при прокопке рва. Каменное сырьё местное: халцедон, кварц, кварциты, кремнистые и гранитоидные породы, туффиты, опоки, песчаник и др.

Кульёганская посуда относительно невысокого качества, пористая, изготовлена из плохо промешанной глины с естественной примесью песка, а также добавками шамота, органики (ныне выгоревшей), иногда — костной крошки. Обжиг сосудов неравномерный костровый. Поверхность ёмкостей обработана зубчатым шпателем и затем заглажена, при этом более тщательно — снаружи. Сосуды баночные, плоскодонные, слабо профилированные, с зауженной придонной частью, прямыми вертикальными или слегка наклоненными внутрь ёмкости стенками, едва намеченными шейками и уплощенными венчиками. У некоторых банок верхний срез волнистый. Максимальный диаметр (15—35 см) приходится на верхнюю треть сосуда. Соотношение диаметров дна и устья приблизительно 1:2. Узоры покрывают всю внешнюю поверхность банок — от устья до дна, однако у части сосудов венчик не украшен. Традиционный орнамент — многочисленные узкие горизонтальные концентрические зоны, заполненные плотно поставленными отпечатками зубчатых штампов. В верхней части под венчиком у половины сосудов присутствует широкая зона, заполненная многорядными резными, желобчатыми и гребенчатыми зигзагами (прямоугольными и остроугольными), дополненными круглыми ямками в вершинах зигзагов, сдвоенными ямками, ямками в шахматном порядке, а также спускающимися от зигзагов вертикальными резными линиями или оттисками гребёнки. Более редкие элементы: резная ромбическая сетка, крупные двух- и трёхзубчатые или фигурные оттиски, выстроенные в шахматном порядке, пояски из одиночных ямок. На венчиках — наклонные оттиски гребёнки и пальцевые вдавления. На донышках — гребенчатые узоры в виде концентрических линий, исходящих из

Ил. 11. **Поселение Барсова Гора II/22.** Укреплённое жилище эпохи бронзы. Северо-восточная стенка уч. И/13–18. Профиль котлована. Снято с запада

Ил. 12. **Поселение Барсова Гора II/22.** Укреплённое жилище эпохи бронзы. Уч. Д–Е/9–10. Очаг под валом и ров. Снято с запада

центра лучей, ромбической сетки, наклонных поясков. Некоторые сосуды кульёганского селища включают декоры, характерные для ранних эпох: горизонтальные прочерченные линии, небрежно выполненные гребёнкой тупоугольные многорядные зигзаги, вертикальную и горизонтальную ёлочки из оттисков гладких штампов, разделённые узкими концентрическими линиями (ил. 16 — *1–4*).

Грузила для сетей — цилиндрические, в виде прямых или слегка изогнутых глиняных стержней округлого и овального сечения, с уплощенными, приплюснутыми (реже — округлыми и скошенными) концами. Реже встречаются сигаровидные и близкие к веретенообразным формы. Глина содержит естественную примесь песка с мелкой галькой и искусственные добавки шамота, органики и костной крошки. Поверхность изделий обработана зубчатым шпателем и дополнительно заглажена. Большей частью стержни небольшого диаметра (1,5—2,1 см), два целых экземпляра имеют длину 8,2 и 14,7 см. Выделяется группа массивных и более тщательно выполненных предметов с максимальными диаметрами от 2,3 до 2,7 см (длина склеенных половинок варьирует от 9,2 до 11,7 см) (ил. 26 — *8–13, 22, 23*).

Помимо этого, в ранних слоях под валом (уч. Л/13, Ж/10) и на площадке селища (уч. Е/8) найдены 4 обломка от двух небольших плоскодонных чаш или блюд с гребенчатым декором (ил. 3, 5, 23 — *6*), резко отличных от кульёганской керамики. Подобные невысокие плоскодонные и круглодонные ёмкости округлого, овального, усеченно-овального, приострённо-овального (так называемое ладьевидные), прямоугольного и более сложного плана периодически встречаются на памятниках неолита — ранней бронзы Таёжного Приобья[12].

Объекты неолита

На территории селища перед укреплением вскрыты остатки двух ранних построек, не выраженных в рельефе. На дне котлована укреплённого жилища обнаружена яма с фрагментами неолитической керамики.

Котлован жилища 2 находился на западной оконечности мыска (уч. И—К/3—4) и сильно пострадал от деформации берегового склона. Его глубина в материке — 0,5—0,6 м, сохранившаяся длина — 5 м. Пол постройки ровный, покрыт охрой (ил. 24). В котлован были впущены две ямы с кульёганской керамикой. Кроме того, он был прорезан древней узкой ложбинкой, а также перекрыт погребённым подзолом и обваловкой соседнего средневекового жилища 1. Находки: обломки плоскодонных

Ил. 13. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 1. Укреплённое жилище эпохи бронзы. Юго-западная стенка уч. Е/11—14. Зачистка профиля вала

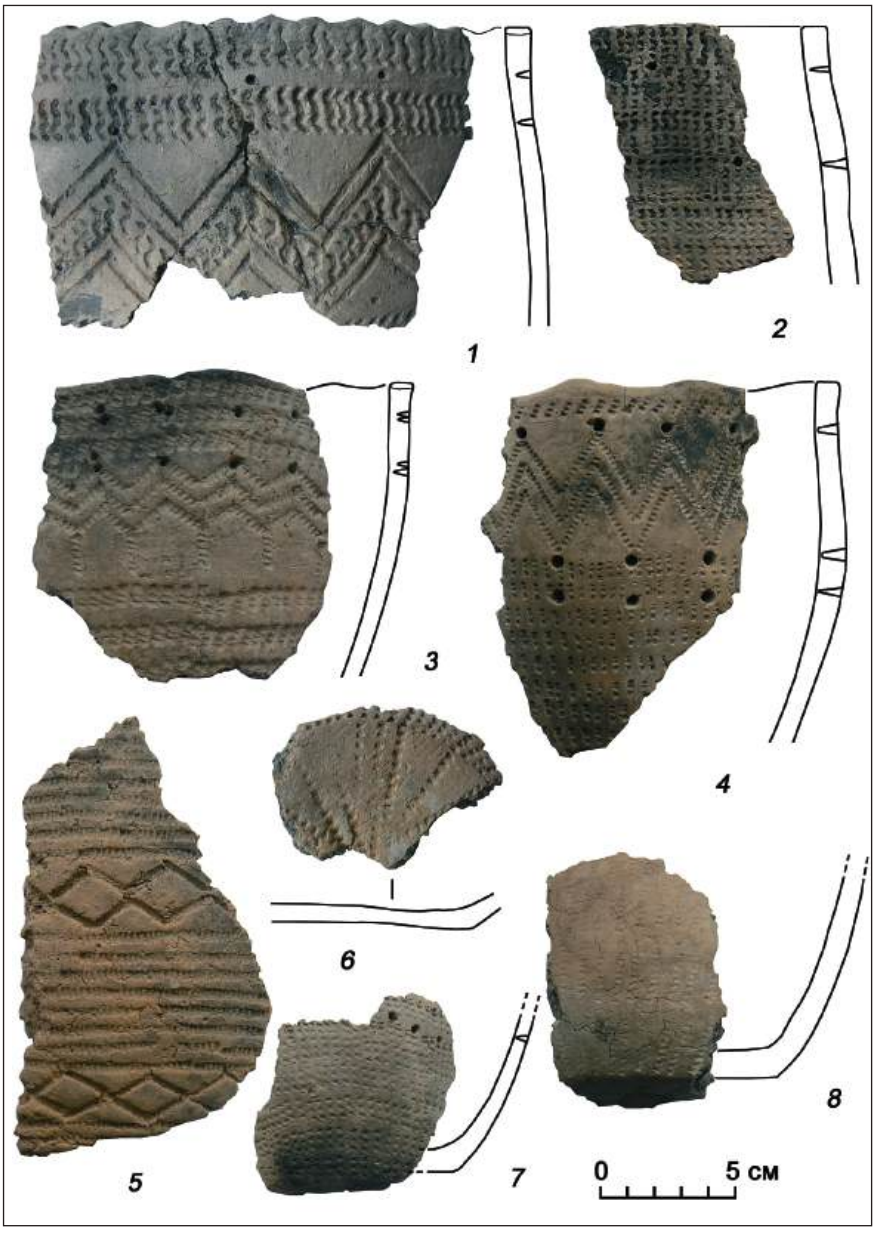

Ил. 14. **Поселение Барсова Гора II/22.** Уч. Д—Е/11—12. Углистый слой раннего селища эпохи бронзы под валом. Снято с юго-запада

баночных сосудов с отступающе-накольчатым орнаментом и несколько отщепов. Вне жилых сооружений на западной и центральной частях раскопа 1 найдено несколько предметов раннего облика: абразивные плитки, отщепы кварца и халцедона, галька с негативом продольного скола, нуклеус, галька-отжимник со следами царапин, обломок массивного рубящего орудия (тесла?), вторично использовавшегося в качестве наковаленки (ил. 23 — *1–3, 7, 9–12*; 27 — *16–21, 24, 25, 27, 34*). С поверхности вала, на уч. З/11 подобрано лезвие шлифованного тесла из зеленокаменной породы (ил. 26 — *7*). Всего в раскопе 1 обнаружено 186 обломков от 7 неолитических сосудов.

Котлован жилища 3, зафиксированный у северо-восточной границы рва эпохи бронзы, вскрыт также частично (раскоп 3, уч. А—б/9—13). Его западная половина находится на участке с большими растущими соснами (ил. 22). В плане углубление имело форму неправильного вытянутого четырёхугольника, сориентированного в широтном направлении. Максимальная длина котлована — 6,4 м, зафиксированная ширина — 3,0—3,4 м. Основное заполнение котлована на придонном горизонте — жёлтый, жёлто-коричневый, жёлто-серый сухой и рассыпчатый золистый песок с углем и разводами красно-малинового или терракотового цвета (ил. 25). Последнее является, по-видимому, следствием прокалённости песка и нанесения на пол слоя охры. Вдоль северной границы котлована отмечена значительная концентрация углей, в том числе в виде небольших плашек с горизонтально направленными волокнами. На восточной окраине котлована охристых включений и прокалов не было.

С западной стороны к котловану примыкала большая овальная яма № 3. Судя по стратиграфии, она была синхронна жилищу и могла входить в его границы. На дне жилища, на уч. а/11 вскрыта яма № 2 с многослойным заполнением, перекрытая тонким горизонтом охры и серым углистым песком. Уголь из этой полосы датируется периодом позднего неолита (ЛЕ—8550: 6320±45 л. н.). Центр жилища прорезала вышеупомянутая яма № 8 с керамикой и грузилами эпохи бронзы. Неолитическое поселение от жилища 3 продолжалось к югу — на территорию восточных участков раскопа 1. В эпоху бронзы остатки неолитических слоёв были разрезаны рвом укреплённого жилища. В пользу этого свидетельствуют находки в валу каменных предметов раннего облика (нуклеус, нуклевидные сколы, отщепы и т. д.), а также неолитический возраст угля (ЛЕ—8551: 5700±100 л. н.), взятого из сгоревшей плахи с внутренней стороны рва на уч. В/14.

Ил. 15. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскопы 1, 2. Укреплённое жилище и селище эпохи бронзы. Керамика эпохи бронзы кульёганского типа

Найденная в жилище № 3 неолитическая керамика (36 ед.) принадлежит четырём ёмкостям (ил. 23 — *2, 5, 8*). Сосуды слабо профилированные, со слегка закрытой горловиной, раздутым туловом и, по-видимому, зауженной придонной частью. Донышки не сохранились. У двух сосудов венчики слегка приострены и скошены внутрь. У третьей ёмкости венчик приострён и отвернут наружу. У четвёртой верхний срез уплощен, скошен внутрь и имеет волнистый рельеф, оформленный при помощи шпателя. Узоры на сосудах выполнены различной техникой: накольчатой, отступающе-накольчатой, резной, гребенчатой и прочерченной. Орнаменты разреженные, нанесены на всю поверхность сосуда, состоят из горизонтальных и наклонных рядов оттисков. Две ёмкости украшены вертикальными одинарным и сдвоенным зигзагами. Один обломок стенки орнаментирован волнисто-прочерченными узорами.

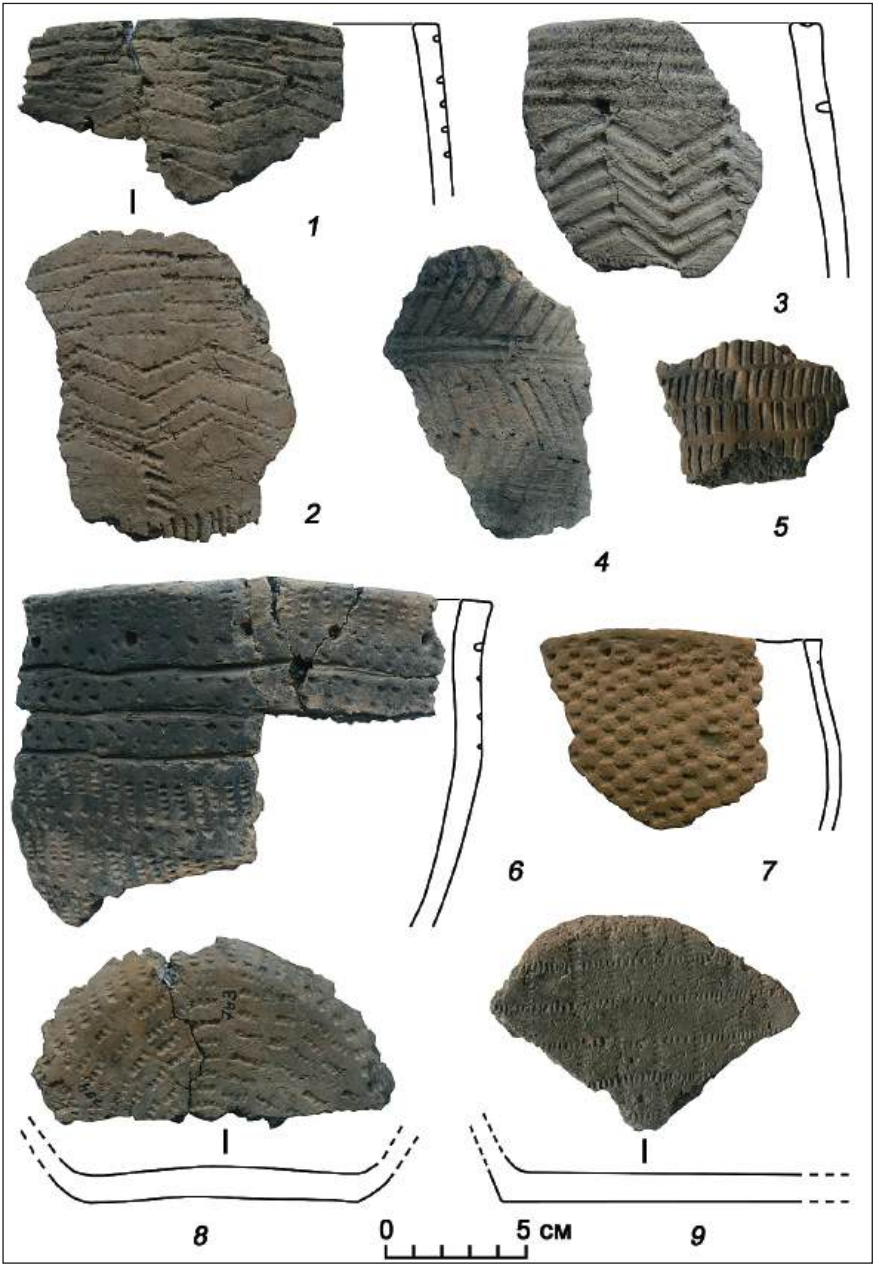
Каменный инвентарь из раскопа 3 включает 7 предметов: осколок крупного шлифованного орудия с частью лезвия, гальку со следами забитости на рёбрах и углах (отбойник или дробильник), три абразива, окатанный обломок халцедона и гальку кремнистой породы (потенциальное сырьё).

Ранняя яма, открытая у восточной стенки котлована укреплённого жилища (уч. З—И/17—18), была перекрыта большой ямой эпохи бронзы и двумя современными углублениями (ил. 5). Яма выкопана в материковых песках на глуб. 70—75 см (от погребённого подзола — на 75—80 см). У поверхности она подтрапециевидная (2,0—2,2х1,2—1,4 м), на среднем уровне (с находками кульёганской посуды) — округло-прямоугольная, на нижнем — подпрямоугольная (1,45х0,60—0,90 м). Заполнение её многослойное. Дно ямы покрывали слои серого и серо-жёлтого углистого песка, в нижнем из которых найден обломок стенки неолитического сосуда с разрежённым отступающе-накольчатым орнаментом (ил. 23 — *4*).

Объекты эпохи железа

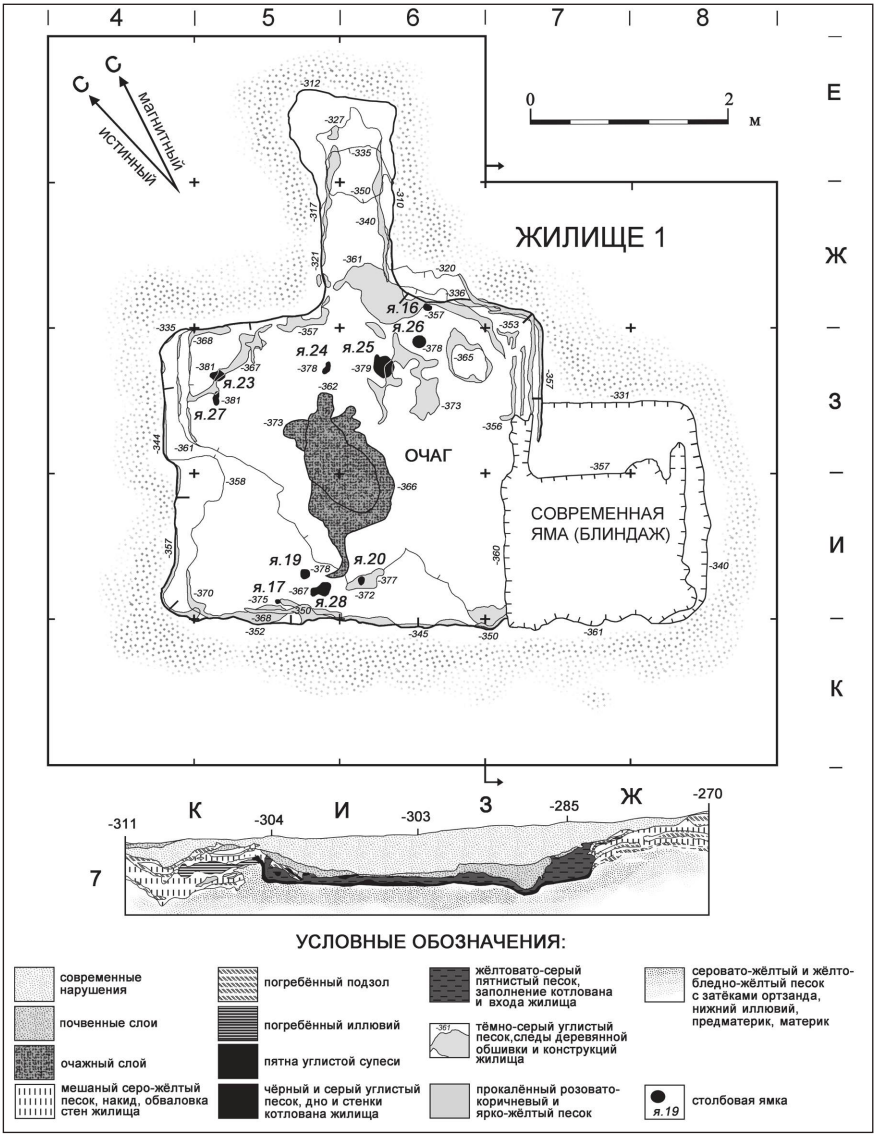
На площадке за пределами большого укреплённого дома был вскрыт котлован жилища 1 раннего Средневековья, повреждённый в верхней части современной полуземлянкой (раскоп 1, уч. Е—К/4—8), край обваловки синхронной постройки 4 (раскоп 3, уч. а/5—6), а также ямы, углубления и слои с разновременными материалами железного века.

Жилище 1 представляло собою практически правильный квадратный котлован размерами 5,0х5,0 м, глуб. 0,6—0,7 м от древней дневной

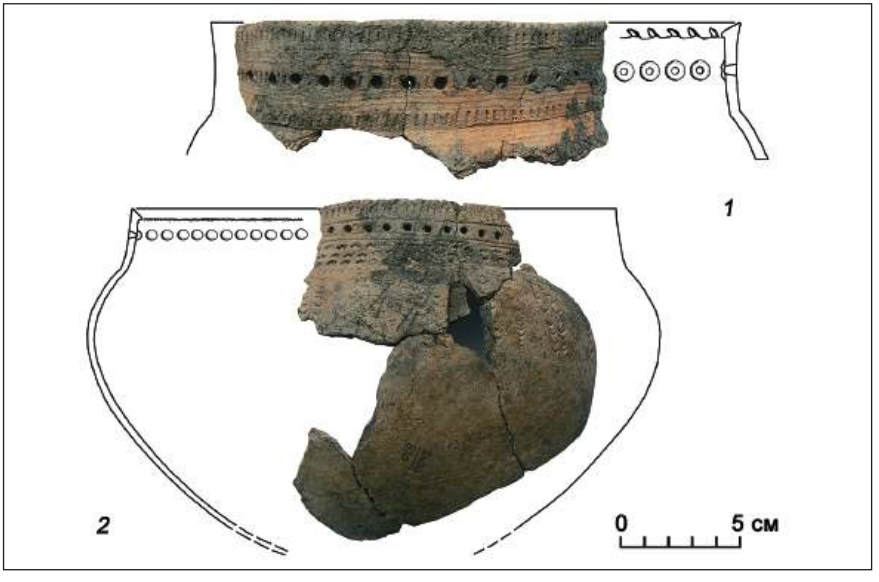
Ил. 16. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскопы 1, 2. Укреплённое жилище и селище эпохи бронзы. Керамика эпохи бронзы кульёганского типа

поверхности (ил. 17). Длинный коридорообразный выход (2,0х1,0 м) с небольшим расширением на конце располагался в середине северной стены и был обращён на северо-восток — в противоположную от реки сторону. Пол коридора наклонный, плавно понижался в сторону

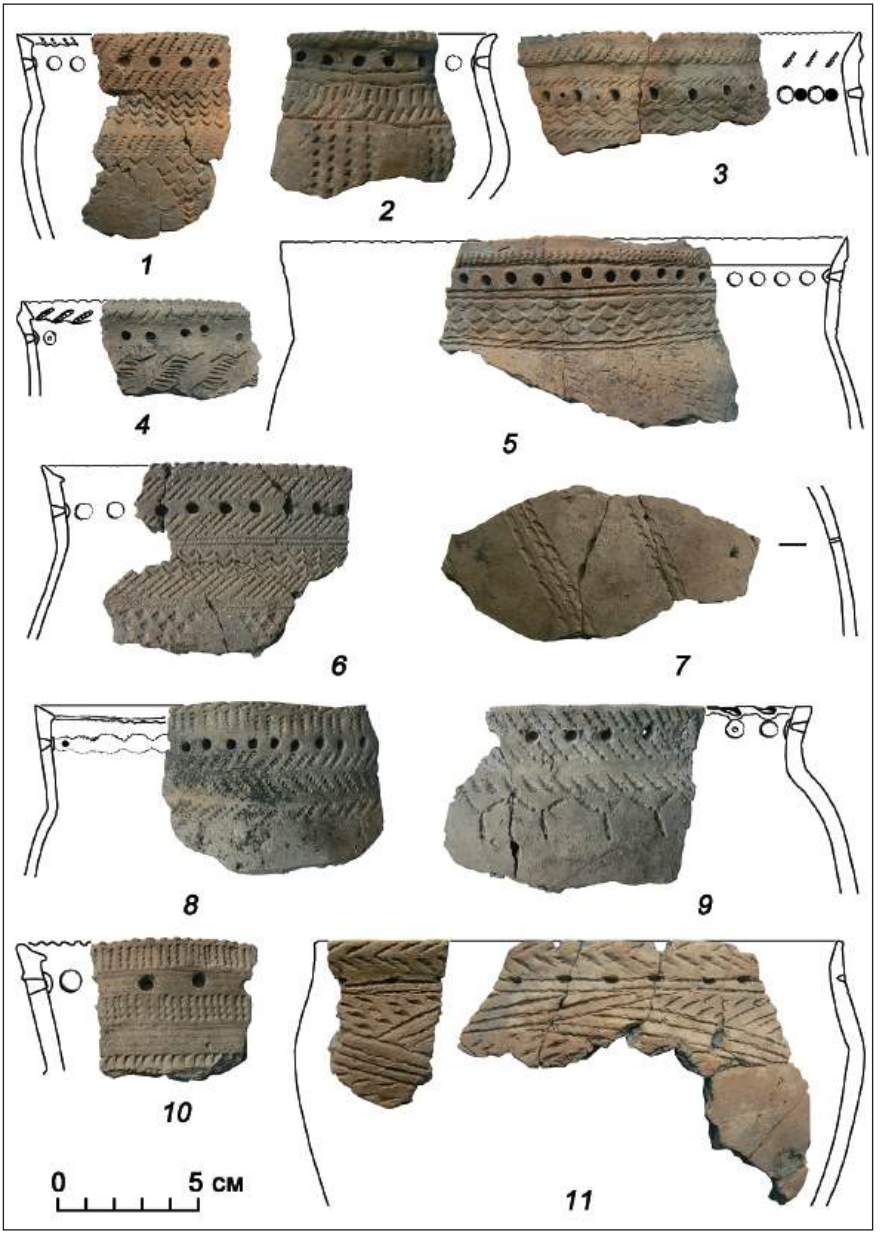

Ил. 17. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 1. Западные участки. Жилище 1 раннего средневековья. План и профиль котлована

помещения. По периметру котлована и углубленного входа прослеживались длинные узкие углистые полосы — следы сгоревшей обшивки котлована, стен, нар и иных деревянных конструкций постройки. На некоторых участках эти полосы шли параллельно, на удалении 0,3 м друг от друга. Стены дома и выступающего наружу крытого тамбура, вероятно, были вертикальные бревенчатые. Основание стен было оконтурено невысокой валообразной насыпью — песчаной завалинкой. Под её остатками фиксировались пятна погребённой древней почвы. Двух- или четырёхскатное перекрытие постройки поддерживалось опорными столбами, установленными внутри котлована, на небольшом (0,2—0,8 м) удалении от его стенок. От этих опор сохранилось до десятка ямок. Некоторые из них позволяют проследить наклон соответствующих реконструируемых опор к центру котлована. Дно котлована ровное, горизонтальное, по-видимому, за исключением центрального участка, было покрыто деревянным настилом. В центре жилища, напротив входа находился подпрямоугольный наземный очаг (1,8x1,1 м), сложенный буро-коричневой и коричнево-серой углистой супесью с костной крошкой. Большая часть находок внутри постройки была сосредоточена в южной половине котлована — за очагом (прежде всего, в юго-восточном углу) и вдоль стенок котлована, на уровне его дна. Это, главным образом, керамика зеленогорского

Ил. 18. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 1. Керамика раннего Средневековья зеленогорского типа

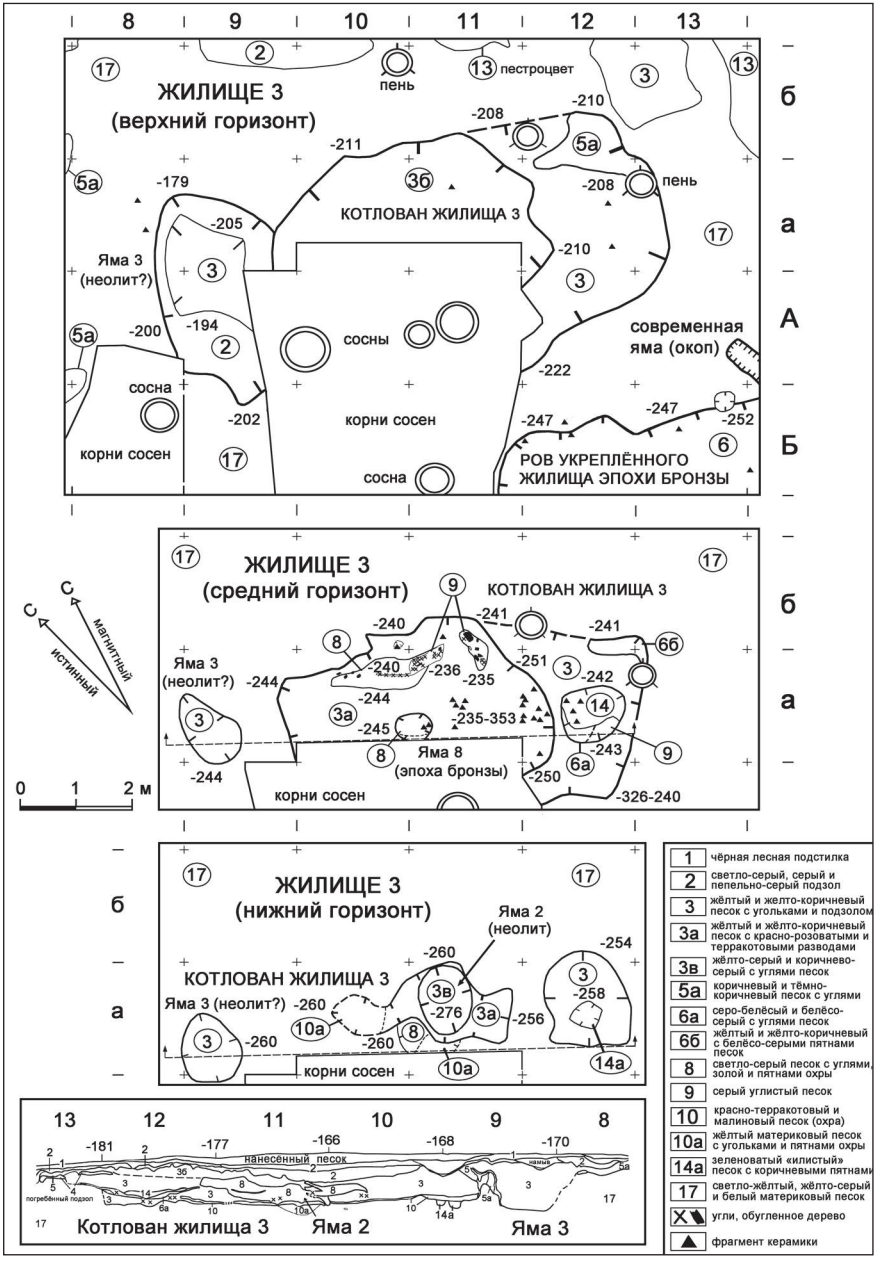
Ил. 19. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскопы 1–3. Керамика раннего Средневековья зеленогорского (*1–10*) и вожпайского (*11*) типов

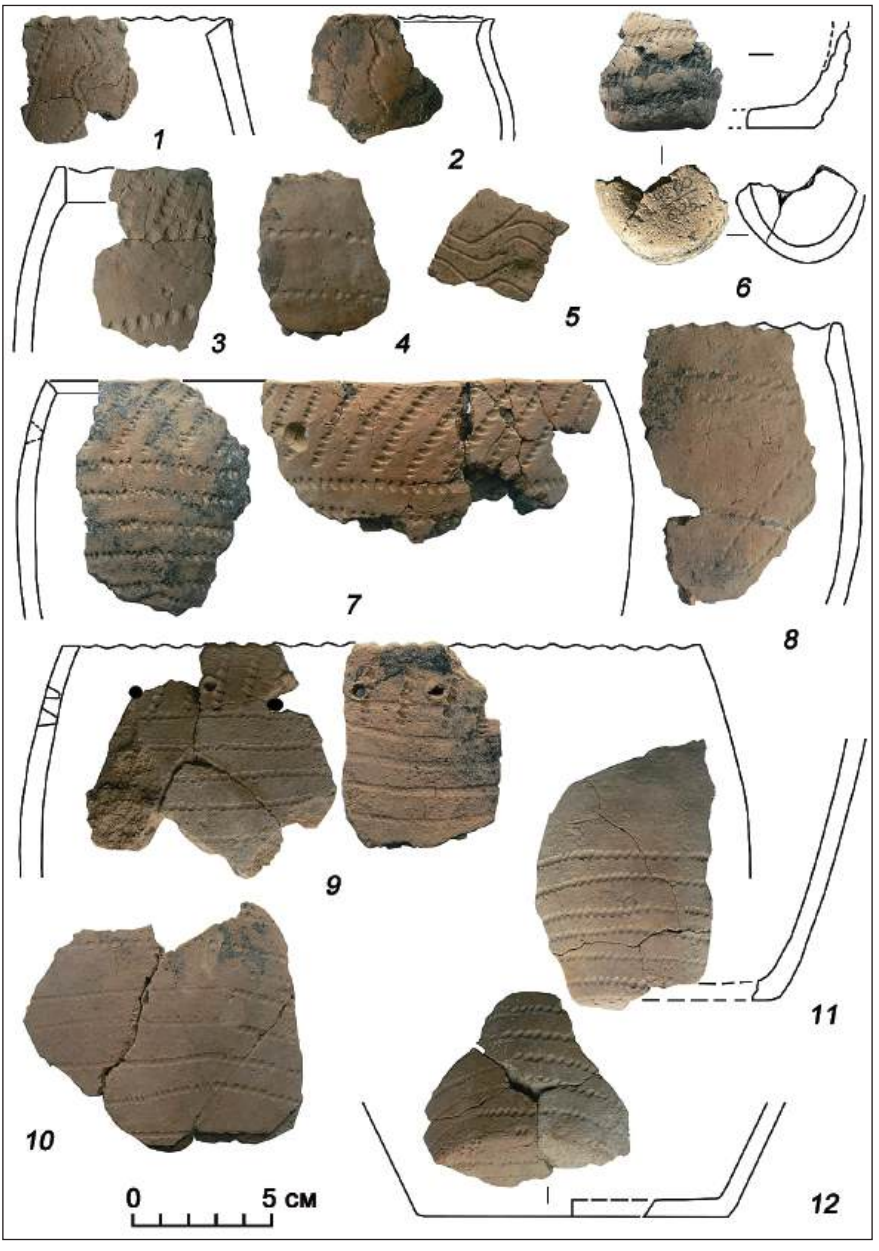
Ил. 20. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 1. Западные участки селища. Снято с северо-востока

Ил. 21. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 3. Восточные участки селища. Снято с северо-запада

Ил. 22. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 3. Уч. б–Б/8–13. Жилище 3 позднего неолита. План и профиль котлована

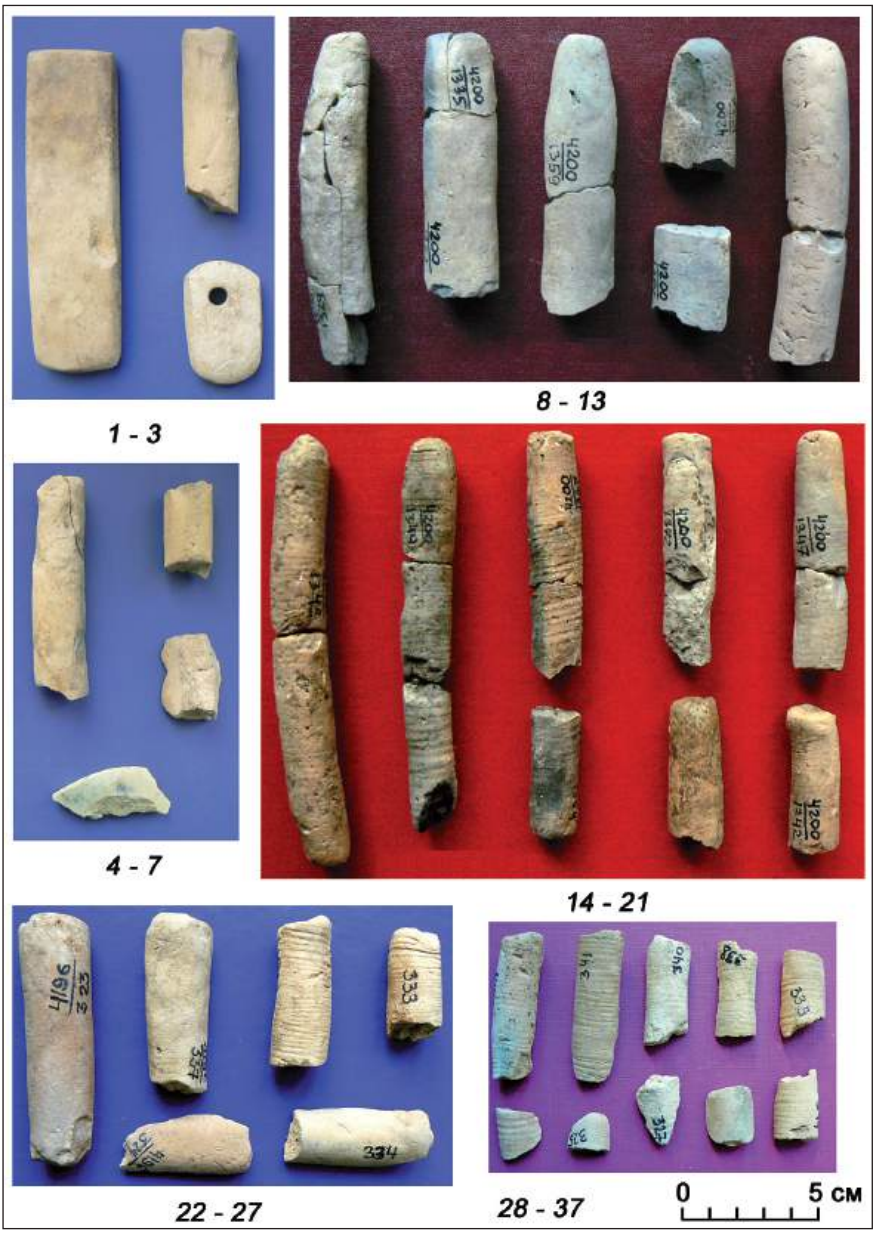
Ил. 23. **Поселение Барсова Гора II/22.** Керамика позднего неолита (*1–5, 7–12*) и энеолита – ранней бронзы (*6*). Раскоп 1, западные участки (*1–3, 7, 9–12*), раскоп 2 (*4, 6*), раскоп 3 (*2, 5, 8*)

Ил. 24. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 1. Уч. И—К/3—4. Котлован жилища 2 позднего неолита. Снято с юго-запада

Ил. 25. **Поселение Барсова Гора II/22.** Раскоп 3. Уч. а/11—12. Дно котлована жилища 3 позднего неолита. Снято с северо-востока

Ил. 26. **Поселение Барсова Гора II/22.** Изделия из камня (*1*, *3*, *7*) и глины (*2*, *4–6*, *8–37*). Раскоп 1 (*1–6*), раскоп 2 (*8–21*), раскоп 3 (*22–37*) и поверхность вала (*7*)

типа с фигурно-штампованным орнаментом (кон. VI — нач. VIII в.)[13] и несколько каменных предметов — два абразива и двусторонний точильный камень (ил. 18, 19 — *2, 3, 7*; 27 — *22, 26, 28*). Отдельные обломки зеленогорских сосудов (ил. 19 — *1, 5, 6, 9*) были рассеяны вокруг жилища и поодаль от него.

Вероятно, к этому жилому комплексу относится культовый(?) камень, который найден в вертикальном положении поблизости от жилища 1 — на уч. З/3, над ямой № 13, в пятне погребённого подзола, похожем на небольшое углубление. Это окатанная естественная галька антропоморфного облика. На «носу» фигуры хорошо заметны 5—6 коротких параллельных горизонтальных насечек. По технике нанесения это, скорее, зарубки, выполненные, вероятнее всего, инструментом с неметаллическим лезвием.

В северо-восточном углу котлована, в **более позднем углублении**, впущенном в верхнюю его часть и заполненном современным подзолом, залегали фрагменты сосуда вожпайского типа (кон. IX—X в.)[14] (ил. 19 — *11*).

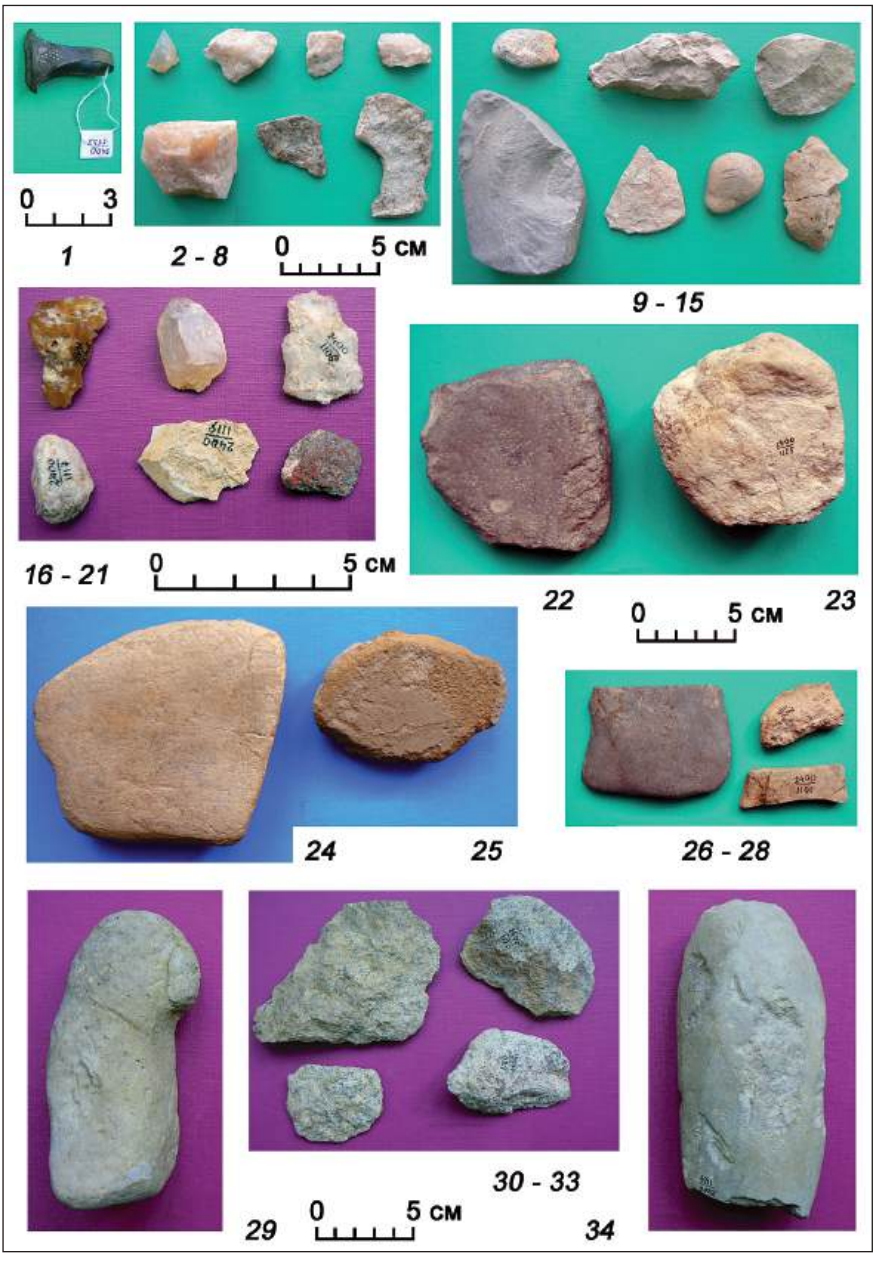
Постройка 4 представлена округлой впадиной с концентрической обваловкой диам. 4,0 м, расположенной в основном за пределами вскрытой территории (уч. б—в/5—6). Достаточно вероятно, что в древности она могла входить в состав средневекового селища Барсова Гора II/23. На прилегающих к объекту участках раскопа 3 (А—а/3—6, б—г/7) вскрыта серия углублений и ям, вероятно, связанных с водоотводной системой данного жилища, и найдены обломки посуды зеленогорского типа (ил. 19 — *4, 10*).

О посещении данного места в более поздние периоды свидетельствуют находки в раскопе 1 (уч. В/5) обрезка современной железной пластины и бронзового щиткового перстня XVIII—XIX вв., вырезанного из тонкого металлического листа и декорированного жемчужным и растительным узорами (ил. 27 — *1*). По устной оценке А.П. Зыкова, украшение изготовлено, скорее всего, в одном из городских ювелирных центров Средней Азии.

Традиционные и радиоуглеродные даты

Традиционная культурно-хронологическая шкала древностей Сургутского Приобья выстроена на основании типологии каменного инвентаря, керамики и металлических изделий.

Согласно ей, **объекты с отступающе-накольчатой керамикой** относятся к энеолиту (III тыс. до н.э.) и рассматриваются в рамках третьей

Ил. 27. **Поселение Барсова Гора II/22.** Изделия из бронзы (*1*) и камня (*2–34*). Раскоп 1, западные и центральные участки (*1, 16–34*); раскоп 1, восточные участки (*2–15*)

стадии памятников барсовогорского типа[15]. Оригинальная керамика с разреженным отступающе-накольчатым орнаментом из жилища 2 поселения Барсова Гора II/22 нами была первоначально датирована поздним неолитом — энеолитом (кон. IV — III тыс. до н.э.)[16], затем — энеолитом и ранней бронзой (III — нач. II тыс. до н.э.)[17]. Она отличалась от известной ранненеолитической посуды быстринского типа Сургутского Приобья с волнистым и геометрическим декором, нанесённым заострёнными палочками, костями рыб, зубчатыми, шнуровыми и другими штампами,[18] и тем более от гребенчато-ямочной кульёганской посуды. Радиокарбонные даты образцов угля, взятых из жилища 3 (раскоп 3, уч. а/11, яма 2) и у внутреннего края рва (раскоп 1, уч. В/14) поселения Барсова Гора II/22 (ЛЕ—8555: 6320±45 л. н.; ЛЕ—8551: 5700±100 л. н.), позволяют определить древнейшие объекты этого памятника поздним неолитом — точнее, втор. пол. V — перв. пол. IV тыс. до н. э. Для сравнения: большинство опубликованных радиоуглеродных дат быстринских комплексов лежит в диапазоне 6500—5500 л. н., а их калиброванных значений — в пределах сер. VI — втор. пол. V тыс. до н. э.[19] Ранненеолитический возраст данных памятников подтвердил анализ угля из жилища 3 с быстринской керамикой (раскоп 1, уч. В/9—10) соседнего исследованного нами поселения Барсова Гора II/19 (ЛЕ—8594: 7500±200 л. н.).

В соответствии с традиционной шкалой дат **поселения с кульёганской керамикой** разными исследователями относятся к периодам ранней или средней бронзы, т. е. к перв. трети, втор. четв. или сер. II тыс. до н. э.

Два образца угля (ЛЕ—8554; ЛЕ—8553), происходящие из заполнения вала укреплённого жилища Барсова Гора II/22, а также из слоя раннего селища с кульёганской посудой, датируются эпохой бронзы (4620±100; 3780±120 л. н.), приблизительно в интервале от 2700 до 1650 г. до н. э. Это в основном совпадает с хронологией угля, найденного в кульёганских объектах поселения Барсова Гора II/19: около 2500—1400 гг. до н. э. (ЛЕ—8547; ЛЕ—8592). Последний памятник с более простой по орнаменту и отличной по оформлению венчиков кульёганской керамикой является как будто более поздним, чем исследованные нами укреплённое жилище и селище. Это даёт возможность начать разработку периодизации памятников кульёганского типа. Сходные даты были установлены по углю из жилищ кульёганского поселения Чернореченское I, расположенного на северной окраине г. Сургута: 3760±20, 3830±40, 4500±70 л. н. (ЛЕ—5333, ЛЕ—5334, ЛЕ—5339)[20].

Таким образом, есть все основания датировать памятники с посудой кульёганского типа периодом ранней бронзы (по общеевразийской периодизации — средней бронзы). По методам радиоуглеродного датирования это кон. III — нач. II тыс. до н. э., по традиционной системе дат — перв. пол. (или перв. треть) II тыс. до н. э.

Расхождения в хронологии древних памятников Среднего Приобья, установленной разными методами, очевидны. Общеизвестно, что они имеют не узколокальный или региональный, а глобальный характер.

Что же касается двух других дат по углю, взятому из ямки № 4 у края котлована укреплённого жилища (уч. Е/13), и по обломку черепа лося, найденному в слое раннего селища под валом (ил. 4), то они, на наш взгляд, являются некорректными. Первая дата (ЛЕ—8548) соответствует позднему Средневековью — 540±65 л. н., т. е. XV в., материалов которого на поселении Барсова Гора II/22 не обнаружено, вторая (ЛЕ—8563) — рубежу бронзового и железного веков (2930±180 л. н.). Условия залегания кости лося, в первую очередь отсутствие каких-либо нарушений в мощном многослойном валу над местом находки (1,1—1,2 м), противоречат установленной дате. По-видимому, проблема заключается в ином материале образца, условиях забора и хранения кости, а также качестве анализа, проведенного в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург).

Перспективы дальнейших исследований

На поселении Барсова Гора II/22 необходимо завершить раскопки фортификаций укреплённого жилища (около 350 кв. м). Вместе с тем большая глубина рва, грандиозность вала и наличие культурных слоёв под насыпью (общая мощность горизонта вскрытия — 2,2—2,8 м) вряд ли позволят завершить эти исследования за один полевой сезон. Сильно залесённый восточный участок селища (около 150 кв. м) для проведения стационарных исследований также крайне сложен.

Находки в укреплённом жилище предметов из цветных металлов могут подтвердить или опровергнуть гипотезу исследователей памятника об его связи с сейминско-турбинским феноменом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Борзунов В.А., Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л., Юдина Е.А.** Охранные раскопки укреплённого жилища и селища Барсова Гора II/22 в окрестностях г. Сургута // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 120—123.

[2] **Шорин А.Ф.** Отчёт о разведке и раскопках памятников Барсова Гора в Сургутском районе Тюменской области, проведённых в 1974 году. — Свердловск, 1974. — Архив КА УрГУ. — Ф. II. Д. 196. С. 3. Ил. 3.

[3] **Фёдорова Н.В.** Отчёт о раскопках береговых городищ Барсов Городок II в Сургутском районе Тюменской области в 1973 г. — Свердловск, 1973. — Архив КА УрГУ. — Ф. II. Д. 149; **Фёдорова Н.В.** Отчёт о раскопках береговых городищ Барсов Городок II в Сургутском районе Тюменской области, произведённых летом 1974 г. — Свердловск, 1974. — Архив КА УрГУ. — Ф. II. Д. 173; **Степанова Г.А.** Отчёт об археологических исследованиях, проведённых летом 1989 г. в Сургутском районе Тюменской области и Алапаевском районе Свердловской области. — Свердловск, 1989. — Архив КА УрГУ. — Ф. II. Д. 473; **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. — С. 44—45, 94.

[4] **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта... — С. 93. Ил. 34.

[5] **Стефанов В.И.** Отчёт об археологической разведке в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа, произведённой в 1999 г. — Екатеринбург, 2000. — Архив КА УрГУ. — Ф. II. Д. 597. С. 14. Ил. 13 — I.

[6] **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта... — С. 93.

[7] **Борзунов В.А.** Укреплённые жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа: Тез. док. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. — С. 19—24; **Борзунов В.А.** Самый северный на земном шаре ареал распространения укреплённых жилищ // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. док. — Уфа: Восточный университет, 1996. — С. 21—23; **Борзунов В.А.** Путешествие в Древнюю Югру // Югра. — Ханты-Мансийск, 1997. — № 5. — С. 20—22; № 6. — С. 20—22; № 7. — С. 24—26; **Борзунов В.А.** К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укреплённых жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. — Томск: ТГУСУР, 1997. — С. 224—236; **Борзунов В. А.** Новый ареал укреплённых жилищ на севере Евразии // Рос. археология. — М.: Наука, 1999. — № 4. — С. 5—23.

[8] **Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К.** Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: УИФ «Наука». — С. 54—66; **Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф.** Поселение бронзового века на р. Конде // Сов. археология. — М.: Наука, 1988. — № 3. — С. 161—163; **Косинская Л.Л.** Археологические памятники Севера Западной Сибири: Учеб. пособ. по археологии и краеведению. — Сургут: ИИЦ СурГУ, 1998. — С. 14—18; **Косинская Л.Л.** Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990—1998 годов) // Научный вестник. — Салехард: Администрация ЯНАО, 2000. — Вып. 3. — С. 13—23; **Борзунов В.А., Погодин А.А.** Раскопки укреплённого жилища Быстрый Кульёган 38 // Археологические открытия 2000 года. — М.: Наука, 2001. — С. 206—207; **Баранов М.Ю.** Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация (по материалам археологических исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всероссийского археологического съезда (23—28 октября 2006 г., Новосибирск). — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. — Т. I. — С. 343—346.

[9] **Борзунов В.А., Погодин А.А.** Раскопки укреплённого жилища ... — С. 206—207; **Баранов М.Ю.** Комплекс археологических памятников... — С. 343—346; **Борзунов В.А., Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л., Юдина Е.А.** Охранные раскопки... — С. 120—122; **Косинская Л.Л.** Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сур-

гуте // Археология Западной Сибири. — Нижневартовск: НПИ, 1998. — С. 87—100; **Стефанов В.И.** Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. — С. 97—112; **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта... — С. 13—17, 85, 90—101, 122, 125, 138—140, 178; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 42—46. Ил. 29—31; 33.

[10] Археозоологические определения выполнены П.А. Косинцевым и А.Е. Некрасовым (Институт экологии растений и животных УрО РАН).

[11] Археозоологическое определение выполнено П.А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных УрО РАН).

[12] Ср.: **Васильев Е.А.** Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. — Ил. 4, 6 — *в*, 7; Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. — М.: Наука, 1987. — Том: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — Ил. 96; **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — Ил. 2 — *2*, 4 — *2*; **Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24—30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: 2006. — С. 20. Ил. 8; **Кокшаров С.Ф.** Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24—30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: 2006. — Ил. 1 — *36*, 3 — *26, 34, 38, 39, 43*.

[13] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья... — С. 46. Ил. 15 — *1, 2*; **Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: УрГУ, 1991. — С. 133—134. Ил. 3 — *Б*.

[14] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья... — С. 52—53. Ил. 17 — *1—3*.

[15] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья... — С. 17. Ил. 6; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора... — С. 26—32. Ил. 21, 24.

[16] **Борзунов В.А.** Отчёт о НИР: Археологические аварийные раскопки поселения Барсова Гора II/22 в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2007 г. — Екатеринбург, 2007. — Т. II: Селище. — Архив КА УрГУ. — Ф. II. Д. 674. С. 4, 43—44, 46. Ил. 107.

[17] **Борзунов В.А., Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л., Юдина Е.А.** Охранные раскопки... — С. 122—123.

[18] Ср.: **Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны Западной Сибири... — С. 19. Ил. 6; Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Коллективная монография; Под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. — С. 13—19. Ил. 9—38.

[19] Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 61.

[20] **Косинская Л.Л.** Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте... — С. 87—100; **Косинская Л.Л.** Археологические памятники бассейна реки Пур... — С. 18; **Стефанов В.И.** Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья... — С. 111.

Раскопки объектов кульёганского типа селища Барсова Гора II/19

Е.Н. Дубовцева, Е.А. Юдина
Уральский государственный
университет им. А.М. Горького

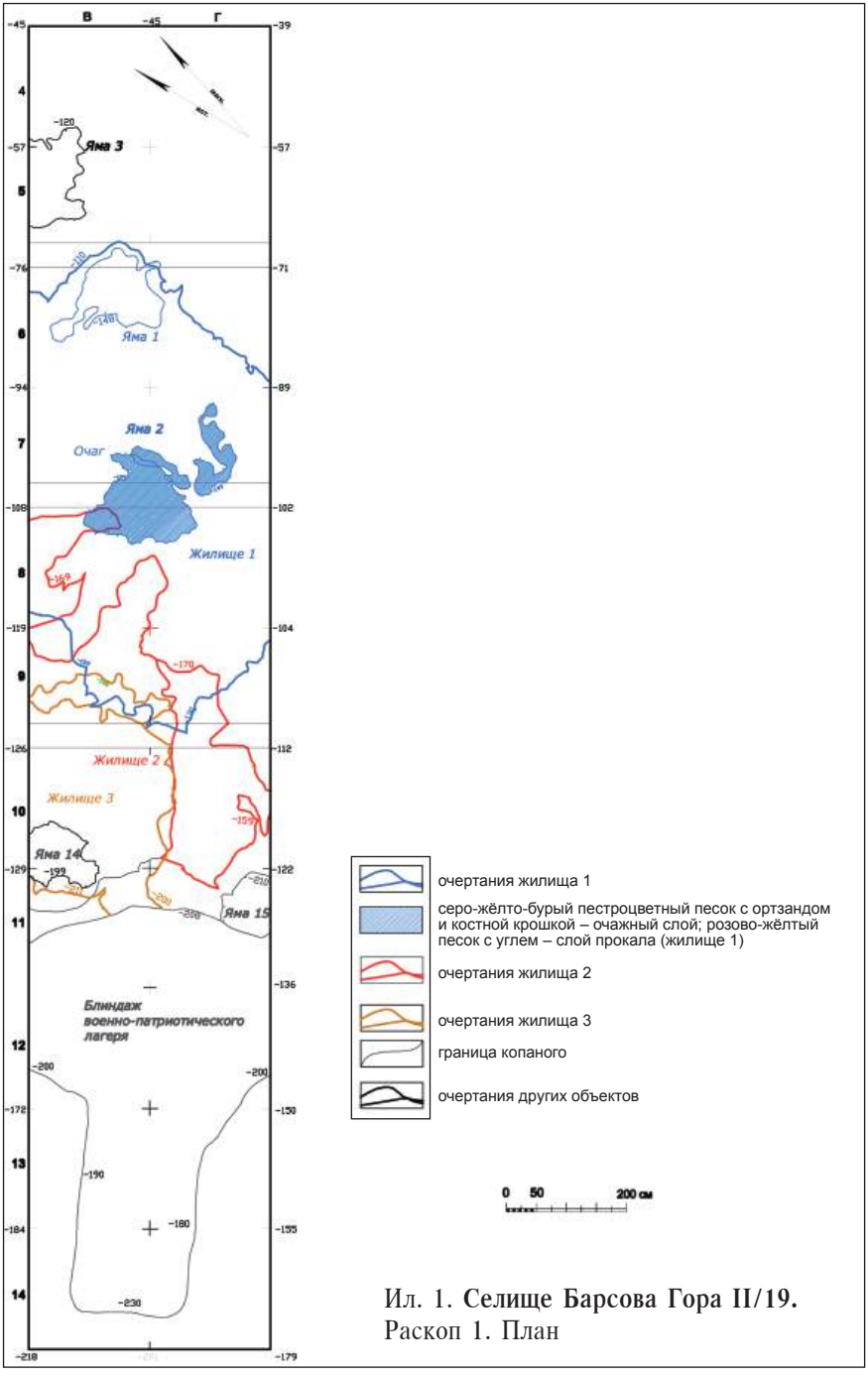
Памятник Барсова Гора II/19 находится в урочище Барсова Гора, в 14—15 км к западу — северо-западу от г. Сургута ХМАО — Югры. Он расположен на мысу, образованном берегом старицы протоки Микишина и восточным склоном лога, прорезающего террасу. Высота берега в этом месте составляет 16—18 м. Общая площадь памятника — ок. 3500 кв. м. Он состоит из 20 объектов: 15 округлых впадин диаметрами 4—8 м при глуб. 0,2—0,5 и 5 округлых впадин диаметрами 6—11 м при глуб. 0,4—0,6 м, оконтуренных обваловками и внешними ямами[1]. Археологические объекты разрушаются из-за природных процессов и туристической деятельности. В 2008 г. на нарушенной дорогой и блиндажом военно-патриотического лагеря части памятника был заложен раскоп 1 площадью 88 кв. м.

В ходе работ было исследовано несколько объектов (ил. 1): центральная часть жилища 1 кульёганского типа эпохи бронзы (перв. пол. — сер. II тыс. до н. э.); яма 3 с керамикой кульёганского типа и металлическими изделиями; северо-восточные части жилища 2 и жилища 3, которые относятся к памятникам быстринской археологической культуры неолита (кон. V — перв. пол. IV тыс. до н. э.). Кроме того, в межжилищном пространстве обнаружены объекты и собраны артефакты, датирующиеся энеолитом и Средневековьем. Культурный слой сильно повреждён современными ямами различного происхождения (ил. 2). Общая мощность культурных отложений составляла 30—120 см.

Объём статьи не позволяет дать подробную характеристику всех изученных объектов, поэтому остановимся только на культурных отложениях эпохи бронзы.

СТРАТИГРАФИЯ

На всей площади раскопа верхнюю часть стратиграфической колонки составляли наносные отложения: светло-серый мешано-слоистый пе-

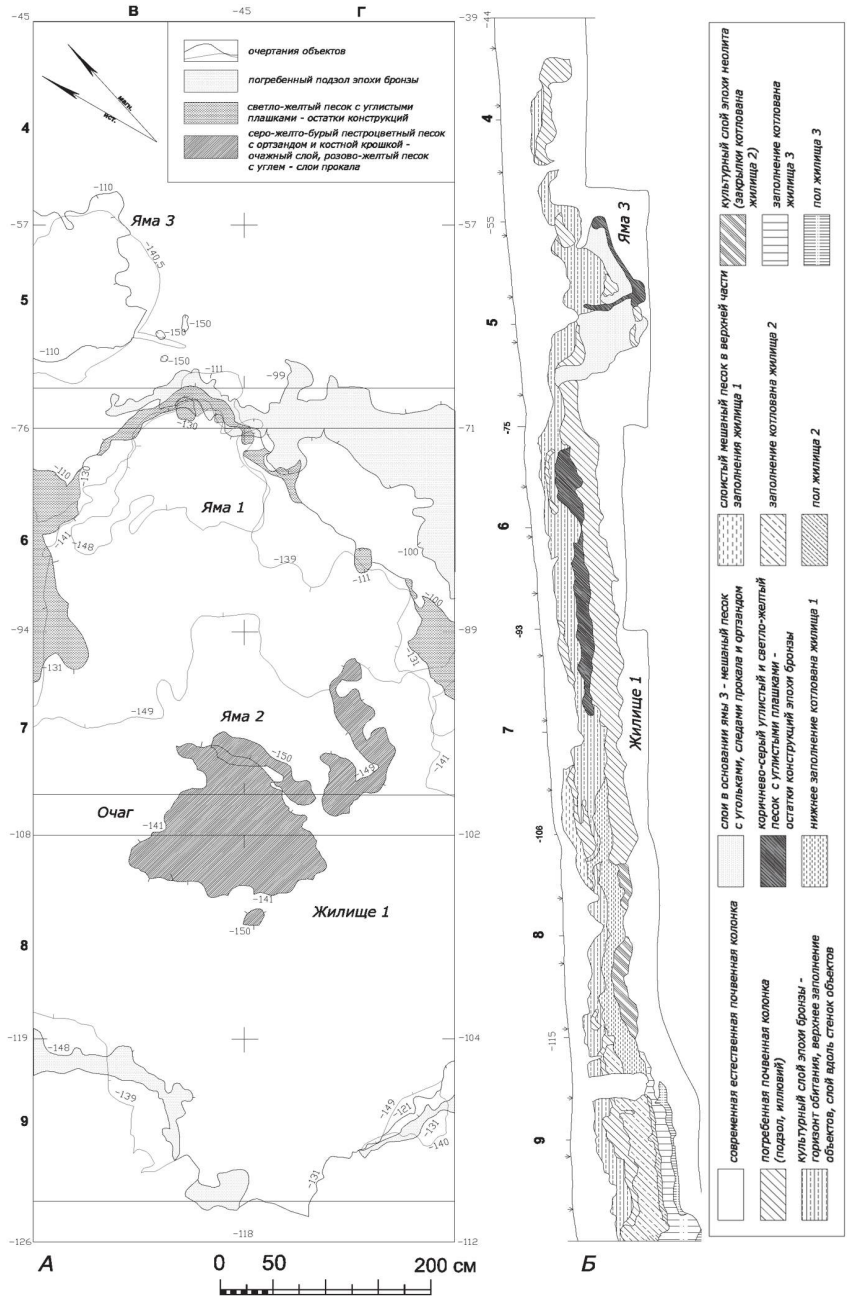
Ил. 1. **Селище Барсова Гора II/19.** Раскоп 1. План

Ил. 2. **Селище Барсова Гора II/19.** Раскоп 1. Участок до начала раскопок. Блиндаж военно-патриотического лагеря (на переднем плане). Снято с запада

сок, пёстрый слоистый песок различных цветов и оттенков (ил. 3—*Б*). Они перекрывали или замещали верх естественной почвенной колонки, которая была прослежена в северо-восточной части раскопа и состояла из: а) чёрного углистого с остатками очёса гумуса; б) белёсого, серо-белёсого подзола; в) ярко-жёлтого, жёлто-коричневого иллювия с ортзандом; г) однородного светло-жёлтого песка с редкими угольками или серовато-светло-жёлтого пестроцветного песка с углистыми вкраплениями. Эти слои постепенно переходили в бледно-жёлтый слоистый материковый песок с прослойками, затёками и вкраплениями коричневого ортзанда и линзами сизой или серовато-сизой супеси.

Практически на всей площади раскопа под слоем белёсого подзола залегал коричнево-жёлтый песок с углем и ортзандом. Скорее всего, он является горизонтом обитания эпохи бронзы, что подтверждается находками в нем керамики кульёганского типа. Под ним фиксируется погребённый подзол эпохи бронзы — серовато-жёлтый углистый слабо оподзоленный песок, иногда с углистой окантовкой по кровле. Вне сооружений под погребённым подзолом чётко прослеживается погребённый иллювиальный горизонт — пески яркого жёлто-коричневого, коричнево-жёлтого и светло-жёлтого пестроцвета с ортзандом.

Ил. 3. **Селище Барсова Гора II/19.** Раскоп 1. А — план жилища 1; Б — профиль северо-западной стенки раскопа на уч. В/4-9

Ил. 4. **Селище Барсова Гора II/19.** Раскоп 1. Уч. Г/7, очажная линза в яме 2. Снято с северо-востока

Котлован жилища 1 в верхней части был заполнен серо-жёлто-коричневым пятнистым песком с углем и ортзандом. Вдоль стенок котлована нередко прослеживался розово-жёлтый охристый песок, который перекрывал погребённый подзол. В южной части объекта заполнение состояло из мешаных слоёв, в основном ярко-жёлто-белесого с пятнами белого подзола, красного охристого и рыхлого ярко-оранжевого песка. Такая пестрота связана с тем, что в процессе строительства и обитания были нарушены нижележащие неолитические слои, окрашенные охрой. Основное заполнение котлована представлено коричневато-жёлто-серым песком с углем с линзами светло-жёлтого песка с углистыми плашками. Придонная часть заполнена светло-жёлтым песком с углистыми плашками и коричнево-серым углистым песком, которые включали в себя остатки конструкций. На дне котлована зафиксирована очажная линза: плотный серо-жёлто-бурый пестроцветный песок с костной крошкой или без неё, по краям более светлый с прослойками и линзами прокалённого песка тёмного малиново-коричневого с костной крошкой и розовато-серо-жёлтого песка с углем (ил. 4).

Ниже на фоне материка и предматериковых слоёв фиксировался коричнево-желтый песок с углем.

ОБЪЕКТЫ

Остатки жилища 1

(уч. В-Г/6-10)

Вследствие многочисленных антропогенных нарушений некоторые конструктивные элементы жилища 1 зафиксировать не удалось. Кроме того, объект был вскрыт не полностью: в пределы раскопа не вошли его северо-западный и юго-восточный углы (ил. 3 — *А*).

Котлован. Судя по вскрытой части, можно предполагать, что котлован имел правильную прямоугольную форму и был ориентирован длинными сторонами по оси север — юг. Его размеры составляли примерно 6,2х5,3 м^2. Вдоль края котлована тянулась полоса погребённого подзола — основание расплывшейся присыпки стен жилища. Расстояние от края котлована до неё составляло от 10—20 см (с западной стороны) до 30—60 (с восточной стороны). Очевидно, примерно на такие расстояния были вынесены края перекрытия стен постройки.

Стенки котлована дополнительно укреплялись деревом, о чём свидетельствует полоса коричнево-серого углистого и жёлтого с углистыми плашками песка шириной до 30 см, фиксировавшаяся по периметру. Высота стенок варьировала от 40—45 см в северной части постройки до 20—30 см в южной части (из-за общего наклона древней поверхности). На уровне от —110 до —130 см от условного «0» у северной стенки котлована фиксировались языки слоя основного заполнения с угольками и охристой крошкой, которые уходили за пределы раскопа.

Судя по глубине залегания находок, микрорельеф дна котлована был неровным. Кроме того, был зафиксирован локальный подъём уровня пола котлована на 5—7 см в северном и южном направлениях и общее понижение к юго-западу вслед за естественным уклоном поверхности (разница высот составила около 10 см на 6 м).

В северо-восточном углу жилища была обнаружена яма неправильных очертаний (1). В придонной части она имела прямоугольную форму и была заполнена жёлтым песком с обильной примесью углей и углистых плашек. Дно фиксировалось на уровне —170 см от условного «0». По направлению к ней из центральной части жилища прослеживалось что-то вроде «вытоптанной» тропинки — локального понижения уровня пола (на 5—10 см).

Очаг размерами 1,2х1,2 м находился в центре жилища. Его линза мощностью 0,7 м частично заполняла яму 2, существовавшую, скорее

всего, ещё до обустройства очага (ил. 4). При его обустройстве яма была частично или полностью засыпана, но более рыхлый грунт заполнения впоследствии способствовал значительному разнесению очажного слоя по глубине, а полифункциональное использование очага (см. далее) привело к разбросу очажного слоя по площади постройки.

Столбовые ямки на дне котлована, а также за его пределами из-за наличия на этом участке большого числа поздних локальных нарушений зафиксировать не удалось. В ходе анализа нивелировочных характеристик находок были выявлены фрагменты керамики, которые залегали на 20—25 см ниже уровня дна котлована, в то время как весь остальной керамический комплекс жилища 1 лежал на дне или на уровне древней дневной поверхности. Вертикальная миграция находок в различных типах почв изучена ещё недостаточно хорошо, поэтому нельзя исключать такую причину перемещения фрагментов. С другой стороны, глубина залегания находок могла быть связана с локальными понижениями уровня пола либо более рыхлым грунтом на данных участках (например, вокруг опорных столбов). Если развить это предположение и посмотреть распределение «утопленных» фрагментов керамики по площади жилища, можно наметить возможное расположение некоторых опор: почти вплотную к стенке котлована, в его юго-западном углу, и (в 1,0—1,5 м от края котлована) вокруг приочажной зоны. Среди известных по этнографическим и археологическим данным типов построек такие следы соответствуют усечённо-пирамидальному каркасному жилищу с вертикальными центральными опорами[3].

Яма 3

(уч. В/5)

Располагалась с северной стороны от жилища 1 (ил. 5). В раскоп попала только часть объекта. Культурные отложения здесь представлены серо-жёлто-коричневым или пятнистым тёмно-коричневым, светло-коричневым песком с ортзандом и углем (верхняя часть), коричневато-светло-жёлтым песком (слой по стенкам объекта), коричнево-жёлтым песком с линзами розовато-жёлтого углистого прокалённого песка и погребённого подзола (нижняя часть). Дно ямы выстилал жёлто-серый песок с углем и углистыми плашками, которые, вероятно, являются остатками сгоревших конструкций. Под углем залегали небольшие линзы погребённого подзола и белёсо-серого мешаного песка с углем.

Яма имела овальную форму, размер вскрытой части на глубине — 90 см от условного «0» составлял 1,1х2,4 м, её края маркировал по-

Ил. 5. **Селище Барсова Гора II/19.** Раскоп 1. Уч. В/5, яма 3. Снято с юго-востока

гребённый подзол с углистой окантовкой. В нижней части объект приобрёл прямоугольные очертания, размеры постепенно уменьшались. В придонной части глубина от условного «0» достигла −170 см, размеры ямы − 0,6х0,8 см. Глубина объекта от уровня погребённого подзола составила 0,7−0,8 м.

В процессе работ возникла проблема различить слой выкида из жилища 1 и слой заполнения ямы 3. Цветность слоёв и состав находок были практически идентичны, в результате граница между объектами проведена довольно условно. Стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что яма 3 была сооружена позже жилища 1.

Яма 14
(уч. В/10)

Тоже, по-видимому, относится к эпохе бронзы. Расположена к югу от жилища 1. К сожалению, она тоже исследована частично. Яма имела прямоугольную форму, размеры вскрытой части составляли 0,9х1,0 м. Объект прорезал культурные отложения неолитических жилищ 2 и 3 и фиксировался до глубины −274 см от условного «0». Этим объясняются находки в ней неолитической и энеолитической керамики.

НАХОДКИ

Описание

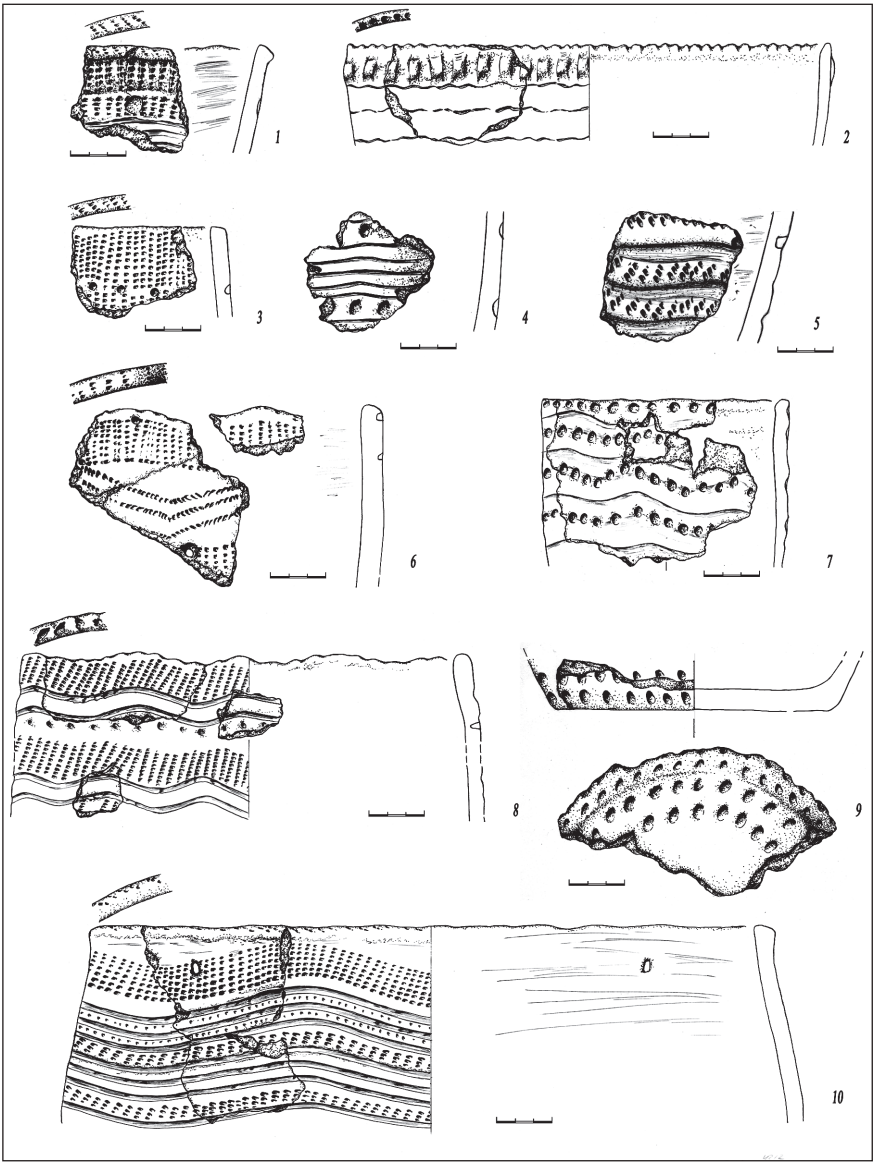
Коллекция находок эпохи бронзы включает обломки керамических сосудов и тиглей (в том числе с каплями металла), обломок сопла, обрезок металлического изделия. В очаге жилища 1 было найдено несколько мелких фрагментов кальцинированных костей (среди них позвонки рыб). Практически вся коллекция каменного инвентаря связана с неолитическими слоями, в жилище 1 обнаружено всего несколько обломков галек.

Керамика (ил. 6). Посуда кульёганского типа является самой многочисленной категорией находок. Она встречалась в жилище 1, яме 3, а также на участке В—Г/4—5 в слое выкида из жилища 1. Посуда сильно фрагментирована, многие фрагменты крошатся и слоятся. По венчикам выделено 12 сосудов, однако в коллекции присутствует большое количество фрагментов стенок и днищ, которые соотнести с выделенными сосудами не удалось.

Технологическому анализу были подвергнуты наиболее информативные фрагменты как минимум от 19 ёмкостей. Сосуды представлены в основном банками большой и средней величины с плоскими днищами без закраин. Диаметр венчика удалось определить только у четырёх сосудов: у двух он равен 26—28 см, у двух других — 31—32 и 19—20 см. Банки закрытые и открытые: устьевая часть стенок сосудов слегка наклонена внутрь, реже — вертикальная. Шейки не выделены, но у части закрытых банок края стенок чуть отогнуты наружу. Тулово в верхней части слегка выпуклое, постепенно сужается ко дну. Венчики у подавляющего количества сосудов плоские или уплощенные, скошены внутрь или наружу. Реже встречаются венчики с приострённым срезом. Некоторые сосуды имеют волнистый край. Все найденные днища плоские. Толщина стенок колеблется от 8 до 13 мм (как правило, она увеличивается на 1—2 мм в зоне венчика и дна).

Для выяснения особенностей исходного сырья и характеристики примесей был проведен петрографический анализ трёх образцов. Последние были изготовлены из тощей глины смешаннослойного (смектитового) состава с естественной примесью песка, обогащённой органическими остатками естественного происхождения. В качестве отощителя использовались шамот, высушенная и растёртая глина, охристые комочки. Такой же состав теста характерен и для других сосудов, что подтверждается технологическим анализом, проведённым

при помощи бинокулярного микроскопа. В некоторых образцах также зафиксирована примесь органического раствора. Сосуды изготовлялись жгутовым способом по кольцу. Внешняя поверхность сосудов глад-

Ил. 6. **Селище Барсова Гора II/19.** Раскоп 1. Керамика кульёганского типа

кая, с внутренней стороны многие ёмкости были обработаны пучком соломы или щепы. Обжиг был долговременным, проводился в костре при преобладании окислительной среды, температура обжига от 650 до 800° С.

Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность, включая срезы венчиков и дно. Выполнен он, как правило, гребенчатым штампом с прямой или косой нарезкой зубцов. Срез венчика орнаментирован оттисками гребенчатого штампа. На шейке довольно часто встречаются ямочные вдавления, которые образуют различные фигуры (ромбы, зигзаги). Часто для декорирования применяются каннелюры. Днища украшены либо гребенчатым штампом, либо глубокими ногтевыми вдавлениями. Основные мотивы — ряды оттисков прямо или наклонно поставленного гребенчатого штампа, зигзаги из оттисков гребенки, волнистые линии, выполненные желобками или ямочными вдавлениями. Композиции построены по горизонтальному принципу.

Интерес представляет один сосуд с прочерченным орнаментом (ил. 6 — *2*). От него осталось несколько фрагментов шейки. Венчик уплощен, скошен внутрь, по его срезу нанесены неглубокие насечки. В бордюрной зоне пальцевыми вдавлениями выполнен ряд подпрямоугольных выступов.

Изделие на фрагменте керамики. В раскопе (в придонной части жилища 1, уч. Г/9, глуб. — 143) также найден обломок керамического сосуда со следами вторичного использования. Одна из его сторон стёрта и зашлифована в процессе работы. Сосуд относился к кульёганскому типу. Линейные следы на нём практически не видны. Поверхность выпуклая. Скорее всего, изделием работали по мягкому материалу. Возможно, это скребок по коже.

Традиция использовать обломки глиняных сосудов для производственных целей (лощила для керамики, абразивы, скребки по шкуре) в Сургутском Приобье известна с неолита. Подобные изделия не редкость и на памятниках кульёганского типа. Установить точное назначение изделия пока не удалось.

Обрезок бронзового изделия. Подквадратный, размеры — 1,2х1,2 см. Толщина — 3 мм. Покрыт патиной зелёного цвета, найден на горизонте 4, в заполнении ямы 3.

Обломки тиглей. В раскопе найдено 18 обломков как минимум от двух тиглей — небольших керамических ёмкостей для плавки цветного металла. Один тигель представлен 8 обломками серого цвета. Его тесто пористое, лёгкое, в нём фиксируется примесь костной крошки.

Часть фрагментов ошлакована, в одном из них сохранилась капелька цветного металла. Судя по форме, сохранившиеся фрагменты являлись конструктивной частью тигля, которая примазывалась к фрагменту стенки сосуда. Сама стенка не обнаружена. Фрагменты этого тигля находились в очаге жилища 1 или рядом с ним (уч. В—Г/7). Второй тигель представлен 6 фрагментами ярко-красного цвета — окрашивание произошло за счёт охры, находящейся в культурном слое. Фрагменты отличаются массивностью, толщина стенок достигает 17—20 мм. Тесто рыхлое, пористое, без видимых примесей. Находки залегали на уч. Г/9 в придонной части жилища 1 (глуб. от —140 до —153 см). Это изделие, по-видимому, имело другую форму — в виде небольшой чашечки.

Скорее всего, расплав металла и отливка изделий происходили где-то поблизости, скорее всего в районе очага жилища 1 или ямы 3.

Сопло. В отвале блиндажа военно-патриотического лагеря был обнаружен обломок неорнаментированного конусовидного полого изделия из глины. Высота — 5,2 см, диаметр в верхней части — 2,8 см, толщина стенок — 0,8 см. В центре — сквозное отверстие диаметром 1,3 см, в нижней части сопло обломано, поэтому установить диаметр нижней части не удалось. Изделие изготовлено из плотной глины с примесью кальцинированной костной крошки. Скорее всего, оно использовалось для подачи горячего воздуха на тигель. Подобное изделие (но орнаментированное) было обнаружено на поселении Пяку-Пур 3 и датировано эпохой бронзы[4]. Можно предположить, что и барсовогорское сопло относится к этому же времени.

ПЛАНИГРАФИЯ

В качестве объекта планиграфического анализа рассматривалась выборка находок по дну жилища и по реконструируемой древней дневной поверхности. С учётом общего уклона поверхности и неровностей микрорельефа в выборку также были включены находки, залегавшие выше либо ниже искомого уровня на 5—10 см. В указанный диапазон попадает почти вся коллекция находок жилища 1, а также фрагменты неолитических сосудов из жилищ 2 и 3, которые были потревожены в процессе сооружения углубленной части объекта эпохи бронзы. В основном они залегали на присыпке стен постройки, однако, попадая в зоны активных перемещений обитателей жилища 1, в своём распределении по жилому пространству отражали те же процессы, что и керамика кульёганского типа. В то же время при анализе средней площади поверхности фрагментов (см. далее) выброс из ранних объ-

ектов не учитывался, поскольку их размеры уже были значительно изменены в процессе строительства жилища 1.

Анализ распределения фрагментов керамики по площади раскопа строился на основании оценки концентрации находок (количество фрагментов на 1 кв. м площади), средних размерных показателей (средняя площадь поверхности фрагментов на 1 кв. м площади) и «связей» между фрагментами одного сосуда.

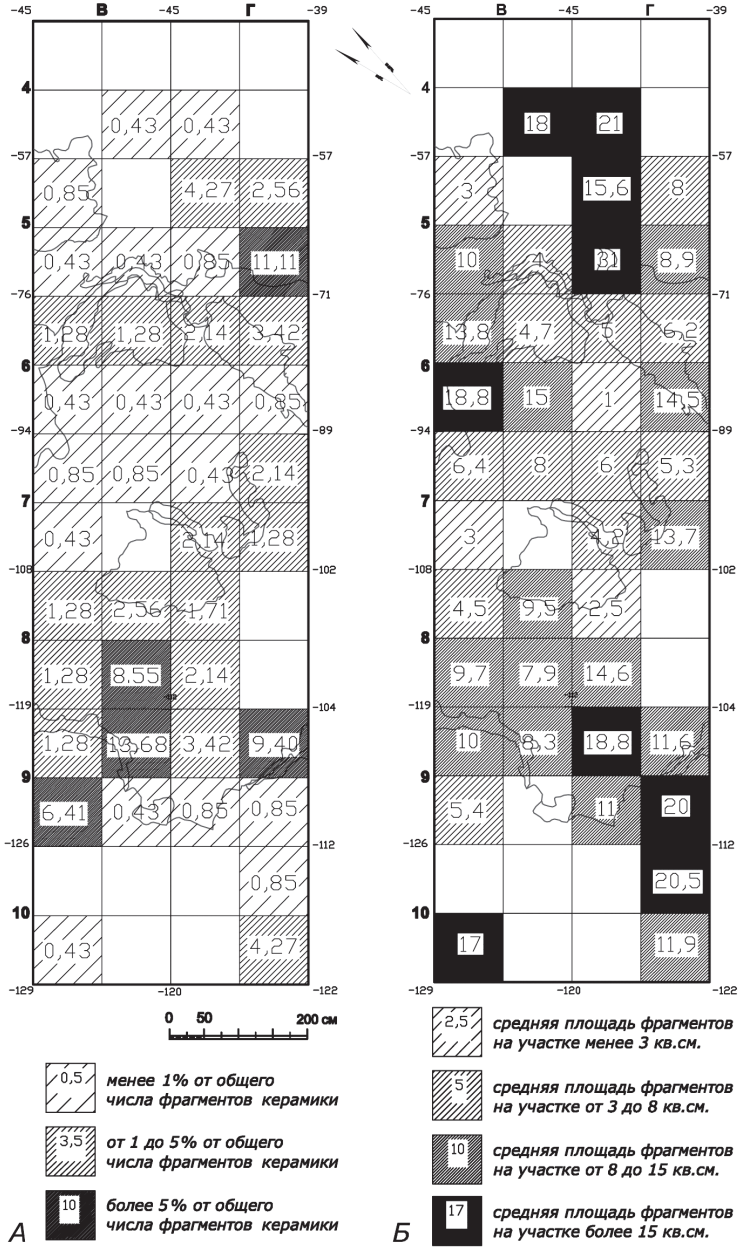
По концентрации находок было выделено 4 скопления фрагментов (ил. 7 — *А*). Два из них располагались внутри постройки (у западной стенки и у юго-западного угла котлована), ещё два — за её пределами (у восточной и западной стен, в том числе на грунтовой присыпке). Первое и третье из названных скоплений — наиболее крупные. В целом западная половина жилища по данному показателю превосходила восточную.

Для оценки средних размеров фрагментов в скоплениях были выделены четыре размерные группы (ил. 7 — *Б*). Основанием для группировки послужили экспериментальные данные по процессам археологизации керамики в различных условиях[5]. Распределение фрагментов внутри постройки может быть охарактеризовано как естественное: очаг окружён кольцом достаточно небольших находок; фрагменты, размеры которых подразумевает удаленность от зон активности (≥15 кв. см), концентрируются ближе к краям котлована. Интерес представляют высокие размерные показатели фрагментов в юго-западном и северо-восточном углах, у центра западной и северной стенок. В последнем случае — уже на краю котлована. Не исключено, что данный участок использовался для хранения посуды, временного складирования бытового мусора перед его удалением из постройки или являлся местом образования естественного скопления фрагментов (из-за перепада уровня пола, элемента интерьера, конструкции постройки и т. п.).

За пределами жилища средняя площадь фрагментов заметно больше, хотя численно они уступают. Из чего можно сделать вывод, что в раскоп попала лишь часть хозяйственной площадки (скорее всего, её периферия).

Схемы распределения фрагментов по сосудам («связи») распадаются на два варианта.

Первый вариант представляет собой разновекторное распределение фрагментов одного сосуда на небольшие расстояния, то есть на ограниченной площади (граница участков В—Г/9). В сочетании с концентрацией и размерами находок «связи» очерчивают как минимум два скопления — у южной стенки котлована и к юго-западу от очага.

Ил. 7. **Селище Барсова Гора II/19.** Раскоп 1. Распределение фрагментов керамики эпохи бронзы по площади раскопа: А – количество фрагментов на 1 кв. м; Б – средняя площадь поверхности фрагментов на 1 кв. м

Последнее представляет собой полосу находок, протянувшуюся от стенки котлована к приочажной зоне (с запада на восток).

Второй вариант распределения представляет собой «связи» фрагментов, залегающих на значительном расстоянии друг от друга преимущественно по оси юго-запад — северо-восток (внутри и за пределами жилища). Вероятно, в таком виде нашёл отражение процесс целенаправленного удаления фрагментов за пределы жилища.

Распределение фрагментов тиглей частично соответствует распределению прочего керамического материала, однако самое крупное их скопление (пять фрагментов) расположено у восточного края очага.

Внутри жилища зафиксированы четыре каменные находки: две гальки вписываются в полосу скопления фрагментов керамики, ещё две расположены к востоку от очага. Каменные находки, зафиксированные за пределами постройки, находились к востоку от неё — в крупном скоплении фрагментов керамики (обломок гальки) и возле ямы 3 (галька со следами сколов).

Проведённый анализ позволяет сделать некоторые выводы. Внутри помещения налицо зона хозяйственной активности к западу и юго-западу от очага. Распределение находок по хозяйственной зоне в целом равномерно, за исключением достаточно узкой полосы длиной ок. 1 м, тянущейся от западной стенки котлована к очагу. Она может быть связана с элементом интерьера (полка, подиум, скамья) или деталью конструкции постройки (перегородка, близко расположенные опоры), которые препятствовали обитанию на этом ограниченном участке.

Участки к северу и западу от полосы демонстрируют разную плотность распределения находок и их размеры. Северная часть не отличается по показателям от прочих участков вокруг очага. А вот южная характеризуется меньшим числом находок, их чётким распределением и небольшими размерами, что свидетельствует о более частых направленных перемещениях по ней.

Зоной частых перемещений, вероятно, служили и участки к востоку и югу от очага: небольшие по количеству и размерным показателям скопления находок привязаны здесь к стенкам котлована, к яме в северо-восточном углу постройки и к северо-западной части последней. Последняя по всем характеристикам может быть охарактеризована как привходовая.

По предполагаемой направленности движения обитателей жилища в юго-западном углу также можно было бы предположить выход. Основание присыпки стен постройки фиксировалось как вдоль южной, так и вдоль западной стенок. На углу она прерывалась, но это может

объясняться тем, что на этом участке край склона очень близко расположен к объекту, и очертания были нарушены.

Абсолютно чистой от находок остаётся юго-восточная часть жилища. Однако поскольку юго-восточный угол постройки выходит за пределы раскопа, мы можем лишь предполагать, что эта её часть могла использоваться как жилая («зона отдыха»). О том же косвенно свидетельствует и зафиксированное в этой части раскопа плавное повышение уровня дна котлована.

Поскольку каких-то серьезных изменений в планиграфии находок, оставленных бронзолитейным производством, не прослежено, можно предположить: эта отрасль хозяйства не входила в круг повседневных хозяйственных занятий, протекавших в западной части жилища (ил. 3 — *А*, уч. В/8, В—Г/9). Скорее всего, металлопроизводство осуществлялось в стороне от неё и носило эпизодический характер. Возможно, с периодическим литьём металла связано и нарушение формы очага, его «растаскивание» в восточном направлении.

В границы раскопа, судя по всему, попала периферийная часть рабочей площадки (к востоку от жилища). Характер использования территории к западу от постройки установить сложно, ибо древняя дневная поверхность в непосредственной близости от объекта уничтожена.

Судя по локализации фрагментов целого ряда сосудов хорошей сохранности исключительно за пределами постройки, можно сделать вывод о том, что они, скорее всего, использовались и были разбиты на открытой хозяйственной площадке. Здесь же залегали фрагменты сосудов, удалённые из жилища. Функционирование открытой хозяйственной площадки более вероятно в тёплое время года. С другой стороны, отдельная, довольно обширная хозяйственная зона и обилие керамического материала внутри постройки косвенно свидетельствуют об обитании в ней в холодное время года. Таким образом, есть все основания предполагать круглогодичное обитание людей на поселении.

ДАТИРОВКА И КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ

По всем признакам исследуемый комплекс относится к кульёганскому типу памятников. В настоящее время раскопками исследовано около 10 памятников этого типа. Все они, как правило, являются многослойными, зачастую сильно повреждены, что затрудняет определение планировки поселений и количества жилищ на них. Однако несомненно, что жилищные комплексы кульёганского типа представлены как минимум двумя типами. К первому относятся укреплённые одиночные

жилища, различающиеся между собой по своей функции, внешнему виду, конструкции (например, поселения Барсова Гора II/22, Быстрый Кульёган 38). Во второй тип вошли небольшие по площади строения, обычно сгруппированные в поселения.

Жилище 1 селища Барсова Гора II/19 сопоставимо со вторым типом построек. Территориально наиболее близкие объекты на памятниках кульёганского типа расположены здесь же, на Барсовой горе — это жилище 4 поселения Барсова Гора II/8[6], жилища 10 и 14 поселения Барсова Гора II/9в[7]. Все они на момент раскопок были серьезно повреждены. Объём информации о конструкции наземной постройки 12 поселения Барсова Гора II/9в также не позволяет её реконструировать, что оставляет многие интересующие нас вопросы открытыми.

Наиболее близкие аналогии исследованный объект находит в жилищах 1 и 15 поселения Чернореченское I[8] и постройке 1 поселения Малая Моховая I[9]. Они характеризуются площадью 32—37 кв. м и подпрямоугольной формой котлована, глубина которого от древней дневной поверхности колеблется в пределах 0,4—0,6 м. Для всех реконструируется каркасно-столбовая конструкция, но форма перекрытия и схемы расположения несущих опор различны (шатровое перекрытие, двухскатная крыша). Для жилищ Чернореченского I поселения реконструируется по два угловых выхода, причём в одном случае одновременно используются два разных варианта устройства — в виде короткого углубленного коридора и неуглубленного коридора.

В жилище 1 селища Барсова Гора II/19, как и на Чернореченском I поселении, ярко выражено различное функциональное использование разных частей постройки. В то же время такой яркий конструктивный элемент, как материковые выступы, что зафиксированы в обоих жилищах на Чернореченском I поселении, в нём отсутствует. По распределению находок выявляются следы существования какого-то поперечного не сохранившегося элемента интерьера либо конструкции постройки. Эту аналогию можно продолжить, упомянув перепад высот между центральной и южной частями жилища (сравни — жилище 1 поселения Чернореченское I).

Подробная характеристика керамики большинства исследованных кульёганских памятников в публикациях пока не представлена. Типологически такая посуда относится к посуде с гребенчато-ямочной орнаментацией, но является довольно самобытной и легко узнаваемой по ряду признаков. Анализ опубликованных данных показал, что кульёганская посуда изготовлена по единым канонам, то есть технология

производства керамики не зависит от типа жилища. Технологический анализ был проведён для четырёх памятников — поселений Барсова Гора II/22[10], Чернореченское I[11], Быстрый Кульёган 38[12] и селища Барсова Гора II/19. Керамика на этих поселениях изготовлялась по сходным технологиям: совпадает рецептура формовочных масс, способ формовки, приёмы обработки поверхности и обжига. Различия между керамическими комплексами более заметны в орнаментации. Так, узоры на керамике укреплённых жилищ сложнее, чаще используются геометрические мотивы (различные зигзаги, ромбы с точками в центре, удлинённые соты). Для жилищ второго типа (селище Барсова Гора II/19, поселений Барсова Гора II/9в и Барсова Гора II/8в[13]) характерно использование волны вместо зигзага, выше доля различных желобков и ямочных вдавлений. Тем не менее применение своеобразных гребенчатых штампов, а также техника декорирования и принципы построения узора придают керамике кульёганского типа такую неповторимость, что единство культурного образования не вызывает сомнений. Возможно, замеченные различия в орнаментации носят хронологический характер, однако наметить внутреннюю периодизацию памятников кульёганского типа из-за малочисленности радиоуглеродных датировок пока довольно сложно.

На сегодняшний день это культурное образование датируется эпохой средней бронзы (перв. пол. — сер. II тыс. до н. э.). Радиоуглеродные датировки, полученные по углю с селища Барсова Гора II/19, вписываются в этот интервал.

Таблица

Селище Барсова Гора II/19. Раскоп 1.
Радиоуглеродные датировки

Участок раскопа	Нивелировочный показатель (см от усл. «0»)	Индекс лаборатории	Дата
Уч. В/6 (жилище 1)	От –140 до –142	Ле- 8591	3610±190 ВР
Уч. В/10 (яма 14)	От –234 до –236	Ле-8545	3590±100 ВР
Уч. В/4 (яма 3)	–78	Ле-8546	2970±130 ВР

Из таблицы видно, что дата по образцу из ямы 3 более поздняя, чем две прочие. Таким образом, подтверждается предположение о том, что этот объект не связан с жилищем 1, а керамика кульёганского типа, залегавшая здесь только в верхних слоях, могла попасть туда в процессе археологизации. Даты по образцам из жилища 1 и ямы 14 вполне согласуются с датами соседнего поселения Барсова Гора II/22

(3480±160 – Ле-8561, 3780±120 – Ле-8553, 4620±100 – Ле-8554)[14] и поселения Чернореченское I[15].

Исследования памятников кульёганского типа на Барсовой горе в 2007–2008 гг. (поселения Барсова Гора II/22 и Барсова Гора II/9в, селище Барсова Гора II/19) расширяют знания об этом культурном образовании и дают новые возможности для решения проблемы его хронологии и периодизации. В связи с этим на селище Барсова Гора II/19 необходимо закончить исследование вскрытых раскопом 1 объектов бронзового века.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта. – Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. – С. 92.

[2] Размеры вскрытой части жилища 1 составляли с севера на юг 4,2–4,4 м с запада на восток 4,0–5,6 м.

[3] **Соколова З.П.** Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: ИПА «ТриЛ»,1998. – С 166–169.

[4] Выражаем благодарность О.Е. Пошехоновой за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

[5] **Глушков И.Г.** Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – С. 88–90; **Юдина Е.А.** Экспериментальные данные в планиграфических исследованиях: пространственное распределение фрагментов керамики // Актуальные проблемы истории и археологии: Мат-лы региональной науч–практ. конф., 14 ноября 2008 года. – Шадринск: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПИ», 2009. – С. 58–65.

[6] **Зыков А.П.** Отчёт об исследовании археологических памятников в урочище Барсова Гора у посёлка Барсово Сургутского р-на Тюменской области летом 1987 года. – Свердловск, 1988. – Т. I. – Архив Кабинета археологии УрГУ. – Ф.2. Д. 448. – С. 16–18.

[7] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. – С. 43–44; **Чемякин Ю.П.** Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 198–213.

[8] **Косинская Л.Л.** Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири: Сб. науч. тр. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. – С. 87–102.

[9] **Стефанов В.И.** Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. – С. 97–112.

[10] См. статью Борзунова В.А., Бельтиковой Г.В., Косинской Л.Л., Дубовцевой Е.Н., Юдиной Е.А. в этом сборнике.

[11] **Косинская Л.Л.** Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте...

[12] **Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г.** Быстрый Кульёган 38 – укреплённое жилище эпохи бронзы Сургутского Приобья // В печати.

[13] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 44; **Чемякин Ю.П.** Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9... — С. 201.

[14] См. статью Борзунова В.А., Бельтиковой Г.В., Косинской Л.Л., Дубовцевой Е.Н., Юдиной Е.А. в этом сборнике.

[15] **Косинская Л.Л.** Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990—1998 годов) // Научный вестник. — Салехард: Издание администрации ЯНАО, 2000. — Вып.3. — С. 13—23.

История изучения археологических памятников в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры[1]

В.А. Пермяков
г. Ханты-Мансийск
АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

Выявление и изучение археологических памятников в окрестностях современной д. Согом Ханты-Мансийского р-на ХМАО – Югры начались в 1960-х гг. Первые сведения о них были опубликованы краеведом-любителем Н.М. Поповым. В архиве АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» хранится копия письма Н.М. Попова редактору газеты «Ленинградская правда», датированного 3 июня 1962 г. В нём Николай Макарович подробно описывает расположение объектов археологического наследия и их визуальные признаки (фортификационные рвы и валы, жилищные впадины), объясняет нахождение в разрушающемся памятнике углей, бересты, каменных предметов. В завершение автор обращается к проблеме этногенеза и этнической истории местного населения. Неизвестно, опубликовала ли этот материал «Ленинградская правда», но установлен факт его публикации в «Тюменской правде» от 29 августа 1962 г.[2]

Благодаря этой публикации в 1963 г. в д. Согом была командирована младший научный сотрудник сектора по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера З.П. Соколова. Она обследовала около 30 памятников, которые были распределены на три группы в соответствии со своим местоположением:

– памятники непосредственно у д. Согом;
– памятники у зверофермы;
– памятники на Сайтамихе (такой топоним не удалось найти ни в отчётах более поздних исследователей, ни на географических картах, однако по описаниям ясно, что речь идёт о памятниках на р. Ершовой).

Особенно подробно было описан объект археологии и этнографии – Стариков Мыс I[3].

Дальнейшее археологическое изучение согомских памятников было продолжено в 1965 г. Обским отрядом Северной археологической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР под руководством

Ил. 1. **Городище Стариков Мыс I.** Общий вид. 1991 г. Снято с юго-запада

З.П. Соколовой. В его состав вошли также члены отряда Уральской археологической экспедиции УрГУ под началом Л.Г. Шориковой. Зоной обследования стала территория зверофермы, на которой были открыты три поселения — I, II и III «у зверофермы посёлка Согом». Все они были отшурфованы, а на двух — поселении I и поселении III — были проведены рекогносцировочные раскопки общей площадью 117 кв. м[4].

Продолженными в том же году полевыми изысканиями уральской группы под руководством Л.Г. Шориковой на берегах оз. Домашний Сор и р. Согом было зафиксировано 6 памятников археологии[5].

Более детальное изучение археологических памятников на указанной территории состоялось в 1989 г. На этот раз оно было проведено отрядом Тобольского государственного педагогического института под руководством Н.Ю. Поршуковой. В верховьях рек Понум-яха и Ершовая, впадающих в оз. Домашний Сор, и на окраине д. Согом были зафиксированы 20 новых объектов археологии[6].

Буквально следом — в 1991—1992 гг. — очередную разведку вновь провели археологи Уральской археологической экспедиции УрГУ, на этот раз — под началом В.М. Морозова. В итоге были зафиксированы 55 памятников. Наиболее тщательному обследованию подверглись границы д. Согом и урочище Чебачий Бор на западной стороне оз. Домашний Сор. Были сняты глазомерные планы всех найденных памятников, на большинстве из них были заложены шурфы (ил. 1)[7].

В 1997 г. сотрудниками Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ были проведены охранные раскопки интенсивно разрушающегося городища Стариков Мыс I (ил. 2). Руководил ими всё тот же В.М. Морозов[8]. В результате этих работ было выделено не менее 5 культурно-хронологических слоёв, соответствующих разным этапам освоения площадки мыса:

I — неолит — энеолит (IV—III тыс. до н. э.),

II — эпоха ранней бронзы (перв. пол. II тыс. до н. э.),

III — Средневековье (IX—X вв., кучиминский этап обь-иртышской культурно-исторической общности),

IV — время городков (ок. XVI—XVII вв.),

V — святилища XIX—XX вв.[9]

Современный этап археологических изысканий на указанной территории был стимулирован необходимостью проведения историко-культурной экспертизы для планирования хозяйственной деятельности ОАО «Тюменнефтегеофизика». Исполнителем этих работ стало ООО «Научно-производственный центр «Югра-Терра», сотрудникам

Ил. 2. **Городище Стариков Мыс I.** Общий вид. 1997 г. Снято с юго-запада

Ил. 3. **Городище Стариков Мыс I.** Общий вид. 2008 г. Снято с северо-запада

Ил. 4. **Городище Стариков Мыс I.** Культурные отложения. 2008 г. Снято с юго-запада

которого пришлось начать с ревизии результатов всех предыдущих полевых работ, особенно их корреляции в части описаний, адресов и топонимики археологических памятников[10]. Накопившаяся за полвека разрозненных и бессистемных полевых работ путаница сильно затрудняла не только идентификацию объектов археологического наследия на месте, но также их исследование, учёт и оформление документов для их постановки на государственную охрану.

Указанные проблемы и стали основными причинами организации натурных археологических работ в окрестностях д. Согом в 2008 г. Проводились они отрядом АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» под руководством Е.А. Зайцевой[11]. Всего было осмотрено около 100 памятников, большую часть которых удалось соотнести с объектами из описаний предыдущих разведочных работ (ил. 3, 4)[12]. К примеру, памятники в урочище Чебачий Бор, выявленные в 1991—1992 гг., были без труда найдены и соотнесены с существующими глазомерными планами. Этому способствовали достаточное качество глазомерных планов и описаний памятников, с одной стороны, и низкая степень антропогенного воздействия на участок — с другой. Памятники же, расположенные в непосредственной близости от населённого

пункта, найти по прежним признакам оказалось невозможно из-за полной утраты ориентиров, использованных при описании. Для всех осмотренных памятников по визуальным признакам были установлены предполагаемые границы, зафиксированы координаты угловых точек, сверены сделанные прежде или сняты новые глазомерные планы, осуществлена фотофиксация, сделаны описания. Определялось состояние памятников, при необходимости — причины разрушений и перспективы сохранения[13].

Сведения, полученные в результате экспедиции 2008 г., носят общий характер. Они охватывают обширную территорию, дают представление о концентрации и характере распространения. Эти данные позволили оценить объёмы и спланировать дальнейшую работу по выявлению новых и идентификации уже известных памятников в этом районе.

Важным дополнением к итогам разведки 2008 г. стали результаты историко-культурных изысканий на территории, отводимой для хозяйственного освоения в районе р. Ершовой (это в 3,0—3,5 км северо-восточнее п. Согом). В ходе этих работ, проводимых сотрудниками ООО «Научно-производственный центр «Югра-Терра», было обследовано 29 объектов культурного наследия[14].

В 2009 г. отрядом АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» продолжились работы в окрестностях Согома. Теперь уже на локализованной территории близ бывшей звероферм (1,5 км северо-западнее д. Согом) была проведена полуинструментальная топографическая съёмка планов 16 памятников археологии (3 из них были выявлены в 1965 г. З.П. Соколовой, 13 — открыты впервые). Для определения культурно-хронологической принадлежности на 6 памятниках были заложены шурфы и сделаны зачистки обнажений. В итоге был выявлен культурный слой широкого хронологического диапазона[15]. На завершающем этапе работ были обобщены и систематизированы все накопленные сведения о памятниках на территории звероферм. Результатом стал новый список объектов культурного наследия (вновь выявленные и известные ранее, но не состоявшие на учёте памятники получили унифицированные названия с включением порядкового номера) и сводный план этих объектов в районе звероферм[16].

В полевом сезоне 2010 г. АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» планирует провести тахеометрическую съёмку 41 памятника, расположенного в непосредственной близости от п. Согом. Это позволит создать основу обширной карты микрорайона, которая станет одним из основных документов для изучения и разработки мер по сохранению объектов археологического наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. статьи Е.А. Зайцевой, а также Т.Н. Собольниковой и А.В. Кузиной в этом сборнике.

[2] **Соколова З.П.** Отчёт об археологической разведке летом 1963 г. в Самаровском районе Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области. — М., 1965. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 4314. — С. 29.

[3] **Соколова З.П.** Отчёт о раскопках и разведках летом 1965 г. в Ханты-Мансийском национальном округе. — М., 1965. — Архивы ИА РАН (Р-1. № 4314) и АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» (№ 1266. Д. 23). — С. 41.

[4] **Соколова З.П.** Отчёт о раскопках и разведках летом 1965 г.... — С. 1—6.

[5] **Шорикова Л.Г.** Разведка в Ханты-Мансийском национальном округе. — Свердловск, 1965. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 4785. — Д. 22. — С. 2—12.

[6] **Поршукова Н.Ю.** Отчёт о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области в 1989 г. — Тобольск, 1991. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 1261. — Д. 21. — С. 2—10.

[7] **Морозов В.М.** Отчёт о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области летом 1992 г. — Екатеринбург, 1993. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 4858. — Д. 3. — С. 61—149.

[8] **Морозов В.М.** Отчёт об исследовании городища Стариков Мыс I в окрестностях деревни Согом Ханты-Мансийского района Тюменской области. — Екатеринбург, 1998. — Ч. 1. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 1285. — Д. 51а. — 59 с.

[9] **Морозов В.М.** Отчёт об исследовании городища Стариков Мыс I... — С. 11.

[10] **Зайцева Е.А.** Заключение № 16-И: Историко-культурная экспертиза исходной документации проекта сейсморазведочных работ на территории Красноленинского (блоки 7, 8, 9, 10) сейсморазведочного участка в Ханты-Мансийском и Кондинском районах ХМАО — Югры (по заявке: ОАО «Тюменнефтегеофизика»). — Ханты-Мансийск, 2006. — Архив АУ ХМАО—Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 5237. — Д. 90.

[11] **Зайцева Е.А.** Отчёт о НИР: Археологическая разведка в районе п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры, проведённая летом 2008 года. — Ханты-Мансийск, 2009. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 5947. — Д. 105.

[12] **Зайцева Е.А.** Отчёт о НИР: Историко-культурные изыскания на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению под объект «Зимние дороги для перевозки технологического оборудования к скважине № 1 Красноленинского лицензионного участка № 7 Восточно-Камской площади» и расположенных в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры. Проведены осенью 2008 г. — Ханты-Мансийск, 2008. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 6118. — Д. 1278. — 59 с.

[13] **Зайцева Е.А.** Отчёт о НИР: Археологическая разведка в среднем течении р. Согом Ханты-Мансийского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (в стадии оформления).

[14] **Зайцева Е.А.** Отчёт о НИР: Историко-культурные изыскания на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению под объект «Зимние дороги для перевозки технологического оборудования...

[15] См. статью Т.Н. Собольниковой и А.В. Кузиной в этом сборнике.

[16] **Зайцева Е.А.** Отчет о НИР: Археологическая разведка в районе д. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры, проведённая летом 2009 года: В 2 кн. — Ханты-Мансийск, 2010. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 6020. — Д. 932а, 932б.

Результаты археологической разведки в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры[1]

Е.А. Зайцева
г. Ханты-Мансийск
АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

В настоящее время бассейн р. Согом (левого притока р. Иртыша) в археологическом плане освоен крайне неравномерно. До сих пор среднее и нижнее течения реки остаются без внимания археологов, а известные на сегодняшний день памятники концентрируются в окрестностях п. Согом и по берегам оз. Домашний Сор, из которого берёт своё начало указанный водоток.

В полевой сезон 2009 г. окружным АУ «Центр охраны культурного наследия» было проведено обследование окрестностей п. Согом в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры (ил. 1). Экспедиция под руководством автора была организована с целью идентификации памятников археологии, известных с 1960-х гг., повторного обследования данной территории на предмет выявления новых объектов культурного наследия. В ходе проведённых работ была обследована территория соснового бора, расположенного в непосредственной близости от п. Согом (в 1,5 км к северо-востоку) и связанного с согомским правобережьем капитальным мостом. Участок располагается на северо-восточном берегу оз. Домашний Сор и, по сути, представляет собой остров, западная часть которого с руинами звероферм и лесопилки находится непосредственно на берегу озера, а другие участки граничат с болотами (ил. 2). Общая площадь составляет 341000 кв. м.

На исследованной территории с 1965 г. были известны 3 памятника, выявленные З.П. Соколовой: «поселение I у звероферм», «поселение II у звероферм» и «поселение III у звероферм»[2]. Несмотря на отсутствие хороших географических привязок и схематичность планов (ил. 3), в ходе археологических работ 2009 г. эти памятники были легко идентифицированы на месте. Помимо них, в полевой сезон 2009 г. на территории бора было выявлено ещё 13 памятников. Все они имеют хорошо выраженные в микрорельефе объекты с визуальным представ-

лением таких признаков, как вал, ров, впадины и наземные площадки (ил. 4). Территория поселений с учётом предлагаемой охранной зоны занимает 87% площади бора.

Таким образом, всего в ходе разведки было обследовано 16 памятников археологии. Для их обозначения был заимствован уже использованный прежде в археологической топонимике микрорайона гидроним «Согом», порядковые номера продолжали нумерацию, начатую Н.Ю. Поршуковой в 1989 г.[3]

В связи с тем, что названия поселений, выявленных З.П. Соколовой, не закрепились нигде, кроме единственного отчёта первооткрывателя, они были переименованы в соответствии с системой, принятой для скопления объектов археологического наследия данного микрорайона: «поселение I у зверофермы» – в поселение Согом 17, «поселение II у зверофермы» – в поселение Согом 14, «поселение III у зверофермы» – в поселение Согом 13.

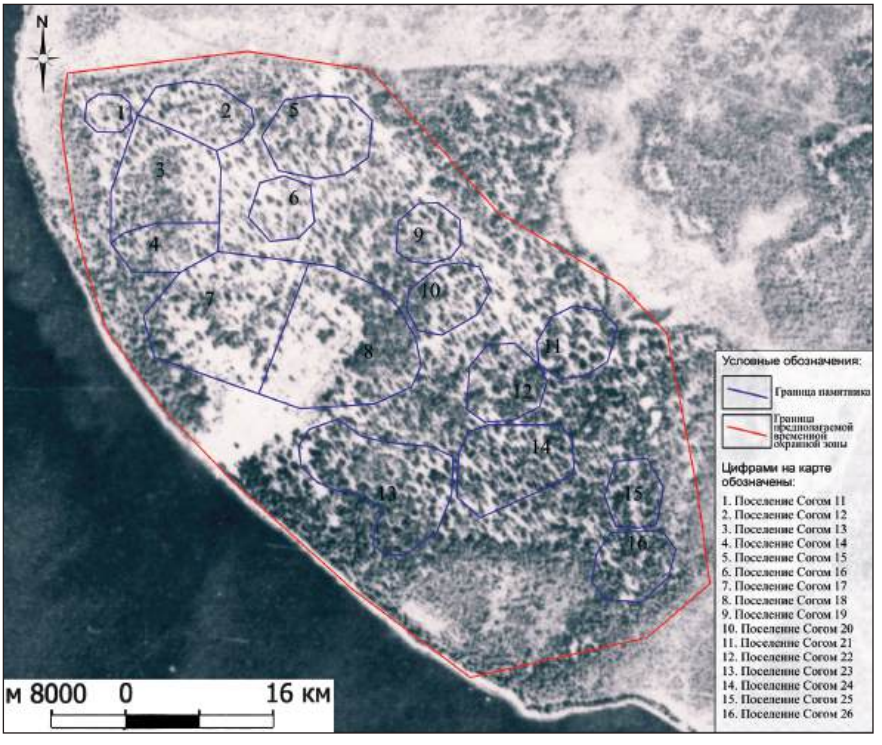
Среди обследованных 16 памятников особо выделяются 12 поселений смешанного характера под названиями «Согом» с цифровыми

Ил. 1. Месторасположение археологических памятников в окрестностях п. Согом, обследованных АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» в 2009 г.

индексами 12, 13, 15–22, 24, 25. Помимо жилищных западин, на их территориях зафиксированы укреплённые объекты, окружённые по периметру валами и рвами. Самым крупным из таких объектов является сооружение на поселении Согом 13 (S = 5207 кв. м), наиболее мелким – на поселении Согом 22 (S = 898 кв. м). Средняя же их площадь составляет 2421 кв. м.

Большая часть таких сооружений с элементами фортификации имеют подпрямоугольную форму (поселения Согом 12, Согом 15, Согом 16, Согом 19, Согом 20, Согом 21, Согом 22, Согом 25), три – подовальную (поселения Согом 13, Согом 17, Согом 24). Ориентация у них следующая: север – юг (поселения Согом 13, Согом 16, Согом 25), юго-запад – северо-восток (поселения Согом 17, Согом 20), с юга – юго-запада на север – северо-восток (поселения Согом 19, Согом 21), запад – восток (поселение Согом 12). Практически у всех этих объектов фиксируются проходы без устойчивой закономерности в ориентации.

Ил. 2. Бор «Звероферама». Схема расположения выявленных археологических памятников. Аэрофотоснимок

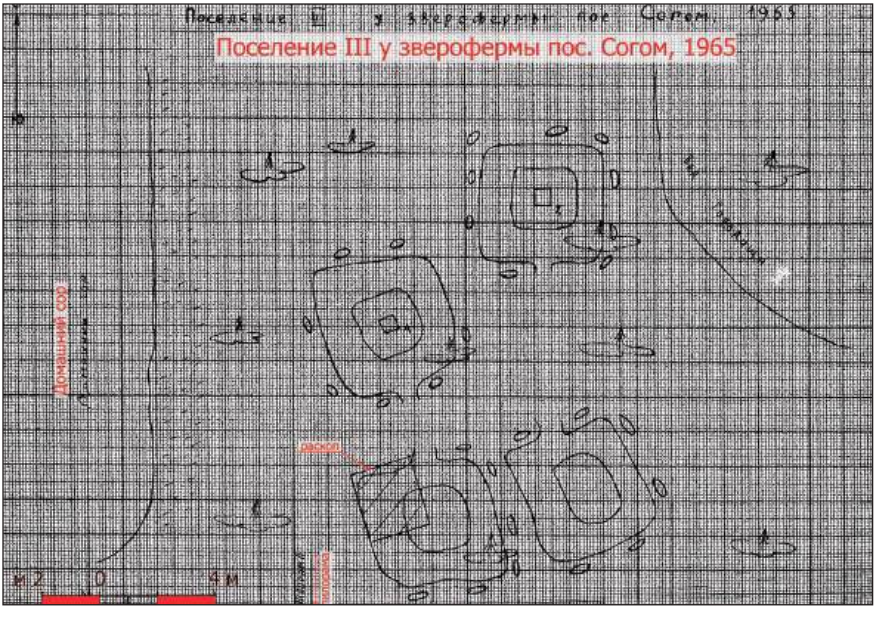
Два объекта имеют двойную систему обороны — это поселение Согом 13 в северо-западной части бора и поселение Согом 21 — в восточной части.

На поселении Согом 18 представляемые объекты сильно нарушены руинами звероферм, поэтому их форму и размеры установить сегодня невозможно.

Шурфовка данных сооружений не выявила наличие археологического материала.

Поскольку на данных объектах с элементами фортификации остатки жилищных впадин визуально не фиксировались, а высота валов в ряде случаев не превышала 1 м, однозначно атрибутировать их назначение пока сложно.

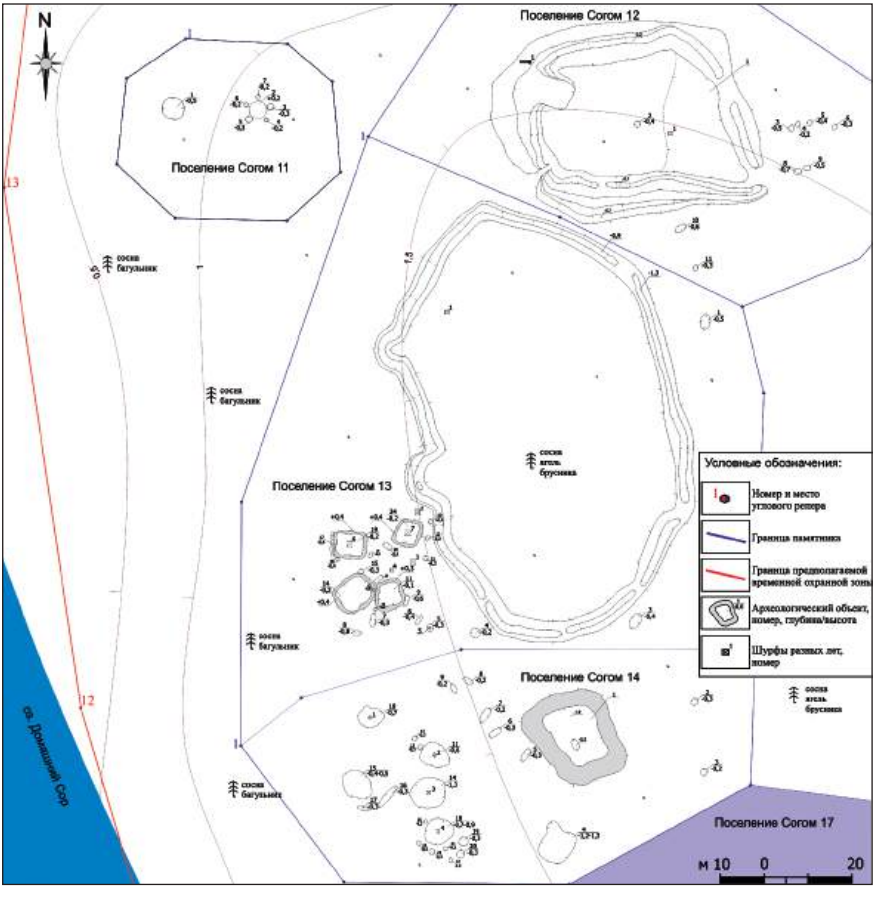
Что касается состояния исследованных в 2009 г. памятников, то можно констатировать, что 13 из них в хорошем состоянии, состояние двух было оценено как среднее. Техническое состояние поселения Согом 18 признано аварийным (табл. 1). Разрушения памятников в основном связаны с эксплуатацией грунтовой дороги для проезда автотранспорта, с функционированием в сер. XX в. на территории

Ил. 3. «Поселение III у зверофермы п. Согом, 1965 г.» (поселение Согом 13). План из отчёта З.П. Соколовой (компьютерное дублирование легенд и масштаба внесено автором статьи)

бора звероферм и лесопилки, а также с грабительскими раскопками. Помимо антропогенных факторов разрушения, можно выделить и естественные — территория бора занимает низкие гипсометрические отметки, вследствие чего подвержена процессам заболачивания. Результатом таких длительных естественных процессов разрушения является то, что выраженные определённым рельефом особенности поселений (к примеру, обваловка) постепенно нивелируются.

Таким образом, работы 2009 г. позволяют цельно и детально проанализировать весь комплекс археологических памятников на территории бора «Звероферма», а также получить предварительные датировки времени заселения и освоения данной территории в древности. В ходе шурфовки был получен керамический материал, датируемый в широком

Ил. 4. Поселения Согом 11, Согом 12, Согом 13, Согом 14. План

культурно-хронологическом диапазоне. Очевидно, первые поселения на данной территории возникли в эпоху неолита. В дальнейшем освоение территории шло непрерывно, по-видимому, вплоть до эпохи раннего Средневековья, о чём свидетельствуют материалы поселений Согом 14, Согом 17 и Согом 23.

Неравномерность в археологическом изучении бассейна р. Согом, расположение разновременных памятников компактной группой на ограниченной территории, рельефные особенности отдельных объектов археологического наследия диктуют необходимость проведения дальнейших исследований здесь в трёх направлениях. Во-первых, это мониторинг и инвентаризация уже известных памятников (в частности, на территории современного посёлка Согом, в урочищах Чебачий Бор, Ершовый Бор, Мыс Бор и т. д.). Во-вторых, проведение широкомасштабных археологических разведок для выявления новых объектов археологического наследия и для выработки стратегии их сохранения в условиях нефтяного освоения территории, которое уже началось в 2006 г. В-третьих, продолжение научно-исследовательских работ, направленных на решение вопросов освоения данной территории с древности до наших дней, что может позволить по-иному взглянуть на существующие культурно-хронологические схемы региона.

Таблица

Общая характеристика памятников археологии, расположенных на территории бора «Звероферма» в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского р-на ХМАО – Югры

№	Наименование	Привязка	Площадь [площадь разрушения] (кв. м)	Состояние	Датировка
1	2	3	4	5	6
1	Согом 11, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1760 м к СЗ от п. Согом, в 1150 м к СЗ от устья р. Согом и в 78 м в глубину террасы от озера	1752 [0[	Хорошее	Не определена
2	Согом 12, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1670 м к СЗ от д. Согом, в 1080 м к СЗ от устья р. Согом и в 174 м в глубину террасы от озера	6010 [0]	Хорошее	Не определена
3	Согом 13, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1670 м к СЗ от д. Согом, в 1060 м к СЗ от устья р. Согом и в 122 м в глубину террасы от озера	11300 [20]	Хорошее	Средневековье
4	Согом 14, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1640 м к СЗ от д. Согом, в 1000 м к СЗ от устья р. Согом и в 92 м в глубину террасы от озера	4983 [3]	Хорошее	Неолит – бронзовый век (III–II тыс. до н. э.), Средневековье, (IV–XVI вв.)

1	2	3	4	5	6
5	Согом 15, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1540 м к СЗ от д. Согом, в 990 м к СЗ от устья р. Согом (левобережье реки) и в 301 м в глубину террасы от озера	8387 [57]	Среднее	Не определена
6	Согом 16, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1540 м к СЗ от д. Согом, в 950 м к СЗ от устья р. Согом и в 230 м в глубину террасы от озера	3809 [121]	Хорошее	Не определена
7	Согом 17, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1540 м к СЗ от д. Согом, в 910 м к СЗ от устья р. Согом и в 108 м в глубину террасы от озера	17890 [1950]	Среднее	Неолит, энеолит и бронзовый век (III–II тыс. до н. э.)
8	Согом 18, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1430 м к СЗ от д. Согом, в 800 м к СЗ от устья р. Согом и в 189 м в глубину террасы от озера	19070 [9151]	Аварийное	Не определена
9	Согом 19, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1390 м к СЗ от д. Согом, в 840 м к СЗ от устья р. Согом и в 334 м в глубину террасы от озера	3711 [0]	Хорошее	Не определена
10	Согом 20, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1330 м к СЗ от д. Согом, в 760 м к СЗ от устья р. Согом и в 304 м в глубину террасы от озера	4988 [0]	Хорошее	Не определена
11	Согом 21, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1190 м к СЗ от д. Согом, в 650 м к СЗ от устья р. Согом и в 367 м в глубину террасы от озера	5105 [0]	Хорошее	Не определена
12	Согом 22, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1240 м к СЗ от д. Согом, в 650 м к СЗ от устья р. Согом и в 247 м в глубину террасы от озера	5754 [0]	Хорошее	Не определена
13	Согом 23, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1320 м к СЗ от д. Согом, в 660 м к СЗ от устья р. Согом и в 122 м в глубину террасы от озера	13730 [2]	Хорошее	Бронзовый, железный века, раннее Средневековье (втор. пол. II тыс. до н. э. – VI в.)
14	Согом 24, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1200 м к СЗ от д. Согом, в 580 м к СЗ от устья р. Согом и в 221 м в глубину террасы от озера	9584 [0]	Хорошее	Не определена
15	Согом 25, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1070 м к СЗ от д. Согом, в 480 м к СЗ от устья р. Согом и в 278 м в глубину террасы от озера	3772 [0]	Хорошее	Не определена
16	Согом 26, поселение	Сев.-вост. берег оз. Домашний Сор, в 1040 м к СЗ от д. Согом, в 201 м в глубину террасы от озера	5468 [0]	Хорошее	Не определена

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. статьи В.А. Пермякова, а также Т.Н. Собольниковой и А.В. Кузиной в этом сборнике.

[2] **Соколова З.П.** Отчёт о раскопках и разведке летом 1965 г. в Ханты-Мансийском национальном округе. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 1266. — Д. 23. Необходимо уточнить нестандартную топонимическую ситуацию в окрестностях п. Согом, имеющую прямое отношение к истории выявления расположенного там археологического наследия. В 1991—1992 гг. на этой территории работал отряд Уральской археологической экспедиции УрГУ под началом В.М. Морозова, которым было открыто 6 памятников «в районе звероферм» (Морозов В.М. Отчёт о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области летом 1992 г. — Екатеринбург, 1993. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 4858. — Д. 3). Однако ориентиром в данном случае служила другая звероферма — расположенная на территории посёлка и построенная позже первой, во втор. полов. XX в. Соответственно, и группа памятников, привязанная к этой новой звероферме, — иная, чем обследованная З.П. Соколовой и нашей экспедицией.

[3] **Поршукова Н.Ю.** Отчёт о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области в 1989 г. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 1261. — Д. 21.

Керамические комплексы Нижнего Прииртышья (по материалам экспедиции в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры в 2009 г.)[1]

Т.Н. Собольникова, А.В. Кузина
г. Ханты-Мансийск
АУ ХМАО–Югры «Центр охраны культурного наследия»

В ходе рекогносцировочного обследования окрестностей д. Согом (Ханты-Мансийский р-н), проведённого сотрудниками АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» в августе 2009 г., была получена коллекция фрагментов керамических сосудов – около 289 ед. хр. Наибольшее их количество было получено из шурфов на поселениях Согом 23 и Согом 17 и собрано в осыпи берега около городища Стариков Мыс I.

В рамках настоящей работы предлагается общая характеристика керамических комплексов археологических памятников, расположенных в окрестностях д. Согом. В культурно-хронологическом плане они представляют самые различные этапы заселения и освоения данной территории: от эпохи неолита до позднего Средневековья. Сводные данные приводятся ниже в таблице.

Таблица

Количественные и культурно-хронологические признаки керамики некоторых археологических памятников у п. Согом

№ п/п	Памятники	Кол-во фрагментов керамики	Культурно-хронологическая принадлежность
1	Согом 14, поселение	14	Раннее Средневековье (карымский этап), позднее Средневековье (кинтусовский этап)
2	Согом 17, поселение	73	Неолит (отступающе-накольчатая керамика), энеолит – ранняя бронза (кульеганский тип?)
3	Согом 23, поселение	116	Энеолит – ранняя бронза (кульёганский тип?), финальная бронза (атлымская культура), раннее Средневековье (карымский этап), позднее Средневековье (кинтусовский этап)
4	Стариков Мыс 1, городище	81	Неолит (гребенчатая керамика)[2], энеолит – ранняя бронза (кульеганский тип?), финальная бронза (атлымская культура), раннее Средневековье (карымский этап), позднее Средневековье (кинтусовский этап)

Керамика *эпохи неолита* была получена из шурфа, заложенного на поселении Согом 17 (ил. 1–*1, 2*). Это около 30 фрагментов примерно от 4 керамических сосудов. Почти все они имеют нагар на внутренней поверхности. Текстура черепков плотная, ровно-зернистая.

Один сосуд отличается от других по текстуре излома (рыхлая, комковатая), цвету (тёмно-серый, чёрный). Визуально в изломах и на отслоившихся поверхностях стенок хорошо фиксируется включение в состав формовочного теста значительного количества некалиброванного шамота (фракции до 3–4 мм) и частиц охры. Судя по «обнажившимся» спаям и характеру течения глинистой массы в стенках сосудов, изготовлены они были жгутовым способом. Стенки с обеих сторон хорошо заглажены. К сожалению, в силу того, что сосуды представлены крайне фрагментарно, их форму и размеры полностью представить невозможно. Только два из них поддаются частичной реконструкции. Судя по имеющимся фрагментам венчиков, ёмкости имели баночную форму. Их диаметр составлял 22 и 26 см, толщина стенок – 0,7–0,8 см. У одного сосуда венчик имеет волнообразный срез. На двух сосудах с внутренней стороны венчика имеются утолщения – наплывы подтреугольной формы. Все сосуды, судя по сохранившимся их частям, орнаментированы монотонными узорами из горизонтальных волнистых (2 сосуда) или прямых (1 сосуд) линий. Техника нанесения орнамента – отступающе-накольчатая. В целом узоры смотрятся достаточно разреженно. По краю венчика нанесён ряд насечек (в двух случаях с внешней стороны, в одном – с внутренней).

В материалах раскопок 1997 г. В.М. Морозовым на городище Стариков Мыс 1 также была выделена группа неолитической керамики, что дало основание автору этих работ отнести нижние горизонты пачки культурных отложений к самостоятельному поселению Стариков Мыс 1а эпохи неолита – ранней бронзы. В отличие от хронологически соотносимой керамики с поселения Согом 17, она декорирована преимущественно гребенчатым штампом, фрагменты с отступающе-накольчатой орнаментацией единичны. В.М. Морозов соотнёс её с несколькими культурными типами неолитической керамики Зауралья и Среднего Приобья – барсовогорским, сумпаньинским, боборыкинским[3].

Наиболее близкие аналогии неолитической керамике поселения Согом 17 можно найти в материалах памятников бассейна р. Конды – Чёртова Гора[4], Канда[5] и Сумпанья III[6]. Неолитические сосуды подобного облика (с отступающе-накольчатым орнаментом) соотносятся исследователями с керамикой кошкинского типа. В.Т. Ковалёва датирует кошкинский комплекс поселения Сумпанья III ранним неолитом (V–VI тыс. до н. э.)[7]. На Северной Сосьве кошкинские традиции датируются поздним неолитом

и продолжают своё существование («консервируются») в эпоху энеолита (сер. — втор. пол. III тыс. до н. э.)[8]. В Сургутском Приобье на памятниках Барсовой Горы отступающе-накольчатая керамика со сходными характеристиками (волнистый край, наплывы с внутренней стороны, насечки по краю, вертикальные стенки, разреженность узоров и др.) присутствует как в неолитических, так и в энеолитических комплексах. Вопрос об её появлении на этой территории остаётся пока открытым. Определённое сходство согомской керамики прослеживается с комплексами поселений Барсова Гора II/16а и Барсова Гора II/17, а также с керамикой стоянки Барсова Гора II/8б и поселения Кушниково 1, датируемых Ю.П. Чемякиным средним неолитом и энеолитом соответственно[9].

К *эпохе энеолита – ранней бронзы* в согомской коллекции относятся небольшие группы керамики, полученные на поселении Согом 17 (ок. 15 фр.), поселении Согом 23 (3 фр.) и поселении Стариков Мыс Ia (5 фр.). Представлены они небольшими разрозненными фрагментами от разных сосудов, украшенными как в технике шагающей гребенки (реже — гладкого штампа), так и печатной (ил. 1 — *3, 4*). По фрагментам сложно восстановить орнаментальные композиции, можно лишь отметить, что узоры имели как горизонтальную зональность, так и вертикальную. Под венчиком (5 фрагментов) наносился ряд глубоких (в одном случае — сквозных) ямочных вдавлений. По срезу венчика — оттиски гребёнки. Тесто, в большинстве случаев, рыхлое, с добавлением песка, шамота, органики, реже слюды. Толщина стенок, в среднем, — 0,7—0,8 мм, диаметр, судя по сохранившимся фрагментам венчиков, — ок. 30 см.

Культурно-хронологическая атрибуция данной группы фрагментов керамики достаточно сложна в силу её немногочисленности и разнородности. Ряд фрагментов, орнаментированных гребенчатым штампом с широкими зубцами, можно соотнести с керамикой кульёганского типа Среднего Приобья (поселения Быстрый Кульёган 38, Коим 1, Барсова Гора II/9б, Барсова Гора II/9в), датируемой эпохой ранней бронзы — втор. пол. II тыс. до н. э. (ил. 1 — *3*)[10]. На двух небольших фрагментах стенок сосудов с поселения Согом 17 был зафиксирован орнамент, выполненный полой гребенчатой трубочкой. Аналогии такой декоративной технике можно встретить в материалах энеолита бассейна р. Конды (волвончинский тип — кон. III — нач. II тыс. до н. э.) (ил. 1 — *4*)[11].

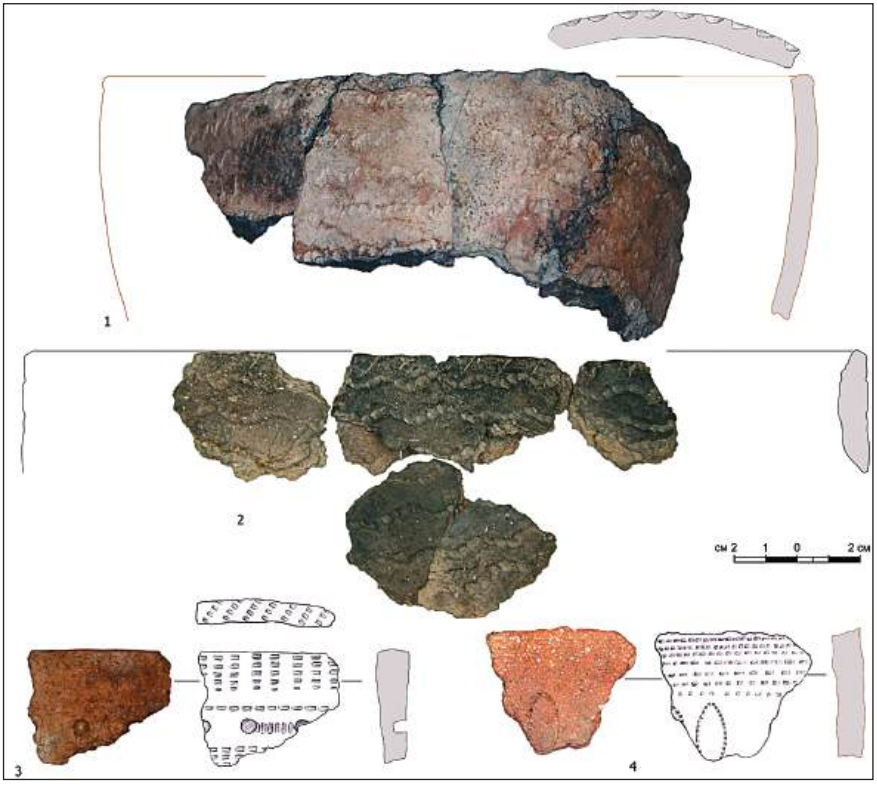
Эпоха поздней бронзы и раннего железного века представлена единичными фрагментами сосудов из шурфов на поселении Согом 23:

– приблизительно 8 фрагментов венчиков и стенок примерно от трёх сосудов; по своим декоративно-морфологическим и технологическим характеристикам соотносится с атлымской культурой финальной бронзы Нижнего и Среднего Приобья (ил. 2 – *1*);

– 2 фрагмента венчиков сосудов кулайского облика (ил. 2 – *2*).

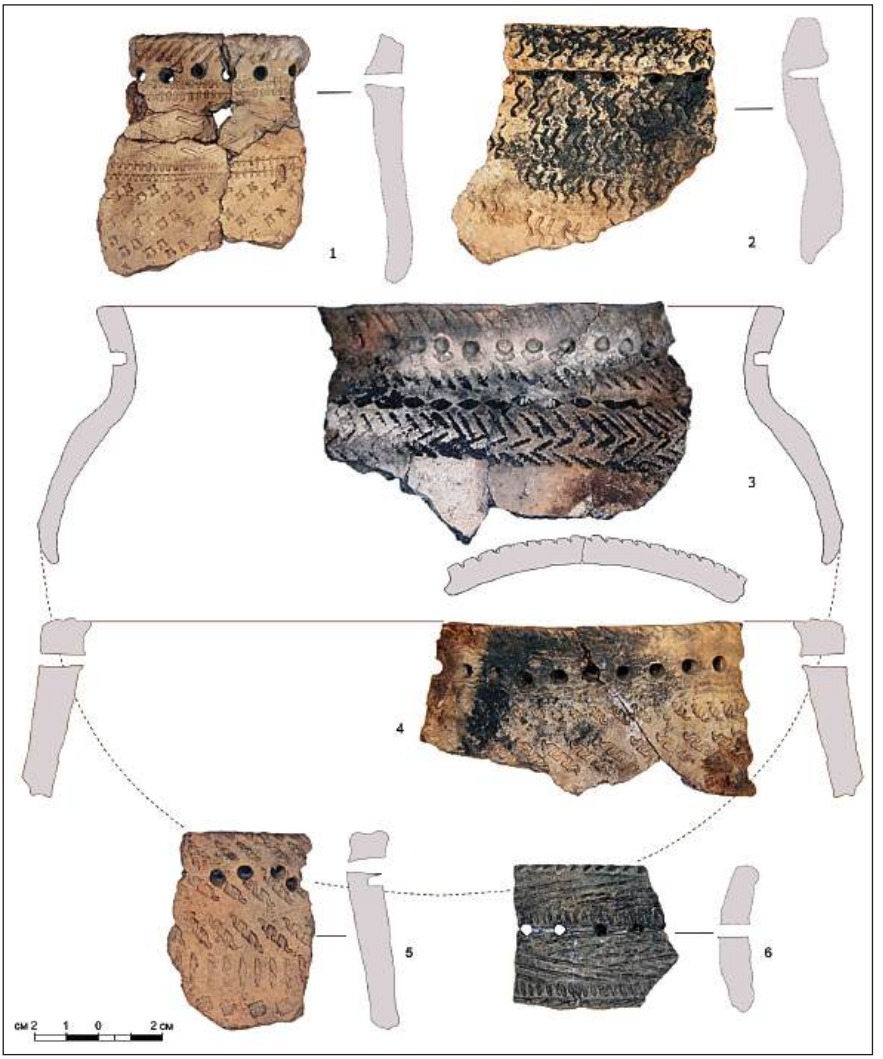
Здесь следует отметить, что при раскопках городища Стариков Мыс 1 фрагменты подобной посуды также были встречены в единичном количестве[12].

К *эпохе раннего Средневековья* относится наиболее многочисленная группа керамики карымского типа (IV–V вв.), полученная в шурфах на поселениях Согом 23 (более 20 ед.) и Согом 14 (3 ед.) (ил. 2 – *3–5*). Крайне фрагментарный характер сохранности сосудов позволяет нам составить лишь самое общее представление относительно их декоративно-морфологических параметров: диаметр венчика составляет 26–28 см, толщина стенок – 0,4–0,6 см; по форме есть

Ил. 1. Керамика из Нижнего Приртышья. Поселение Согом 17. *1, 2 – неолит; 3, 4 – энеолит – ранний бронзовый век*

и хорошо- и слабопрофилированные сосуды; срез венчиков прямой или скошенный внутрь. Основу орнамента составляют гребенчатый штамп и оттиски различных фигурных штампов («глазчатые» ромбы, зигзаги и т. д.). В верхней части венчиков расположен ряд ямочных вдавлений округлой формы, иногда — сквозных. Единичные фрагменты

Ил. 2. Керамика из Нижнего Приртышья. Поселение Согом 23 (1—5) и городище Стариков Мыс 1 (6). *1 — поздний бронзовый век, 2 — ранний железный век, 3—5 — раннее Средневековье, 6 — позднее Средневековье*

керамики карымского типа были обнаружены при раскопках городища Стариков Мыс 1[13].

Наиболее поздняя в согомской коллекции 2009 г. керамика *позднего Средневековья* (кинтусовский этап кон. IX — нач. XIII в.) представлена несколькими фрагментами, обнаруженными в шурфе на поселении Согом 14 и в осыпи берега на городище Стариков Мыс I (ил. 2 — *6*). Кстати, в материалах, полученных при раскопках данного памятника в 1997 г. В.М. Морозовым, именно она составляла наиболее многочисленную категорию керамики.

Таким образом, керамические коллекции, полученные в результате рекогносцировочных исследований в бассейней р. Согом, демонстрируют нам культурно-хронологическую многоплановость данного микрорайона в историко-культурном отношении. Особый интерес, безусловно, вызывают ранние комплексы — эпохи неолита — ранней бронзы, поскольку на данный момент они представлены в таёжных районах Западной Сибири единичными примерами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. статьи Е.А. Зайцевой и В.А Пермякова в этом сборнике.

[2] Здесь включены данные из раскопок В.М. Морозова на городище в 1997 г.

[3] **Морозов В.М.** Отчёт об исследовании городища Стариков Мыс I в окрестностях деревни Согом Ханты-Мансийского района Тюменской области. — Екатеринбург, 1998. — Ч. 2. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 1285. Д. 51б. — С. 24, 28, 42. Рис. 53, 55, 97 — *4*.

[4] **Сладкова Л.Н.** Отчёт об археологических раскопках на памятнике Чёртова Гора в Кондинском районе ХМАО Тюменской области, произведённых летом 2003 года: В 2 т. — Тобольск, 2003. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 4687. — Д. 817. — Рис. 125, 149, 151, 218, 237; **Сладкова Л.Н.** Отчёт об археологических раскопках на памятнике Чёртова Гора в Кондинском районе ХМАО Тюменской области, произведённых летом 2004 года: В 2 т. — Тобольск, 2004. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 5085. — Д. 840. — Рис. 51, 151, 167, 168.

[5] **Собольникова Т. Н.** Поздненеолитическое поселение Канда в бассейне р. Конды (к проблеме соотношения кошкинско-боборыкинских древностей) // Сибирь в панораме тысячелетий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. — Т. 1. — С. 551—558.

[6] **Ковалёва В.Т.** Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таёжной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 123—125, 133.

[7] **Ковалёва В.Т.** Поселение Сумпанья III... — С. 133.

[8] **Васильев Е.А.** Энеолит и бронзовый век Средне- и Северотаёжного Приобья: Автореф. дис. ... канд ист. наук. — Томск, 1989 — С. 11—12.

[9] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 21, 24, 25, 30, 34; 127; **Чемякин Ю.П.** Неолит и энеолит Сургутского Приобья // Сибирь в панораме тысячелетий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. — Т. 1. — С. 615—624.

[10] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 41—46; **Сергеев А.С., Погодин А.А.** Культурно-хронологические комплексы поселения Коим 1 // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 170—193; **Чемякин Ю.П.** Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 204—205.

[11] **Беспрозванный Е.М.** Отчёт об исследованиях поселения Еныя 12 в Советском районе Тюменской области, проведённых летом 1993 г. — Екатеринбург, 1994. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 4866. — Д. 89. — С. 68; **Кокшаров С.Ф.** Отчёт о раскопках поселения Геологическое III и археологической разведке в окрестностях пос. Комсомольского в Советском районе Тюменской области, проведённых летом 1986 г. — Свердловск, 1987. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 1203 — Д. 69. — С. 112.

[12] **Морозов В.М.** Отчёт об исследовании городища Стариков Мыс I... — С. 51. Рис. 125 — *1*, 146 — *1*.

[13] **Морозов В.М.** Отчёт об исследовании городища Стариков Мыс I... — С. 51—52. Рис. 125 — *5-8*.

Изучение Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО – Югры

С.Ф. Кокшаров, А.Н. Зимин, А.И. Казанцева, А.В. Кочнев, А.И. Мотус
Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
Уральский госуниверситет им. А. М. Горького

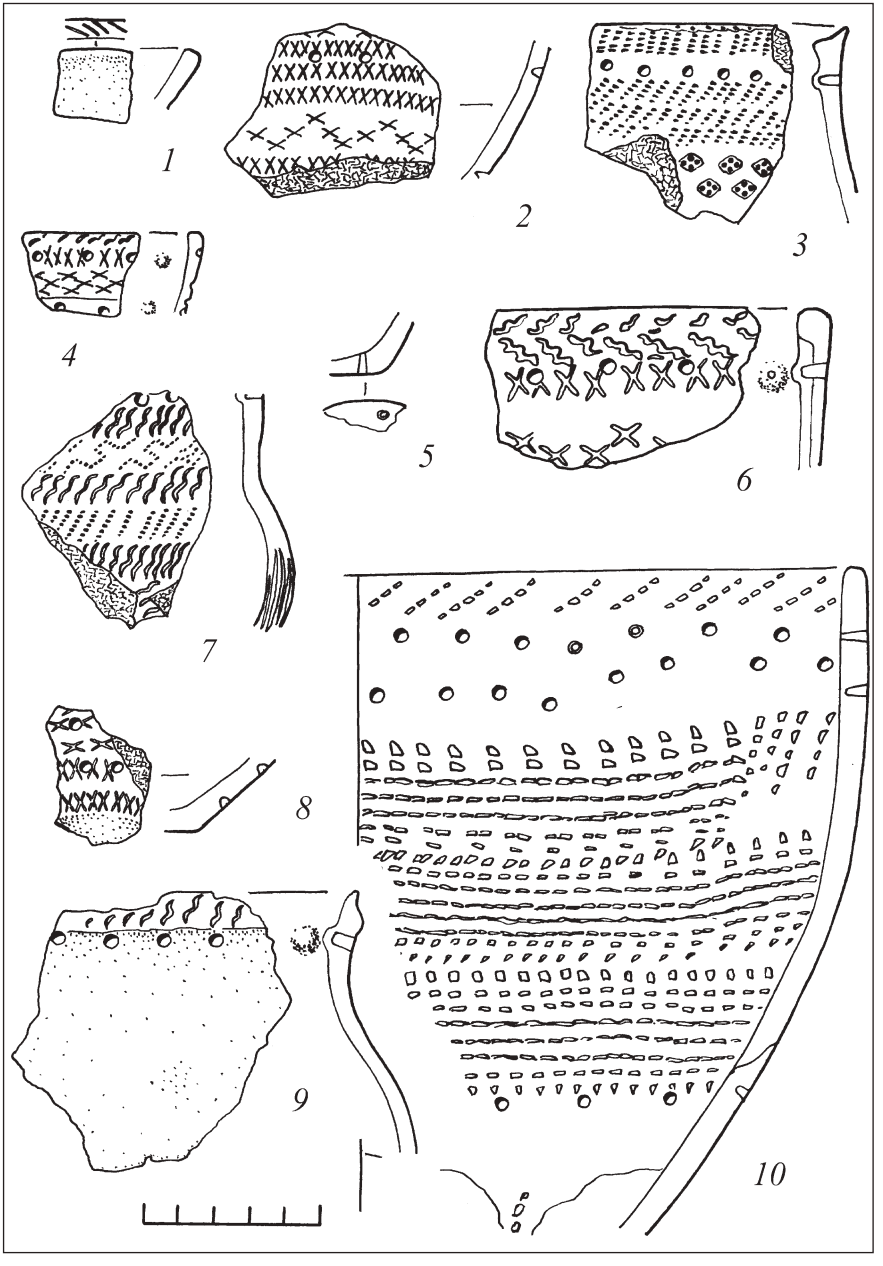
В августе 2009 г. продолжены раскопки поселения Ендырское VII в Октябрьском р-не ХМАО – Югры. Исследования на памятнике начаты годом ранее, когда был заложен рекогносцировочный раскоп. Раскоп II площадью 48 кв. м был прирезан с юго-западной части раскопа I, где сконцентрировалась наибольшая часть находок – керамика атлымского типа.

В пределах раскопа II обнаружено два объекта: остатки сгоревшего наземного сооружения и яма, фигурировавшая на плане памятника как жилищная впадина № 35.

Остатки горелой постройки прослежены в восточной части раскопа на уровне погребённого подзола (от –60 до –74 см от условного нуля). С ней связаны многочисленные сгоревшие конструкции, сосредоточенные на участках 0/53–54. Они представляют собой плахи размерами от 0,08х0,03 до 0,90х0,18 м, ориентированные преимущественно по сторонам света. В восточном профиле раскопа они фиксировались в виде тонкой полоски углей, перекрывающей погребённый подзол. Западная граница раскопанного объекта «читается» довольно чётко: здесь отмечен настил из сгоревших плах длиной почти 280 см, которые образуют почти прямую линию в направлении север – юг.

Другое скопление деревянных конструкций прослежено на участке П/52. Здесь выделяются две горелые плахи размерами 1,12х0,15 и 1,50х0,06 м, лежавшие параллельно в 0,4 м друг от друга и ориентированные по линии север–северо-запад – юг–юго-восток.

С изученным объектом связана керамика атлымской культуры, датируемой X–VIII вв. до н. э. (ил. 1 – *1, 2, 4, 5, 8*). Она представлена фрагментами 6 сосудов, выделенных по венчикам. Посуда вылеплена

Ил. 1. Поселение Ендырское VII. Керамика: 1, 2, 4, 5, 8 — атлымского типа; 3, 7, 9 — карымского типа; 6 — «лозьвинского» типа; 10 — полымьятского типа

из глины с примесью дресвы в виде мелкой (до 1 мм) кварцевой гальки или дроблёной зернистой породы. Параметры посуды установить сложно по причине фрагментированности материала. Керамика украшена линейными узорами, нанесёнными фигурными штампами в виде косого креста и змейки, а также концом круглой палочки. Часть сосудов была найдена в раскопе прошлого года.

Яма, прослеженная на участке М—Н/54—55 к юго-западу от рассмотренной постройки, была принята первоначально за остатки жилища. Она имела овальную в плане форму, ориентирована по линии запад — восток. Размер объекта — 2,86х1,52 м. Глубина ямы от погребённой почвы — 1,08 м. Она заполнена серо-коричневой супесью с угольками и современным подзолом.

Из верхних слоёв ямы происходят неполный развал сосуда полымьятского типа (ил. 1 — *10*), а также обломки трёх горшков карымского типа (ил. 1 — *3, 7, 9*). На дне ямы лежали черепки, украшенные крестовым и змейковидным штампами, которые вызывают лозьвинские ассоциации (ил. 1 — *6*).

Сосуд полымьятского типа имел баночную форму и вылеплен из теста с примесью крупного шамота. Орнамент нанесён концом круглой палочки и гребенчатым штампом в технике «шага». Памятники с керамикой полымьятского типа в бассейне р. Конды датируются досейминским временем в пределах перв. пол. — сер. II тыс. до н. э.

Керамика железного века имеет слабопрофилированную горшечную форму. Она вылеплена из глины с примесью дресвы и отличается грубо обработанными внутренними и внешними стенками. Узоры выполнены гребенчатыми, ромбическими и змейкообразными штампами. Если учесть, что фигурные штампы в виде ромбов появляются на керамике поздних кулайских памятников и продолжают использоваться в декоре на посуде карымского типа, то можно говорить о датировании находок от кон. III по V в.

Факт нахождения керамики с фигурными штампами на дне ямы позволяет отнести её к периоду позднего бронзового века, но, возможно, более раннему, чем существование сгоревшей атлымской постройки. Если данное предположение верно, то яма и сгоревшее сооружение не связаны между собой.

Закладка раскопов I—II в глубине береговой террасы позволила изучить сооружения и объекты, которые почти не пострадали при поздних перекопах. Выяснилось, что на территории поселения атлымского времени существовали наземные постройки, которые представляли

собой лёгкие навесы или заслоны. Исследования Ендырского VII поселения планируется продолжить.

Городище Мильтонъяун 4 – новый памятник кулайской культуры в Среднем Приобье

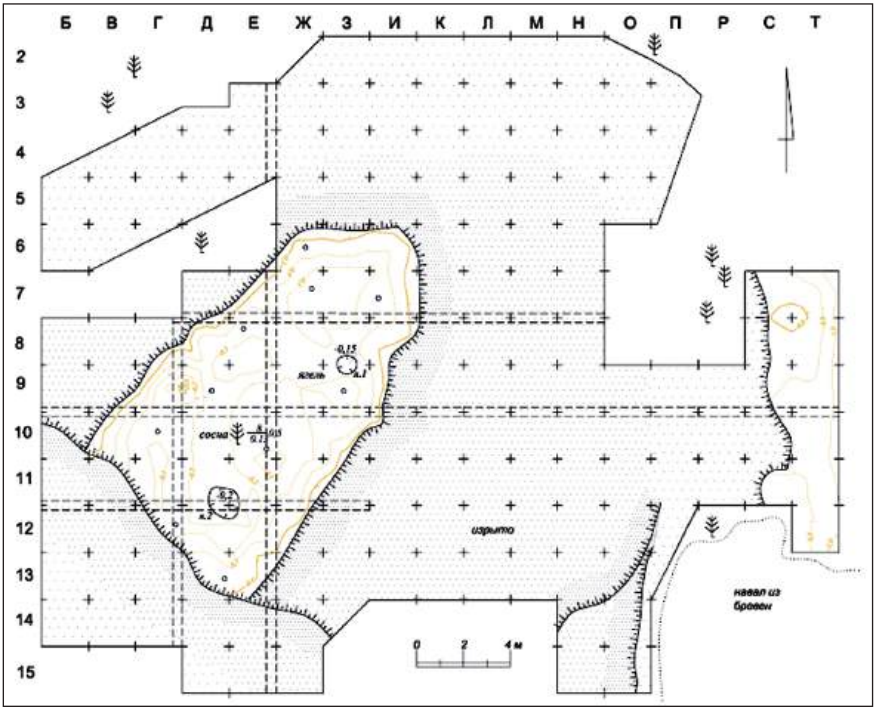
В.И. Стефанов, Т.М. Пономарёва,
О.Н. Корочкова, В.М. Морозов
г. Екатеринбург
Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Летом 2008 г. были проведены аварийные раскопки памятника археологии Мильтонъяун 4 в Сургутском р-не ХМАО – Югры. Он находится на правом берегу р. Мильтонъяун (Митынгъягун), примерно в 7,5–7,8 км к юго-востоку от г. Лянтор и в 0,4–0,5 км южнее площадки строящейся электроподстанции «Кирпичниково». Уже в ходе разведочного обследования, выполненного под руководством В.М. Морозова годом раньше[1], были отмечены значительные разрушения на площади объекта, с известной долей осторожности интерпретированного как селище. Как показали результаты раскопок, разрушения оказались ещё более серьёзными, а сомнения первооткрывателя по поводу его типологической принадлежности получили подтверждение.

Памятник занимал участок у края боровой террасы выс. 3,0–3,5 м, ориентированной по линии север – юг. Мильтонъяун (Митынгъяун) – типичная для Сургутской низменности малая река – протекает в 1,0–1,2 км к востоку (через 17–18 км от этого места она впадает в р. Пим). Пространство между её руслом и террасой заболочено, покрыто угнетённым низкорослым лесом, в центральной части заметно обводнено. Следы древнего поселения когда-то хорошо просматривались в беломошном лесу, но к моменту открытия от него почти ничего не уцелело. Значительной деформации подверглись плоская поверхность и террасовый уступ, обращённый к пойме. Первоначальные разрушения вызваны строительством (на участке, примыкавшем к археологическому объекту с южной стороны) и функционированием лесопилки. Транспортировка древесины, её сортировка и обработка, перемещение отходов и другие операции лесопиления связаны с использованием тяжёлой колёсной и гусеничной техники, что неизбежно

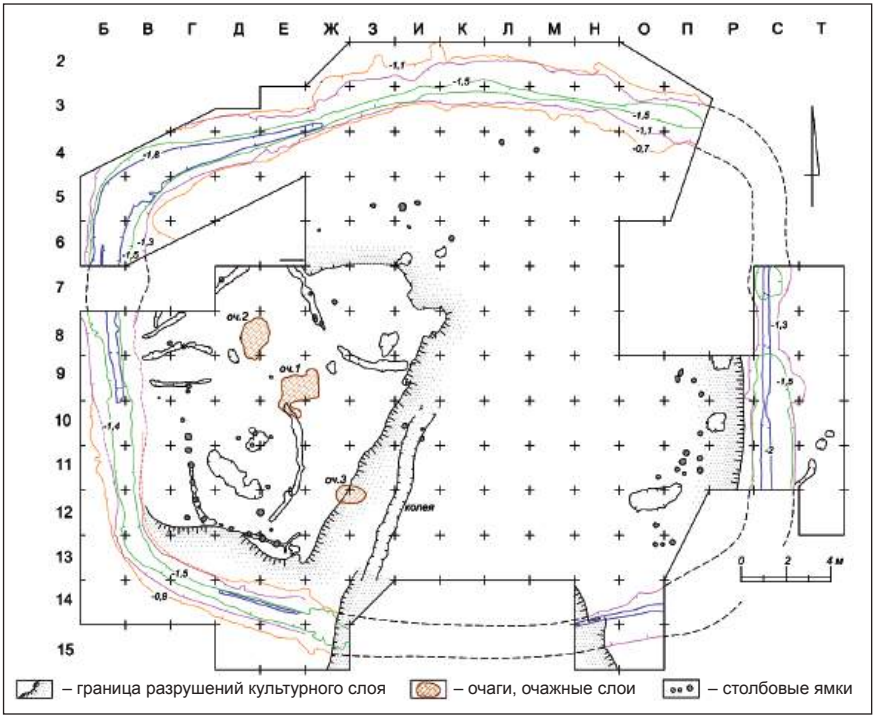
приводит к локальным изменениям почвенного профиля и форм микрорельефа. От того времени сохранились старые лесовозные дороги и нагромождения необработанных стволов, хлыстов и порубочных отходов у бровки террасы в юго-восточной части площади памятника и в других местах. Следующий этап разрушения связан с обустройством на месте бывшего лесопильного хозяйства карьера для забора грунта, предназначенного на строительство электроподстанции. Северная граница карьера пересекла территорию древнего поселения, при этом были практически полностью уничтожены остатки построек и культурный слой на большей части его территории.

Следует отметить, что исчерпывающее представление о характере и степени причинённого объекту археологического наследия урона сформировалось уже в ходе раскопок. До их начала на площадке предполагаемого селища были зафиксированы, кроме явных повреждений верхней части почвенного профиля, край засыпанного углубления, вытянутого на 6—7 м вдоль бровки террасы, и, в 18—20 м к западу от него, «островок» в меньшей степени разрушенной поверхности (покрытой ягелем, брус-

Ил. 1. **Городище Мильтонъяун 4.** Схема раскопа

ничником, молодой сосной), размером около 16х8–9 м (ил. 1). Здесь прослеживались аморфные очертания мелких ям и небольшие возвышения, которые, по нашему предположению, могли свидетельствовать о существовании в данном месте остатков древней наземной постройки. Мы утвердились в своём мнении, когда в непосредственной близости от этого «островка» культурного слоя были обнаружены мелкие фрагменты керамики и сильно обожжённые косточки животных. На остальной части пространства, где ранее находились руинированные жилые сооружения и иные объекты древнего поселения, поверхность была срезана колесными и гусеничными землеройными машинами (зафиксированы следы колёс, траков, ковша) до материка и затем засыпана мешанным песчаным грунтом, включавшим в том числе строительный мусор, лесорубочные и бытовые отходы. Как выяснилось позже, под балластной толщей (до 0,5–0,7 м) кое-где сохранились основания углублений, пятна прокалов и, что очень важно, протяжённый отрезок оборонительного рва. Площадь памятника оказалась существенно больше ожидаемой, соответственно увеличился и объём раскопочных работ.

Ил. 2. **Городище Мильтонъяун 4.** Сводный план раскопа

Общая площадь раскопа составила 676 кв. м. Его сложная конфигурация обусловлена наличием участков, по разным причинам оставшихся не вскрытыми (занятых большими деревьями, перекрытых мощным — до 2 м — навалом из брёвен, лесорубочных и лесопильных отходов или с уже полностью уничтоженным культурным слоем). В раскопе исследованы остатки рва, разрушенного наземного жилища, канавки, множество столбовых ям и другие углубления (ил. 2).

Ров окружал площадку овально-подпрямоугольной формы размером ок. 27,5—28,0х23,0—24,0 м, вытянутую в направлении запад — восток. Общая протяженность канавы, по-видимому, не превышала 95 м, длина раскопанного отрезка составила 65 м, 11-метровый отрезок рва в южной части городища оказался срытым до основания. Очертания верхней части углубления деформированы в процессе его руинирования, а в некоторых местах и современными разрушениями. Нижняя половина сохранилась хорошо. Кроме восточных участков линий квадратов (С, Т), ров на поверхности не прослеживался (ил. 1). Канава на всём протяжении довольно единообразна в своих параметрах и строении. Её ширина по верхнему краю составляла ок. 1,8—2,0 м, но местами она расширялась до 2,5 м либо сужалась до 1,4 м (ил. 3, 4). Боковые стенки не имели сколько-нибудь заметных выступов на внешнюю сторону или внутрь углубления. От уровня древней дневной поверхности, которая соответствовала в профилях верхней границе погребённого подзола (естественно, там, где он сохранился), они довольно круто опускались вниз (на 0,65—0,75 м, редко — до 1,00 м) и по короткой дуге переходили в плоское дно. Ширина рва на этой глубине отличалась от верхних фиксаций незначительно. В заполнявшей углубление песчаной массе изредка попадались отдельные фрагменты керамики, однажды (кв. П/3) в придонном слое расчищено скопление фрагментов керамики от 2—3 сосудов. Земляная перемычка шир. до 2 м в восточном отрезке рва, вероятно, служила для прохода на площадку городища со стороны болота.

После выборки заполнения и зачистки дна углубления обнаружилось, что по его осевой линии, иногда немного смещаясь к внешнему или внутреннему бортам, непрерывной полосой тянется ещё одна канавка. Её глуб. — 0,4—0,7 м, сечение — подтреугольное или трапециевидное, дно — уплощенное. На уровне первой фиксации она имела шир. ок. 0,50 м, по мере приближения к дну сужалась до 0,10—0,15 м. В её заполнении (песок коричневатых тонов с характерной слоистостью, имеющей прогиб вниз) находок не было. Есть, по крайней мере, два

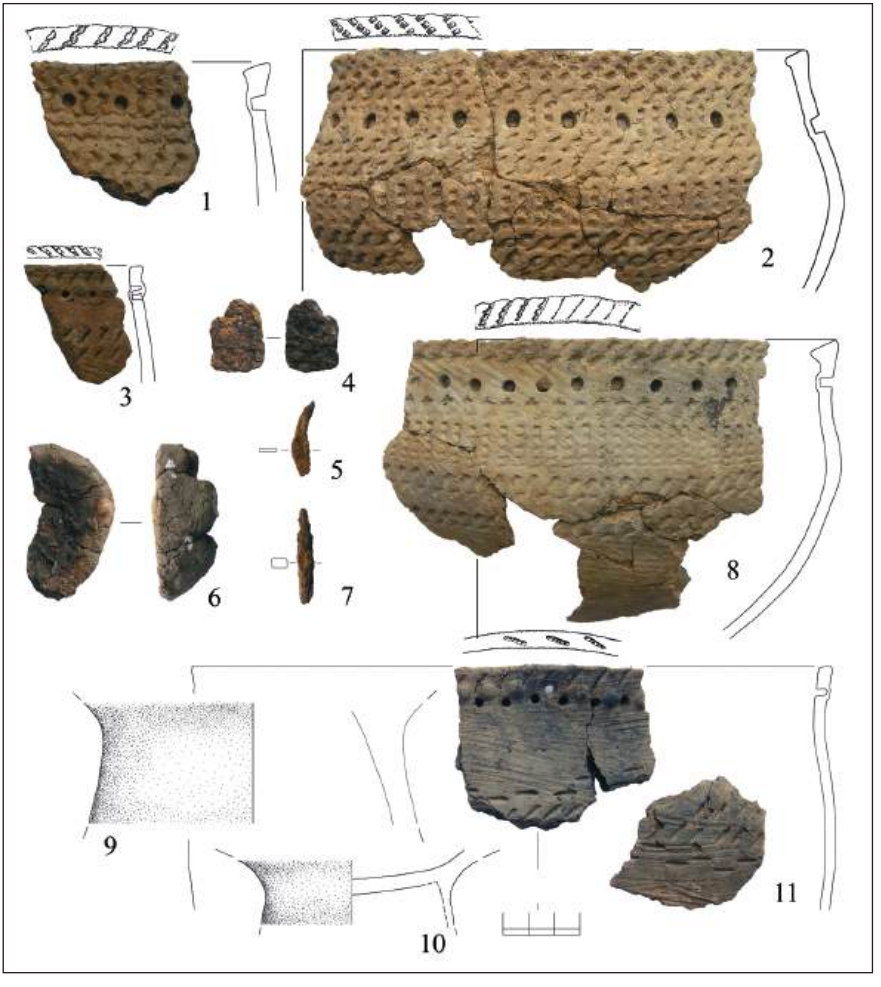

Ил. 3. **Городище Мильтонъяун 4.** Северная часть раскопа (уч. К—М/2—4, уровень фиксации —0,50 — 0,53 от усл. нуля). Снято с востока

Ил. 4. **Городище Мильтонъяун 4.** Восточная часть раскопа (уч. Р — Т/7—12, уровень фиксации —1,10 от усл. нуля). Снято с севера

обстоятельства, позволяющих думать, что узкая канавка на дне рва сохранилась от ранней оборонительной системы, впоследствии перестроенной. Во-первых, в некоторых разрезах она перекрыта почти горизонтальной или слабо прогнутой тонкой прослойкой более тёмного песка, возможно, маркирующего дно позднего («широкого») рва. Второе обстоятельство более существенно — канавка не прерывалась под земляной перемычкой, о которой говорилось выше (ил. 2, 4). Из этого факта следует, что первоначально проход на городище располагался

Ил. 5. **Городище Мильтонъяун 4.** Находки. *1–3, 6, 8–11 – керамика, 4, 5, 7 – железо*

в другом месте либо он был оформлен в виде простейшего мостового сооружения (бревенчатого прогона?), не оставившего археологизированных следов. Каким был ров в начальный период функционирования посёлка, неизвестно. Полагаем, что после подновления он стал шире, но менее глубоким. В квадратах Т/7—12 был зафиксирован выкид из рва: слой жёлто-серого песка с угольками перекрыл древнюю поверхность на бровке террасы.

Бревенчатая стена. От неё обнаружена цепочка из двух десятков столбовых ям в юго-западном секторе площадки городища (кв. Г/8—12, Д, Е/12, 13) (ил. 2). Судя по их разрезам, столбы устанавливались вертикально. Образуемая ими линия отстояла от края рва на 2 м и тянулась параллельно канаве, промежутки между столбами — от 0,5 до 2,0 м. Была ли стена замкнутой, сказать трудно — слишком велики разрушения. Между тем похожая картина зафиксирована и в восточной части площадки. Здесь выявлено 16 ям от столбов, цепочкой (не столь явной, как на противоположной стороне) тянувшихся вдоль рва на расстоянии не ближе 2 м от его края. Основания двух глубоких столбовых ям сохранились у северного отрезка рва и тоже в 2 м от него. К сожалению, в раскопе не обнаружено каких-либо остатков, позволяющих с определённостью говорить о конструкции стены. Ясно, что её основу составляли вертикальные опоры-столбы, связанные вверху горизонтальными продольными балками. Стена была выполнена из брёвен (скорее всего, хвойных пород), либо забранных в столбы-стойки, либо прислонённых верхними концами к горизонтальным балкам. Второй вариант кажется более предпочтительным. Щели между брёвнами, вероятно, конопатились; снизу стена присыпалась грунтом изо рва.

Жилище. Бревенчатая стена городища одновременно являлась стеной жилой постройки, по крайней мере, в западной части обитаемой площадки. Расположенное здесь жилище было наземным, крупным (размеры — ок. 14,0х9,0—10,0 м, площадь — приблизительно 120—130 кв. м), но неповреждёнными остались лишь его юго-западный сектор и, в меньшей степени, центральная часть. Постройка была ориентирована параллельно краю террасы (север — юг), в ней обнаружены остатки трёх напольных очагов, несколько ям и серия узких канавок на дне (ил. 2).

Самый крупный *очаг 1* находился, вероятно, в центре постройки. Сложенная из буро-коричневого песка очажная линза — аморфная, размером 1,2х1,6 м, толщиной 7—8 см, вытянута с севера на юг. Под бурым песком отмечено пятно прокала. Очажный слой содержал включения

угольков, мелкие кальцинированные косточки, рядом с очагом расчищен развал сосуда. *Очаг 2* располагался близко от первого — в 1,5 м северо-западнее. Он — овальной формы, меньших размеров (0,8х1,3 м), толщиной до 15 см. В заполнении обнаружено очень много кальцинированных и слабо обожжённых косточек, фрагменты керамики, капли меди, обломок тигля. Под бурым очажным слоем находилась мощная линза ярко-оранжевого прокалённого песка. Остатки *очага 3* расчищены под толщей мешанного песка в юго-восточном секторе жилища. Его верхняя часть была снесена ещё до раскопок (в 2 м восточнее зафиксирована глубокая колея). Сохранилось пятно прокала — овальной формы, 0,4 х0,6 м, толщиной 3—4 см, с включениями угольков, косточек и глиняных черепков.

На полу жилого сооружения выявлено 5 аморфных ям, возможно, использовавшихся в каких-то хозяйственных целях. Одна из них находилась возле очага 2, две — в юго-западном секторе, ещё две — в северо-восточном. Ямы разных размеров — от 0,66х0,75 до 0,6х2,5 м, мелкие и сравнительно глубокие, в трёх из них найдены обломки глиняных сосудов.

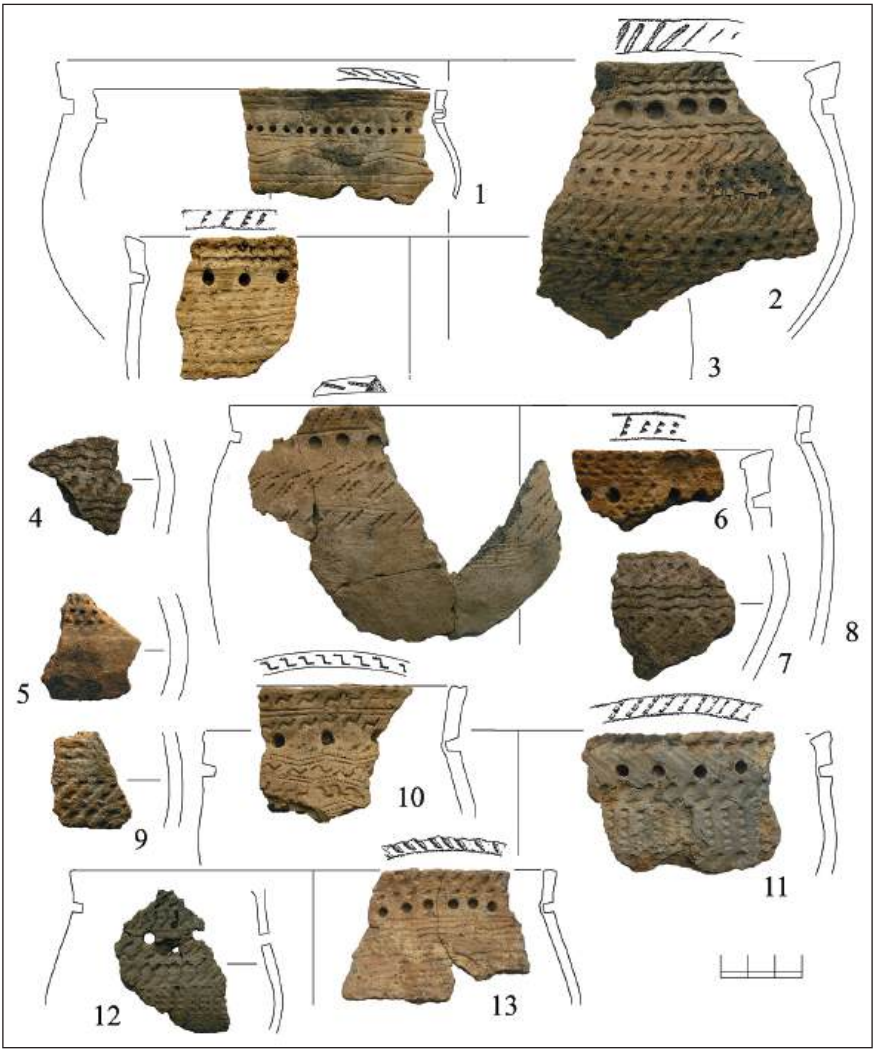
Допускаем, что в разрушенной части жилища имелись и другие хозяйственные углубления.

Не вполне ясно назначение серии глубоких (0,20—0,45 м) и узких (0,12—0,35 м) канавок, зафиксированных на материке после расчистки жилищных отложений. Какой-либо явной системы в их расположении не отмечено (ил. 2). Только три из них исследованы полностью. Канавка 2 — дл. 5,2 м и глуб. 0,3 м — начиналась под центральным очагом 1 и по пологой дуге тянулась к южной стене помещения. Две почти параллельные канавки пересекали под прямым углом западную границу жилища и продолжались в сторону рва. Остальные углубления оказались либо частично разрушенными, либо вошли в раскоп отдельными отрезками. По крайней мере, ещё две канавки, начинаясь в жилище, имели продолжение за его пределами. В заполнении канавок, приуроченных к участкам вблизи очагов, нередко попадались фрагменты керамики. Допускаем, что прорытые в полу жилища канавки могли выполнять дренажную функцию, но не исключаем и других вариантов их объяснения. Судя по тому, что в пристенной полосе сохранились значительные участки погребённого подзола, пол был здесь чем-то перекрыт.

К изложенным скудным данным о конструкции жилища и организации его внутреннего пространства, к сожалению, трудно ещё что-то добавить. Неизвестно, где проходили северная и восточная стены —

возможно, к северо-восточному углу постройки приурочена группа столбовых ям из уч. З–К/5–6. Непонятно, где находился проём для входа/выхода, как он был оформлен, какой была кровля и др. Что касается находок, то в основном они происходили из центральной части и предполагаемого северо-восточного сектора жилища. Особенно много их было в очаге 2 и поблизости от него.

Об устройстве и характере объектов, располагавшихся когда-то в восточной половине площадки городища, можно лишь догадываться.

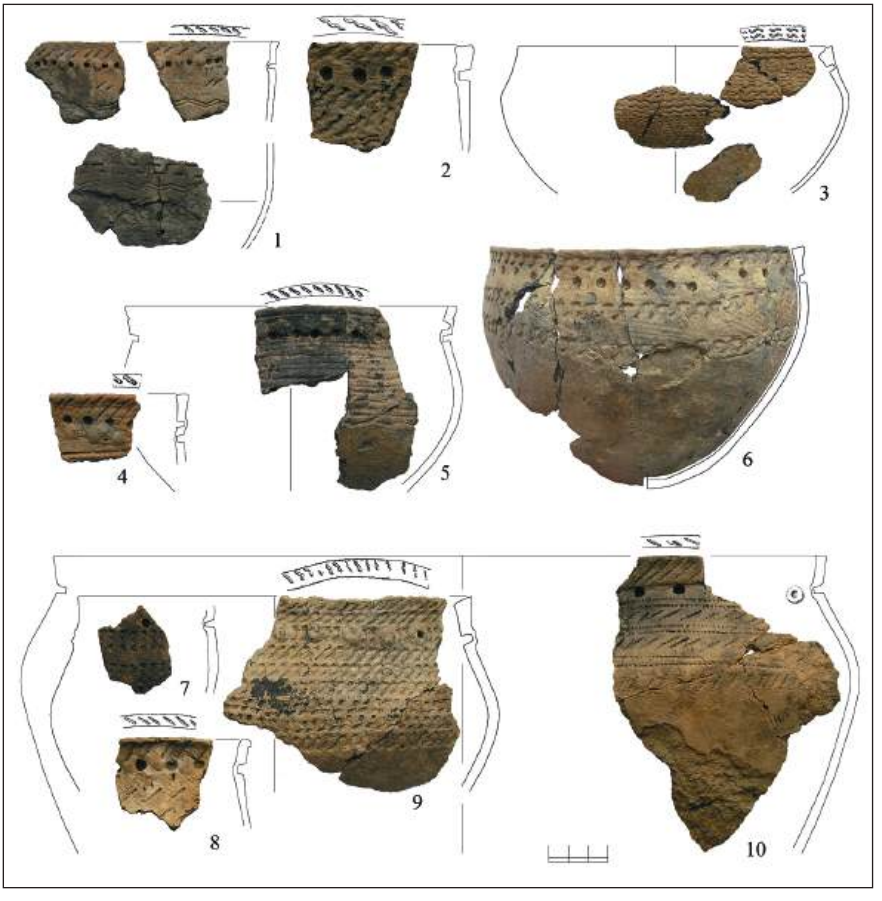

Ил. 6. **Городище Мильтонъяун 4.** Находки. *1–13 – керамика*

Не имея прямых доказательств, рискнем предположить, что с этой стороны к жилищу примыкала аналогичная постройка — наземная, крупная, каркасно-столбовая, с очагами, ямами и, что не вызывает сомнения, идентичным инвентарем.

Находки, полученные в процессе исследования памятника Мильтонъяун 4, включают обломки керамической посуды (свыше 570 ед.), сплески и капли меди (6 ед.), бронзовое изделие, фрагменты железных предметов (3 ед.), части глиняных тиглей (6 ед.), камни (7 ед.) и множество кальцинированных костей.

Керамический комплекс (ил. 5—7) образуют фрагменты более 20 сосудов. Из них только один реконструирован полностью, остальные представлены отдельными черепками. Выборка мала, но тем не менее,

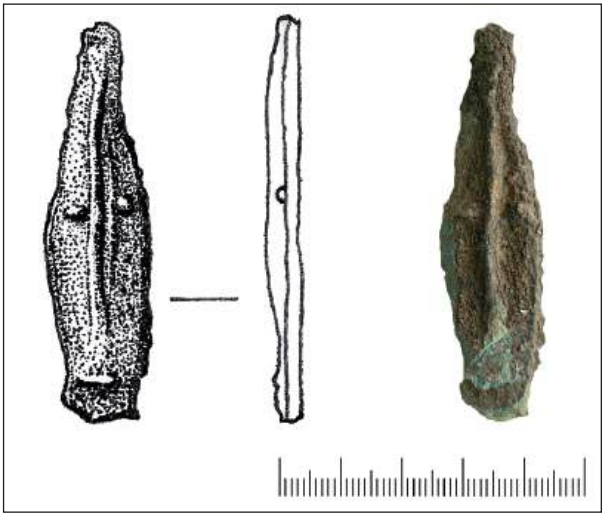
Ил. 7. **Городище Мильтонъяун 4.** Находки. *1—10 — керамика*

позволяет сделать вполне конкретное заключение о культурной принадлежности и относительной хронологии памятника. По целому ряду признаков — технологических, морфологических и декоративных — посуда городища Мильтонъяун 4 соответствует стандартам керамики сургутского варианта кулайской археологической культуры рубежа эр[2]. Её характеризуют:

- рыхлая фактура;
- примесь шамота и, возможно, песка и органики в формовочной массе;
- обработка поверхности зубчатым шпателем;
- широкое устье;
- выпуклое тулово;
- округлое дно;
- наличие у 2—3 ёмкостей высоких поддонов;
- плоский венчик (скошенный внутрь или горизонтальный, нередко с карнизиком);
- 100%-ная орнаментация верхней половины сосудов.

Начинаясь под срезом венчика, в подавляющем большинстве случаев (до 90%) также орнаментированным, узоры покрывают внешнюю поверхность сосудов до зоны максимального расширения или немного пускаются в придонную часть. Украшен и один из поддонов.

Узоры в основном плотные, монотонные, построены по горизонтально-ленточному принципу. Обязательным элементом композиций является поясок округлых ямочных вдавлений в приустьевой зоне и их негатив — выпуклые жемчужины — на внутренней стороне стенок (ил. 5—7). Иногда ямки чередуются с приплюснутыми жемчужинами, у двух

Ил. 8. **Городище Мильтонъяун 4.** Антропоморфная личина. *Бронза*

экземпляров разделительный поясок состоит только из жемчужин. Плоскостные узоры выполнялись штампом — зубчатым, в виде уточки или птички, единично — змейковидным или гладким. Оттиски разных орнаментиров нередко встречаются на одном сосуде. Под венчиком, как правило, нанесены один или два ряда наклонных отпечатков, зона под ямочным пояском заполнена параллельными рядами из оттисков одного или разных штампов, чаще наклонных, реже — поставленных вертикально или образующих горизонтальные линии. В некоторых композициях присутствуют зигзаговые мотивы.

На ряде сосудов отмечены пятна нагара.

В жилище 1 найдена бронзовая «остроголовая»[3] *личина*, отлитая в односторонней форме (ил. 8). Её выс. — 44 мм, шир. — 11 мм, толщина — 3,0—3,5 мм. Нос обозначен узким вертикальным рельефным валиком, начинающимся от верхнего края личины, глаза — выпуклыми точками, рот — рельефным коротким поперечным отрезком. Подобные находки на памятниках кулайской культуры далеко не единичны.

Железные предметы представлены мелкими обломками пластинчатых изделий и фрагментом четырёхгранного стержня.

Среди *камней* выделяются обломок гальки серого кварцита, использовавшийся в качестве отбойника, фрагмент абразива и скол гальки (глинистый сланец?) без вторичной подработки и следов использования[4].

Археозоологические остатки представлены сильно раздробленными костями животных, птиц и рыб, большей частью кальцинированными (свыше 900 ед.). Костный материал в основном приурочен к очагам 1 и 2 наземной постройки 1. Из общей массы костей, подвергшихся анализу, удалось определить кости северного оленя (более 55 ед.), бобра (2 ед.), рыб (4 ед., две из них от щуки) и птиц (2 ед.)[5]. Остальные кости не удалось определить до вида, но они определённо принадлежат млекопитающим.

Суммируя результаты раскопок и анализа вещевого инвентаря, можно следующим образом охарактеризовать исследованный памятник: Мильтонъяун 4 — это береговое одноплощадочное городище общей площадью более 850 кв. м, овально-подпрямоугольной формы, предположительно с двумя наземными крупными (120—130 кв. м) прямоугольными жилыми постройками каркасно-столбовой конструкции, в которых находились напольные очаги, хозяйственные углубления, нары вдоль стен(?). Городище относится к кругу памятников кулайской культуры в её сургутском варианте и предварительно датируется кон. I тыс. до н. э. — нач. I тыс. н. э.

Подобных укреплённых поселений в Сургутском Приобье немало[6]. При всей своей ординарности городище Мильтонъяун 4 приобрело одну особенность — это едва ли не единственный в регионе памятник, на котором по объективным причинам изучена большая часть оборонительного рва и в минимальном объёме — внутренняя площадка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Морозов В.М.** Отчёт о НИР: Археологическое обследование участков ОАО «Сургутнефтегаз», отводимых под промышленное освоение в центральной части Сургутского района ХМАО — Югры в 2007 г. — Екатеринбург, 2008. — Архив КА УрГУ. — Ф. II. С. 61, 62.

[2] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 2002. — 2-е изд. — С. 40—44; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки истории Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 84—86.

[3] **Чемякин Ю.П.** Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: УрГУ, 2002. — Вып. 24. — С. 231.

[4] Коллекция каменных предметов просмотрена канд. ист. наук Л.Л. Косинской (ПНИАЛ УрГУ), за что мы ей очень признательны.

[5] Археозоологические определения выполнены канд. биол. наук П.А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных УрО РАН).

[6] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки истории Сургутского Приобья... — С. 79—81.

Городище Островное – культовый памятник раннего железного века?

С.А. Терёхин
г. Томск
Томский государственный университет

Городище Островное расположено на территории Советского р-на ХМАО – Югры: примерно в 56 км южнее г. Советского и в 1,75 км в том же направлении от оз. Круглого, в 0,75 км к востоку – северо-востоку от научного стационара природного парка «Кондинские озёра», на юго-восточной оконечности поросшего сосновым лесом останца, среди заболоченной равнины левобережья р. Ах.

Памятник был выявлен автором статьи в 2006 г.

Ландшафт, фрагментом которого является останец, представляет собой поверхность водораздела аккумулятивного участка долинной части верховий р. Конды. Он отличается сравнительно плоским рельефом, нарушаемым системами прирусловых валов и гряд. Относительные превышения составляют 8–12 м. Заболоченная равнина вокруг останца относится к склоновой морфоструктуре, для которой характерна система древней гидрографической сети (так называемые травяно-болотные реки и озёра).

Возникновение городища на останце среди болота могло быть связано с прохождением в этих местах торгового пути к рекам Конде, Иртышу и Обскому бассейну в целом. В нач. XX в. А.А. Дунин-Горкавич отмечал, что вся эта территория когда-то входила в состав исторически сложившейся узловой транспортной речной системы сообщения между северными, южными, западными и восточными территориями[1].

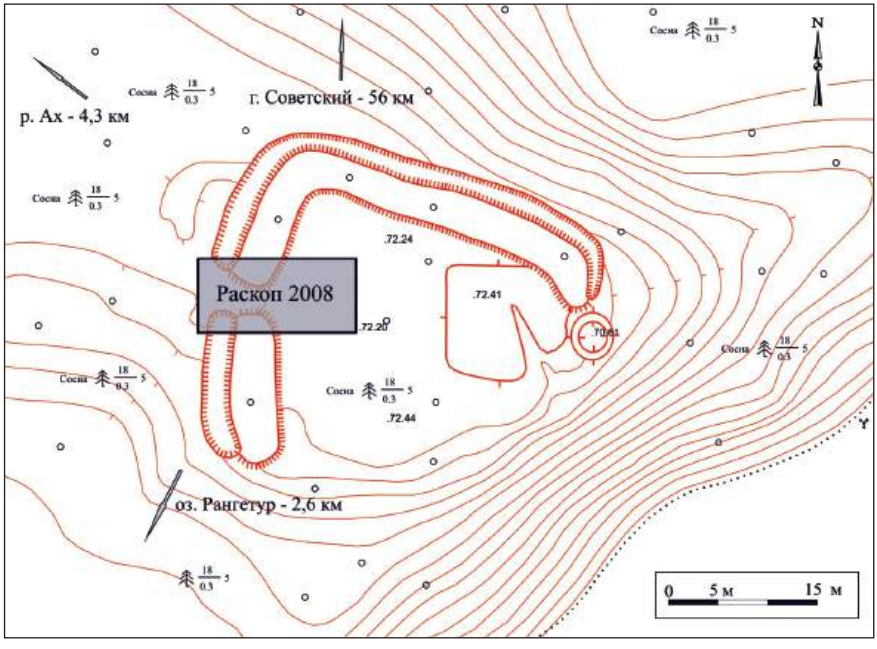
Топография памятника и раскопа

Городище находится на мысовидном выступе останца, имеющего с востока и юга крутые склоны, а с севера – более пологий. На территории памятника растёт густой невысокий сосновый лес, появившийся после прошедшего здесь около 15 лет назад пожара (ил. 1).

Система фортификации городища незамкнутая, одинарная, представлена рвом и валом (ил. 2). Вал и ров оконтуривают площадку

Ил. 1. **Городище Островное.** Общий вид на останец. Снято с северо-востока

Ил. 2. **Городище Островное.** План

городища с севера (со стороны пологого склона) и запада (с напольной стороны). С западной стороны вал и ров разрезаны выездом с площадки городища. С юга и юго-востока закрытая площадка не защищена фортификационными сооружениями. Вероятно, необходимую защиту выполнял крутой склон останца. Высота последнего здесь достигает 12–13 м.

Параметры вала: ширина – 4,5–5,0 м, высота – 0,5–0,7 м. Размеры рва: ширина – 2,5–3,0 м, глубина – 0,5–0,6 м. Ширина выезда из городища – 3,0–4,5 м.

На площадке городища фиксируется один объект, расположенный в западной части. Это приподнятая площадка подпрямоугольной формы, размерами 12,0х11,5 м, высотой 0,10–0,15 м. У юго-восточного окончания фортификационных сооружений имеется западина округлой формы с обваловкой (возможно, позднего происхождения). Её диаметр – 3,0 м, глубина – 0,8 м. Обваловка: ширина – ок. 1,5 м, высота – 0,2–0,3 м.

В 2008 г. на городище были проведены рекогносцировочные раскопки с целью определения его культурно-хронологической принадлежности. Раскопом в западной части памятника были накрыты визуально фиксируемые объекты оборонительной системы (вал и ров), выезд из городища и часть внутренней площадки (ил. 2, 3). Выбор участка под раскоп определялся с учётом получения максимально полной характеристики стратиграфии, остатков сооружений и иных археологических объектов.

Площадь раскопа составила 96 кв. м.

Стратиграфия и планиграфия

Стратиграфия раскопа представляла следующую картину (ил. 4):

– дёрн – 0,02–0,04 м;
– серовато-белый песок – 0,18–0,40 м;
– супесь с включением обломочного материала (галька).

После снятия дёрна было вскрыто два горизонта по 0,15–0,20 м. Общая глубина раскопа составила 0,40–0,45 м. Культурный слой как отдельная стратиграфическая составляющая выявлен не был. Раскоп включал естественные почвенные слои. Исключение составила лишь насыпь светло-коричневого цвета, мощностью до 0,8 м, сформировавшая вал.

Во рву под слоем лесной подстилки фиксировался слой светло-серого песка мощностью 0,15–0,18 м.

Ил. 3. **Городище Островное.** Раскоп. Снято с запада

Ил. 4. **Городище Островное.** Профиль восточной стенки раскопа. Сн. с запада

В пределах раскопа до начала вскрытия горизонтов визуально фиксировались вал, ров и выезд с площадки городища, размыкавший вал и ров.

После выборки горизонтов определилось, что мощность насыпи вала составила ок. 0,45 м. Грунт, её слагающий, имеет однородный светло-коричневый цвет. В тело вала были включены положенные штабелем вдоль направления вала обугленные брёвна (в количестве, возможно, до 22–23 штук). После снятия первого горизонта они проявились угольным слоем, шириной ок. 1,75–2,70 м. Напротив выхода с площадки городища углистый слой прерывался на ширину ок. 1,3 м. Мощность угольного слоя составила 0,3–0,4 м.

Ни под брёвнами, ни над ними следов укреплений (частокола и пр.) выявлено не было. Под насыпью вала со стороны площадки на уровне второго горизонта оконтурилось пятно размерами 0,5х0,8 м, ориентированное по линии северо-запад – юго-восток и заполненное пестроцветным серовато-коричневым песком. Под пятном обнаружилась яма, в заполнении которой присутствовало 123 бессистемно распределённых фрагмента керамики.

После зачистки второго горизонта в юго-западном секторе раскопа оконтурились 3 пятна. Они имели округлые очертания диаметрами от 0,18 м до 0,20 м и были заполнены тёмно-серой супесью с вкраплениями мелких фракций угля. Два пятна (№ 1 и 2) были приурочены к краям угольных слоёв, смыкавшихся у края выезда из городища. Третье пятно (№ 3) отстояло к северу от пятна № 2 на 0,4 м. Глубина пятен – в пределах 0,15–0,20 м. Из этого можно заключить, что они представляли собою ямки для фиксации столбов, связанных с конструкцией ворот.

Мощность заполнения рва определилась в пределах 0,18–0,22 м. При выборке заполнения рва находок обнаружено не было.

Выезд из городища представлял собой нетронутую часть материкового слоя, не осложненного дополнительными включениями.

Находки

Коллекция, сформированная раскопками, включает 127 фрагментов керамики.

Сосуды имели горшковидную форму с хорошо профилированной шейкой. Венчики сосудов прямые. Днища, возможно, имели поддоны (об этом свидетельствует один фрагмент, имеющий характерную форму).

Орнамент присутствует лишь на 18 фрагментах венчиков минимум двух сосудов и представлен двумя рядами «жемчужника» вдоль среза венчика, который украшен косопоставленной гребёнкой. Ниже «жемчужника» имеется гребенчатый орнамент, состоящий из двух горизонтальных рядов оттисков косопоставленной гребёнки.

По характеру орнамента и форме сосудов керамический материал может быть датирован ранним железным веком. Л.А. Чиндина относит эту керамику к 4-й группе раннекулайской керамики[2]. К этому времени предварительно может быть отнесён и исследуемый памятник.

Культурно-хронологическая и типологическая принадлежность

Согласно полученным в ходе раскопок материалам можно сделать предварительный вывод о том, что городище Островное датируется эпохой раннего железного века и представляет собой площадку в окружении вала и рва, не имевших фортификационного назначения. Об этом свидетельствует отсутствие каких-либо конструкций или укреплений выше и ниже штабеля сожжённых брёвен. Складывается впечатление, что строительство фортификационных сооружений ограничилось укладкой по контуру будущей закрытой площадки штабеля брёвен, которые в процессе сожжения были засыпаны выбросом из рва.

Интересным моментом является и то, что на внутренней площадке городища в пределах раскопа не был зафиксирован культурный слой.

Исходя из всего этого, можно сделать предварительный вывод о том, что памятник имел, скорее всего, культовое назначение. А оборонительные сооружения (вал и ров) представляли собою освящённую огнём культовую конструкцию, оконтуривавшую сакральное пространство.

Полученные материалы существенно дополняют наши представления об облике, назначении и конструкции укреплённых мест.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Дунин-Горкавич А.А.** Тобольский Север: В 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. — СПб., 1904. — С. 29—52; **Дунин-Горкавич А.А.** Тобольский Север: В 3 т. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. — Тобольск, 1910. — С. 284.

[2] **Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — С. 86—87.

Аварийные археологические раскопки городища Нехсап 1 в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2007 г.

С.В. Александров
г. Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
П.В. Пальянов
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»

Проведению аварийных исследований городища предшествовал ряд событий, включающий его выявление, первичную фиксацию и картографирование, а также разрушение в процессе несанкционированного строительства. Городище Нехсап 1 было обнаружено в 2005 г. археологической экспедицией ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством С.А. Мызникова, проводившей мониторинговые археологические работы на объектах культурного наследия на территории Среднеугутского и Угутского месторождений[1]. Основная задача группы состояла в обнаружении новых объектов культурного наследия, а также в идентификации и обследовании ранее известных, их картографировании с помощью системы глобального позиционирования.

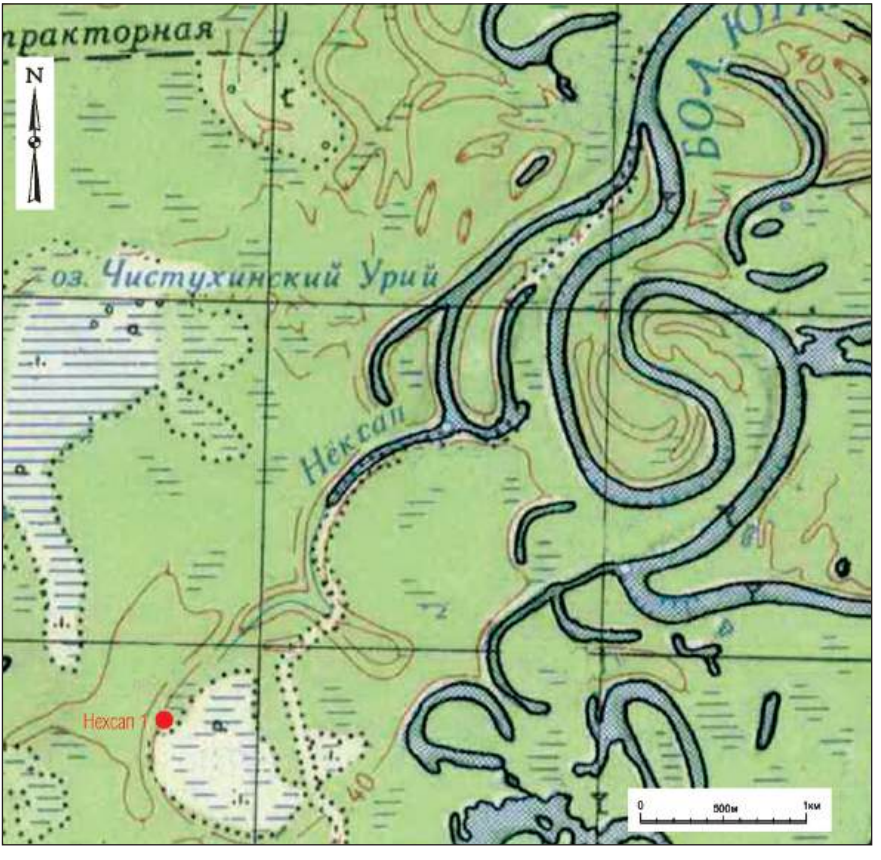
Результаты работ – информация о выявленных археологических памятниках – были переданы заказчику работ (компании ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз») и в государственный орган охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры (тогда он назывался Службой главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия ХМАО – Югры).

Детальное обследование и геодезическую съемку на выявленных в 2005 г. памятниках археологии, в том числе и городищах Нехсап 1 и Нехсап 2, предполагалось провести позже. В 2007 г. исследовательской группой ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством О.В. Кардаша на территории Среднеугутского месторождения проводились археолого-геодезические работы. При обследовании городищ Нехсап 1 и Нехсап 2 были обнаружены значительные разрушения памятников в результате несанкционированной прокладки дороги в ходе обустройства куста скважин № 13[2].

В связи с вскрывшимся фактом разрушения объекта археологического наследия была сформирована комиссия из представителей Службы главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия ХМАО – Югры, ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз» и ООО «НПО «Северная археология – 1». Выехав на место, комиссия своим актом констатировала факт полного разрушения городища Нехсап 2 и значительных (более 50 % площади) утрат городища Нехсап 1. Следующим шагом стало совещание, в ходе которого появилось решение о незамедлительных аварийных раскопках уцелевшей части памятника.

* * *

Городище Нехсап 1 находится в Сургутском р-не ХМАО – Югры, в 7 км юго-западнее п. Угут. Оно располагается на коренной террасе

Ил. 1. **Городище Нехсап 1.** Место расположения

левобережья р. Большой Юган, достигающей высоты ок. 20 м. В настоящее время русло указанного водотока находится в 2,5—3,0 км восточнее городища, а вдоль подножия коренного берега протекает небольшой ручей Нехсап, берущий своё начало в болоте и впадающий в оз. Чистухинский Урий, которое, в свою очередь, имеет выход в р. Большой Юган (ил. 1).

Аварийные раскопки были проведены на площади 528 кв. м.

До их начала сохранившаяся часть памятника представляла собой крайний северный участок оборонительной системы городища (внешний вал — ров — внутренний вал) и остатки жилой площадки.

В ходе проведения раскопочных работ на городище Нехсап 1 в 2007 г. были полностью исследованы и раскопаны следующие уцелевшие части городища: внешний вал, ров, оборонительно-жилой комплекс (внутренний вал и жилая площадка). На жилой площадке раскопан котлован небольшой постройки. За пределами жилой зоны, на оконечности внешнего вала городища было обнаружено и исследовано ритуально-культовое место, относящееся к городищу[3].

Оборонительная система

Внешний вал (ил. 2)**.** Сохранившийся участок внешнего вала, дугообразной в плане формы, имел длину 25 м, ширину — 6—7 м. Его максимальная высота от современной дневной поверхности достигала 1,1 м. Северо-восточный край вала примыкал к спуску террасы. В ходе зачистки поверхности вала на северо-западном участке были найдены отдельные фрагменты керамики и куски обожжённой глины. На крайнем северо-восточном участке вала, в месте его примыкания к спуску террасы была зафиксирована локальная концентрация керамики. На сравнительно небольшой площади (6х4 м) было найдено более 600 фрагментов разных сосудов и ок. 50 кусков ошлакованной и обожжённой глины. Этот участок был интерпретирован как ритуально-культовое место, относящееся к городищу.

Профили вала на бровках позволили достаточно подробно проследить песчаную структуру насыпи, которая в обобщённом виде представляла собой наслоения переотложенного материкового песка, выбранного при откопке рва городища. Насыпь вала и древняя дневная поверхность чётко разделялись углистой прослойкой, лежавшей поверх погребённого подзола. Граница прерывания углистой прослойки фиксировала наружный край внешнего вала городища. Внутренний край внешнего вала совпадает с верхней границей рва и фиксируется наличием погребённого подзола.

Ил. 2. **Городище Нехсап 1.** Оборонительная система. Внешний вал. Наружная граница вала фиксируется погребённым подзолом. Снято с северо-востока

Ил. 3. **Городище Нехсап 1.** Ритуально-культовое место на северо-восточной оконечности внешнего вала. Снято с Ю

В процессе зачистки слоя погребённого подзола под насыпью внешнего вала в углистом слое были зафиксированы остатки горелых брёвен. Обнаруженные бревна сохранились в виде тонких, расплющенных по погребённому подзолу, горелых плах толщиной 0,01—0,02 м. Сохранившиеся части брёвен уложены торцами в сторону рва. В северной части раскопа зафиксировано одно бревно, лежавшее по линии наружной границы вала. Из-за сильной фрагментации и небольшого количества древесных останков, зафиксированных под внешним валом городища, их интерпретация довольно условна:

— возможно, это остатки бревенчатых клетей, лежавших в основании песчаного вала;

— погребённые под насыпью фортификационных сооружений брёвна могут быть стволами деревьев, которые были свалены строителями городища во время инженерной подготовки площадки перед строительством.

В пользу предположения об инженерной подготовке перед строительством указывает наличие под валом древних «выворотней», фиксируемых в виде жёлтых пятен округлой формы диаметрами 1,0 и 1,5 м. Ямы-«выворотни» являются прямым свидетельством предварительной раскорчёвки территории перед постройкой городища.

Ритуально-культовое место на северо-восточной оконечности внешнего вала (ил. 3). В процессе зачистки поверхности северо-восточной оконечности вала на глубине 0,05—0,12 м от современной дневной поверхности были обнаружены многочисленные фрагменты керамики, практически полностью покрывавшие поверхность вала. На небольшой площади размером 6х4 м поверхность вала была буквально усеяна фрагментами глиняной посуды.

Кроме керамики, на поверхности вала в центре сосредоточения керамики на глубине 0,13—0,18 м от современной дневной поверхности были найдены костяная ложечка (ил. 8) и череп оленя.

Количество найденных артефактов на ограниченном пространстве, наличие специфических предметов, используемых в культовой практике (ложечка, череп оленя), позволяют выделить и интерпретировать рассматриваемый участок как ритуально-культовое место на территории городища.

Ров (ил. 4) начинался от склона террасы и когда-то прикрывал жилую площадку городища со стороны леса. Сохранившийся участок рва длиной 23 м до начала раскопок имел ширину 3,0—3,5 м и глубину 1,2 м от современной поверхности. В плане он — дугообразной формы. Верхняя граница рва фиксировалась прерыванием погребён-

Ил. 4. **Городище Нехсап 1.** Оборонительная система. Ров после выборки оплывших почвенных слоёв. Снято с юго-запада

Ил. 5. **Городище Нехсап 1.** Оборонительная система и жилая площадка. Разрез внутреннего вала и котлована постройки. Снято с юго-востока

ного подзола. Верхние края, борта и сама форма рва со временем в процессе разрушения сильно трансформировались. Почвенные слои в значительной степени «съехали» и наклонились внутрь рва. Борта стенок рва под воздействием масс земли выгнулись внутрь вала. По низу вала наблюдались разрушения, связанные с гидроэрозией.

Первоначально ров в сечении имел трапециевидную форму. Фиксируемая ширина рва по верху 3,0—3,5 м, ширина рва по низу 0,5—0,6 м, глубина от верха горизонтально лежащих слоёв погребённого подзола — 3,0 м.

Подновлений и следов прочистки рва в профилях отмечено не было.

Внутренний вал (ил. 5)**.** Поверхность оборонительно-жилого комплекса городища существенно повреждена бульдозерными рытвинами, рельефно выраженные остатки построек отсутствовали, за исключением остатков внутреннего вала, лежавшего вдоль северо-западного края площадки городища. Длина вала — 6,5 м, ширина — 2,5—2,7 м, высота — 0,8 м. Наружная граница вала совпадает с верхним краем рва и фиксируется прерыванием погребённого подзола. Внутренняя граница вала в плане отбивалась линией прерывания культурного горизонта и чётко фиксировалась на бровках. В ходе стратиграфических и планиграфических наблюдений при исследованиях внутреннего вала городища следов каких-либо деревянных конструкций (за исключением остатков брёвен, идентичных зафиксированным под внешним валом) не отмечено. И это позволяет сделать вывод о том, что внутренний вал городища выполнял функцию оборонительно-стеновой конструкции.

Жилая площадка

Котлован постройки (ил. 6) имеет прямоугольную форму размерами 2,8х2,0 м и глубину от верха погребённого подзола 0,20 м. Длинной стороной он ориентирован по линии юго-запад — северо-восток. Вход в постройку находился с юго-западной стороны и представлял собой небольших размеров коридор, прокопанный в погребённом подзоле. Коридор входа смещён от продольной оси котлована к югу и практически примыкал к южному углу котлована. Его длина — 1,50 м, ширина — 0,75 м, глубина от верха погребённого подзола — 0,16—0,17 м.

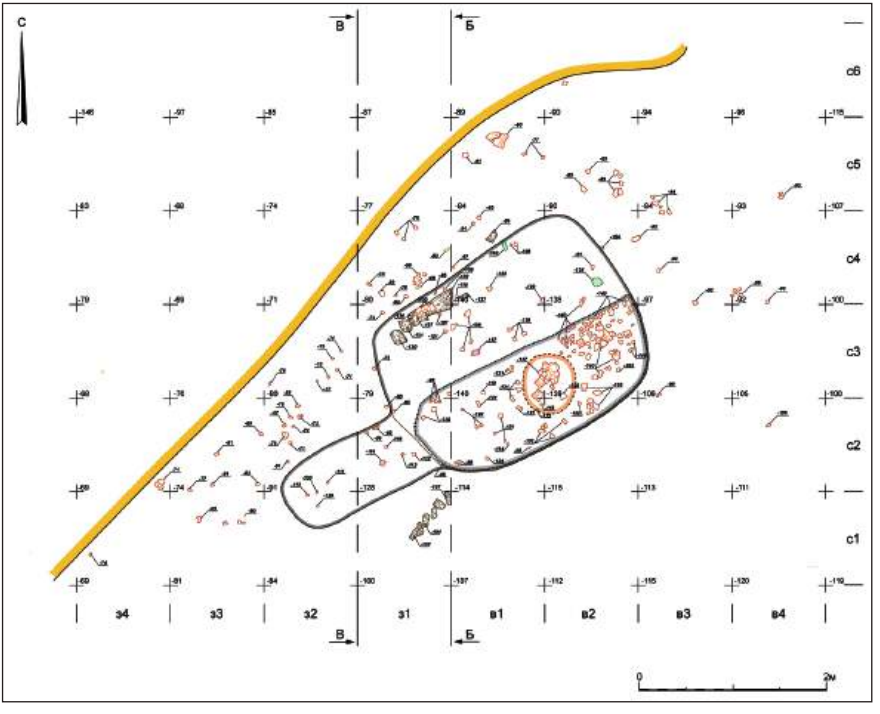
В северо-западном углу на дне котлована постройки сохранились остатки дерева. Одна деревянная плаха лежала вдоль северо-западного борта котлована, остатки от трёх бревен — поперёк него. Вдоль южного борта была зафиксирована широкая полоса углистой земли чёрного и тёмно-серого цветов мощностью 0,02—0,03 м. Четко выраженная граница

слоя делила дно котлована на две практически равные части. В северной половине котлована материк был перекрыт тонким слоем коричнево-серого цвета, не превышавшего 0,01 м, — это «пол» постройки.

В северной половине котлована по зачищенному полу были найдены отдельные небольшие скопления фрагментов керамики. Многочисленные находки отдельных фрагментов разных сосудов зафиксированы также поверх и в толще углистого слоя, а в его центральной части находился развал целого глиняного горшка (ил. 6, 7). Рядом чуть восточнее лежал развал ещё одного керамического сосуда.

В центре слоя углистого слоя под развалом сосуда фиксировалось округлое пятно буро-жёлтого цвета размером 0,6х0,5м. Под ним материковое дно котлована несло поверхностные следы прокала мощностью до 0,01 м.

Отсутствие каких-либо иных объектов рядом с пятном и незначительная мощность прокала дают основание предположить, что различие цвета в центре и на периферии углистого слоя обусловлено естествен-

Ил. 6. **Городище Нехсап 1.** Жилая площадка. План постройки, совмещённый с планом находок

ными причинами — неравномерным и разнотемпературным выгоранием деревянных конструкций постройки. Судя по углистому слою внутри котлована, постройка сгорела во время пожара. Возможно, что в целом горшке, найденном в центре пятна, было какое-то горючее вещество, стимулирующее процесс горения (предположим, животный жир).

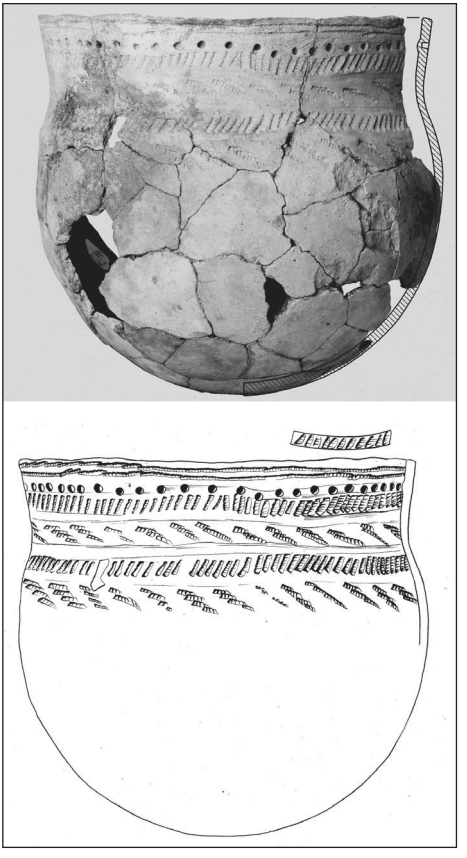
Находки

В результате раскопок сформирована коллекция находок в количестве 1567 ед. Её основа — фрагменты керамических сосудов (1563 ед). Кроме них, имеются находки из камня и куски обожжённой ошлакованной глины. Единственная индивидуальная находка — костяная ложка (ил. 8).

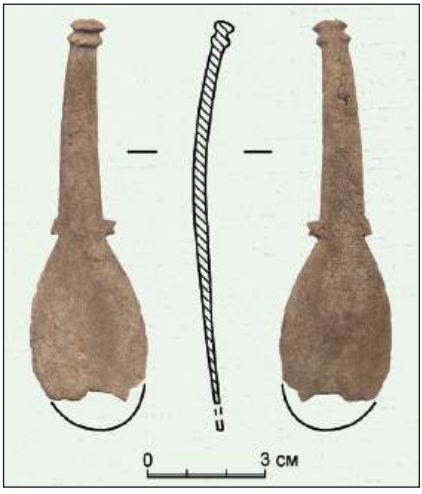
Размеры обломков керамики варьируются от очень мелких (менее 1 кв. см) до крупных (15х8 см). Имеются компактные развалы четырёх сосудов (ил. 7).

Форма сосудов: слабо профилированная шейка, прямой либо чуть отогнутый наружу венчик, круглое днище.

Судя по найденным орнаментированным венчикам и стенкам, керамическая посуда имела общий декоративный принцип. Венчики сосудов были прямыми либо чуть скошенными наружу, закруглёнными по обрезу и орнаментированными зубчатым штампом. По верху располагался пояс ямочных вдавлений. Выделенная шейка горшков украшалась горизонтальным рядом наклонных оттисков отступающего зубчатого или плоского штампа. Эти ряды чередовались с желобками. Внизу орнаментальная зона украшалась разного вида фестонами.

Ил. 7. **Городище Нехсап 1.** Постройка. Керамический сосуд (фото и графическая реконструкция)

Ил. 8. **Городище Нехсап 1.** Ритуально-культовая площадка. Костяная «ложечка»

Судя по облику найденной керамики, городище Нехсап I относится к кучиминскому этапу обь-иртышской культурно-исторической общности[4] или к кучиминской культуре[5], хронологически соотносимыми с VII—IX вв.

Единственная индивидуальная находка — целая костяная ложечка — зафиксирована на северо-восточной оконечности внешнего вала городища, на ритуально-культовом месте (ил. 8). Ложечка плоская, её длина — 10,5 см. Широкий плоский черпак ложки отделён от ручки двумя выступами (своеобразная гарда). Рукоятка имеет завершение в виде двухъярусного утолщения.

Там же, на ритуально-культовом месте городища, неподалеку от ложечки был найден череп оленя.

Анализ материала и стратиграфия указывают на однослойность городища Нехсап 1.

Радиоуглеродная датировка по образцам из раскопа дала дату кон. VI — сер. VII в. Это отчасти не соответствует принятой на сегодня хронологии Средневековья Северо-Западной Сибири. Возможно, в дальнейшем материалы городища Нехсап 1 позволят внести коррективы в эту хронологию, в частности в даты кучиминского периода. И уже сегодня можно констатировать, что проведённые работы увеличили источниковую базу для реконструкции материальной культуры обитателей бассейна р. Большой Юган в эпоху Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Мызников С.А.** Отчёт о НИР: Историко-культурная экспертиза перспективных участков Среднеугутского и Угутского месторождений нефти. Сургутский район ХМАО — Югры, 2005 г. (Натурное обследование). — Нефтеюганск, 2005. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — № 162 НО. — С. 22—23.

[2] **Кардаш О.В.** Отчёт о НИР: Археологическая разведка в бассейне реки Большой Юган в Сургутском районе, в окрестностях юрт Когончиных Ханты-Мансийского

автономного округа летом 2007 г. — Нефтеюганск, 2008. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — № 215/1 НАУЧ. — С. 62—63.

[3] **Александров С.В.** Отчёт о НИР: Археологические раскопки городищ Нехсап 1 и Нехсап 2 в Сургутском районе ХМАО — Югры, на территории Средне-Угутского месторождения в 2007 г. — Нефтеюганск, 2008. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — № 223 НАУЧ. — 145 с.

[4] **Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 135—137.

[5] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — С. 51—57.

Раскопки средневекового селища Кучиминское XXXIXс в Сургутском районе ХМАО – Югры

Ю.П. Чемякин
г. Екатеринбург
Уральский государственный педагогический университет
Уральский государственный университет
А.В. Носкова
г. Сургут
Муниципальное автономное учреждение Сургутского района
«Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»

Селище Кучиминское XXXIXс было открыто Е.А. Куличковой в 2009 г. при дополнительном обследовании трассы нефтепровода «Усть-Балык – Нижневартовск», проводившемся в связи с реконструкцией последнего. Оно расположено в урочище Сайгатина, в 40,5 км западнее г. Сургута, на правом берегу р. Оби (Сургутский р-н ХМАО – Югры).

На памятнике визуально фиксировалась одна впадина с обваловкой. Она находилась в 240 м к северо-востоку от кромки правого берега обской протоки Большой Гнилой, достигавшего высоты ок. 1,5 м над уровнем воды (ил. 1), и в 4 м к юго-востоку от коридора действующих нефтепроводов. Не исключено, что здесь могли быть и другие объекты, уничтоженные при сооружении нефтепроводов. В половодье площадка селища нередко затопляется.

Исследования велись совместной экспедицией МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора», Уральского государственного педагогического университета и Уральского государственного университета под общим руководством А.В. Носковой. Раскопом площадью 256 кв. м была накрыта впадина с прилегающим к ней пространством (ил. 2).

Она имела подпрямоугольную форму. Размеры по внешнему краю обваловки достигали 11,5х8,5–9,5 м, по внутреннему – ок. 6,0х5,0 м. Глубина от окружающей поверхности – 30–40 см, высота обваловки – 15–25 см. Длинной осью впадина была ориентирована по линии север–северо-восток – юг–юго-запад. С восточной стороны в обваловке имелся разрыв шириной 0,6 м (вероятно, следы выхода). С северной стороны наблюдался выступ, образованный, по-видимому, выворотнями

Ил. 1. **Селища Кучиминское XXXIXс.** Протока Большая Гнилая напротив селища

Ил. 2. **Селище Кучиминское XXXIXс.** Вид на впадину после её расчистки. Снято с севера

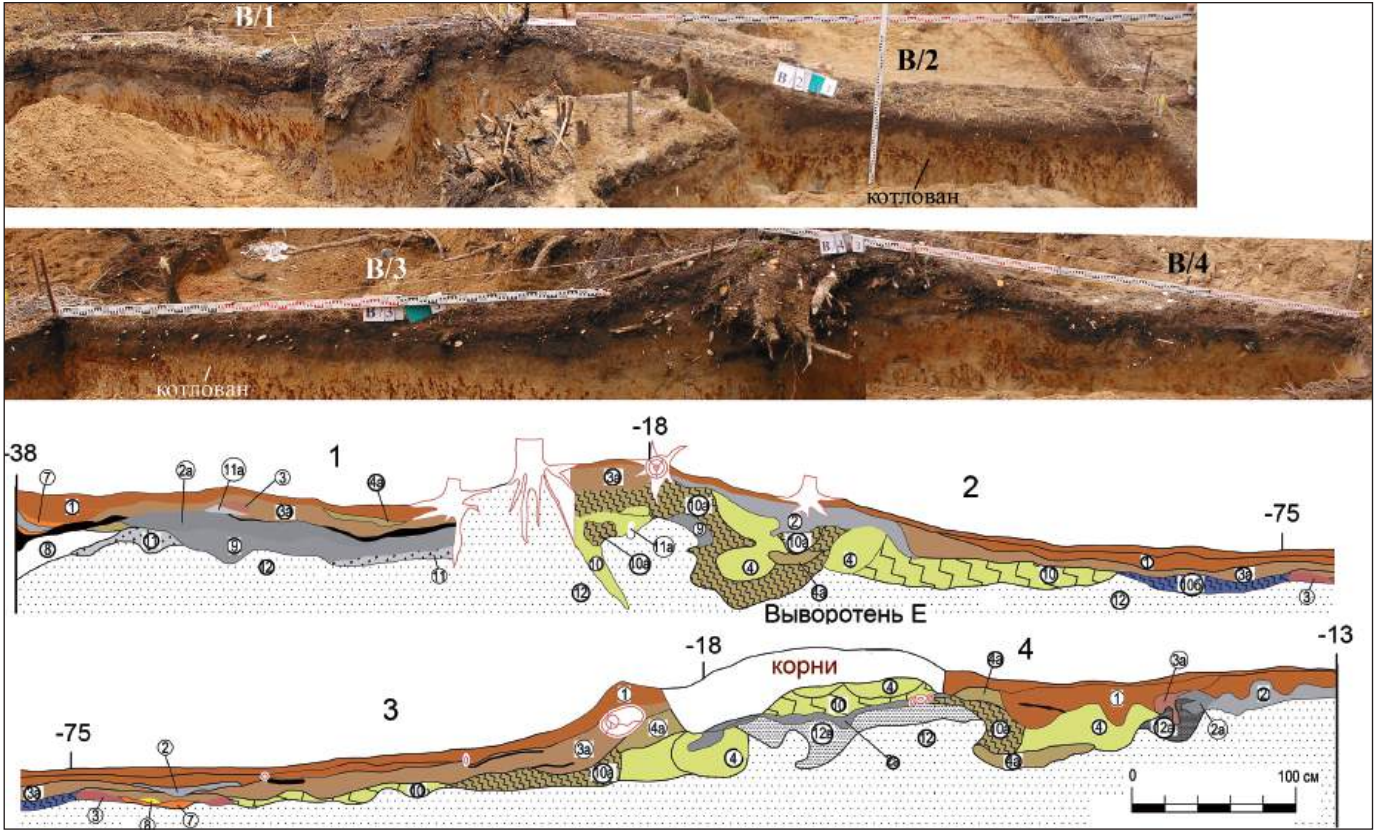
и корнями деревьев. В нём фиксировалось углубление диаметром ок. 1 м и глубиной 10—15 см. С северной и, в меньшей степени, южной сторон обваловка заросла соснами и берёзами, с восточной её покрывал кустарник (ивняк). Саму впадину пересекало упавшее большое дерево, частично уже задернованное. Его корни находились в юго-западном углу впадины. Крупные деревья росли и северо-восточнее объекта, а густой кустарник произрастал в южном и западном углах раскопа. В западный угол раскопа попала траншея, возникшая во время строительства нефтепровода.

В отличие от расположенных поблизости селища Кучиминское XXXVIIIс и могильника Сайгатинский IV, где верхние горизонты сложены песком, оподзоленным поверху (тип подзолистых почв), здесь — ближе к пойме протоки Большой Гнилой — появляется супесь с большим содержанием марганцево-железистых включений (тип дерново-луговых частично оглеенных почв), активно образовывавшихся в результате постоянного затопления местности во время весенних половодий. Как следует из названия, залегающий на поверхности частично оторфованный органогенный горизонт (А) изо мхов и растительного опада сменяется гумусовым горизонтом, содержащим значительное количество хорошо разложившихся органических остатков. Следующий, переходный к материнской породе горизонт (ВС) сложен песком и супесью жёлтого цвета разных оттенков (серо-жёлтого, жёлто-серого и др.). Этот горизонт пронизан ржавыми, охристыми пятнами, разводами, прожилками и т. п., а также прослойками ортзанда. Материнская порода (С) представляет собой жёлтый песок разных оттенков. Местами между горизонтами ВС и С прослеживался глеевый горизонт (G) в виде прослоек с сизоватым оттенком. Культурный слой сформировался в горизонтах А и ВС, причём выше основания (нижней границы) горизонта ВС. Частые затопления данного участка паводковыми водами привели к сильной ожелезнённости слоя, а также к просачиванию тёмных фракций из культурного слоя в подстилающий, материковый. Результатом этого явилось размывание границ древних объектов, что в ряде случаев затруднило определение нижней границы самого культурного слоя, в том числе за пределами постройки.

В ходе работ была выявлена следующая стратиграфия памятника (ил. 3):

1. Чёрно-коричневый, серо-чёрный, тёмно-серый дёрн с остатками корней трав и кустарника (от 2—3 над выворотнями до 10—20 см).

2. Серый, тёмно-серый, коричнево-серый и серо-коричневый песок

Ил. 3. **Селище Кучиминское XXXIXс.** Западные профили линии В (разрез через жилище)

(5—10 см) — слои под дёрном и культурные (оглеенные?) слои, в том числе на полу жилищ, в заполнении и на дне некоторых ям. Коричнево-серый слой по периметру жилища (у стен) достигал 20—25 см.

3. Серо-жёлтый, жёлто-серый песок (5—10 см, местами до 20 см) — прослойки в культурном слое, в том числе в ряде ям.

4. Серо-чёрный, чёрный (углистый) песок (1—5 см) — прослойки в культурном слое, в том числе над жилищем, в заполнении ряда ям и выворотней.

5. Светло-коричневая (жёлто-коричневая) супесь с включениями жжёных костей и угольков (до 13 см) — очажный слой.

6. Оранжевый, жёлто-оранжевый песок (прокал) (до 4—7 см).

7. Жёлтый, светло-жёлтый, светло-серый песок — прослойки в культурном слое.

8. Пестроцвет, в основном жёлто-серый, серо-жёлтый, иногда с коричневым оттенком (до 20—30 см), — прослойки и заполнение некоторых объектов (выворотней, ям и т. п.).

9. Светло-серый, сизовато-серый (глеевый) горизонт — прослойка в 3—5 см между переходным слоем ВС и материковой породой.

10. Белый, белёсый оподзоленный песок — подзол (2—5 см), встречен на некоторых участках раскопа.

11. Жёлтый, беловато-жёлтый песок, серо-жёлтый, жёлто-серый песок — материк.

Верхние напластования на участках, примыкавших к коридору нефтепроводов, представляли собой преимущественно переотложенные слои времён прокладки последних. По мере углубления в этих слоях обнаруживался современный мусор: стекло, пластиковые и стеклянные бутылки, арматура, керамзит и т. п. Кроме того, в раскопе на зачистках выявлено немало больших пятен пестроцвета, маркировавших ямы от упавших деревьев (выворотней). Время их возникновения самое разное — как до возникновения посёлка, так и после прекращения его существования. Эти пятна сильно исказили культурный слой, затруднив его понимание в некоторых местах.

Работы начались с разборки обваловки вокруг впадины, сложенной серо-жёлтым и жёлто-серым песком, чередовавшимся с пятнами бело-жёлто-серого пестроцвета, ортзандом и т. п. В местах понижений на обваловке сохранялся коричневый (оторфованный) и жёлто-коричневый слой.

В ходе работ выяснилось, что впадина осталась на месте древнего жилища. Последнее реконструируется как почти наземное, с углубленным на 35—40 см подквадратным котлованом со сторонами 5,8—7,0 (по линии север — юг) и 6,2—6,6 м (по линии запад — восток) (ил. 4, 5).

Судя по большому количеству керамики с внешней стороны котлована, под обваловкой вдоль западной стены тянулась неуглубленная часть постройки шириной 1,5—2,0 м. Более узкий (0,8—1,0 м) уступ имелся и вдоль южной стены. Таким образом, общий размер строения мог достигать 7,0—8,0х7,2—8,4 м. С западной стороны край котлована маркировался узкой (5—15 см) серой полосой, возникшей, как мы предполагаем, на месте стены. В центре постройки находился чуть углубленный (на 5—7 см) очаг овальной формы размерами 136х104 см и мощностью до 13 см, насыщенный мелкими фрагментами кальцинированных костей и керамикой. Мощность прокала под ним составляла 4 см.

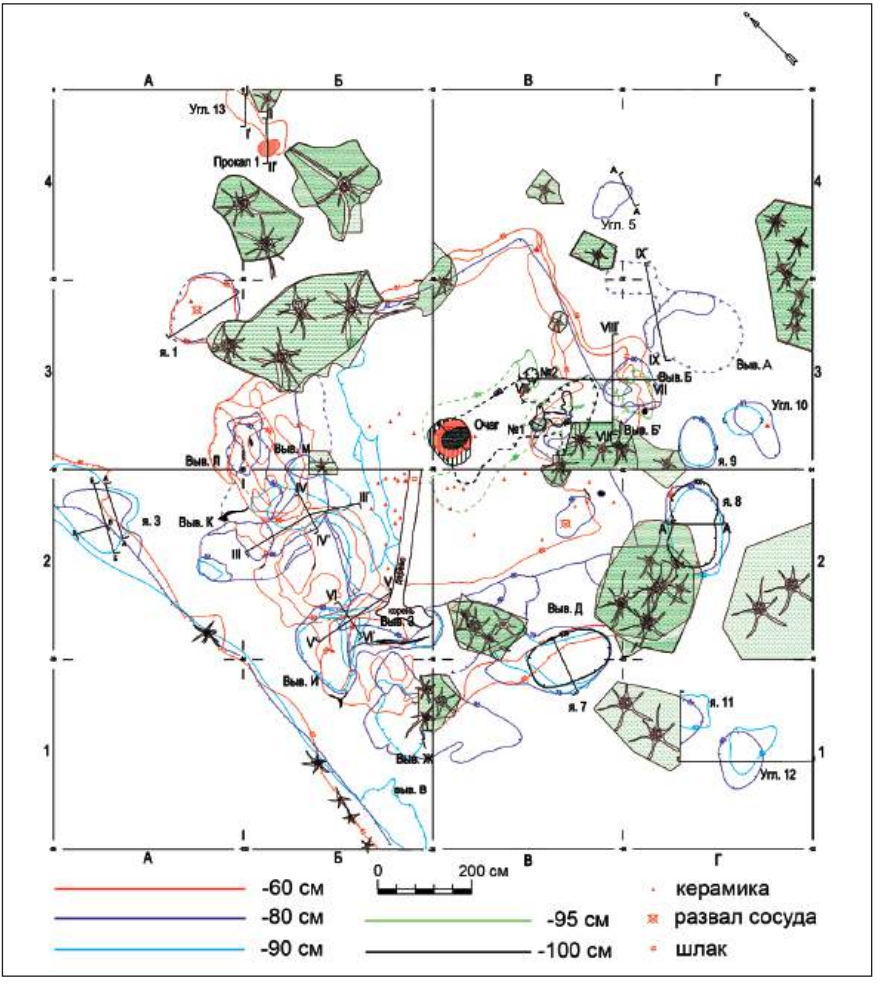
Выход, не прослеженный при раскопках, скорее всего, был устроен посередине восточной стены и мог иметь вид коридора (выворотни на этом месте не позволяют судить об этом уверенно). В пользу этого свидетельствуют две ямки от столбов диаметром ок. 25 см и глубиной чуть больше 20 см. Они находились внутри постройки на расстоянии 80 см друг от друга и в 120—170 см от линии стены, по обе стороны от подтреугольного выступа (выхода?), фиксировавшегося на глуб. —60 см и направленного в противоположную от центра сторону.

Мы не исключаем, что ещё один выход мог быть с противоположной (западной) стороны, где в обваловке наблюдались два понижения

Ил. 4. **Селище Кучиминское XXXIXс.** Жилище на глубине —60 см. Снято с востока — юго-востока

(прогиба). Но на их месте также возникли выворотни, не позволившие однозначно оценить ситуацию. Один из прогибов, напоминавший след от выхода, находился посередине западной стены. Он оказался связан с выворотнем. По мере понижения на его месте фиксировались сначала большие серо-жёлтые пестроцветные пятна (ил. 4), а затем выявились два частично оторфованных пятна. К одному из них со стороны постройки примыкала полоса серой супеси шириной 60—80 см, поворачивавшая почти под прямым углом к северу — северо-востоку. Эта полоса постепенно меняла окраску на пестроцветную (серо/жёл-

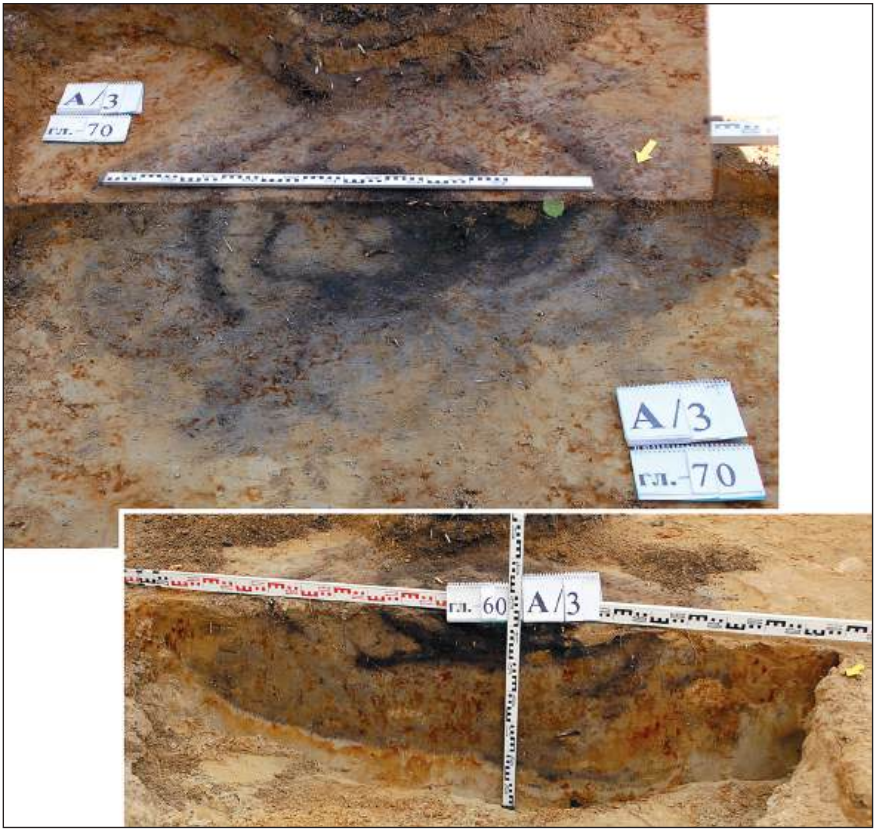

Ил. 5. **Селище Кучиминское XXXIXс.** Жилище. План

тую) и слабо отличалась от серо-жёлтого/жёлто-серого заполнения пристенного пространства жилища. Не исключено (судя по ровному горизонтальному дну, выраженному более тёмной серой прослойкой), что она была связана с конструкцией постройки (выход?), однако установить это однозначно из-за обилия выворотней не удалось.

С внешней стороны стены строения были присыпаны песком или, скорее, утеплены дерновыми «кирпичами». Стены могли быть наклонными, а постройка — в виде пирамиды или усечённой пирамиды. Косвенно об этом может свидетельствовать обваловка, обрушившаяся внутрь конструкции и перекрывшая пристенные участки. Пол постройки довольно ровный, с небольшим понижением к центру.

Снаружи выявлено несколько ям и углублений. По крайней мере, шесть из них имели антропогенный характер и возникли при строи-

Ил. 6. **Селище Кучиминское XXXIXс.** Околожилищное пространство. Яма 1 на глуб. —70 см. План и разрез. Снято с севера

тельстве или в период функционирования жилища (ил. 6). В некоторых из них найдена керамика. Остальные углубления могли быть естественными.

Полученная коллекция включает небольшие куски шлака, камни без визуально фиксируемых следов обработки, куски обожжённой глины, обломки глиняного тигля и пряслица и более чем 900 фрагментов сосудов. В дерновом слое найдены 2 зуба и часть верхней челюсти молодого телёнка. В очаге собрана коллекция примерно из 150 мелких раздробленных кальцинированных косточек, в том числе позвонков рыб. Среди них были определены фрагменты костей северного оленя, пушных зверей (таблица)[1].

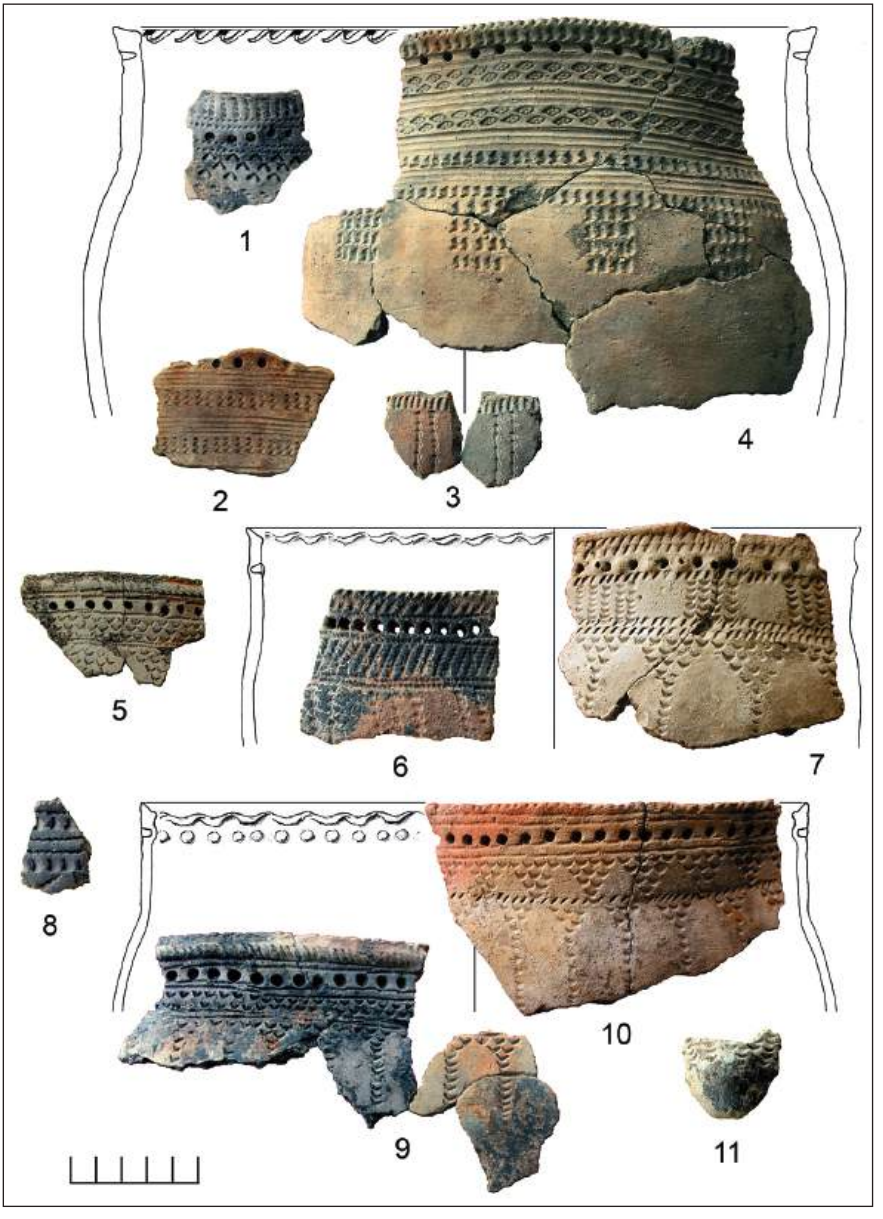
Таблица

Селище Кучиминское XXXIXс. Видовой состав и количество костных остатков животных из раскопок 2009 г.

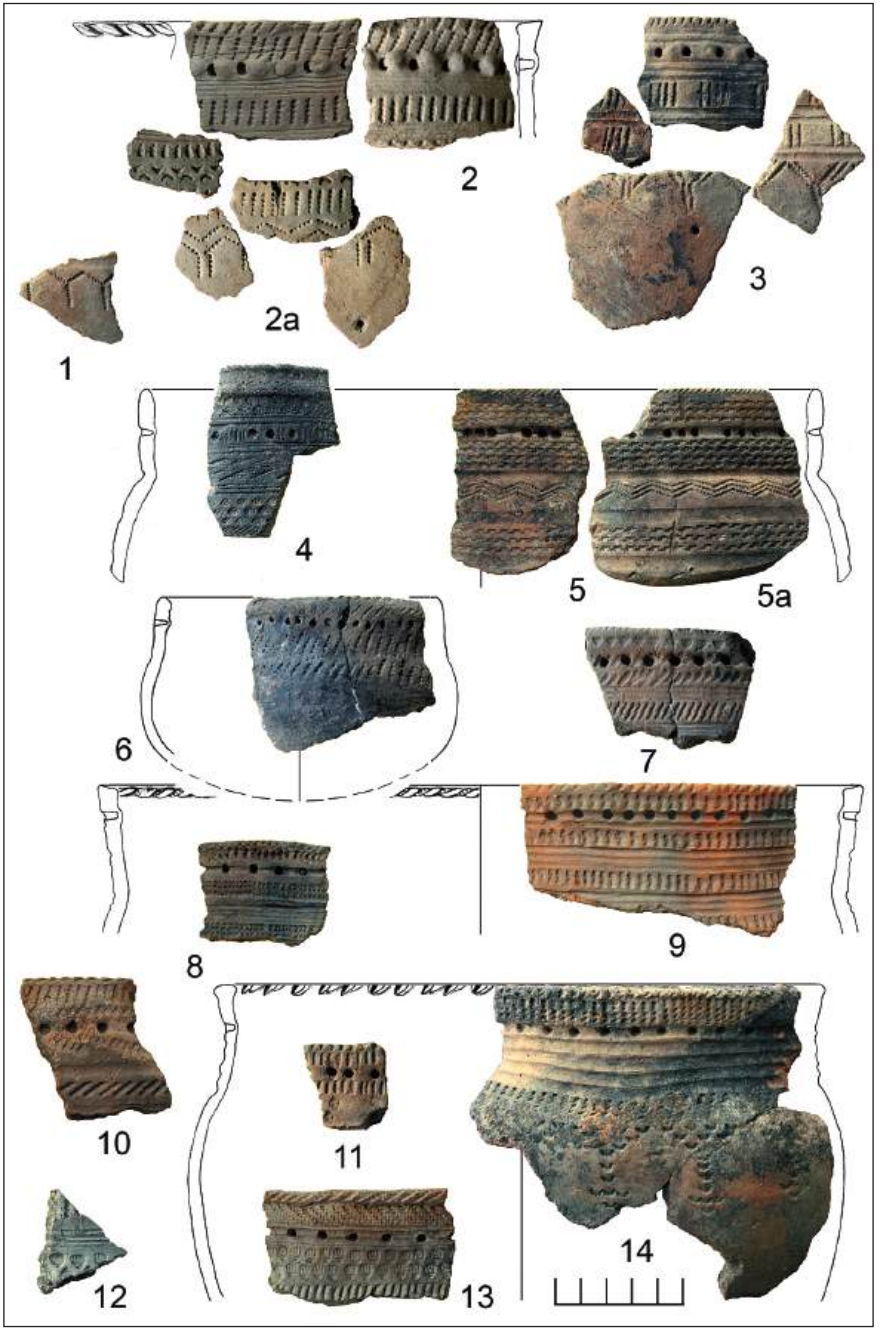
Вид	Кол-во костей	Наименование костей
Северный олень	2	Мелкие кости (фрагменты)
Лисица	>3	Нижняя челюсть, плечевая, локтевая (фрагменты)
Соболь	2	Локтевая, берцовая (фрагменты)
Горностай	>2	Нижняя челюсть (фрагменты)
Заяц	>12	2 позвонка, нижняя челюсть, лопатка, 2 тазовых, 2 плечевых, локтевая, лучевая, бедренная, берцовая (фрагменты)
Белка	2	Лучевая и локтевая (фрагменты)
Млекопитающие не опр.	89	
Птицы не опр.	5	
Стерлядь	1	
Щука	14	
Налим	1	
Карповые	1	
Рыба не опр.	8	

Керамика представлена обломками горшковидных круглодонных сосудов, орнаментированных преимущественно в верхней трети (ил. 7, 8). Венчики их в основном скошенные, есть также плоские и округлые. Поверхность хорошо обработана, заглажена мягким предметом или шпателем, оставившим на стенках тонкие неглубокие штрихи. В глиняном тесте присутствуют примеси песка и шамота.

Узоры покрывали шейку и плечики и наносились гребенчатым, мелкоструйчатым, фигурным и уголковым (другие названия — скобковидный, полулунный) штампами, нередко в сочетании с прочерченными линиями (в том числе выполненными протащенной гребенкой) и узкими желобками. Среди фигурных штампов есть глазчатые ромбические

Ил. 7. **Селище Кучиминское XXXIXс.** Находки. Керамика

Ил. 8. **Селище Кучиминское XXXIXс.** Находки. Керамика

(ил. 7 — *4*; 8 — *4, 11*) и «след медведя» (ил. 8 — *12, 13*). Единичные фрагменты орнаментированы отступающе-накольчатым способом (ил. 7 — *3, 8*; 8 — *10, 13*), более характерным для керамики следующего (кучиминского) этапа. Один горшок был украшен мелким зубчатым штампом в виде «уточки» (ил. 8 — *5*). Часто при декорировании сосудов применялись два вида штампов, не считая ямок и желобков. В целом в орнаментации горшков селища Кучиминское XXXIXс преобладают оттиски гребенчатого и уголкового (скобковидного) штампов. Разделительный поясок на шейке представлял собой ряд из круглых ямок, значительно реже его образовывали сочетания ямок и жемчужин.

Композиции на шейках состояли из горизонтальных поясков вертикальных или наклонных отпечатков штампов, чередовавшихся с рядами горизонтальных оттисков гребенчатого штампа, протащенной гребёнки или, реже, желобков. Есть пояски из расположенных в шахматном порядке оттисков фигурных штампов. Единичны многорядный зигзаг и «флажки» (также характерные для орнамента кучиминской посуды). В верхней части шейки горшка, украшенного «флажками», есть налепной валик, декорированный гребенчатым штампом (ил. 8 — *4*). Уголковые (скобковидные) штампы образовывали сплошные двух- или трёхрядные зоны (пояски), ряды треугольников или прямоугольников. Последние составлены из 4—5 вертикальных столбиков оттисков штампа (ил. 7 — *7, 10*). Узоры в основании плечиков и в верхней части тулова состояли из таких же горизонтальных поясков вертикальных или наклонных оттисков штампов, рядов протащенной гребёнки или желобков и составляли единую композицию с декором на шейках. Композиции часто оканчивались зигзагами с вертикальными отростками, спускавшимися от нижних углов зигзага и выполненными гребенчатым или мелкоструйчатым штампами (ил. 8 — *1—3*). В качестве завершающего элемента также выступали ряды треугольников с вертикальными отрезками, спускавшимися из их вершин, и сгруппированные в прямоугольники вертикальные отрезки, выполненные уголковыми (скобковидными), а также S-видным штампами (ил. 7 — *3—7*, *9—11*; 8 — *14*).

Подобная керамика характерна для древностей зеленогорского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности, либо, по мнению А.П. Зыкова, для поздней стадии зеленогорского этапа нижнеобской культуры, выделяемой в рамках указанной общности. Датировка — кон. VI—VII в.[2] Некоторые аналогии горшкам с гребенчатой и фигурно-штампованной орнаментацией можно найти и среди посуды рёлкинской культуры[3]. Но в целом для последней не характерно широкое применение уголковых штампов.

Ил. 9. **Селище Кучиминское XXXIXс.** Находки. Обломок пряслица (1), обломок тигля (2)

Ряд обломков сосудов впоследствии использовался в качестве лощил (ил. 7 — *2*; 8 — *5*). Были также найдены обломок глиняного тигля (ил. 9 — *2*) и фрагмент орнаментированного глиняного же диска (пряслица) (ил. 9 — *1*). С одной стороны в центре диска был изображён крест, вписанный в окружность, с другой стороны край украшен насечками. Подобные находки известны в памятниках рёлкинской культуры VI—VIII вв. (в частности, в одноименном могильнике)[4], а также в древностях потчевашской (VI—IX вв.)[5], усть-ишимской (кон. IX—XIII в.)[6] и других одновременных культур. Известны они и в памятниках раннего железного века — в частности, кулайской и саргатской культур.

Присутствие в коллекции костей мелких пушных зверей (таких как белка, горностай, соболь, а также лисица) косвенно свидетельствует о функционировании жилища в холодное время года. В то же время наличие внешних ям с керамикой в их заполнении, а также находки керамики за пределами постройки говорят о хозяйственной деятельности её обитателей в бесснежный период и на околожилищном пространстве. Таким образом, можно говорить о круглогодичном использовании постройки.

Сам памятник датируется по керамике зеленогорским этапом обь-иртышской культурно-исторической общности, или VI—VII вв.[7]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Определения сотрудников Института экологии растений и животных УрО РАН канд. биол. наук П.А. Косинцева (млекопитающие) и А.Е. Некрасова (птицы, рыбы).

[2] **Зыков А.П.** Средневековье таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса.

24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 115.

[3] **Чиндина Л.А.** Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – Рис. 36 – *9, 12*; 37 – *1, 6*; **Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – Рис. 17 – *9, 10*.

[4] **Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья... – Рис. 23 – *1, 3*.

[5] **Адамов А.А.** Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – Рис. 21 – *5, 6*; **Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. – Том: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 192. Табл. LXXVII – *57, 58, 61, 62*.

[6] **Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири... – С. 200. Табл. LXXXIII – *33, 38, 39*; **Коников Б.А.** Таёжное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ин-та, 1993. – Рис. *5* – *4*; 8 – *8*; 9 – *9*; 10 – *4*; И др.

[7] **Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 133; **Зыков А.П.** Средневековье таежной зоны... – С. 114.

Аварийные археологические раскопки на городище Стрелка в Сургутском районе ХМАО – Югры

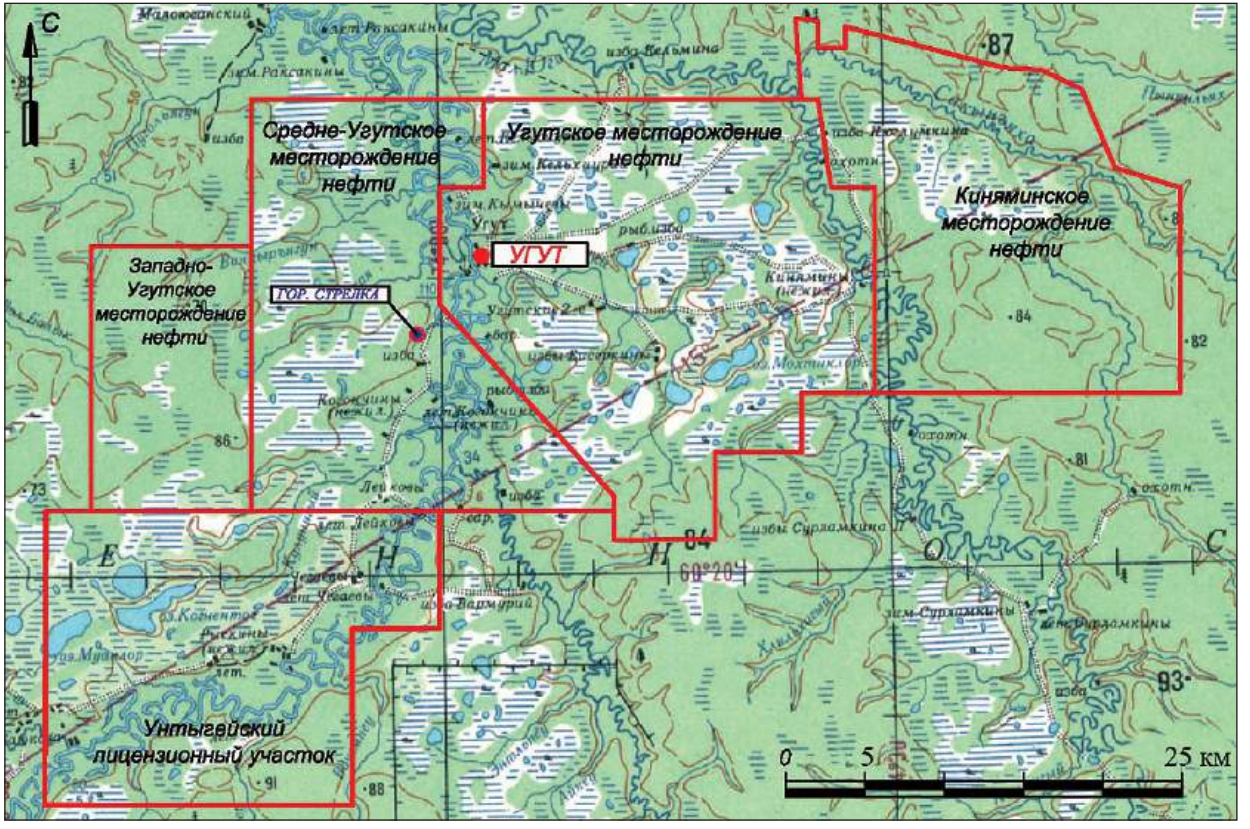
О.В. Кардаш, Т.М. Пономарёва
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»

В июне–июле 2009 г. археологической экспедицией ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством авторов статьи по договору с ОАО «Роснефть – Юганскнефтегаз» были проведены противоаварийные археологические раскопки городища Стрелка. Работы проводились на основании «Программы охранных мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного наследия на месторождениях ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз». Согласно проекту обустройства Средне-Угутского месторождения к зоне строительства проектируемой кустовой площадки К–13 примыкает восточная часть городища. Кроме того, вся территория проектируемой кустовой площадки расположена в охранной зоне этого объекта археологического наследия.

Здесь представлены предварительные результаты обработки материалов полевых исследований.

Городище Стрелка расположено в 5,35 км к юго-западу от окраины с. Угут Сургутского р-на ХМАО – Югры. Оно находится на террасе левого коренного берега р. Большой Юган, удалённой в этом месте от современного русла на 1,83 км к востоку (ил. 1). Памятник занимает оконечность остроугольного мыса («стрелки»), сформированного двумя старичными руслами р. Большой Юган и вытянутого с юго-востока на северо-запад. В месте расположения памятника высота террасы от подошвы составляет от 7 до 14–16 м, полого повышаясь в северо-западном направлении. У подножия по древнему руслу, огибая мыс, протекает р. Нёксап; через 1,27 км к северо-востоку она впадает в старичное озеро Чистухинский Урий. По склону террасы и сверху, на площадке городища произрастает смешанный лес с преобладанием хвойных пород – пихты, сосны.

Памятник выявлен в 1985 г. археологической экспедицией Томского государственного университета под руководством Я.А. Яковлева[1]. Повторно осмотрен в 2006 г. Т.Ю. Фефиловой, которая по обнаруженному

Ил. 1. **Городище Стрелка.** Обзорная схема района работ

материалу датировала Стрелку кинтусовским этапом обь-иртышской культурно-исторической общности (X — перв. пол. XII в.)[2].

Видимые на поверхности археологические объекты занимают участок протяженностью более 70 м, ширина которого у юго-восточной оконечности (в вершине мыса) — не более 4 м, а в северо-западной части — до 50 м. Их ориентация и расположение в большой степени определены конфигурацией мыса.

Оборонительно-жилой комплекс имеет небольшие размеры — 21х19 м (ил. 2). Внутри него находятся две впадины размерами 6,2х6,6 м и 7,0х7,0 м, глуб. до 0,3 м. С северо-восточной стороны у впадин фиксируется обваловка выс. до 0,3 м. С юго-восточной и северо-западной

Ил. 2. **Городище Стрелка.** Общий вид. Снято с северо-востока

Ил. 3. **Городище Стрелка.** Ров. Снято с северо-запада

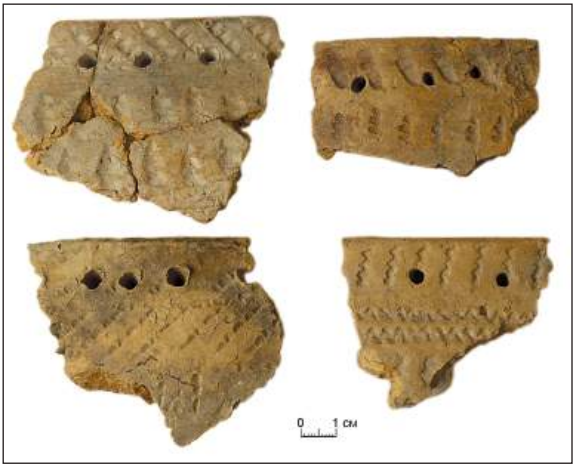
сторон городище окружено мощной оборонительной системой. Кроме вала и рва (шир. 3,0—4,5 м, глуб. до 1,6 м; ил. 2, 3), непосредственно окружающих закрытую территорию, она включает в себя небольшой ров (шир. 0,7 м, глуб. до 0,5 м) в 23 м от площадки к оконечности мыса и дополнительный вал (шир. 3 м, выс. до 0,7 м) с примыкающим к нему с внутренней стороны неглубоким рвом (шир. 2,2—2,5 м, глуб. до 0,4 м) с северо-западной стороны от площадки. К западу от описанных объектов зафиксирована впадина с обваловкой размерами 5,0х5,0 м и глуб. 0,25 м.

Ил. 4. **Городище Стрелка.** Керамика позднего бронзового века (атлымская культура)

Целью полевых работ в 2009 г. было исследование центральной части памятника — оборонительно-жилого комплекса. Кроме того, необходимо было изучить участки у оконечности мыса, максимально близко расположенные к проектируемой кустовой площадке, и выяснить границы распространения культурного слоя вглубь мыса — в северо-западном направлении. В соответствии с целями работ был заложен раскоп, полностью включивший оборонительно-жилой комплекс и две разведочные траншеи — к северо-западу и юго-востоку. Общая вскрытая площадь составила 800 кв. м. В ходе работ было обнаружено несколько разновременных комплексов.

Коллекция предметов финальной бронзы включает в себя около 800 ед., основную массу которых составляют фрагменты сосудов **атлымской культуры** (ил. 4). Из индивидуальных предметов следует отметить изделия из камня — наконечник стрелы, фрагмент ножевидной пластины. Участки культурного слоя с материалами позднего бронзового века выявлены в пределах пространства мыса, ограниченного узким рвом (шир. 0,5—0,6 м, глуб. 0,4—0,5 м). Значительная часть предметов была обнаружена в заполнении наземной постройки (прямоугольный котлован глуб. 10—15 см с обваловкой по периметру), частично вскрытой в раскопе. Большая часть постройки была разрушена в средние века, при возведении северо-западного рва и вала городища. Таким образом, в позднем бронзовом веке (в атлымское время, XII—VIII вв. до н. э.)[3] на мысу существовала укреплённая постройка.

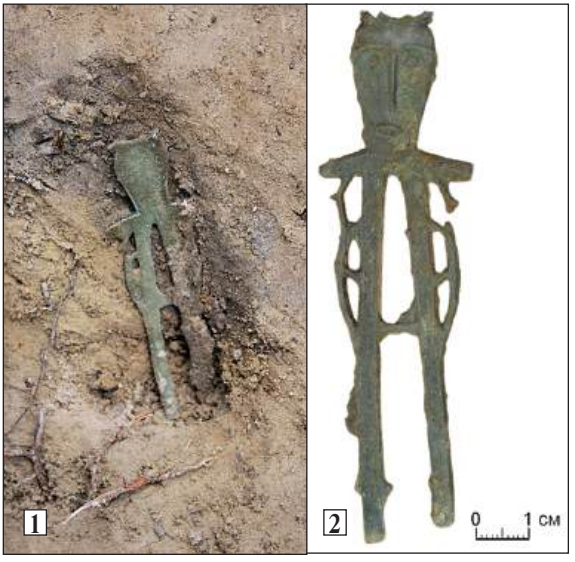

Ил. 5. **Городище Стрелка.** Керамика раннего железного века (белоярская культура)

Основную часть коллекции раннего железного века, содержащей около 300 ед., также составляют фрагменты керамических сосудов (ил. 5). Отдельно следует отметить бронзовые изделия — антропоморфное изображение (ил. 6) и нож. Эти материалы были обнаружены частично в переотложенном состоянии, частично — в заполнении двух ям и нескольких пятен (участков культурного слоя в северной части оборонительно-жилого комплекса и под насыпью вала №3, находящегося к северо-западу от городища). Вероятно, в раннем железном веке на данном участке мыса существовало поселение из одной или двух наземных построек, впоследствии сильно разрушенных при строительстве средневековых сооружений. Материалы находят ближайшие аналогии в описанных комплексах **белоярской культуры** Сургутского Приобья, датируемых от кон. VIII — VII в. до IV — нач. III в.[4]

Археологизированные остатки оборонительно-жилого комплекса, визуально фиксируемые на поверхности, сформировались после разрушения сооружений, возведённых в средние века. Коллекция данного период содержит ок. 11000 ед., её основную часть составляют фрагменты керамических сосудов. Группа предметов, изготовленных из металла, камня, керамики, кости, включает ок. 400 ед. По результатам предварительной обработки на основании типологии и данных радиоуглеродного анализа в вещевом комплексе выделено 4 хронологические группы, соответствующие этапам заселения мыса.

Коллекция сосудов **кучиминского типа** с монотонной орнаментацией из рядов наклонных или вертикальных оттисков штампов, заключённых

Ил. 6. **Городище Стрелка.** Антропоморфное изображение. 1 – in situ, 2 – внешний вид. *Бронза*

между желобками[5], представлена не менее чем 50–70 сосудами (ил. 7). Сооружений, которые можно было бы соотнести с материалами этого времени, в раскопе не выявлено. Можно предположить, что в кучиминское время на мысу существовало наземное жилище, которое впоследствии было полностью разрушено.

Керамика **вожпайского типа** отличается оригинальной орнаментальной схемой, включающей зоны с заполнением наклонными полосами, горизонтальной ёлочкой, различными вариациями узора с использованием взаимопроникающих треугольников (ил. 8)[6]. Коллекция этой керамики с городища Стрелка представлена обломками 200–250 сосудов. Вещевой комплекс включает фрагмент накладки из серебра с растительным орнаментом, гроздевидную подвеску (ил. 9) и личину из белого металла (ил. 10). Уникальной является находка фрагмента деревянного

Ил. 7. **Городище Стрелка.** Керамика кучиминского типа

Ил. 8. **Городище Стрелка.** Керамика вожпайского типа

гребня с ромбическим орнаментом, аналогичным декору на сосудах вожпайской культуры.

К данному периоду относится строительство оборонительно-жилого комплекса. В самых общих чертах его можно представить как единое сооружение каркасно-столбовой конструкции, окружённое валом и рвом (последние наиболее хорошо выражены с северо-западной и юго-восточной сторон). По периметру постройки, расположенной внутри системы обороны, определяются канавки для фиксации стен из вертикально установленных плах или брёвен диам. 7—10 см. Земляной пол постройки, вероятно, был покрыт плахами. Из конструкций, связанных с данным периодом существования городища, получены 4 абсолютные даты (см. п. 7—10 таблицы). Следует обратить внимание на большой временной разброс этих дат — в пределах VII—X вв. Есть вероятность, что хронология и соотношение кучиминского и вожпайского типов могут быть пересмотрены в сторону удревнения последнего.

Ил. 9. **Городище Стрелка.** Гроздевидная подвеска. *Белый металл*

Керамика **кинтусовского типа** характеризуется сочетанием признаков предшествующих типов[7] и представлена фрагментами приблизительно 50 сосудов (ил. 11).

Отдельных сооружений, которые могли бы быть соотнесены с материалами данного времени, в раскопе не выявлено. Вероятно, этот комплекс может относиться к самому началу следующего этапа существования городища.

Последний этап функционирования городища выделен прежде всего по результатам радиоуглеродного датирования фрагментов конструкций и относится ко втор. пол. XII — XIII в. (см. п. 2—6 таблицы). Вещевой комплекс этого времени включает обрезки медных котлов и фрагмент лапчатой подвески (ил. 12). Вероятно, к этому же времени относятся металлургические крицы, часть предметов из железа (наконечники стрел, иглы, ножи) и большая часть предметов из кости (наконечники стрел, рукояти, заготовки изделий). При перестройке городища часть сооружений оборонительно-жилого комплекса, возведенных в предшествующий период, была разрушена. Были воз-

Ил. 10. **Городище Стрелка.** Антропоморфное изображение. *Белый металл*

Ил. 11. **Городище Стрелка.** Керамика кинтусовского типа

Ил. 12. **Городище Стрелка.** Фрагмент лапчатой подвески. Втор. пол. XII — XIII в. *Белый металл*

ведены две постройки, также составлявшие единый комплекс. Две противоположные стены построек, обращённые на склоны мыса, были подсыпаны только частично, две — совмещены с валом вокруг городища. Выход из построек, вероятно, был через кровлю, в центре каждой расположен наземный очаг. Также при перестройке был подновлён ров и подсыпан внутренний вал. К XIII в. относится сооружение дополнительного вала к северо-западу от городища (см. п. 1 таблицы), целью возведения которого, видимо, являлось расширение внутренней площадки.

Таким образом, в результате работ 2009 г. были исследованы объекты нескольких культурно-хронологических периодов. Было установлено, что мыс заселялся неоднократно с кон. II тыс. до н. э. до XIII в. В позднем бронзовом веке (XII—VIII вв. до н. э.) на мысу существовало городище атлымской культуры; в перв. пол. раннего железного века — селище

Таблица

Данные радиоуглеродного анализа образцов с городища Стрелка[8]

№ п/п	Характеристика и место отбора образца	Лабораторный индекс	Интервалы калибров календарного возраста (95% вероятность), лет н. э. (AD)
1	Вал № 3 (конструкции крепления насыпи вала)	Ле-8815	1215–1295
2	Оборонительно-жилой комплекс, постройка № 2 (конструкции перекрытия постройки, дерево)	Ле-8816	1150–1270
3	Оборонительно-жилой комплекс, постройка № 2 (конструкции перекрытия постройки, дерево)	Ле-8817	1150–1270
4	Оборонительно-жилой комплекс (конструкции крепления насыпи вала, уголь)	Ле-8820	1150–1270
5	Оборонительно-жилой комплекс, постройка № 1 (конструкции перекрытия постройки, дерево)	Ле-8821	1150–1270
6	Оборонительно-жилой комплекс, постройка № 1 (остатки конструкции над очагом, уголь)	Ле-8822	1040–1230
7	Оборонительно-жилой комплекс, постройка № 1 (столбовая ямка, уголь)	Ле-8824	890–1020
8	Оборонительно-жилой комплекс (конструкции крепления стенок рва, уголь)	Ле-8825	810–1020
9	Оборонительно-жилой комплекс, постройка № 3 (уголь)	Ле-8823	760–890
10	Оборонительно-жилой комплекс (конструкции крепления насыпи вала?, уголь)	Ле-8826	660–780

белоярской культуры. Хронологические границы периода обитания мыса в средние века можно в целом обозначить в пределах с кон. VII в. по XIII в. Начало периода связано с кучиминской культурой, когда, вероятно, существовала наземная постройка; она была полностью уничтожена при последующем строительстве. С вожпайской культурой (VIII — нач. X в.) связано строительство городища, которое было использовано населением в кинтусовское время (X — перв. пол. XII в.) и впоследствии (втор. пол. XII — XIII в.) перестроено.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Яковлев Я.А.** Отчёт о работах Тымского отряда археологической экспедиции Томского государственного университета в 1985 г. в Томской и Тюменской областях. — Томск, 1986. — Архивы МАЭС ТГУ и ИА РАН (Ф. Р-1. № 10911). — С. 7—8; **Яковлев Я.А.** Исследования Тымского отряда // Археологические открытия 1985 года. — М.: Наука, 1987. — С. 297.

[2] **Фефилова Т.Ю.** История археологических исследований на реках Большой и Малый Юган // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008. — С. 283.

[3] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 59.

[4] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора... — С. 74.

[5] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 2002. — 2-е изд. — С. 51—54; **Зыков А.П.** Средневековье таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24—30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. — С. 116—117.

[6] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история... — С. 56—57; **Зыков А.П.** Средневековье таежной зоны... — С. 118—119; **Карачаров К.Г.** Вожпайская археологическая культура // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург, 2006. — Вып. 14. — С. 135—149.

[7] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история... — С. 57—60; **Зыков А.П.** Средневековье таёжной зоны... — С. 118—121.

[8] В таблице приведены результаты с максимальной корреляцией для каждого образца.

Балинское 20 – поселение середины II тысячелетия в Среднем Приобье (раскопки 2007–2008 гг.)

А.Ф. Шорин, А.П. Зыков, А.С. Кузьмина
г. Екатеринбург
Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук

Поселение Балинское 20 находится на второй террасе высотой до 4 м правого берега р. Балинская – правого притока р. Оби, в урочище Балинский Бор, в 14,5 км к северо-востоку от с. Селиярово Ханты-Мансийского р-на ХМАО – Югры, на территории Приобского месторождения нефти и газа.

На расстоянии около 100 м вдоль берега и на площади приблизительно 4000 кв. м было зафиксировано 7 жилищных впадин: № 1–6 располагались компактной группой в центральной части памятника, обособленное жилище № 7 находилось от них на расстоянии 40 м к западу. Восточнее поселения сразу же за крайним жилищем № 6 расположено городище Балинское 21. Не исключено, что эти два памятника представляют единый комплекс, и поселение Балинское 20 является «посадом» городища Балинское 21.

Поселение исследовалось в 2006 г. М.Ю. Барановым[1], в 2007 г. – А.Ф. Шориным, в 2008 г. – А.С. Кузьминой.

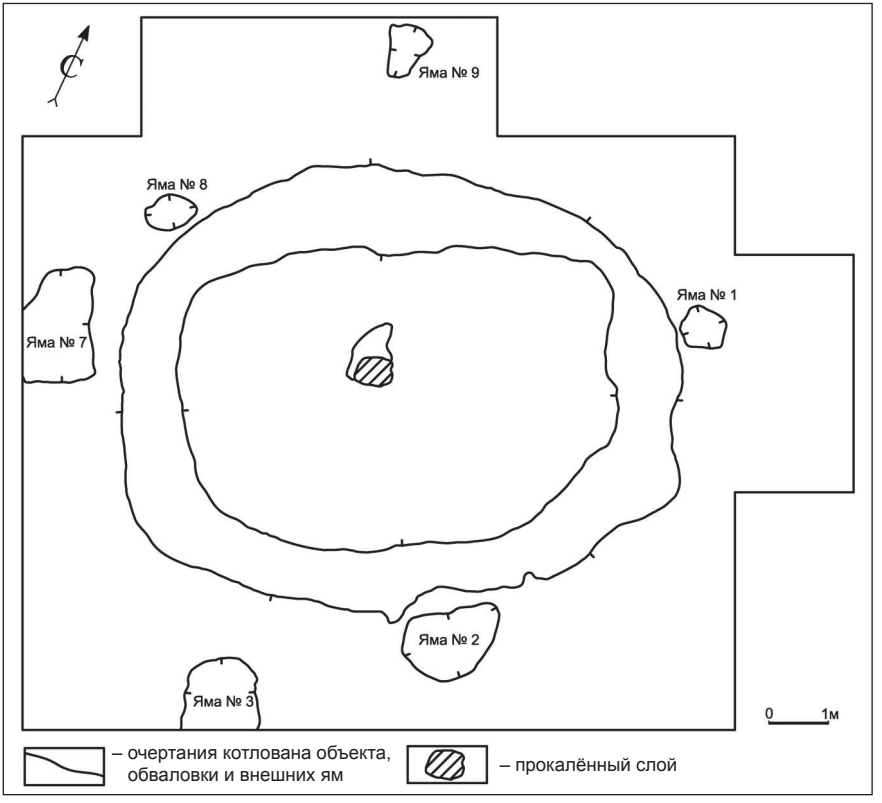
А.Ф. Шориным вскрыто 140 кв. м, исследовано обособленное жилище № 7; А.С. Кузьминой – раскопано 74 кв. м, включая жилище № 3. Здесь анализируются материалы раскопок двух этих жилищ.

ЖИЛИЩЕ № 7

Постройка

Имеет прямоугольную форму и размеры 6х5 м. Углублено в материк на 20–22 см, ориентировано в широтном направлении (ил. 1). Реконструировать его сложно из-за плохой сохранности (или отсутствия) конструктивных элементов постройки.

Жилище, скорее всего, относится к широко распространенному на севере Западной Сибири с глубокой древности типу каркасно-

Ил. 1. **Поселение Балинское 20.** Жилище № 7. План

столбовых построек в форме пирамиды или усечённой пирамиды. Крыша и наклонные стены были утеплены, видимо, дёрном, песком, взятым из ям, фиксируемых вокруг обваловки жилища. Вход в жилище не зафиксирован, но концентрация находок на окружающем жилище пространстве, прежде всего к востоку от него, позволяет предполагать, что вход находился в середине короткой восточной стенки жилища и был обращён к реке.

Обогрев жилищ осуществлялся очагом открытого типа аморфной в плане формы размерами 1,1х0,4 м и мощностью 13–15 см, находившимся в центре постройки. Помещение регулярно чистилось. Об этом свидетельствует концентрация находок в виде костей животных, утерянных или вышедших из употребления предметов быта, прежде всего, в северо-западном и юго-западном углах жилища и у стенки, противоположной предполагаемому входу в жилище, а также в обвалов-

ке вокруг постройки. Кроме того, кости животных нередко встречаются к востоку от жилища, рядом с предполагаемым входом. То есть пол в постройке периодически освобождался от костей и другого мусора, который выбрасывался на крышу (отсюда находки в обваловке) либо неподалеку от входа.

Наличие среди артефактов предметов, связанных с плавкой бронзы (описание находок дано ниже), даёт основание предполагать, что обитатели этого жилища, кроме охоты и рыболовства, занимались домашней переплавкой бронзового лома в производственных или культовых целях. В пользу кустарной (домашней) плавки предметов культового назначения косвенно свидетельствует и факт находок среди остеологического материала костей домашних животных (лошади и крупного рогатого скота), а также резцов бобра от нескольких особей. В археологических памятниках данной зоны останки домашних животных встречаются нечасто. Эти животные, особенно лошадь, обычно приобретались у более южных соседей в качестве жертвенных. Резцы же бобра у народов архаичных и традиционных обществ нередко использовались в качестве личных амулетов и украшений.

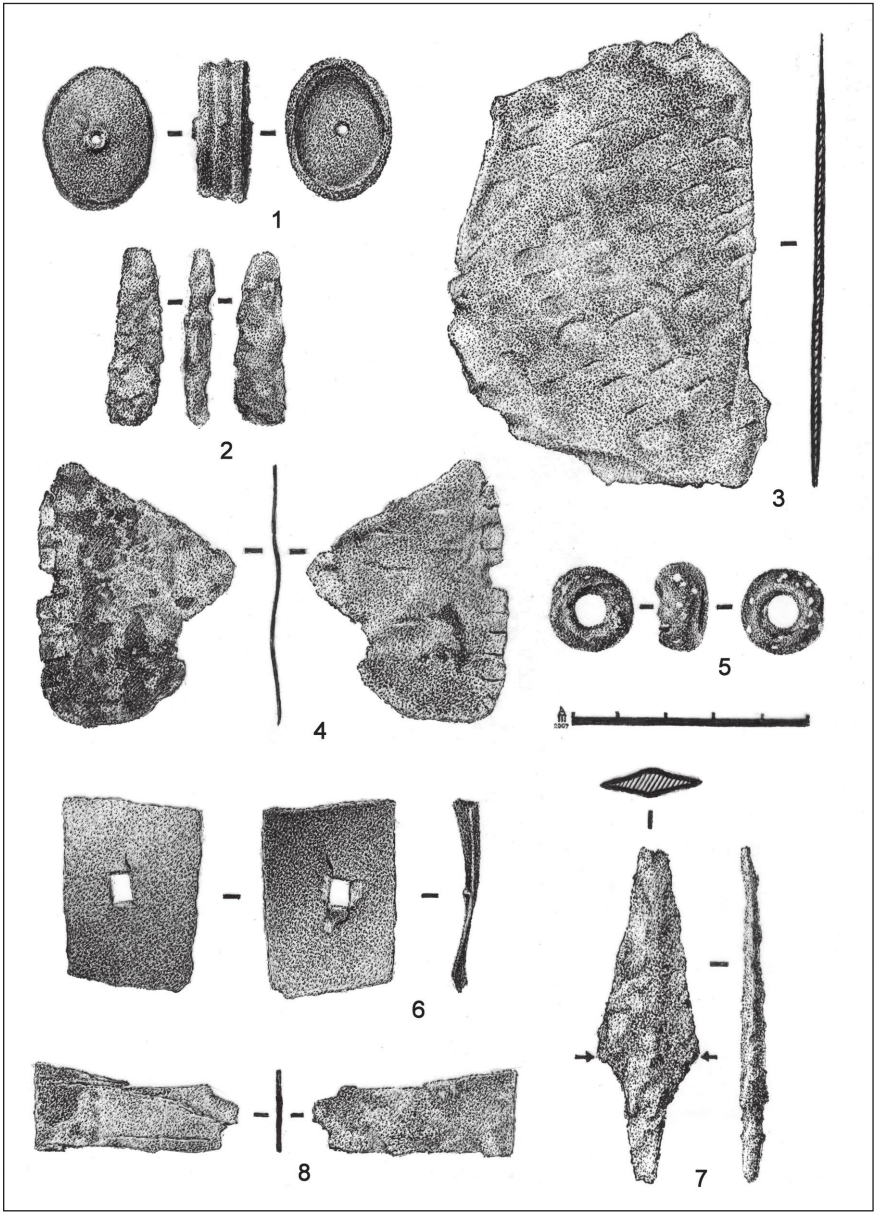
Коллекция находок

Включает в себя 71 артефакт и 153 кости животных, птиц и рыб и представлена остатками двух хронологических комплексов. Первый комплекс связан с раскопанным жилищем № 7 эпохи позднего Средневековья не старше XVII в. (скорее, XIII—XIV или XIV—XVI вв.). Второй комплекс — современный, XX в. (скорее, сер. — втор. пол.). Он характеризует место кратковременных остановок ханты перед переправой по броду р. Балинская к зимнику (изба и другие постройки) хантыйской семьи Д. и В. Нялиных. Не случайно, что на этом месте до сих пор стоят ездовые нарты с починенным полозом.

Комплекс находок, связанный с жилищем № 7

Железный наконечник стрелы с пером удлинённо-треугольной формы и небольшим расширением в основании (ил. 2 — 7). Сечение ромбическое, плечики скошенные, черешок короткий и плоский, без упора для древка. Кончик острия обломан. Общая длина предмета — 7 см. Наконечники стрел этого типа были распространены в таёжной зоне Западной Сибири в очень длительный хронологический период с III—IV по XVII—XIX вв.

Железный затыльник деревянной рукояти ножа в виде цилиндра высотой 0,9 см, овальной в плане формы сечением 2,8 и

Ил. 2. **Поселение Балинское 20.** Жилище № 7. Металлические и стеклянное изделия: 1 — затыльник деревянной рукояти ножа, 2 — обломок неизвестного предмета, 3, 4, 6, 8 — пластины (фрагменты котла), 5 — бусина зонная, 6 — пластина с отверстием, 7 — наконечник стрелы. *1, 2, 7 — железо; 3, 4, 6, 8 — бронза, 5 — стекло*

2,1 см (ил. 2 — *1*). Боковая часть изделия сварена методом кузнечной сварки из пластины толщиной 1,0—1,5 см. Её внешняя сторона орнаментирована двумя углубленными рельефными долами, выполненными ударами зубила. Верхняя пластина затыльника припаяна методом горновой пайки. Припоем, вероятно, был сплав на основе меди или олова (?). В центре верхней пластины сделано отверстие диаметром 2 мм для крепления затыльника к деревянной рукояти ножа гвоздиком. Изделие, скорее всего, русского производства.

Обломок неизвестного железного предмета (ил. 2 — *2*) — стержень длиной 3,5 см и с сечением в форме прямоугольника размерами 0,7—0,9х0,4 см.

Железная *игла* из тонкой проволоки диаметром 2 мм. Ушко обломано. Длина сохранившейся части — 3,1 см. Кончик заострён и имеет диаметр 1 мм. Найдена в очаге.

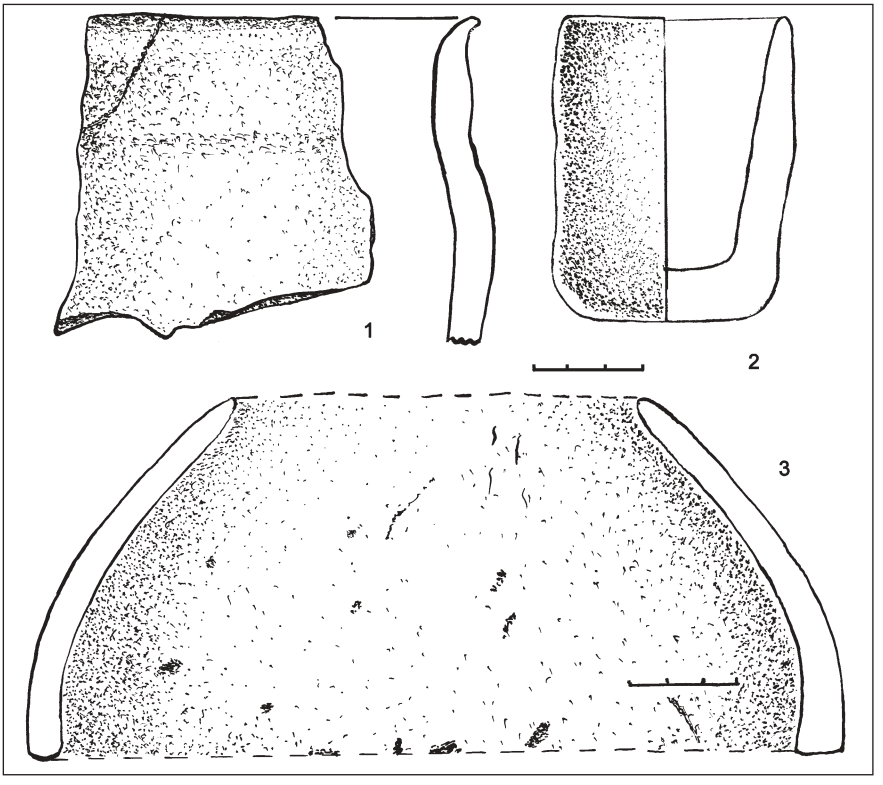
Бусины зонные — 3 экз. Одна — целая (ил. 2 — *5*), две — в обломках. Первая из них изготовлена из чёрного непрозрачного стекла толщиной 0,5 см с множеством белых, синих, красных вставок. Форма — шар с уплощением на полюсах. Диаметр бусины по экватору — 1,6 см, высота — 1,4 см, диаметр канала — 0,8 см. В сечении она по внешнему краю — выпуклая, по внутреннему (по отверстию в бусине) — уплощенная.

Ещё от двух подобных бусин сохранились только фрагменты чуть больше половины изделия. Одна из них изготовлена из синего непрозрачного стекла толщиной до 0,35 мм. Круглой формы с отверстием посредине. Диаметр бусины по экватору — 1,7 см, высота — 0,9 см, диаметр канала — 0,7 см. В сечении она по внешнему краю — выпуклая, по внутреннему (по отверстию в бусине) — уплощенная.

Ещё одна фрагментированная бусина изготовлена из синего непрозрачного стекла. Круглой формы с отверстием посредине. Диаметр бусины по экватору — 1,6 см, высота — 1,2 см, диаметр канала — 0,8 см. В сечении она по внешнему краю — выпуклая, по внутреннему (по отверстию в бусине) — уплощенная.

Аналогичные украшения в таёжной зоне Западной Сибири найдены в погребениях XIII—XIV вв. Сайгатинского IV могильника[2], в заполнении жилища 2 седьмого строительного горизонта XIV — нач. XV в. Эмдерского городка[3]. За пределами региона зонные бусы этого типа встречаются в могильниках XII в. Верхнего Прикамья[4], в слоях X—XI вв. Новгорода[5]. Вероятнее всего, подобные зонные бусы в Западной Сибири следует относить к XIII—XV вв. (может быть, с включением в эти хронологические рамки и XVI в.).

Тигель. Разломан, реконструирован по 32 фрагментам (ил. 3 — *2*). Изготовлен из глины с примесью, видимо, органики. Цвет изделия светло-серый, в том числе, вероятно, за счёт интенсивного воздействия на предмет огня при расплаве металла. Толщина стенок: по горловине изделия — 5,0 мм, в придонной части — 12,0—15,0 мм. Толщина плоского дна — 15,0 мм. Тигель имеет форму цилиндра высотой 8,4 см. Венчик округлый. Диаметры горловины и дна — ок. 6,0 см. Объём полезной площади для плавки металла — ок. 20 куб. см. Тигель, скорее всего, служил для переплавки металлического лома[6], представленного на памятнике пятью бронзовыми пластинами разного размера. С процессом переплавки бронзового лома связаны, видимо, также микроскопические всплески бронзы, кусок шлака и 12 кусков обожжённой глины, найденные на дне и в обваловке.

Ил. 3. **Поселение Балинское 20.** Жилища № 3 *(1, 3)*, № 7 *(2)*. Глиняные изделия: 1 — фрагмент венчика сосуда, 2 — тигель, 3 — керамическое изделие (приспособление для металлургического производства?)

Пластины (обломки котла) — 5 ед. (ил. 2 — *3, 4, 8*). Поверхность рифлёная, в виде вмятин от ударов небольшим молоточком (с размером бойка 1,0х0,6 см). Одна из них имеет квадратное отверстие в середине (рис. 2 — *6*).

Помимо этого, в комплекс находок входят:

— обломки двух двухсторонних абразивов из талькового и кристаллического (?) сланца серого и красновато-коричневого цветов размерами 6,5х3,5х0,7 и 3,8х2,1х0,8—0,5 см;

— обломок шлифованного изделия из кремнистого сланца размерами 1,2х1,1х0,2—0,25 см;

— овальная хорошо обкатанная речная галька из кварца без следов обработки размерами 4,5х3,5х1,3 см;

— обломок песчаникового камня без следов обработки размерами 2,0х1,5х0,5 см.

Две последние находки в производственной либо иной деятельности жителями посёлка могли не использоваться, но включены в коллекцию в силу того, что каменное сырьё и орудия из него в этом регионе немногочисленны.

Комплекс находок XX в.

Фрагменты керамического сосуда — 6 ед. Ёмкость изготовлена на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Толщина стенок — 6 мм. Короткая шейка с округлым венчиком резко отогнута наружу и переходит в резко раздутое тулово. Форма дна не ясна. Орнамент отсутствует.

Обломок поделки из пластмассы. Форма — прямоугольник с закруглённым концом и отверстием (5 мм) в концевой части. Размеры — 8,5х4,5х0,3 м. На пластине острым предметом (ножом?) выцарапана надпись, сохранившаяся часть которой читается как *«...ДОСКИЙ ГРИША»*. Обломок поделки является, скорее всего, частью «иглички» — приспособления для плетения сетей. Изделие найдено на поверхности памятника у полевой дороги, ведущей к броду р. Балинская, в том же месте, что и обломки от сосуда.

Остеологическая коллекция представлена 153 костями животных и рыб. Видовые определения выполнены сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН канд. биол. наук П.А. Косинцевым, за что авторы крайне ему благодарны. Дикие особи представлены костями северного оленя и бобра (преобладают), а также медведя, росомахи, выдры, лисицы, белки. Среди птиц до вида определена утка, а среди рыб — щука. Домашние животные представлены костями лошади и крупного рогатого скота, что в данной зоне встречается не так уж часто.

ЖИЛИЩЕ № 3

Постройка

Имеет прямоугольную форму размерами 5х4 м и углублено в грунт на 17—19 см. Ориентировано в широтном направлении. Реконструировать её сложно из-за плохой сохранности (или отсутствия) конструктивных элементов. По конструкции эта постройка была близка жилищу № 7. Вход не зафиксирован, но, судя по ландшафту и концентрации находок, он мог находиться в северо-западной части жилища в направлении к реке. Очаг не выявлен, что не исключает сезонное (летнее) или хозяйственное использование постройки.

Коллекция находок

Коллекция включает в себя 39 артефактов из глины, металла и камня и 129 костей животных[7].

Большая часть артефактов является фрагментами двух керамических изделий. Это верхняя часть сосуда в виде 5 фрагментов, обнаруженных в основном в заполнении одной из внешних ям[8], и глиняное изделие, представленное 24 фрагментами (около половины из них удалось склеить).

Неорнаментированный сосуд изготовлен из глины с видимой примесью шамота и мелких конкреций кварца (?). Внешняя и внутренняя поверхности были обработаны мягким материалом. Венчик округлой формы слегка отогнут наружу. Шейка сосуда короткая (ок. 2,5 см) и прямая. Переход от шейки в плечико плавный, поэтому сосуд имел, видимо, слабо раздутое тулово (ил. 3 — *1*). Пригар с внутренней стороны изделия и нагар в верхней части лицевой стороны свидетельствуют, что горшок явно использовался для приготовления пищи.

Второе *неорнаментированное керамическое изделие* изготовлено из глины с примесью к тесту песка и, возможно, органики (ил. 3 — *3*). Внутренняя и внешняя поверхности изделия заглажены твёрдым прямым предметом. Глина достаточно рыхлая и пористая, что не исключает длительное воздействие на него высоких температур.

Изделие имеет форму полого усеченного конуса с диаметром 17 см в нижней и 8—9 см в верхней части. Срез верхней части изделия скруглен и, возможно, пришлифован. Противоположный срез изделия имеет неровные края и практически не подвергнут дополнительной обработке. Достоверно судить о функциональном назначении изделия сложно. Возможно, данное изделие было составной частью какого-то приспособления для металлургического производства.

О том, что постройка № 3 связана с процессом производства металла, также свидетельствуют:

– 4 куска шлака размерами 88–20х80 – 16х17–13 мм;

– 2 куска обожжённой глины размерами 34–25х28–23х22–9 мм;

– 2 фрагмента металлических изделий (часть какого-то предмета из бронзы размерами 25х8х3 мм и фрагмент медного листа размерами 19х6х0,4 мм).

Помимо этого, в представляемой постройке были найдены:

– обломок абразивной сланцевой плитки размерами 51х33х17 мм, на краю которой фиксируется неглубокий (0,6 мм) кювет шириной 9 мм;

– расколотая галька размерами 50х34х27 мм.

* * *

Заканчивая анализ исследованной части поселения Балинское 20, особо следует ещё раз обратить внимание на два обстоятельства.

1. Скорее всего, в жилищах на поселении осуществлялась кустарная (домашняя) плавка бронзовых изделий, в том числе в культовых целях.

2. О проведении на памятнике культовых церемоний свидетельствует, возможно, и присутствие в остеологических материалах костей крупного рогатого скота, особенно лошади. Использование последней (предпочтительно белой масти) – характерная черта культовой обрядности обских угров.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы раскопок не опубликованы.

[2] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург, 1994. – С. 121, 154. Кат. № 292.

[3] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер. – Екатеринбург, 2001. – С. 120.

[4] **Голдина Р.Д., Королёва О.П.** Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Западной Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск, 1983. – С. 61.

[5] **Щапова Ю.Л.** Стеклянные бусы Древнего Новгорода // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. – М., 1956. – № 55: Тр. Новгородской археологической экспедиции. – Т. I. – С. 166, 167.

[6] Возможно, эта переплавка велась с целью изготовления культовых поделок.

[7] Определение остеологической коллекции из жилища № 3 не проведено.

[8] Сломанный сосуд (точнее, его обломок в виде верхней части) был заброшен на крышу постройки или в дернину, выложенную поверх наклонных стен.

Раскопки могильника Сайгатинский IV в полевом сезоне 2009 г.

А.В. Носкова
г. Сургут
Муниципальное автономное учреждение Сургутского района
«Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»

Могильник Сайгатинский IV находится в 28 км западнее г. Сургута и в 0,4 км южнее д. Сайгатина (ил. 1). Расположен он в правобережье р. Оби, в 2 км к северо-востоку от её русла, на коренной террасе, имеющей высоту 1,5—2,0 м над урезом воды в протоке. Растительность здесь представлена сосново-берёзовым лесом. В напочвенном покрове преобладает брусничник и таёжное мелкотравье.

Памятник выявлен в 1986 г. студентом УрГУ К.Г. Карачаровым в ходе разведки у д. Сайгатина. В этом же году экспедицией УрГУ под руководством Л.М. Тереховой были начаты раскопки могильника[1], которые были продолжены ею в 1987, 1988 и 1990 гг.[2]

Необходимость проведения аварийно-спасательных работ в полевом сезоне 2009 г. была вызвана начавшимся разрушением памятника в ходе хозяйственной деятельности, осуществляемой без согласования с окружным госорганом по охране объектов культурного наследия. Вовремя принятые меры обусловили появление раздела «Археологические исследования» в проекте изыскательских работ по реконструкции нефтепровода «Усть-Балык — Нижневартовск — 231-й км пр. Сайгатина»[3], разработанного специалистами МУ ИКНПЦ «Барсова Гора». В соответствии с ним были приняты решения:

1) осуществить раскопки могильника Сайгатинский IV в границах землеотвода;

2) перекрыть проезд автотранспорта;

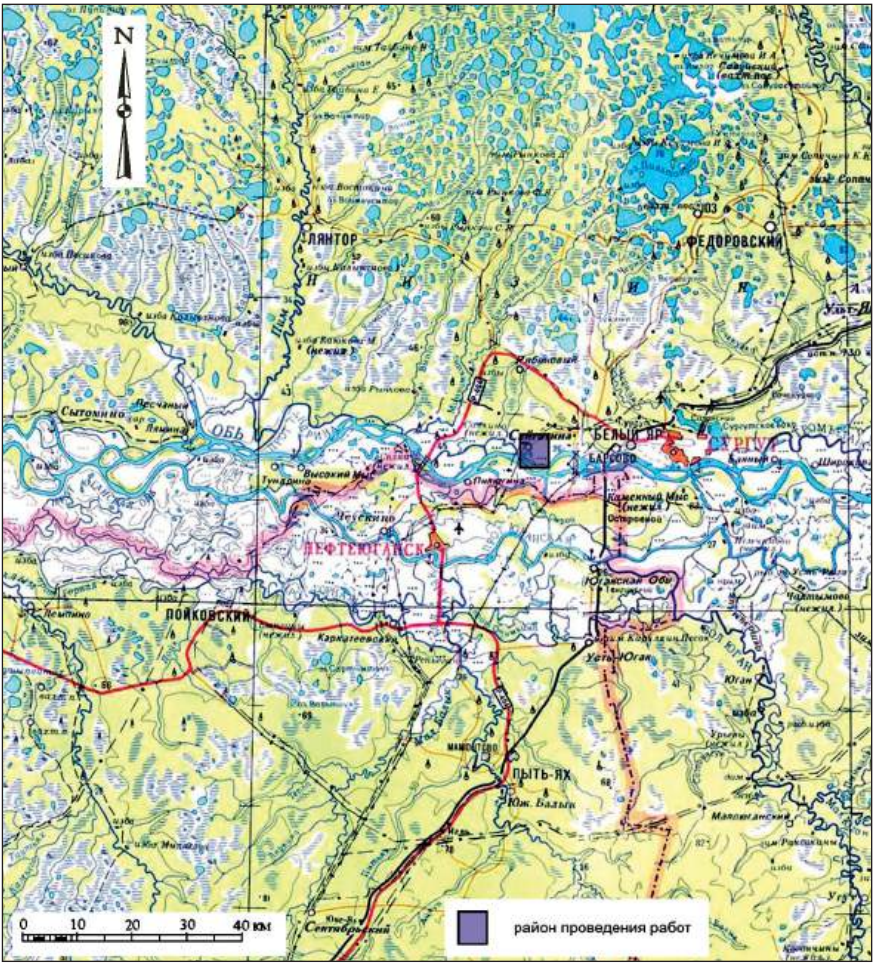
3) разработать проект охранных зон могильника, в котором предусмотреть инженерную защиту объектов культурного наследия.

Во исполнение плана организации археологических работ летом 2009 г. экспедицией МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора» были осуществлены археологические раскопки могильника Сайгатинский IV. В июле здесь работали отряды под руководством В.А. Борзунова и

К.Г. Карачарова, в сентябре работами на южном участке памятника руководил автор публикации.

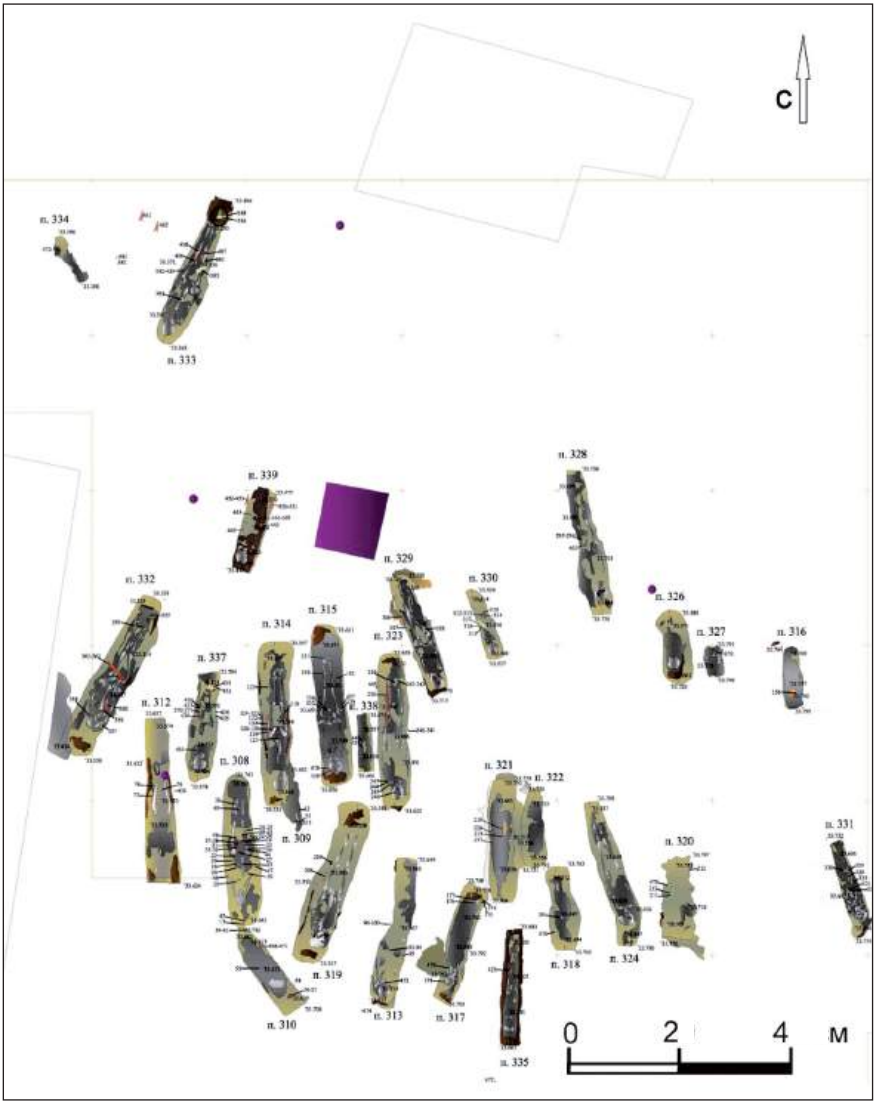
В осенний период работ было заложено два раскопа (№ 7 и 8) общей площадью 280 кв. м.

Раскопом № 7 исследовались 32 погребения (ил. 2). Антропологическое определение показало, что в 28 из них были захоронены как минимум 27 человек. *«Материалы из двух могильных ям не содержали идентифицированного костного материала [погребения 318 и 320], в одной яме имелись кости двух индивидуумов [погребение 308]. Исследованные останки принадлежали двум младенцам [до 1*

Ил. 1. **Могильник Сайгатинский IV.** Место расположения

года], шести детям первого детства [до 7 лет], четырём детям второго детства [до 15 лет], одному человеку юношеского возраста, 13 взрослым, среди которых 7 мужчин, 5 женщин и у одного индивидуума пол определить не удалось (таблица)».

Ил. 2. **Могильник Сайгатинский IV.** 2009 г. Раскоп № 7. Сводный план находок и погребений.

Таблица

Половозрастной состав антропологических останков, полученных в ходе раскопок могильника Сайгатинский IV в 2009 г.[4]

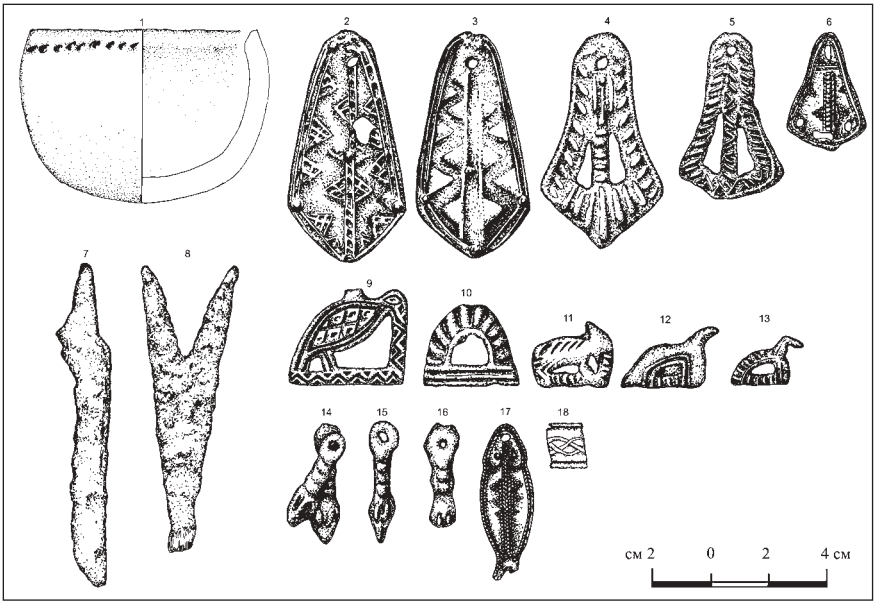
Погребение	Пол	Возраст
308, ск.1	м	35–55
308, ск.2	?	16–20
309	?	?
310	–	5–9
311	м	25–40
312	?	20–25
313	ж	20–30
314	м	20–25
315	ж	30–45
317	–	6–10
318	–	Костный тлен
319	м	20–30
320	–	Костный тлен
321	–	5–9
322	–	0–0,5
323	м	35–50
324	ж	18–22
326	–	3–4
327	–	1–2
328	ж	35–50
329	ж	18–25
330	–	0,5–1
331	–	3–4
332	м?	20–30
333	м	25–35
335	–	9–13
337	–	5–6
338	–	0–3
339	–	2–4

Могильные ямы на дневной поверхности не фиксировались, а на зачистке были представлены пятнами подпрямоугольной формы. Размеры ям — от 78х20 до 230х40 см, глубина — от 15 до 50 см от уровня современного дневного горизонта. Большинство погребённых были уложены вытянутыми на спине, головой на юг. Удалось зафиксировать такие детали обрядности, *как «пеленание тела с головой, фиксация нижней челюсти, кольцевая принудительная фиксация тела в области плеч и коленных суставов, сведение ног в области голеностопных суставов, пронация рук и уложение их ладонной поверхностью вверх в области передней или боковой поверхности бёдер»*[5]. Захоронение, чаще всего, совершалось в деревянной колоде

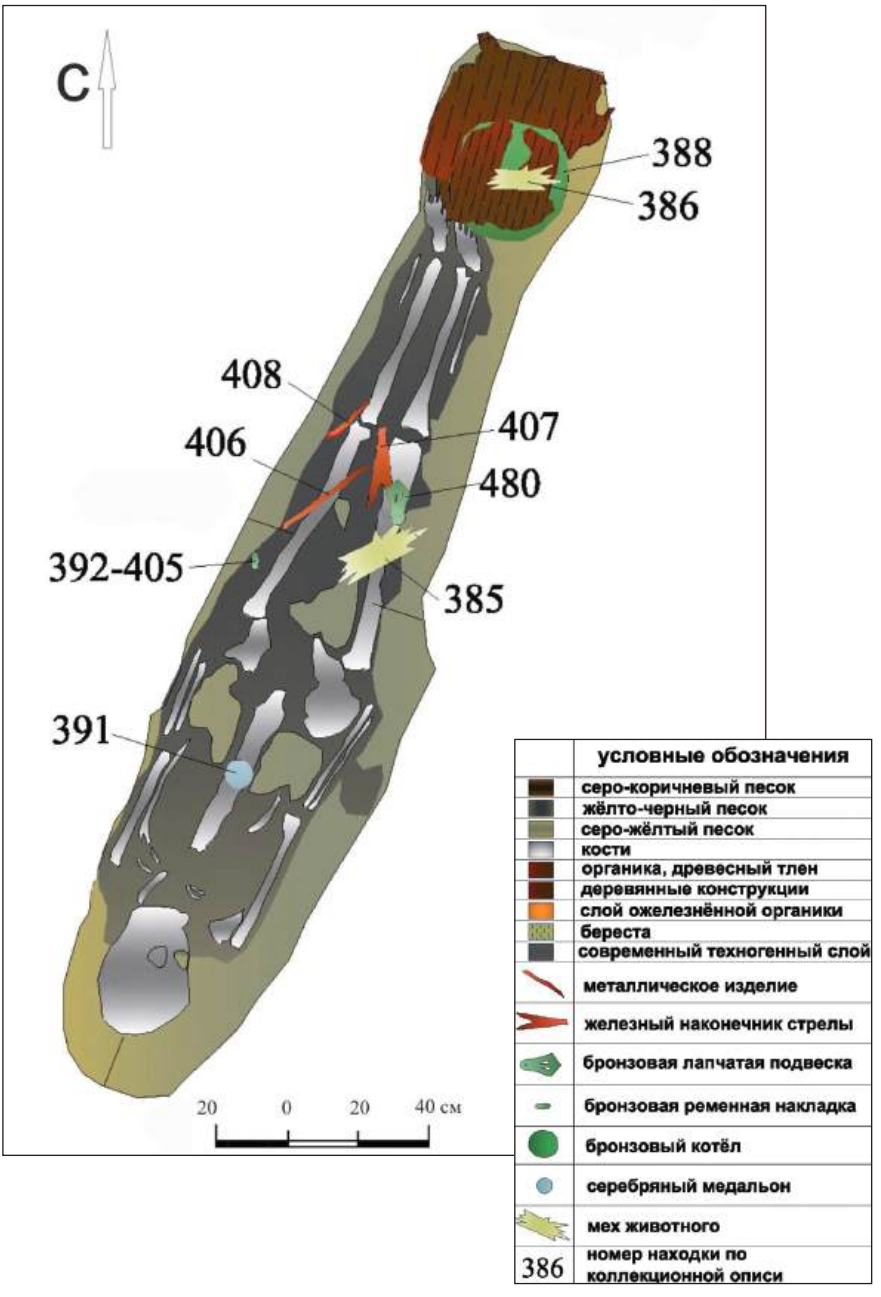
с берестяным перекрытием. В некоторых случаях сохранились остатки меховой одежды или покрывала.

Погребальный инвентарь состоял из бронзовых (лапчатые подвески, орнитоморфные и зооморфные пронизки, ременные накладки) и железных (ножи, наконечники стрел) изделий. В нескольких погребениях обнаружены костяные предметы (возможно, наконечники стрел) и фрагменты серебряной фольги. В одну из могил был поставлен керамический сосуд (ил. 3)[6].

Наиболее представительным, на наш взгляд, надо признать захоронение № 333 (ил. 4 — *6*). Форма могильной ямы — подпрямоугольная, размеры — 198х45 см. Ориенирована она по линии юго-запад — северовосток. Сохранились: берестяное перекрытие, стенки и фрагменты дна

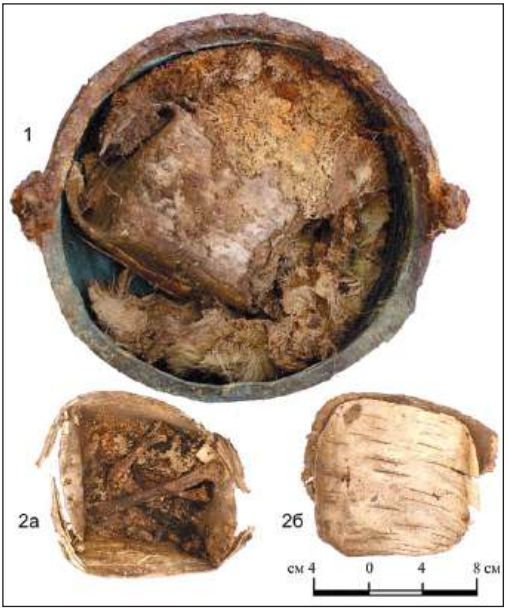
Ил. 3. **Могильник Сайгатинский IV.** Раскоп № 7. Погребальный инвентарь: 1 — керамический сосуд (погребение 337); 2—3 — бронзовые лапчатые подвески (погребение 320), 4—6 — бронзовые лапчатые подвески (погребения 317, 327, 323); 7 — железный нож (вне погребений); 8 — железный вильчатый наконечник стрелы (вне погребений); 9 — бронзовая полая орнитоморфная подвеска (погребение 315); 10 — бронзовая полая подвеска (погребение 318); 11—13 — бронзовые полые зооморфные подвески (погребения 312, 328, 332); 14—16 — бронзовые подвески «стрелки» (погребения 314 и 330); 17 — серебряная подвеска «рыбка» (вне погребений); 18 — фрагмент серебряной пластины? (погребение 323)

Ил. 4. **Могильник Сайгатинский IV.** Раскоп № 7. Погребение № 333. План

Ил. 5. **Могильник Сайгатинский IV.** Раскоп № 7. Погребение № 333. Находки: 1 — бронзовые ременные накладки, 2 — серебряный медальон, 3 — бронзовая лапчатая подвеска

Ил. 6. **Могильник Сайгатинский IV.** Раскоп № 7. Погребение № 333. Находки: 1 — бронзовый котёл с содержимым (мех, берестяной туесок с костями птицы), 2 — берестяной туесок с костями птицы (а — корпус, б — крышка)

Ил. 7. **Могильник Сайгатинский IV.** Раскоп № 7. Погребение № 328 и установленная рядом опора ЛЭП. Снято с востока

Ил. 8. **Могильник Сайгатинский IV.** Раскоп № 7. Погребение № 332 и уложенная сверху труба нефтепровода. Снято с севера — северо-востока

колоды (под котлом в северо-восточной части). В районе бедренных костей и костей ступней зафиксированы фрагменты меха животного. Скелет находился в анатомическом сочленении. Погребение не пострадало ни от грабителей, ни от строителей. Инвентарь представлен следующими находками: серебряный медальон с изображением сокольничего, бронзовые ременные накладки (ил. 5), железные наконечники стрел, железный нож, медный котёл с железной ручкой. В котле находился берестяной туесок с костями птицы (ил. 6).

На площади раскопа № 8 могилы не обнаружены.

Могильник сильно пострадал в ходе постройки и эксплуатации нефтепроводов: погребения, находившиеся на верхних горизонтах (более мелкие), были уничтожены, о чём свидетельствуют находки костей и погребального инвентаря в переотложенном слое (ил. 7, 8).

Всего за время раскопок на могильнике Сайгатинский IV была вскрыта площадь более 3000 кв. м, исследовано 339 погребений. Памятник датирован XII–XVI вв. Многие обнаруженные при раскопках предметы материальной культуры не только представляют несомненный научный интерес, но и являются высокохудожественными образцами декоративно-прикладного искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Терехова Л.М.** Отчёт о раскопках в районе пос. Сайгатино Сургутского района Тюменской области в 1986 г. – Свердловск, 1986. – Т. 1–3. – Архив ИА РАН. – Ф. Р–1. Д. 11431–11433.

[2] **Терехова Л.М.** Отчёт об археологических исследованиях в районе пос. Сайгатино в 1987 г. – Свердловск, 1987. – Т. 1–2. – Архив ИА РАН. – Ф. Р–1. Д. 12372а, 12373; **Терехова Л.М.** Отчёт о раскопках Сайгатинского IV могильника летом 1988 г. – Свердловск, 1991. – Архив ИА РАН. – Ф. Р–1. Д. 17549; **Терехова Л.М., Карачаров К.Г.** Раскопки Сайгатинских могильников // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО АН СССР, 1989. – С. 161.

[3] **Куличкова Е.А.** Проект изыскательских работ по объекту: «Нефтепровод Усть-Балык – Нижневартовск – 231-й км пр. Сайгатина, основная нитка Ду 1020 мм. Замена ППМН (методом ННБ). Сургутское УМН. Реконструкция». – Сургут, 2009. – Т. 25.1: Археологические изыскания. – БИИКФ Сургутского р-на. – Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 458.

[4] **Ражев Д.И.** Отчёт о научно-исследовательской работе по обработке антропологического материала из могильника Сайгатинский IV. Раскопки 2009 года. – Тюмень, 2010. – С. 32.

[5] **Святова Е.О.** Отчёт о полевых антропологических исследованиях Сайгатинского IV могильника (ХМАО). – Екатеринбург, 2010 // Носкова А.В. Отчёт о НИР: Охранные археологические раскопки могильника Сайгатинского IV в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2009 году. – Сургут, 2010. – Кн. 1. – БИИКФ Сургутского р-на. – Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 470. – С. 139.

[6] Рисунки находок выполнены м.н.с. ПНИАЛ УрГУ Е.А. Юдиной

Легенды и были Самарова городка

О.И. Приступа
г. Ханты-Мансийск
Музей природы и человека

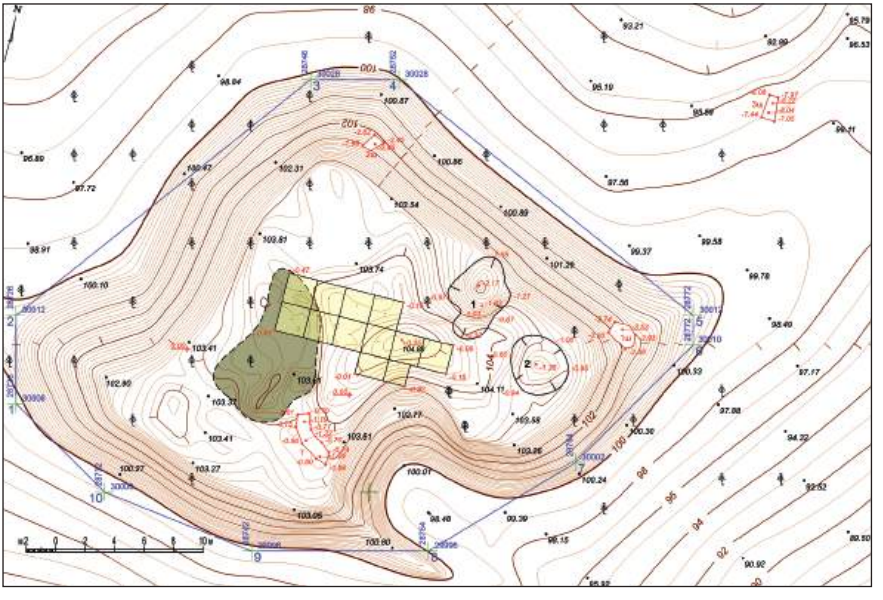
Летом 2008 г. состоялись раскопки Самарова городка. Необходимость изучения памятника была обусловлена несколькими причинами. Городище активно раскапывается «любителями» древней истории. Культурный слой по состоянию на 2008 г. был значительно повреждён. Кроме того, памятник много лет является неофициальной достопримечательностью города, своего рода местной легендой, связанной с именем князя Самара, правившего Белогорским княжеством во втор. пол. XVI в. С появлением культурно-туристического комплекса «Археопарк» рядом с городком памятник планируют ввести в экскурсионный маршрут. При этом надёжно датирующих Самаров городок материалов у исследователей не было. Таким образом, целью раскопок городка стало изучение его культурно-хронологических особенностей, а одной из задач — подтверждение или опровержение того, что в культурном слое есть артефакты, относящиеся именно ко времени жизни князя Самара — примерно ко втор. пол. XVI в.

Место

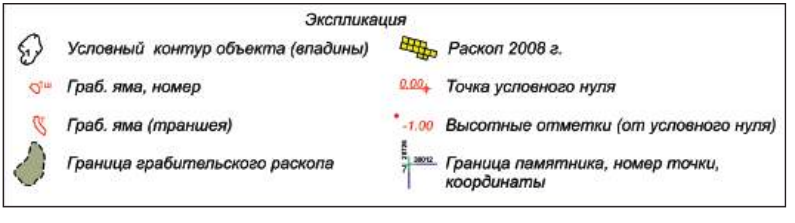
Памятник расположен в черте г. Ханты-Мансийска, на территории природного парка «Самаровский Чугас» (квартал 112, выдел 9) (ил. 1, 2). Городок находится на вершине 70-метровой моренной террасы, имеющей несколько местных названий: Каменный мыс, Кладовой мыс, Заводной мыс, Пионерская гора, Санаторская гора[1]. Территориально он занимает участок на северо-восточной границе памятника природы «Самаровский останец» и территории культурно-туристического комплекса «Археопарк», в 2,6 км северо-западнее церкви Покрова Пресвятой Богородицы (Самарово), в 0,8 км юго-восточнее городища Увал. Общая площадь памятника — около 980 кв. м.

Ил. 1. Правая коренная терраса р. Иртыша. Место расположения Самарова городка. Снято с юго-запада

1 см = 2 м. Балтийская система высот. Система координат местная.
Горизонтали: сплошные – через 1 м, дополнительные – через 0,1 м.
Тахеометрическая съёмка: Стародумов Д.О. 01.07.2008.

Ил. 2. **Самаров городок.** План

История изучения

Самаров городок получил свое название по имени Самара — князя Белогорского княжества. О княжестве известно немногое: С.В. Бахрушин отмечает, что в его пределах насчитывалось 80 человек ясачных и что особое значение оно приобрело благодаря своим «святилищам и оракулам»[2].

С имением самого Самара связан исторический факт. На исходе зимы 1583 г. казаки, возглавляемые Никитой Паном, двинулись вниз по Иртышу в ясачный поход. В этом походе были захвачены юрты князя Самара, расположенные на правом берегу Иртыша, недалеко от устья[3]. Сам Самар при этом был убит. После его смерти княжество утратило самостоятельность и попало под влияние Коды[4]. Это переломное событие в жизни аборигенного населения и послужило основой для столь долгой памяти о князе.

Из различных источников известно, что у Самара, кроме юрт, на месте которых в нач. XVII в. возникло русское поселение Самаровский ям, было ещё и укрепленное убежище — тот самый Самаров городок. Существует ряд письменных источников, позволяющих подтвердить существование княжеских юрт и городка, а также и самого князя Самара. Наиболее ранний — это эпизод из Кунгурской летописи, где повествуется о событиях под «самой Самар»: *«И мая в 20 день, доплыша до Самара княжца, и ту в сборе 8 княжцов ждуще побити силою. Богдшка[5] с товарищи моляся Богу в день неделный, приплыша протокою под самой Самар и засташи многих остяков, на карауле спящих, твёрдо, без опасения. Егда же на стоящих удариша из ружья и убиша княжца Самару и с родом его...»*[6]. Описываемые события более похожи на захват юрт, которые располагались у подножия *«гор»*, т. е. под *«самой Самар»*.

Далее, упоминание об укреплённом убежище — городке — есть в записках Н.Г. Спафария Милеску, который в 1675 г. проездом посетил Самаровский ям: *«А Самаров ям потому словетъ, что был остяцкий князь в том месте, имянем Самары, так же и городок выкопан на высоких горах и шанцы[7] по се время видятся. А Самаровские горы зело высоки и круглы суть ...»*[8].

Наиболее точное описание городка сделано академиком Г.Ф. Миллером. В 1740 г. он, будучи в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции, провёл некоторое время в Самаровском яме и лично посетил старое остяцкое укрепление. Миллер пишет, что на самом верху горы высотой примерно 30—40 саженей[9], подняться на

которую можно лишь с величайшими усилиями, находилась искусственно созданная круглая площадка в 10 саженей в поперечнике. На этой площадке были видны ямы от двух жилищ[10].

События, связанные с захватом юрт, описывает и Х.М. Лопарев. Он также приводит народное предание[11] о захвате некоего укрепления (без привязки последнего к местности). Единственное возможное указание на то, что казаки бились за Самаров городок, — фраза о нахождении пуль на «каменистом берегу городища»[12]. Подножие останца, на котором расположен Самаров городок, ещё в XX в. местные жители помнили как Каменный мыс. Каменным мысом это место называли из-за валунов и крупных галек в обнажениях южного склона останца. Сегодня склон Самаровской горы признан уникальным геологическим объектом — естественным выходом горных пород на дневную поверхность. Крупные камни и по сей день сохранились в небольшом ручье, протекающем в восточной части подножия горы. Возвращаясь к сцене покорения укрепления, описанной Х.М. Лопаревым, можно отметить, что она действительно более похожа на легенду, чем на реальное событие.

Ещё одно название городка — *Тунк-Пох-вош* или *Тунг-Пох-ваш* (Божьего Сына городок)[13]. В сентябре 1888 г. С.К. Патканов осмотрел городище, после чего написал: *«Около с. Самаровского я посетил древнее городище, которое... имеет священное значение в глазах остяков. Это город «Тунк-поха», т. е. «сына Мира», одного из остяцких божеств. «Каменный мыс», на котором расположено городище, считается земной резиденцией этого божества. Существует верование, что здесь он спускается на землю и здесь же поднимается на небо»*[14].

В другой работе С.К. Патканова есть следующая информация: *«Крутой мыс рядом с Самарово, где находилась прежняя резиденция As-iga*[15]*, известен ещё и тем, что здесь... спустился с неба на землю Tunk-pox, не равнодушное к человечеству божество»*. И далее приводится легенда об охоте божества на шестиногую беременную лосиху, один из значительных эпизодов которой происходит на Каменном мысу[16].

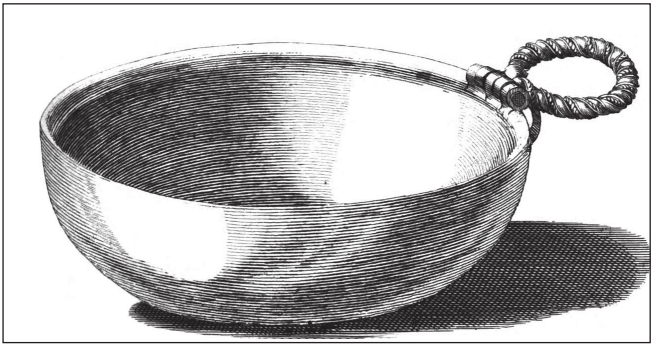
О том, что это место почиталось, говорит и обычай приезжающих в Самарово остяков покупать петуха и закалывать его напротив городища: *«Приносили ли они жертву речному богу или справляли печальную тризну в виду своей прежней столицы...»*[17].

С появлением русского населения Самаров городок стал одним из мест поисков волшебных кладов. С.К. Патканов отмечает: *«Место,*

где находилось городище, достаточно обезображено раскопками, совершавшимися неоднократно под руководством людей, претендовавших на способность видеть, что скрыто в земле, так что теперь трудно сообразить, какой вид имело городище. Крестьяне и теперь уверены, что им удалось докопаться до клада, но что он ушёл в землю, потому что не было выполнено условие, необходимое для благоприятного исхода работы, именно уверяют, будто здесь зарок, что клад дастся, если его будут копать 3 Никиты из 3 разных волостей...»[18]. У Е.В. Кузнецова в статье о кладоискательстве в Западной Сибири приводится легенда о том, как самаровцы искали сокровища на Городищенском мысу возле Самарово[19]. Городищенский мыс мог быть связан и с городищем Увал, расположенным западнее Самарова городка, но, вероятнее всего, объектами для поисков кладов служили оба памятника.

Важно отметить, что среди достаточного количества упоминаний о памятнике в дореволюционной литературе нет сведений о каких-либо находках с него. Но сведения общего характера, без привязки к городку, всё же имеются.

Одним из наиболее ранних сообщений о находках из Самаровского яма является заметка Н. Витсена в труде «Северная и Восточная Тартария»[20]. В 1698 г. во время Великого посольства в Голландию Ф.А. Головин подарил Н. Витсену серебряную чашу (ил. 3)[21]. Ценный дар был найден в могиле, обнаруженной выше по течению Иртыша от Самаровского яма[22]. Н. Витсен пишет, что подмытый сильным течением реки берег обрушился и обнажил могилу, в которой находились фрагменты человека и серебряные украшения (браслет, ожерелье, серебряная чаша круглой формы *«в виде полушара, весом около 25*

Ил. 3. **Самаров городок.** Чаша. *Из кн.:* ***Witsen N.*** *Noord en Oost Tartaryen... – Рис. 4 между с. 748 и 749*

гульденов серебра, величиной в поперечнике в полпяди» с ручкой в виде колечка)[23]. По мнению некоторых исследователей, описание предметов из могилы дает основание отнести эти находки к числу изделий развитого Средневековья из Волжской Булгарии[24].

Ещё одну находку упоминают Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Табберт-Страленберг. Это металлическое зеркало с арабской надписью[25]. Оба автора называют зеркало медалью или медной пластиной. Из легенды находки известно, что *«...русские отняли эту медную медаль или пластинку у остяков близ Самарово»*[26]. В списке населённых мест Тобольской губрении 1871 г. есть информация о том, что в XVIII в. в с. Самаровском у остяков было найдено металлическое зеркало с арабской надписью X—XI вв. и что подобные зеркала находили в Болгарах и Билярске Казанской губернии[27]. Перевод надписи, выполненный Г.Я. Керром, приведён у Страленберга[28] и у Г. Якоба[29].

Из более поздних источников есть только одна заметка — у В.П. Левашовой о железном наконечника копья с Самаровского городища, переданного в Омский музей в 1945 г.[30]

В фондах Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) имеется коллекция средневековой (зеленогорского времени) керамики, найденной школьниками на горе около бывшего пионерлагеря в 1976 г.[31]

В 2008 г. сотрудники отдела археологии указанного музея ознакомились с несколькими предметами, найденными в районе Самарова городка жителем г. Ханты-Мансийска. Все изделия были обнаружены при помощи металлоискателя. Это бронзовая антропоморфная фигурка из круга кулайского культового литья[32], втульчатый наконечник железного копья сер. II тыс. и небольшая коллекция монет XVIII—XIX вв.

Научное изучение Самарова городка было продолжено лишь в 1999 г. в ходе проведения археологической разведки Д.О. Стародумовым[33]. Было установлено, что территория памятника представляет собой относительно ровную поверхность, естественной границей которой в южной части является кромка крутого склона. Западная часть городка была залесена и отделена от соседнего мыса неглубоким логом (рвом?). Северная и восточная части плавно переходили в крутые залесённые склоны. В северо-восточной части памятника тогда были найдены две впадины. Искусственно созданной, чётко выраженной в рельефе системы фортификации не выявлено. Однако, учитывая особенности месторасположения, тип памятника был определён как укреплённое поселение (городище). На памятнике хорошо прослеживались современные следы нарушения культурного слоя в виде 5 шурфов. Центральную часть

городища прорезала грабительская траншея, к западу от которой прослеживались контуры неглубокого прямоугольного объекта 5,0х3,3 м, частично перекрытого выкидом из траншеи[34].

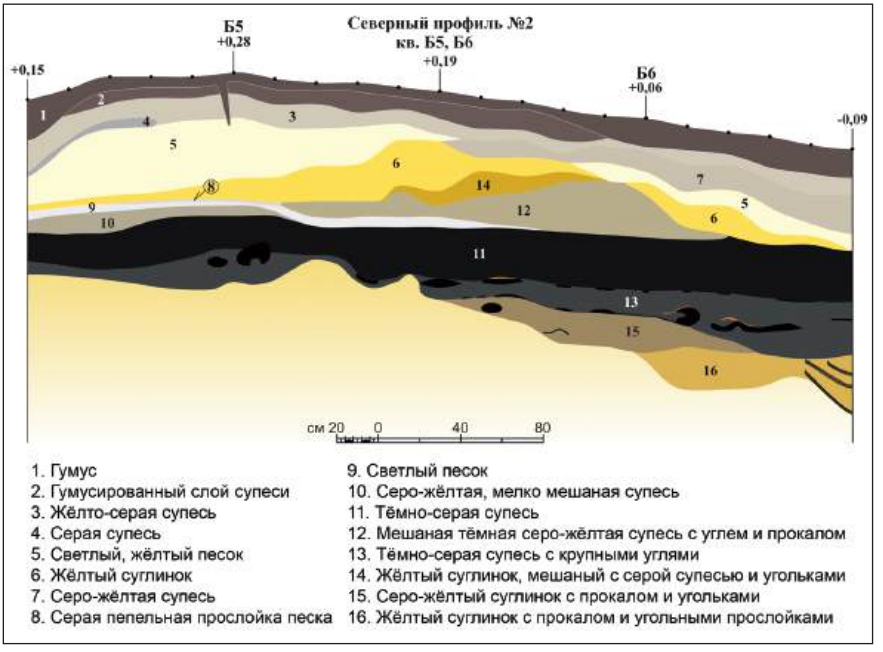
При том осмотре городища в обнажении склона были найдены точильный камень и два неорнаментированных фрагмента стенок лепных сосудов. По артефактам и письменным источникам памятник был датирован втор. пол. I тыс. н. э. — кон. XVI в.[35]

Раскопки 2008 г.

В 2008 г. в ходе осмотра и съёмки памятника перед раскопками были выявлены изменения в рельефе, произошедшие в период с 1999 по 2008 г.[36] В северо-западной части городища был зафиксирован грабительский раскоп площадью около 35 кв. м. После вскрытия он был засыпан, остатки отвала зафиксированы только по западному краю городища. В ходе непрофессиональных раскопок был уничтожен объект, перекрытый выкидом из грабительской траншеи. Изменился внешний вид центральной и северной частей памятника. Исчезли одни грабительские шурфы, появились другие. На севере и северо-востоке сохранились две впадины. Впадина № 1: размеры — 4,0х4,5 м, выход — 1,5х2,3 м, средняя глубина — 1,24 м. Впадина № 2, возможно, появилась в результате работ сейсмологов — след от сейсмовзрыва? На такую мысль, помимо прочего, наталкивает надпись на дереве рядом: «Т-14, ↓3 м». Размеры этой впадины — 4,0х4,5 м, средняя глубина — 0,35—0,75 м. По лесному склону памятника на северо-востоке отмечены три шурфа. В центральной части сохранилась траншея.

В северной части памятника, на границе с лесным массивом был заложен раскоп размером 48 кв. м. Малая площадь раскопа была обусловлена небольшой площадью памятника, доступной для раскопок. С учётом границы леса, вырубку которого не санкционирует руководство природного парка «Самаровский Чугас», и места под отвал была определена площадь раскопа для работы в 2008 г.

Из выявленных 34 слоёв и прослоек 19 являются переотложенными (ил. 4). Основным целостным культурным слоем (заполнения жилищ и ям) является тёмно-серая супесь и несколько слоёв под ней. В этом памятнике мощностью 0,3—1,8 м содержатся немногочисленные находки. Всего получено 288 находок, 134 из которых представляют собою археозоологические образцы. В культурном слое памятника найдено четыре крупных объекта (котлованы от построек, возможно, жилищных) и восемь небольших ям. Одна постройка (жилище № 4)

Ил. 4. **Самаров городок.** Раскоп 2008 г. Стенка. Северный профиль № 2

была разрушена любительскими раскопками и прослеживается только по стратиграфии. Две другие постройки (жилища 2, 3) зафиксированы по границе раскопа. Ещё один объект (жилище 1) изучен полностью. Контуры жилищ найдены под непереотложенным слоем.

Жилище № 1 размерами 3,40х4,00х1,07 м обнаружено по чёткому контуру из тёмно-серой супеси (ил. 5). Ориентировано по линии запад — восток, предполагаемым выходом на запад. Котлован был заполнен тёмно-серой супесью, жёлтым суглинком (смешанным с тёмно-серой супесью и углем), жёлто-серым суглинком (с пепельным вкраплением). Объект был перекопан, вероятно, довольно давно. Перекоп хорошо фиксировался после обнаружения постройки по округлому контуру светлого песка на фоне тёмно-серой супеси и воронковидному углублению после выборки заполнения. Жилище залегало в желтом материковом суглинке. На самом дне (под перекопом) отмечен белесый рыхлый песок.

В северо-восточном углу жилища была расчищена ямка 0,69х0,38х0,20 м в материковом жёлтом суглинке. Заполнение — тёмно-серая супесь с остатками органики (трухи). На дне найден оселок.

Ил. 5. **Самаров городок.** Раскоп 2008 г. Жилище № 1. Снято с северо-востока

Ил. 6. **Самаров городок.** Раскоп 2008 г. Жилище № 2. Снято с юго-запада

К западной стенке жилища прилегало пятно округлой формы неоднородного заполнения с прокалом и угольками, в ходе раскопок сначала трактованное как выход. После выборки культурного слоя объект принял форму ямы размерами 1,0х1,0х0,37 м, отделённой перешейком от основного котлована. Назначение ямы не определено.

Из конструктивных элементов жилища удалось проследить немногое: по контуру котлована — множественные тёмно-серые заплывы, вероятно, от деревянного каркаса, у северной стенки — остатки земляных нар размерами 1,0х1,40х0,12 м.

Находки: зуб росомахи[37], таранная кость лося, кости млекопитающего, камни (среди них — абразив), оловянная подвеска со стеклянной бусиной, железный наконечник стрелы, неорнаментированный фрагмент керамики, обломок медного изделия, небольшой фрагмент шлака.

Жилище № 2. Ширина по юго-западной стенке — 2,50 м, глубина — 0,71 м. Размеры предполагаемого выхода — 1,02х0,64х0,21 м. Ориентировано по линии юго-запад — северо-восток, выходом на юго-запад (ил. 6). Постройка вошла в раскоп частично. Выход (?) — овальный, залегает выше дна котлована постройки на 0,49 м. Он не имеет плавного перехода в жилищный котлован. Других конструктивных элементов не найдено. Заполнение объекта — тёмно-серая супесь и серо-жёлтый суглинок, очень плотный, с крупными кусками обожжённой глины, прокалом, углями. Отмечены вкрапления серо-жёлтого суглинка без примесей и серого суглинка.

Находки: фрагмент орнаментированной керамики, кости млекопитающего (в том числе лошади), шлак, камни (в том числе абразив), костяной наконечник стрелы.

Жилище № 3. Ширина по юго-западной стенке — 2,65 м, глубина котлована — 0,66 м, размеры выхода — 1,21х1,24х0,47 м. Ориентировано по линии юго-запад — северо-восток, выходом на юго-запад (ил. 7). Зафиксировано по большому скоплению углей в тёмной серой супеси. Объект не полностью вошёл в раскоп.

Заполнение котлована — тёмно-серая супесь, тёмно-серая супесь с углями, серо-жёлтый суглинок с углями и прокалом, жёлтый суглинок с угольными прослойками и прокалом.

Выход жилища плавно переходит в дно котлована. В верхнем, тёмно-сером слое, расчищено множество фрагментов сгоревшего дерева. Куски угля длиной до 0,77 м, шириной до 0,32 м и толщиной до 0,05 м, подовальные и округлые в сечении преимущественно ориентированы либо с северо-запада на юго-восток, либо с юго-запада на северо-

Ил. 7. **Самаров городок.** Раскоп 2008 г. Жилище № 3. Снято с юго-запада

восток. Среди углей найдено множество фрагментов обгоревших костей животных и рыб. Сгоревшая деревянная конструкция постройки была, вероятно, наземной. Следов от столбовых ямок нет. Дно котлована постройки неровное, с двумя углублениями в 0,20 м и 0,23 м.

Находки: в углях найдены кости и зуб лося и лошади, зубы северного оленя, кости рыб.

На дне котлована обнаружен железный навесной замок и камень.

Находки 2008 г.

Изделия из глины

Фрагмент орнаментированного венчика глиняного лепного сосуда (ил. 8 — *3*). Найден на уровне –0,32 см. Размеры — 5,6х2,4х0,7 см. Срез прямой, орнаментирован косо поставленной гребёнкой. Шейка украшена вертикальным гребенчатым штампом и ямками. Цвет — от серо-коричневого до тёмно-серого. В формовочной массе хорошо видны фрагменты дроблёного камня. Датировка венчика вызывает сложности из-за его мелких размеров. Кроме того, артефакт найден в переотложенном слое.

Фрагмент орнаментированного венчика глиняного лепного сосуда (ил. 8 — *4*). Найден на уровне –0,57 см. Размеры — 4,0х3,1х0,7 см.

Фрагмент тёмно-серого цвета. Срез венчика заглажен. Шейка слегка выгнута наружу. Фрагмент орнаментирован треугольными оттисками. Вероятнее всего, фрагмент относится к XIII–XIV вв. (сайгатинский этап Обь-Иртышской историко-культурной общности).

Фрагмент неорнаментированной стенки (?) глиняного лепного сосуда. Найден в жилище № 2 на уровне –0,76 см. Размеры – 2,8x3,0x0,7 см. Цвет серо-рыжий. Множественные сколы. На внешней стороне два желобка. Датировка затруднена.

В раскопе также найдены множественные куски обожжённой глины и обломки технологической керамики.

Изделия из железа

Замок. Замок навесной, цилиндрический, в замкнутом состоянии (ил. 9 – *10*). Обнаружен в жилище № 3 на уровне –1,14 см. Высота – 6,7 см, ширина – 4,1–4,7 см, толщина – 0,7–2,0 см. Аналогичные изделия известны из памятников Нижнего Обь-Иртышья (городища Перегрёбное, Рачёво, Старый Погост) и отнесены к типу **Б** новгородских замков XII – перв. пол. XIV в.[38]

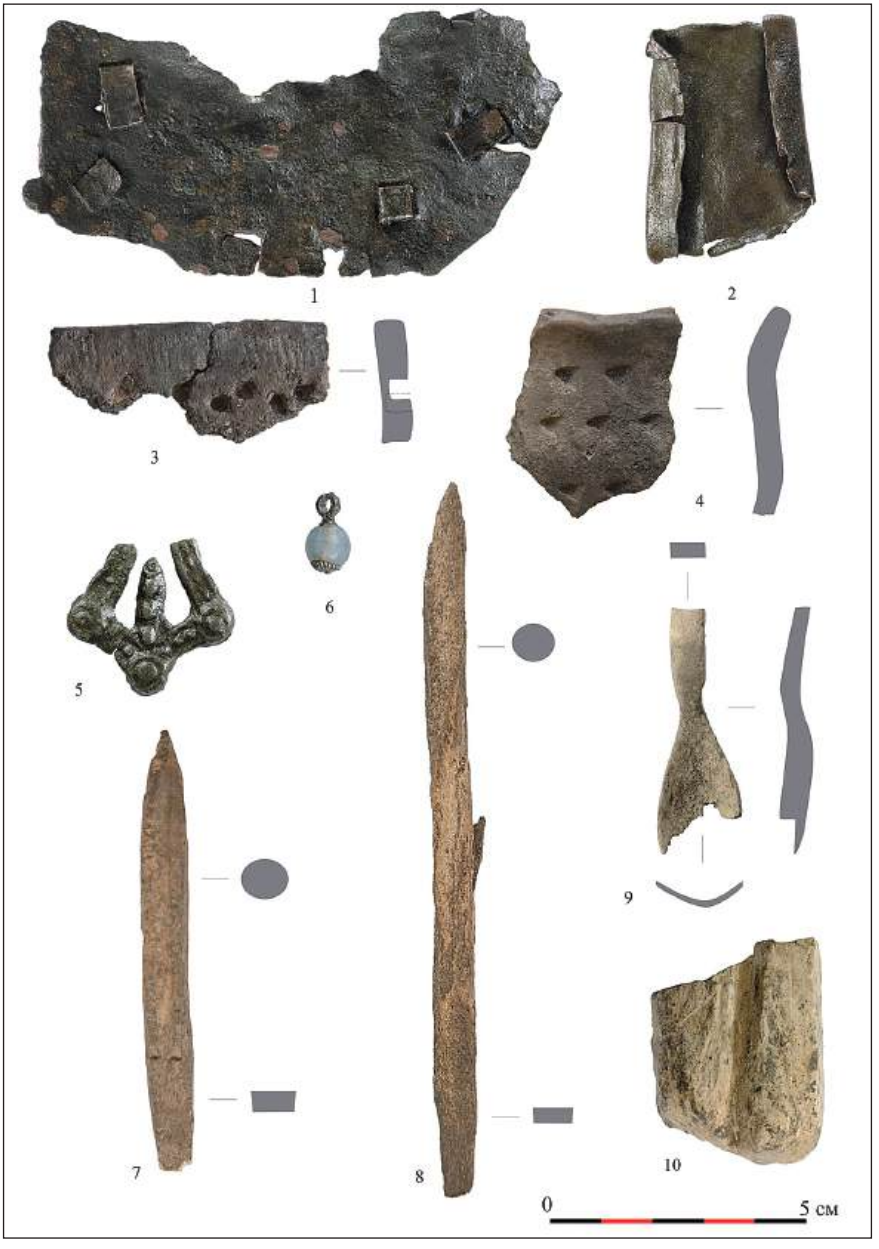
Кресало однолезвийное, калачевидной формы, без язычка, со смыкающимися дужками, завершающимися завитками (ил. 9 – *4*). Найдено на уровне – 0,47 см. Размеры – 3,1x6,6x0,4 см. Изделия такого типа соответствуют позднему варианту первого типа новгородских кресал, датированных кон. XI – сер. XIII в. Подобные кресала были широко распространены в Северной Евразии до XIX в.[39]

Наконечники стрел. Найдено 2 экземпляра разных типов.

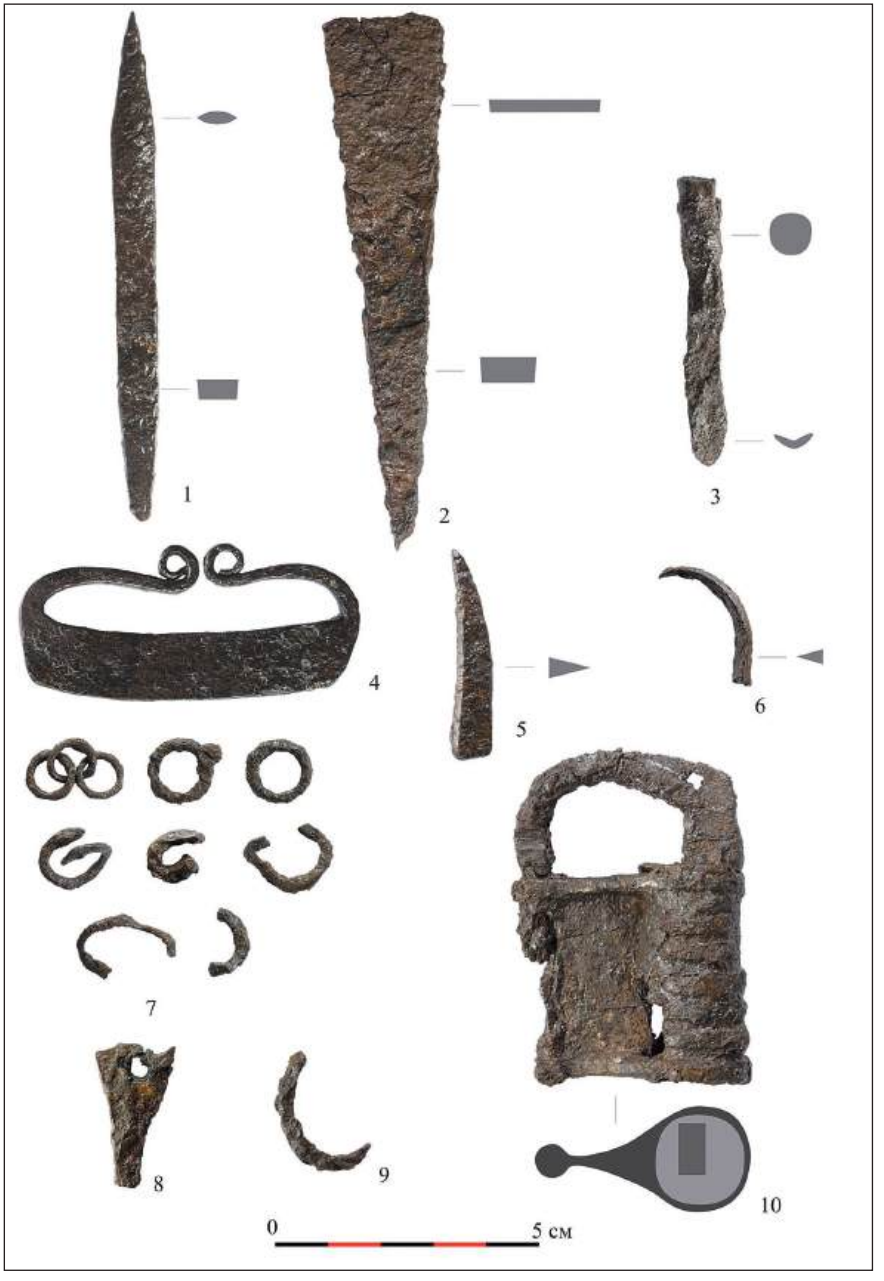
Наконечник черешковый, плоский, без упора, боеголовковый (ил. 9 – *1*). Зафиксирован на уровне –0,48 см. Размеры: длина – 9,8 см, ширина – 0,2–0,9 см, толщина – 0,5 см. Черешок уплощенный, прямоугольный в сечении. Боеголовка в сечении ромбическая. Имеет широкие аналогии и датируется последними веками I тыс. – XVII в.[40]

Срезень в виде расширяющейся к острию лопаточки, без упора, в сечении прямоугольный (ил. 9 – *2*). Найден в жилище № 1 на уровне – 0,76 см. Размеры: длина – 10,1 см, ширина – 2,3 см, толщина – 0,5 см. Подобные наконечники известны из раскопок городища Эмдер и других памятников Северо-Западной Сибири и датируются от кон. VI – VII в. до кон. XVI в.[41]

Кольчужные кольца (ил. 9 – *7*). Найдено 10 колец. Три из них являются фрагментом кольчужного плетения, четыре кольца разомкнуты, одно сломано, два кольца целых. Диаметр колец – от 0,9 см до 1,2 см, толщина – 0,01–0,02 см, уплощенные. На нескольких экземплярах сохранилось соединение заклёпкой. Такой способ «на гвоздь»

Ил. 8. **Самаров городок.** Раскоп 2008 г. Находки: фрагменты котлов *(1, 2)*, венчики сосудов *(3, 4)*, украшения *(5, 6)*, наконечники стрел *(7, 8)*, ложечка *(9)*, абразив (10). *1, 2 – медь; 3, 4 – керамика; 5 – бронза; 6 – олово, стекло; 7, 8 – кость; 9 – дерево: 10 – камень*

Ил. 9. **Самаров городок.** Раскоп 2008 г. Находки: наконечники стрел *(1, 2)*, лучковое сверло *(3)*, кресало *(4)*, ножи *(5, 6)*, кольчужные кольца *(7)*, фрагменты изделий *(8, 9)*, замок *(10)*. *1–10 – железо*

был характерен для плетения русского кольчатого доспеха, бытовавшего в XIII—XVII вв. Находки кольчужных колец известны из городища Эмдер и других памятников Северо-Западной Сибири[42].

Сверло лучковое (ил. 9 — *3*). Зафиксировано на уровне —0,40 см. Размеры: длина — 5,5 см, диам. — 0,8 см. Несущий стержень в сечении округлый. Лезвие с выемкой, серповидное в сечении. Аналогичное сверло известно из слоёв XI—XVI вв. городища Эмдер. Подобные лучковые сверла с перовидным лезвием были широко распространены в средневековой Восточной Европе и Западной Сибири, имеют аналогии и в этнографии обских угров и самодийцев[43].

Ножи (ил. 9 — *5, 6*). Два обломанных экземпляра. Оба представлены лезвиями небольших ножей, треугольных в сечении. Найдены на уровнях —0,50 и —0,47 см. Спинка одного лезвия слегка вогнута. Размеры: длина — 4,0 см, ширина — 0,8 см, толщина — 0,3 см. У другого ножа лезвие деформировано (согнуто). Его параметры: длина — 2,3 см, ширина — 0,6 см, толщина — 0,3 см. Датируются в широких пределах втор. пол. I—II тыс.

Обломки изделий. Эта категория предметов представлена двумя черешками, треугольным плоским фрагментом изделия со сквозным отверстием (ил. 9 — *8*), прямоугольной пластинкой. Ещё один обломок, найденный на уровне —0,80 см, возможно, является фрагментом железного рыболовного крючка (ил. 7 — *9*).

Изделия из цветного металла

Лапчатая подвеска (ил. 8 — *5*). Бронза. Изделие обломано, состоит из двух фрагментов, обнаруженных на уровнях — 0,20 и — 0,48 см. Размеры — 3,2x3,3 см, толщина — 0,2 см. Предмет имеет широкий круг аналогий в средневековых памятниках Севера Западной Сибири и датируется XIII—XIV вв.[44]

Фрагменты изделий из меди (ил. 8 — *1, 2*). Всего 14 экземпляров различной величины. Все фрагменты являются обрезками медных котлов. Подобные находки являются одним из самых массовых материаллов на позднесредневековых поселениях и городищах Северо-Западной Сибири и имеют широкую датировку в границах нач. — сер. II тыс.

Таблица 1

Монеты

№ п/п	Номинал / Дата	Место производства	Примечание
1	Денга 1751 г.	?	Раскоп I
2	Копейка 1771 г. (сибирская монета)	КМ Колыванский монетный двор	Раскоп I
3	1 копейка 1800 г.	ЕМ Екатеринбургский монетный двор	Раскоп I
4	2 копейки 1812 г.	?	Раскоп I
5	2 копейки 1814 г.	КМ–АМ Колыванский монетный двор / Алексей Малеев минцмейстер	Раскоп I
6	Денга 1768 г. (сибирская монета)	КМ Колыванский монетный двор	Сборы[45]
7	1 копейка 1799 г.	ЕМ Екатеринбургский монетный двор	Сборы
8	1 копейка 1801 г.	ЕМ Екатеринбургский монетный двор	Сборы
9	1 копейка 1801 г.	ЕМ Екатеринбургский монетный двор	Сборы
10	2 копейки 1810 г.	ЕМ–НМ Екатеринбургский монетный двор / Николай Мундт	Сборы
11	2 копейки 1813 г.	ЕМ–НМ Екатеринбургский монетный двор / Николай Мундт	Сборы
12	2 копейки 1813 г.	ЕМ–НМ Екатеринбургский монетный двор / Николай Мундт	Сборы
13	2 копейки 1814 г.	ЕМ–НМ Екатеринбургский монетный двор / Николай Мундт	Сборы
14	2 копейки 1838 г.	СМ Сузунский монетный двор	Сборы
15	1/2 копейки 1841 г.	СМ Сузунский монетный двор	Сборы
16	2 копейки 1865 г.	ЕМ–НМ Екатеринбургский монетный двор / Николай Мундт	Сборы
17	2 копейки 1876 г.	ЕМ–НМ Екатеринбургский монетный двор / Николай Мундт	Сборы

Подвеска с бусиной (ил. 8 — *6*) найдена на уровне —0,68 см. Олово, стекло. Высота — 1,6 см, диаметр бусины — 0,9 см. Стеклянная бусина молочно-голубого цвета закреплена на оловянном стержне, заканчивающемся петелькой для крепления. Датируется в широких пределах — от нач. до втор. пол. II тыс.

Изделия из кости

Наконечники стрел. Найдено 2 экземпляра разных типов.

Наконечник карандашевидный, длинный, овальный в сечении. Найден в жилище № 2 на уровне — 0,96 см (ил. 8 — *8*). Длина — 13,8 см,

диам. — 0,8 см. Острие оформлено заточкой самого кончика, насад уплощенный. Аналогичные наконечники найдены при раскопках городища Эмдер, в слоях XI—XVI вв. Наконечники этого варианта характерны для Западной Сибири, за пределами которой они единичны[46].

Наконечник карандашевидный, короткий, овальный в сечении. Обнаружен на уровне — 0,55 см (ил. 8 — *7*). Острие оформлено заточкой самого кончика, насад уплощенный. Длина — 8,6 см, диам. — 0,9 см. Как и в предыдущем случае, такие наконечники находят аналогии в слоях XI—XVI вв. городища Эмдер. Мелкие карандашевидные наконечники были широко распространены в памятниках I — нач. II тыс. от Среднего Енисея до Среднего Поволжья[47]. В Западной Сибири наиболее поздние находки таких наконечников датируются XV—XVI вв. (городище Искер)[48].

Фрагменты изделий из кости: неопределимые обломки со следами обработки (4 ед.).

Изделия из дерева

Миниатюрная ложечка с ручкой (ил. 8 — *9*). Обнаружена в яме № 5 на уровне —1,10 см. Размеры: длина — 4,7 см, ширина — 0,5—1,6 см, толщина — 0,5 см. Часть черпачка не сохранилась. Дерево обуглено. Деревянные ложки (не миниатюрные) известны из Сайгатинского III могильника и датируются XIII—XIV вв.[49]

Отходы металлургического производства

Всего найдено 15 кусков шлаков различных размеров и 2 окалины. Некоторые куски обожжённой глины также связаны с металлургическим производством.

Фаунистические остатки

На поверхности памятника и в раскопе обнаружены 134 образца фаунистических остатков. Найденные кости принадлежат:

— овца — 1 кость/1 особь,
— лошадь — 16 костей/1 особь (возраст 6—8 лет),
— лось — 44 кости/3 особи,
— северный олень — 4 кости/1 особь,
— медведь — 9 костей/1 особь (взрослая самка),
— росомаха — 3 кости/1 особь;
— неопределимые — млекопитающие 47 ед. (крупные животные размером с лося или лошадь).

Кости рыб:

— щука — 1 кость,
— рыба неопределяемая — 5 костей.

Изделия из камня

Грузило (ил. 10). Зафиксировано на уровне –1,29 см. Длина – 12,5 см, ширина – 9,5 см, толщина – 4,0 см. Форма – трапециевидная, с закруглённой вершиной. Имеются два сквозных отверстия диам. 1,3 см, выполненные двухсторонним сверлением. Грузила для калданных сетей меньших размеров известны из раскопок городища Эмдер (слои XI–XVI вв.) и других памятников Севера Западной Сибири[50]. Такие рыболовные снасти бытовали у коренных жителей этой территории достаточно длительный срок.

Камни. 51 ед. Некоторые из них визуально определяются как абразивы (ил. 8 – *10*). Остальные находки требуют трасологического анализа.

Ил. 10. **Самаров городок.** Раскоп 2008 г. Находка: грузило. *Камень*

Датировка

Из жилищ № 1–3 были взяты образцы древесного угля для радиоуглеродного анализа.

Таблица 2

Результаты радиоуглеродного анализа образцов угля из Смарова городка (раскопки 2008 г.)[51]

Объект, номер образца	Некалиброванная дата	Калиброванная дата OxCal v4.0.5
Жилище № 1 (котлован) СОАН-7608	820±45 лет	95.4% probability 1051AD (4.3%) 1081AD 1127AD (0.9%) 1135AD 1152AD (90.2%) 1280AD
Жилище № 2 (выход (?) СОАН-7609	900±40	95.4% probability 1034AD (95.4%) 1215AD
Жилище № 2 (котлован) СОАН-7610	940±30 лет	95.4% probability 1025AD (95.4%) 1160AD
Жилище № 3 (сгоревшая конструкция) СОАН-7607	700±30 лет	95.4% probability 1360AD (19.0%) 1388AD 1261AD (76.4%) 1310AD

Полученный радиоуглеродный возраст древесного угля из жилищ и коллекция артефактов позволяют датировать памятник от XI–XIV до XVIII–XIX вв. В XVIII–XIX вв., вероятнее всего, памятник почитал-

ся как священное место, на что указывают многочисленные монеты, найденные в верхних слоях. Артефактов втор. пол. XVI в. в полевом сезоне 2008 г. не найдено, при этом типичные позднесредневековые находки (наконечники стрел, кресало, обломки медной посуды) в культурном слое есть. Таким образом, датировка городка получена, но точных свидетельств эпохи князя Самара не найдено. Памятник перспективен в плане дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эти микротопонимы объясняются следующим: Каменный мыс — особенностью геологического строения моренной террасы, Кладовой или Заводной мыс — прежним наличием у подножия горы пристани со складами для хранения товаров, Санаторская гора — открытием здесь в июле 1934 г. детского санатория, Пионерская гора — функционированием возникшего на базе санатория пионерского лагеря им. З. Космодемьянской.

[2] **Бахрушин С.В.** Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // История народов Сибири в XVI—XVII вв. — М., 1955. — Ч. II. — С. 140.

[3] **Шашков А.Т.** Гибель Кучумова «царства» // Родина: Специальный выпуск. — М., 2002. — С. 76.

[4] **Бахрушин С.В.** Остяцкие и вогульские княжества... — С. 140.

[5] Богдан Брязга.

[6] Краткая сибирская летопись (Кунгурская). — СПб., 1880. — С. 21.

[7] Название полевых укреплений различного вида в России XVII—XIX вв.

[8] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. — СПб., 1882. — Т. X, вып. 1. — С. 40.

[9] Сажень — 2,16 м.

[10] Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера. — Екатеринбург, 2006. — С. 136.

[11] «...Богдан, имевший всего 50 человек, употребил хитрость... он приказал наделать чучел... и выставил их шеренгою на своих судах. Осыпаемые градом стрел, чучела покачивались, но продолжали стоять, к немалому ужасу остяков, принимавших их за живых людей...» (**Лопарев Х.М.** Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. — Тюмень, 1997. — С. 2—3).

[12] **Лопарев Х.М.** Самарово... — С. 2, 3.

[13] **Патканов С.К.**Очерк колонизации Сибири. — Тюмень, 1999. — Т. 2. — С. 41; **Шашков А.Т.** Средневековые югорские городки: сведения письменных источников и задачи археологического изучения // Северный археологический конгресс: Доклады. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. — С. 248.

[14] Дело Императорской Археологической комиссии о раскопках г. Патканова в Тобольском округе. — Архив ИИМК РАН. — № 67/1888. — Л. 19.

[15] Обской старик.

[16] **Патканов С.К.** Остяцкая молитва. — Тюмень, 1999. — Т. 1. — С. 151—153.

[17] **Лопарев Х.М.** Самарово... — С. 5.

[18] **Дело** Императорской Археологической комиссии... — С. 19.

[19] **Кузнецов Е.В.** Сибирский летописец. — Тюмень, 1999. — С. 192—193.

[20] **Witsen N.** Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschrtving van verscheidene tartarsche en Nabuurige Gewesten, in de noorder en Oostelykste deelen van Azien en Europa. — Amsterdam, 1785. — P. 748.

[21] **Witsen N.** Noord en Oost Tartaryen... — Рис. 4 между с. 748 и 749.

[22] Далее используется перевод работы Н. Витсена, выполненный Э.П. Зиннером.

[23] **Зиннер Э.П.** Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века. — Иркутск, 1968. — С. 30—31.

[24] **Борисенко А. Ю., Худяков Ю.С.** История формирования и атрибуция сибирской коллекции Н.К. Витзена // Aus Sibirien — 2008: Научно-информационный сборник. — Тюмень, 2008. — С. 25.

[25] **Strahlenberg P.J**. Das Nord- und Цstliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet... Tabula polyglotta. In Verlegung des Autoris. — Stockholm, 1730. — S. 313—317. Tab. X; **Messerschmidt D.G.** Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727: Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725 // Quellen und studien zur Geschichte osteuropas. — Berlin, 1977. — T. 5. — 156 S.

[26] **Копанёва Н.П.** «Возвращение» археологической коллекции Мессершмидта // Наука из первых рук. — Новосибирск, 2006. — № 5. — С. 78.

[27] Тобольская губерния**.** Список населённых мест по сведениям 1868—1869 гг. — СПб., 1871. — Т. LX. — С. LXXXVII.

[28] **Strahlenberg P.J**. Das Nord- und Цstliche... — S. 313.

[29] **Jacob G.** Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter. — Leipzig, 1887. — S. 152.

[30] **Левашова В.П.** О городищах Сибирского юрта // Советская археология. — М.; Л., 1950. — Т. XIII. — С. 342.

[31] Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ОФ ХМ 1832.

[32] **Приступа О.И.** Ханты-Мансийск дописьменный. — Ханты-Мансийск, 2008. — С. 23.

[33] Учреждение ХМАО — Югры «Музей природы и человека».

[34] **Стародумов Д.О.** Отчёт о НИР № 02-2000: Археологическая разведка в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 1999 г. — Ханты-Мансийск, 2000. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № инв. 5982. Д. 1168. — С. 15. Рис. 2, 9—11, 13—20, 23.

[35] **Стародумов Д.О.** Отчёт о НИР... — С. 15—16, 21, 22.

[36] **Приступа О.И.** Отчёт о НИР: Археологические раскопки Самарова городка. — Ханты-Мансийск, 2009. — Кн. 1. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Без № — С. 10; **Приступа О.И.** То же. — Кн. 2. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Без №. — С. 11.

[37] Определение костей проведено канд. биол. наук П.А. Косинцевым (Ин-т экологии животных и растений УрО РАН, г. Екатеринбург).

[38] **Морозов В.М.** Отчёт об исследовании средневековых памятников Нижнего Приобья. — Свердловск, 1980. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № инв. 1449. — Д. 95. — С. 37—38; **Могильников В.А.** К проблематике взаимоотношений Руси и Югры в XI—XV веках // Русские старожилы: Мат-лы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (11—13 декабря 2000 г., Тобольск). — Тобольск; Омск, 2000. — С. 81.

[39] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер. — Екатеринбург, 2001. — С. 102—103.

[40] **Соловьёв А.Н.** Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 38—39.

[41] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер... — С. 67, 70. Рис. 34 — *6*.

[42] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер... — С. 94.

[43] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер... — С. 94.

[44] **Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 1991. — С.138, 140. Рис. 3Б.

[45] Монеты собраны с поверхности жителем г. Ханты-Мансийска и в 2008 г. переданы на постоянное хранение в Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

[46] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер... — С. 80.

[47] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер... — С. 80.

[48] **Адамов А.А.** Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. — Тобольск; Омск, 2000. — С. 91. Рис. 24 — *9, 10*.

[49] Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск), № ХМ 8645/537.

[50] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер... — С. 96—97.

[51] Радиоуглеродное датирование проведено в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя с.н.с. Л.А. Орловой (Ин-т геологии и минералогии СО РАН, г. Новосибирск).

Этнографические исследования в рамках проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им Лор

А.А. Рудь
г. Сургут
Муниципальное автономное учреждение Сургутского района
«Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»

В 2008 г. в связи с обустройством Фёдоровского нефтепромысла ОАО «Сургутнефтегаз» в Сургутском р-не ХМАО — Югры встал вопрос о сохранении комплекса объектов культурного наследия, расположенных в районе оз. Им Лор (с хант.: Священное озеро)[1]. Согласно заключению Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры в 2009 г. НГДУ «Фёдоровскнефть» было открыто финансирование разработки охранного зонирования указанного комплекса. В рамках этих работ ООО «Гиперборея» были проведены натурные изыскания комплекса *Им Лор* и подготовлен эскизный проект охранных зон. В настоящее время проект находится в стадии доработки и последующего согласования. В статье приведены две части проекта — историко-культурная справка и результаты обследования этнокультурных объектов. Результаты архитектурно-планировочных решений будут опубликованы после окончательного завершения работ.

* * *

Первые сведения об оз. Им Лор появились в публикации О.Э. Балалаевой 1999 г.[2] В ходе работ 1993—1998 гг. автор собирала информацию о священных местах ханты Сургутского Приобья. В её обобщающей работе «оз. Имынг-Лор» фигурирует в числе пятнадцати выявленных действующих священных мест в бассейне р. Тромъеган. Ссылаясь на информатора И.А. Сопочина, автор отмечает: *«Это озеро попало в полосу нефтепромышленного освоения – там в настоящее время стоят буровые вышки, что глубоко оскорбляет религиозные чувства коренного населения...»*[3].

С сер. 1990-х гг. сбор информации о священных местах Сургутского района начал осуществляться и научно-производственным центром

«Барсова Гора». Собранные за эти годы сведения подтверждают высокий сакральный статус ритуального комплекса *Им Лор* у сургутских ханты. Важно отметить, что культовый комплекс продолжает функционировать, несмотря на промышленное освоение месторождений в непосредственной близости от него. Имеется информация, что иногда на обряды сюда приезжают не только тромъеганские ханты, но и пимские, аганские, ляминские.

В ходе проведённых работ были выявлены места, связанные с комплексом *Им Лор*. В настоящее время в него входят следующие объекты культурного наследия:

— кладбище Комтиных в левобережье р. Моховой;

— «Священное озеро», включая акваторию, побережье и остров, где проводятся обряды;

— культовое место *Лунк Йавэн Той* (с хант.: Божественной Реки Вершина)[4], расположенное в верхнем течении р. Люхъягун (прав. приток р. Тромъеган), и почитаемые участки леса между оз. Им Лор и р. Люхъягун.

— культовое место *Мэк Йавэн Имэн Пай* (с хант.: Лая Собаки Реки Священный Остров), находящееся к востоку от оз. Пильтанлор в правобережье р. Моховой (прав. приток р. Тромъеган)[5].

В ходе опросов коренных жителей установлено, что хранителями озера *Им Лор* и культового места *Лунк Йавэн Той* являлись Комтины. До 1970-х гг., кроме них, на этой территории проживали также семьи Кечимовых, Рынковых и Вандымовых. С началом промышленного освоения, в 1970-х гг. семьи Комтиных, Рынковых и Вандымовых, имеющие большие стада оленей, откочевали к северу в верховья левых притоков р. Тромъегана. Часть аборигенного населения осталась проживать на прилегающей к озеру территории. В настоящее время это семьи Кечимовых, Сопочиных, Кнезьяновых, Тэвлиных.

Ритуальные действия на озере *Им Лор* и культовом месте *Лунк Йавэн Той* совершаются регулярно, не реже одного раза в год, чаще всего зимой. До активного нефтепромыслового освоения района 1980-х гг., когда плотность местных жителей здесь была выше, обряды проводились чаще. Обычно это коллективные моления (*мыр*), на них приезжают семьями, вместе с детьми. Время их проведения иногда совмещают с зимними каникулами школьников. Традиционно действия происходят по следующей схеме: в первый день обряды совершают на культовом месте *Лунк Йавэн Той*, во второй день — на острове оз. *Им Лор*.[6]

ОБЪЕКТЫ КОМПЛЕКСА *ИМ ЛОР*, ПО УСТНЫМ СВЕДЕНИЯМ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Священное озеро *Им Лор*

В ходе опроса респондентов из числа коренных жителей выявлено, что ханты почитают как остров в середине озера, на котором регулярно совершаются моления и жертвоприношения, так и всю акваторию водоёма с примыкающей кромкой берега (ил. 1).

В нескольких вариантах зафиксирован фольклорный сюжет, связывающий пантеон хантыйских божеств с объектами культурного наследия. Наиболее полная версия, записанная от Б.А. Комтина в 2004 г., выглядит так[7]: *«Около озера Им Лор есть высокий кедрачник. Ну, это давным-давно было. Говорят, раньше род Моховских жил. Род этих Моховских вот здесь, на этой кедровой гриве жил. И, говорят, они вот ...такие мошенники ненормальные были, что, говорят, ворона поймают, глаза выколют и отпускают. Или утку поймают, [перья и пух] выщипают – голой отпускают. Ну, и бог* Нум-Торум *поглядел на них – что неприятно делают... Он взял тогда [и]на остров на*

Ил. 1. **Священное озеро Им Лор.** Снято с юго-запада

священном озере войско отпустил... То войско Нум-Торум *отправил, как старики рассказывают, чтобы уничтожить этих [Моховских]. А эти [Моховские] – они там вооружённые саблями со всеми... Войско пошли туда – поглядели. Они, те [Моховские] с берега уже машут копьями, саблями, говорят: «Ух, игрушки идут...». Ну, войско испугались – обратно пошли. Тогда* Нум-Торум *взял это войско и смял в одну кучу в охапку – и вновь бросил на этот же священный остров. И образовался Каменный Медведь*[8] *(по-хантыйски,* Кэв Пупи Ики*, это сын* Нум-Торума*). А те люди – Моховские – обрадовались: «Ну, сейчас поиграем». И вот Каменный Медведь поплыл на эту кедровую гриву с острова. Люди – Моховские – его встретили, и начался бой. А медведь-то каменный – конечно, его никак не срубишь... Он всех этих людей уничтожил...*

В это время у этих Моховских был в гостях Яун Ики (Яун Ики – *юганский бог, как раз родственник вот этих Моховских). Думает: «Дело плохо». Спрятался около двери в угол и смотрит.* Кэв Пупи Ики зашёл в дом и *вот так вот голову поворачивает – а на шее у него видна живая плоть. Вот так вот видно: только узкая щель есть – лезвие проходит. За угол спрятался* Яун Ики – *и отрубил голову этому медведю... И этот медведь* Кэв Пупи Ики *без головы вышел... и вот здесь пошёл... Там есть один кругленький островок кедровый, чуть пройдя – опять островок кедровый. Этот Каменный Медведь, говорят, без головы вышел, немножко прошёлся – остановился на ночь. И там образовался кругленький, ровненький такой островок кедровый. Потом опять остановился – тоже такой же островок образовался...*

И вышел потом он, как старики говорят, в вершину этой речки – Лунк йавэн. По пути его вот здесь вот маленькие бора становились – ягельные бора. На речку вышел, говорят, ...и прямо в речку нырнул, в яму... Там, говорят, на речке омут есть, когда-то яр был там... большой водоворот. Туда вышел, там и потонул. Это место священным считается, где в реку он погрузился. Туда молиться ходят... йыр *(жертвоприношения) там делают. Священное место* Кэв Пупи Ики *называется или* Лунк Йавэн Той *(Бога Реки Вершина). Это место в самой вершине Лунк йавэн... А вот эта грива и островки, где он шёл, тоже священными считаются... Там не молятся, но и не ночуют... Нехорошее место... Если там заночуешь, неприятности будут»*[9].

Отметим, что в данном сюжете фигурируют три персонажа, относящиеся к высшему пантеону божеств восточных ханты. Это

верховный бог-творец — *Нум-Торум*, его сын — *Кэв Пупи Ики*, а также бог-покровитель всего бассейна реки Большой Юган — *Яун Ики*. Присутствие последнего персонажа косвенно говорит об участии юганских ханты в формировании этнической истории тромъеганских ханты в недалёком прошлом. С Хозяином Югана — *Яун Ики* — связана ещё одна легенда, «объясняющая» ландшафтные характеристики проектируемой территории: «*...Вокруг Йимынг лор даже сейчас, если нефтяники не срубили, кедрачник есть... А с кедрачника до озёра сейчас где-то километр считается... А раньше, говорят, начиная с кедрачника был берег озера... А сейчас говорят, в настоящее человеческое время, как болото стало, мхом оброс... И одни говорят, что оброс. А вот старинная бабушка, она у меня всегда жила, за сто лет ей было – она рассказывала. Это, говорит, болото из-за того, что* Нум-Торум *сверху снял кедровый бор и подарил его* Яун Ики. *На Югане кедрача много ...»* (Б.А. Комтин)[10].

Зафиксирован обычай, по которому при первом пересечении озера человек должен сделать венок из травы и, переправившись, вывесить его на берегу, на берёзе. Иногда в этот венок завязывают монеты, отрезы жертвенной ткани. По многочисленным свидетельствам информаторов, этот обычай соблюдается до сих пор (Б.А. Комтин, Н.И. Покачева, Л.И. Сопочина, М.И. Мултанова, А.Н. Вандымов и др.). Вот так он был описан Б.А. Комтиным: *«Если в озеро никогда не попадал, ногой не наступал на озеро летом или зимой, то надо из травы* пом *(трёхрядовый венок) сделать. Венок делают из травы... Вокруг шеи воткнул его, а потом только на озеро наступил, через озеро проехал, на той стороне остановился, на суше его повесил... на берёзу. Если, говорят, человеку долго суждено жить, то венок долго будет висеть. А если недолго суждено жить, то он через год спадёт. А я там сколько ездил, видел на берёзах такие охапки вот этих венков. Есть и старые – еле-еле держатся... Висят на любом берегу, хоть куда проехал – всё равно надо, без венка не проехать. Если ездил раньше, то нет – без венка проедешь. Если летом на обласке – то же самое, в облас повесил и прямо на облась шуруешь. Ну, небольшой, чтобы голова влезла...»* (Б.А. Комтин)[11].

Вероятнее всего, именно об озере Им Лор и об этом обряде писал ещё столетие назад К.Ф. Карьялайнен: *«Проезжающий впервые по жертвенному озеру у Ларьятского повязывает вокруг головы шерстяную головную повязку... которую он после высадки на другой берег вешает на дерево на своём пути. Подобную, но сплетённую из травы головную повязку должен надеть едущий впервые через озеро*

Тундра в Сургутском округе, и эта повязка тоже подвешивается на дерево на другом берегу озера...»[12].

Такие же действия при пересечении одноимённого озера зафиксировала Е.В. Перевалова у аганских ханты в соседнем Нижневартовском р-не: *«Человеку, впервые переезжающему через это озеро, на шею непременно надевают сплетённый из сухой травы венок. Даже если ребёнок ещё в люльке, и ему венок наденут. На другом берегу его снимают и оставляют на ближайшей берёзе. Считалось, что духи озера накажут всякого, кто не исполнит обряда. Допустим, едет человек на оленях, деревня кажется рядом совсем, да не доберётся никак, или летом на берегу из-за поднявшегося ветра сидит два-три дня»* (А.А. Сардакова, З.Н. и Л.Н. Айпины, В.С. Покачева, Ф.С. Бондаренко)[13].

По представлениям коренных жителей, существуют запреты, связанные с сакральным статусом Им Лор. Н.И. Покачева, М.И. Мултанова и другие информаторы утверждают, что в старину женщинам нельзя было посещать священный остров. Табуирован и обход озера по кругу. Такие представления относятся к большинству священных мест ханты. В случае с озером Им Лор этот запрет оформлен в сюжет былички: *«Раньше (давно-давно) два мужика поспорили. Один говорит: «Я за один день каждый уголок этого озера Им Лор обойду. А другой говорит ему: «Это озеро нельзя обходить – оно священное». Не послушался его первый мужчина – обходил озеро 7 дней. На 7-й день обошёл и упал замертво. Не послушался – боги наказали...»* (Н.И. Покачева)[14].

Почитаемые участки леса между оз. Им Лор и р. Люхъягун

Неотъемлемой составляющей комплекса объектов культурного наследия оз. Им Лор являются почитаемые участки леса к северо-востоку от водоёма. Как уже было упомянуто в фольклорном сюжете выше, путь раненого Каменного Медведя от оз. Им Лор до р. Люхъягун маркируют почитаемые «кедровые островки». В сюжете о битве *Кэв Пупи Ики* с Моховскими людьми, записанном от Е.А. Тэвлина, говорится о «семи кедровых островках», которые, по представлениям ханты, являются следами раненого Каменного Медведя», шедшего в вершину р. Люхъягун.

Информаторы подчёркивают сакральный статус этих ландшафтных объектов, хотя сведений об активных приношениях на этих местах не зафиксировано. Путь Каменного Медведя является местом избегания.

У ханты существует запрет на ночёвки в этих местах. От Н.И. Покачевой было записано воспоминание о случайном посещении кедровых островов: *«Осень была. Отец охотился где-то в тех местах. И мы понесли ему покушать, а пока шли, все вымокли – ноги мокрые, холодно... Отнесли, стали возвращаться – и решили там костёр разжечь, просушиться. Молодые были – думаем: «Ну, что случится? Никому не скажем – никто не узнает». Разожгли костёр – начали сушиться. Тут ветка где-то хрустнет, потом ещё – как будто кто-то идёт. Испугались, думаем:«Каменный Медведь идёт...». Ничего не стали досушивать, ушли поскорее. Пришли домой, ничего не рассказывали сначала. А потом маме рассказали. А она рассказала бабушке. Бабушка потом долго на нас ругалась, из-за того, что там ходили, останавливались, костёр жгли. Такое место – нельзя даже останавливаться костёр жечь, а ночевать там тем более нельзя»*[15].

Культовое место *Лунк Йавэн Той* в верхнем течении р. Люхъягун

Упомянутый выше фольклорный сюжет о Каменном Медведе связывает оз. Им Лор с культовым местом *Лунк Йавэн Той* (с хант.: Божественной Реки Вершина) в верховьях р. Люхъягун, которое, по представлениям аборигенов, является обителью Каменного Медведя. На протяжение XX в. и по настоящее время здесь совершались и совершаются *мыр* – коллективные моления в честь *Кэв Пупи Ики* (Б.А. Комтин, Е.А. Тэвлин)[16]. Описывая данное место, информаторы сообщают: *«Где шёл Каменный Медведь, там семь островков кедровых получилось... Седьмой остров – его место. И там ручеёк*[17] *течёт...»* (Е.А. Тэвлин); *«Там, в вершине Лунк Йавэн чётыре кедра стоят, вот так склонились... Это место* Кэв Пупи Ики, *где он под воду ушёл... Раньше, говорят, были такие хореи – в конце хорея такая железная штучка. В том месте, когда хореем стучишь по земле, слышно, что железо под землёй стучит»* (А.Н. Вандымов, Л.А. Вандымова/Кечимова)[18].

Культовое место Мэк Йавэн Имэн Пай

В ходе сбора этнографических сведений для проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им Лор была получена информация о сакральном статусе возвышенности, находящейся к северо-востоку от оз. Пильтанлор. Её название – *Мэк Йавэн Имэн Пай* (с хант.: Лая Собаки Реки Священный Остров). По сведениям ханты, данное место является «домом божеств-хозяев»

р. Моховой: *«Всю землю реки Моховой эти боги охраняют... Место называется* Мэк Имэн Пай. *Слово* «Мэк» – *это... вот, собака когда лежит, услышит что-нибудь, первый раз тихонько голос подаёт*[19] – *вот от этого название священной сопки.* Мэк Йавэн – *священная река. Испокон веков там жили люди. Испокон веков боги так людей пугали. Иной раз из сопки гул, стук слышен был»* (Н.И. Покачева). Известно, что ранее на этом месте ханты брали сколы дерева для изготовления культовых изображений личных божеств-покровителей. Также имеются свидетельства о том, что здесь осуществлялись *пори* – сокральное действие (Н.И. Покачева, Б.А. Комтин)[20].

На особый статус участка косвенно указывает и отсутствие жилых построек. Б.А. Комтин, описывая хозяйственный цикл своей семьи в 1960-х гг., сообщает о существовавшем прежде запрете на постоянное проживание на территории *Мэк Йавэн Имэн Пай: «Это священное место, высокий бугор* – Мэк Имэн Пай... *Когда жили в районе Им лор, то постоянно каслали... Осенью снимаемся и каслаем на ту сторону реки Моховой. Туда, где* Мэк Имэн Пай. *Не на саму сопку, а сбоку чум поставим. Наверху, где сопка, старики говорят, нельзя жить. Только олени на этой сопке пасутся – больше нигде бора нет»*[21].

Однако справедливости ради надо отметить, что в ходе историко-культурных изысканий прошлых лет на данной территории следов активной ритуальной практики коренного населения обнаружено не было. Останец в настоящее время подвержен интенсивному промышленному освоению и значительно разрушен сухоройным карьером, нефтепромысловыми объектами и коммуникациями к ним. В 2006 г. в ходе экспертных работ ООО «Гиперборея» экспертной группой под руководством Я.А. Яковлева на материковом останце, находящемся к северо-востоку от оз. Пильтанлор, были обнаружены три археологических памятника – селища Пильтанлор 1, Пильтанлор 2, Пильтанлор 3[22].

ОБЪЕКТЫ КОМПЛЕКСА *ИМ ЛОР* ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАТУРНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ

Остров на оз. *Им Лор*

В ходе работы над проектом было проведено натурное обследование на священном острове оз. Им Лор. Результатом стало выявление ритуальной площадки в юго-восточной части этой территории. Помимо неё, на территории острова были зафиксированы единичные приклады

жертвенной ткани на берёзах, вывешенные, скорее всего, при индивидуальном посещении сакрального места. Объектов археологии не обнаружено.

На ритуальной площадке можно выделить три функциональные зоны. Их границы в нижеизложенных описаниях достаточно условны.

1. **Место для вывешивания прикладов жертвенной ткани и венков детьми.** Приурочено к прибрежной полосе, где произрастают берёза и ива (ил. 2).

2. **Место для вывешивания венков взрослыми, впервые приехавшими на остров** (ил. 3). **Место хранения дров. Место ритуального костровища** (выделено предположительно, поскольку крупные ритуалы происходят зимой и непосредственных следов костровища после таяния снега не оставляют). Указанная территория, расположенная сразу за прибрежной полосой, представлена низиной с травостоем и берёзовым редколесьем.

3. **Место для вывешивания жертвенных тканей, шкур и голов жертвенных оленей, получения сколов с деревьев для изготовления культовых изображений** (ил. 4). Верхний ярус растительности представлен берёзой, в нижнем ярусе произрастают зелёномошник, травы. В южной части этой зоны наблюдается скопление старых прикладов жертвенной ткани, шкур оленей (ил. 5), а в северной находятся современные подношения. В ходе опросов коренных жителей данный факт был так прокомментирован

Ил. 2. **Священное озеро Им Лор.** Остров. Ритуальная площадка. Место для вывешивания прикладов жертвенной ткани и венков детьми. Снято с запада

Ил. 3. **Священное озеро Им Лор.** Остров. Ритуальная площадка. Место для вывешивания венков взрослыми, впервые приехавшими на остров. Снято с запада — северо-запада

Ил. 4. **Священное озеро Им Лор.** Остров. Ритуальная площадка. Место для вывешивания жертвенных тканей, шкур и голов жертвенных оленей, приобретения сколов с деревьев для изготовления культовых изображений. Общий вид. Снято с севера

Н.И. Покачевой: *«Мы, когда новый век начался, собирались там, на священном месте, и решили. Раз началось новое тысячелетие, наши отцы здесь молились, а мы переместимся чуть в сторону, рядом со старым местом»*[23].

Среди прикладов жертвенной ткани преобладают светлые, что подтверждается сведениями ханты о том, что жертвенный материал предназначен божествам небесной сферы — *Нум-Торуму* (Небесному Торуму), *Сорни Кон Ики/Пэсты Янкты Ики* (Золотому Царю/Быстро Перемещающемуся Мужчине) и другим. Ещё одним указанием на посвящение прикладов указанным божествам сферы Неба служит факт размещения большей их части на берёзах, на высоте. По традиционным воззрениям обско-угорских народов, берёза является деревом, связанным с Небом, а приклады для божеств небесного пантеона необходимо размещать как можно выше. Вместе с отрезами

Ил. 5. **Священное озеро Им Лор.** Остров. Ритуальная площадка. Место для вывешивания жертвенных тканей, шкур и голов жертвенных оленей, приобретения сколов с деревьев для изготовления культовых изображений. Старые приклады жертвенной ткани. Снято с запада

Ил. 6. **Священное озеро Им Лор.** Остров. Ритуальная площадка. Коллективные приклады жертвенных тканей и шкур жертвенных оленей, посвящённые божествам Небесного пантеона. Снято с юга

жертвенной ткани на берёзы вывешены шкуры и головы жертвенных оленей светлой масти.

Хорошо фиксируются скопления подношений, оставшихся от *мыр* (коллективных обрядов-молений) (ил. 6). Они включают значительное количество жертвенных отрезов ткани и шкур оленей, посвящённых различным божествам. Там же, на берёзах вывешены отдельные приклады ткани — личные подношения участников обряда тому или иному божеству (ил. 7).

В пределах жертвенной площадки наблюдается значительное количество берёз со следами сколов, которые изымаются для изготовления культовых антропоморфных и зооморфных фигур — вместилищ «силы» того или иного божества. Эти изображения, как правило, хранятся в специально отведённых местах — на священных нартах, в домашних

Ил. 7. **Священное озеро Им Лор.** Остров. Ритуальная площадка. Индивидуальные приклады жертвенных тканей, посвящённые божествам Небесного пантеона. Снято с запада — юго-запада

Ил. 8. **Священное озеро Им Лор.** Остров. Ритуальная площадка. Берёза, от ствола которой взяли скол для изготовления культового изображения. Снято с юга — юго-востока

священных лабазах, специальных сундуках или мешках. Скол дерева для вырезания культового изображения берётся обязательно с живого дерева, чаще всего на священном месте (ил. 8). Существует ритуал, по которому на дерево, с которого брали скол, вывешивают отрезы жертвенной ткани, а в место, откуда был взят скол, иногда кладут монеты. Монеты оставляют на том участке ствола, где был сделан подруб для скола, либо кидают к корням. Если этот ритуал проводится персонально, то, как правило, делается *пори* (ритуальное угощение).

По истечении определённого срока, при потере своего внешнего вида (появление трещин или частичная утрата), а также после смерти хранителя культовое изображение требует замены. При этом старую фигурку нужно вернуть под дерево, с которого был взят скол для её изготовления. Это правило подтверждено обнаружением на обследованной ритуальной площадке трёх уже использованных культовых

Ил. 9. **Священное озеро Им Лор.** Остров. Ритуальная площадка. Выведенное из сакральной практики и возвращённое к месту изъятия скола культовое изображение *Хор Ики* (Оленя-быка)

Ил. 10. **Священное озеро Им Лор.** Остров. Ритуальная площадка. Выведенный из сакральной практики ритуальный бубен. Снято с запада

изображения *Хор Ики* (Оленя-быка) — высоко почитаемого восточными ханты божества, хранителя оленьего стада (ил. 9). Этот заслуживающий самого пристального внимания факт позволяет провести параллели с другим широко известным культовым объектом, высоко почитаемым аборигенами Севера Западной Сибири — с оз. Нум-То. Ведь на обоих озёрах есть острова с высоким сакральным статусом. И на оба эти острова оленеводы специально приезжают для того, чтобы взять себе сколы для изготовления новых фигурок священного охранителя своих стад *Хор Ики* и вернуть старые, силы которых уже иссякли.

Известен в среде восточных ханты и ритуал возвращения на священные места вышедших из строя ритуальных бубнов. Один из них был зафиксирован на берёзе, растущей на ритуальной площадке священного острова (ил. 10).

Необходимо отметить, что среди прикладов жертвенных тканей зафиксировано очень мало материала красного и чёрного цветов.

По представлениям ханты, красный материал посвящается *Най Ими* (Огня Хозяйке). Деревом, на которое ей жертвуют отрезы ткани, является сосна. В непосредственной близости от ритуальной площадки этого дерева нет... С другой стороны, обязательной составляющей большинства ритуалов аборигенов на святилищах является сжигание красной жертвенной ткани, посвящённой *Най Ими*. Вероятно, именно оно и совершается во время молениий на священном острове.

Отсутствие чёрной жертвенной ткани, предназначенной божествам сферы Земли — *Пыхты Ики* (Чёрному Мужчине) и *Мых Ими* (Земли Хозяйке), — объясняется тем, что посвящённые им ритуалы проводятся на культовом месте *Лунк Йавэн Той*.

По свидетельству коренных жителей, ритуал совершается по следующему сценарию:

— плетение венков перед переправой на остров для людей, впервые посещающих озеро;
— прибытие на остров;
— приветственные поклоны;
— разжигание ритуального огня;
— приготовление ритуальной пищи;
— моление, обращение к божествам, заклание жертвенных оленей;
— ритуальная трапеза;
— личные подношения и ритуалы (возвращение выведенных из сакральной практики сакральных предметов, забор скола древесины для изготовления новых культовых изображений и др.);
— коллективное вывешивание жертвенных отрезов тканей и шкур жертвенных оленей;
— прощальные поклоны и отъезд с острова.

Традиционно рядом с площадками святилищ имеется запас дров, что коренные жители объясняют с позиций традиционного мировоззрения: *«На священном месте всегда оставляют запас дров. Говорят так: «Мы сейчас помолились, чтобы всё хорошо было. Пусть дрова остаются до следующего раза, чтобы мы и в следующий раз пришли на это место»* (Н.И. Покачева)[24].

Состояние священного острова на озере Им Лор можно оценить как хорошее, за исключением одного факта. В непосредственной близости от ритуальной площадки оборудована рыбацкая стоянка, не принадлежащая аборигенам. Актов вандализма со стороны пришлых рыбаков отмечено не было, но такое вторжение пришлых на сакральную территорию оценивается коренными жителями негативно.

Культовое место *Лунк Йавэн Той*

В правобережье верхнего течения р. Люхъягун обследована ритуальная площадка культового места *Лунк Йавэн Той* (с хант.: Божественной Реки Вершина). Помимо неё, во временной охранной зоне культового места обнаружены единичные приклады жертвенной ткани. Объектов археологии не найдено.

Ритуальные действия на указанном культовом месте происходят регулярно, чаще они совмещаются с посещениями острова на оз. *Им Лор*. Так же, как и на священном острове озера, ритуалы имеют форму коллективных молений *(мыр)*. Иногда случаются и индивидуальные посещения.

Ритуальную площадку можно условно разделить на две зоны, границей меж которыми является маленький безымянный ручей — правый приток р. Люхъягун:

1. **Первая зона ритуальной площадки.** Располагается на границе безлесного болота и коренной террасы правого берега р. Люхъягун. Подболочена. В верхнем ярусе произрастают берёза, кедр, угнетённая сосна. Здесь расположены: место для хранения дров и ритуального кострища; место вывешивания на берёзах жертвенных тканей, а также шкур и голов жертвенных оленей, предназначенных для божеств Небесного пантеона. Так же, как и на оз. Им Лор, преобладает ткань светлых оттенков. Фиксируются как единичные приклады (ил. 11), так и их скопления, вывешенные во время коллективных молений (ил. 12). В западной части этой зоны растёт несколько кедров, на которых зафиксированы пёстрые отрезы ткани и платки.

2. **Вторая зона ритуальной площадки.** Располагается на правой коренной террасе р. Люхъягун, между поймой реки и её вышеуказанным правым

Ил. 11. **Культовое место *Лунк Йавэн Той*.** Ритуальная площадка. Индивидуальные приклады жертвенных тканей, посвящённые божествам Небесного пантеона. Снято с востока — юго-востока

Ил. 12. **Культовое место *Лунк Йавэн Той*.** Ритуальная площадка. Коллективные приклады жертвенных тканей, посвящённые божествам Небесного пантеона. Снято с юга

безымянным притоком. Местность хорошо дренирована. В верхнем ярусе произрастают кедр, сосна, берёза; в нижнем — зелёномошник, беломошник и кустарнички. В ходе обследования этой части площадки обнаружены следы сколов на кедрах. Некоторые деревья со сколами ближе к корню обвязаны чёрным жертвенным материалом (ил. 13). По свидетельству информаторов, в этом месте берут сколы для изготовления личных культовых фигурок *Кэв Пупи Ики*. Под одним из кедров обнаружена выведенная из сакральной практики, расколотая повдоль надвое зооморфная фигурка этого божества (ил. 14). По сведениям информаторов, такое изображение должны иметь все, чьи корни связаны с оз. Им Лор и прилегающей территорией. Исходя из фольклорного сюжета, связывающего культовые объекты вокруг указанного водоёма в единый комплекс, можно предположить, что раненый Каменный Медведь стал божеством сферы Земля. На это же прямо указывают чёрный цвет ткани и кедр для скалывания заготовки культовой фигурки, а косвенно — шкура оленя чёрной масти, обнаруженная возле одного из кедров на земле. Кому сделано последнее

Ил. 13. **Культовое место** ***Лунк Йавэн Той.*** Ритуальная площадка. Кедр со следами скола древесины для изготовления культового изображений *Кэв Пупи Ики.* Снято с востока — юго-востока

Ил. 14. **Культовое место** ***Лунк Йавэн Той.*** Ритуальная площадка. Выведенное из сакральной практики культовое изображение *Кэв Пупи Ики* (Каменного Медведя)

приношение, информаторы уточнить не смогли. Вблизи одного из кедров найден отрез фиолетовой ткани с цветочным узором, который мог быть посвящён *Мых Ими* (Земли Хозяйке).

Для поиска упомянутого в фольклорном сюжете «омута, в который погрузился *Кэв Пупи Ики*», был предпринят осмотр участка русла р. Люхъягун, прилегающий к ритуальной площадке. Действительно, в 70 м к западу — северо-западу от площадки имеется омут, схожий с описанным. Однако на прилежащей к нему территории никаких следов обрядовой деятельности обнаружить не удалось. Обнаруженное здесь кострoвище не имеет чётко выраженных признаков ритуального предназначения.

Общее состояние культового места *Лунк Йавэн Той (*или *Кэв Пупи Ики)* можно оценить как хорошее.

Почитаемые участки леса между оз. Им Лор и р. Люхъягун

В ходе работы над проектом проведено натурное обследование почитаемых участков леса, маркирующих описанный в фольклорном сюжете путь раненого *Кэв Пупи Ики* (Каменного Медведя) от оз. Им Лор до вершины р. Люхъягун.

Указанные участки вытянуты в широтном направлении. Верхний ярус растительности представлен кедром, сосной, берёзой; в нижнем ярусе произрастают зелёномошник, беломошник и кустарнички. Между р. Люхъягун и оз. Савуйпеутойлор только в одном месте обнаружены следы современной краткосрочной стоянки. Обследования подтвердили полученные от ханты сведения о запрете хозяйственной деятельности на этих почитаемых участках леса.

Общее состояние сакрализованной территории между оз. Им Лор и р. Люхъягун можно оценить как хорошее. Исключением является самый южный участок, расположенный между озерами Им Лор и Савуйпеутойлор, в районе разведочных скважин 2053Р, 83Р и кустовой площадки К-596 Фёдоровского месторождения. По одной редакции фольклорного сюжета, на этом месте произошла битва *Кэв Пупи Ики* с «Моховскими людьми», по другой — здесь случилась первая ночёвка раненого Каменного Медведя. В непосредственной близости от указанного участка с запада и севера проложены коридоры коммуникаций.

* * *

В заключение важно отметить некоторые проблемы, которые выявились при работе над проектом охранных зон объектов культурного наследия.

Впервые предметом охраны, помимо антропогенных объектов (ритуальные площадки со сформировавшимся на них культурным слоем), стали объекты природы — сакрализованные элементы ландшафта (берега и акватория водоёма).

Нормативно-правовой проблемой при работе стало то, что размещение большей части планируемых объектов нефтедобычи было согласовано главами территорий традиционного природопользования (ТПП) ещё до начала реализации охранных мероприятий в целом и разработки проекта охранных зон в частности. Эта ситуация не уникальна. Ведь на практике согласование землеотводов под хозяйственное освоение происходит индивидуально — только с пользователями тех ТТП, в границы которых попадает испрашиваемый участок. Нередко в таких случаях личные интересы берут верх над общественными — и тогда пользователь ТТП ради сиюминутной выгоды игнорирует факт расположения на его родовых угодьях не личного, а экстерриториального культового объекта современной этнокультуры. В результате судьбу коллективного сакрального объекта решает — и на законных основаниях — один человек. При этом мотивацией для передачи такого объекта в хозяйственное пользование, помимо материальных соблазнов, может стать и идейное убеждение, поскольку в результате активной миссионерской деятельности неопротестантских религий часть представителей ТТП из числа коренных жителей пришла к отрицанию традиционных верований и, как следствие, к утрате бережного отношения к языческим святилищам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Название одного и того же водоёма: на топографических картах — *Им Лор*, в разговорной речи на хантыйском языке — *Йымынг лор* (Священное озеро)

[2] **Балалаева О.Э.** Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — С.154, 163.

[3] **Балалаева О.Э.** Священные места хантов Средней и Нижней Оби... — С. 154, 163.

[4] Второе, часто употребляемое название культового места — *Кэв Пупи Ики* (с хант: Каменный Медведь).

[5] № 4211 (кладбище Комтиных), № 4212 (священное озеро *Им Лор*), № 4213 (культовое место *Лунк Йавэн Той*), № 4214 (культовое место *Мэк Йавэн Имэн*

Пай) по «Списку вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную ценность» (утверждён Приказом руководителя Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры от 28.01.2009. № 10-ПП).

[6] **Рудь А.А.** Из полевого дневника экспедиции: на стойбище М.И. Мултановой (Сургутский район, р. Волоктаягун) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — Вып. 1. — С. 98; **Рудь А.А.** Полевые материалы 2010 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 13—14.

[7] Здесь и далее при публикации фольклорных текстов сохранена дословность.

[8] В некоторых вариантах этого текста фигурирует «Стальной Медведь».

[9] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2004 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 10—12 (Другие варианты этого фольклорного сюжета зафиксированы от разных информаторов в 2003, 2009, 2010 гг.).

[10] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2004 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 13.

[11] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2004 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 15—16.

[12] **Карьялайнен К.Ф**. Религия югорских народов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. — Т. 2. — С. 118.

[13] **Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.** Река Аган и её обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: Изд-во УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. — С.143.

[14] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2003 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 2.

[15] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2009 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 1.

[16] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2004 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 6—7.

[17] Р. Люхъягун.

[18] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2006 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 8.

[19] Труднопереводимое на русский язык отглагольное существительное. Оно обозначает реакцию собаки на уже очевидную для неё, но пока ещё не ощущаемую людьми опасность (своеобразное подлаивание).

[20] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2004 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 1 (Другие варианты этого фольклорного сюжета зафиксированы от разных информаторов в 2003 и 2009 гг.).

[21] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2004 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 22.

[22] **Яковлев Я.А.** Отчёт о НИР: Натурное обследование участков под размещение объектов хозяйственной деятельности на Фёдоровском месторождении нефти, планируемых к отводу в 2006—2007 гг. Сургут, 2007. — БИИКФ. — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 361. — С. С. 36—39; Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (утверждён Приказом директора Департамента культуры и искусства ХМАО — Югры от 11.02.2008. № 14/01—12) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — С. 27 (№ 4097—4099).

[23] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2009 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 1—2.

[24] **Рудь А.А.** Полевые материалы 2009 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма). — С. 2.

Новые находки Приполярного этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН на территории Берёзовского района ХМАО – Югры в 2008–2009 гг.

А.В. Бауло
г. Новосибирск
Институт археологии и этнографии СО РАН

В 2008–2009 гг. Приполярным этнографическим отрядом Института археологии и этнографии СО РАН была продолжена работа по изучению религиозно-обрядовой практики манси. Основное внимание было сосредоточено на описании домашних святилищ и их атрибутики. Обнаруженным в них четырём предметам и посвящена данная заметка.

Первые три предмета относятся к так называемым жертвенным покрывалам (*ялпынг-улама*) – атрибутам культа *Мир-сусне-хума*. Известно, что у манси жертвенная атрибутика с изображениями конной фигуры *Мир-сусне-хума* включала покрывала с четырьмя, шестью или семью фигурами всадников, ритуальные пояса (покрывала вытянутой прямоугольной формы с расположением четырёх всадников в один ряд), шлемы и накидки (с четырьмя или семью всадниками)[1]. В своё время И.Н. Гемуевым была предложена их классификация, которая предполагала, что каждому этапу в жизни семьи соответствовал определённый вид *ялпынг-улама*. После женитьбы шили первое покрывало с четырьмя фигурами всадников. Следующий *ялпынг-улама* с шестью всадниками изготовляли «в середине жизни». Последним считался *яны-ялпынг сат ломт* – «великий *ялпынг* из семи частей» (с семью всадниками). Его шили, «когда до старости доживали». «Богатырские» шлем и пояс изготовляли на последнем этапе жизни мужчины, после того, как были сделаны три *ялпынг-улама.* К этому времени мужчина, прожив достойную жизнь, должен был после женитьбы сыновей дождаться внуков и стать в ряд наиболее уважаемых членов общества, приблизившись к эталону «богатырского» бытия[2].

Однако нами не было выявлено ни одного комплекса, который бы включал все элементы описанной атрибутики. Возможно, что сложившаяся система последовательного изготовления различных видов жертвенных покрывал под влиянием каких-либо причин (в том числе

активной деятельности русской православной церкви, миграций населения) на протяжении XIX—XX вв. стала угасать. Отчётливо стали заметны и региональные особенности в атрибутивных комплексах. Например, для селений Яны-пауль, Халпауль и Няксимволь в комплект оказались объединены изготовленные одновременно покрывало с семью фигурами

Ил. 1. Жертвенное покрывало

всадников и шлем с четырьмя фигурами. Пара, состоящая из покрывала и шлема с четырьмя фигурами всадников в обоих случаях (выполненных чаще в разное время), бытовала в Хулимсунте, Менкв-я-пауле, Верхнее Нильдино, Кимкъясуях. При этом на Ляпине встречены покрывала с шестью всадниками (на Северной Сосьве нет), но не зафиксированы шлемы. Тем не менее назначение, применение, способ изготовления, принципы оформления жертвенных покрывал практически однотипны для всего бассейна р. Северной Сосьвы[3].

В 2008 г. были обнаружены сразу три суконных жертвенных атрибута с неожиданным для исследователей оформлением изображённых на них фигур: покрывало, шлем (оба из п. Верхнее Нильдино в бассейне р. Северная Сосьва) и пояс (п. Хошлог в бассейне р. Ляпин).

Покрывало прямоугольной формы размерами 88х75 см (ил. 1)[4]. Сшито сухожильными нитками из ткани красного и чёрного цветов, по краю оторочено мехом соболя; к углам пришиты узкие полоски красного и чёрного сукна, шкурки с собольих лапок, сохранился медный колокольчик. На лицевой стороне изделия вшиты четыре фигуры всадника и две большие неизвестные фигуры в виде овала с четырьмя сложными отростками. Похожим образом у казымских хантов изображалось солнце[5]; скорее всего, и в данном случае можно предполагать присутствие этого орнамента. По мнению ряда исследователей, почитание *Мир-сусне-хума* было связано с культом солнца[6]; наши информаторы говорили: *«Мир-сусне-хум вокруг земли едет. Солнце вокруг земли ходит и луна тоже, поэтому луна и солнце на ялпынге»*. Ранее миниатюрные стилизованные солярные знаки встречались на покрывалах ляпинских манси, а также у хантов[7], но они, скорее, выполняли фрагментарную роль. На вновь же публикуемом покрывале для солярных знаков выделены отдельные квадраты.

Шлем богатырский высотой 41 см (ил. 2). Сшит сухожильными нитками из ткани красного и чёрного цветов, края были оторочены беличьим мехом. К нижнему краю подшиты медные колокольчик и шесть бубенчиков. Основная часть изделия украшена вшитыми восемью фигурами всадников (ранее у манси были описаны шлемы только с четырьмя или семью фигурами), нижняя полоска ткани — шестью фигурками птиц (скорее всего, это изображение гуся — птичьей ипостаси *Мир-сусне-хума*). Изображения птиц по нижнему краю шлемов и накидок ранее также были отмечены у манси[8].

Время изготовления покрывала и шлема по комплексу сопровождающей их атрибутики предварительно можно отнести к 1930—1950-м гг.

Пояс богатырский с двумя фигурами всадников, размеры 126х48 см (ил. 3)[9]. Сшит сухожильными нитками из толстого шерстяного сукна. Изготовлен предположительно в сер. — втор. пол. XIX в. К углам пояса пришиты полоски ткани и медные колокольчики. По принятой у ляпинских манси традиции, лицевая сторона покрывала зашита платком, дабы «лицо» не могли видеть посторонние люди.

Поскольку последние годы пояс находился в разрушенном временем амбарчике, который во время весеннего паводка затопляло водой, то начальный цвет определить сложно. Заключение о цветовой гамме и особенностях использованных тканей, выполненное проводившей работы по реставрации изделия О.Л. Швец (ИАЭт СО РАН), следующее: *«Покрывало изготовлено из толстого шерстяного сукна оливкового цвета. Колебание цветовых пятен (от светлого до тёмного), возможно, указывает на результат плохого окрашивания ткани. Второй цвет понять сложно, но, вполне вероятно, сукно светло-оливкового цвета подкрашено коричнево-красной краской. Второй цвет читается фрагментарно и слабо. В связи с этим первоначальные цвета покрывала определить сложно. Шёлковый покров лицевой части покрывала состоит из двух разных по рисунку, но подобных*

Ил. 2. Богатырский шлем. А — фотография, Б — реконструкция

по цветовой гамме фрагментов шёлковой ткани (тёмно-оливковый, тёмный коричнево-красный). Покров пришит по краю квадратов с изображением всадников нитью из сухожилий. Вполне возможно, что ветхое состояние шёлкового покрова послужило причиной для повторного покрытия всего покрывала тёмной коричнево-красной хлопчатобумажной тканью с ручной вышивкой. Ручная вышивка выполнена жёлтой с золотой проволокой (армирована) хлопчатобумажной нитью – стебли, листья. Фиолетовая и светло-бежевая

Ил. 3. Богатырский пояс. А – оборотная сторона, Б – покрывало с зашитым шёлком «лицом», В – внешнее покрытие покрывала (реставрация пояса выполнена О.Л. Швец)

нити – цветы. Второй покров пришит в край всего покрывала светлой хлопчатобумажной нитью».

Следует отметить, что пояса с двумя фигурами всадников, равно как и практика двух покрытий, ранее встречены не были.

Похожих выкроек всадников на покрывале, шлеме и поясе ранее у манси не зафиксировано.

Фигура семейного божества – последний из публикуемых в статье предметов обрядовой практики манси. Она была описана летом 2009 г. в одном из домашних святилищ в бассейне р. Ляпин. Верхнее одеяние представлено мундиром российского солдата пехоты образца 1763–1786 гг., перешитом по правилам потемкинской реформы 1786 г. (ил. 4, 5). По ряду косвенных данных, фигура могла олицетворять облик *Луссум-ойки* – «Лозьвинского старика» (предки данной семьи являлись выходцами с р. Лозьвы).

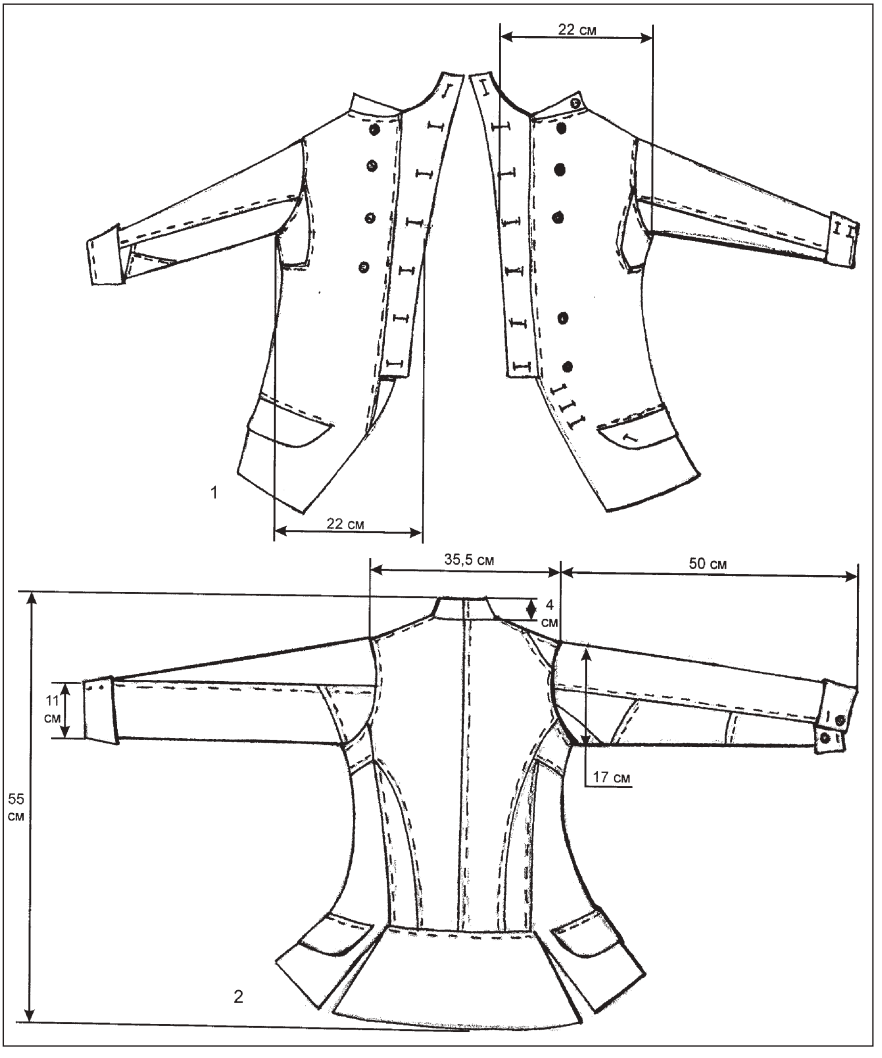
Это один из редких зафиксированных исследователями случаев обряжения «идола» в военный мундир. По информации К. Карьялайнена, в одном из священных амбарчиков остяков среди одежд, принесённых духу, находился длинный «солдатский сюртук» XVIII в. с блестящими пуговицами и галунами[10]. В домашнем святилище манси в бассейне р. Ляпин в сундуке хранился поднесенный *Мир-сусне-хуму* кафтан из сукна коричневого цвета[11]. По определению сотрудников отдела

Ил. 4. Фигура духа-покровителя в мундире солдата русской пехоты кон. XVIII в.

истории русской культуры Государственного Эрмитажа, данный кафтан (мундир?) относится к 1720–1730-м гг. и, скорее всего, пошит на территории Северной Европы. В п. Ямгорт Шурышкарского р-на ЯНАО семейный дух-покровитель хантов был обряжен в солдатский камзол образца 1763–1786 гг. (сшит, возможно, до кон. 1770-х гг.).

Уже обращалось внимание на то, что на протяжении XVI–XX вв. ханты и манси при изготовлении фигур божеств старались наделять

Ил. 5. Мундир солдата русской пехоты кон. XVIII в. с фигуры духа-покровителя. Прорисовка (вид спереди и сзади). Выполнена А.А. Богордаевой

их атрибутами и символами власти, характерной в России для того или иного хронологического периода[12]. Первоначальный этап освоения русскими людьми Сибири был связан с продвижением военных отрядов. В этих условиях власть Российского государства остяками и вогулами в большей степени отождествлялась с военной властью. Соответственно, социальный (властный) статус местных божеств олицетворял «богатырский», «военный» облик.

В завершение публикации хочется заметить, что, с одной стороны, экспедиционные исследования продолжают приносить новые находки, которые подтверждают или корректируют предложенные ранее схемы; с другой стороны, возможность подобных открытий с каждым годом уменьшается, поскольку не потревоженных временем и случайными людьми комплексов культовой атрибутики XVIII — перв. пол. XIX в. практически не осталось.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. — 160 с.

[2] **Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 185.

[3] **Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. — 240 с.

[4] Покрывало передано в Государственный музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

[5] **Молданова Т.А.** Стилизованные изображения в орнаменте хантов р. Казым // Орнамент народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. — С. 96; **Молданова Т.А.** Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — С. 243. Рис. 24 — 5.

[6] **Чернецов В.Н.** К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. — Нов. сер. — М.; Л., 1947. — Т. 1. — С. 121; **Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос... — С. 192.

[7] **Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник... — С. 99, 116 (рис. 76), 122 (рис. 85), 144 (рис. 137), 148 (рис. 146).

[8] **Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник... — С. 115 (рис. 75), 116 (рис. 76), 118 (рис. 80).

[9] Пояс поступил в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока при Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).

[10] **Карьялайнен К.Ф.** Религия югорских народов / Пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. — Т. 2. — С. 61.

[11] **Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос... — С. 82.

[12] **Бауло А.В.** «Мундир» остяцкого божества // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2007. — № 3. — С. 119—124.

Берёзовский кремль: некоторые результаты и перспективы археологических исследований

Г.П. Визгалов, С.Г. Пархимович
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение
«Северная археология – 1»

До недавнего времени археологические памятники русского населения Обского Севера кон. XVI–XVIII в., в отличие от синхронных аборигенных памятников, не были объектами пристального внимания археологов. В то же время информация, содержащаяся в незначительных по объёму письменных источниках, в силу их специфики малопригодна для характеристики культуры формировавшегося в это время субэтноса русских сибиряков и различного рода исторических реконструкций. Таким образом, целый пласт историко-культурного наследия края оставался «незнаемым» и невостребованным.

Предпринятые историками попытки реконструкций изначального облика одного из первых русских городов Сибири – Берёзова (основан в 1593 г.), – построенные на данных письменных и графических источников, и сделанные на их основе рисунки[1], к сожалению, не лишены недостатков. Так, довольно запутанным выглядит предполагаемое местоположение города с острогом относительно устья Вогулки, Вогульской протоки и Северной Сосьвы[2]. Ошибочно утверждение о расположении одной из проезжих башен «с восточной стороны», со стороны реки[3], так как обращённая к реке стена кремля стояла на крутом обрыве берега. Весьма гипотетична и планиграфия построек внутри кремля и посадского острога, что объясняется отсутствием соответствующих сведений о большинстве из них в документах. В сохранившихся письменных источниках XVII в. нет описаний жилых, хозяйственных и культовых построек Берёзова, поэтому их размеры, конструктивные характеристики и внутреннее устройство остаются невыясненными. Сведения о материальной культуре населения города появляются лишь в документах XVIII в. в виде беглых перечислений некоторых предметов утвари горожан.

В этой ситуации все надежды на появление новой и качественно отличной информации для осуществления более достоверных исторических реконструкций облика города, хозяйства и культуры его населения связаны с раскопками. Предпринятые в 2004—2005 гг. рекогносцировочные археологические работы по выявлению Березовского городища кон. XVI—XVIII в., осложнённые тесной застройкой исторического центра пгт. Берёзово, дали не слишком обнадёживающие результаты. В шурфах и небольших раскопах на месте предполагаемого расположения Берёзовского кремля (территория современной площади Победы с прилегающими к ней участками) был обнаружен незначительный по мощности культурный слой, верхняя часть которого оказалась разрушенной и перемешанной в ходе строительных работ втор. пол. XX в. В северо-восточной части площади и за её пределами в 2004 г. экспедицией ООО «НПМП «Волот» были найдены 11 могильных ям, датированных XIX в. и прорезавших более ранние культурные слои кремля[4].

Годом позднее в западной части площади Победы экспедицией Центра историко-культурного наследия Нефтеюганского района ХМАО — Югры был выявлен культурный слой, предварительно датированный кон. XVI—XVIII в. Мощность культурных напластований достигала 15—60 см, при этом их верхняя часть была разрушена и перемешана в ходе различного рода земляных работ на глубину от 10 до 40 см[5].

Таким образом, вероятность обнаружения остатков построек Берёзовского кремля кон. XVI—XVIII в. ввиду аварийного состояния памятника выглядела проблематичной. Однако результаты раскопок, предпринятых в 2007—2009 гг. совместной экспедиций Центра историко-культурного наследия Нефтеюганского района ХМАО — Югры и ООО «НПО «Северная археология — 1» в рамках окружной программы «Культура Югры 2006—2008 гг.», развеяли сомнения в перспективности исследований[6].

В двух раскопах общей площадью 690 кв. м, заложенных в западной и южной частях площади Победы, были выявлены и изучены остатки 9 изб кон. XVI—XVII в. и 5 изб втор. пол. XVIII в., а также двух острожных линий и проезжей башни южной стены кремля, датированных 1642 г. и 1668 г. по письменным и нумизматическим источникам.

Планиграфически постройки достаточно чётко разделены: постройки кон. XVI—XVII в. сконцентрированы в северо-западном углу площади, а постройки втор. пол. XVIII в. — в юго-западном углу.

Для ранней группы построек характерна ориентация стен в направлениях с севера — северо-востока на юг — юго-запад и с запада —

северо-запада на восток — юго-восток. Постройки втор. пол. XVIII в. ориентированы строго по сторонам света.

Все постройки — срубные («в обло») бревенчатые наземные, сохранились на 1—2 венца. Размеры — от 3,3х4,0 до 5,7х5,4 м. Лишь одна из них — хозяйственная (амбарчик ?), остальные — жилые, с кирпично-каменными печами размерами от 1,0х1,3 до 1,4х1,6 м.

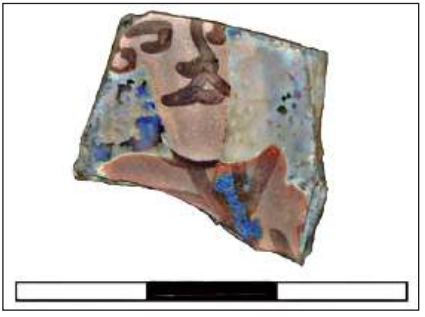
Практически во всех вскрытых относительно полностью постройках обнаружены свидетельства совершения магических строительных обрядов — приклады под основаниями печей, завалинками и окладными венцами. В составе прикладов присутствуют монеты, нательные кресты, перстни, ножницы, горшки, костяной гребень, черепа и нижние челюсти собак и свиней.

Все постройки сгорели, причем в слое кон. XVI—XVII в. зафиксированы 2—3 строительных горизонта. Примечательно, что в письменных источниках говорится лишь о двух грандиозных пожарах, уничтоживших кремль полностью в 1642 г. и 1719 г. Вероятно, в них не отразились еще два локальных пожара, уничтоживших некоторые постройки кремля в XVII в.

Несомненным успехом следует считать обнаружение южной стены кремля с основанием проезжей башни (ил. 1). Найдены две разновре-

Ил. 1. **Берёзовское городище. Кремль.** Бревенчатые частоколы южной стены кремля. Снято с востока

Ил. 2. **Берёзовское городище. Кремль.** Рисованное лицо мужчины на фрагменте сосуда. *Стекло, эмаль*

Ил. 3. **Берёзовское городище. Кремль.** Слой сер. XVII в. Шары. *Стекло*

Ил. 4. **Берёзовское городище. Кремль.** Слой кон. XVI — нач. XVII в. Гребни. *Бивень мамонта*

Ил. 5. **Берёзовское городище. Кремль.** Слой кон. XVI – нач. XVII в. Фрагмент сумочки (?) с шитым растительным узором. *Кожа, серебряная нить*

менные параллельные линии бревенчатых частоколов длиной до 21 м, протянувшиеся с запада на восток и прерывающиеся у основания сруба проезжей башни (размеры – около 6х6 м). Расстояние между этими линиями – ок. 1 м. Брёвна-острожины были установлены вплотную друг к другу на дно рвов глубиной 0,8–1,1 м, после чего последние забутовывались грунтом и обломками кирпичей. В заполнении канавок найдено по одной серебряной копейке, чеканенных при Михаиле Федоровиче. Одна из канавок, более ранняя, прорезает нижний углистосажистый слой пожарища, поэтому время сооружения этой острожной стены можно соотнести с сообщением письменных источников о восстановлении кремля после пожара 1642 г.[7] Второй ряд частокола появился, по-видимому, в 1668 г., когда, согласно данным письменных источников, кремль был окружён новыми острожными стенами[8].

Коллекция артефактов, полученная в ходе раскопок, представлена 4965 предметами, бульшая часть которых происходит из слоёв кон. XVI – трет. четв. XVII в. Преобладают такие категории изделий, как керамическая посуда (2228 ед.), стеклянные вещи (бусы, пуговицы, посуда – 756 ед.) (ил. 2, 3), металлургическая продукция (наконечники стрел, ножи, обувные подковки, фрагменты кольчуг, пули, ядра, замки, ключи и т. п. – 1112 ед.). Довольно солидна нумизматическая коллекция – 155 монет кон. XVI–XVII в., 120 монет XVIII в. Значительно меньше изделий и заготовок из кости и бивня мамонта (наконечники стрел, бусы, пуговицы, шахматные фигурки, фишки, гребни, иголь-

ники и т. д. — 200 ед.) (ил. 4) и камня (ружейные кремни, слюдяные оконные пластины, точильные бруски — 200 ед.). Артефакты из сырья растительного и животного происхождения сохранились лишь в нижнем строительном горизонте кон. XVI — нач. XVII в. Среди них: фрагменты кожаной обуви и расшитой серебряной нитью сумочки (68 ед.) (ил. 5), обломки деревянных предметов (футляры для восковых пломб, фрагменты стрел, шахматные фигурки, пенал, досочка с прорезным крестом — 14 ед.), берестяные поделки (детали обуви, донце туеса, фрагменты коробок — 12 ед.), шерстяные вещи (войлочные обувные стельки, шнуры, вязаные чулки, пряжа — 12 ед.) (ил. 6).

Значительную часть этой коллекции составляют импортная продукция и привозные материалы — все стеклянные изделия, фаянсовая и фарфоровая посуда (ил. 7), большая часть металлических и, вероятно, кожаных, тканых и каменных вещей. Продукты местного производства — это серо-красная и морёная керамическая посуда, изделия из дерева, бересты, кости. Очевидно, ремесленный люд проживал и работал в посадской части города, но в кон. XVI—XVII в. некоторые из них трудились и непосредственно в кремле. Документы того времени умалчивают о таких фактах, однако находки железной крицы, тиглей, брусков и заготовки из бивня мамонта свидетельствуют об этом.

Анализ обильной (47847 ед.) остеологической коллекции позволяет с достаточным основанием характеризовать хозяйство города и раци-

Ил. 6. **Берёзовское городище. Кремль.** Слой кон. XVI — нач. XVII в. Вязаный чулок. *Шерсть*

он питания жителей кремля в разные периоды его жизни. В Берёзове разводили преимущественно крупный рогатый скот и свиней. Мелкий рогатый скот и северный олень представлены незначительно. Существенную роль в формировании рациона играли охота на боровую и водоплавающую пернатую дичь и рыболовство. Последнее обстоятельство подтверждается и обилием специализированных наконечников стрел из кости, дерева и железа, а также находками рыболовных крючков, деталей остроги и грузил от сетей.

В целом результаты раскопок Берёзовского кремля демонстрируют высокий информационный потенциал культурного слоя, несмотря на разрушенное состояние его верхней части. Полученные материалы вкупе с данными письменных источников уже сегодня позволяют, хотя и частично, характеризовать планиграфию, домостроительство, оборонительные сооружения, быт, костюм, вооружение, строительную обрядность и другие элементы культуры Берёзова кон. XVI—XVIII в. Дальнейшие исследования Берёзовского городища необходимо сосредоточить как в кремле (поиски остатков юго-восточной — Спасской —

Ил. 7. **Берёзовское городище. Кремль.** Слой сер. XVII в. Фрагменты фаянсовых сосудов с поливным и рельефным орнаментом

башни, караульни и воеводского двора), так и на посаде (усадьбы горожан и административные строения). Для выявления общих и особенных черт в истории и культуре первых русских городов Сибири (в первую очередь — Северо-Западной Сибири) весьма продуктивным представляется сравнительный анализ материалов раскопок наиболее исследованных сегодня Берёзовского и Мангазейского городищ, а в перспективе и таких пунктов первоначального этапа русского освоения края, как Сургут, Кодский монастырь, Самаровский и Демьянский ямы, Тобольск, Тюмень и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Берёзово** (Очерки истории с древности до наших дней). — Екатеринбург: «ИД «Сократ», 2008. — Рис. на с. 70.

[2] **Берёзово**... — С. 66—73, 112.

[3] **Берёзово**... — С. 111—112.

[4] Отчёт по договору № 211 от 21.04.2004 г. по теме «Выявление и археологические исследования русских городков и острогов на территории «Югры». НПМП «Волот». Екатеринбург, 2004. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — № 4956; **Ермоленко А.В.** Град Берёзов: опыт междисциплинарного исследования // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 3. — С. 234—238.

[5] **Визгалов Г.П.** Отчёт о НИР: Археологические исследования в посёлке Берёзово. Нефтеюганск, 2006. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — № 250.

[6] **Визгалов Г.П.** Отчёт о НИР: Охранно-спасательные работы на археологическом слое пгт. Берёзово. — Нефтеюганск, 2008. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — № 200; **Визгалов Г.П.** Отчёт о НИР: Проведение аварийно-спасательных работ на культурном слое исторического поселения Берёзово в 2008 году (раскоп № 1-08). — Нефтеюганск, 2009. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — № 279/1; **Визгалов Г.П.** Отчёт о НИР: Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Берёзово. — Нефтеюганск, 2010. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — № 310.

[7] **Берёзово**... — С. 71—72.

[8] **Берёзово**... — С. 72—73.

Археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) Острог: исследования 2008 года

Г.П. Ведмидь
г. Ханты-Мансийск
Автономное учреждение ХМАО – Югры
«Центр охраны культурного наследия»

В августе–сентябре 2008 г. группой специалистов (архитектор Г.П. Ведмидь, инженер-геодезист Д.В. Бочкарёв, лаборант Д.В. Пронин) было проведено обследование археолого-этнографического комплекса Казымский (Юильский) Острог. Административно он расположен примерно в 125 км к востоку – юго-востоку от г. Белоярского и в 30 км к юго-востоку от нынешнего п. Юильск Белоярского р-на ХМАО – Югры, гидрографически – в нижнем течении р. Вон-Вошъюган, левого притока р. Казым. Проводниками были местные жители ханты Павел Данилович Тарлин и Василий Андреевич Ерныхов (ил. 1).

Исследования выполнялись за счёт средств автономного учреждения ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». Цель работ заключалась в получении целостного представления об археолого-этнографическом комплексе Казымский (Юильский) Острог, а также в сборе исходных данных для объёмно-графической реконструкции этого объекта культурного наследия. Для достижения поставленной цели было реализовано несколько задач:

- проведено детальное рекогносцировочное обследование как самой площадки объекта культурного наследия, так и сопредельных с ней участков местности;
- проведена полная расчистка территории объекта культурного наследия от сухостоя и упавших деревьев;
- выполнены научное описание и подробная фотофиксация археологических объектов;
- проведена тахеометрическая съёмка объекта культурного наследия, включая рельеф прилегающей местности.

Археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) Острог занимает участок правобережья р. Вон-Вошъюган в 1,5 км от устья и в 0,1 км к востоку от старицы вглубь коренной террасы

Ил. 1. Исследовательская группа: первый ряд слева направо — П.Д. Тарлин и В.А. Ерныхов; второй ряд слева направо — Г.П. Ведмидь, Д.В. Бочкарёв, неизвестный

Ил. 2. Старица р. Вон-Вошъюган в районе расположения комплекса Казымский (Юильский) Острог. Снято с юго-востока

(ил. 2). Неподалеку к северо-западу от него, на стрелке мыса расположен археологический объект городище Юильск I, а в 1,0 км в том же направлении находятся развалины бывшего п. Старый Юильск.

Исследованный объект имеет комплексный характер и состоит из трёх компонентов:

- археологический объект — русское поселение *острог Казымский* (границы обозначены руинированными остатками построек);
- археологический объект — хантыйское (ненецкое) поселение *селище Юильский Городок* (расположено в напольной части, вокруг острога);
- этнографический объект — *святилище Вошн Аки* (на местности — территории обоих вышеуказанных археологических объектов плюс склон береговой террасы — маркируется многочисленными прикладами-подношениями на деревьях в виде лоскутков тканей разных цветов, остатков оленьих рогов и шкур, а также затёсами на стволах деревьев).

Представленный набор объектов в силу своего территориального единства и культурно-хронологической преемственности объединён в археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) Острог. По нашему мнению, он соответствует критериям такого вида объекта культурного наследия, который в современной российской нормативно-правовой базе закреплён понятием «ансамбль»[1].

Рельеф участка, на котором расположен комплекс, в основном, горизонтальный и плоский, лишь к югу—юго-востоку наблюдается незначительное повышение. Растительность представлена редким высокоствольным сосновым лесом; только площадка объекта плотно заросла молодым подростом берёзы и сосны, и это обстоятельство поначалу существенно затрудняло восприятие планиграфии. Поверхностный слой образован брусничником с незначительным вкраплением ягеля.

На северо-восточной оконечности селища Юильский Городок по линии юго-восток — северо-запад виден старый санный путь (зимник), который в прошлом использовался довольно активно. В 60 м юго-восточнее комплекса с юго-запада на северо-восток проходит сейсмопрофиль. Здесь же имеется ложбина с понижением высоты от уровня площадки памятника до 1,5 м. На удалении около 30 м к северу—северо-западу от комплекса расположен неглубокий, но довольно широкий лог, который у края коренной террасы покрыт верховым болотом, молодым подростом берёзы, сосняка и угнетённой сосны. Болото образовано скоплением на данном участке поверхностной влаги.

Как уже было сказано, площадка объекта была покрыта плотным сосново-берёзовым подростом, который вместе с обильным валежником

Ил. 3. **Археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) Острог.** Поверхность перед началом обследования. Снято с юга

Ил. 4. **Археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) Острог.** Общий вид. Снято с севера

Ил. 5. Археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) Острог. План (фрагмент)

Это вклейка (2 фальца, вклеивается по верхнему левому углу) после стр. 400.

из старых деревьев делал невозможным не только топографическую съёмку, но даже визуальный осмотр (ил. 3). Поэтому предварительный этап работ по расчистке территории занял значительную часть времени.

После расчистки планиграфия всех составляющих объекта культурного наследия стала доступной для наблюдения и фиксации (ил. 4), что позволило выполнить топографическую съёмку на широкой территории (ил. 5). В итоге на поверхности были зафиксированы остатки минимум 56 археологических объектов, включая одиночные ямы и развалы брёвен. Если же говорить непосредственно о постройках, то 16 из них относились к острогу Казымскому, а 36 — к селищу Юильский Городок. Общая площадь территории объекта культурного наследия составила 2170 кв. м, в том числе под застройкой — 630 кв. м.

Казымский острог

В плане острог имеет вид пятиугольника, контур которого, хоть и слабо, но выражен на местности на всём протяжении. Граница представлена, во-первых, неглубоким (до 0,2 м) ровиком шир. от 0,5 м до 1,2 м. Примерно в середине южной и северной сторон фортификационного контура ровик прерывается — так маркируются места прежнего местонахождения башен, через которые осуществлялся доступ внутрь острога. Во-вторых, остатки фортификации представлены искусственным валиком шир. до 1,5 м и выс. 0,25—0,30 м. Он образован выбросом грунта из траншеи, в которую были установлены вертикальные брёвна частокола. На сегодня остатки траншеи достигают шир. 0,7—1,0 м и глуб. 0,15—0,25 м.

Южный отрезок фортификационной линии длиной 40,5 м ориентирован по линии запад—северо-запад — восток—юго-восток. Примерно в центральной его части была расположена проходная башня. Неглубокий ров под частокол (шир. 0,6—1,1 м, глуб. ок. 0,25 м) фиксируется на всём протяжении. Видны следы пяти старых шурфов: № 1 — около угла смыкания западной и южной стен ограждения, № 2 и 3 — в местах примыкания частокола к южной башне, № 4 — посередине расстояния между южной башней и юго-восточным углом острога, № 5 — около угла смыкания южной и восточной стен. Нами на месте старых шурфов № 2 и 4 были заложены два новых шурфа. Они позволили обнаружить остатки деревянного частокола (ил. 6, 7).

Западный отрезок острожной стены имел длину 40,5 м и был ориентирован по линии север—северо-восток — юг—юго-запад. К южной

стене он примыкал почти под прямым углом. Ров от частокола (шир. 0,6—1,1 м, глуб. до 0,25 м) и параллельный ему вал (шир. до 1,5 м, выс. 0,25—0,3 м) фиксируются на всём своём протяжении. Лишь ближе к центру заметен незначительный разрыв вала. Здесь же имеется внешняя яма диам. ок. 1,8 м и глуб. 0,6 м. От юго-западного угла острога впритык к его западной границе с интервалом ок. 1,5 м последовательно расположены три внешние ямы. Наибольшая из них имеет размеры 1,6х2,6 м и глуб. 0,8 м.

Северный отрезок фортификационной линии замыкает северо-западный и северо-восточный углы острога. Он, в отличие от других сторон с однолинейной направленностью, состоит из двух отрезков, примыкающих к проходной башне и образующих в совокупности не прямую, а тупоугольную линию. Участок северной стены от северо-западного угла острога до проходной башни составлял 25,5 м, был ориентирован по линии запад—северо-запад — восток—юго-восток и сопрягался с западной стеной под прямым углом. Сегодня ров и вал здесь читаются слабо, в особенности близ башни, где они почти незаметны. Примерно посередине этого отрезка видна яма диам. 1,5 м и глуб. 0,5 м (след от сгоревшего муравейника). Второй участок северной стены — между башней и северо-восточным углом — имел длину 28,0 м и был ориентирован по линии запад—северо-запад — восток—юго-восток. Вал и ров для частокола фиксируются очень слабо и здесь. Видны следы старых шурфов: один был заложен в углу смыкания восточной и северной стен, второй — на месте примыкания частокола к северной башне.

Восточный отрезок острожной стены, замыкавший пространство между северо-восточным и юго-восточным углами, имел протяжённость 40,5 м и был ориентирован по линии север—северо-восток — юг—юго-запад. К южному отрезку он примыкал под углом ок. 110 градусов. Вал и ров для частокола прослеживаются на местности очень слабо. От рва видны лишь отдельные фрагменты, которые в виде овальных углублений (дл. 2,0—4,0 м, шир. 0,8 м, глуб. 0,3 м) с интервалом 3,5—7,0 м, как пунктиром, обозначают в рельефе контур этого элемента фортификации. Исключение составляет лишь участок вблизи северо-восточного угла острога.

В системе обороны Казымского острога наибольший интерес вызывают два объекта — проездные башни. Их оригиналы сохранились и в данный момент экспонируются на открытой площадке музея Ин-та археологии и этнографии СО РАН в г. Новосибирске. Нашей группе

Ил. 6. **Казымский острог.** Шурф № 2. Снято с востока

Ил. 7. **Казымский острог.** Шурф № 4. Снято с запада

предоставилась возможность встретиться с Андреем Алексеевичем Ерныховым, который в 1973 г. был свидетелем демонтажа башен Казымского острога и отправки их в г. Новосибирск.

Невзирая на отсутствие этих объектов в натуре, удалось достоверно зафиксировать места их бывшего расположения. В частности, башня южной стены стояла в 14,7 м от юго-восточного угла острога. На месте до сих пор виден контур строения размерами 3,7х4,0 м, образованный углублением от нижнего венца сруба (ил. 8). С внутренней стороны острога к башне примыкал какой-то пристрой размерами 2,0х4,0 м, в настоящее время фиксируемый очень слабо. Возможно, это был всего лишь деревянный настил около башни. На площадке бывшего расположения южной башни видны одиночные полуистлевшие остатки деревянных конструкций длиной до 1,2 м. В местах примыкания частокола к башне с востока и запада видны старые шурфы № 2 и 3.

Северная башня находилась почти в центре стены, разнонаправленность отрезков которой образовывала в этом месте пятый угол острога. При общей длине стены 58,0 м эта башня выступала вперёд от фронта незначительно, примерно на 4,5 м, поэтому этот угол в реальности воспринимался очень слабо. Горизонтальный профиль квадратной башни размерами 4,5х4,5 м, как и в предыдущем случае, впечатался в поверхность рельефным углублением от нижнего венца сруба (ил. 9). С западной стороны башни, где примыкал частокол, виден старый рекультивированный шурф № 7.

За единственным исключением, все остальные остатки построек расположены на закрытой площадке (то есть внутри фортификационных укреплений). Из них лишь два наиболее мелких объекта выпадают из рядовой застройки и примыкают к северной стене восточнее проездной башни, а все остальные вытянуты вдоль глухих западной и восточной стен. Фронт застройки западного ряда построек составляет 32 м, восточного — почти 38 м. Между ними имеется свободное пространство — внутренняя площадь. С севера и юга она ограничена проездными башнями, с запада и востока — рядовой застройкой. В целом эта площадка вытянута с севера — северо-востока на юг — юго-запад и достигает размеров 12—18х35 м.

Заметно некоторое отличие в планировке построек: восточный ряд из 5 объектов — это двухкамерные постройки, состоявшие из входной и жилой частей; западный — в основном трёхкамерные в плане строения, внутренние помещения которых образовывали анфиладу с запада—северо-запада на восток—юго-восток. Особенно выразителен

Ил. 8. **Казымский острог.** Место расположения южной башни — углубление от нижнего венца сруба. Снято с востока

Ил. 9. **Казымский острог.** Место расположения северной башни — углубление от нижнего венца сруба. Снято с юго-запада

в рельефе восточный ряд строений, сооружённых примерно в 3—5 м от стены.

Западный и восточный фронты застройки не параллельны, а заметно расходятся к северу. Это вызвано нарушением геометрии квадрата в абрисе острога: западная стена сопрягалась с северной и южной под прямыми углами, а восточная отклонялась при продвижении к северу, и угол её сопряжения с южной стеной составлял ок. 110 градусов. Это привело к тому, что длина западной, южной и восточной стены острога достигала 40,5 м, а северной (включая башню) — 58,0 м, то есть разница между параллельными северной и южной стенами составляла 17,5 м, и это не могло не сказаться на планиграфии застройки.

В целом жилая площадка острога ровная, состояние строительных объектов удовлетворительное.

С внешней стороны острога была сооружена только одна постройка, получившая при обследовании условный № 2. Она примыкала к восточной стене в 2,5 м от юго-восточного угла. В настоящее время это хорошо выраженная в рельефе подквадратная впадина размерами 5,6х5,8 м и глуб. 0,35 м. Внутри фиксируются квадратный (3,0х3,0 м) приямок глуб. 0,4 м и, справа от входа, развал печи (чувала) в виде округлого возвышения диам. 0,5 м и выс. ок. 0,3 м. Внешняя обваловка шир. до 1,3 м и выс. ок. 0,25 м имеется только вдоль северо-восточного контура западины. Здесь же видны две аморфные в плане небольшие ямы. Ещё две подобные ямы имеются и с юго-западной стороны. Площадка объекта ровная.

Селище Юильский Городок

Селище расположено вокруг Казымского острога (ил. 5, 10). Свободным от застройки оказался лишь участок около юго-западной границы острога, и наоборот, основной массив объектов селища сосредоточен к северу—северо-востоку от острога, куда была обращена проездная башня.

Край застройки селища к северо-западу от северной башни острога проходит на удалении 55 м, к северу — в 80 м, к востоку — в 80 м, а к югу от южной башни — в 70 м. Наиболее удаленный объект (№ 40) был сооружён у края береговой террасы старицы на расстоянии 130 м строго на запад от юго-западного угла острога.

Всего на территории селища зафиксированы остатки 36 полуземляночных и наземных строений: 3 — к югу от острога, 2 — к западу, 31 — к северо-западу, северу и северо-востоку.

Ил. 10. **Селище Юильский Городок.** Центральная часть. Снято с северо-востока

Ил. 11. **Селище Юильский Городок.** Северная группа объектов. Объект № 20. Снято с севера

План застройки селища носит свободный характер. Однако можно выделить три группы объектов (восточная, западная и северная), расположение каждой из которых скорректировано относительно двух взаимно перпендикулярных визуальных осей. Одна из этих осей образована линией расположения башен острога и условно продолжена через селище по направлению север—северо-восток — юг—юго-запад. Другая представляет собою линию старой зимней дороги по направлению запад—северо-запад — восток—юго-восток. Эти визуальные оси взаимно пересекаются на удалении 55 м к северу от ближней в эту сторону острожной башни. С первой осью скоррелированы западная и восточная группы объектов, со второй — северная. Остальная, незначительная, часть объектов спорадически распределена южнее и восточнее острога.

Наиболее организованный фронт застройки образует северная группа из четырёх объектов (№ 20—23), распределённых с севера—северо-запада на восток—юго-восток на протяжении 45 м вдоль санного пути-зимника, в 5—7 м северо-восточнее последнего (ил. 5, 11). Объекты во многом идентичны и, выражаясь современным языком, были сооружены по «типовому образцу». Это усматривается во всем: в габаритах строений, соотношении жилого помещения и входной части, в расположении приямка и очага, ориентации в пространстве, в устройстве жилищной площадки, даже в местоположении внешних подкидных ям. Учитывая все указанные параметры, а также схожесть их внешнего состояния, можно утверждать, что данный ряд объектов был возведен одновременно.

Аналогичная ситуация усматривается и на примере восточной группы строений. В частности, это касается объектов № 8—15. Судя по их планировке и состоянию внешнего вида, можно предположить, что они, кроме объекта № 11, также принадлежат к одному времени. Объект № 11 (ил. 5, 12) имеет отличия и в размерах, и в ориентации, и в его местоположении на самой восточной оконечности селища. Возможно, это одиночная усадьба более позднего времени.

Необходимо отметить, что три объекта селища (№ 7, 11, 36) в 2005—2006 гг. были раскопаны Приобской археологической экспедицией под руководством А.В. Новикова (г. Новосибирск)[2]. На публикуемом в данной статье плане эти объекты указаны по их состоянию до раскопок.

Насколько можно судить по визуальным признакам, подавляющее большинство построек имели срубную конструкцию и прямоугольные

Ил. 12. Селище **Юильский Городок.** Восточная группа объектов. Объект № 11. Снято с востока

очертания. Их основной объём был представлен жилым помещением в виде впадины глуб. до 0,6 м (с приямком по центру или сбоку от входа) и входной частью (сенями). Ориентация стен по сторонам света не отличалась постоянством и зависела от конкретной ситуации — близкого соседства других строений, организации обживаемого пространства по отношению к острогу либо к санному пути (зимнику).

Типологически исключение составляли лишь четыре полуземлянки. Одна из них находилась в стороне — на удалении 50 м к западу от острога, возле лога.

Святилище *Вошн Аки*

Этот объект является неотъемлемой частью представляемого ансамбля. Судя по информации местного населения, святилище возникло в память о предках, некогда живших на данном месте. В определённое время здесь осуществляются обряды, в ходе которых приносятся приклады — ткани различных цветов, шкуры или рога жертвенных оленей, монеты, алкогольные напитки. Приклады зафиксированы как на территории обоих археологических объектов, так и на склоне берега у заболоченной старицы. Подношения приносятся не только участниками специально организуемых обрядов, но и случайными путниками, пересекающими сакральное пространство.

* * *

Работы 2008 г. позволили определить объект культурного наследия «Археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) Острог» как ансамбль, состоящий из двух археологических (Казымский острог, селище Юильский Городок) и одного этнографического (святилище *Вошн Аки*) объектов. Он обладает значительными ресурсами как для научного исследования (для изучения взаимодействия пришлого и аборигенного населения на первых этапах колонизации Сибири), так и для познавательного туризма. Особую ценность представляют его высокие возможности натурных реконструкций построек жилого и фортификационного назначения периода присоединения Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Закон Российской Федерации № 73—ФЗ от 25.06.2002. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ст. 3, аб. 4).

[2] **Новиков А.В.** Этнокультурное взаимодействие казымских ханты и восточнославянского населения в XVIII—XIX веках (на примере домостроительных традиций)

// Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 262—275.

Результаты натурного обследования территории Свято-Троицкой церкви бывшего Кондинского монастыря в пгт. Октябрьском ХМАО – Югры

М.Ю. Баранов, И.С. Чарусова
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»

В октябре 2009 г. экспертной группой ООО «НПО «Северная археология 1» было проведено натурное обследование в пгт. Октябрьском ХМАО – Югры. Была осмотрена территория бывшего Кондинского Свято-Троицкого монастыря, основанного в 1657 г. (ил. 1) и существовавшего до 1930-х гг. (ил. 2, 3). Необходимость проведения натурного археологического обследования вызвана предполагаемыми реставрационными работами на Свято-Троицкой церкви и благоустройством прилегающей территории.

Здание Свято-Троицкой церкви является памятником архитектуры XVIII в.[1]

Возведение существующего храма – каменной пятиглавой церкви во имя Святой Троицы с колокольней и двумя приделами – относится к 1757 г.[2] В течение XIX в. здание неоднократно перестраивалось. В 1924 г. монастырь был закрыт, в 1930 г. закрыли и разграбили Троицкую церковь. За время советской власти утрачены притвор храма с колокольней, тёплый храм и боковые приделы, главки храмовой части и апсиды. В 1970-х гг. к сохранившейся части каменной церкви с западной стороны было пристроено двухэтажное деревянное здание.

По источникам известно, что на месте каменного храма прежде последовательно располагались несколько деревянных церквей, первая из которых была возведена в 1600 г. в остяцком княжестве Кода. Кодские князья были в ряду первых аборигенов-христиан. С кон. XVI в. ханты Коды активно привлекались московским правительством в качестве военной силы, принимали участие в строительстве Берёзовского, Сургутского, Томского, Маковского и Енисейского острогов.

Особая близость кодских князей к русским властям стала причиной раннего распространения православия в Югре и появления в остяцком Кодском княжестве первых православных церквей.

Ил. 1. Кодский монастырь на карте 1673 г. «Nova Tabula IMPERII RUSSICI»

Ил. 2. Свято-Троицкий храм. Современное состояние. Общий вид. 2009 г.

Ок. 1600 г. в Кодском городке, на правом высоком берегу р. Оби была построена церковь во имя Живоначальной Троицы; в 1602 г. возведена ещё одна церковь — во имя святых Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев.

Православие не получило широкого распространения среди кодских остяков и едва вышло за пределы княжеской семьи. Кодские князья веры держались некрепко и, наряду с православным священником, держали при себе и «шайтанщиков». Хантыйский князь Дмитрий так охладел к христианству, что, намеренно кощунствуя, в 1643 г. стрелял в церковный крест из пищали.

После ликвидации независимости Кодского княжества в 1644 г. наступил перерыв в распространении православия. Однако согласно царской грамоте 1657 г. на правой стороне Оби, в устье р. Кондушки, был основан Кондинский Троицкий монастырь.

К 1670-м гг. в обители существовали три церкви (Свято-Троицкая, Зосимо-Савватиевская, Благовещенская) и колокольня с четырьмя колоколами. В непосредственной близости от этих построек находились кельи братии и служебные постройки. Источники указывают на келарскую, трапезную, поварню, келью болнишную, хлебную, амбары, погреба и т. д.

Ил. 3. Свято-Троицкий храм. Современное состояние. Архитектурные элементы. 2009 г.

Монастырь обладал развитым многоотраслевым хозяйством. Жилые постройки монастырских «крепостных служебников», «трудников» и бобылей находились под горой, за монастырём. При монастыре существовали «плавильня железная» и кузница с наковальнями для железного и серебряного дела, разрабатывалось небольшое месторождение слюды, действовало животноводческое хозяйство, выделывались меха и кожи, процветало рыболовство, функционировали солодовня, «заведения» для выделки сливочного и конопляного масла, свечей... В монастырском штате значился оконник, который изготавливал оконницы (слюдяные окна) на продажу.

Ил. 4. Кодинский Свято-Троицкий монастырь. Шурф 1. Стратиграфия

В XVIII в. Кодинский монастырь одевается в камень. В 1729 г. было начато строительство каменного Свято-Троицкого пятиглавого храма с колокольней, продолжавшееся более 30 лет.

Анализ процесса освоения участка по письменным источникам даёт возможность предполагать на территории монастыря наличие следующих культурных (строительных) археологических горизонтов:

1. Слой нач. XVII в. **(1600–1602 гг.)** – деревянное строительство Свято-Троицкого храма и церкви Зосимы и Савватия.

2. Слой трет. четв. XVII в. **(1668 г.)** – деревянное строительство церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. К западу от сохранившейся храмовой постройки возможно обнаружение оснований жилых и служебных построек. К востоку (на краю мыса) возможно нахождение культурного слоя, связанного с жилыми постройками монастырских «служебников» XVII в. При опросе старожилов выявлена информация о наличии под горой позднего монастырского кладбища.

3. Слой перв. четв. XVIII в. **(1729–1765 гг.)** – каменное строительство Свято-Троицкого храма.

4. Слой втор. пол. XVIII в. — нач. XX в. — функционирование храма, его многократные перестройки.

5. Слой сер. — втор. пол. XX в. — разрушение западной части каменного Свято-Троицкого храма, поздние подсыпки и планировка площади.

В ходе натурного обследования была проведена шурфовка территории бывшего Кондинского Свято-Троицкого монастыря, в непосредственной близости от Свято-Троицкой церкви.

Шурф 1. Заложен к западу от Свято-Троицкой церкви, на территории современного детского сада «Солнышко». Встречены находки, связанные с разными периодами функционирования монастыря.

В профиле выделяются четыре горизонта, три из которых — строительные (ил. 4):

1. XX в. Слои связаны с разрушением храма и его поздними подновлениями.

2. Перв. четв. XVIII в. (?). Слой связан со строительством каменного Свято-Троицкого храма — суглинистый слой с обильным включением битого кирпича со следами известкового раствора.

3. Втор. пол. XVII в. Слой связан с функционированием Кодского монастыря. Это плотный слой щепы, в котором обнаружены: кованые гвозди, фрагменты слюды, поддон керамического сосуда с коричневой поливой и концентрическим орнаментом, фрагменты сероглиняных сосудов, фаянсовая чернильница со следами чернил, фрагменты цветного стекла с патиной.

4. Перв. пол. XVII в. Ещё один горизонт, маркирующий деревянное строительство, тоже представляет собою плотный слой щепы, в котором найдены: кочедык железный с фрагментами деревянной рукояти; прут медный, скрученный из листа; фрагмент железного изделия; коррозированный железный лист. Здесь же встречены и более ранние по времени находки — отщепы из серого кремнистого сланца.

Шурф 3. Заложен к востоку от здания Свято-Троицкой церкви и от участка Сбербанка, на краю коренного берега р. Кодушки.

Слои здесь значительно переотложены поздней (XVIII—XIX вв.) могильной ямой и выкидом из неё. Встречены находки нескольких хронологических периодов.

1. «Русский слой». Связан с функционированием монастыря. Находки: фрагменты чернолощёной, красноглиняной и сероглиняной гончарной керамики, кресальные кремни, железный нож, железный металлургический шлак, фрагменты ошлакованной глиняной обмазки, фрагменты болотной руды.

2. «Дорусский слой». Связан с обживанием участка до сооружения монастыря. Находки: стенки лепных сосудов, орнаментированных плоским штампом (эпоха поздней бронзы?); керамика раннего железного века; керамика Средневековья (карымской культуры); неорнамен-

тированные стенки лепных сосудов; каменные отщепы; абразивные плитки.

Таким образом, шурфами выявлено наличие мощных разновременных культурных отложений, относящихся как к начальным периодам русской колонизации и истории Кодского монастыря, так и археологическим культурам, как минимум, раннего железного века и Средневековья.

Выявлены крупномасштабные разрушения культурного слоя, вызванные деятельностью бывшей котельной, в частности завалы угольного шлака мощностью свыше 2 м. Значительные разрушения выявлены на оконечности мыса, они возникли при обустройстве строительной площадки и сооружении свайного поля под сгоревшую часовню. При нивелировке площадки на краю мыса уничтожена верхняя часть культурных отложений. Территория объекта культурного наследия используется для сооружения общественных туалетов.

Предложения в Службу государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры

1. В соответствии со ст. 3 Закона Российской Федерации от 25.06.2002. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» считаем необходимым объявить **культурный слой** Кондинского Свято-Троицкого монастыря **объектом культурного наследия** и поставить на **государственный учёт**.

2. До проведения предполагаемых ремонтно-реставрационных работ здания Свято-Троицкой церкви необходимо предусмотреть проведение **археологических раскопок** вокруг и внутри стен здания (не исключая подвальных помещений храма).

3. Провести разведочные работы по определению **границ культурного слоя** исторического поселения и составлению **археологического опорного плана**.

* * *

Археологические раскопки на прихрамовой территории позволят:

1) выявить местоположение предыдущих (деревянных) церквей и исторической застройки;

2) сформировать археологическую коллекцию для увеличения фондов и расширения экспозиции музея пгт. Октябрьского[3];

3) дать материалы к определению внешнего вида и габаритных размеров Свято-Троицкой церкви;

4) получить полноценные источники по истории этнокультурных взаимодействий (включая распространение православия) в процессе русской колонизации Северо-Западной Сибири в XVII—XVIII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Постановление** губернатора ХМАО от 04.03.1997 № 89 «О постановке на государственный учёт и охрану как памятников истории и культуры окружного значения вновь выявленных объектов историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа». Прил. 4: Октябрьский р-н. № 2.

[2] Подборку архивных документов по истории монастыря и церкви с комментариями и пояснениями см.: **Кодинский** (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 488—525 (нач.); То же // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — Вып. 3. — С. 252—301 (прод.); То же // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2007. — Вып. 4. — С. 210—256 (оконч.). Первая часть публикуемой статьи, не оформленная сносками, по сути, является конспектом предисловия к указанной подборке документов *(Прим. ред.)*.

[3] Октябрьский районный краеведческий музей, имеющий статус негосударственного музея, лишён права принимать на постоянное хранение обнаруженные при археологических раскопках культурные ценности, которые должны передаваться на «постоянное хранение в **государственную часть** Музейного фонда Российской Федерации» (п. 9 ст. 45 Закона Российской Федерации от 25.06.2002. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации») *(Прим. ред.)*.

Историко-архитектурные исследования в с. Малый Атлым Октябрьского района ХМАО – Югры

М.Н. Пальянова
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»

Летом 2007 г. в с. Малый Атлым Октябрьского р-на ХМАО – Югры исследовательской группой под руководством автора были проведены историко-архитектурные работы в рамках темы «Выявление и архитектурные обмеры построек русского старожильческого населения в населённых пунктах по берегам рек Обь и Иртыш», финансируемой из средств окружной программы «Культура Югры 2006–2008 гг.».

Целью данных исследований являлось выявление новых, ранее не изученных архитектурных объектов наследия русского старожильческого населения региона и фиксация современного состояния уже известных. Основными задачами стали: сбор материала, обмеры и начальное обследование степени сохранности выявленных архитектурных объектов, типологический и архитектурно-конструктивный анализ зданий.

Село Малый Атлым расположено на стрелке мыса, образованного в результате впадения р. Малый Атлым в р. Обь, на правом коренном берегу р. Оби и на левом берегу р. Малый Атлым, в 165 км севернее г. Ханты-Мансийска.

История Малого Атлыма тесно связана с историей Кодского княжества. Село упоминается в летописях как Малый Атлымский городок, одно из укреплённых поселений княжества в XV в. Первое же упоминание о нём относится к 1383 г., когда святой Стефан – епископ Велико-Пермский – бежал и поселился в Малом Атлыме. Но это предание не зафиксировано письменно. Юрты Малоатлымские (Малый Атлымский городок) располагались на Юртошной горе, которая находится за церковью, через крутой лог. Жители юрт, как и кодские князья Алачевы, относились к северным ханты и вели традиционный для данной этнической группы образ жизни[1].

В 1714 г., благодаря миссионерской деятельности митрополита Филофея Лещинского, в юртах Малоатлымских была построена первая Преображенская церковь[2]. Место для церкви было выбрано на крутом обском берегу, за Юртошным логом, на местном хантыйском кладбище. Первая церковь, как и сегодняшняя, была деревянной, только намного меньше. С появлением церкви Малый Атлым приобрёл статус села, в котором стали обосновываться русские, в основном священнослужители и казаки, а также ссыльные. Центр села образовался за церковью в ложбине между «горами» Голубище и Юртошной[3].

В 1853 г. на месте старой церкви была возведена новая[4] (ил. 1). В книге Х.М. Лопарева «Описание Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом» упоминается, что *«содержание почтовых станков Карбинскаго и Атлымскаго в 1808 году было взято на себя самаровским ямщиком Калмаковым...»*[5]. Именно тогда появилась почтовая дорога от Тобольска до Малого Атлыма длиною 839 верст. По ней двигались купеческие обозы с рыбой, мясом, пушниной до Тобольска. В обратную сторону по этой дороге шли ссыльные.

В нач. 1720-х гг. в связи с большим притоком русских в Малый Атлым, Шеркалы, Сухоруково и другие населённые пункты вдоль р. Оби отсюда начался массовый отток коренного населения[6].

Ил. 1. С. Малый Атлым. Общий вид. Снято с юго-запада (с пристани). Нач. XX в.

В 1868–1869 гг. в селе насчитывалось 52 двора: остяцких – 28, казаков – 24. Население насчитывало 430 человек: остяков – 296 чел., казаков – 134 чел.[7] Основным занятием русского старожильческого населения были рыболовство и охота. Некоторые держали скотину, зажиточные крестьяне с большим количеством лошадей занимались извозом. Кроме того, земледелие всегда считалось частью русской культуры. Со временем появились в селе купцы-рыбопромышленники, которые создавали артели и рыбачили стрежевыми неводами на арендованных песках. Рыбу до осени выпускали в специальные «земляные сады», а зимой везли на продажу. Первыми малоатлымскими купцами были Фёдор Мотошин, Прокопий Андреев, Яков Кузьмин, Важенин.

В 1905 г. за счёт ссыльных, прибывших из д. Малиновки Малиновской волости Саратовской губернии, число русских стало преобладающим и до 1918 г. быстро росло. Происходило это в основном за счёт многодетных семей, например Кузьминых и Поповых. Появились и смешанные семьи Соколковых, Кузьминых, Поповых, Пермековых, Дорониных и др.[8]

В 1930 г. в селе был организован колхоз «Ленинский путь». Он занимался рыбодобычей, выращивал картофель, овощи, зерновые. В 1961 г. колхоз был упразднен[9].

Таким образом, богатое историческое прошлое села позволило предполагать наличие в нём сохранившихся архитектурных объектов. Как минимум об одном из них – деревянной Преображенской церкви – было уже известно: она состояла на учёте в Службе государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры и была включена в программу «Сохранение памятников архитектуры и градостроительства на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»[10].

В результате полевых исследований было выявлено 6 деревянных зданий русского старожильческого населения, которые могут быть отнесены к объектам историко-культурного наследия местного значения.

Дом купца Кузьмина
(ул. Центральная, 6)

Данное здание было изучено наиболее тщательно, как самое выдающееся на территории села после церкви. Кроме того, оно находится в аварийном состоянии, и необходимо было попытаться сохранить его хотя бы в виде обмерных чертежей.

Интересна история строителя и первого владельца дома. Примерно в сер. XIX в. подполковник Яков Кузьмин за вольнодумство и непод-

чинение правительству был сослан в юрты Карымкарские. В 1860 г., по ходатайству купца Прокопия Андреева Я. Кузьмин переселился в Малый Атлым и стал доверенным лицом своего поручителя. На новом месте Я. Кузьмин считался зажиточным. Там он женился и вырастил шестерых сыновей — Тимофея, Илью, Ксенофонта, Иллариона, Иринарха и Луку. Все они тоже работали у Андреева: летом — на артельной рыбной ловле, зимой — на извозе в Ивдель и Тобольск. Тимофей Яковлевич тоже получил статус доверенного лица П. Андреева, купец даже стал крестным отцом его первенца Капитона. Своему крестнику П. Андреев подарил на свадьбу стрежевой песок ниже юрт Карымкарских и участок земли между «горами» Катушка и Голубище под названием Озерки (сейчас там располагается рыбучасток). Капитон Тимофеевич Кузьмин с помощью своих многочисленных родственников развернул в Озерках большое хозяйство: построил одноэтажный дом, складские помещения, цеха по обработке рыбы, бондарную мастерскую, ледник для хранения рыбы, жиродельню, конюшню и т. д. К 1915 г. он стал купцом 1-й гильдии и одним из крупнейших рыбопромышленников Тобольского Севера.

К сожалению, все постройки хозяйства Кузьминых уже разрушены. Исследованное нами здание относится, по-видимому, к 1860-м гг. и было построено самим Яковом Кузьминым сразу после его переселения в Малый Атлым из юрт Карымкарских[11].

Одноэтажный сруб со сложной планировочной схемой выполнен из брёвен, срубленных в углах дома «в обло». К дворовому восточному фасаду примыкают дощатые сени чёрного входа в дом. Размеры здания

Ил. 2. **Дом купца Я. Кузьмина** (с. Малый Атлым, ул. Центральная, 6). Главный (западный) фасад. Общий вид. Снято с северо-запада (с дороги). 2007 г. Фото автора

в плане составляют приблизительно 12,5х8,1 м, дощатого пристроя-сеней — 7х2,3 м.

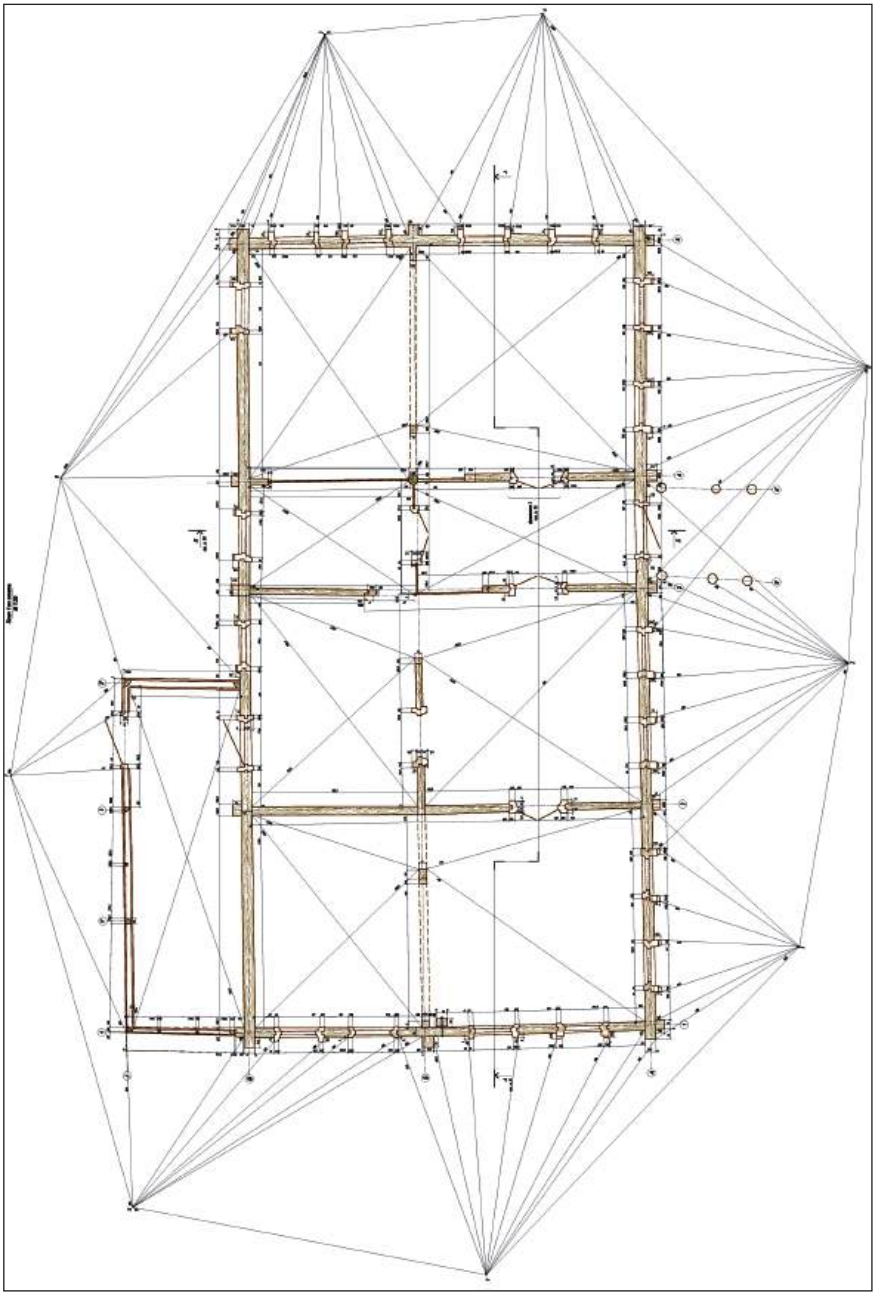
Главный (западный) фасад образован четырьмя пряслами, в трёх из них располагаются попарно шесть окон. Все они обрамлены наличниками без ставней (ил. 2, 3). Центральная часть лобовой доски наличников украшена накладной резьбой с упрощенными волютами и геометрическим орнаментом, боковые также имеют небольшие резные геометрические элементы. Карнизная доска имеет сложную форму, завершающуюся скруглённым профилированным карнизом-сандриком с резной шишечкой. В центральной части подоконной доски — простой растительный орнамент. В боковых частях — орнамент, аналогичный боковым частям лобовых досок. Весь декор наличников можно отнести к народному сибирскому зодчеству кон. XIX в.

Кроме того, на главном фасаде в третьем прясле расположен дверной проём. Перед ним устроено небольшое крыльцо, перестроенное в XX в. С обеих сторон от проёма фиксируются углубления, в которых, вероятно, фиксировались кронштейны для кованого полукруглого козырька, следы которого остались над дверью.

По выявившейся в процессе обмеров планировочной схеме можно предположить, что жилая часть дома («изба») располагалась слева от тёплых сеней, вход в которые считался парадным и был устроен на главном (западном) фасаде с крыльцом и кованым навесом над ним (ил. 4). Справа от сеней располагалось парадное помещение для приёма гостей («горница»). Жилая часть поделена внутренними стенами на четыре помещения. Одно из них соединяется дверным проёмом

Ил. 3. **Дом купца Я. Кузьмина** (с. Малый Атлым, ул. Центральная, 6). Главный (западный) фасад (фрагмент). Наличник окна с почти полностью сохранившейся резьбой. Снято с запада. 2007 г. Фото автора

Ил. 4. Дом купца **Я. Кузьмина** (с. Малый Атлым, ул. Центральная, 6). План первого этажа. **2007** г. Снят автором

с дощатым пристроем, примыкающим к основному объёму здания с восточной стороны. Пристрой служил холодными сенями для чёрного входа в дом. Кроме того, из него можно было попасть по специально устроенному лазу на чердак. Черный вход использовался владельцами дома в хозяйственных целях, из него можно было попасть на двор.

Надворные постройки, относящиеся к усадьбе купца Кузьмина, на сегодняшний день утрачены, как и конфигурация самого усадебного участка. Примечательно, что помещения, примыкающие к западной стене дома, имеют анфиладную планировку: дверные проёмы в них расположены друг напротив друга. Кроме того, в крайних южном и северном помещениях обычные проёмы заменены арками. Возможно, это результат поздних перестроек, когда в здании располагалась школа, так как арки дополнительно притянуты к стропильным балкам крыши на железные болты.

Дом купца

(ул. Центральная, 25)

Одноэтажный сруб-пятистенок с примыкающими к боковому (северному) фасаду холодными сенями выполнен из брёвен, срубленных в углах дома «в обло» (ил. 5). На главном (южном) фасаде дома, выходящем на ул. Центральную, симметрично расположены четыре оконных проёма — по два в каждом прясле. Весь декор наличников окон можно отнести к стилю сибирского народного зодчества кон. XIX — нач. XX в. Ставни украшены декоративными филёнками с накладной резьбой, часто встречающейся в оформлении окон, дверей, пилястр архитектурных объектов региона кон. XIX — нач. XX в.

Ил. 5. **Дом купца** (с. Малый Атлым, ул. Центральная, 25). Общий вид. Снято с юго-востока (с дороги). 2007 г. Фото автора

Дом купца
(ул. Центральная, 34)

Здание — одноэтажный сруб-шестистенок с примыкающим к заднему северному фасаду поздним пристроем, выполненный из брёвен, срубленных в углах дома «в обло» (ил. 6). На главном (южном) фасаде дома, выходящем на улицу, расположены четыре обычных и один сдвоенный оконный проём. Все они обрамлены наличниками. Ставни, по-видимому, утрачены при реконструкции здания. Декор наличников можно отнести к народному зодчеству кон. XIX в. — подражению городской архитектуре позднего классицизма, характерного для этого периода.

Ил. 6. **Дом купца** (с. Малый Атлым, ул. Центральная, 34). Главный (южный) фасад. Общий вид. Снято с юга (с дороги). 2007 г. Фото автора

Дом П.Х. Соколкова
(ул. Центральная, 4)

Дом построен представителем одной из старейших фамилий села — Петром Хрисанфовичем Соколковым. Он был выходцем из крестьянского рода, образованного смешением казаков с остяками во втор. пол. XIX в. Осенью 1920 г. Петр Хрисанфович был назначен начальником конно-почтовой станции. Его дочь вышла замуж за П.С. Волынкина, род которого был сослан в 1930-х гг. из с. Калинино Викуловского р-на Тюменской обл. Сегодня именно он живёт в обследованном доме.

Дом представляет собой сруб-пятистенок с примыкающим к заднему (восточному) фасаду поздним пристроем, служащим холодными сенями (ил. 7). Изба выполнена из брёвен, срубленных в углах дома

Ил. 7. **Дом П.Х. Соколкова** (с. Малый Атлым, ул. Центральная, 4). Главный (западный) фасад. Общий вид. Снято с запада (с дороги). 2007 г. Фото автора

«в обло», обшитых в сер. XX в. деревянной рейкой. На главном (западном) фасаде дома, выходящем на улицу, симметрично расположены три оконных проёма. Все окна обрамлены наличниками со ставнями. По свидетельству хозяина дома, оконные проемы были расширены в сер. XX в., и наличники были устроены новые.

Дом Метелиных
(ул. Центральная, 8)

Дом принадлежит семье Метелиных, которые построили его в нач. XX в. До этого на этом месте стоял дом Егорова. Поздняя дата появления постройки не лишает её исторической ценности, поскольку она является ярким образцом крестьянского быта перв. пол. XX в. Кроме того, на территории усадьбы сохранились надворные постройки (амбар и баня), являющиеся сегодня достаточно большой редкостью и увеличивающие историко-культурную значимость объекта.

Дом представляет собой простую избу-клеть с примыкающим к заднему (восточному) фасаду прирубом, служащим холодными сенями (ил. 8). К сеням, в свою очередь, пристроены хозяйственные постройки. Изба выполнена из брёвен, срубленных в углах дома «в обло». На главном западном фасаде дома симметрично относительно центра рас-

Ил. 8. **Дом Метелиных** (с. Малый Атлым, ул. Центральная, 8). Общий вид. Снято с юго-запада (с дороги). 2007 г. Фото автора

положены три оконных проёма. Наличники окон относятся к периоду строительства дома (перв. пол. XX в.). Поле внутри центральной части карнизной доски наличников заполнено накладной резьбой с типовым геометрическим орнаментом, часто встречающимся в оформлении крестьянских изб нач. XX в.

Дом Соколковых
(ул. Центральная, 26)

Здание представляет собой избу-пятистенок с поздним пристроем к боковому северному фасаду (ил. 9). Основной объём выполнен из брёвен, срубленных в углах дома «в обло». В сер. XX в. дом подвергался ремонту, в результате которого поменялась его планировка (вход был устроен с северной стороны), было заложено одно окно на главном фасаде, пристроены новые сени к северному фасаду, стены снаружи обшиты деревянной рейкой. В результате композиция главного (западного) фасада дома оказалась нарушена (одно окно заложено). Два других окна украшены поздними наличниками.

Ил. 9. **Дом Соколковых** (с. Малый Атлым, ул. Центральная, 26). Главный (западный) фасад. Общий вид. Снято с запада (с дороги). 2007 г. Фото автора

* * *

Кроме выявления новых объектов архитектурного наследия русского старожильческого населения региона, был проведён осмотр технического состояния уже известного объекта, стоящего на государственной охране как памятник архитектуры, — церкви Преображения Господня

Ил. 10. **Церковь во имя Преображения Господня** (с. Малый Атлым). Боковой (южный) фасад. Общий вид. Снято с юга. 2007 г. Фото автора

(ил. 10). Состояние конструкций церкви плохое. Здание является памятником архитектуры регионального значения как один из образцов деревянного культового зодчества в стиле позднего классицизма — возможно, последний на территории ХМАО — Югры. Требуется срочная консервация здания. Кроме того, необходимо установление охранной зоны вокруг памятника с установлением чётких границ, чтобы оградить от окончательного разрушения некрополь при церкви и пока ещё сохранившиеся нижние венцы часовни и дома звонаря.

В дальнейшем рекомендуется:

— проведение реставрационных работ объекта архитектурного наследия с восстановлением его функции культового здания;

— воссоздание кованого ограждения и намогильных плит на прихрамовой территории;

— воссоздание часовни и дома звонаря.

В заключение подчеркнем, что историко-архитектурное наследие Ханты-Мансийского автономного округа — Югры остро нуждается в изучении и охране. Для этого необходимы проведение дальнейших исследований по выявлению архитектурных объектов в других населённых пунктах округа, постановка на учёт выявленных объектов, а также выделение и утверждение охранных зон вокруг объектов культурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Кузьмин В.Ф.** Земля кодская. — Ханты-Мансийск: [Без издательства], 1995. — С. 4.

[2] Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. — М.: Галерия, 2007. — С. 108—109.

[3] **Кузьмин В.Ф.** Земля кодская... — С. 18.

[4] Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв... — С. 124.

[5] **Лопарев Х.М.** Описание Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 152.

[6] **Кузьмин В.Ф.** Земля кодская... — С. 19.

[7] **Кузьмин В.Ф.** Земля кодская... — С. 24.

[8] **Кузьмин В.Ф.** Земля кодская... — С. 42.

[9] **Кузьмин В.Ф.** Земля кодская... — С. 76.

[10] **Закон ХМАО** — Югры № 144-ОЗ от 29 октября 2007 г. «Сохранение памятников архитектуры и градостроительства на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры».

[11] **Кузьмин В.Ф.** Земля кодская... — С. 28—29.

Библиографическое наследие

Православные церкви Югры: материалы к библиографическому указателю

Т.В. Пуртова, Г.Я. Фетисова (составители)
г. Ханты-Мансийск
Государственная библиотека Югры.
Отдел краеведческой литературы и библиографии

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий библиографический указатель является попыткой собрать материал в широком историческом аспекте о храмах и церквях на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Указатель включает в себя отдельные издания, статьи из научных и научно-популярных сборников, публикации из газет и журналов XIX — нач. XXI в.

Материал структурирован в соответствии с современным административно-территориальным делением округа, в начало каждого раздела вынесено название храма (церкви) представляемой территории.

Внутри раздела материал расположен в прямой хронологии.

В конце дан список использованных источников при составлении указателя.

Составители не претендуют на полноту отражения материала, поэтому издание является материалами к указателю.

С благодарностью примем дополнения и замечания по адресу:
Государственная библиотека Югры,
628011 г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 2.
Тел./факс (3467)333321. E mail: TPurtova@okrlib.ru

О ХРАМАХ ЮГРЫ

В России к строительству храмов всегда было особое, трепетное отношение. Обустройство новых городов и крепостей начиналось именно с этой постройки. Храмы возводились в России при поддержке государства, на народные пожертвования и часто всем миром.

История распространения православия в югорском крае начиналась в 1600 г. с основания в Коде церкви во имя Живоначальной Троицы,

прихожанами которой стали немногочисленные новокрещённые из числа семьи «князцов» Алачевых и их холопов. Позднее, в 1654 г., в Коде по инициативе сибирского архиепископа Симеона был основан Троицкий Кодский монастырь, ставший центром распространения христианства среди местных ханты.

В Нижнем Приобье первые церкви появились с постройкой Самаровского и Демьянского ямов. В Самаровской слободе была воздвигнута церковь во имя Святого Николая Мирликийского — покровителя путешественников. Позднее здесь будет построена церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

На территории Тобольской епархии (в современных границах) в 1914 г. действовали 484 храма и часовни. На югорской земле (нынешней территории ХМАО — Югры) до 1917 г. было 7 каменных и 41 деревянный храм, а в 1990 г. — ни одного. Начиная с 1990-х гг. здесь началось масштабное сооружение церковных построек, и сегодня для православных и в крупных городах, и в маленьких деревеньках открыто более 40 храмов и 7 часовен.

ХРАМЫ ЮГРЫ

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (в целом)

1. Приходы и церкви Тобольской епархии // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 3—227.

2. Зольникова, Н.Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии / Н.Д. Зольникова // Христианство и церковь в России феодального периода : (материалы). — Новосибирск, 1989. — С. 261—315.

3. Патранова, В. Церковные сокровища : [об уничтожении в 1935 году церквей в Ханты-Мансийском округе] / В. Патранова // Новости Югры. — 1992. — 25 апр.

4. Кулаков, Ф. Югра православная: монастыри, церкви Югры / Ф. Кулаков // Югра. — 1999. — № 4. — С. 11—13.

5. Патранова, В.В. В списках значится, а в реальности — нет : [история православных храмов на территории округа / В. В. Патранова // Новости Югры. — 2002. — 5 янв.]

6. Шашков, А. Т. Церковь и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки / А. Т. Шашков // Книжные сокровища Югры : рукописные и старопечатные книги из собраний г. Ханты-Мансийска. — Екатеринбург, 2003. — С. 5—62.

7. Поливанова, С. Где храм — там и святость : [о сохранившихся и восстановленных храмах] / С. Поливанова // Новости Югры. — 2005. — 6 янв.

8. Православные храмы Югры. — Томск : ГалаПресс, 2005. — 140 с.

9. Православные храмы Югры. — М. : Гала Пресс, 2008. — 253 с.

10. Сухорукова, Н. Церкви Тобольского Севера в середине XIX века : (заметки архиепископов Георгия и Варлаама) / Н. Сухорукова // Югра. — 2009. — № 2. — С. 63—66.

11. Православные храмы Ханты-Мансийского автономного округа [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://hramhmao.orthodoxy.ru/

12. Храмы Югры [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.eduhmao.ru/info/5/5703/

г. Ханты-Мансийск

***Храмовый комплекс в честь Воскресения Христа Спасителя** (ил. 1)**

***Церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы** (ил. 2)*

Церковь в честь иконы Божией Матери «Знамение»

13. 3-е благочиние Тобольского уезда. Село Самаровское : [церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 23.

14. Захаров, А. С мечом и елеем / А. Захаров // Тюм. комсомолец. — 1988. — 8 апр.

15. Смирнов, Н. О Знаменской церкви рассказ / Н. Смирнов // Новости Югры. — 1992. — 22 авг.

16. Лыткина, В. Был в Самарово дивный храм : [из истории Самаровской церкви] / В. Лыткина // Новости Югры. — 1993. — 7 янв.

17. Патранова, В. И молиться осталось лишь в клубе : [о восстановлении Самаровской церкви] // Возрождение. — 1995. — № 10.

18. Самаровская церковь // Новости Югры. — 1995. — 22 марта.

19. Патранова, В. Церковь будет восстановлена / В. Патранова // Новости Югры. — 1995. — 22 апр.

20. Патранова, В. Служба отца Сергия : [открытая в 1991 г. Знаменская церковь получила священника] / В. Патранова // Новости Югры. — 1996. — 7 сент.

21. Патранова, В. Город большой судьбы : [о церквях г. Ханты-Мансийска] / В. Патранова. — Тюмень, 1996. — С. 10.

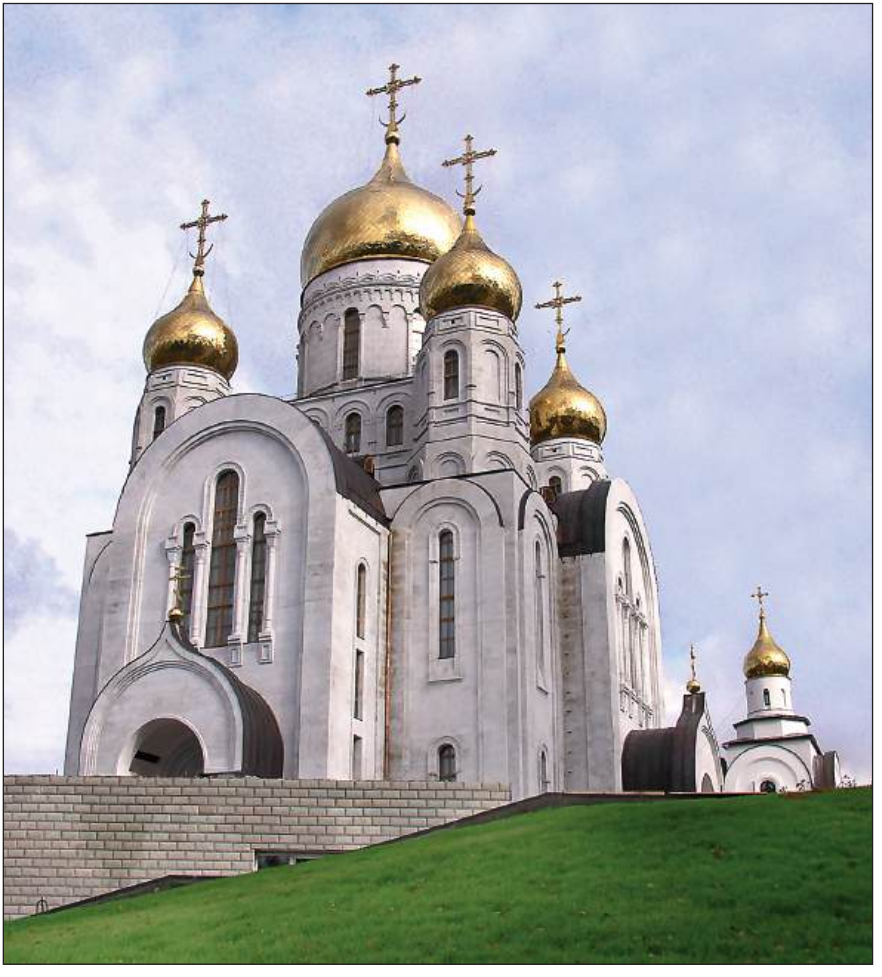
22. Лопарев, Х.М. [Самаровская Покровская церковь] // Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом / Х.М. Лопарев. Тюмень, 1997. — С. 38, 143—145.

* Подборка иллюстраций и подрисуночные подписи: Я.А. Яковлев.

23. Патранова, В. «Надо быть в селе в Пасху, чтобы слышать всю прелесть музыкального трезвона...» : [история Самаровской церкви] / В. Патранова // Новости Югры. — 1997. — 26 апр.

24. Пашук, А. Возрождение : [строительство церкви Покрова Пресвятой Богородицы] / А. Пашук // Югра: Дела и Люди. — 1998. — № 4. — С. 53.

25. Семёнов, В. С. Золотые купола : [строительство церкви Покрова Пресвятой Богородицы] / В. С. Семёнов. // Самарово — Ханты-Мансийск. — 1998. — 16 дек.

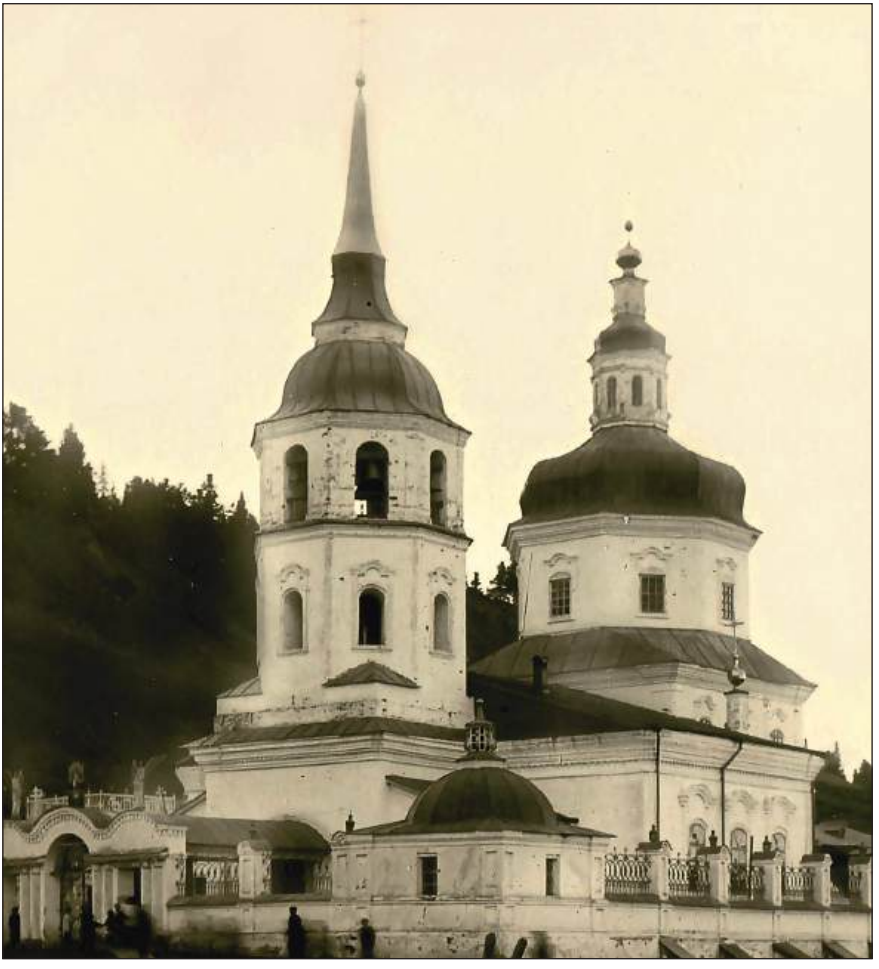
Ил. 1. **Храмовый комплекс в честь Воскресения Христа Спасителя.** г. Ханты-Мансийск

26. Начались работы по восстановлению церкви Покрова Пресвятой Богородицы // Самарово — Ханты-Мансийск, 1999. — 9 апр.

27. В Ханты-Мансийске состоялось освящение храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы // Новости Югры. — 2000. — 14 окт.

28. Освящение храма : [открытие церкви в Ханты-Мансийске] // Новости Югры. — 2000. — 14 окт.

29. [Церковь в честь иконы Божией Матери «Знамение», храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы] // Православные храмы Ханты-Мансийского автономного округа : календарь. — СПб., 2000. — С. 4.

Ил. 2. **Церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы.** с. Самарово. Нач. XX в.

30. Покров Богоматери : [о храме Покрова Пресвятой Богородицы в с. Самарово] : [буклет]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, [2000]. — 15 с.

31. Самаровская святыня : восстановили всем миром [о церкви Покрова Пресвятой Богородицы] // Югра. — 2000. — № 11. — С. 48.

32. Патранова, В. Под облаками — купола... : [о строительстве православного духовного центра в Ханты-Мансийске] / В. Патранова // Новости Югры. — 2001. — 6 окт.

33. Ковальчук, С. «Мы стали другими...» : [о Знаменской церкви г. Ханты-Мансийска] / С. Ковальчук // Югра. — 2001. — № 12. — С. 70, 71.

34. Благочинный переедет в Ханты-Мансийск : [о строительстве окружного православного духовного центра с храмом во имя Воскресения Христа Спасителя] // Новости Югры. — 2002. — 29 июня.

35. Сергеев, С. Пятый купол на месте : [о строительстве Храма Воскресения Христова в г. Ханты-Мансийске] / С. Сергеев // Тюм. правда. — 2002. — 22 авг.

36. Православные храмы Ханты-Мансийска / сост. Г.А. Выдрина. — Ханты-Мансийск, [2002]. — 12 с.

37. Поливанова, С. И пусть звучат колокола души : [о колоколах храмов г. Ханты-Мансийска] / С. Поливанова // Самарово — Ханты-Мансийск. — 2003. — 25 апр.

38. Поливанова, С. Мир граду твоему даруй... : [о церкви в честь иконы Божией Матери «Знамение»] / С. Поливанова // Самарово — Ханты-Мансийск. — 2003. — 12 дек.

39. [Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы в Самарово] // Самаровский край : история Ханты-Мансийского района / Н. И. Загороднюк [и др.]. — Тюмень, 2003. — С. 39, 40.

40. Река времени : [о церкви в честь иконы Божией матери «Знамение»] // Самарово — Ханты-Мансийск. — 2004. — 19 марта.

41. Рябошапко, А. Покровская церковь села Самарово: история храма / А. Рябошапко // Югра. — 2004. — № 5. — С. 42—45.

42. Опейкин, А.В. Покровская церковь села Самарово / А.В. Опейкин // Славянский ход. 1991—2002. — Сургут ; Ханты-Мансийск, 2004. — Вып. 1. — С. 44—49.

43. Черина, Т.Е. Храм Покрова Пресвятой Богородицы и духовная культура в Самарово — Ханты-Мансийске / Т.Е. Черина // Современные пути взаимодействия церкви и общества в сфере образования, науки и культуры : мат-лы док. и ст. II—III региональных научно-практических Кирилло-Мефодиевских образовательных чтений. — Ханты-Мансийск, 2004. — С. 126, 127.

44. Храмы: [о церкви в честь Покрова Пресвятой Богородицы, Знаменской церкви и храмовом комплексе в честь Воскресения Христова] // Ханты-Мансийск: прошлое и настоящее / [авт. текста А.С. Уфимцева]. — Ханты-Мансийск, 2005. — С. 74—84.

45. Чуль, В. Свечи над городом : [о проектировании и строительстве храма и храмового комплекса в Ханты-Мансийске] / В. Чуль // Югра: дороги в будущее. — 2005. — № 1. — С. 4, 5.

46. Поливанова, С. Чтобы помнили : [в Ханты-Мансийске на Северном кладбище построена часовня Г.Д. Дворниковым] / С. Поливанова // Новости Югры. — 2006. — 12 янв.

47. Город-храм : [о церквях г. Ханты-Мансийска] // Ханты-Мансийск, 425 / [П. Черкашин и др.]. — Нижний Тагил, 2007. — С. 125—129.

48. Туров, С.В. [Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 52, 53.

49. Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы // Православные храмы Югры. — Томск, 2008. — С. 244—254.

50. Храмовый комплекс в честь Воскресения Христова // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 15—33.

51. Храм Воскресения Христова // Золотая Югра, 2008—2009. — Сургут, 2009. — С. 65—67.

52. Поливанова, С. «Собрались восхвалить Господу мольбы...» : [об истории строительства церкви Покрова Пресвятой Богородицы в г. Ханты-Мансийске] / С. Поливанова // Новости Югры. — 2010. — 1 апр.

Белоярский район

г. Белоярский

Церковь во имя святого преподобного Серафима Саровского

53. Храм в честь святого преподобного Серафима Саровского // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 162—173.

с. Полноват

Церковь в честь Успения Божией Матери

54. Соколов, А. Краткая характеристика инородческого прихода в Низовом крае : [описание Полноватского прихода, жизни и быта селян] // Тобол. епарх. ведомости — 1909. — № 16. — С. 427—433.

55. Торжественное освящение храма в инородческом с. Полноват Берёзовского уезда : [об истории строительства первого храма в селе

и о постройке ещё одного в 1909–1911 гг.] // Тобол. епарх. ведомости – 1912. – № 10. – С. 223–225.

56. Благочиние Берёзовского уезда. Село Полноватское : [церковь во имя Успения Божией Матери] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. – Тобольск, 1913. – С. 37.

57. Патрикеев, Н.Б. Торжество освящения храма в инородческом селе Полноватском Берёзовского уезда / Н.Б. Патриеев // Югра. – 2004. – № 1. – С. 64, 65.

58. Туров, С.В. [Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, с. Полноват] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. – Екатеринбург, 2007. – С. 19.

59. Семёнова, Т. Засияли купола над Полноватом : [о Богородице-Успенской церкви] / Т. Семёнова // Сиб. правосл. газ. – 2008. – № 11.

Берёзовский район (в целом)

60. Описание церквей и монастырей Тобольской епархии : [в Берёзовском округе] // Тобольская епархия. – Омск, 1892. – Ч. 2, отд. 2. – С. 56, 57.

61. Берёзовский уезд : [сведения о количестве церквей, монастырей, молельных домов] // Список населённых мест Тобольской губернии. – Тобольск, 1912. – С. 561–581.

62. Указ Тобольской духовной консистории благочинному И. Голошубину о разрешении господину Сибирякову строить церковь в Искарских юртах // Православные приходы Берёзовского края в XIX – начале XX века : (мат-лы для истории местных сообществ Азиатской России). – Тюмень, 2004. – С. 370.

63. Храм // Православные приходы Берёзовского края в XIX – начале XX века : (мат-лы для истории местных сообществ Азиатской России). – Тюмень, 2004. – С. 296–393.

64. Туров, С.В. Храмы на речных островах / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. – Екатеринбург, 2007. – С. 3–67.

пгт. Берёзово

Церковь в честь Воскресения Христова *(ил. 3)*

Церковь в честь иконы Божией Матери «Одигитрия»

Церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы *(ил. 4)*

65. Абрамов, Н. О церквах города Берёзова от основания его до настоящего времени : [Воскресенская церковь, церковь Божией Ма-

тери Одигитрии, Богородице-Рождественская церковь] / Н. Абрамов // Тобол. губерн. ведомости. — 1859. — № 9. — С. 82—87.

То же // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 209—214.

66. Абрамов, Н. Исторические сведения о церквах г. Берёзова : [Воскресенская церковь, церковь Божией Матери Одигитрии, Богородице-Рождественская церковь] / Н. Абрамов // Известия Императ. археол. о-ва. — 1861. — Т. 3, вып. 4. — С. 328—332.

То же // Город Тюмень : из истории Тобольской епархии / Н.А. Абрамов. — Тюмень, 1998. — С. 496—507.

67. Указ о строительстве церквей для остяков, принявших христианскую веру // Памятники сибирской истории 18 века. — СПб., 1885. — Кн. 2. — С. 22, 23.

Ил. 3. **Церковь в честь Воскресения Христова.** Внешний вид. г. Берёзов. Нач. XX вв.

68. Описание церквей, находящихся в Тобольской губернии : [в г. Берёзове и Берёзовском округе] // Календарь Тобольской губернии на 1889 год. — Тобольск, 1888. — С. 49.

69. Описание церквей и монастырей Тобольской епархии : [в г. Берёзове] // Тобольская епархия. — Омск, 1892 . — Ч. 2, отд. 2. — С. 56.

70. Путинцев, М. Юбилейное торжество в г. Берёзове : [празднование 300-летия Берёзова и 100-летия основания Воскресенского собора, даны исторические сведения] / М. Путинцев // Тобол. епарх. ведомости. — 1892. — № 13/14. — С. 279—283.

71. Собор в Берёзове Тобольской губернии // Дорожник по Сибири и Азиатской России. — 1901. — № 1. — С. 8, 9.

72. Город Берёзов : [Соборо-Воскресенская церковь, Богородице-Рождественская церковь] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 32, 33.

73. Вознесенский собор г. Берёзова, построенный в 1792 г.; Богородице-Рождественская (Заручейная) церковь г. Берёзова, построенная в 1778 г. : [фотографии] // Атлас географических карт, статистических таблиц, видов и типов Тобольской губернии. — Тобольск, 1917. — С. 12.

Ил. 4. **Церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы.** Внешний вид. г. Берёзов. Нач. XX в.

74. Набокова, Л. Как умирали церкви : [история Богородице- Рождественской церкви Берёзово] / Л. Набокова // Жизнь Югры. — 1995. — 26 июля.

75. Буткова, Е. Храм без нас может, мы без него — нет : [о восстановлении церкви Рождества Пресвятой Богородицы] / Е. Буткова // Жизнь Югры. — 1998. — 14 янв.

76. Абрамов, Н. Исторические сведения о церквах города Берёзова : [Воскресенской церкви, Церкви иконы Божией Матери «Одигитрия», Богородице-Рождественской церкви] / Н. Абрамов // Лит. Рос. — 1998. — 29 мая.

77. Фарносова, В. Берёзовская земля открывает свои тайны : [история Воскресенского собора Берёзово] / В. Фарносова // Новости Югры. — 2000. — 26 окт.

78. Елфимов, В. Воскресенский собор в Берёзове / В. Елфимов // Югра. — 2001. — № 3. — С. 66, 67.

79. Информация о состоянии церквей по Берёзовскому району : [церковь Рождества Богородицы, Воскресенский собор, Домашняя церковь одноклассного училища] / сост. Н. Б. Симонова. — Берёзово, 2001. — 3 л.

80. Фарносова, В.В. Реставрация церкви в Берёзово / В. Фарносова // Вестник культуры. — 2002. — № 24 (Май). — С. 5.

81. Шашков, А.Т. Берёзовский Воскресенский и Кодский Троицкий монастыри в XVII — начале XVIII в. / А.Т. Шашков // Книжные сокровища Югры: рукописные и старопечатные книги из собраний г. Ханты-Мансийска. — Екатеринбург, 2003. — С. 14—23.

82. Шашков, А. Церкви города Берёзова во второй половине XVII—XIX веках / А. Шашков // Югра. — 2003. — № 11/12. — С. 84—87.

83. Ведомость о церкви во имя Воскресения Христова градо-Берёзовского собора за 1878 год // Православные приходы Берёзовского края в XIX —начале XX века: (мат-лы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень, 2004. — С. 342—348.

84. Ведомость о церкви Рождества Пресвятой Богородицы в городе Берёзове за 1892 год // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века: (мат-лы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень, 2004. — С. 366—368.

85. Указ Тобольской духовной консистории благочинному И. Сургутскову по поводу строительства кладбищенской церкви в г. Берёзове // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века : (мат-лы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень, 2004. — С. 357, 358.

86. Указ Тобольской духовной консистории о переделке проекта постройки каменной кладбищенской церкви г. Берёзова // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века : (мат-лы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень, 2004. — С. 360.

87. Фарносова, В. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы : хроника реставрации / В. Фарносова // Югра. — 2004. — № 1. — С. 61.

88. Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Берёзова / А.Т. Шашков // Известия Уральского государственного университета. — 2004. — № 33. — С. 187—203.

89. Фарносова, В.В. Берёзовская церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Первый опыт реставрации / В.В. Фарносова // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / [отв. ред. Я.А. Яковлев]. — Томск, 2006. — Вып. 4. — С. 141—150.

90. Туров, С.В. [Воскресенский храм] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 6, 7.

91. Туров, С.В. [Часовни в Берёзове] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 7, 8.

92. Храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 174—185.

с. Няксимволь

Церковь во имя святителя Николая Чудотворца

93. Благочиние Берёзовского уезда. Село Няксимвольское : [церковь во имя св. Чудотворца Николая] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 35, 36.

94. Указ Тобольской духовной консистории об организации работ по устройству няксимвольской Николаевской церкви // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века : (мат-лы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень, 2004. — С. 378.

95. Туров, С.В. [Церковь во имя святителя Николая, юрты Няксимвольские] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 17, 18.

д. Сартынья

Церковь в честь Рождества Христова

96. Туров, С.В. [Успенская церковь (во имя Рождества Христова) в Сортыньском приходе] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 17.

п. Сосьва

Церковь в честь Рождества Христова

97. Благочиние Берёзовского уезда. Село Сосвинское : [церковь во имя Рождества Христова] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 37.

98. Ведомость о церкви во имя Рождества Христова в селе Сосьвинском Берёзовского уезда Тобольской епархии за 1901 год // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века : (мат-лы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень, 2004. — С. 388—390.

д. Щекурья

Церковь в честь Богоявления Господня

99. Герасимов, В. Освящение храма в с. Щекурьинском Берёзовского округа / В. Герасимов // Тобол. епарх. ведомости. — 1898. — № 2. — С. 37—40.

То же // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 214—216.

100. Благочиние Берёзовского уезда. Село Щекурьинское : [церковь во имя Богоявления Господня] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 39.

101. Туров, С.В. [Щекурьинский храм] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 18, 19.

Кондинский район

с. Болчары

Церковь в честь Богоявления Господня *(ил. 5)*

102. 2-е благочиние Тобольского уезда. Село Болчаровское : [церковь во имя Богоявления Господня] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 15, 16.

Ил. 5. **Церковь в честь Богоявления Господня.** Внешний вид и алтарь. с. Болчары. Нач. XX вв.

с. Кондинское

Церковь во имя Святой Живоначальной Троицы и во имя святителя Николая Чудотворца *(ил. 6)*

103. 2-е благочиние Тобольского уезда. Село Нахрачинское : [церковь во имя Святой Троицы и во имя Николая Чудотворца] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 18.

104. Аксёнов, А. Россия, которую мы потеряли... : [история храма в с. Нахрачи Кондинского района] / А. Аксёнов // Тюм. известия. — 1993. — 5 марта.

с. Леуши

Церковь в честь Сошествия Святого Духа

105. Кремлев, С. Построение и освящение часовни в юртах Сотниковских Леушинского прихода : [освящение Михайло-Пантелеймоновской деревянной часовни, история постройки] / С. Кремлев // Тобол. епарх. ведомости. — 1895. — № 2. — С. 37.

106. 2-е благочиние Тобольского уезда. Село Леушинское : [церковь во имя Сошествия Святого Духа] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 17, 18.

п. Междуреченский

Церковь в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»

107. Андреева, Н. Храм «Всех Скорбящих Радость» ждёт прихожан : [открытие храма в п. Междуреченском] / Н. Андреева // Голос Конды. — 1998. — 17 апр.

108. [В п. Междуреченский открыт новый храм «Всех Скорбящих Радость»] // Голос Конды. — 1998. — 17 апр.

г. Урай

Церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы

109. Ребякин, А. Будет ли храм? : [о строительстве церкви в г. Урае] / А. Ребякин // Ленин. правда. — 1990. — 11 окт.

110. Снисаренко, С. Храму быть : [о строительстве церкви в г. Урае] / С. Снисаренко // Знамя. — 1998. — 4 июля.

111. Урай. Город-история : [о церкви Рождества Пресвятой Богородицы] // Урай. Город-история. — Урай, 2005. — С. 4.

Ил. 6. **Церковь во имя Святой Живоначальной Троицы и во имя святителя Николая Чудотворца.** Внешний вид. с. Нахрачёвское (ныне — с. Кондинское). Нач. XX в.

112. Аура Урая : [о церкви Рождества Пресвятой Богородицы] // Аура Урая / [авт.-сост.: Н. Балмышева, М. Синельникова ; авт. текста И. Мухудинов]. — М. : Пента, 2005. — С. 108—114.

113. Храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 234—243.

Церковь во имя святого благоверного Великого князя Александра Невского

114. Храм в честь святого благоверного Александра Невского // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 228—233.

с. Чантырья

Церковь во имя святой блаженной Матроны Московской

115. Бугаев, В.Е. В селе Чантырья молодежь строит храм / В.А. Бугаев // Сиб. православ. газ. — 2009. — № 11.

Нефтеюганский район (в целом)

116. [Храм Нефтеюганского района] // Православные храмы Ханты-Мансийского автономного округа : календарь 2000—2001. — СПб., 2000. — С. 10.

г. Нефтеюганск

Церковь во имя Святого Духа

117. [Храм в честь Святого Духа] // Православные храмы Ханты-Мансийского автономного округа : календарь 2000—2001. — СПб., 2000. — С. 9.

118. Храм во имя Святого Духа // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 66—85.

п. Каркатеевы

Церковь в честь Сретения Господня

119. Чалик, Н. Открыт храм в п. Каркатеевы / Н. Чалик // Пойков. ритм. — 2002.— 27 июня.

120. Сельский храм : [о храме Сретения Господня] // Посёлок Каркатеевы. 100 лет. — Нефтеюганск, 2004. — С. 21.

п. Лемпино

Церковь во имя Симеона Верхотурского

121. Пашук, А. Лемпинская лепота : [строится храм] / А. Пашук // Югра. — 2002. — № 11. — С. 80, 81.

122. Савич, В. Церковь есть больница для души : [о строительстве в Лемпино деревянной церкви Симеона Верхотурского] / В. Савич // Югор. обозрение. — 2002. — 8 авг.

123. Религия : [о церкви во имя сибирского святого Симеона Верхотурского] // Сердце Югры. Нефтеюганский район. — Екатеринбург, 2005. — С. 268.

пгт. Пойковский

Церковь во имя Святой Живоначальной Троицы

124. Религия : [о храме Святой Троицы] // Сердце Югры. Нефтеюганский район. — Екатеринбург, 2005. — С. 268.

125. Храм Святой Троицы // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 37—47.

г. Пыть-Ях

Церковь в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость»

126. Рыжих, В. Что нам стоит храм построить? : [о строительстве храма в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость»] / В. Рыжих // Новая север. газ. — 1998. — № 33 (авг.). — С. 4.

127. Бершанская, О. «Нечаянная радость» Пыть-Яха : [о строительстве православного храма] / О. Бершанская // Нефть Приобья. — 1999. — № 44 (окт.). — С. 16.

128. Православие : [о храме в честь иконы Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость»] // Пыть-Ях — наша судьба. — Екатеринбург, 2005. — С. 92.

129. Храм в честь иконы Богородицы «Нечаянная Радость» // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 57—65.

п. Салым

Церковь во имя
святых Первоверховных апостолов Петра и Павла

130. Каритская, М. Золотыми куполами воссияет храм над нами! : [о строительстве храма в п. Салым] / М. Каритская // Здравствуйте, нефтеюганцы! — 2001. — 19 мая.

131. Чернышов, М. Есть церковь в Салыме / М. Чернышов // Югор. обозрение. — 2001. — 27 дек.

132. Религия : [о храме во имя святых Первоверховных апостолов Петра и Павла] // Сердце Югры. Нефтеюганский район. — Екатеринбург, 2005. — С. 268.

133. Храм в честь святых Первоверховных апостолов Петра и Павла // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 51—55.

п. Сентябрьский

Храм в честь Воздвижения Креста Господня

134. Назаренко, Н. Кто построит божий храм? : [о строительстве храма в п. Сентябрьский] / Н. Назаренко // Югор. обозрение. — 2003. — 6 февр.

п. Усть-Юган

Часовня во имя преподобного Сергия Радонежского

135. Религия : [часовня в честь преподобного Сергия Радонежского] // Сердце Югры. Нефтеюганский район. — Екатеринбург, 2005. — С. 268.

Нижневартовский район (в целом)

136. Кузьмина, А. Былое...: подлинные документы к истории Нижневартовского края : [информация о строительстве церквей в Нижневартовском крае, в селах Ваховское и Ларьякское] / А. Кузьмина // Местное время. — 1996. — 28 авг., 29 окт. ; 1997. — 31 янв.

137. Кузьмина, А. Сибирские летописи : [есть информация о церквях сёл Юганское, Ваховское, Тундрино, Верхне-Лумпокольское и Нижне-Лумпокольское, Ларьяк] / А. Кузьмина // Новости Приобья. — 1996. — 13 нояб.

138. [Храмы Нижневартовского района] // Православные храмы Ханты-Мансийского автономного округа : календарь 2000—2001. — СПб., 2000. — С. 8.

г. Нижневартовск

Церковь в честь Рождества Христова

Церковь во имя преподобного Сергия Радонежского

139. Благочиние Сургутского уезда. Село Вартовское : [церковь во имя преподобного Сергия Радонежского] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 122.

140. Неруш, Н. Дорога к храму : [об открытии православной церкви в г. Нижневартовске] / Н. Неруш // Ленин. знамя. — 1989. — 18 марта.

141. Казарян, Р. Церковь, которой больше нет : [церковь Иоанна Предтечи] / Р. Казарян // Новости Приобья. — 1994. — 11 окт.

142. Косарева, О. Возвращаясь на круги своя : [о благоустройстве церковного комплекса] / О. Косарева // Новости Приобья. — 1995. — 5 мая.

143. Косарева, О. Бог помогает : [о строительстве храма Рождества Христова] / О. Косарева // Новости Приобья. — 1995. — 7 июля.

144. Зотов, В. Воздвигают купола на храме Рождества Христова / В. Зотов // Местное время. — 1997. — 24 янв.

145. И золотые купола : [о строительстве храма Рождества Христова] // Варта. — 1997. — 28 февр.

146. Широнина, Т. И зазвонят колокола : [об освящении колоколов в храме Рождества Христова] / Т. Широнина // Местное время. — 1997. — 23 апр.

147. Косарева, О. Дар от Патриарха : [Патриарх Московский и всея Руси Алексий II передал в дар нижневартовскому храму Рождества Христова икону Владимирской Божией Матери] / О. Косарева // Новости Приобья. — 1997. — 7 мая.

148. Кузьмина, А. Сибирские летописи : подлинные документы к истории Нижневартовского края: [в 1899 г. в честь Сергия Радонежского была освящена деревянная часовня в юртах Вартовских] / А. Кузьмина // Новости Приобья. — 1997. — 23 июля.

149. Кузьмина, А. Сибирские летописи : подлинные документы к истории Нижневартовского края : [о постройке часовни в юртах Ахтеурьевских] / А. Кузьмина // Новости Приобья. — 1997. — 23 июля.

150. Кузьмина, А. В доброделье святом и сила великая : [о строительстве и освящении часовни в юртах Вартовских, названной во имя преподобного Сергия Радонежского] / А. Кузьмина // Югра. — 1997. — № 9. — С. 16, 17.

151. Внеси свою лепту : [19 января 1992 г. была освящена и забита первая свая на месте будущего храма Рождества Христова в Нижневартовске] // Новости Приобья. — 1998. — 6 янв.

152. Шикина, Т. Храм Рождества Христова : так называется строящаяся в Нижневартовске церковь / Т. Шикина // Новости Югры. — 1998. — 28 марта.

153. Плывет над Обью колокольный звон : [о колоколах храма Рождества Христова] // Новости Приобья. — 1998. — 16 апр.

154. Всем миром строим храм : [о строительстве храма Рожества Христова в г. Нижневартовске] // Варта. — 1998. — 7 мая.

155. Храм в честь Рождества Христова // Новости Приобья. — 1998. — 2 июля.

156. Документы по истории сооружения Вартовской церкви / подгот. к печати Н.Ф. Демидова // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки. — Екатеринбург, 1998. — Вып. 1. — С.176—179.

157. К истории изъятия церковных ценностей в Сургутском уезде в начале 1920-х годов. Нижневартовская церковь / подгот. Я.Г. Солодкин // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки. — Екатеринбург, 1998. — Вып. 1. — С.180, 181.

158. Клировые ведомости во имя Преподобного отца нашего Сергия Радонежского Чудотворца, состоящей Сургутского уезда Тобольской епархии в селе Вартовском за 1909 год // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки. — Екатеринбург, 1998. — Вып. 1. — С.164—167.

159. Дорога к своему храму : [о строительстве храма Рождества Христова] // Золото Самотлора. — М., 1998. — С. 169—173.

160. В честь Собора Иоанна Крестителя : [нижний крестильный храм нового церковного комплекса посвящён Собору Предтечи и Крестителю Господню Иоанну] // Новости Приобья. — 1999. — 6 янв.

161. Малое освящение храма состоялось : [открытие храма Рождества Христова] // Новости Югры. — 1999. — 7 янв.

162. Абакшин, В. В честь Собора Иоанна Крестителя : [о внутреннем убранстве нижнего крестильного храма] / В. Абакшин // Сиб. православ. газ. — 1999. — № 3 (Март).

163. Петрунин, В. Как это было : [освящение храма Рождества Христова архиепископом Тобольской и Тюменской епархии Димитрием и протоиереем Георгием] / В. Петрунин // Местное время. — 1999. — 6 июля.

164. Бормотов, Д. Храм наших надежд : [об освящении храма Рождества Христова] / Л. Бормотов // Новости Приобья. — 1999. — 7 июля.

165. [Храм в честь Рождества Христова] // Православные храмы Ханты-Мансийского автономного округа : календарь. 2000—2001. — СПб., 2000. — С. 7.

166. Святая святых : [о храме Рождества Христова] // Мой Нижневартовск : историко-краеведческий путеводитель / А. С. Кузьмина. — Екатеринбург, 2000. — С. 31—34.

167. Храм Рождества Христова // Знаю и люблю свой край. — Нижневартовск, 2005. — С. 11—13.

168. [Из протокола № 10 от 3 апреля 1925 г. заседания президиума Александровского райисполкома Тобольского округа о передаче

здания церкви на пристани Нижневартовской в распоряжение местных советских органов] // История Югры в документах из Томска : (Государственный архив Томской области) / [отв. ред. О.Б. Беликова]. — Томск, 2006. — С. 48.

169. Храм в честь Рождества Христова // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 128—139.

Церковь Христиан Веры Евангельской «Слово Жизни»

170. Церковь едва спасли : [о поджоге Нижневартовской церкви «Слово жизни»] // Аргументы и факты в Зап. Сибири. — 2003. — № 22 (Май). — С. 4.

д. Вата

Часовня во имя святителя Николая Чудотворца

171. Была в Вате часовня : [о ватинской часовне, построенной в 1907 г.] // Новости Приобья. — 1998. — 18 нояб.

п. Ваховск

Церковь в честь Богоявления Господня

172. Благочиние Сургутского уезда. Село Ваховское : [церковь во имя Богоявления Господня] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 122, 123.

173. К истории изъятия церковных ценностей в Сургутском уезде в начале 1920-х годов. Ваховская церковь / подгот. Я.Г. Солодкин // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки — Екатеринбург, 1999. — Вып. 1. — С.181—183.

174. Клировые ведомости Сургутского уезда, Ваховского села Богоявленской церкви за 1834—1908 гг. / подгот. к печати Н.Ф. Демидова // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 1. — С.168—176.

175. Рапорт протопопа Я. Кайдалова митрополиту Сибирскому Сильвестру о подготовке к строительству церквей в Ваховской, Салтыковой, Тымской и Кароконской волостях. 1751 г., ноября 26 // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. / сост. В.Я. Темплинг. — Тюмень, 2006. — С. 31—32.

176. Туров, С.В. [Богоявленская церковь] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 44.

п. Излучинск

Церковь во имя святителя Николая архиепископа Мирликийского Чудотворца

177. Летецкая, Ю. Будет в Излучинске церковь : [поселковая администрация взяла на себя финансирование и реконструкцию помещения для церкви] / Ю. Летецкая // Новости Приобья. — 1998. — 23 янв.

178. Сибирь православная : [о храме в честь Николая Чудотворца] // Нижневартовский район. — Нижневартовск, 2000. — Спец. вып. газ. «Новости Приобья». — С. 19.

г. Лангепас

Церковь в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»

179. Новицкий, А. Краеугольный камень храма : [о строительстве в Лангепасе православного храма] / А. Новицкий // Звезда Лангепаса. — 1998. — 12 сент.

180. Короней, В. Строится в Лангепасе дом Божий / В. Короней // Новости Приобья. — 1999. — 27 мая.

181. Новицкий, А. «Мы на край земли придем, мы построим новый дом...» : [о возведении в г. Лангепасе православного храма в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»] / А. Новицкий // Звезда Лангепаса. — 1999. — 24 июля.

182. Райлян, М. Нерукотворный храм души : [освящение храма в честь иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость»] / М. Райлян // Звезда Лангепаса. — 2001. — 15 сент.

183. Родина, Н. Храм — духовный облик города, его красота : [освящение храма в г. Лангепасе] / Н. Родина // Звезда Лангепаса. — 2001. — 12 сент.

184. Согласно духовным заветам : [о храме в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»] // Лангепас: 20 лет. Продолжение следует. — Екатеринбург, 2005. — С. 116.

с. Ларьяк

Церковь в честь иконы Божией Матери «Знамение» *(ил. 7)*

185. Благочиние Сургутского уезда. Село Ларьякское : [церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 123.

186. Набокова, Л. Закрытие Ларьякской церкви : закрытие церквей на территории округа в 30-е годы / Л. Набокова // Новости Югры. — 1998. — 23 мая. — С. 4. (Прил.: Краевед; № 3.)

Ил. 7. **Церковь в честь иконы Божией Матери «Знамение».** Внешний вид и алтарь. с. Ларьяк. 1913 г. Фото Г.М. Дмитриева-Садовникова

187. Из клировых ведомостей. Ведомость о церкви Сургутского уезда Ларьякского села Знаменской церкви за 1834 год / подгот. к печати Н.Ф. Демидова // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 1. — С.157—164.

188. К истории изъятия церковных ценностей в Сургутском уезде в начале 1920-х годов. Ларьякская церковь / подгот. Я.Г. Солодкин // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 1. — С.183, 184.

189. Сибирь православная : [о церкви в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Ларьяке // Нижневартовский район. — Нижневартовск, 2000. — Спец. вып. газ. «Новости Приобья». — С. 19.

190. Солодкин, Я.Г. Церковь Знамения Пресвятой Богородицы в Ларьяке / Я.Г. Солодкин // Новости Приобья. — 2001. — 28 нояб.

191. Солодкин, Я. Г. Из истории церкви Знамения Пресвятой Богородицы в селе Ларьякском (Ларьяке) / Я.Г. Солодкин // От Ваха до Агана : эколого-краеведческий альманах. — Тюмень, 2002. — С. 14—32.

192. Цысь, О.П. Опись имущества Ларьякской церкви Александровского района / О.П. Цысь // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки. — Тюмень, 2004. — Вып. 6. — С. 188—190.

193. Выписка из указа ТДК о строительстве в Ларьякской волости часовни и выдаче В. Никифорову шнуровой книги. 1751 г., июля 31 // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. / сост. В.Я. Темплинг. — Тюмень, 2006. — С. 25—29.

194. Голобородский, М.В. Историко-архитектурные исследования в с. Ларьяке Нижневартовского района ХМАО — Югры в 2004—2005 гг. : [о Знаменской церкви в с. Ларьяк] / М.В. Голобородский // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / [отв. ред. Я.А. Яковлев]. — Томск, 2006. — Вып. 4. — С. 202—208.

195. Туров, С.В. [Строительство церквей в Ларьякской волости] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 45—52.

г. Мегион

Церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы

196. Когда в намереньях согласье есть: [освящение нового храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Мегионе] // Новости Приобья. — 2001. — 19 сент.

197. Козлов, В. Две ипостаси человека : [храм Покрова Пресвятой Богородицы г. Мегиона и дьякон Отец Василий] / В. Козлов // Югра. — 2000. — № 2. — С. 76—78.

198. [Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы] // Православные храмы Ханты-Мансийского автономного округа : календарь 2000—2001. — СПб., 2000. — С. 15.

199. Суслова, Е. Малиновый звон на заре... : [о колоколах нового храма Покрова Пресвятой Богородицы в г. Мегионе] / Е. Суслова // Тюм. известия. — 2001. — 25 авг.

200. Храм в честь Покрова Божией Матери // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 116—127.

гп. Новоаганск

Храм в честь священомученика Гергемона, епископа Тобольского, и всех новомучеников и исповедников российских

201. Лаврова, Н. В Новоаганске строится храм / Н. Лаврова // Новости Приобья. — 1998. — 5 нояб.

с. Покур

Церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы

202. Калюжный, А. Освящение нового храма в с. Покур Сургутского уезда / А. Калюжный // Тобол. епарх. ведомости. — 1914. — № 3. — С. 59, 60.

То же // От Ваха до Агана : эколого-краеведческий альманах. — Тюмень, 2002. — С. 33, 34.

То же // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 224.

203. Сургут : [корреспонденция об освящении храма в селе Покурском в 1913 г.] // Сиб. торг. газ. — 1914. — 10 янв. (№ 7). — С. 3.

204. К истории изъятия церковных ценностей в Сургутском уезде в начале 1920-х годов. Покурская церковь / подгот. Я.Г. Солодкин // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 1. — С. 180.

205. Клировые ведомости село Покурская Сургутского уезда во имя Введения в храм Пресвятые Богородицы за 1914 год / подгот. к печати Н.Ф. Демидова // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 1. — С. 167, 168.

г. Радужный

Церковь во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского и в честь Вознесения Господня

206. Хватова, Т. Дорога к храму лежит через тернии : [о строительстве храма] / Т. Хватова // Варьёганский вестник. — 2004. — 1 апр.

207. Новый храм в канун Пасхи : [31 марта православный храм в Радужном был открыт] // Варьёганский вестник. — 2004. — 8 апр.

Октябрьский район (в целом)

208. Грамота в Берёзов воеводе Ивану Волынскому о построении храма в вотчине князей Алочевых Коде. 10 сент. 1599 г. // История Сибири / Г. Ф. Миллер. — М. ; Л., 1941. — Т. 2. — С. 154.

209. О церквях населённых пунктов Октябрьского района [ранее Кондинского] // Времена Коды. — Пермь, 2006. — С. 54, 55.

с. Малый Атлым

Церковь в честь Преображения Господня *(ил. 8)*

210. Благочиние Берёзовского уезда. Село Мало-Атлымское : [церковь во имя Преображения Господня] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 34.

211. Туров, С.В. [Церковь во имя Преображения Господня, Мало-атлымская волость] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском

Ил. 8. **Церковь в честь Преображения Господня.** Панорама с. Малый Атлым. Нач. XX вв.

Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007 . — С. 23, 24.

г. Нягань

Храм во имя святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси

212. Шталь, Н. «Возрадуемся и воспоём покровителя нашего!» : [10-летие православного храма] / Н. Шталь // Вести Приобья. — 2002. — 13 июня.

213. Калинина, Д. Светлый праздник крестовоздвижения : [на строящемся храме установили главный крест] / Д. Калинина // Пульс Нягани. — 2002. — 17 окт.

214. Гостюхина, М. Наш путь к храму : [о завершении строительства храма] / М. Гостюхина // Вести Приобья. — 2004. — 8 янв.

215. Православный приход святителя Алексия, митрополита Московского Тобольско-Тюменской епархии (с 1995 г.) : [о первой церкви и строительстве храма в честь святителя Алексия, Митрополита Московского] // Нягань. И вырос город среди тайги... — М., 2005. — С. 493—495.

216. Храм в честь святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С.186—197.

п. Октябрьское

Кондинский (Кодинский) Свято-Троицкий монастырь *(ил. 9—11)*

217. Местные известия : [Кондинский Троицкий монастырь] // Тобол. губерн. ведомости. — 1857. — № 26. — С. 234—236.

218. Абрамов, Н.А. Кондинский Троицкий монастырь / Н.А. Абрамов // Тобол. губерн. ведомости. — 1867. — № 35. — С. 196 ; № 36. — С. 200 ; № 37. — С. 205, 206.

219. Семёнов, П.П. Свято-Троицкий мужской монастырь. Тобольской губернии, Берёзовского округа, в с. Кондинском / П.П. Семёнов // Географическо-статистический словарь Русской империи. — СПб., 1868. — Т. 4. — С. 527.

220. Головин, П. Исторические очерки ныне существующих монастырей Тобольской епархии. Кондинский Троицкий монастырь / П. Головин // Календарь Тобольской губернии на 1892. — Тобольск, 1892. — С. 38—65.

221. Головин, П. Кондинский Троицкий монастырь : [история, уклад, занятия монахов] / П. Головин // Тобол. епарх. ведомости. — 1892. — № 1/2. — С. 9—26 ; № 3/4. — С. 68—81 ; № 5/6. — С. 93—100.

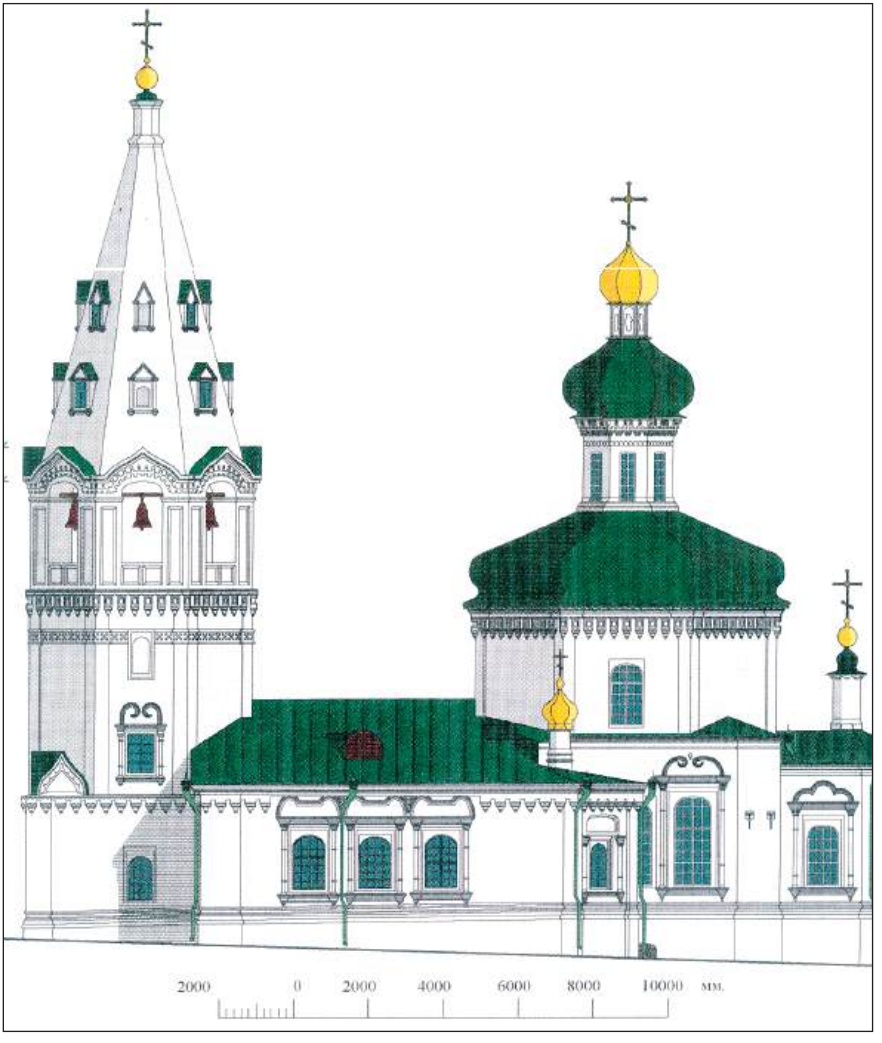
Ил. 9. **Церковь Кондинского (Кодинского) Свято-Троицкого монастыря.** Рисунок. Кон. XIX — нач. XX в.

Ил. 10. **Церковь Кондинского (Кодинского) Свято-Троицкого монастыря.** Внешний вид. 1894—1895 гг. Фото Н.А. Варпаховского

222. [Кондинский Троицкий монастырь] // Поездка на Северный Урал летом 1892 года : составил по дневникам гг. Сыромятникова и Андреева Н. Подревский / сост. Н. Подревский. — М., 1895. — С. 17—20; То же. — Тюмень, 2004. — С. 17—20.

223. Носилов, К.Д. Кондинский монастырь и его миссионерская деятельность на Севере / К.Д. Носилов // Православ. благовестник. — 1898. — Т. 2, № 11. — С. 112—117 ; № 12. — С. 164—171.

Ил. 11. **Церковь Кондинского (Кодинского) Свято-Троицкого монастыря.** Южный фасад. Проект реставрации

224. Козлов, З. Село Кондинское Берёзовского уезда : [о Кондинском Троицком монастыре] / З. Козлов // Тобол. епарх. ведомости. — 1908. — № 6. — С. 129, 130.

225. Тимофеев, Г. Страницы истории : [Кондинский монастырь] / Г. Тимофеев // Ленин. правда. — 1972. — 29 дек.

226. Зеленин, А. Кондинский монастырь / А. Зеленин // За коммунизм. — 1979. — 26 июля.

227. Макарова, Г. Кодский монастырь / Г. Макарова // Югра. — 1995. — № 8. — С. 24—26.

228. Макарова, Г. Кодский Троицкий монастырь [1657—1924 гг.] / Г. Макарова // Вестник Приобья. — 1995. — 15 авг., 17 авг., 22 авг.

229. Монастырь на Коде // Нягань: город на историческом фоне Нижнего Приобья. — Екатеринбург, 1995. — С. 86—93.

230. Троицкая обитель // Очерки истории Коды. — Екатеринбург, 1995. — С. 117—122.

231. Макарова, Г. Страницы истории : [к 240-летию Кондинской Свято-Троицкой церкви] / Г. Макарова // Вестник Приобья. — 1998. — 3 марта.

232. Кулаков, Ф. Тайны Кодского монастыря : [Кодский монастырь и возможность поиска архивов Тобольской епархии, вывезенных летом 1918 г. из Тобольска] / Ф. Кулаков // Нефтеюганский рабочий. — 1998. — 8 июля.

233. Абрамов, Н.А. Кондинский Троицкий монастырь / Н.А. Абрамов // Город Тюмень: из истории Тобольской епархии / Н.А. Абрамов. — Тюмень, 1998. — С. 448—459.

234. Кулаков, Ф. Тайны Кодского монастыря : история края / Ф. Кулаков // Югра. — 1999. — № 3. — С. 30.

235. Северская, Т. Ради душевного спасения : [история Кодского монастыря] / Т. Северская // Новости Югры. — 2001. — 18 янв.

236. Ковальчук, С. Храм : [история Кодского монастыря] / С. Ковальчук // Югра. — 2002. — № 8. — С. 42—45.

237. Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в I-й половине XVIII века: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации : сб. документов / сост., авт. вступ. ст. С.В. Туров. — Тюмень : Вектор Бук, 2003. — 215 с.

238. Шашков, А. Т. Берёзовский Воскресенский и Кодский Троицкий монастыри в XVII — начале XVIII в. / А.Т. Шашков // Книжные сокровища Югры : рукописные и старопечатные книги из собраний г. Ханты-Мансийска. — Екатеринбург, 2003. — С. 14—23.

239. Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации : сб. документов / сост., авт. введения и ком. С. В. Туров. — 2-е изд. — Томск, 2005. — 352 с.

240. Кодский Троицкий монастырь // Времена Коды. — Пермь, 2006. — С. 37—59.

241. Туров, С.В. [Кодский монастырь] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 27—38.

д. Чемаши

Церковь во имя святителя Николая Чудотворца

242. Страхов, А. Торжественное освящение придельного храма в селе Чемашевском Берёзовского уезда / А. Страхов // Тобол. епарх. ведомости. — 1910. — № 7. — С. 169—171. — Подпись: С.А. С-в.

243. Благочиние Берёзовского уезда. Село Чемашинское : [церковь во имя Николая Чудотворца] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 38.

То же // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 237, 238.

244. Туров, С.В. [Церковь во имя святителя Николая, юрты Чемашские] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 19.

с. Шеркалы

Церковь в честь
Нерукотворенного Образа Христа Спасителя *(ил. 12)*

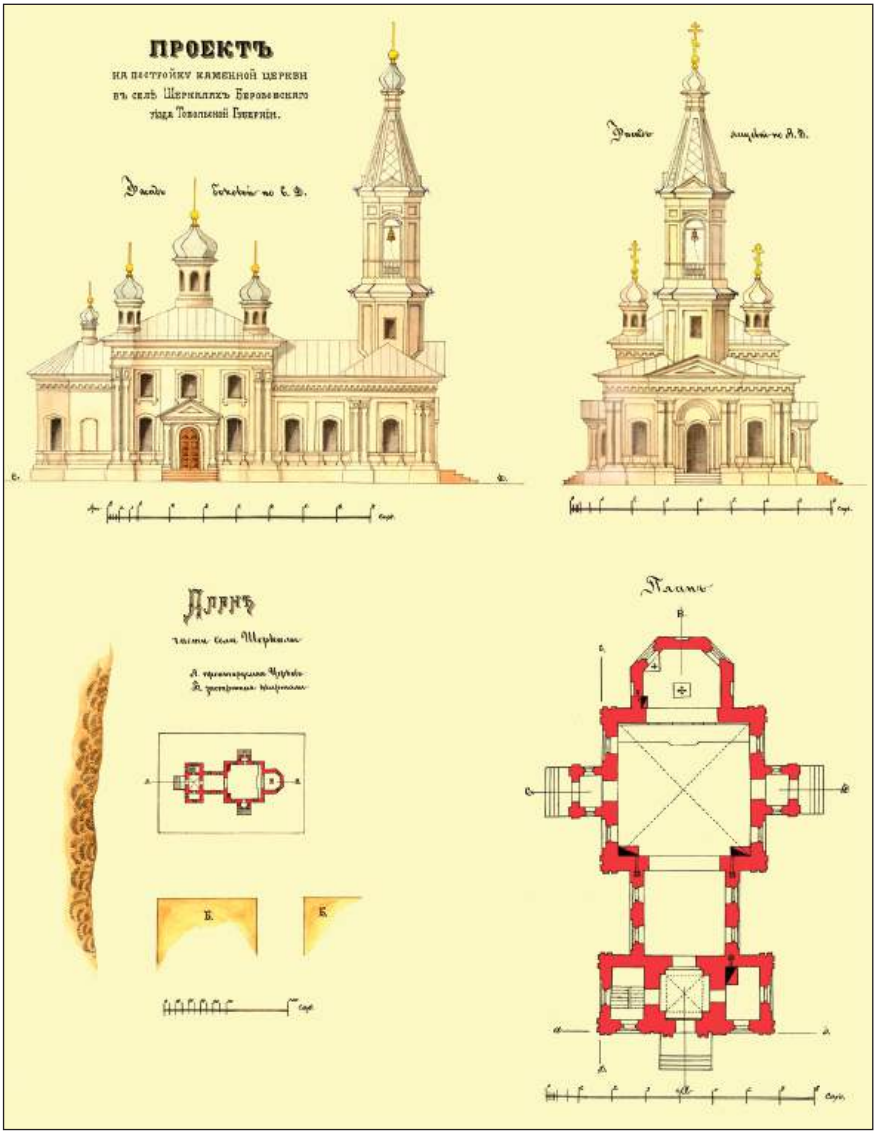
245. Кузнецов, И. Из села Шеркальского Берёзовского округа : [освящение Спасской церкви, история строительства, внешний вид и внутреннее убранство церкви] / И. Кузнецов // Тобол. епарх. ведомости. — 1886. — № 13/14. — С. 259—263.

246. Благочиние Берёзовского уезда. Село Шеркальское : [храм во имя Нерукотворенного Образа Христа Спасителя] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 38.

247. Спасская церковь // Один день в Шеркалах / Н.В. Крюкова. — [Б. м.], [2005]. — С. 4—6.

248. Туров, С.В. [Церковь во имя Нерукотворного Образа Спасителя, Шоркальские юрты (село Шеркальское)] / С.В. Туров // Православие

на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 22, 23.

Ил. 12. **Церковь в честь Нерукотворенного Образа Христа Спасителя.** с. Шеркалы. Строительный проект архитектора Б.Б. Цинке. 1903 г.

Советский район

п. Малиновский

Церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы

249. Храм земли Малиновской : [о храме Рождества Пресвятой Богородицы] // Малиновский — наша судьба. — Советский, [2003]. — С. 53—55.

г. Советский

Церковь во имя святителя Николая Чудотворца

250. Колонка священника : [Свято-Никольский храм г. Советский] // Путь Октября. — 1998. — 15 июля.

251. Мишагина, Л.А. Отец Сергий: Бегите не от жизни, а от греха : [Свято-Никольская церковь г. Советский] / Л.А. Мишагина // Путь Октября. — 1999. — 11 авг.

г. Югорск

Церковь во имя святого преподобного Сергия Радонежского

252. Холманский, С.П. Храмы строятся в душах людей : [беседа с С.П. Холманским заместителем генерального директора ООО «Тюментрансгаз» о строительстве храма преподобного Сергия Радонежского в г. Югорске] / С.П. Холманский ; записала Т. Кондратьева // Югор. вестник. — 1999. — 22 окт.

253. Тархова, Л. Энергия праздника : [освящение храма преподобного Сергия Радонежского] / Л. Тархова // Нарконет. — 2001. — № 9/10. — С. 92—95.

254. Храм святого преподобного Сергия Радонежского // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 198—227.

255. Храм преподобного Сергия Радонежского // Золотая Югра, 2008—2009. — Сургут, 2009. — С. 121—123.

Сургутский район (в целом)

256. Описание Градо-Сургутской Троицкой церкви и других церквей в Сургутском округе // Тобольская епархия. — Омск, 1892. — Вып. 3.

257. Описание церквей и монастырей Тобольской епархии : [в Сургутском округе] // Тобольская епархия. — Омск, 1892 . — Ч. 2, отд. 2. — С. 55.

258. Дунин-Горкавич, А.А. Распределение благочиний и перечень церквей : [о благочинии Сургутского уезда] // А.А. Дунин-Горкавич // Справочная книжка Тобольской губернии : приложение к карте

Тобольской губернии / А.А. Дунин-Горкавич. — Тобольск, 1904. — С. 58—65.

259. Поездка его преосвященства, преосвященнейшего Евсевия, епископа Тобольского и Сибирского для обозрения церквей Сургутского и Тобольского уездов // Тобол. епарх. ведомости. — 1911. — № 21. — С. 487—495.

260. Сургутский уезд : [сведения о количестве церквей, монастырей, молельных домов] // Список населённых мест Тобольской губернии. — Тобольск, 1912. — С. 583—603.

261. Благочиние Сургутского уезда : [описание церквей] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С.121—125.

262. Березницкий, Л. Затмение. Как исчезли сургутские церкви [рассказ основан на документах архива Ханты-Мансийского округа] / Л. Березницкий, Н. Гурова // Сургут. трибуна. — 1990. — 18—20 нояб.

263. Кузьмина, А. Сибирские летописи : [есть информация о церквях г. Сургута, сёл Юганское и Ваховское, Верхне-Лумпокольское и Нижне-Лумпокольское, Ларьяк] / А. Кузьмина // Новости Приобья. — 1996. — 13 нояб.

264. Набокова, Л. Из истории церквей Сургутского района / Л. Набокова // Новости Югры. — 1997. — 12 апр. — С. 13, 21 (Прил.: Краевед; № 4/5).

265. Холина, Е. Возвращение к истокам : [о восстановлении и строительстве церквей в Сургутском районе] / Е. Холина // Вестник. — 1999. — 11 июня.

266. Мироненко, А. Когда-то церквей было много : [об истории сургутских церквей] / А. Мироненко // Вестник. — 2000. — 22 дек. — С. 11.

267. Осипова, Е. Всё больше ведёт к храмам : [история церквей Сургутского района] / Е. Осипова // Человек и карьера. — 2001. — № 4. — С. 13.

268. Давымока, В.Н. Православные церкви Сургутского района в 1920—1930 гг. / В.Н. Давымока // Сургут в отечественной истории: сб. тез. док. и сообщений второй межрегиональной науч. конф. — Сургут, 2003. — С. 68—71.

269. Сургутский район символ веры : история храмов Сургутского района : [альбом] / Администрация Сургут. р-на ; [авт. текста А. Ярошко]. — Екатеринбург : Артикул, 2003. — 35 с.

270. Андриенко, А.С. Храмовое строительство в Сургуте и Сургутском районе / А.С. Андриенко // Сургут в отечественной истории: сб. тез. док. исторических чтений. — Сургут, 2005. — С. 14—16.

п. Барсово

Церковь во имя святого праведного Симеона Верхотурского

271. Осипова, Е. Имени Симеона Верхотурского : [основание православного храма в Барсове] / Е. Осипова // Вестник. — 2000. — 2 июня.

272. Культовые учреждения : [о храме в честь святого праведного Симеона Верхотурского в п. Барсово] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Муниципальное образование Сургутский район / [сост. Л.А. Хабарова]. — Сургут, 2008. — С. 108.

273. Православный храм Святого праведного Симеона Верхотурского // Городское поселение Барсово / [сост. С.М. Кустова]. — Сургут, 2008. — С. 32, 33.

п. Белый Яр

Церковь во имя святителя Николая Чудотворца

274. Культовые учреждения : [о храме Святителя Николая в п. Белый Яр] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Муниципальное образование Сургутский район / [сост. Л.А. Хабарова]. — Сургут, 2008. — С. 107.

275. Православный храм : [о храме Николая Чудотворца] // Городское поселение Белый Яр / [сост.: Л.В. Мишанина, Т.И. Мищенко]. — Сургут, 2008. — С. 62, 63.

г. Когалым

Церковь во имя святых Первоверховных апостолов Петра и Павла

276. Николаев, Ф. Есть икона — будет и храм : [о строительстве в Когалыме православного храма Петра и Павла] // Нефть России. — 1995. — № 12. — С. 55.

277. Суворова, Е. Мальчик и колокола : [церковный комплекс Первоверховных апостолов Петра и Павла в г. Когалым] // Когалым. вести. — 1998. — 17 апр.

278. [Храм в честь святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, г. Когалым] // Православные храмы Ханты-Мансийского автономного округа : календарь 2000—2001. — СПб., 2000. — С. 5, 6.

279. Минакова, Е. Крещение младенца : Когалым. рассказы [о городе Когалыме и храме] / Е. Минакова // Тюм. известия. — 2001. — 31 марта.

280. С юбилеями : [5 лет со дня основания храмового комплекса] // Когалым. вести. — 2002. — 4 янв.

281. Подворье Пюхтицкого монастыря с главным храмом во имя Успения Божией Матери // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 140—161.

д. Локосово

Церковь в честь Богоявления Господня

282. Богоявленская церковь // Сельское поселение Локосово / [сост. Н.Н. Тараканова]. — Сургут, 2008. — С. 50—52.

283. Культовые учреждения : [о часовне в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» в д. Локосово, которая находится на территории исправительного учреждения] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Муниципальное образование Сургутский район / [сост. Л.А. Хабарова]. — Сургут, 2008. — С. 107.

д. Ляпина

Церковь в честь Богоявления Господня

284. Туров, С.В. [Ляпинская церковь] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 18.

г. Лянтор

Церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы

285. Атаманенко, А. В Лянторе освящён храм : [о храме Покрова Божией Матери] / А. Атаманенко // Новости Югры. — 2002. — 19 окт.

286. Мостякова, Т.М. Православный храм в г. Лянторе / Т.М. Мостякова // Сургут в отечественной истории : сб. тез. док. и сообщений второй межрегиональной науч. конф. — Сургут, 2003. — С. 133—137.

287. Культовые учреждения : [о церкви Покрова Божией Матери в г. Лянтор] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Муниципальное образование Сургутский район / [сост. Л.А. Хабарова]. — Сургут, 2008. — С. 107, 108.

288. Храм в честь иконы Покрова Пресвятой Богородицы // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 86—97.

289. Храм покрова Божией Матери // Городское поселение Лянтор / [сост. В.И. Будко]. — Сургут, 2008. — С.62, 63.

п. Нижнесортымский

Храм во имя

Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси

290. Православный храм в честь Святителя Тихона // Сельское поселение Нижнесортымский / [сост. Е.А. Коршунова]. — Сургут, 2008. — С. 43, 44.

д. Пилюгино

Часовня во имя святителя Николая Чудотворца

291. Часовня в Пилюгино : [о часовне Николая Чудотворца в бывшей деревне Пилюгино] // Сельское поселение Тундрино / [сост. З.А. Иванова]. — Сургут, 2008. — С. 60, 61.

д. Русскинская

Храм-часовня во имя Андрея Первозванного

292. Храм-часовня православного прихода Андрея Первозванного // Сельское поселение Русскинская / [сост. Л.В. Чекалова]. — Сургут, 2008. — С. 51

д. Сайгатино

Церковь во имя святых мучеников Флора и Лавра

293. Культовые учреждения : [о храме в честь святых мучеников Флора и Лавра в д. Сайгатино] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Муниципальное образование Сургутский район / [сост. Л.А. Хабарова]. — Сургут, 2008. — С. 107.

294. Православный храм Флора и Лавра // Сельское поселение Солнечный / [сост.: Н.В. Кузьменкова, О.А. Руди]. — Сургут, 2008. — С. 59, 60.

п. Солнечный

Церковь во имя

святого благоверного Великого князя Александра Невского

295. Культовые учреждения : [о храме святого князя Александра Невского в п. Солнечный] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Муниципальное образование Сургутский район / [сост. Л.А. Хабарова]. — С. 108.

296. Храм святого благоверного Великого князя Александра Невского // Сельское поселение Солнечный / [сост.: Н.В. Кузьменкова, О.А. Руди]. — Сургут, 2008. — С. 41, 42.

с. Сытомино

Православный приход Храма во имя святых бессребреников Космы и Дамиана

297. Молельный дом христианского прихода // Сельское поселение Сытомино / [сост. Т.П. Нехай]. — Сургут, 2008. — С. 35.

г. Сургут

Церковь во имя Святой Живоначальной Троицы и в честь Рождества Пресвятой Богородицы
Церковь во имя святителя Николая Чудотворца
Церковь в честь Преображения Господня
Церковь в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»
Церковь во имя Всех Святых в земле Сибирской просиявших

298. Ребрин, А. [Сведения о Градо-Сургутской Троицкой церкви] / А. Ребрин // Тобольский епархиальный адрес-календарь / А. Ребрин. — Тобольск, 1884. — С. 80.

299. Описание церквей, находящихся в Тобольской губернии : [в г. Сургуте и Сургутском округе] // Календарь Тобольской губернии на 1889 год. — Тобольск, 1888. — С. 48.

300. Описание церквей и монастырей Тобольской епархии : [в г. Сургуте] // Тобольская епархия. — Омск, 1892 . — Ч. 2, отд. 2. — С. 55.

301. Город Сургут : [церковь во имя Святой Троицы, во имя Рождества Богородицы] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 121, 122.

302. Гареева, Н. Затмение. Как исчезли сургутские церкви: история без вычерков // Сургут. трибуна. — 1990. — 15 нояб., 16 нояб., 20 нояб.

303. Гареева, Н. Затемнение: история без вычерков : [о судьбе православных храмов на территории Сургута] / Н. Гареева // Северный дом. — 1994. — № 23. — С. 7.

304. Первые сургутские храмы // Новый город. — 1995. — 25 февр.

305. Антропов, А. Торжество свободы совести в Сургуте : [о первых сургутских храмах] / А. Антропов // Новый город. — 1995. — 8 марта.

306. Антропов, А. Дорога к храму : [о строительстве Свято-Никольского храма] / А. Антропов // Новый город. — 1995. — 22 апр.

307. Сенькина, З. От «Канона» — к православному празднику : [о передаче Свято-Никольскому храму шестнадцати икон] / З. Сенькина // Сургут. трибуна. — 1996. — 7 янв.

308. Златоглавые короны венчают храм : [об установлении первых из тринадцати куполов Свято-Никольского храма] // Сургут. трибуна. — 1996. — 5 сент.

309. Маковецкий, П. Ссыльный колокол : [версия о колоколе Сургутской Троицкой церкви, сосланном в Сургут в 1836 году] / П. Маковецкий // Югра. — 1996. — № 9. — С. 30.

310. Отец Виктор. «Каков поп — таков и приход» : [беседа с настоятелем Свято-Никольского храма отцом Виктором о строительстве храма и православии в г. Сургуте] / Отец Виктор // Сургут. трибуна. — 1996. — 27 нояб.

311. Гаврилова, О. «Красота спасет мир» : [о передаче икон Свято-Никольскому храму] / О. Гаврилова // Новый город. — 1997. — 14 янв.

312. Затинацкая, Л. Достроят ли православный храм в ближайшем будущем : [о строительстве Свято-Никольского храма] / Л. Затинацкая // Новый город. — 1998. — 25 февр.

313. Галимова, А. Храм возвысился большим крестом : [о ходе строительства и реконструкции храма Преображения Господня] / А. Галимова // Сургут. трибуна. — 1998. — 19 июня.

314. Атаманенко, А. Новый храм будет виден издалека / А. Атаманенко // Новости Югры. — 1999. — 15 апр.

315. В Сургуте начато строительство православного храма Преображения Господня // Новости Югры. — 1999. — 15 апр.

316. Солодкин, Я. Начало православия в Западной Сибири : [о Сургутском Троицком храме] / Я. Солодкин // Югра. — 2000. — № 7/8. — С. 102—104.

317. Цукор, А. В микрорайоне нефтяников будет свой храм : [визит в Сургут Архиепископа Тобольского и Тюменского Димитрия и освящение строительства новых храмов] / А. Цукор // Нефть Приобья. — 2000. — Июнь (№ 25). — С. 11.

318. Онопа, А. О Николе-зимнем возвестит малиновый звон : [об освящении новых колоколов для храма Преображения Господня] / А. Онопа // Сургут. трибуна. — 2000. — 16 дек.

319. Ленькина, И. Благотворением православных сургутян : [строительство Свято-Преображенского храма в г. Сургуте] / И. Ленькина // Сургут. трибуна. — 2001. — 12 янв.

320. Онопа, А. Крест-хранитель : [на колокольне Преображенского храма в г. Сургуте установлены купол и крест] / А. Онопа // Сургут. трибуна. — 2001. — 24 февр.

321. Ярошко, А. Малиновый звон в тишине : [о колоколах Преображенского храма в Сургуте] / А. Ярошко // Югра. — 2001. — № 2. — С. 36—39.

322. Ярошко, А. Деревянная симфония : [о деревянном храме, построенном неподалеку от историко-культурного центра «Старый Сургут»] / А. Ярошко // Мы вместе. — 2002. — Март (№ 3). — С. 15—17.

323. Ярошко, А. Возрождение : [о строительстве храма Преображения Господня в г. Сургуте] / А. Ярошко // Мы вместе. — 2002. — Июль (№ 7). — С. 15—18.

324. Лебедева, М. Благое дело — дар великий : [о преподнесении «Сургутгазпромом» икон приходам храмов Святителя Николая Чудотворца и Преображения Господня] / М. Лебедева // Сургут. трибуна. — 2002. — 21 авг.

325. Онопа, А. Начни с благословения, закончи благодарением : [о строительстве в г. Сургуте храма в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»] / А. Онопа // Сургут. трибуна. — 2002. — 11 сент.

326. Онопа, А. Икона в честь храма : [о главной храмовой иконе «Преображение Господне» Сургутского Преображенского храма] / А. Онопа // Сургут. трибуна. — 2002. — 18 сент.

327. Манькова, И.Л. К истории первых церквей Сургута / И.Л. Манькова // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири : [сб. науч. тр.]. — Екатеринбург, 2002. — С. 111— 114.

328. Силин, А. Разгром сургутской соборной церкви / А. Силин // Югра. — 2002. — № 12. — С. 52—55.

329. Ярошко, А. Деревянная симфония : [о храме во имя Всех Святых в земле Сибирской просиявших, построенном в Сургуте] / А. Ярошко // Югра. — 2002. — № 10. — С. 30—33.

330. Епифанов, Н. Нужен ли Сургуту ещё один храм? : [история реконструкции Свято-Никольского храма] / Н. Епифанов // Новый город. — 2004. — 5 февр.

331. Ярошко, А.Ф. Православное наследие Сургута : [о сургутских церквях, их истории] / А.Ф. Ярошко. — Тюмень : Мандрика, 2006. — 175 с.

332. Во имя Живоначальной Троицы : [история сургутских церквей] // Сургутские истории: невыдуманные рассказы, очерки / О.Б. Рихтер. — Тюмень, 2007. — С. 169—175.

333. Туров, С.В. [Церкви Сургута] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 39, 40.

334. Храм в честь Преображения Господня // Православные храмы Югры. — М., 2008. — С. 99—115.

335. Андриенко, А. Краткий обзор православных церквей города Сургута и Сургутского района с XVII по начало XX вв. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.eduhmao.ru/info/5/5700/82432/

с. Тундрино

Церковь во имя великомученика Пантелеймона

336. Благочиние Сургутского уезда. Село Тундринское : [церковь во имя великомученика Пантелеймона] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 124, 126.

337. Глухих, А. В Тундрино храм снова будет / А. Глухих // Новости Югры. — 1998. — 24 февр.

338. Церковь будет восстановлена : [в с. Тундрино восстанавливают церковь святого Пантелеймона] // Вестник. — 1998. — 27 февр.

339. Страшнова, Е. Новая церковь : [восстановление церкви Святого Пантелеймона в с. Тундрино] / Е. Страшнова // Вестник. — 1998. — 10 июля.

340. Соломина, Е. Не стоит село без церкви / Е. Соломина // Сургут. трибуна. — 1998. — 23 дек.

341. Матушка церковь стоит : отреставрирована церковь в с. Тундрино // Новости Приобья. — 1999. — 8 янв.

342. Памятник деревянного зодчества : [о Тундринской церкви Сургутского района] // Новости Югры. — 1999. — 28 авг.

343. Дмитриева, М. Памятники древнего зодчества / М. Дмитриева // Югра. — 1999. — № 4. — С. 10.

344. Москотова, А.А. Храм в честь Святого Великомученика и целителя Пантелеймона в селе Тундрино Сургутского района / А.А. Москотова // Сургут в отечественной истории : сб. тез. док. и сообщений второй межрегиональной науч. конф. — Сургут, 2003. — С. 129—133.

345. Тундринская находка // Преображение. — 2003. — № 1.

346. Москотова, А.А. Храм в честь Святого Великомученика и целителя Пантелеймона в селе Тундрино Сургутского района / А.А. Москотова // Современные пути взаимодействия церкви и общества в сфере образования, науки и культуры : мат-лы, док. и ст. II—III региональных науч.-практ. Кирилло-Мефодиевских образовательных чтений. — Ханты-Мансийск, 2004. — С. 117—120.

347. Культовые учреждения : [о церкви Святого Пантелеймона в с. Тундрино] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Муниципальное образование Сургутский район / [сост. Л.А. Хабарова]. — Сургут, 2008. — С. 107.

348. Православная церковь великомученика и целителя Пантелеймона // Сельское поселение Тундрино / [сост. З.А. Иванова]. — Сургут, 2008. — С. 58—60.

п. Угут

Церковь в честь Казанской иконы Божией Матери

349. Культовые учреждения : [о храме в честь Казанской иконы Божией Матери в п. Угут] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Муниципальное образование Сургутский район / [сост. Л.А. Хабарова]. — Сургут, 2008. — С. 107.

350. Православный приход и церковь во имя иконы Божией Матери «Казанская» // Сельское поселение Угут / [сост. Е.А. Эсаулова]. — Сургут, 2008. — С. 62—64.

п. Ульт-Ягун

Церковь во имя святого мученика Трифона

351. Православная церковь святого мученика Трифона // Сельское поселение Ульт-Ягун / [сост. Л.И. Тюкалова]. — Сургут, 2008. — С. 45—47.

п. Фёдоровский

Церковь во имя святого великомученика Феодора Стратилата

352. Культовые учреждения : [о Свято-Фёдоровском храме в п. Фёдоровский] // Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Муниципальное образование Сургутский район / [сост. Л.А. Хабарова]. — Сургут, 2008. — С. 107.

353. Храм / [сост. Н.И. Нажипова]. — Сургут, 2008. — С. 66, 67.

д. Юган

Церковь в честь Богоявления Господня

354. Из села Юганского (Сургутского уезда) : [о состоянии прихода и жизни селян] // Тобол. епарх. ведомости. — 1902. — № 17. Неофициальная часть — С. 303. — Подпись: Я-в М.

355. Благочиние Сургутского уезда. Село Юганское : [церковь в честь Богоявления Господня] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 125.

Ханты-Мансийский район (в целом)

356. Последний день деятельности церквей и часовен Самаровского района. Закрыто 20 религиозных учреждений района и культовых зданий // Новости Югры. — 1992. — 25 апр.

с. Базьяны

Церковь во имя святых апостолов Петра и Павла

357. 3-е благочиние Тобольского уезда. Село Базьяновское : [церковь во имя святых апостолов Петра и Павла] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 20, 21.

358. Поспелов, А. Освящение придельного храма в с. Базьяновском // Тобол. епарх. ведомости. — 1914. — № 18. — С. 300—301.

п. Горноправдинск

Церковь в честь Вознесения Господня

359. 3-е благочиние Тобольского уезда. Село Филинское : [церковь во имя Вознесения Господня] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 25.

360. Житникова, Н. Возрождение храма : [о строительстве храма в п. Горноправдинск] / Н. Житникова // Наш р-н Ханты-Мансийский. — 2002. — 12 апр.

с. Елизарово

Церковь в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»

361. 3-е благочиние Тобольского уезда. Село Елизаровское : [церковь во имя иконы Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радость] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 21.

с. Конево

Храм во имя святителя Пророка Ильи

362. 3-е благочиние Тобольского уезда. Село Коневское : [храм во имя святителя Пророка Ильи] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 21.

с. Нялино

Церковь во имя святых Первоверховных апостолов Петра и Павла

363. Калиничева, Г. Церковь порубили на дрова : [о восстановлении церкви в селе Нялино Ханты-Мансийского района] / Г. Калиничева, В. Колмаков // Новости Югры. — 2002. — 2 февр.

с. Селиярово

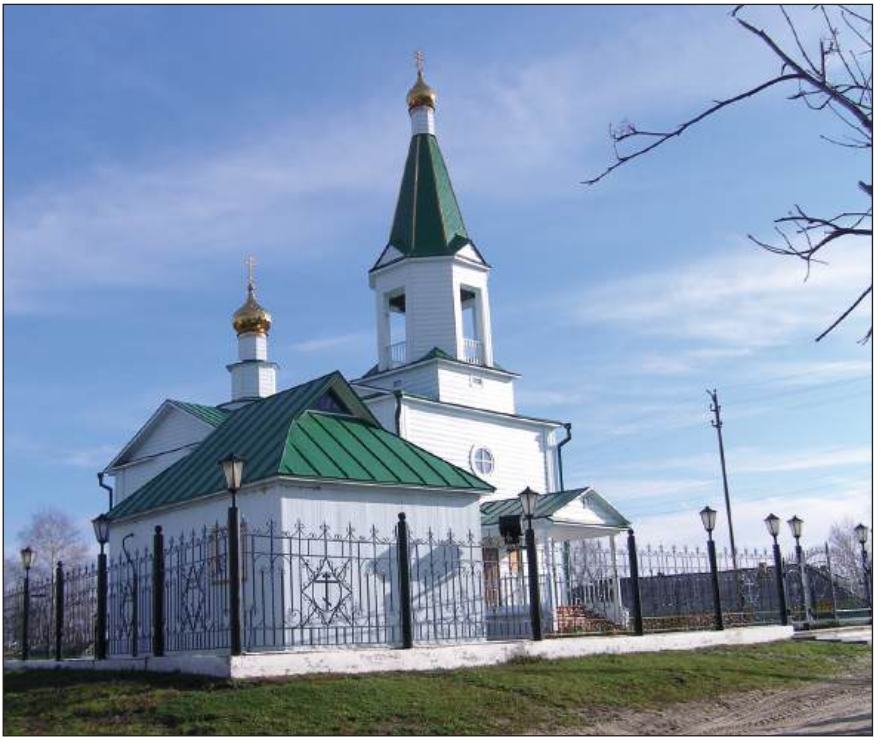
Церковь в честь Успенья Божией Матери *(ил. 13)*

364. 3-е благочиние Тобольского уезда. Село Селияровское : [церковь во имя Успенья Божией Матери] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 23.

365. Кириллов, И. Благовест над Приобьем : [о восстановленной церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Селиярово Ханты-Мансийского района] / И. Кириллов // Тюм. известия. — 2003. — 3 окт.

366. Кириллов, И. Новая жизнь храма : [возрождение храма в с. Селиярово Ханты-Мансийского района] / И. Кириллов // Югра. — 2003. — № 11/12. — С. 124.

367. Туров, С.В. [Успенская церковь в с. Селияровском] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 43, 44.

Ил. 13. **Церковь в честь Успенья Божией Матери.** С. Селиярово. Внешний вид до реставрации (2002 г.), в процессе реставрации (2005 г.) и после реставрации (2007 г.). Фото А.Н. Кондрашёва

д. Сухорукова

Церковь в честь Сошествия Святого Духа

368. 3-е благочиние Тобольского уезда. Село Сухоруковское : [церковь во имя Сошествия Святого Духа] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 24.

369. Корепанов, П. Разрушили церковь : [о церкви в д. Сухоруково] / П. Корепанов // Новости Югры. — 1991. — 12 янв.

370. Глухих, А. «Крестянский двор» : [о восстановлении церкви в д. Сухорукова] / А. Глухих // Новости Югры. — 1993. — 7 сент.

371. Туров, С.В. [Церковь во имя Сошествия Святого Духа, Сухоруковский приход] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007 . — С. 24.

с. Троица

Церковь во имя Святой Живоначальной Троицы

372. 3-е благочиние Тобольского уезда. Село Троицкое : [церковь во имя Святой Троицы] // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913. — С. 24.

373. Туров, С.В. [Церковь во имя Святой Троицы, Троицкий приход] / С.В. Туров // Православие на Обь-Иртышском Севере : мат-лы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007 . — С. 27.

СПИСОК ПРОСМОТРЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Город Когалым, 1985—2005 : рекомендательный библиографический указатель / МУ«ЦБС» ; [сост.: Г.И. Вандышева, Г.Г. Гусамова, Л.А. Тузикова]. — Тюмень : Мандр и К°, 2005. — 191 с.

2. Город Нижневартовск : рекомендательный библиографический указатель / МУ БИС г. Нижневартовска ; [сост.: М.Е. Борисенко, В.С. Ванюжина]. — Тюмень : [б. и.], 2002. —333 с.

3. Нефтеюганский район : библиографический указатель / Нефтеюганская районная ЦБС ; [сост.: Л.И. Ганьшина, Л.Н. Лысенко]. — Тюмень : Экспресс, 2003. — 135 с.

4. Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике (1857—1944 гг.) : библиографический указатель / сост.: В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова. — Тюмень : Мандрика, 2000. — 399 с.

5. Сургут: история и современность : библиографический указатель / МУК «ЦБС» г. Сургута ; [сост. Р.Д. Истомина ; авт. предисловия И.П. Захаров]. — Сургут : Изд-во МУК «ЦБС», 1999. — 215 с.

6. Сургут: история и современность. 1996—2000 гг. : библиографический указатель, Вып. 2 / МУК «ЦБС» ; [сост.: Н.А. Бризжунова и др. ; авт. вступительной ст. Н.В. Жукова]. — Сургут : [б. и.], 2005 (Курган). — 528 с.

7. Ханты-Мансийск: город в лицах, датах и фактах : библиографический указатель, 1637—1999 гг. / [сост.: С.Ю. Волженина, О.М. Павлова]. — Тюмень : Изд. Ю. Мандрика, 2000. — 480 с.

8. Чернышов, А.В. Религия и церковь в Тюменском крае: опыт библиографии. В 3 ч. / А.В. Чернышов. — Тюмень : Мандрика, 2004.

9. Что читать о Советском районе (1998—2002 гг.) : ретроспективный библиографический указатель / МУК «Советская ЦБС» ; [сост.: В.В. Яблочкова, Е.В. Надымова]. — Советский : РИО, 2007. —158 с.

10. Что читать о Советском районе (1993—1997) : библиографический указатель / МУК «Советская ЦБС» ; [сост. В. Яблочкова ; под ред. Е. Надымовой]. — Советский: РИО, 2002. — 99 с.

11. Что читать о Советском районе (1988—1992 гг.) : библиографический указатель, Вып. 5 / Советская ЦБС ; [сост. В.В. Яблочкова]. — Советский : тип., 1997. — 105 с.

12. Югорские хроники: 1096—2000 / сост. Э.П. Сургутскова. — Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2001. — 472 с.

Приложение

Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. – Тобольск: Типография епархиального братства, 1913. – Б. Часть вторая: Приходы и церкви Тобольской епархии. – С. 3–227.

[только церкви, действовавшие на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры]

СПРАВОЧНАЯ КНИГА

ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ

къ 1 сентября 1913 года.

Изданіе Тобольскаго Епархіальнаго Братства Св. Великом. Димитрія Солунскаго.

ТОБОЛЬСКЪ

1913.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА

ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ

къ 1 сентября 1913 года.

Изданіе Тобольскаго Епархіальнаго Братства Св. Великом. Димитрія Солунскаго.

ТОБОЛЬСКЪ.
Типографія Епархіальнаго Братства.
1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

А. Часть первая.

Епархіальное управленіе . . . . . 1—8.
Монастыри Тобольской епархіи . . . . . 9.
Благочинные церквей Тобольской епархіи . . . . . 10.
Духовно-учебныя заведенія . . . . . 12—16.
Церковно-приходскія школы Тобольской епархіи . . . 17—46.

Б. Часть вторая.

Приходы и церкви Тобольской епархіи . . . . . 3—227.
г. Тобольскъ . . . . . 3—8.
1 благочиніе Тобольскаго уѣзда . . . . . 9—15.
2 благочиніе Тобольскаго уѣзда . . . . . 15—20.
3 благочиніе Тобольскаго уѣзда . . . . . 20—25.
4 благочиніе Тобольскаго уѣзда . . . . . 25—31.
г. Березовъ . . . . . 32.
Благочиніе Березовскаго уѣзда . . . . . 33—39.
1 благочиніе Ишимскаго уѣзда . . . . . 39—51.
2 благочиніе Ишимскаго уѣзда . . . . . 51—57.
3 благочиніе Ишимскаго уѣзда . . . . . 57—66.
4 благочиніе Ишимскаго уѣзда . . . . . 66—76.
г. Курганъ . . . . . 76—79.
1 благочиніе Курганскаго уѣзда . . . . . 79—83.
2 благочиніе Курганскаго уѣзда . . . . . 84—92.
3 благочиніе Курганскаго уѣзда . . . . . 92—99.
4 благочиніе Курганскаго уѣзда . . . . . 99—106.
5 благочиніе Курганскаго уѣзда . . . . . 106—114.
6 благочиніе Курганскаго уѣзда . . . . . 114—121.
г. Сургутъ . . . . . 121.
Благочиніе Сургутскаго уѣзда . . . . . 122—125.
1 благочиніе Тарскаго уѣзда . . . . . 125—131.
2 благочиніе Тарскаго уѣзда . . . . . 131—139.
г. Туринскъ . . . . . 139.
Благочиніе г. Туринска . . . . . 139—146.
1, 2 и 3 благочиніе Туринскаго уѣзда . . . . . 146—162.
г. Тюмень . . . . . 162—167.
1 благочиніе Тюменскаго уѣзда . . . . . 176—183.
2 благочиніе Тюменскаго уѣзда . . . . . 167—176.
1 благочиніе Ялуторовскаго уѣзда . . . . . 184—192.
2 благочиніе Ялуторовскаго уѣзда . . . . . 192—201.
3 благочиніе Ялуторовскаго уѣзда . . . . . 201—208.

4 благочиніе Ялуторовскаго уѣзда . . . . . 208—215.
Единовѣрческіе приходы. . . . . 215—223.
Приходы въ мѣстахъ переселенія . . . . . 223—227.

В. Часть третья.

Инструкція настоятелямъ церквей . . . . . 1.
Инструкція церковнымъ старостамъ . . . . . 6.
Правила о порядкѣ записыванія приходовъ и расходовъ въ церковно-шнуровыя книги и представленія отчетныхъ вѣдомостей . . . . . 16.
Положеніе о приходскихъ попечительствахъ . . . . . 25.
Положеніе о церковныхъ братствахъ . . . . . 30.
Правила о мѣстныхъ средствахъ содержанія приходскаго духовенства и о раздѣлѣ этихъ средствъ между членами причтовъ . . . . . 31.
Правила для благочинническихъ Совѣтовъ Тобольской епархіи 39.
Уставъ общества трезвости . . . . . 44.
О приходскихъ совѣтахъ и пастырскихъ собраніяхъ . . . 46.
Правила для производства испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы 51
Программа испытанія на званіе учителя или учительницы . 54.
Программа испытаній лицамъ, ищущимъ священно и церковно-служительскихъ мѣстъ . . . . . 57.
Инструкція для руководства при построеніи и исправленіи церквей и церковныхъ зданій Тобольской епархіи . . 60.
Вѣдомость срочныхъ представленій . . . . . 78.
Суммы, кои должны ежегодно къ 1 февраля представляться причтами церквей Тобольской епархіи благочиннымъ для препровожденія въ Консисторію . . . . . 86.
Волостныя правленія, ведущія почтовыя операціи . . . 87.

Г. Часть четвертая.

Алфавитный указатель церквей и монастырей . . . . 1—7.
Алфавитный перечень священно и церковно-служителей Тобольской епархіи . . . . . 8.
Алфавитный перечень церковно-приходскихъ школъ Тобольской епархіи . . . . . 61.

2-е благочиніе Тобольскаго уѣзда.

. . .

Село Болчаровское. Село Болчаровское расположено на берегу рѣки Конды. Церковь деревянная, построена прихожанами въ 1863 году. Одинъ престолъ во имя Богоявленія Господня. Кромѣ того празднуются особо чтимые дни: День св. ап. Петра и Павла (29 іюня), 2) День св. Николая Мурликійскаго Чудотвордца (6 декабря), 3) День св. Филиппа Митрополита Московскаго Чудотворца (9 января) Въ приходѣ юрты: Богдановскія (20 вер.), Кумышевскія (35 вер), Кельсинскія (50 вер.), Бойбалинскія (51 вер.), Красноярскія (72 вер.), Алтаевскія (90 вер,), Каменскія (110 вер.), Нюркоевскія (80 вер.), Чесноковскія (20 вер.), Зимне-Пуштинскія (40 вер.), Лѣтне-Пуштинскія (40 вер.), Шумиловскія (60 вер.). Приписной церкви нѣтъ. Одна часовня въ юртахъ Красноярскихъ, построена жителями въ 1889 году. Въ приходѣ дворовъ 113, прихожанъ: 452 муж. пола, 492 жен. пола, Церковной земли нѣтъ. Церковный капиталъ 900 р. Жалованье: священнику 588 руб., псаломщику 196 руб., просфорнѣ 60 р. Причтъ имѣетъ два деревянные дома, построенные прихожанами: домъ священника въ 1905 г., домъ псаломщика въ 1910 г. Штатъ: священникъ, псаломщикъ, просфорня. Одно министерское училище въ селѣ (14 мальчиковъ 5 дѣвочекъ). Разстояніе отъ Консисторіи зимой 240 вер., лѣтомъ 700 вер., отъ благочиннаго зимой 70 вер., лѣтомъ 500 вер. Ближнее село Демьянское (60 вер.). Почтовая станція 60 вер. Адресъ: стан. Демьянская.

. . .

Село Леушинское. Село Леушинское расположено на рѣкѣ Ахъ. Церковь деревянная, построена въ 1888 г. прихожанами. Одинъ престолъ, во имя Сошествія Святаго Духа. Въ приходѣ д.д.: Пашенская (10 вер.), Терезинская (22 вер.), Аминская (35 вер.), Запорская (10 вер.), Сотниковская (30 вер.), Юмасинская (42 вер.), Турсунская (60 вер.), Сосновская (55 вер.), Кипальская (60 вер.), Панкрашкина (75 вер.), Елышкина (40 вер.), Нингитская (65 вер.), Турпальская (100 вер.), Понгутальская (25 вер.), Тоскливская (42 вер.), Токолванская (13 вер.), Приписной церкви нѣтъ. Три часовни: 1) въ юртахъ Сотниковскихъ деревянная, въ честь Арх. Мих. и св. муч. Пантелеймона, построена въ 1894 г. 2) въ юртахъ Елышкиныхъ, деревянная во имя Апостола Петра и Павла, построена въ 1907 г., 3) въ юртахъ Юмасинскихъ, деревянная во имя ап. Петра и Павла, построена въ 1909 г. Дворовъ 165, прихожанъ: 390 муж. пола, 415 жен. пола. Церковной земли нѣтъ. Церковный капиталъ 150 р. Жалованье: священнику 588 р., псаломщику 196 р.,

2-е благочиніе тобольскаго уѣзда.

просфорнѣ 65 р. Дома причта деревянные, на общественной землѣ, построены прихожанами. Штатъ: священникъ, псаломщикъ и просфорня. Есть церковно-приходская школа, помѣщается въ собственномъ домѣ. Ближайшее село Сатыгинское. Разстояніе отъ Консисторіи зимой 580 верстъ, лѣтомъ 900 верстъ, отъ благочиннаго 280 верстъ зимой, лѣтомъ 600 верстъ. Адресъ: село Демьянское.

Село Нахрачевское. Церковь деревянная, построена прихожанами въ 1825 году. Два престола: 1) во имя св. Троицы и 2) во имя Николая Чудотворца. Въ приходѣ деревни: Каурьятская (30 в.), Невлачкина (45 в.), Яннинская (60 вер.), Кармская (70 в.), Егорсанская (80 в.), Шугуркина (90 в.), Алымская (10 в.), Мокровская (10 в.), Никулкина (20 в.), Панькина (30 в.), Чегаткова (50 в.), Катыннинская (40 в.), Кочуковская (50 в.), Ландинская (80 в.), Есаульская (15 в.), Ермаковская (30 в.), Урманская (35 в.), Бѣлегарская (30—180 в.), Ленгурская (80 в.). Приписной церкви нѣтъ. Двѣ часовни: 1) въ юртахъ Есаульскихъ, деревянная во имя Пророка Божія Иліи, 2) въ юртахъ Ландинскихъ, деревянная во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Въ приходѣ 124 двора, прихожанъ: 499 муж. пола, 495 жен. пола. Земли сѣнокосной 700×300 саж. Церковный капиталъ 904 р. 9 к. Жалованье: священнику 600 р., псаломщику 200 р. Дома причта общественные, деревянные. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Въ селѣ министерская школа, открыта въ 1896 году. Ближайшее село Болчаровское 100 вер. Разстояніе отъ Консисторіи 730 вер., отъ благочиннаго 400 вер. Адресъ: село Демьянское.

. . .

3-е благочиніе Тобольскаго уѣзда.

Село Базьяновское. Церковь построена въ 1872 г. на средства прихожанъ и доброхотныя пожертвованія, деревянная, съ однимъ престоломъ во имя свв. апп. Петра и Павла. Приходъ открытъ въ 1908 г. Въ дер. Флоровской находится часовня во имя св. великом. и Цѣлителя Пантелеимона. Въ приходѣ одна деревня Флоровская (5 верстъ). Всего въ приходѣ 130 дворовъ, прихожанъ: мужскаго пола 337, женскаго пола 354. Церковной земли нѣтъ. Церковный капиталъ 100 рублей. Жалованья причту не положено. Пользуется причтъ процентами съ капитала 10311 рублей. 27 копѣекъ. Имѣется для священника домъ деревянный, построенный въ 1903 году. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Въ селѣ имѣется министерская школа. Ближайшее село Рѣполовское 36 верстъ. Разстояніе отъ Консисторіи 510 вер., отъ благочиннаго 36 вер., отъ почтовой станціи 50 вер. Адресъ: Самаровское Волостное Правленіе.

Село Елизаровское Березовскаго уѣзда. Церковь деревянная, построена прихожанами въ 1894 г., имѣетъ одинъ престолъ во имя иконы Пресвятыя Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ Радость. Въ приходѣ имѣется одна часовня, деревянная, построена на средства инородцевъ, во имя ап. Петра и Павла. Богослуженіе въ ней совершается 29 іюня. Въ приходѣ юрты Олтурминскія въ 4 верстахъ отъ церкви. Всего въ приходѣ 86 дворовъ, прихожанъ: муж. пола 345, жен. пола 346. Жалованье: священнику 441 руб., псаломщику 147 руб. Для священника имѣется домъ, построенный въ 1907 году, псаломщикъ живетъ въ наемномъ домѣ, за который платитъ общество. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Въ приходѣ земская школа, построена на средства крестьянъ въ 1907 г. Ближайшее село Сухоруковское 20 вер. Разстояніе отъ Консисторіи 600 вер., отъ благочиннаго 180 вер., отъ уѣзднаго города 280 вер. Пароходная пристань въ селѣ. Адресъ: село Самаровское.

Село Коневское. Храмъ деревянный, построенъ прихожанами въ 1848 г., въ немъ одинъ престолъ, во имя св. Пророка Иліи. Въ приходѣ три приписныя церкви: 1) въ дер. Зеньковой, построена въ 1908 г., 2) въ дер. Змановской, построена въ 1891 г. и 3) въ юртахъ Новоселовыхъ, построена въ 1909 г. Одна часовня,построена въ выселкѣ Городищѣ. Въ приходѣ деревни: Сушкина (2 в.), Спирина (10 в.), Зенкова (15 в.), Змановская (25 в.), юрты: Новоселовы (25 в.), Костины (15 в.), Чучелины (35 в.), Шапшинскія (15 в.). Въ приходѣ 44 двора, прихожанъ: муж. пола 97, жен. пола 96. Церковной земли нѣтъ. Церковный капиталъ 592 руб. 25 коп. Жалованье причтъ

3-е благочиніе тобольскаго уѣзда.

получаетъ: священникъ 294 руб., псаломщикъ 98 руб., просфорня 35 руб. Дома причта деревянные, построены прихожанами, домъ для священника въ 1886 г., для псаломщика въ 1908 г. Штатъ: священникъ, псаломщикъ и просфорня. Въ приходѣ 4 школы: въ селѣ Коневскомъ, учреждена въ 1886 г., въ дер. Зенковой въ 1908 г., въ деревнѣ Змановской въ 1907 году и въ юртахъ Новоселовскихъ въ 1911 г. Дома въ церковныхъ школахъ собственные. Ближайшая церковь въ с. Селіяровскомъ. Разстояніе отъ Консисторіи 505 вер., отъ благочиннаго 145 вер. Почтовая станція 45 верстъ. Адресъ: село Самаровское.

. . .

Село Рѣполовское. Первоначально храмъ въ приходѣ построенъ былъ въ 1790 г., а въ 1869 г. перестроенъ вновь. Храмъ деревянный съ желѣзною крышею. Три престола: 1) во имя Воздвиженія Креста Господня, 2) во имя Смоленской Божіей Матери, 3) во имя св. чудотворца Николая. Въ приходѣ двѣ приписныхъ церкви и три часовни: въ дер. Боровской (Усть-Кондинской), юртахъ Заводинскихъ и юртахъ Согомскихъ. Въ приходѣ деревни: Батовская (30 в.), Тюлинская (17 в.), Боровская (16 в.), юрты: Рѣполовскія (5 в.), Согомскія (30 в.), Заводинскія (22 в.), Саргатскія (42 в.). Въ приходѣ дворовъ 235, прихожанъ: муж. пола 847, жен. пола 844. Церковной земли нѣтъ. Церковный капиталъ 4284 руб. 30 коп. находится въ билетахъ. Причтовый капиталъ 650 руб. Жалованье: священнику 294 руб., псаломщику 98 руб., просфорня получаетъ вознагражденіе отъ прихожанъ. Штатъ: священникъ, псаломщикъ и просфорня. Въ приходѣ есть церковно-приходская школа въ дерев. Батовской, министерскія—въ с. Рѣполовскомъ и дер. Тюлинской, ближайшее село—Базьяновское (30 в.). Разстояніе отъ Консисторіи 344 в., отъ уѣзднаго города 85 в. Почтовая станція с. Самаровское.

Село Самаровское. Церковь каменная, построена на доброхотныя пожертвованія въ 1816 году; въ ней три престола: 1) во имя Покрова Пресвятой Богородицы, 2) во имя Знаменія Божіей Матери, 3) св. чуд. Николая. Въ приходѣ три часовни: двѣ въ самомъ селѣ и одна въ деревнѣ Оленевой. Въ приходѣ деревни: Шапшинская (66 в.), Оленевая (23 в.), юрты: Тренкинскія (30 в.), Пашкинскія (40 вер.), Кузнецовскія (50 вер.), Кышиковскія (74 вер.), Терешкинскія (100 вер.), Вершинскія (200 вер.). Всего дворовъ 288, прихожанъ: мужского пола 597, жен. пола 658. Церковной земли нѣтъ за исключеніемъ сѣнокосной, которой причтъ пользуется совмѣстно съ прихожанами. Церковный капиталъ 9959 руб. 15 коп.

3-е благочиніе тобольскаго уѣзда.

Причтовый капиталъ 1800 руб. Жалованье: священнику 294 руб., псаломщику 98 руб. просфорнѣ 36 руб. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Въ селѣ Самаровскомъ двухклассное министерское училище, а въ дер. Оленевой передвижная школа Мин. Нар. Просв. Ближайшее село Троицкое, Березовскаго уѣзда (50 в.). Разстояніе отъ Консисторіи 560 вер., отъ благочиннаго 86 вер., уѣзднаго города 250 верстъ. Адресъ: ст. Самаровское, Тобольской губерніи.

Село Селіяровское. Церковь деревянная, одноэтажная, построена на пожертвованія прихожанъ и пособія отъ казны, построена въ 1873 году, въ ней одинъ престолъ во имя Успенія Божіей Матери. Въ приходѣ юрты: Балинскія (9 в.), Сахалинскія (31 в.), Тугасковы (54 в.), Чимкины (65 в.), Кунины (90 в.), Сатарины (120 в.), Савойкины (135 в.), Савкунины (156 в.), Лемпины (160 в.), Рымовы (175 вер.). Варлымковы (185 в.), Старомирскія (195 вер.), Сулины (205 в.), Милясовы (225 в.), Аламины (280 в.), Айдаровы (300 в.), Киндосовы (330 в.), Соровы (360 в,). Сивохребскія (36 в.), Туманковы (40 в.), Чебыковы (14 в.), Елыковы (40 в.), Косаревы (50 в.). Алякины (25 вер.). Всего 177 дворовъ, прихожанъ: 440 муж. пола, 417 женскаго пола. Въ приходѣ на кладбищѣ часовня во имя ап. Петра и Павла, построена въ 1895 г. крестьяниномъ А. Т. Горюшковымъ. Капиталъ церковный 300 руб. Жалованье: священнику 300 руб., псаломщику 120 руб. Дома причта деревянные: домъ священника построенъ въ 1906 году, домъ псаломщика строится. Штатъ: священникъ, псаломщикъ, просфорня. Въ селѣ церковно-приходская школа, учреждена въ 1888 г., помѣщается въ собственномъ домѣ. Ближайшее село Коневское (44 вер.). Разстояніе отъ Консисторіи и уѣзднаго города 586 вер., отъ благочиннаго 150 вер. Адресъ: Самаровское Почтовое Отдѣленіе.

Село Сухоруковское, Березовскаго уѣзда. Церковь деревянная, построена въ 1907 г., имѣетъ три престола: 1) во имя Сошествія Святаго Духа. 2) во имя Успенія Божіей Матери, 3) свят. Николая чудотворца. Въ приходѣ двѣ деревянныя теплыя часовни, построены на средства инородцевъ. Въ приходѣ юрты: Кынинскія (10 в.), Сухоруковскія (10 в.), Кеушковы (40 в.), Сосновскія (55 в.), Проточныя (45 в.), Лорботскія (70 в.), Шимпухольскія (80 в.), Ендырскія (130 в.). Всего дворовъ 136, прихожанъ: муж. пола 360, жен. пола 367. Церковный капиталъ 3050 руб. Жалованье: священнику 360 руб., псаломщику 120 руб. Для причта имѣется двухъэтажный домъ, построенъ въ 1851 г., составляетъ собственность церкви. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Въ приходѣ земское училище, построе-

но крестьянами въ 1896 г. Ближайшее село Елизаровское (20 в.). Разстояніе отъ Консисторіи 620 вер., отъ благочиннаго 200 верстъ, отъ пароходной пристани 20 вер. Адресъ: с. Самаровское.

Село Троицкое, Березовскаго уѣзда. Церковь деревянная, построена прихожанами въ 1868 г., имѣетъ одинъ престолъ во имя Св. Троицы. Въ приходѣ двѣ часовни: въ дер. Бѣлогорской во имя Спаса Преображенія, построена въ 1888 г. и въ юртахъ во имя Всѣхъ Святыхъ. Въ приходѣ деревни: Бѣлогорская (15 в.), Богдашинская (15 вер.), юрты: Богдашинскія (15 в.), Маткинскія (30 в.), Бѣлогорскія (15 в.), Васпухольскія (200 в.), Вольно-Согомскія (100 в.), Миткинскія (35 в.), Троицкія (15 в.), Востохоевскія (35 в.). Всего дворовъ 157. Прихожанъ: муж. пола 405, жен. пола 450. Жалованье: священнику 360 руб., псаломщику 120 руб. Дома причта деревянные, построены прихожанами въ 1885 году и составляютъ собственность церкви. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Въ с. Троицкомъ церковно-приходская школа и въ дер. Бѣлогорской министерская. Ближайшая по теченію Оби Елизаровская Богородская церковь (45 в). Разстояніе отъ Консисторіи 500 вер,, отъ благочиннаго 125 вер., отъ уѣзднаго города 500 вер., отъ почтовой станціи 45 вер. Адресъ: Самаровское Почтовое Отдѣленіе.

Село Филинское. Село Филинское расположено на берегу Иртыша. Церковь каменная, одноэтажная, построена прихожанами въ 1835 г., но до этого были еще двѣ, изъ которыхъ одна—построена и освящена въ 1755 г., а о времени перваго храма, когда онъ построенъ, свѣдѣній нѣтъ. Одинъ престолъ—во имя Вознесенія Господня. Въ приходѣ деревни: Деньщикова (14 в.), Горно-Субботина (38 в.). Юртинская (40 в.), Чембакчина (15 вер.), Слушкина (28 в.), юрты: Цингалинскія (25 в.), Семейскія (42 в.), Сотниковскія (54 в.), Филинскія (1 в.), Деньщиковскія (11 в.), Ячинскія (22 в.). Всего дворовъ 271, прихожанъ: 1018 муж. пола, 1088 жен. пола. Въ приходѣ двѣ приписныхъ церкви и четыре часовни, имѣется переносный престолъ и выданъ св. Антиминсъ во имя св. Серафима Саровскаго чудотворца. Церковный капиталъ 2521 руб. 21 коп. Причтовый капиталъ 250 руб. Жалованье: священнику 294 руб., діакону 147 р., псаломщику 98 руб. Штатъ: священникъ, діаконъ и псаломщикъ. Въ с. Филинскомъ и юрт. Цингалинскихъ министерскія школы, въ дер. Юртинской церковно-приходская школа. Ближайшее село Романовское (70 в.). Разстояніе отъ Консисторіи и уѣзднаго города 337 вер., отъ благочиннаго 100 вер., отъ почтовой станціи 90 верстъ. Адресъ: Почтовая станція село Демьянское.

. . .

Городъ Березовъ.

Соборо-Воскресенская церковь. Городъ Березовъ расположенъ на рѣкѣ Сосвѣ, судоходной во время навигаціи. Воскресенскій соборъ каменный, съ деревянною колокольнею, заложенъ въ 1787 г., а въ 1792 г. освященъ. Въ 1881 и 1903 г.г. соборъ ремонтированъ на средства прихожанъ. Три престола: 1) во имя Воскресенія Христова, 2) во имя Казанской Божіей Матери, 3) во имя свят. Николая чудотворца. На приходскомъ соборномъ кладбищѣ имѣется холодная часовня во имя Животворящаго Креста Господня. Съ 1909 года къ собору приписана домовая церковь при Березовской второклассной женской школѣ. Въ соборѣ сохраняются двѣ святыни, имѣющія историческое значеніе: икона св. Архистратига Михаила и икона св. Николая чудотворца, принесенныя казаками, посланными отъ царя Ѳеодора Іоанновича въ 1592 году для покоренія сѣверныхъ окраинъ Сибири и положившими основаніе городу Березову. Въ приходѣ юрты: Неремовскія (28 в.), Шайтанскія (25 в.), Малѣевскія (40 в.), Камратскія (40 в.), Резиновскія (75 в.), Люликарскія (90 в.), Новыя (55 в.), Аренинскія (85 в.), Шаганскія (20 в.), Лапольскія (70 в.), Чуенельскія (55 вер.). Всего въ приходѣ 129 дворовъ; прихожанъ муж. пола 516, жен. пола 488. Земли церковной не имѣется. Капиталъ церкви 1503 руб. 87 коп. Причтъ получаетъ жалованье отъ казны: настоятель собора и священникъ по 440 руб. въ годъ, діаконъ 293 руб. 33 коп., псаломщикъ 146 руб. 66 коп. Штатъ: два священника, діаконъ, псаломщикъ. Церковный домъ для діакона есть, для настоятеля и священника строятся. Въ приходѣ имѣются: 3-хъ классное городское училище и смѣшанное приходское Мин. Народ. Просв. Ближайшая къ собору церковь въ уѣздѣ Полноватская (60 в.). Разстояніе отъ Консисторіи 846½ вер. Церковно-приходское попечительство открыто въ 1900 году.

Богородице-Рождественская церковь каменная, построена въ 1771 г. на средства прихожанъ и отставного унтеръ-офицера Д. Колигорова. Два престола: 1) во имя Рождества Богородицы, 2) во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. За оградой церкви, на горѣ часовня во имя Преображенія Господня, построена въ 1879 г. по преданію надъ могилой неизвѣстнаго святого. Невдалекѣ отъ храма находится могила графа А. Остермана, на могилѣ деревянный крестъ. Въ приходѣ особо почитается икона Божіей Матери Скоропослушницы.

ГОРОДЪ БЕРЕЗОВЪ.

Можно предположить, что икона эта чевствуется съ самаго основанія храма, такъ какъ помѣщается сія икона въ самомъ иконостасѣ, какъ мѣстная. Торжественное богослуженіе въ честь иконы совершается 9 ноября. Въ приходѣ юрты: Березовскія, Пащерцевы, Кепкины, Войтныховы, Пугорскія, Усть-Сосвинскія, Тегинскія, Маяхтаскія, Увинскія, Пурысевы, Русь-Соимскія, Мештнельскія, Мугысорскія, Батьковы, Сыротрорскія, Соусканскія, Восрамскія. Всего въ приходѣ 190 дворовъ, прихожанъ муж. пола 533, женск. пола 506. Земли церковной не имѣется. Церковный капиталъ 1250 рублей, хранится въ билетахъ. Жалованье: священнику 300 руб., псаломщику 100 руб. Кромѣ того причтъ пользуется процентами съ капитала 12260 руб. Кружечныхъ доходовъ получается около 150 руб. въ годъ. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Домъ священника церковный, крайне ветхій, псаломщикъ живетъ въ наемной квартирѣ. Въ приходѣ находятся: городское четырехклассное училище и два смѣшанныхъ однокласныхъ училища Мин. Нар. Просв. Ближайшая церковь въ уѣздѣ Полноватская (60 вер.). Базстояніе отъ Консиэторіи 846½ в. Съ 9 ноября 1910 г. при церкви открыто приходское братство во имя иконы Божіей Матери Скоропослушницы.

Благочиніе Березовскаго уѣзда.

. . .

Село Мало-Атлымское расположено на рѣкѣ Оби. Церковь деревянная, одноэтажная, построена въ 1851—1853 г.г. Два престола: 1) во имя Преображенія Господня, 2) во имя св. Архистратига Михаила. Въ юрт. Больше-Атлымскихъ находится приписная церковь во имя трехъ святит. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, построенная въ 1890 г. Въ юртахъ Карымкарскихъ часовня во имя святителя и чудотворца Николая и св. пророка Божія Иліи съ чтимыми иконами сихъ святыхъ. Въ юртахъ Леушанскихъ часовня во имя Покрова Пресвятой Богородицы съ чтимою иконою сего праздника. Службы въ часовняхъ и приписной церкви отправляются въ дни, посвященныя памяти святыхъ, въ честь коихъ выстроены часовни и храмъ, а также въ дни Великаго поста. Въ приходѣ юрты: Мало-Атлымскія (1 в.), Леушанскія (15 в.), Карымкарскія (35 в.), Больше-Атлымскія (20 в.), Музомскія (100 в.). Всего въ приходѣ 122 двора, прихожанъ муж. пола 489, жен. пола 489. Церковной земли нѣтъ. Церковный капиталъ 2100 руб. въ процентныхъ бумагахъ Государственнаго Банка. Жалованье: священнику 360 руб., псаломщику 120 руб. Кружечныхъ доходовъ получается причтомъ до 70 руб. въ годъ. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Дома причта общественные, составляютъ собственность церкви. Съ 1888 г. въ селѣ имѣется земская начальная школа, преобразованная въ 1904 г. въ министерскую. Въ юртахъ Больше-Атлымскихъ въ 1910 г, открыта министерская школа. Ближайшая церковь Кондинскаго Свято-Троицкаго женскаго монастыря (60 вер.). Разстояніе отъ Консисторіи 785 вер., отъ благочиннаго и уѣзднаго города 280 верстъ. Адресъ: Кондинское Почтовое Отдѣленіе.

. . .

Село Няксимвольское расположено на лѣвомъ берегу рѣки Сосвы. Церковь деревянная безъ колокольни, построена на средства Иркутскаго купца Алексѣя Михайловича Сибирякова въ 1893 году. Въ 1902 г. былъ открытъ при церкви самостоятельный приходъ. Одинъ престолъ во имя св. чудотв. Николая. Всего въ приходѣ 71 дворъ, прихожанъ муж. пола 287, жен. пола 271. Земли церковной нѣтъ. Церковный капиталъ 1295 руб. 35 коп. Жалованье: священнику 582 руб., псаломщику 196 руб. Кружечныхъ доходовъ получается до 120 руб. Дома деревянные, принадлежащіе церкви. Домъ священника построенъ купцомъ Сибиряковымъ въ 1895 г., домъ псаломщика построенъ прихожанами въ 1909 году. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Церковная школа помѣщается въ домѣ свя-

щенника. Ближайшая церковь въ селѣ Сосвинскомъ (600 верстъ). Разстояніе отъ Консисторіи 1790 вер., отъ уѣзднаго города и благочиннаго 700 вер. Адресъ: г. Березовъ, село Няксимвольское, Сосвинской волости.

. . .

Село Полноватское. Церковь деревянная, построена въ 1817 г. прихожанами и стараніемъ мѣстнаго священника, уже умершаго, о. Андрея Карпова. Одинъ престолъ во имя Успенія Божіей Матери. Въ приходѣ юрты: Юльевскій городокъ (320 верстъ), Эльбигортскія (280 верстъ), Хулорскія (140 верстъ), Аннинскія (90 верстъ), Выргимскія (80 верстъ), Мозьямскія (60 верстъ), Рязанскія (9 верстъ), Тугоямскія (35 верстъ), Сурейскія (50 верстъ), Вонзеватскія (44 версты), Этлаховскія (22 версты), Чуильскія (15 верстъ), Всего дворовъ 379, прихожанъ мужскаго пола 1131, женскаго пола 1131. Церковной земли ни пахотной, ни сѣнокосной не имѣется. Церковный капиталъ въ количествѣ 2959 руб. 21 коп. хранится въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Жалованье: священнику 600 руб., псаломщику 200 руб. Дома причта общественные. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Ни школы, ни попечительства нѣтъ. Ближайшія къ сей церкви—церкви г. Березова (60 вер.). Разстояніе отъ Консисторіи 1122 вер., отъ благочиннаго и уѣзднаго города 60 вер. Адресъ: г. Березовъ, село Полноватское.

Село Сосвинское расположено на высокой горѣ у рѣки Сосвы, со всѣхъ сторонъ окружено хвойнымъ лѣсомъ. Настоящій храмъ деревянный, построенъ вмѣсто прежняго ветхаго въ 1894—1898 г.г., приходъ открытъ въ 1714 году. Одинъ престолъ во имя Рождества Христова. Въ приходѣ юрты: Хангласанскія (240 верстъ), Сороднѣйскія (200 верстъ), Вогульскія (180 верстъ), Нильдинскія (160 верстъ), Оурьинскія (140 верстъ). Посолдинскія (110 верстъ), Шоминскія (70 верстъ), Кугинскія (35 верстъ), Бедканскія (15 верстъ), Тоболдинскія (35 верстъ), Аныевскія (70 верстъ), Югримскія (95 верстъ). Всего въ приходѣ 80 дворовъ, прихожанъ мужскаго пола 322, женскаго пола 294. Церковной земли нѣтъ. Капитала церковнаго также не имѣется. Жалованье: священнику 600 руб., псаломщику 200 руб. Дома для причта есть на общественной землѣ. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Въ селѣ имѣется церковно-приходская школа, помѣщается въ церковной сторожкѣ, первый выпускъ былъ въ 1907 г. Ближайшая церквовь въ селѣ Щекурьинскомъ (240 вер.). Разстояніе отъ Консисторіи 1282 вер., отъ благочиннаго и уѣзднаго города 230 верстъ. Адресъ: г. Березовъ, село Сосвинское.

БЛАГОЧИНІЕ БЕРЕЗОВСКАГО УѢЗДА.

Село Чемашевское. Настоящая церковь новая, деревянная, построена въ 1906 году. Первая церковь была построена въ 1759 г. и существовала до 1800 г., когда она была упразднена за ветхостью. Въ 1806 г. была построена вторая церковь, за ветхостью замѣненная третьей—настоящей. Три престола: 1) во имя свят. Николая чудотворца, 2) во имя Покрова Пресвятой Богородицы и 3) въ честь преподобнаго Ѳеодосія Великаго. Въ приходѣ юрты: Калтысьянскія ($^{15}/_{17}$ в.), Мулигорскія ($^{25}/_{26}$ в.), Нарыкарскія ($^{25}/_{36}$ в.), Костинскія ($^{7}/_{20}$ вер.), Тегинскія (13 в.), Кумодванскія ($^{26}/_{30}$ вер.), Вѣжокарскія ($^{46}/_{50}$ в.), Протогинскія ($^{42}/_{80}$ в.). Всего въ приходѣ 91 дворъ, прихожанъ муж. пола 364, женскаго пола 324. Церковной земли нѣтъ. Церковный капиталъ 567 р. 14 к. Жалованье: священнику 360 р., псаломщику 120 руб. Кромѣ того, причтъ пользуется $^{0}/_{0}$ съ капитала 200 руб. и кружечныхъ доходовъ получаетъ до 100 руб. въ годъ. Для причта имѣются два деревянные дома на общественной землѣ. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Въ селѣ имѣется школа, въ 1909 г. изъ школы грамоты переименованная въ церковно-приходскую. Ближайшая церковь въ селѣ Шеркальскомъ (45 верстъ). Разстояніе отъ Консисторіи 945 вер., отъ уѣзднаго города и благочиннаго 103 вер. Адресъ: г. Березовъ, село Чемашевское.

Село Шеркальское. Село расположено на правой сторонѣ рѣки Оби. Первая церковь была построена въ 1884 г. на средства прихожанъ. Въ 1901 г. 16 октября эта церковь сгорѣла. Съ 6 января 1902 года церковныя службы совершались въ церковно-приходской школѣ, обращенной въ молитвенный домъ. Въ 1906 году былъ заложенъ новый каменный храмъ во имя Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя, въ 1911 году храмъ освященъ. Въ приходѣ село Кондинское (45 в.), юрты: Шеркальскія (5 в.), Сооткурскія (10 в.), Лохтоткурскія (15 в.), Оускурскія (20 в.), Халапанскія (19 в.), Ниргинскія (90 в.), Нагакорскія (140 в.), Шухтурсорскія (160 в.), Тутзингорскія (170 вер.), Хангагорскія (180 в.), Алешинскія (20 вер.), Ханглазинскія (250 в.), Низямскія (30 вер.), Нагагорскія (35 вер.), Хармужиханскія (55 в.). Всего въ приходѣ 178 дворовъ, прихожанъ муж. пола 670, жен. пола 628. Жалованье: священнику 360 руб., псаломщику 120 руб. Кружечныхъ сборовъ получается причтомъ отъ 80 до 120 руб. въ годъ. Причтъ имѣетъ на книжкѣ сберега-

тельной кассы 40 руб. Причтъ имѣетъ два одноэтажные, деревянные, общественные домы. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Имѣется церковно-приходская школа, открытая въ 1890 году. Ближайшая церковь въ селѣ Чемашевскомъ (45 вер.). Разстояніе отъ Консисторіи 880 вер., отъ благочиннаго и уѣзднаго города 180 вер. Адресъ: ст. Кондинская, Березовскаго уѣзда.

Село Щекурьинское. Церковь одноэтажная, деревянная, построена въ 1875 году, послѣ пожара въ 1897 г. ремонтирована и окрашена внутри и снаружи. Престолъ одинъ во имя Богоявленія Господня. Имѣется одна часовня деревянная, восьмисторонняя, во имя святителя чудотворца Николая. Въ приходѣ юрты: Хонгласскія (15 вер.), Мункесскія (50 в.), Хурумнаульскія (60 вер.), Меженскія (70 в.), Лономвожскія (100 вер.), Рахтыньинскія (130 в.), Ясонскія (15 в.), Маньинскія (11 в.) и кочевья самоѣдовъ. Всего въ приходѣ 168 дворовъ, прихожанъ муж. пола 675, женскаго пола 663. На содержаніе причта отпускается жалованье отъ казны: священнику 360 руб., псаломщику 120 руб. Для священника выстроенъ въ 1894 году домъ на средства купца А. М. Сибирякова, для псаломщика въ 1905 году построенъ деревянный домъ прихожанами. Штатъ: священникъ и псаломщикъ. Церковно-приходская школа открыта въ 1902 году въ дер. Сиранъ-паулѣ, въ 5 вер. отъ села. Ближайшая церковь въ селѣ Сосвинскомъ (240 вер.). Разстояніе отъ Консисторіи 1461 верстъ, отъ благочиннаго и уѣзднаго города 500 верстъ. Адресъ: городъ Березовъ.

. . .

Городъ Сургутъ.

Городъ расположенъ на правомъ берегу р. Оби. Церковь въ городѣ каменная, построена прихожанами въ 1781 г., имѣетъ три престола: 1) во имя Святой Троицы, 2) во имя Введенія Пресвятой Богородицы и 3) во имя свят. Николая Чудотворца. Имѣются одна приписная церковь на городскомъ кладбищѣ, во имя Рождества Богородицы и двѣ часовни: 1) въ городѣ во имя свят. Николая Чудотвовца и 2) въ дер. Пилюгиной (въ 37 вер.) во имя Успенія Божіей Матери. Въ городѣ особо почитаются иконы: Знаменія Божіей Матери и Преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца. Въ приходѣ одна деревня Пилюгина (7 вер.). Церковной земли нѣтъ. Церковный капиталъ 3295 руб. 82 коп. Капиталъ причта 200 руб. Жалованье священникамъ по 600 руб., псаломщикамъ по 200 руб. просфорнѣ 35 руб. Церковныхъ домовъ нѣтъ. Штатъ: два священника, два псаломщика и просфорня. Въ приходѣ школы: 1) церковно-приходская двухклассная женская съ 1886 г., 2) министерская двухклассная мужская съ 1878 г. и 3) въ дер. Пилюгиной министерская одноклассная съ 1910 г. Церковная школа въ собственномъ домѣ. Ближайшее село Югонское (60 верстъ). Разстояніе отъ Консисторіи 862 вер., отъ пароходной пристани 7 верстъ. Адресъ: г. Сургутъ.

Благочиніе Сургутскаго уѣзда.

Село Вартовское. Церковь въ селѣ деревянная, построена въ 1908 году на средства неизвѣстныхъ жертвователей; въ 1911 году 31 января сгорѣла отъ неизвѣстной причины; сгорѣло все, кромѣ документовъ. Церковь имѣла одинъ престолъ во имя препод. Сергія Радонежскаго. Въ приходѣ кромѣ села три деревни: по рѣкѣ Оби; Ваху и Кулъ-Егонъ. Всего въ приходѣ 164 двора, прихожанъ: муж. пола 389, женск. пола 374. Церковный капиталъ 100 руб. Жалованье священнику 600 руб., псаломщику 200 руб., просфорнѣ 33 руб. Штатъ: священникъ, псаломщикъ и просфорня. Для причта построены прихожанами дома въ 1909 г. Въ селѣ имѣется училище Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ближайш село Нижне-Лушнокольское (120 вер.). Разстояніе отъ Консисторіи 1125 вер., отъ благочиннаго и уѣзднаго города 250 вер., отъ пароходной пристани 4 вер. Адресъ: г. Сургутъ.

Село Вахомское. Церковь въ селѣ деревянная, построена прихожанами въ 1908 г. Въ ней два престола: 1) во имя Богоявленія Господня и 2) переносный. Въ приходѣ двѣ деревни: Покурская, Ватинская, юрт. по р.р. Оби, Агану и Тромъ-Югану и четыре юрты. Всего дворовъ 244, прихожанъ: муж. пола 528, женск. пола 530. Приписныхъ церквей нѣтъ. Есть одна часовня въ дер. Ватинской во имя св. чуд. Николая. Церковной земли нѣтъ. Церковный капиталъ 1879 руб. 87 коп. Причтъ получаетъ % съ вклада въ 600 руб. Жалованье священнику 600 руб., псаломщику 200 руб. и просфорнѣ 36 руб. Для причта имѣются дома, построены прихожанами въ 1898 году и составляютъ собственность прихожанъ. Въ селѣ имѣется церковно-приходская школа, учрежденная въ 1897 г., помѣщается въ наемномъ домѣ и министерская одноклассная, учреждена въ 1911 г. Ближайшая церковь въ г. Сургутѣ (100 верстъ). Разстояніе отъ Консисторіи 962 верстъ., отъ благочиннаго и уѣзднаго города 100 верстъ, отъ пароходной пристани 3 вер. Адресъ: г. Сургутъ.

Село Ларьякское. Церковь въ селѣ деревянная, построена прихожанами въ 1824 году. Въ церкви два престола: 1) во имя Знаменія Пресвятой Богородицы, 2) во имя св. чудотворца Николая; имѣется переносный престолъ. Въ приходѣ пять деревень по рѣкамъ: Ваху, Ларьяку, Кулъ-Егону, Сабуну и притокамъ рѣки Таза. Всего дворовъ 303, прихожанъ: муж. пола 1012, жен. пола 897. Приписныхъ церквей нѣтъ. Въ Охтіурьевскихъ юртахъ построена часовня въ 1900 году. Церковный капиталъ въ суммѣ 481 руб. 18 коп. Причтъ получаетъ $4^1/_2$ % съ вѣчнаго вклада въ 100 руб. Жалованья священнику 600 руб., псаломщику 200 руб. и просфорнѣ 18 руб. Для

священника имѣется домъ на инородческой землѣ, построенный въ 1889 году прихожанами, для псаломщика дома нѣтъ. Въ приходѣ одна школа Министерства Народнаго Просвѣщенія, учреждена въ 1904 году и помѣщается въ собственномъ домѣ. Ближайшее село Варшавское (520 вер.). Разстояніе отъ Консисторіи 1757 вер., отъ благочиннаго и уѣзднаго города 895 вер., отъ пароходной пристани 520 вер. Адресъ: г. Сургутъ.

. . .

Село Тундринское, Сург. уѣз. Церковь въ селѣ деревянная, построена прихожанами въ 1894 году, имѣетъ одинъ престолъ во имя Великомученика Пантелеимона. Въ приходѣ 5 деревень: Кушникова (28 вер.), Нижній Ляминъ (18 вер.), Верхній Ляминъ (16 вер.), Сормановское (18 вер.), Балыкская волость (150 вер.). Всего дворовъ 176. Прихожанъ мужескаго пола 546, женскаго пола 577. Церковный капиталъ 1719 руб. 73 коп. Жалованье священнику 450 руб., псаломщику 150 руб., просфорнѣ 30 руб. Для священника имѣется домъ, построенный прихожанами въ 1898 году и составляетъ собственность крестьянъ, псаломщикъ живетъ на квартирѣ на средства прихожанъ. Штатъ: священникъ, псаломщикъ и просфорня. Въ приходѣ 2 училища Мин. Нар. Просв.—въ селѣ съ 1891 г. и въ дер. Кушниковой съ 1904 г. Ближайшая церковь въ г. Сургутѣ (75 в.). Разстояніе отъ Консисторіи 787 в., отъ благоч. и уѣздн. гор. 75 вер., пароходн. прист. 18 вер. Адресъ: г. Сургутъ.

Село Юганское, Сург. у. Церковь въ селѣ деревянная, построена прихожанами въ 1887 году, имѣетъ одинъ престолъ въ честь Богоявленія Господня. Въ приходѣ двѣ деревни по рѣкамъ Большому и Малому Югану и Оби (50—315 вер.). Всего дворовъ 219. Прихожанъ мужескаго пола 642, женскаго пола 652. Въ приходѣ одна часовня, въ юртахъ Куплондевыхъ, деревянная, крытая тесомъ, съ переноснымъ престоломъ. Церковной земли нѣтъ. Капиталъ—2154 руб. 34 коп. Причтъ получаетъ % съ вклада 50 руб. *Жалованье священнику 600 руб., псаломщику* 200 руб., просфорнѣ 40 руб. Дома причта общественные, деревянные, построены прихожанами въ 1888 году, составляютъ собственность прихожанъ. Штатъ: священникъ, псаломщикъ и просфорня. Имѣется церковно-приходская школа, которая помѣщается безплатно въ инородной управѣ. Разстояніе отъ Консисторіи 922 вер., отъ благочиннаго и уѣзднаго города 60 вер., отъ пароходной пристани 67 вер. Ближайшее селеніе гор. Сургутъ 60 вер. Адресъ: гор. Сургутъ.

. . .

ВТОРОЙ ЕДИНОВѢРЧЕСКІЙ ОКРУГЪ.

Приходы, открытые за послѣднее время въ мѣстахъ переселенія.

. . .

Сургутскій уѣздъ.

Поселокъ Покуровскій, открытъ въ наст. году.

. . .

Остатки древних городов и городищ в Берёзовском округе*

Хотя остатки древних городищ находятся во многих округах губернии, напр[имер] Тобольском, Тюменском и Курганском, но так как местоположение и внешний вид их довольно подробно уже описаны гг. Абрамовым[1] и Игнатьевым, то в настоящее время описание их представляется излишним; напротив того, сведения об остатках древних городищ Берёзовского округа, существование которых в отдалённом и малолюдном крае до сих пор мало кому было известно, представляются совершенно новыми.

Таким образом, в Берёзовском округе заслуживают внимание следующие древности.

В Казымской волости, на расстоянии 250 вёрст[2] от Берёзова на восток, в Юильском городке, населённом инородцами этой волости, с незапамятных времён существуют три древние башни, почти уже развалившиеся. Из рассказов местных жителей известно, что после заложения г. Берёзова, вследствие восстания инородцев против русских вооружённою силою, прибыл туда отряд казаков, для которых будто бы и были построены эти башни и ими впоследствии были охраняемы. Башни расположены на южном конце юрт, расстоянием одна от другой саженях в 20, треугольником на западе, востоке и юге. Крыши их уже провалились; вход же в них — с двух сторон: с северной и южной. К южной башне пристроено нечто вроде амбара вышиною в 1 и длиною в 2 сажени[3]; вся постройка из круглого леса. Башни в длину и в ширину имеют по $1^1/_2$, а в вышину 2 сажени.

В Сосвинской волости находится Искарский городок, по-остяцки *Ахтат-вуж* или Каменная гора. Эта скала находится при реке Сосве, по течению её на правой стороне; выдавшийся каменный мыс её перерезан рвом и возвышается над уровнем реки на 17 сажен, ров имеет ширину в 3 и глубину в $1^1/_2$ сажени. Против этой местности на другой стороне реки Сосвы, при устье речки Коши находится другая каменная гора, называемая остяками *Вангыр-нэл* или Выдающийся мыс. В этой горе находится ущелье, вход в которое расположен в 7

* Печ. по: Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / Сост. А.И. Дмитриев-Мамонов и К. Голодников. — Тобольск, 1884. — С. 75—76.

саженях от уровня воды; окружность же имеет несколько более сажени. За этим ущельем находится другое, вход в которое не более 2 аршин в окружности.

В Куноватской волости находятся 2 бугра или насыпи. 1) Войкарский — имеет окружность в 90 и вышину в 5 сажен. Насыпь его состоит из песчаного грунта. Бугор этот лежит по течению реки Малой Оби и у Войкарских зимних юрт; ям на нём нет, но следы строений заметны, и 2) Шерушкарский — имеет окружность в 70 и высоту в 8 сажен; насыпь его песчаная. Бугор этот, по-видимому, никем разрываем ещё не был, но, по преданиям, существующим в среде инородцев, на нём находимы были разные вещи, как, напр[имер], обломки железных стрел, медные кольца и т. п. Находки эти никуда представляемы не были, а оставались во владении их нашедших.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Абрамов Н.А.** Описание Берёзовского края // Зап. Императорского Русского географического общества. — СПб., 1857. — Кн. 12 — С. 330—447; То же. — Шадринск: ПО «Исеть», 1992. — 84 с. (Библиотечка журнала «Югра»). О Н.А. Абрамове см.: **Белобородов В.К., Пуртова Т.В.** Учёные и краеведы Югры: Библиогр. словарь. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 18; **Перевалова Е.В.** Абрамов Николай Алексеевич // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск, 2000. — Т. 1. — С. 42—43. *(Прим. ред.)*

[2] Верста = 1067 м. *(Прим. ред.)*

[3] Сажень = 2,1 м. *(Прим. ред.)*

Курганы и городища Тобольского округа и их изучение*

Е. Убыткова, И. Преображенская, М. Копотилов

На территории Тобольского округа находится немало старинных курганов и городищ — памятников, оставшихся от древних обитателей нашего края и представляющих весьма интересный и ценный материал по истории округа.

Из этих памятников только на одном «Искере» (столица татарского Сибирского царства) и Чувашском мысу (старинный татарский городок, место, где произошла решительная битва Ермака с татарами) производились Тоб[ольским] губ[ернским] музеем археологические раскопки, прочие — не только не исследовались, но даже остались неописанными, а многие, несомненно, и незарегистрированными.

Затем, конечно, часть курганов и городищ потерпела значительные разрушения и даже, может, совсем уничтожена, как естественным путём — от времени, так и от искусственного приложения лопаты кладоискателей.

Вот почему культурно-историческая секция О[бщест]ва изучения края при Музее Тоб[ольского] Севера одной из своих ближайших задач поставила производство перерегистрации всех курганов и городищ округа, сделав каждому хотя бы краткое научное описание по принятой в археологии форме.

Работа эта может быть проведена только силами филиальных отделений об[щест]ва, членов-корреспондентов и вообще всех граждан на местах, интересующихся данным вопросом и желающих помочь О[бщест]ву. Учительство может провести её совместно с учащимися путём организации научных школьных экскурсий.

В каких же местах Тоб[ольского] округа находятся известные уже курганы и городища.

---

* Печ. по: Наш край. — Тобольск, 1925. — № 4. — С. 31—35.

Согласно данным имеющейся соответствующей литературы[1] — памятники эти распределяются на территории Тоб[ольского] округа в современных его границах следующим образом.

Тобольский район

1. По левому берегу р. Тобола в Суклемских юртах, в 17 верстах[2] от Тобольска, против с. Шишкина — большой курган с конической ямой на вершине.

2. Городище, или Кучумово укрепление — близ д. Ярковой, против Архиерейского озера, в 10 верстах от б[ывшего] Абалакского монастыря (сведения М. Знаменского).

3. В 5 верст. от Абалака — 2 кургана в виде острых конусов (сообщение Н.С. Знаменского).

4. Городище Искер (Кучумово городище) — при впадении р. Сибирки в Иртыш; расположено на Алафейской горе, имеющей 35 саж.[3] вышины. Обнесено тройным валом и рвом.

5. Саускан, или Ханское кладбище — на правом берегу Иртыша, против Саусканских юрт.

6. Городище Махмет-Кула — на Чувашском мысу, в 3 верст. от Тобольска вверх по Иртышу, где была решительная битва Ермака с татарами 23 октября 1581 г. Мыс в 25 саж. вышины. Вал в 5 арш.[4] ширины, $^3/_4$ арш. вышины; ров шириною 3 саж., глубиною 3 арш.

7. Семнадцать курганов на Чувашском мысу.

8. Савинский курган — на левом берегу Иртыша, против Тобольска, близ д. Савиной.

9. Городище Сузгун, или Сузге-Тура — в 8 верст. от Тобольска, близ д. Алемасовой. Здесь большой вал в виде подковы.

10. Бегишевское кладбище — в 60 верст. от Тобольска по тракту на Ишим, при болоте и речке Ключевой. По преданию, здесь будто бы похоронено тело Ермака.

11. Касым-Тура — городок в 50 верст. от Тобольска вверх по Иртышу. Лежит на холме в 8 саж. высоты, окружён рвами и валом. Главный ров 7 арш. ширины и $1^1/_2$ арш. глубины; вал шириною 2 саж. и вышиною 1 арш.

12. Городище близ с. Кугаевского, в 15 верстах от Тобольска вниз по Иртышу.

13. Городище близ с. Бронниковского, в 37 верст. от Тобольска вниз по Иртышу.

14. Городище около с. Нового, в 145 верст. от Тобольска вниз по Иртышу.

Демьянский район

15. Городище около с. Романовского в 300 верст. от Тобольска вниз по Иртышу. На горе следы остяцкого города Чучас.

Сургутский район

16. Городище в 7 верстах от Сургута вниз по р. Оби.

17. Бардаков городок — при впадении в Обь с правой стороны реки

Трем-Югана, в 30 верст. от Сургута.

Берёзовский район

18. Городок Сек-Телек-Уш, или Юильский городок — при верховье р. Сыгвы, или Ляпина.

19. Мункежский городок — по правую сторону тракта из Берёзова в Тобольск, в 385 верст. не доезжая Берёзова, вверх по реке Ляпину, на левой её стороне.

20. Куноватский городок — в 180 верст. от Берёзова вниз по Оби, близ с. Куноватского, здесь два кургана.

21. В б[ывшей] Сосвинской волости — «Искарский городок» при реке Сосве, на правой восточной стороне. Выдаётся в реку каменным мысом, перерезанным рвом, шириною 3 и вышиною $1^1/_2$ саж. Мыс имеет высоту над водой 17 саж. и в окружности своей 110 саж.

22. Против этой местности на другой стороне Сосвы, при устье речки Кошьи — каменная гора, называемая остяками «Вынгыр-Нол», выдавшийся мыс. В этой скале есть ущелье, внутри которого следы человеческого жилья.

23. В б[ывшей] Казымской волости на расстоянии от Берёзова в 250 верст. на восток, в Юильских юртах — три древние развалившиеся башни, построенные казаками вскоре по основании Берёзова.

24. Между Самаровым и Берёзовым на половине пути, на высоком мысу — обширнейшее городище с валом и рвом.

25. Близ Ляминского сора расположено несколько городков...

Задачей местных краеведческих ячеек и отдельных краеведов является проверить по данному списку курганы и городища своего района

и дополнить список не попавшими в него памятниками, если таковые имеются.

Зарегистрировав находящиеся в своей местности курганы и городища, краевед должен на каждый памятник отдельно составить его современное краткое описание по следующей выработанной учёными-археологами форме[5].

Анкета описания курганов

1. Где лежат курганы и городища: у реки, близ села, в полях, в лесах.
2. На каком расстоянии от ближайшего селения, города.
3. Какой имеют вид. Острый с конусом, продолговатый с площадкой на вершине или одна сторона отвесная, другая отлогая.
4. Величина окружности кургана или городища, вертикальная высота кургана, обложено ли основание кургана камнями или нет, если обложено — то плитами или валунами.
5. Сохранились ли курганы в своём виде или разрушены.
6. Как много числом курганов (сосчитайте, если можно) в одном месте или они распространяются вдоль реки.
7. Не называются ли курганы каким именем по-русски и инородчески.
8. Нет ли в окрестности мест, памятных побоями.
9. Как называются окрестности курганов: речки, овраги, леса, поля, колодцы.
10. Какие у поселян предания и рассказы о курганах.
11. Нет ли признаков бывших на курганах зданий или камней в виде какой-нибудь фигуры.
12. Почва земли, на которой он основан: чернозём, песок, глина.
13. Насыпан ли курган на поверхности или основание углублено в землю.
14. Наверху в середине нет ли глубокой ямы, кольцеобразной земляной насыпи.
15. Наверху нет ли каких пней, каменных крестов, надписей.

Описание городищ

Местонахождение городища: близ какого поселения и в каком от него направлении и расстоянии, на какой реке, на каком берегу на-

ходится городище. Высота берега, где расположено городище. Форма городища — треугольник, круглый, четырёхугольник. Размер площадки, занимаемой городищем, причём должно быть обращено особое внимание на все её углубления, наклоны, присутствие камней, целость; обнесено ли городище валом и рвом. Форма и длина вала (валы с округлёнными концами, в виде кокошника, вогнутые под углами и пр.); состав валов: иногда валы насыпаны бывают из культурной земли, ссыпанной с площадки городища, иногда в основании имеют камень или щебень; направление валов, их целость, боковые и средние проходы; ширина, глубина и длина рвов; направление и вид террас и валов, идущих по скатам городищ (всякого рода уступы выходят обыкновенно из рвов городища и проходят близ его площадки или по средине склона правильной горизонтальной линией, иногда же спускаются к самому основанию горы городища и обходят его кругом, по форме представляют или правильный уступ, или же имеют вид рва, защищённого валами).

Затем следует ответить и в отношении городищ на вопросы вышеприведённой анкеты о курганах: 5, 7, 8, 9, 10.

Очень желательно как по курганам, так и городищам приложение планов самих памятников и ближайших окрестностей, а также всякого рода других дополнительных чертежей.

Описав таким образом имеющиеся в той или иной местности курганы и городища, краеведческие ячейки составленные описания препровождают в Тобольск О[бщест]ву изучения края, а отдельные краеведы, кроме Тобольска, посылают описания своему местному отделению краеведческого о[бщест]ва, где таковые имеются: с. Демьянское, с. Кондинское, с. Шеркальское, г. Берёзов и с. Обдорское.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **Голодников К.** Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и тобольские в особенности // Тобольские губернские ведомости. — 1878. — № 39—41, 44, 46—47. — 1879. — № 2—3; **Словцов И.В.** Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Изв. Имп. Томского ун-та. — Отд-ние А. — 1890. — Кн. 2. — С. 76—97. (Эта и последующие сноски оформлены не в авторской редакции, а по современным библиографическим требованиям).

[2] Верста = 1067 м *(Прим. ред.)*.

[3] Сажень = 2,1 м *(Прим. ред.)*.

[4] Аршин = 0,71 м *(Прим. ред.)*.

[5] Курганы, их раскопки, исследование и нахождение кладов / Сост. Е. Гаршин. — СПб., 1888; **Сахаров И.П.** Записки для обозрения русских древностей. — СПб.,

1851; **Антонович В.Б., Ивановский Л.К., Самоквасов Д.Я.** Инструкция для описания городищ, курганов, пещер и для производства раскопок курганов // Тр. Третьего Археологического съезда в Киеве, 1874. — Киев, 1878. — Т. 1. — 69—72; **Спицин А.** Производство археологических раскопок. — СПб., 1895.

Командировка в Берёзовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.)*

В.Н. Чернецов
г. Ленинград
Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР**

По приезде на р. Северную Сосву[1] 8.VIII. я занялся продолжением археологических разведок, начатых в 1933 г. Провёл работу в следующих пунктах: левый берег р. Северной Сосвы, между с. Сортынья и устьем р. Sortən-jā. Разведкой установлено здесь 6 городищ на протяжении 5 км. Сделав глазомерную съёмку всего участка, я произвёл разведку на трёх городищах.

В дальнейшем я перенёс работу в окрестности с. Саран-паул на р. Ляпин. Здесь разведал чрезвычайно богатое материалом, но, к сожалению, распаханное городище на берегу озера Makar-wisəŋ-tūr, городище на берегу озера Mań-ńaslan-tūr, городище на берегу озера Čəs-tшj-jāg и могильник на бору Jemdan-jāg.

---

* Печ. по: **Чернецов В.Н.** Командировка в Берёзовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г) // Советская археология. — М.; Л., 1937. — Вып. III. — С. 254—256.

** В 1933 г. на базе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого был создан Ин-т антропологии и этнографии АН СССР (постановление Президиума АН СССР от 15.02.1933.). В 1935 г. он был переименован в Ин-т антропологии, археологии и этнографии АН СССР (постановление Президиума АН СССР от 25.01.1935). В 1937 г. учреждение реорганизовано в Ин-т этнографии АН СССР и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (постановление Президиума АН СССР от 05.08.1937). В 1947 г. институту было присвоено имя Н.Н. Миклухо-Маклая. В.Н. Чернецов был принят в институт на должность консультанта отдела Сибири в 1934 г.; с 01.01.1935 — занял 0,5 ставки должности научного сотрудника 1-го разряда, а 11 марта переведён на полную ставку. С 05.05.1935 В.Н. Чернецов отставил параллельную работу в Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера (**Решетов А.М.** В.Н. Чернецов: ленинградский период жизни и деятельности (1925—1940 гг.) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. К 100-летию со дня рождения В.Н. Чернецова. — Томск, 2005. — С. 33—36). Так что поездку на р. Северную Сосьву во второй половине 1935 г. В.Н. Чернецов совершил в должности научного сотрудника Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР *(Прим. ред.)*.

Резко ухудшившаяся погода заставила прекратить археологическую работу. Вместе с собранными материалами я спустился на лодке вниз по р. Ляпин, останавливаясь в посёлках для этнографической работы. В посёлке Lɔpm-ūs, воспользовавшись ясной погодой, ознакомился с городищами Pajpəŋ-ɔ̄təṛ-ūs, где произвёл съёмку, и Tān-wārup-ēkwa, ныне распаханное. На последнем сделал сбор подъёмного материала.

В первых числах октября приехал на культбазу, где занялся разборкой и упаковкой собранного материала, так как погода не позволяла выехать с места. Рано начавшиеся морозы и снегопад не давали возможности сообщаться ни по реке, ни по суше. Лишь 15.X. я смог выйти на лыжах в пос. Rakti-jā и Lɔpm-ūs, в которых занялся этнографической работой и записью текстов.

6.XI. по просьбе администрации культбазы приехал на базу для участия в проведении Октябрьских торжеств. Последующие дни работал в пос. Sorna-pā u̯l, где удалось сходить на жертвенное место.

19.XI. выехал вверх по Сосве, работая в посёлках. Более длительно задержался в пос. Janᵢ̯ʸ pāu̯l, где удалось посетить два жертвенных места: Lep-tit-jɔka и Jipiʸ̯-ɔ̄jka.

В первых числах декабря выехал в обратный путь в Ленинград через Ивдель.

При разведке городищ собрано около 90 кг вещественных материалов. Основную часть их составляет керамика. Несколько сосудов удалось собрать почти целиком, что дало возможность установить основные типы сосудов, характерные для городищ различных эпох.

Кроме керамики, собрано некоторое количество каменных орудий, поделки из кости, рога и пр.

Проведённые археологические работы, несмотря на их фрагментарность, всё же дают возможность сделать определённые выводы, в особенности при привлечении этнографических и фольклорных данных.

В отношении городищ и поселений в землянках можно установить следующую периодизацию.

I период (догородищенский). Поселения расположены на мысах и ярах болот и озёр. Поселения эти не имеют следов укреплений — ни рвов, ни валов. Состоят из землянок площадью до 600 и более кв. метров (например, 25x25, 25x28) и глубиною свыше 4 м. Инвентарь — камень, ямочно-гребенчатая керамика. По некоторым данным, этот период, предположительно, можно датировать первыми веками нашей эры.

II период (городищенский I). Городища расположены на мысах рек и стариц. Укреплены с материковой стороны рвами и валами.

Землянки довольно большие, но всё же не достигают размеров жилищ предыдущего периода. Инвентарь характеризуется обилием керамики и разнообразием её форм. Наиболее характерны круглодонные сосуды, сплошь покрытые орнаментом, расположенным в зональном порядке, и «рюмкообразные» сосуды, нередко достигающие довольно значительных размеров. Заметно реже встречаются плоскодонные сосуды.

Очень обычен камень, представленный шлифованными тёслами, наконечниками стрел, большими грузилами, изготовленными из кристаллических сланцев пунктирной обработкой с долблёными или сверлёными отверстиями. Большое количество тиглей свидетельствует о высокой степени развития металлургии (медь).

III период (городищенский II). Расположение городищ и характер их укреплений тот же, что и в предыдущий период, но внутреннее устройство городищ совершенно иное. Землянки значительно меньших размеров (от 25 до 80 кв. м), но все они связаны между собою, так что всё городище, подобно мексиканским пуэбло, представляется как бы одним помещением, состоящим из большого количества комнат. Инвентарь резко отличается от предыдущего периода. Керамика встречается в значительно меньших количествах, обычно плоскодонная, орнаментированная лишь по венчику. Камень ещё обычен, но уже в изобилии находим железо. Тигли для плавки меди попадаются реже, чем во втором периоде. Впервые появляются указания на возникновение оленеводства. По некоторым железным предметам эти городища датируются весьма точно — XIII—XIV вв. Окончание этого периода, вероятно, не позднее XVI в.

IV период (послегородищенский). Поселения не имеют никаких укреплений, расположены в глубине леса в некотором удалении от реки. Размеры землянок в среднем не превышают 60—70 кв. м. Конструкция их ясно видна: дерево сохранилось довольно хорошо. Инвентарь беден. Керамика или отсутствует, или находится в незначительном количестве. Обычно железо. Камень не встречается (за исключением сланцевых оселков для металлических ножей).

При разведке могильника на бору Jemdan-jāg было вскрыто одно женское погребение. Инвентарь погребения близок к современному и не даёт предметов, не известных в быту манси. Датируется погребение XVIII в. Характер могилы существенно отличается от нынешнего способа захоронения. В настоящее время покойник не закапывается в землю. Труп, положенный в лодку, ставится на поверхность земли в небольшое, сантиметров 30, углубление, так, чтобы поверхность зем-

ли приходилась вровень с плечами покойника, лежащего на спине. В указанном могильнике костяк находится на глубине 1 м, и вся могила имела вид узкой длинной ямы со следами сруба и бревенчатого перекрытия, присыпанного небольшим слоем земли. Длина ямы 2 м 35 см, из которых костяк занимал 1 м 80 см, а остальная площадь была занята могильным инвентарём, сложенным в ногах покойника.

Манси указывают, что в настоящее время этот способ захоронения не применяется. Так хоронили в то время, когда жили в землянках. В пос. Lɔpm-ūs указывают кладбище, состоящее из погребений в ямах. Это кладбище, по преданию, относится к тому времени, когда в Lɔpm-ūs ещё не было бревенчатых юрт. Изменение характера погребения может быть объяснено изменением типа жилища. Могила в виде ямы со срубом, покрытым накатом и засыпанным землёй, соответствует жилищу-землянке, копией которого и является. С исчезновением землянки исчезли и эти могилы. На смену появилось погребение в наземном срубе, копирующем распространённую ныне бревенчатую юрту.

Учитывая возраст раскопанной могилы, IV период (вернее, конец его) можно датировать сер. XVIII в.

Изложенное изменение типа жилища и поселения, протекавшее на протяжении ряда веков, может быть объяснено лишь в свете развития социальных взаимоотношений угорского общества.

Гигантские землянки I периода, учитывая относительно низкий уровень техники этого времени, могли существовать лишь при наличии первобытно-коммунистических отношений. Скорее всего, мы имеем здесь дело с поселением эпохи материнского рода, и землянки эти могут быть сближены с «длинными домами» ирокезов.

II период в области техники характеризуется широким развитием металлургии (медь) и укреплёнными городищами.

Значительные размеры жилища, до 300 кв. м, позволяют предполагать ещё существование первобытно-коммунистических отношений. Но в то же время появившаяся металлургия должна была способствовать углублению специализации в производственных процессах и выделению мастера, а затем и появлению частной собственности. Обработка металла вызвала, вероятно, также развитие межплеменного и межродового обмена, что должно было повлечь за собою накопление сокровищ в родовой группе. Следует допустить, что в связи с этим должны были участиться военные столкновения, вызвавшие к жизни укрепление посёлка и превращение его в городище. Из фольклора

видим, что грабёж занимает не последнее место в военных столкновениях, наряду с похищением женщин и кровной местью.

Таким образом, этот период относится, по-видимому, к эпохе разложения материнского рода и зарождения отцовского.

III период. Путь последующего развития приводит к дальнейшему разложению рода. Экономической единицей становится или брачная пара, или небольшое количество брачных пар ближайших кровных родственников, как в современном мансийском обществе. Развитие торговых взаимоотношений с Западом и появление оленеводства способствуют дальнейшему углублению процесса. Но пережитки коммунистических отношений ещё настолько сильны, что парализуют до известной степени центробежные тенденции отдельных хозяйств.

Внешние условия те же, что и в первом периоде, но осложнённые военными столкновениями с наступающей русской колонизацией с Запада. Фольклор свидетельствует о столкновениях с ненцами.

В результате указанных условий появляется чрезвычайно интересное жилище III периода — городище, состоящее из небольших землянок, тесно связанных между собою.

В IV периоде дальнейшее развитие общества разрушило силы, спаивавшие род в единый хозяйственный коллектив. В поселениях этого времени видим, что отдельные дома не имеют между собою той связи, которую можно было наблюдать в III периоде. Но в то же время величина землянок позволяет думать, что парная семья всё же не являлась социально-экономической единицей.

Таковой была, очевидно, большая семья, состоящая из нескольких брачных пар ближайших кровных родственников. Подтверждением тому может служить как современный быт манси, где, как правило, в доме живут от 2 до 4 семей, связанных общим производством и потреблением, так и некоторые литературные источники. Эйрие указывает на 5—6 семей в одной юрте[2], а Паллас свидетельствует о существовании домов, населённых даже 30 семьями[3]. Хронологически данные Палласа совпадают с концом IV периода.

Характер поселения в это время резко изменился. Вместо городищ, расположенных на видных местах — речных мысах, хорошо укреплённых, — встречаем посёлки, прячущиеся в тайге. Успехи русской колонизации сломили военное сопротивление манси. Угнетаемые чиновниками и казаками, они стремятся лишь к тому, чтобы меньше попадаться на глаза русским.

Такой характер расположения посёлков сохранялся до недавнего времени. Теперь же, в связи с развитием скотоводства, с одной стороны, и изживанием в условиях социалистического строительства националистических настроений — с другой, можно наблюдать, как некоторые посёлки постепенно передвинулись на берег реки. Таковы, например, пос. Janʏ pāu̯l, летний Xal-pāu̯l и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Язык и морфология топонимов представлены в авторской редакции.

[2] **Эйрие Ж.-Б.** Живописное путешествие по Азии. — М., Тип. Николая Степанова, 1839. — Т. 1. — С. 46.

[3] Очевидно, указанная автором сноска («Паллас. Путешествие по разным провинциям, т. IV, стр. 56—57») ошибочна, как неправильно указана и фамилия автора в предыдущей сноске (Эейрие вместо Эйрие). В многочисленных библиографических указателях работа Палласа П.С. приводится под двумя названиями — «Путешествие по разным провинциям Российского государства» и «Путешествие по разным провинциям Российской империи». (СПб.: Императорская Академия наук). Сочинение выходило в трёх частях (не томах, как указано у В.Н. Чернецова): ч. 1 — 1773 г., ч. 2. — 1786 г., ч. 3 — 1788 г.

Рецензии

Древности Конды: субъективные заметки *(Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во НПМП "Волот", 2009)*

Е.А. Васильев
г. Томск
Томский государственный университет

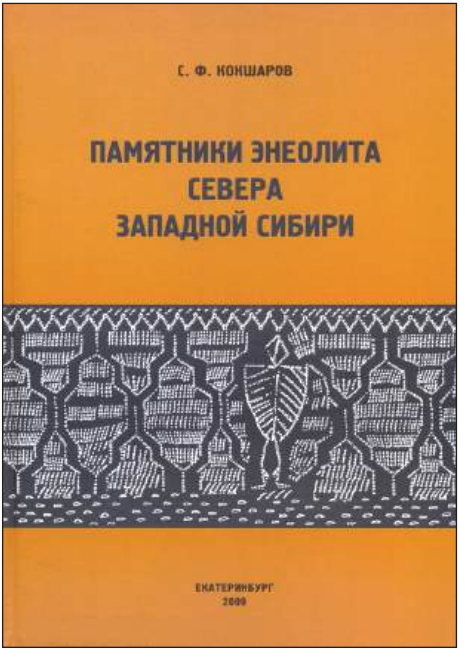
Западносибирская археология ещё не достигла того уровня изученности, когда полнота источников поставила бы полевые исследования в разряд прогнозируемых по результату. Культурно-хронологическая парадигма неустойчива и отзывчива к новым открытиям. Поэтому региональные культурно-генетические исследования, связанные с введением в научный оборот нового корпуса источников, их осмыслением или переосмыслением, чрезвычайно актуальны, значимы и приоритетны для современного состояния археологической науки.

Рецензируемая монография относится к числу именно таких исследований. Её выход замечателен сам по себе, а, кроме того, ещё и симптоматичен как проявление определённой историографической тенденции. Совершенно очевидно, что первобытная археология Севера Западной Сибири в нач. XXI столетия подступила к своеобразному информационному порогу. За последние три десятилетия века минувшего накоплено такое количество источников, появилось такое количество «предварительных» публикаций, что новый «монографический» уровень осмысления материала становится объективной потребностью. Не случайно, что первыми ласточками стали обобщающие монографические исследования по древним культурам Сургутского Приобья[1] и вот теперь — Конды. Именно в этих районах полевые исследования проводились наиболее интенсивно. Отсюда, с Барсовой горы и кондинских верховий, открывался научному сообществу мир первобытных северных культур.

Монография индивидуальна, и не только в том смысле, что на обложке указана одна фамилия. Это произведение с выраженной, достаточно оригинальной авторской позицией. С.Ф. Кокшаров хорошо известен специалистам и достижениями в полевой археологии (не только первобытной), и нетривиальным видением проблем доистории уралозападносибирского региона. В то же время рецензируемая книга — итог

коллективных усилий двух поколений екатеринбургских археологов. Без материалов и научной поддержки В.И. Стефанова и Н.К.Стефановой, Е.М. Беспрозванного, В.М. Морозова и многих других монография вряд ли состоялась бы в таком качестве и таком объёме.

Работа С.Ф. Кокшарова — пример фундированного проблемного научного исследования с продуманным алгоритмом презентации археологических источников. Под одной обложкой собраны если не исчерпывающие, то достаточно полные сведения о количестве энеолитических памятников исследуемого региона, степени их изученности и эвристическом потенциале. Подробно анализируются принципы и особенности домостроительства, камнеобработки, керамического производства. Артефакты если и не типологизированы, то профессионально описаны и атрибутированы. Текст удачно дополнен рисунками, картами, диаграммами.

Концепция культурогенеза de facto основана на принципах автохтонизма. Всё многообразие энеолитических объектов структурировано в рамках пяти типов памятников (ушьиньского, еныйского, атымьинского, пернашорского, волвончинского), четыре из которых, благодаря *«поступательной и плавной смене типов керамики»*, трансформируются в стадии энеолита Кондинской низменности. Большое внимание уделено определению абсолютного возраста каждого типа и их распределению по культурно-хронологическим пластам в рамках региональной периодизации.

Впрочем, не хотелось бы превращать рецензию в пересказ содержания работы. Этот жанр в первую очередь предполагает оценку (не более и не менее субъективную, чем авторская позиция) и рекомендации, которые в равной мере адресованы как читателям, так и автору.

Очевидные достоинства монографии нивелируются тем, что можно обозначить как тон изложения. Тон — категория не строго научная,

во многом эмоциональная, но очень важная для формирования доверительных отношений между автором и читателем. Тон, избранный С.Ф. Кокшаровым, особенно в полемике с оппонентами (их немало, и полемические пассажи составляют значительную часть работы), не позитивный, а подчёркнуто негативный. Утверждая собственные взгляды на ту или иную проблему, автор не приводит аргументы в их защиту, а стремится дискредитировать позиции оппонентов путём их голословного отрицания. Давно замечено, что скомпрометировать оппонента менее трудоёмко, нежели аргументировать собственные соображения, но какое это имеет отношение к принципам научной дискуссии?

Столь же неприемлемой представляется декларация (провозглашение без реального обоснования) методических положений, которые *«позволяют объяснить облик археологического материала»* (с. 11), то есть обосновать авторскую модель культурогенеза. При этом С.Ф. Кокшаров исходит из двух аксиоматических положений.

Аксиома первая: *«Функционирование высокопродуктивного присваивающего хозяйства предполагает оседлость коллективов и сохранение глубокой традиционности всех сторон их жизни»* (с. 11).

Аксиома вторая: *«Стабильность существования обитателей тайги была обусловлена малочисленностью и дисперсностью отдельных общин»* (с. 11).

Далее выстраивается следующая логическая цепочка:

— экономика кондинского общества высокопродуктивна — следовательно, население ведёт оседлый образ жизни;

— если население оседло, то культура традиционна и стабильна;

— если культура стабильна, то население малочисленно и дисперсно расселено;

— если население малочисленно и рассеяно, то исключаются массовые миграции, *«о которых нередко говорится в археологических работах»*.

В этой цепочке нет ни одного прочного (доказательного или бесспорного) звена. Отдаю себе отчёт в том, что анализируемая монография задумана как источниковедческая часть и предтеча будущей аналитической работы с выходом *«на исторические интерпретации, под которыми подразумевается построение моделей обществ, оставивших археологические объекты»* (с. 4). Элементарная логика научного исследования предполагает, что анализ источников и выстроенная на его основе модель культурогенеза должны стать фундаментальными блоками будущих реконструкций. Альтернативный вариант, когда абстрактная (априорная) модель определяет и предопределяет анализ источников, представляется мне бесперспективной.

Идея глубокого автохтонизма сочетается у С.Ф. Кокшарова с потребностью конструирования различных хронологических горизонтов и пластов. Термин «пласт» de facto (по умолчанию) предполагает не только синхронизацию во времени, но и определённую степень культурного единства в рамках выделяемой автором восточноуральской историко-культурной области. Но тогда каким образом вне контактов (читай миграционной подвижности) на столь широкой территории сформировались общие культурные стереотипы? Какова причина и природа значительных культурных новаций, благодаря которым атымьинскую керамику не спутаешь с волвончинской? Ответы на эти вопросы в книге отсутствуют. Как выпала из исследовательского поля важнейшая (в контексте работы) проблема происхождения энеолитической культуры бассейна Конды.

Читатель, очевидно, уже обратил внимание на преднамеренно подчеркнутую разницу в определении географических границ исследования, данную в названии рецензии («Древности Конды...») и представленную на обложке монографии («Памятники энеолита севера Западной Сибири»). Описав границы Западной Сибири, автор так и не определил рубежи её северной части. По факту в работе анализируются лишь два региона: бассейн Конды и Нижнее Приобье. Почему за пределами исследования остались территории Сургутского Приобья, бассейнов Таза, Пура, Югана, Васюгана, Ваха, Тыма, расположенные на тех же или ещё более высоких широтах, что и Кондинская низменность, даже не объяснено.

Нижнеобские энеолитические памятники привлекаются, скорее, в качестве фона, иллюстрации, сравнительного ресурса, а не равноценных субъектов источниковедческого анализа. Кроме того, в этой части монография устарела к моменту своего выхода. Вины С.Ф. Кокшарова здесь нет, просто синхронно с его монографией опубликованы статьи с презентацией энеолитической культуры, локализованной в бассейне Нижней Оби[2]. Выделение ясунской культуры создаёт новую парадигму энеолита на Севере Западной Сибири, в рамках которой, кстати, объясняются многие недоразумения, связанные с анализом пернашорских древностей. Почему новая культура названа не пернашорской, мне уже приходилось объяснять[3]. Мощные пульсации ясунского ядра культурогенеза привели не только к появлению «чистой» ясунской (пернашорской) керамики на поселении Геологическое III, но, вне всякого сомнения, в значительной степени повлияли на сложение еныйского типа.

Считаю излишним начинать в этой рецензии дискуссию по частным проблемам восточноуральского культурогенеза. Публикация монографии С.Ф. Кокшарова открывает для неё широкую перспективу и не приходится сомневаться, что эта перспектива будет реализована.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья: Кол. монография / Под. ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. — 192 с.; **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: Омский Дом печати, 2008. — 224 с.

[2] **Васильев Е.А., Глызин И.П.** Ясунское поселение — памятник энеолитического времени на Севере Западной Сибири // Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. — Томск: Изд. Том. ун-та, 2008. — Вып. 2: Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. — С. 97—117; **Васильев Е.А., Глызин И.П.** Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. — Томск: Аграф-Пресс, 2010. — С.121—124.

[3] **Васильев Е.А.** Поселение Хулюм-Сунт // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — Вып.1. — С. 59—71.

Юбилеи

С юбилеем, Виктор Александрович!

Г.В. Бельтикова, Ю.П. Чемякин
г. Екатеринбург
Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
Уральского государственного университета

Продолжается череда юбилеев уральских археологов, чьи научные интересы простираются на югорскую историю, а полевые маршруты — на югорскую землю. 1 января 2011 г. мы будем поздравлять Виктора Александровича Борзунова.

Он родился в селе Тугулым Свердловской обл. Но его школьные годы прошли уже в Свердловске. Два его последних школьных года прошли в экспериментальном историко-философском классе средней школы № 110. Куратором класса был основатель и декан философского факультета УрГУ, будущий академик М.Н. Руткевич. Лекции в школе читали такие крупные учёные, как М.Я. Сюзюмов, В.Ф. Генинг, Е.Г. Суров, Н.М. Щербакова. В 10-м классе Витя занял 2-е место на Уральской исторической олимпиаде, что позволило ему без конкурса поступить на исторический факультет Уральского государственного университета.

После окончания этого престижного вуза, с 1973 г. офицер Борзунов два года провёл в армии, а после демобилизации вернулся в университет, в археологическую лабораторию УрГУ (ныне — Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория), где и работает по настоящее время.

Свою научную карьеру Виктор Александрович начинал как «уральский» археолог. Еще на студенческой скамье он занимался исследованием погребального обряда андроновской культурно-исторической общности. Вместе с В.Ф. Генингом Виктор разрабатывал принципы систематики и сравнительного анализа древних погребений. Работа выполнялась на базе наиболее крупных из известных к тому времени алакульских могильников Зауралья и Казахстана. Кроме Владимира Фёдоровича, на становление В.А. Борзунова как исследователя большое влияние оказали и другие археологи УрГУ — В.Е. Стоянов и Е.Г. Суров.

Темой кандидатской диссертации археолога Борзунова стала гамаюнская (каменогорская) культура — одна из самых своеобразных культур Зауралья I тыс. до н. э. Источниковую базу своей работы Виктор Александрович собирал тщательно и кропотливо, в значительной степени расширив её собственными полевыми исследованиями. Используя весь арсенал доступных методов анализа, включая оригинальные для археологии, но испытанные в естественнонаучных дисциплинах (в частности, в биологии), он сумел получить максимум информации из собранного им в общем-то монотонного материала. На основе успешно защищённой в 1984 г. в Московском государственном университете диссертации «Гамаюнская культура (лесное и лесостепное Зауралье на рубеже бронзового и железного веков)» В.А. Борзунов написал монографию, которая по сей день остаётся единственным полноценным исследованием этой культуры. В книге он предложил типологию городищ доклассовых обществ, кардинально пересмотрел предложенную Е.М. Берс характеристику гамаюнской археологической культуры Зауралья.

Виктор Александрович активный «полевик». За прошедшие с 1967 г. четыре десятка лет работы он не пропустил ни одного сезона (исключая армейские годы) — принимал участие в археологических раскопках и разведках на Урале, в Западной Сибири, в Крыму. И в каждом случае он старался вникнуть в суть проблемы, довести материал до публикации. Поэтому нет ничего удивительного, что сегодня его библиографический список включает более 120 работ, в том числе монографию, разделы в четырёх коллективных монографиях, статьи в трёх региональных энциклопедиях, а также в центральных журналах «Советская археология», «Российская археология»...

На территории ХМАО — Югры В.А. Борзунов работает с 1971 г. Ещё студентом он оказался в первом десанте уральских археологов, высадившихся на Барсовой горе. С тех пор Виктор не раз возвращался в это удивительное место, руководил отрядами, экспедицией...

Работать в поле с ним легко. Будучи начальником отряда, держателем Открытого листа, Виктор Александрович готов терпеливо слушать, обсуждать с коллегами и «сахемами»* и проблемы методики раскопок, и варианты интерпретации памятника, и вопросы повседневного быта экспедиции... При этом без намёка на авторитарность по результатам этих разговоров он спокойно вносит коррективы в свои решения.

Ему посчастливилось найти первый кулайский могильник на югорской земле, исследовать уникальное захоронение мальчика с полным набором оружия (в том числе с ещё дефицитными для раннего железного века изделиями чёрной металлургии), культовыми «регалиями» и множеством престижных импортных вещей. По мнению Виктора Александровича, погребённый мог быть родственником (сыном?) местного вождя — «богатыря».

Впоследствии ареал работ В.А. Борзунова в округе расширился: вместе с коллегами он стационарно исследовал более четырёх десятков археологических памятников эпох камня, бронзы и железа (включая 16 укреплённых поселений), открыл около 200 стоянок, селищ и городищ. Археологи-сибиреведы хорошо знают основные западносибирские памятники, раскопанные под его руководством или при его участии: городища Барсов Городок I/3, Барсов Городок I/20, Амня I и Черноозерское I; укреплённые жилища Быстрый Кульёган 38 и Барсова Гора II/22; селища Барсова Гора III/36 и Барцевка III; могильники Барсовский III, Моховая XLV и Сайгатинский IV... Значительный след оставил он также в выявлении и исследовании археологического наследия Урала и Приуралья.

Масштабные изыскания Виктор Александрович проделал и при подготовке докторской диссертации, которую посвятил истории фортификационного дела Урала и Западной Сибири от эпохи камня до раннего железного века. Эта работа практически завершена. И здесь автор вновь не изменил себе в скрупулёзности и тщательности, которые составляют сильную сторону его исследовательской натуры, — предваряющий основное содержание работы словарь вобрал в себя почти 1000 определений и понятий, связанных с фортификацией и укреплёнными поселениями. В диссертации В.А. Борзунов выделил самый северный на земном шаре ареал распространения укреплённых жилищ (в тайге Западной Сибири и Зауралья), а также выявил такой культурный феномен, как городища с бастионно-башенной архитектурой на Севере Евразии в эпоху раннего железа. Сегодня осталось

* «Сахемами» в Уральской археологической экспедиции называют студентов, специализирующихся по археологии, помощников начальников раскопов.

только найти спонсора, готового профинансировать издание этого капитального труда, чтобы российская археологическая наука обогатилась новым серьёзным исследованием.

Склонность В.А. Борзунова к аналитическому мышлению, великолепная память, тщательная, всесторонняя проработка им материала, широкий кругозор, простирающийся далеко за рамки археологии, — вот те предпосылки, которые сформировали из него эрудита, высокопрофессионального археолога, разностороннего учёного. Консультации у Виктора Александровича можно получить всем и всегда. Причём даются они очень охотно и доброжелательно. Это замечательное качество плюс хорошее чувство юмора нередко делают его центром внимания любой аудитории, включая студенческую.

У Виктора Александровича, прошедшего в своё время хорошую школу у своего научного руководителя В.Е. Стоянова, есть ещё одно несомненное достоинство — умение излагать научный материал строгим лаконичным языком. Не случайно он долго являлся ответственным за выпуск сериального научного сборника УрГУ «Вопросы археологии Урала», был редактором и членом редколлегий ряда научных изданий.

Интересы Виктора Александровича не ограничиваются археологией. С детства ему привили любовь к музыке, а уже в студенческие годы он начал собирать фонотеку. Увлечение роком в 1970-х гг. даже сыграло с ним, членом компартии, нехорошую шутку. Но прошли годы, КПСС не стало, а фонотека и фильмотека Виктора Александровича сегодня насчитывает более 4000 дисков. Есть там и практически все оригинальные виниловые пластинки «Beatles». Среди фильмов значительное место занимают исторические, в том числе и на темы древней и средневековой истории. Помним, как он немало удивил нас перечислением фильмов о Чингисхане из своего собрания, при этом он сыпал не только названиями, но и фамилиями снимавшихся там актёров, достаточно профессионально оценивал их игру... А в шкафу у Виктора Александровича хранится альбом с марками, украшенными портретами монархов и президентов.

В последние годы В.А. Борзунов увлёкся рыбалкой. Как истинный любитель, он готов часами рассказывать и показывать, сколько и каких рыб он выловил, как скрывался от рыбнадзора и т. п. А ещё Виктор Александрович оказался удивительно мягким, добрым и внимательным дедом.

Коллеги Виктора Александровича искренне желают ему здоровья, творческого долголетия и удач в самых разных сферах его деятельности!

Список сокращений

автореф.	автореферат
АН	академия наук
АФС	аэрофотоснимок
БИИКФ	Библиотечно-информационный историко-культурный фонд
в.	век
вв.	века
вступ. ст.	вступительная статья
втор. пол.	вторая половина
втор. четв.	вторая четверть
вып.	выпуск
выс.	высота
г.	год *(в зависимости от контекста)*
г.	город *(в зависимости от контекста)*
гг.	годы *(в зависимости от контекста)*
гг.	господа *(в зависимости от контекста)*
ГГС	государственная геодезическая сеть
глуб.	глубина
ГМУ	городское муниципальное учреждение
ГОУ ВПО «ШГПИ»	государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Шадринский государственный педагогический институт»
ГУП	государственное унитарное предприятие
ГУТО ГА в г. Тобольске	Государственное учреждение Тюменской области: Государственный архив в г. Тобольске
д.	дело *(в зависимости от контекста)*
д.	деревня *(в зависимости от контекста)*
д.	дом *(в зависимости от контекста)*
диам.	диаметр
дис.	диссертация
ДНУ	дожимная насосная установка
док.	доклад (–ы)
ед.	единица
ед. хр.	единица хранения
ЗАО	закрытое акционерное общество
зап.	записки
ИА	Институт археологии
ИАЭт	Институт археологии и этнографии
изд-во	издательство
ИИА УрО РАН	Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЦ	информационно-издательский центр
ИКК	историко-культурный комплекс
ИКНПЦ	Историко-культурный научно-производственный центр
ил.	иллюстрация (-ии)
Императ. археол. о-во	Императорское археологическое общество
ин-т	институт
исслед.	исследование (-ия)
КА	кабинет археологии
канд. биол. наук	кандидат биологических наук
канд. ист. наук	кандидат исторических наук
кн.	книга
коммент.	комментарий (-и)
кон.	конец
конф.	конференция
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза

л.	лист
лев.	левый (-ая, -ое)
Ленин. знамя	Ленинское знамя
Лит. Рос.	Литературная Россия
л. н.	лет назад
мат-лы	материалы
МАЭС ТГУ	Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора»	Муниципальное автономное учреждение Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»
МУ	муниципальное учреждение
МУК	муниципальное учреждение культуры
науч.	научный (-ая, -ое)
науч.-практ.	научно-практический (-ая, -ое)
«НАЦ «АВКом – Наследие»	«Научно-аналитический центр «Ауди-визуальные коммуникации – Наследие»
нач.	начало
науч.	научный (-ая, -ое)
науч.-практ.	научно-практический (-ая, -ое)
НИИП	научно-исследовательский институт проектирования
НИР	научно-исследовательская работа
нов.	новый (-ая, -ое)
Новая север. газ.	Новая северная газета
НПМП	Научно-производственное многопрофильное предприятие
НПО	научно-производственное объединение
НПЦ	научно-производственный центр
ОАО	открытое акционерное общество
обл.	область
облисполком	областной исполнительный комитет
оз.	озеро
ок.	около
ОмГПУ	Омский государственный педагогический университет
ООО	общество с ограниченной ответственностью
оп.	опись
отд-ние	отделение
ОФ ХМ	Основной фонд Ханты-Мансийск [шифровка на предметах основного фонда Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске]
п.	посёлок
пгт.	посёлок городского типа
пед.	педагогический (-ая, -ое)
перв. пол.	первая половина
перв. треть	первая треть
перв. четв.	первая четверть
ПНИАЛ	Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
пособ.	пособие
прав.	правый (-ая, -ое)
РАН	Российская академия наук
РИО	редакционно-издательский отдел
РИФ	рекламно-издательская фирма
р-н	район
рос.	российский (-ая, -ое)
руб.	рубль (-и)
с.	село *(в зависимости от контекста)*
с.	страница *(в зависимости от контекста)*
сб.	сборник
сев.-вост.	северо-восточный (-ая, -ое)

сер.	середина *(в зависимости от контекста)*
сер.	серия *(в зависимости от контекста)*
СЗ	северо-запад
Сиб. православ. газ.	Сибирская православная газета
Сиб. торг. газ.	Сибирская торговая газета
см.	смотри
сн.	снято
СНК	Совет народных комиссаров
с.н.с.	старший научный сотрудник
сов.	советский (-ая, -ое)
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук
сост.	составитель *(в зависимости от контекста)*
сост.	составление *(в зависимости от контекста)*
СОЦ	спортивно-оздоровительный центр
СПб	Санкт-Петербург
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ст.	статья (-ьи)
СурГУ	Сургутский государственный университет
Сургут. трибуна	Сургутская трибуна
табл.	таблица
ТГУСУР	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
ТДК	Тобольская духовная консистория
тез.	тезисы
тип.	типография
Тобол. губерн. ведомости	Тобольские губернские ведомости
Тобол. епарх. ведомости	Тобольские епархиальные ведомости
том.	томский (-ая, -ое)
ТПП	территориальное производственное предприятие
тр.	труды
трет. четв.	третья четверть
ТТП	территория традиционного природопользования
тыс.	тысячелетие
Тюм. известия	Тюменские известия
Тюм. правда	Тюменская правда
УАЭ	Уральская археологическая экспедиция
УИФ	Уральская издательская фирма
ул.	улица
ун-т	университет
УрГУ	Уральский государственный университет
УрО РАН	Уральское отделение Российской академии наук
усл. нуль	условный нуль
уч.	участок
учеб.	учебный (-ая, -ое)
ф.	фонд
ХМАО	Ханты-Мансийский автономный округ
ЦБПО	центральная база производственного оборудования
ЦБС	центральная библиотечная система
ЦСП	центр спортивной подготовки
ч.	часть
шир.	ширина
экз.	экземпляр (-ы)
югор.	югорский (-ая, -ое)
ЯНАО	Ямало-Ненецкий автономный округ

Содержание

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

А.Н. Кондрашёв, Я.А. Яковлев, А.С. Дозморов. О долгосрочных программах сохранения объектов археологического наследия, расположенных в зонах хозяйственной деятельности, как одной из форм культуросберегающей деятельности в ХМАО — Югре 4
Ю.В. Ширин, Я.А. Яковлев. Мартиролог югорской археологии 21
Г.П. Ведмидь. Архитектурно-планировочный анализ территории археологического комплекса Барсова Гора 63
Н.В. Сухорукова. К проблеме выявления и изучения наследия тобольских иконописцев на территории Югры 99
Н.В. Сухорукова. Об установлении еженедельного хода почты между Тобольском, Берёзовым и Сургутом (по документам 1898 г.)..... 106

Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

О.И. Приступа, В.Ф. Туровинина. История формирования археологического фонда Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске 112
О.И. Приступа. Заметки о людях и экспозициях. 10-летию отдела археологии в Музее природы и человека посвящается 121
В.М. Морозов, Р.Н. Корсаков. Находки с озера Кислоры 130
А.А. Рудь. Об этнографических исследованиях в Сургутском районе ХМАО — Югры и на сопредельной территории в 2007—2010 гг. 136

Последние полевые сезоны: 2007—2009 гг.

А.А. Погодин. Поселение Большая Умытья 9: результаты полевых исследований 2007—2008 гг. в Советском районе ХМАО — Югры 146
В.А. Борзунов, Г.В. Бельтикова, Л.Л. Косинская, Е.Н. Дубовцева, Е.А. Юдина. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007—2008 гг.) 184
Е.Н. Дубовцева, Е.А. Юдина. Раскопки объектов кульёганского типа селища Барсова Гора II/19 221
В.А. Пермяков. История изучения археологических памятников в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры .. 241

Е.А. Зайцева. Результаты археологической разведки в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры 249
Т.Н. Собольникова, А. В. Кузина. Керамические комплексы Нижнего Прииртышья (по материалам экспедиции в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры в 2009 г.) 257
С.Ф. Кокшаров, А.Н. Зимин, А.И. Казанцева, А.В. Кочнев, А.И. Мотус. Изучение Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО — Югры 264
В.И. Стефанов, Т.М. Пономарёва, О.Н. Корочкова, В.М. Морозов. Городище Мильтонъяун 4 — новый памятник кулайской культуры в Среднем Приобье 268
С.А. Терёхин. Городище Островное — культовый памятник раннего железного века? 281
С.В. Александров, П.В. Пальянов. Аварийные археологические раскопки городища Нехсап 1 в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2007 г. 287
Ю.П. Чемякин, А.В. Носкова. Раскопки средневекового селища Кучиминское XXXIXс в Сургутском районе ХМАО — Югры 298
О.В. Кардаш, Т.М. Пономарёва. Аварийные археологические раскопки на городище Стрелка в Сургутском районе ХМАО — Югры 312
А.Ф. Шорин, А.П. Зыков, А.С. Кузьмина. Балинское 20 — поселение середины II тысячелетия в Среднем Приобье (раскопки 2007—2008 гг.) 322
А.В. Носкова. Раскопки могильника Сайгатинский IV в полевом сезоне 2009 г. 331
О.И. Приступа. Легенды и были Самарова городка..... 340
А.А. Рудь. Этнографические исследования в рамках проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им Лор 361
А.В. Бауло. Новые находки Приполярного этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН на территории Берёзовского района ХМАО — Югры в 2008—2009 гг. 381
Г.П. Визгалов, С.Г. Пархимович. Берёзовский кремль: некоторые результаты и перспективы археологических исследований 389
Г.П. Ведмидь. Археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) Острог: исследования 2008 года 397
М.Ю. Баранов, И.С. Чарусова. Результаты натурного обследования территории Свято-Троицкой церкви бывшего Кондинского монастыря в пгт. Октябрьском ХМАО — Югры 412
М.Н. Пальянова. Историко-архитектурные исследования в с. Малый Атлым Октябрьского района ХМАО — Югры 419

Библиографическое наследие

Т.В. Пуртова, Г.Я. Фетисова (составители). Храмы и церкви Югры: материалы к библиографическому указателю 432
Приложение: Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. – Тобольск: Типография епархиального братства, 1913. – Б. Часть вторая: Приходы и церкви Тобольской епархии. – С. 3–227. [только церкви, действовавшие на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры] 479
Остатки древних городов и городищ в Берёзовском округе 499
Е. Убыткова, И. Преображенская, М. Копотилов. Курганы и городища Тобольского округа и их изучение 501
В.Н. Чернецов. Командировка в Берёзовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.) 507

Рецензия

Е.А. Васильев. Древности Конды: субъективные заметки *(Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во НПМП «Волот», 2009)* 514

Юбилей

Г.В. Бельтикова, Ю.П. Чемякин.
С юбилеем, Виктор Александрович! 520

Список сокращений 524

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ
В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 8

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная вёрстка ООО Фирма «Ацтек», г. Томск

+7-913-829-55-20

Подписано в печать 25.08.2010 г. Формат 60x90 1/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. 32,75; уч-изд. л. 32,50.
Тираж 300 экз . Заказ .